
Обратного
хода
нет

Е. Яковлев

Г. Бакланов

Ф. Бурлацкий

А. Бовин

Л. Абалкин

Т. Заславская

Ю. Афанасьев

М. Ульянов

Б. Ракитский

В. Выжутович

А. Нуйкин

Л. Овруцкий

А. Гельман

Д. Лихачев

Г. Попов

А. Аганбегян

Г. Арбатов

А. Ципко

С. Шаталин

Н. Федоренко

Н. Петраков

Н. Шмелев

Г. Егиазарян

П. Бунич

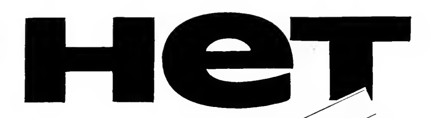
Обратного хода
НЕТ

Обратного хода

1.
Общие проблемы перестройки

2.
Каким быть хозяйственному механизму: идеи, проекты, практические решения

3.
Из истоков...

Перестройка
в народном хозяйстве:
общие проблемы,
практика, истоки

под общей редакцией
Г. Х. Попова

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 65.9(2)
О-23

Составитель *С. Н. Красавченко*

О-23 **Обратного хода нет:** (Перестройка в нар. хоз-ве: общие проблемы, практика, истоки)/Под общ. ред. Г. Х. Попова; Сост. С. Н. Красавченко.— М.: Политиздат, 1989.— 543 с.
ISBN 5—250—00460—1

Предлагаемый читателям сборник материалов посвящен вопросам перестройки в народном хозяйстве. Общие проблемы перестройки, широкий спектр точек зрения, порой далеко не бесспорных, на осуществляемую экономическую реформу, истоки идей обновления социально-экономической жизни и практические эксперименты, подготовившие почву для сегодняшних преобразований,— таково содержание газетных и журнальных публикаций, включенных в сборник.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

$О \frac{0605010000-115}{079(02)-89}$ 217—89 **ББК 65.9(2)**

ISBN 5—250—00460—1

Размышляя о путях перестройки экономики...

(Вместо предисловия)

Предлагаемый читателю сборник опубликованных в прессе материалов посвящен проблемам перестройки в народном хозяйстве. Желание издать такой сборник возникло неслучайно. Ведь время солидных монографий на эту тему еще не пришло, и жизнь «кипит» на страницах газет и журналов.

Четыре года прошло с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на перестройку всех сторон общественной жизни, обновление социализма. За этот период руководство партии выработало теоретическую концепцию и практическую программу преобразований, которые в ходе их осуществления непрерывно развиваются, уточняются, обогащаются новыми подходами. Идеи перестройки заинтересованно, а порой и страстно обсуждаются общественностью, в том числе и в печати. При этом высказываемые предложения, мысли меняются столь стремительно, что быстро устаревают самые актуальные и острые в момент их публикации статьи. Меняются в чем-то и взгляды самих авторов, по мере углубления анализа проблем, накопления и осмысления в ходе преобразований опыта как успехов, так и неудач. Поэтому, отбирая материалы, я и составитель сборника испытывали определенные трудности.

Первоначально предполагалось выстроить содержание книги в такой последовательности: обсуждение проблем перестройки — принятые решения — практический опыт их реализации. Но жизнь опрокинула эту традиционную схему. Обсуждение не закончилось, а все более углубляется. Некоторые из принятых ранее решений уже критикуются как бесперспективные, недостаточно радикальные, содержащие ошибочные положения или допускающие возможность скрытого торможения. Вместе с тем анализ практического опыта сливается с критикой реализуемых решений и обсуждением перспектив развития.

Поэтому пришлось отказаться от принятой вначале структуры, пойти на замену прежних материалов новыми, где авторы либо серьезно углубляют свои позиции, либо даже развивают новые точки зрения. Публиковать же историю развития взглядов на перестройку за первые четыре года ее осуществления не входило в наши планы (хотя такой подход по-своему и интересен).

В сборнике три раздела. В первом собраны статьи, посвященные общим проблемам перестройки. Во втором разделе представлены идеи, варианты решений и практических подходов к перестройке в экономике и управлении народным хозяйством. Третий раздел включает материалы, отражающие попытки экономических преобразований в середине 50-х — 60-е годы, которые осуществлялись тогдашним партийно-государственным руководством. Здесь помещены статьи крупных ученых-экономистов, которые остро чувствовали необходимость перестройки механизма управления и глубоко обосновали эту объективную потребность, а также материалы об опыте крупных экспериментов в практике хозяйствования.

В связи с этим есть смысл сразу же сделать одно разъяснение. Внимательный читатель, конечно, заметит, что из многих публикаций того или иного автора по вопросам перестройки мы выбрали для сборника

его раннюю статью. Сделано это намеренно. Хотя в последующих публикациях этот автор углублял, развивал, а иногда и менял свои взгляды по отдельным конкретным проблемам, однако в наиболее цельном, разностороннем и взаимосвязанном виде его позиция оказывалась изложенной именно в ранней статье. Для читателя, как нам представляется, это имеет особую ценность, т. к. позволяет ознакомиться именно с внутренне взвешенной системой взглядов данного автора по проблемам экономической реформы. Учитывали мы и другое обстоятельство: нередко именно первые неординарные высказывания автора выдвигают его в ряды «прорабов перестройки» и приносят известность среди миллионов советских людей. Учитывая эти соображения, мы в некоторых случаях и делаем выбор в пользу раннего произведения автора.

Некоторые соображения по содержанию отдельных разделов. В первом разделе сборника читатель может ознакомиться со статьями, в которых рассматриваются общие проблемы перестройки, ее направления, ее, так сказать, контекст. Читателя, по нашему мнению, не должно смущать то обстоятельство, что некоторые из статей, отдельные фрагменты, казалось бы, не имеют непосредственного отношения к перестройке в экономической сфере. На самом деле, как мы все более и более убеждаемся, эффективное решение экономических проблем прямо связано с другими вопросами общественного развития. Когда-то В. И. Ленин писал, что обсуждение частных вопросов без предварительного решения общих неминуемо обрекает на шатания и беспринципность, так как на каждом шагу приходится в этом случае натыкаться на общие вопросы.

Какие же конкретно вопросы освещаются в первом разделе?

Прежде всего, это вопрос о необходимости коренной перестройки. Он неизбежно возникает вновь и вновь. Объясняется это тем, что реализация первоначальных идей о перестройке, давая определенный эффект, в то же время убедительно свидетельствует о другом: мы еще весьма далеки от того, что нам хотелось бы достичь. Первоначальное вúдение проблемы нередко оказывается либо неполным, либо даже ошибочным. То, что принималось за целостную проблему, со временем обнаруживает себя лишь как небольшая видимая часть гигантского айсберга, основная масса которого скрыта под водой и в точных контурах нам неизвестна.

В такой ситуации сиюминутный оптимизм и безоглядная готовность тут же «учинить» перестройку сменяются паникой и страхом. И появляются такие размышления: а стоит ли вообще трогать этот айсберг? Плывет же, пусть и кое-как. Может, подождать? Глядишь, само собой все решится, что-то утрясется, а что-то прояснится в будущем.

Вот этот-то, я бы сказал, второй цикл дискуссий о судьбах перестройки, вызванный сложностями и трудностями, вставшими на ее пути, и отражен в материалах первого раздела. Позиции писателя и экономиста, актера и публициста, драматурга и философа четко просматриваются в самих названиях статей: «Теперь или никогда», «Обратного хода не имеет», «Тревоги совести», «Трудный перевал».

Общая мысль: как бы велики ни были уже выявившиеся трудности и какими бы большими они ни стали в ближайшие годы — альтернативы перестройке нет.

Второй вопрос, глубоко волнующий всех,— вопрос о трактовке перестройки. Что она из себя представляет? Реформу экономики? Изменение политики? Отказ от прежнего экономического мышления? Перестановку кадров?

В статьях первого раздела убедительно показано, что перестройка —

это решительиое обиовлеиие социалистического общества во всех его звеиьях — от оргаиизации общественио-политической жизии, производствеииииых структур до культуры, быта и иорм иравствеииости.

Одии из важиейших уроков прошлого состоит в том, что иереальиы попытки оторвать экоиомику от других областей общественной жизии, провести только в ией преобразоваиия, чтобы оиа могла и впредь «кормить» остальиые части общественного оргаиизма и обеспечивать ресурсами прежиюю политику. Напротив, иастоятельио необходимо измеиеиие всего общества как условие преобразоваиия экоиомики. Более того, имеиио перестройка политического, партийиого и других социальиых мехаиизмов во миогом непосредствеиио определяет тип экоиомической реформы. Действительио, иельзя разработать эффективиую систему оплаты труда, ие имея четкой позиции по таким проблемам, как социальиая справедливость, равеиство при социализме и миогие другие.

Третий вопрос — о характере измеиеиий. Здесь позиции авторов публикаций выражеиы одиозиачио: речь идет об измеиеиии миогих считавшихся иезыблемыми осиов жизии социалистического общества, об особого типа революции.

Четвертый вопрос — каковы же узловые проблемы перестройки? Несмотря иа разиицу точек зреиия, общий подход у авторов совпадает. Ои сводится к тому, что иа совремеииом этапе главиым стал вопрос о мехаиизме власти, о реформе политической системы, партийиого руководства обществом, перестройке виутрипартийиой жизии.

Пятый вопрос — о иеобходимости кореииого обновлеиия идеологии. Речь идет о выработке иовой коицепции социализма, учитывающей как иаследие классиков марксизма-лениииизма, так и опыт реальиого социализма. Из известиых положеиий иаучиого коммуиизма о том, что социализм — это итог творчества самих трудящихся и что практика — критерий истииы, с иепреложиостью следует вывод — коицепцию социализма иадо создавать, руководствуясь ие только логикой теоретических представлеиий, ио и иа базе реальиых итогов иаших усилий по строительству социализма.

Чем дальше продвигается перестройка, тем иастоятельиее потребиость в глубоких разработках иауки. Надо призиать, что тот теоретический задел, иа базе которого сделаи вывод о иеобходимости перестройки, в осиовиом исчерпаи. Ои был основаи иа критическом аиализе прошлого, ио, разумеется, ие мог опираться иа реальиый опыт попыток создаиия иового мехаиизма. Имевшиеся теоретические разработки были достаточиы для вывода о иеобходимости перестройки. Но для приициписальиых решеиий о путях развития иового хозяйствеииого мехаиизма иужиы ииые, качествеиио более глубокие теоретические обосиоваиия. Без таких обосиоваиий перестройка будет обречеиа иа эмпиризм, отягощеиа опасиостью серьезиых ошибок.

Годы застоя тяжело сказались иа развитии теории. Схоластика, бесплодиые умствоваиия сочетались с беззастеичивой апологетикой любых частных практических мер руководства, с восхвалеиием их как величайших теоретических достижеиий.

Наибольшие трудиости объективио возиикли имеиио иа этом участке теории. Коиечио, определеииое продвижеиие вперед было. Но фактом остается и то, что в течеиие миогих лет разработка фуидамеитальиых проблем подмеиялась умозрительиым теоретизироваиием, главиой целью которого стало «правовериое» истолковаиие цитат классиков марксизма-лениииизма либо попытки с их помощью решать коикретиые проблемы.

Недоставало главного — решительного прорыва в разработке современной теоретической модели социализма на базе творческого развития идей классиков марксизма-ленинизма применительно к запросам и потребностям практики реального социализма. Упускалось из виду, что сила и жизненность идей классиков определялись прежде всего непреходящим значением их методологии, принципами материалистической диалектики, отражающей объективные черты и тенденции развития, дающей возможность разрешать глубинные противоречия реальности. Конкретные же положения классиков, как и все истинное в науке, верны в той мере, в какой сохраняются реальные условия, отражением которых они являются. Но после В. И. Ленина, не говоря уже о К. Марксе и Ф. Энгельсе, в мире произошли грандиозные изменения. Они подтвердили гениальность и справедливость марксистско-ленинского учения и вместе с тем обусловили острую потребность в его дальнейшем развитии, необходимость того, чтобы теоретические разработки поспевали за реальными переменами как внутри страны, так и во всем мире.

Из сказанного выше вытекают две взаимосвязанные задачи. Во-первых, нужен творческий анализ классического наследия в свете практики реального социализма и реального капитализма. На этом пути предстоит во многом по-новому осмыслить всю мощь теоретического мышления классиков, преодолеть упрощенные, одновариантные интерпретации их идей. Вместе с тем, думается, нельзя избежать и переосмысления тех положений, которые не подтвердились на практике.

Во-вторых, необходимы усилия по разработке соответствующей современным реалиям теоретической модели социализма и анализу путей его движения к полному коммунизму. Требуется глубокое осмысление общекоммунистической перспективы с учетом всего того, что дала история после К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Нельзя трактовать общекоммунистическую перспективу как нечто вневременное. То, как эту перспективу видели в свое время классики, составляет одну из предпосылок ее теоретической трактовки. Другая предпосылка — анализ опыта и практики реального социализма и реального капитализма.

Надо добиваться, чтобы ни одна серьезная оригинальная мысль не пропала. Нужен смелый обмен мнениями, не связанный страхом за мнимое разрушение устоев социализма и судьбу социалистических ценностей. Мы обязаны думать о том, чтобы единомыслие не превращалось в одноплоскостные представления, мало чем обогащающие нашу практику и мешающие развитию теории, чтобы возобладал социалистический плюрализм.

Все реально существующие в науке подходы к сложным проблемам должны найти отражение, стать предметом дискуссии. Попытки сделать вид, что та или иная концепция не существует, ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике не приводят. Надо не забывать гениальное ленинское положение об относительности любой истины. Никто не обладает монополией на истину. Монополия же в науке особенно вредна. Вспомним замечательную ленинскую мысль о том, что идеализм способствовал развитию материализма тем, что искал его слабые места, нападал на них, и тем самым ориентировал материалистов на их устранение.

Конечно же все это не означает идеологической всеядности. Надо занимать четкую позицию в борьбе мнений. Но в рамках общего стремления развивать и совершенствовать социализм вполне логичны и допустимы даже противоположные мнения. Надо отделять нападки на социализм от искреннего стремле-

ния преобразовать, обновить его. Пора перестать отождествлять интересы социализма только с сиюминутными интересами данного момента, а тем более с интересами отдельных их выразителей, какими бы уважаемыми людьми они ни были. В свое время В. И. Ленин отмечал, что нельзя в инакомыслящих и инакоподходящих к делу людях видеть интригу, что надо ценить самостоятельных людей. Как известно из механики, опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Общественные науки — не механика, однако и им нужны «сопротивляющиеся» противоположности, чтобы иметь в перспективе возможность выходить на более глубокие обобщения.

Авторы статей, вошедших в первый раздел, не обходят острых углов, они сосредоточивают внимание именно на сложностях, трудностях, конфликтах. Статьи подобного рода, даже не предлагающие какого-то конкретного решения, на наш взгляд, несут бóльший позитивный заряд, чем те, в которых за гладкими фразами исчезает сама проблема. Отвергая критиканство, мы вместе с тем убеждены, что без острого критического подхода не одолеть тот крутой подъем в науке и практике, который нам предстоит.

Во втором разделе: «Каким быть хозяйственному механизму: идеи, проекты, практические решения» — представлен достаточно широкий спектр точек зрения на перестройку экономического механизма. Поднятые здесь вопросы, острота, а иногда необходимость их постановки дают богатую пищу для размышлений, подчас выходящих за рамки того круга тем, который рассматривают авторы включенных в сборник публикаций. Ведь их идеи так или иначе сводятся к ряду узловых проблем экономической теории и практики.

Среди них прежде всего следует назвать проблему социалистической собственности. Ее анализ закономерно требует ответа на многие вопросы, порожденные самой жизнью. Например, можно ли безусловно утверждать, что государственная собственность является высшей формой общественной собственности, если само государство марксистами рассматривалось как следствие незрелости коммунистической общественной формации, которое подлежит в будущем отмиранию? Как соотносятся сущность общественной собственности и различные формы ее современного существования? Каков критерий зрелости этих форм? Анализ форм собственности прямо связан с весьма актуальной проблемой отчуждения при социализме.

Сложными в теоретическом и остроактуальными в практическом отношении являются проблемы товарно-денежных отношений при социализме. Очень важен и анализ экономических противоречий социализма, форм их движения.

В современный период на первое место выдвинулись проблемы механизма хозяйствования. В конечном счете первичным является объект управления — социалистическая экономика. Сегодня трудно с научных позиций решать вопросы создания нового механизма хозяйствования, не анализируя объект — экономику. Например, норматив отчислений в фонд развития производства, науки и техники в той или иной отрасли прямо связан с оценкой уровня развития этой отрасли в нашей стране и общих темпов нововведений в ней на фоне мировой научно-технической революции. Распределение общей суммы вложений для обеспечения научно-технического прогресса между научно-техническими программами и мероприятиями по линии фондов, находящихся в распоряжении отдельных предприятий (объединений), требует оценки уровня развития НТП в данной отрасли. Так, в автомобилестроении, где новая продукция создается в объединениях,

целесообразно сосредоточить основную часть ресурсов на научно-техническое развитие именно в их руках. Однако есть и такие отрасли, перспективы развития которых зависят прежде всего от отраслевых научно-технических программ. Таким образом, механизм управления научно-техническим прогрессом не может формироваться без опоры на анализ состояния науки и техники в народном хозяйстве и составных его частях. Сходные ситуации возникают и при поиске вариантов построения других звеньев механизма управления. И во всех этих случаях в качестве базиса необходим анализ объекта — экономики.

Думаю, что читателя не надо убеждать в чрезвычайной важности проблемы отраслевых и региональных структурных сдвигов. В этой связи особого внимания заслуживают экономические аспекты ускоренного развития информационной технологии, компьютерной техники, роботизации, биотехнологии и других наиболее прогрессивных звеньев экономики. Остро стоит проблема свертывания приоритетных в прошлом отраслей и переориентации развития целых регионов.

Трудно переоценить значение систематического анализа хода развития нашей экономики, выработки рекомендаций и стратегического и тактического характера.

А вся тематика природоохранной деятельности? Общество ждет от ученых глубоких теоретических обоснований оценок загрязнения окружающей среды, подлинной потребности в атомных электростанциях или, скажем, в химических удобрениях и ядохимикатах. Наша цивилизация, как показала, в частности, трагедия на Чернобыльской АЭС, чрезвычайно хрупка. Представители всех отраслей науки, в том числе и экономической, самой жизнью подталкиваются к осознанию в полной мере своей ответственности за все, что касается жизни и здоровья людей как нынешнего, так и будущих поколений. Примером активного воздействия науки на развитие экономики служат известные решения правительства об отмене проекта переброски вод северных рек. К сожалению, развернутых экономических исследований такого типа явно не хватает. Между тем под острейшей угрозой оказываются то одни, то другие уникальнейшие природные зоны страны.

Особого внимания требует агропромышленный комплекс страны. Специфика экономических отношений в АПК, прямая зависимость благополучия каждого жителя страны от его развития обусловливают необходимость обеспечить успешное функционирование аграрной экономики на научной основе. В частности, необходимо исследовать процессы, обусловленные комбинированным использованием различных форм социалистической собственности в АПК.

Сложный комплекс проблем возникает в связи с территориальной структуризацией народного хозяйства. Это особенно касается тех случаев, когда территориальные проблемы выступают одновременно и как национальные. Эффективность их решения зависит не только от того, какое внимание мы уделяем данной проблематике, особенностям развития экономики отдельных союзных республик, но и от того, насколько откровенно мы обсуждаем экономические аспекты взаимоотношений наций и народностей нашей страны в духе стремления к реальному взаимопониманию, а не к декларируемому на словах формальному единству, которое не лечит, а, напротив, прячет те или иные экономические болезни.

Перестройка механизма хозяйствования выдвигает и ряд других сложных и острых теоретических проблем.

Многое зависит от объективного анализа хода перестройки. Общих

рассужденнй, например, об экономнческих иормативах теперь уже иедостаточио. Надо посмотреть, каково реальиое качество утвержденииых по всем отраслям иормативов. Только встав иа почву фактов, можно коикретио выявнть, что действнтельио нового в экономических рычагах, а что является иа деле адмииистрироваиием, лишь замаскнрованиым под иовое.

В связн с этим весьма актуальны мысли авторов статей, включениых в сборник, где обосиовываются подходы к установлеиию экоиомических иормативов, излагаются теоретическне осиовы определеиия госзаказов, обосиоваииых цен, введения оптовой торговли.

Одим из острейших остается вопрос о преодолеиии моиополнзма всех видов, который взращивался в течение долгнх лет заботамн отраслевых мнинстерств под видом узкой специалнзацин предприятнй. Не переводятся до сих пор любнтелн компенсировать иеумеиие хозяйствовать повышеиием цеи. Реформа цеиообразоваиия, в том числе н повышение некоторых видов цеи, неизбежна при фуикциоиировании иового хозяйствеииого механизма. Но иедопустимо, чтобы символом этого механизма стал всеобщий рост цеи, тем более иеобосноваииое повышеиие розиичиых цеи, как подчеркивалось иа заседаиии Политбюро ЦК КПСС. Борьба с бюрократическими попытками завышения цеи — долг учеиых перед иародом.

Ход перестройки требует расшнреиия возможиостей миграции деиежиых средств страиы: иакоплеиий иаселения, ресурсов предприятий, ресурсов, централизуемых в региоиальных н отраслевых оргаиах. Перестройка всей баиковской системы, включая создаиие коикурирующих хозрасчетиых баиков, слом доставшегося в иаследство от административиой системы механизма крепостиой зависимости предприятия от одиого баика, свободное движеиие процентиых ставок под воздействием спроса и предложеиня,— чрезвычайио важиый участок радикальиой экоиомической реформы.

В условиях командио-адмннистратнвной системы годамн создавалась ситуация, прн которой экономический подход противопоставлялся социализму. В итоге из поля зрения выпадали соцнальные аспекты иаучио-технического прогресса, природопользования, вообще затраты иа соцнальные нужды. Это вело к упрощеииому толковаиию н даже игиорированию коиечиой целевой устаиовкн социалистической экоиомики — удовлетвореиия потребиостей собственника, хозяииа этой экономикн. Сегодня жнзиеино важеи углубленный научный аиализ всего спектра социальных проблем экономики.

Центральиая задача перестройкн, как иас орнеитнрует партия,— актнвнзация труженика как хозяииа средств производства н как работинка. Оиа оргаиическн сочетает экоиомнческие и социальиые факторы, охватывает вопросы потребиостей, включая аиализ факторов их дииамики, особеиио в коикретиых условиях распределеиня по труду и фуикциоироваиня товарио-деиежиых отиошений, стимулироваиня материальной заинтересоваииости, реформы оплаты труда. Важиейшей составляющей экономического механизма стаиовится хозяйствеииое самоуправление, хозяйствеииая демократня, требующие глубоких обобщеннй.

В условиях перестройкн обостряется проблема заиятости и мобильиостн трудящнхся. Социалистическое общество в прннципе несовместимо с отчужденнем собственника от средств пронзводства, в том числе в такой форме, как безработица. Однако интересы повышения эффективности не могут достнгаться паразитированием худших работииков за счет лучших. Поиск путей разрешения возникаю-

щих на этой основе противоречий требует глубоких научных исследований, дабы не оказаться перед кризисными явлениями.

В новом и широком подходе нуждается использование общественных фондов потребления. Надо «отсечь» от них ту практику, вследствие которой распоряжение этими бесплатно предоставляемыми народу благами превращало любого чиновника, занимающегося распределением жилья или путевок или другой подобной деятельностью, в могущественную фигуру. Примечательно, как неравномерно делятся эти общественные фонды среди различных слоев населения, выступая порой в качестве компенсации за ненормально низкую заработную плату.

Важен теоретический анализ экономических основ, форм проявления, последствий бюрократизма, ориентированный на поиск действенных средств и методов его ликвидации.

Среди социальных проблем, как объектов научного анализа, я бы выделил инфляцию, дефицит, экономические основы, формы проявления и пути устранения нетрудовых доходов, коррупции, иных подобных социальных зол. Важное значение имеют и исследования экономических аспектов жизни молодежи, женского труда, стандартов потребления, налогообложения, пенсий, семейной экономики, наследования и т. д. Перед нами, по существу, огромная целина проблем, ждущих своего решения.

Многие из указанных тем и проблем, отдельные их аспекты отражены в статьях второго раздела сборника. Ставятся здесь и другие помимо отмеченных проблемы. В рамках разработанной партией общей концепции перехода к экономическим методам хозяйствования ряд авторов выдвигают новые подходы, нацеленные на наиболее эффективные практические шаги в преобразовании хозмеханизма.

Среди авторов этого раздела есть не только ученые-экономисты, но и известные публицисты, писатели, философы, журналисты, хозяйственные руководители. И это естественно — ведь экономика касается и волнует всех.

Немало статей этого раздела написаны в стиле, далеком от тех стандартов (точнее, шаблонов), которые утвердились в литературе по экономике. Эти стандарты были призваны и до сих пор продолжают создавать кастовость, отлучить «непосвященных» от обсуждения вопросов экономической теории, сузить круг потенциальных критиков. А с другой стороны, стандарты и шаблоны прикрывают зачастую непрофессионализм, убогость идей и предложений, скрывают всего лишь «голых королей».

По моему убеждению, надо стремиться к тому, чтобы все статьи о проблемах перестройки были бы доступными и интересными для любого читателя. Экономика касается каждого. И всякого рода попытки говорить на сугубо профессиональном языке противоречат самой сути экономики как науки. Пора писать статьи человеческим языком. Разве теория не может быть изложена публицистически? Разве классики писали свои работы, используя лишь форму научных трактатов? Сочетать фундаментальность с яркой публицистичностью, научную солидность с полемической остротой — непросто, но очень желательно. Поэтому следует всячески приветствовать поток публикаций на экономические темы в журналах, первородно далеких от экономики. В этих «кавалерийских атаках» выявляются важные и порой замалчиваемые проблемы, ставятся острые вопросы. И надо не окриками, а с помощью научных споров поднимать обсуждение на должный профессиональный уровень, учитывающий все аспекты дела. От таких совместных дискуссий выиграют все.

«Перестройка,— пишет в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М. С. Горбачев,— это назревшая необходимость, выросшая из глубинных процессов развития нашего социалистического общества. Оно созрело для перемен, можно сказать, оно выстрадало их»[1].

Арсенал конструктивных идей перестройки, проблематика ее концепции накапливались постепенно. Партия использовала рекомендации ученых, специалистов, имевшийся потенциал, все то лучшее, что создала общественная мысль. Поэтому понимание того, что и как привело нас к перестройке, очень важно. Здесь верным ориентиром служит партийный подход к нашему прошлому. Он позволяет по-настоящему изучить, осмыслить и достижения, и накопившиеся проблемы, избежать ошибок, допущенных в теории и на практике при прошлых попытках реформ. Становится возможным предвидеть «тупиковые» варианты развития, а также характер и методы действия противников. Так извлекаются уроки для работы в условиях перестройки и обновления общества.

Обращение к прошлому помогает воздать должное как ученым, пытавшимся найти верные решения проблем экономического развития, так и новаторам, которые организовывали эксперименты, и, наконец, хозяйственным руководителям, отваживавшимся рисковать, ломать привычные методы хозяйствования.

Отношение к прошлому — своего рода лакмусовая бумажка для выявления позиции к перестройке. Чем серьезнее и глубже намерение провести перестройку, тем внимательнее следует анализировать прошлое и тем критичнее должно быть отношение к его урокам. Осмысление опыта прошлого, попыток изменить существующий порядок вещей всегда поучительно для настоящего.

А желание никого и ничего не видеть до себя — это типичная черта бюрократа, который весьма склонен изобразить дело таким образом, что до него была лишь пустота и только с него начинается история. Так, кажется ему, легче выделиться и выглядеть героем. Чем ниже равнина, тем выше представляется каждая кочка. Если действительно хотеть перемен, то сама грандиозность перестройки покажет, какова была реальная высота предпринятых в прошлом попыток реформ.

И наконец, обращение к прошлому позволяет поставить на место ниых «иванов, не помнящих родства». Эти «иваны» без зазрения совести выдвигают сегодня как собственные (благо, это теперь уже не опасно) истины, высказанные задолго до них. А иные смело обвиняют авторов прошлых лет в непоследовательности и полуправде, к своей выгоде запамятовав, что в те годы надо было обладать и должным мужеством, и немалым искусством, для того чтобы опубликовать даже часть правды, и что именно эти «непоследовательные» статьи и книги готовили исподволь перестройку во времена, когда сами «иваны» наслаждались выгодами эпохи застоя. Мы не можем забывать и того, что среди тех, кто сегодня одевается в тогу последовательных борцов за перестройку, есть такие, которые в недалеком прошлом стаей набрасывались на любую живую мысль. Естественно, что таким весьма желательно забыть прошлое. Трудно верить выступающему по телевизору или в печати в пользу перестройки ученому, еще несколько лет назад получавшему премии за нечто чуждое ей и делающему вид, что этого не было. Такие «сторонники» опасны именно готовностью подстраиваться под господствующую ноту. Конечно,

[1] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 11.

никому не возбраняется исправляться, всем дан шанс перестроиться. Но искренность веры в перестройку, между прочим, проявляется прежде всего в честном отношении к своему прошлому.

С учетом всех этих соображений в третий раздел сборника включен значительный исторический материал. Конечно, подлинную историю развития концепции перестройки еще надо будет исследовать, а затем и описать. Может возникнуть такой вопрос: правильно ли при этом принимать во внимание лишь публикации в печати? Выходит, первым был тот, кому первому удалось опубликоваться? Нам приходится идти именно по этому пути, хотя он далеко не бесспорен. Но в целом появление публикации, безусловно, своего рода рубеж.

Комментируя материалы данного раздела, повторюсь, я не ставлю нереальную задачу давать оценку истории движения к перестройке экономики. Задача третьего раздела «Из истоков...» очень скромная: попытаться хотя бы частично, на документальном материале показать, что перестройка не с неба свалилась, не внезапное озарение, не прихоть одного или нескольких деятелей. Перестройка подготовлена предшествующим развитием экономики и прогрессивной общественной мысли, практическими попытками изменить сложившуюся систему управления, которая все больше превращалась в тормоз социально-экономического развития.

Для нас представляется особо значимым факт, когда то или иное положение становится частью документа: доклада на съезде или пленуме ЦК партии, на сессии Верховного Совета, строкой закона или постановления. Ибо этот факт отражает и назревшие потребности общественного развития, опыт прошлого, горькие его уроки, свидетельствует о том, что сложившиеся реалии требовали пересмотра взглядов и концепций, оказавшихся несостоятельными, разработки новых методов хозяйствования.

Ситуация, созданная Сталиным в народном хозяйстве и стране в целом, в начале 50-х гг. была такова, что диктовала необходимость коренных мер по преодолению экономического отставания, возрождения принципа материальной заинтересованности трудящихся, ликвидации явных перекосов в отношении к личному подсобному хозяйству колхозников и др. Партийное руководство, ощутив необходимость этих мер, сделало попытку освободиться от наиболее вопиющих деформаций социализма, допущенных Сталиным и его окружением, отказаться от ряда ошибочных теоретических представлений. В этом отношении характерен доклад, который был представлен Г. М. Маленковым, бывшим в ту пору Председателем Совета Министров СССР, в августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР. Здесь сразу оговоримся, что положения, высказанные в докладе, мы связываем не с личностью Маленкова, который долгие годы был ревностным исполнителем воли Сталина и несет свою долю ответственности за содеянное. Содержание доклада для нас важно тем, что руководство партии осознавало необходимость социально-экономических перемен и приступило к их осуществлению.

Итак, некоторые выдержки из доклада.

«Теперь на базе достигнутых успехов в развитии тяжелой промышленности у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления».

«Наша важнейшая обязанность состоит в том, чтобы в кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства в отстающих районах и колхозах, обеспечить быстрое развитие и укрепление об-

щественного хозяйства колхозов и на этой основе значительно увеличить выдачу на трудодни колхозникам денег, хлеба и других продуктов».

«Для того чтобы успешно решить эту задачу, правительство и Центральный Комитет партии признали необходимым осуществить ряд крупных мер по обеспечению дальнейшего быстрого подъема сельского хозяйства и прежде всего мер по повышению экономической заинтересованности колхозов и колхозников в развитии отстающих отраслей сельского хозяйства».

«Одновременно с повышением материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства колхозов правительство и Центральный Комитет партии решили также серьезно поправить и изменить неправильное отношение, сложившееся у нас к личному подсобному хозяйству колхозника».

«В этой связи правительство и Центральный Комитет партии сочли необходимым пойти на значительное снижение норм обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников... изменить систему обложения колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет».

Следует отметить и постановку вопроса о развитии производства товаров народного потребления и изменении соотношения темпов роста тяжелой и легкой промышленности, что было закреплено пятым пятилетним планом.

И наконец, в тот период были предприняты первые в нашей истории, после начала индустриализации, шаги остановить рост аппарата управления.

По существу, перед нами попытка пересмотра ряда стратегических положений развития экономики, намеченных Сталиным. И осуществлена она всего через несколько месяцев после его смерти. Есть поэтому все основания предполагать, что концепции развития социализма, альтернативные сталинской модели, созревали уже давно.

Новые подходы в организации экономической жизни, преобразовании механизма хозяйствования в послесталинский период наиболее ярко воплотились в деятельности Н. С. Хрущева. В докладе на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев последовательно развивает идею, что только на основе усиления материальной заинтересованности хозяйств и самих работников можно поднять сельское хозяйство. В докладе была дана широкая трактовка рычагов материальной заинтересованности: от цен и налогов до оплаты труда и отношения к приусадебному хозяйству. Со всей решительностью отстаивается мнение о недопустимости всеобъемлющего централизма, о необходимости предоставить более широкие права местным органам.

В докладе на сессии Верховного Совета СССР в мае 1957 года Н. С. Хрущев развивал идею преодоления чрезмерного централизма применительно к управлению промышленностью. Он отмечал, что численное сокращение управленческого аппарата, хотя и весьма существенное, почти на миллион человек, не дало ожидаемых результатов. Надо идти на радикальное преобразование — изменить саму структуру управления.

Впервые был поставлен вопрос о том, что структура управления, сложившаяся в годы индустриализации, не является чем-то неприкосновенным и единственно мыслимым при социализме. Нам, которым год за годом буквально вбивали мысль, что государственная собственность и власть министер-

ства — это одно и то же, вдруг стало ясно, что это разнопорядковые явления. Надо правильно оценить все значение этого раскрепощающего мышление положения — я в свое время испытал это на себе.

Создание совнархозов, отмечалось в докладе, позволяет вскрыть новый пласт резервов, заключенных в территориальном подходе. Восстановление в правах местной инициативы и территориального подхода было одним из положительных следствий реорганизации 1957 года. При этом расширение прав местных органов прямо связывалось с расширением прав и директоров предприятий.

В докладе была поставлена задача повысить роль централизованного планирования, особенно в сфере перспективного планирования, на основе разработки пятилетних и долгосрочных планов. Совершенствование планирования предполагалось сочетать с усилением финансово-кредитной системы, хозрасчета, налаживанием прямых хозяйственных связей, оптовой торговли. Перед нами попытка осознать новую роль центра в социалистическом управлении.

Особое место в подходе Н. С. Хрущева занимал вопрос о формах партийного руководства экономикой. Поэтому уместно вспомнить доклад Хрущева на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1962 года. Не касаясь существа предложений (вопрос этот требует серьезного исследования, особенно в свете того, что их критики, находившиеся и в руководящем эшелоне, впоследствии активно содействовали насаждению механизма торможения), надо отметить, что в последние годы Н. С. Хрущев все яснее осознавал внутреннюю связь всех элементов политической системы и все больше сосредоточивал внимание на ключевом ее звене — партийном руководстве.

На Пленуме ЦК КПСС летом 1955 года, впервые после начала индустриализации, были рассмотрены проблемы ускорения научно-технического прогресса. На Пленуме подчеркивалось, что в деле технического прогресса в ряде отраслей промышленности имеются серьезные недостатки. Медленно внедряются в производство достижения науки и техники, плохо используются имеющиеся огромные резервы промышленности. Уровень механизации и автоматизации производственных процессов в промышленности, на транспорте и в строительстве все еще недостаточен. Мало внимания уделяется разработке и освоению передовой технологии производства.

Признавалось, что создаваемые нашими машиностроителями многие образцы машин и оборудования по своим техническим характеристикам отстают от лучших образцов, выпускаемых за границей. Некоторые научные учреждения и ученые работают оторванно от запросов промышленности и сельского хозяйства, занимаются отвлеченными и малозначащими темами. Есть такие научно-исследовательские учреждения и «ученые», которые годами ничего не дают стране. Многие руководители министерств и ведомств, работники научных учреждений, проектных и конструкторских бюро, руководители предприятий недооценивают достижения зарубежной науки и техники.

На партийном форуме внимание коммунистов, рабочих и руководителей промышленности и других отраслей было обращено на плохое использование техники, в том числе импортной.

Особо говорилось о правах директоров предприятий, а точнее, об их бесправии. Ограничение прав директоров предприятий приводит к снижению их ответственности за состояние производства. В интересах дела, указывалось, необходимо

покончить с негодной практикой, сковывающей инициативу директоров предприятий и не дающей им возможности быстро и оперативно решать неотложные хозяйственные вопросы.

Директор предприятия, как непосредственный командир производства, должен обладать широкими правами, вести дело на основе строгого хозяйственного расчета, полностью отвечать за рациональное использование всех предоставленных в его распоряжение ресурсов. Между тем министерства и главные управления часто изымают сверхплановые прибыли и часть оборотных средств у хорошо работающих предприятий и за их счет восполняют недостаток оборотных средств у плохо работающих предприятий, создавая тем самым видимость финансового благополучия последних.

На Пленуме четко прозвучала мысль о важнейшем значении научно-технического прогресса для будущего развития нашей экономики, дана трезвая оценка состояния дел на этом участке. Я помню, каким шоком были мысли, высказанные на Пленуме, после многих лет непрерывного восхваления приоритетов русской и советской науки. Ведь в те времена считалось, что только «безродные космополиты» клеветы ради могут говорить о каком-то нашем отставании. У нас — все лучшее: лучшая в мире физика, лучшая в мире биология и т. д. А то, чего у нас нет — кибернетики или генетики,— этого и не надо, это ведь лженауки. И вдруг на Пленуме ЦК партии советские люди услышали о нашем отставании. Это уже было отставание нового типа — «социалистическое», возникшее при социализме, его продукт, а вовсе не наследие царизма. Услышали о том, что социализм автоматически не гарантирует прогресса науки и техники.

И хотя сами по себе предложенные меры были, по существу, полумерами, постановка проблемы соотношения социализма, его системы управления с задачами научно-технического прогресса означала существенное обогащение управленческой тематики. Надо признаться, что, говоря об ускорении НТР не одно десятилетие, мы так и не смогли полностью преодолеть те недостатки в развитии науки и техники, о которых говорилось еще в 1955 году.

В послесталинский период, как уже указывалось, вопросы судеб сельского хозяйства, создания материальной заинтересованности тружеников села в преодолении отставания этой жизненно важной отрасли приобрели в экономической политике партии и государства важное значение. В этой связи ради исторической справедливости следует вспомнить доклад Л. И. Брежнева на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Конечно, подчеркнем при этом, что ни по масштабу и глубине замыслов, ни по результатам руководящей деятельности, ни, наконец, по личным качествам Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев не могут быть поставлены рядом.

Некоторые положения доклада как будто повторяют установки Н. С. Хрущева. И это не только внешнее впечатление. Речь шла о восстановлении всего того правильного, что когда-то отстаивалось Н. С. Хрущевым, но оказалось нарушенным на практике в период его пребывания у власти. Не устранив административной системы, Н. С. Хрущев вынужден был отступить под давлением интересов аппарата этой системы и внутренне присущей ей идеологической догмы о переходе к коммунизму в ближайшие годы (что оправдывало любое администрирование, якобы сулящее ускорение в движении к конечной цели). Демарши Н. С. Хрущева, внешне выглядевшие как сугубо

субъективистские и волюнтаристские, имели своего рода логику: те из них, которые противоречили существовавшей системе, оставались в начинаниях, а те, которые отвечали ее интересам, быстро реализовывались.

Курс на развитие сельского хозяйства, отвечавший требованиям жизни, в свое время провозглашенный Н. С. Хрущевым, в докладе на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС был не только восстановлен, но и развит.

Какие меры предлагались на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС? Перечислим их коротко. Переход к твердым планам закупок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет по республикам, областям, краям, районам, колхозам и совхозам. Одновременно повышались основные закупочные цены на пшеницу, рожь и некоторые другие зерновые культуры, а для совхозов также и на подсолнечник. Наряду с плановыми заготовками вводилась сверхплановая закупка основных продовольственных культур.

В целях увеличения продуктов животноводства предлагалось снять ограничения по содержанию скота в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих.

Провозглашался курс на всемерное развитие и процветание обоих видов общественного хозяйства, государственных и кооперативных предприятий, подчеркивалось, что коренные вопросы общественно-экономических отношений в деревне нельзя решать кампанейски, административным путем.

Особо оговаривалась недопустимость нарушений демократических основ колхозного строя. «Колхоз — это общественная, кооперативная организация, она не может нормально жить и развиваться, если нарушены ее демократические основы. Поэтому необходимо во всех колхозах обеспечить строгое соблюдение демократических принципов управления делами артели».

На Пленуме говорилось о необходимости подготовить предложения по улучшению оплаты труда в колхозах, продумать вопрос о создании денежных и натуральных фондов для гарантированной оплаты труда колхозников.

Практика командования и администрирования, мелочной опеки, подмены руководителей, специалистов колхозов и совхозов, любые проявления парадности и шумихи должны быть искоренены.

Однако в последующий период слово и дело, провозглашенные принципы и повседневная реальность разошлись весьма далеко, что имело весьма тяжелые последствия для нашей страны.

Крупные инициативы, направленные на позитивные перемены в сельском хозяйстве, дав временный эффект, захлебнулись. Серьезно помешали этому субъективистские и волюнтаристские ошибки тогдашнего партийного руководства, отсутствие политической воли довести начатое дело до конца, безынициативность, а в дальнейшем и произвол, что привело в конечном счете к застою в экономике, аномальным явлениям в социальной и духовно-нравственной сферах. Сказанное выше имеет прямое отношение к судьбе хозяйственной реформы, начало которой было положено решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

Принципиальное значение с точки зрения проблем перестройки имеет доклад А. Н. Косыгина на этом Пленуме.

Прежде всего был сделан вывод о ключевом значении изменений в методах управления. Было показано, что не структурные реорганизации, а механизм управления является базисным фактором. В этом едином механизме, как отмечалось, необходимо обеспечить правильное сочетание централизма и самостоя-

тельности, ограничив первую и расширив вторую стороны его. Далее была подчеркнута суть назревших перемен: перейти от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам.

И хотя экономические методы в основном толковались как заинтересованность в принятии и выполнении директивных заданий и были сведены до уровня предприятия, трудно переоценить значение сделанных тогда шагов.

Несколько слов о реформе 1965 года и конкретных причинах того, почему она не дала предполагаемого эффекта. Если говорить коротко, можно назвать несколько причин.

Во-первых, в 1965 году число показателей сокращалось, но они оставались директивными, административно обязательными. Говоря в целом, сам замысел реформы заключал идею полюбовного мира экономического и административного начал. Попытка эта завершилась победой той стороны, которая осталась более сильной,— административной.

Во-вторых, отрицательную роль сыграл механизм внедрения. Тогда возобладало мнение, что постановлений ЦК партии и Совета Министров СССР недостаточно и необходимы «конкретные» инструкции. Эти инструкции нередко топили сами идеи реформы. Еще бы я сказал об «административных капканах» для реформы. В 1965 году они сыграли роковую роль. Речь идет о положениях, казавшихся процедурными и техническими, но ставших решающими. Например, сохранялось среди директивных показателей то, что принято называть «обязательной номенклатурой»,— перечень изделий, которые надо делать. Кто мог предположить, что уже через год-два удельный вес обязательной номенклатуры охватит все 100 процентов выпускаемой заводом продукции и сделает бессмысленным фонд развития, на деньги которого нечего купить,— ведь потенциальный поставщик целиком загружен заданиями, определенными вышестоящими органами.

В-третьих, реформа так и не поставила трудовые коллективы в активную боевую позицию, не сделала их главной силой перестройки, не начала экономическую гражданскую войну сторонников эффективного хозяйствования и сторонников административного порядка и административной сбалансированности. Заводам сохранили гарантированный сверху фонд зарплаты как основной и свели роль премий к 10—15-процентной добавке. Сохранили гарантированную оплату работникам всех хозяйственных органов независимо от итогов работы. И наконец, реформа исходила из идеи, что возможно осуществить в стране коренные экономические преобразования, не затрагивая социальную и политическую сферы жизни общества, не перестраивая механизм партийного руководства экономикой и механизм самой внутрипартийной жизни.

Несбыточность такого рода иллюзий надо понять до конца, чтобы не повторить ошибок прошлого.

Без реформы 1965 года, без ее уроков, анализа успехов и конечного поражения нам было бы очень трудно правильно определить сегодняшние проблемы перестройки.

В выработке идей мартовского и апрельского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС и последующего курса КПСС несомненную роль сыграли идеи Ю. В. Андропова. В них вновь на первый план была выдвинута задача перехода к экономическим методам, так и не реализованная в период после 1965 года. Тем самым преодолевались иные варианты перестройки: по пути формирования общекоммунистических начал и т. д.

В истолковании экономических методов Ю. В. Андропов пошел дальше идей реформы 1965 года, сделав упор на реализацию базисного принципа социализма — распределение по итогам труда. И здесь он опирался на оценку важнейшей роли распределения по итогам труда, данную К. Марксом. Недооценка именно этого принципа ведет к непониманию сути социализма, к попыткам миновать его на пути к полному коммунизму. Эти идеи нашли отражение в известной статье Ю. В. Андропова, имеющей большое теоретическое и практическое решение и озаглавленной «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Само название статьи указывает этап исторического развития нашего общества, то место, на котором мы находимся реально.

Решительный разрыв с коммунистическим декретированием, упор на необходимость учета реального состояния дел, оценка распределения по труду как главного рычага, позволяющего изменить экономическую ситуацию,— таково основное идейное содержание названной статьи.

В первой части третьего раздела сборника представлены работы ученых-экономистов, которые внесли определенный вклад в разработку концепции перестройки механизма управления экономикой, осуществляемой сейчас.

В числе этих материалов статья В. С. Немчинова (1894—1964 гг.) — выдающегося советского экономиста, академика, лауреата Государственной (1946 г.) и Ленинской (1965 г.) премий. Далее статьи В. В. Новожилова (1892—1970 гг.), заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора, лауреата Ленинской премии (1965 г.), а также Е. Г. Либермана и А. М. Бирмана — ученых, сыгравших видную роль в научном обосновании реформы 1965 года.

Я не беру на себя задачу давать оценку предложениям, а тем более научной деятельности этих авторов в целом. Даже отбор авторов страдает определенным субъективизмом. В частности, в сборник включены статьи авторов, которых уже нет в живых. Им, их памяти в первую очередь, думается, надо воздать должное. Вторую часть данного раздела составили материалы, посвященные практическим экспериментам в экономике. Здесь трудно было бы рассмотреть полностью историю даже одного из них, ибо именно практические шаги вызывали наиболее острую, наиболее сокрушительную реакцию господствующей системы. Но без обращения к накопленному опыту хозяйственного строительства истоки сегодняшних преобразований не были бы выяснены до конца. «Этот опыт со всеми его достижениями, перегибами, а то и ошибками,— говорил на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев,— является школой, уроки которой для нас важны и для настоящего, и для будущего»[1]. В книгу вошли материалы о знаменитом щекинском эксперименте и об эксперименте в Акчи. Судьба этих попыток, буквально раздавленных Административной Системой, почувствовавшей в них смертельную угрозу, очень поучительна для нас. Она служит серьезным предостережением против малейшей недооценки всей мощи механизма торможения.

Подводя итоги, я бы хотел еще раз подчеркнуть: подлинная перестройка только начинается, и этот сборник, мы надеемся, внесет свой вклад в общее народное дело, возглавляемое партией.

Гавриил Попов,
доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы экономики»

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года. М., 1987. С. 43.

1.

Общие проблемы перестройки

Е. Яковлев

Г. Бакланов

Ф. Бурлацкий

А. Бовин

Л. Абалкин

Т. Заславская

Ю. Афанасьев

М. Ульянов

Б. Ракитский

В. Выжутович

А. Нуйкин

Л. Овруцкий

А. Гельман

Д. Лихачев

Г. Попов

Е. Яковлев

Четыре дня. Как это было

(Заметки делегата XIX Всесоюзной конференции КПСС) [1]

Был одиннадцатый час ночи, когда Михаил Сергеевич Горбачев начал свое заключнтельное слово. В одиннадцать — делегаты запели «Интернационал».

Вместе со всеми повторял знакомые слова, и возвращалось что-то давно прочитанное, полузабытое. Лишь выйдя из Кремля, шагая в иесмыкающейся синеве летней ночи, понял, что вспоминаю Джона Рнда. Дома достал с полки его «Десять дией, которые потрясли мнр». Джон Рнд рассказывал о II съезде Советов, о рожденни власти рабочих н крестьян, о том, как, вырвавшись нз освещенных окон Смольного, несся над ночным Петроградом «Интернационал». Во нмя этнх минут, пишет он, «тысячи, десяткн тысяч погиблн в тюрьмах, в ссылке, в снбирских рудниках. Пусть все свершилось ие так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»

Перечесть знакомые строки в давно известной книге захотелось после четырех дней раскаленных днскусснй, бурного выражения различных точек зрения, ладоней, отбитых аплодисментами «за» и аплодисментами «против», когда снлишься понять других и стараешься до донышка быть нскренним с самим собой, когда живешь неведомой, не испытанной прежде жизнью откровенных политических страстей. И понимаешь: это та жизнь, которая столько десятилетий была отнята у твоей партии, а значит, и у тебя. И все-такн свершнлось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы. Могли ли представить себе — как это будет — те тысячи, десятки тысяч, кто явно или в тайниках души своей противостояли сталннскому самовластню и в большинстве своем погнбли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках... Делегаты конференцни решили сделать то, что надо было сделать давно: в Москве соорудят памятник жертвам беззакония и репрессий.

Приношу извинения, что так долго продвигался к выражению очевндной мысли: в стране свершилась нравственная революция. Да, впереди множество непочатых дел, мы лишь на первых ступенях перестройки, но нравственная революция произошла. Страх, покорность, демагогия, жнзнь с закрытыми глазами, как нгра в кошки-мышки,— люди освобождаются от всего этого. Человек меняет кожу.

Нравственная революция иарастает, как нарастал деиь за дием драматнзм конференции, ее полнтнческая откровенность. От общих откликов на доклад Михаила Горбачева ко все более глубокому его постижению; от первого выражения неудовлетворенности ходом дел к жесткому анализу неудач, постнгших нас не во времена оны, а на протяженни последиих трех лет; от заявлений об ответственностн каждого к определению основ нашей общей безнравственности. Они в прнвычке поколений: кланяйся сегодня ниже, завтра за это тебя не упрекнут. И не упрекаем! Далеко не всем героям застоя

[1] Моск. новостн. 1988. № 28.

пришлось держать ответ за минувшее, говорили делегаты. Разве спросили с тех, кто делал из Брежнева полководца всех времен и народов, или, скажем, призывал советских литераторов учиться у него писать? Спросить между тем следует. Не жестокости ради, а во имя будущего. По тому же примерно резону, которым руководствовался писатель Б. Олейник, предлагая с трибуны конференции назвать имена доносчиков во времена репрессий: «Засветив» имена «стукачей» прошлого, мы нанесем превентивный удар и по тем, кто еще только собирается взяться за это грязное предприятие». Ответом на его предложение был гром аплодисментов.

Поначалу зал, казалось, не слишком был расположен к изъявлению чувств. Первые аплодисменты прозвучали через час после начала доклада, когда М. С. Горбачев выразил глубокую признательность всем, чьей судьбы коснулась, кого опалила война в Афганистане... А потом рукоплескали по нарастающей.

Порой это представлялось даже трудно объяснимым. Самозабвенно аплодировали В. Кабаидзе, когда тот расправлялся с министерством, словно шашкой рубил, и приветствовали тех, кто призывал осторожней пользоваться оружием критики. Громом аплодисментов ответили на выступление писателя Ю. Бондарева, риторически вопрошавшего: «Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?» И так же горячо одобрили выступление генерального директора межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» С. Федорова, который отвечал предшествующему оратору: «...когда товарищ Бондарев говорил, что мы взлетели и не знаем, куда сесть, он, может быть, и не знает, куда сесть. Он писатель. А я, например, знаю». Несмолкающей овацией проводили с трибуны Б. Ельцина и хлопали тем, кто критиковал его...

В чем же дело? Кому-то начинало казаться, что у зала нет своей позиции, если откликается он рукоплесканиями по прямо противоположным поводам. Но думаю, что сказалось иное. Зал радовался, зал приветствовал то, чего давно уже не было на подобных форумах: рождение собственной мысли, выражение собственного мнения, умение это сделать по-своему.

Впрочем, аплодировали, не только приветствуя, но и осуждая. Это началось уже на втором заседании: зал прерывал хлопками секретаря Московского горкома В. Беляинова, речь которого не отличалась ни мыслями, ни наблюдениями. Секретарь Московского горкома оказался первым, кто испытал на себе недовольство зала. Заметим, Московского — и это тоже знаменательно.

Еще недавно из многих городов и областей раздавались просьбы снабдить их не только маслом и мясом, но и перестройкой — в отличие от Москвы, где есть и то, и другое, и третье. А в канун конференции через стихийные митинги в Омске, Ярославле, в других городах, через демократическое творчество масс на местах — именно на местах — люди наконец-то поняли, какие права и возможности открывает перед ними эпоха обновления. А отведав однажды прежде запретный плод, они уже не остановятся. Изменения на местах станут происходить быстрее, чем в Москве, нарастать. Как нарастали они все эти четыре дня в Кремлевском Дворце съездов, где зал беспрестанно преодолевал самого себя.

Признаюсь, для меня было неожиданным, когда уже в самом начале прений делегаты рассмеялись в ответ на заявление первого секретаря Кемеровского обкома партии В. Бакатина. А сказал он вот что:

«...в общем-то доклад снял все вопросы, ответил иа все сомиеиия, и вроде бы можио, как говорится, на этом выступлеиие и закоичить». И зал откровеиио смеялся: мол, зачем же тогда просил слова?!

А потом в президиум поступнла запнска: «Прошу потребовать от выступающих говорить только по повестке дня, прекратнть самоотчеты и восхваленuя ходу обсуждеиия Тезисов — это заинмает миого времени. Делегат Чепаинс». Поначалу и эта записка прозвучала иеожиданно. А следом было миого подобных. Высказывалнсь упреки президиуму: почему выступают штатные ораторы — дайте слово рабочим, колхозиицам, служащим. Уже в последний деиь работы коиференцинн, сорвавшись с места, броснлся к трнбуие Ю. Сурков: «Товарищн, я рабочий Московского завода по обработке специальных сплавов. Как здесь уже говорнлось, времеин у нашей конференцнн осталось буквально всего иичего. И я ие могу сидеть на месте н наблюдать, как это время иекоторымн выступающнмн буквальио разбазаривается». На одиом дыхаинн сказал все, что хотел, н, уже сходя с трибуиы, услышал от Горбачева: «Поддерживаю. Молодец!»

...Зал рождался вновь, шаг за шагом ои становился ииым, чем был в самом иачале. Порой оказывался излишне резок, поразительио нетерпим. Не пожелал, например, выслушать то разумиое и важное, с чем обратился к делегатам пнсатель Г. Бакланов. «Демократня предполагает: пусть каждый делегат говорит, а вы можете попроснть слово н высказать свое отиошеиие»,— выиуждеи был напомнить собравшимся Горбачев.

Но больше всего обвиияли в иетерпнмости печать. Ей вообще досталось. «...Меня беспокоит вопрос: почему в этом зале витает какая-то, я бы сказал, заметная неприязиь к печати, к работникам прессы?» — говорил с трибуны главный редактор «Правды» В. Афанасьев. Этот вопрос заиимал миогих, и каждый по-своему искал иа иего ответ. Например, по миеиию главиого редактора «Известий» И. Лаптева, делегаты просто ие разобрались в миоголикости нашей печати: «У иас есть газеты, которые выходят иебольшим тиражом и допускают какие-то свон промахи. У иас есть пресса, которая выходит десяткамн миллиоиов экземпляров...» Смысл: миллиоииотиражиая пресса работает без ошибок. Но если следовать этой логнке, куда же отнести газету «Советская Россня»? Тираж ее больше 5 миллиоиов экземпляров. А промах всем известеи: публнкация письма Аидреевой, ставшего маиифестом аитнперестроечиых сил.

О чем же шел спор иа коиференции? О нужности и пользе гласности или же о взаимоотиошеииях общества с печатью? Полагаю, что о последием. Никто, иачииая от главных редакторов и коичая корреспондеитами, не был готов к тем политическим возможиостям, которые открыла перестройка для средств массовой ииформации. Нельзя же лечь спать иемым, а проснуться разговорчивым.

Слишком долго печатиое слово было приравнеио к слову прокурорскому. Оио утверждало истину в последией нистаиции, иаграждало иесмываемымн ярлыками, обвнняло и посылало на скамью подсудимых. И ие подсчитать теперь, сколько же бед, нифарктов, скоропостижных коичин прниесло это печатнопрокурорское слово. Непостижимо, но это так: печать — оружие демократии н гласностн — была знаменем произвола и иемоты. Слишком дорого обошлось это обществу — и люди болезнеиио реагируют сегодия иа каждую иеточиость.

Казалось бы, мы, народ, который за миогие годы должеи был усвоить: слово ие воробей: вылетнт — не поймаешь... Тебя же за него иепремеиио разыщут. И в то же

время нам ничего не стоит обидеть другого неправедным словом, навести сгоряча напраслину. Этим страдает журналистика, и не только она. Берет слово на конференции, например, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Е. Соколов и заявляет, что выступавший перед ним академик Абалкин выразил «сомнение по поводу возможности обеспечить демократизацию при однопартийной системе и советской организации общества». Быть может, ученый и не во всем был прав, но подобных сомнений он не выражал. Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Ф. Попов справедливо обеспокоен фактами, почерпнутыми из журнала «Огонек»: среди делегатов конференции оказались те, кто проявил себя на ниве взяточничества. В это трудно поверить, и делегат обвиняет главного редактора журнала В. Коротича: «Надо же иметь предел развязности в этом деле!» Но вот с представленными на четверых человек материалами знакомится мандатная комиссия: материалы оказываются достаточно серьезными, чтобы, преодолев прежнее противостояние, ими занялись Генеральный прокурор СССР и Комитет партийного контроля. Упрек главному редактору был высказан публично. Следовало бы публично и отказаться от него — этого не случилось.

Доклад Генерального секретаря, выступления делегатов передавали те мысли, с которыми пришла партия к своей конференции, выражали современные требования масс. В общем-то они однозначны: идти в перестройке до конца. К сожалению, это далеко не всегда удается. «Мы еще не преодолели глубинных причин торможения, не везде подключили, а в чем-то и не выработали механизмы обновления»,— говорил Горбачев.

Входит в жизнь Закон о предприятии, но его духу противостоит деятельность министерств. Отдано должное подрядной организации труда, но как же тяжело она приживается — вспомним хотя бы мытарства архангельского мужика Сивкова. Создан механизм гласности, но он не срабатывает всякий раз, как наступают чрезвычайные обстоятельства — будь то чернобыльская катастрофа или события в Нагорном Карабахе. Почему? Да потому, что всякий раз дает о себе знать нечто старое, административно-указующее, лишающее людей инициативы. Уже три года преследуем мы бюрократа, но, увы, порой это напоминает погоню за собственным хвостом. Как же быть?

Конференция приняла резолюции, дальше формирующие механизм обновления: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О борьбе с бюрократизмом», «О межнациональных отношениях», «О гласности», «О правовой реформе».

Остановлюсь на резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы». Если мы задумаемся над развитием критики в последние годы, то увидим: движение ее шло от фактов и явлений к критике системы. И так же примерно развивалась перестройка: от изменений в различных областях жизни общества к реформе политической системы. В основе ее демократизация. Это — возрождение Советов через новую избирательную систему, через полновластие Совета в своем регионе. Это — разделение функций между партией и государством. Это — осуществление на практике ленинской формулы: социализм есть живое творчество масс.

Стоит на полке бессмертная книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Книга из легендарного, но бесконечно далекого прошлого. И дела не в минувших десятилетиях, а в том опыте, который выстрадал и приобрел народ с тех пор.

Г. Бакланов

Писатель, главный редактор журнала «Знамя»

Время действий

(Заметки делегата XIX Всесоюзной конференции КПСС) [1]

Хотелось бы сказать: «Прошло два месяца с тех пор, как закончилась XIX партийная конференция...», но я пишу это не по прошествии двух месяцев, а сейчас, в дни, когда только разъезжаются делегаты, когда ничего не остыло и по телевидению, на улицах, в домах люди обсуждают совершившиеся события. Думаю, эти четыре дня правильно названы историческими. Даже фотографии в газетах выглядели необычно. Помните прежде: отдельно — трибуна, отдельно — голосующий зал. Во всех случаях — единогласно. Менялись годы, десятилетия, решения могли быть взаимоисключающими, зал единогласно одобрял, словно бы перепечатывалась одна и та же фотография. И вот фотография этих дней в «Известиях»: делегат конференции, подняв мандат, решительно просит слова, и лидер партии, сфотографированный в тот момент, когда он убеждает. Именно — убеждает. «Будем откровенны,— сказал при закрытии конференции Михаил Сергеевич Горбачев,— в условиях командно-административной системы, когда партийный аппарат распоряжался всем и вся, подчас нелегко было разобраться, где у партийного комитета и партийного секретаря подлинный авторитет лидера, а где в лучшем случае «авторитет должности», и подчиняются ему только в силу необходимости».

Дух партийного товарищества с первых часов был задан самим докладом. Не скажу, что абсолютно всем делегатам дух этот был близок. Да и могло ли быть иначе? Крупные перемены в стране, в психологии людей не совершаются по мановению, процесс этот длительный. А есть люди, которые вообще не меняются: вечно вчерашние. Не случайно генеральный директор производственного бройлерного объединения «Ставропольское» В. И. Постников сказал, что в зале сидят и те, кто против перестройки. И вот тут произошел диалог, который я хочу напомнить, он отражал дух конференции:

«Михаил Сергеевич, перестройка — это революция. Вы сказали, что мы спокойно, гуманными методами ее будем стараться проводить. Но раз это революция, то такими методами ее не проведешь. (А п л о д и с м е н т ы.) Увещевать людей и все время воспитывать, допустим бюрократов, бесполезно, мы знаем, что и здесь сидят те, кто против перестройки, и с ними уже ничего не сделаешь, их надо выгонять, их надо исключать из партии. (А п л о д и с м е н т ы.) А Вы по природе человек гуманный, мы Вас знаем, и хотите гуманными методами их воспитать. Их надо лишать должностей, потихонечку на пенсию отправлять.

---

[1] Знамя. 1988. № 9. Печатается с сокращениями.

М. С. Горбачев. Виктор Иванович, давай поговорим в присутствии свидетелей (с м е х) на эту тему. Ты немножко представил простым Михаила Сергеевича. Думаю, если ЦК начнет опять снимать бюрократа, который там, рядом с вами, в Ставропольском крае или даже в вашем объединении, а может, чуть выше, в Российской Федерации, или где-то еще, дело не пойдет. Так у нас уже было. Сверху мы пытались многое сделать. Ничего из этого не выходит. Сегодня мы стремимся через экономическую реформу, через реформу политической системы, оздоровление духовной сферы, через средства массовой информации двинуть все общество, тогда бюрократу деваться будет некуда. У него под ногами земля гореть будет. Вот чего он, собственно, и боится. А с начальством он всегда договорится. Приведет, как приводил 10, 20 лет подряд, как говорится, два вагона аргументов, и в конце концов ты сдашься. Поэтому дело не в том, чтобы быть хорошим, и не в том, чтобы всем нравиться. Надо вести политическую линию в интересах народа, в интересах социализма, включая во все процессы сам народ. Народ быстро всех на место поставит. Если механизм, который сегодня на конференции обсуждается, будет принят, то так и будет. (А п л о д и с м е н т ы.)

В. И. Постников. Вы меня разубедили. Поэтому я закончил. (С м е х. А п л о д и с м е н т ы.)»

Возможен ли был такой диалог три года назад? А еще раньше все выглядело бы примерно так: «Тут один товарищ хотел нас убедить...» И — гром аплодисментов. И не позавидуешь этому «товарищу».

Я не был делегатом партийных съездов, но я хорошо помню, как проходили съезды писателей. Они не были исключением, они были частью общей модели. Даже на предпоследнем, на VII съезде список выступающих был составлен и согласован заранее — это все те, кому доверяется выступить, тексты выступлений не то чтобы визировались, но прочитаны предварительно, и, если требуется, нужные коррективы внесены.

Да и представим себе, как в зале на 5 тысяч человек, где витают и передаются магические слова «есть мнение», и тот, кто это мнение хоть не изустно, но раньше других узнал, уже этим как бы приближен, как в таком зале набраться решимости пойти на трибуну и там, когда за спиной весь президиум, отстаивать что-то свое? Нет, не угаданное или одобренное заранее, а свое, то, что тебе дорого? У кого, повторяю, достанет решимости? И недоставало. Не оттого ли до сих пор в магазинах наших столького недостает?

И вот последние часы конференции, принимают резолюции. Надо сказать, что в комиссиях по выработке резолюций участвовал каждый десятый делегат. Я был членом комиссии, которую возглавлял М. С. Горбачев, и могу свидетельствовать: обстановка была рабочая, все предложения выслушивались внимательно, возникали и споры, но ни разу не было так, чтобы использовался «авторитет должности», чтобы неаргументированно отклонили чье-либо предложение. В один из дней все комиссии уже закончили свою работу, уже делегаты после обеденного перерыва собрались у закрытых дверей в зал, а мы еще не выходили из зала на перерыв. Вечернее заседание начиналось в 16 часов, только за пять минут до начала заседания мы подвели итоги.

Так вот — последние часы конференции. Принимают резолюции. Вижу, как по проходу, подняв над своей упрямо наклоненной головой мандат, идет к трибуне Юрий Дмитриевич Черниченко. Подавляющим большинством голосов его избрала своим делегатом Московская писательская организация, он узнал

об этом, возвратясь нз командировкн в Кнтай. Сейчас он выходнт к мнкрофонам, чтобы предложнть поставнть на отдельное голосованне однн нз пунктов резолюцнн: он с этнм пунктом не согласен. И голосуют отдельно. И хотя счетчнкн былн выделены заранее, как-то не бойко у ннх ндет дело, не очень прнвычно получается. А было н так, что нз всего зала, нз 5 тысяч человек, однн воздержался, его поднятый мандат даже не сразу н разгляделн, но он упорно держал его над собой.

К людям вернулось достоннство.

Одной нз геронннь конференцнн стала гласность. Аплоднсментамн встретнлн слова делегата Масалнева А. М., возмущенно заявнвшего: «Дело доходнт до того, что однн нлн два работннка прессы начннают давать оценку целому выборному партнйному органу». Как не хватает нам соцнологнческнх нсследований! Как ннтересно было бы хотя бы по одному только прннцнпу — по профессиональному — нсследовать, кто н чему аплоднровал! А потом вознHк, прямо скажем, драматнческнй момент, когда делегат от Алтайского края Попов Ф. В. прнвел как прнмер «потерь от шельмовання» статью нз свежего номера «Огонька». Называлась статья «Протнвостоянне», напнсалн ее не журналнсты, а два следователя Прокуратуры СССР Гдлян н Иванов, которые вот уже пять лет ведут дело рашндовской мафнн. Онн пнсалн, что средн делегатов есть четыре человека, прнчастных к этому делу. Непрнятно. Более чем непрнятно. Мандатная комнссня, проведя заседанне, поручнла Генеральному прокурору СССР н Комнссин Партнйного Контроля прн ЦК КПСС расследовать сообщенне н доложнть. Редактор «Огонька» В. Коротнч, когда ему предоставнлн слово для справкн, сказал, что очень хотел бы, чтобы так, как предлагается, КПК прн ЦК КПСС н Генеральный прокурор СССР наконец далн оценку тому, о чем говорят следователн, н лнбо наказалн тех, о ком ндет речь, лнбо наказалн следователей н журналнстов, позволнвшнх себе поставнть под подозренне невнннных людей.

Тут тоже раздалнсь аплоднсменты. И прозвучал голос нз зала:

— Есть лн средн делегатов подозреваемые?

В. А. Коротнч ответнл, что четыре человека перечнслены в названном документе, онн делегаты конференцнн.

Я не только не жажду ннчьей кровн, но, наоборот, мне хочется, чтобы в нашем обществе как можно меньше оставалось вннoвных, исчезла нетерпнмость, не прнумножалось зло, чтобы слову «товарнщ», которое давно уже стало просто офнцнальным обращеннем, вернулнсь его первоначальное значенне н смысл, объеднняющнй людей, н вновь обрело высокое звучанне слово «гражданнн»; а оно у нас перекочевало в суды, оставлено подсуднмым, которые лншены права говорнть «товарнщ», а только — «гражданнн судья...», «гражданнн прокурор...».

Но вот, подумал я, как со временем, когда прокуратура н КПК закончат расследованне н, допустнм, указанные факты подтвердятся,— как тогда это прозвучнт «не допустнть потерь от шельмовання»?

Слово «шельмованне» вознHкало не раз, н все — по отношенню к прессе. Конечно, пресса совершала ошнбкн. И не только потому, что не ошибается тот, кто ннчего не делает. Пресса — часть нашего общества. Она способствовала переменам в жнзнн, в мышленнн людей, н сама менялась. Не только учнла демократнн, но н учнлась. В том чнсле учнлась на своих ошнбках. И, я думаю, в общем оказалась неплохнм ученнком. Не случайно так вырослн тнражн журналов, так нзменнлась духовная жнзнь. И раз-

даются сейчас тревожные звонки в редакцию: «Неужели, правда, опять лимитируют подписку?..» Да и никто же не заставляет людей в шесть утра в субботний день становиться в очередь к газетным киоскам. А это все же что-то значит.

Впрочем, общее наименование «пресса» мало что объясняет. Перестройка обнажила многие, как их теперь называют, негативные явления, затронула интересы людей, слоев, групп, и сразу наши газеты и журналы перестали напоминать то тихое озерцо, которое в безветрии затягивается ряской и тиной. Она расчистила ключи, из которых уже вода переставала бить. В обществе отчетливо определились позиции. И вот интересно: те, кто на партконференции критиковал прессу, гласность, приводил примеры, все они почему-то обошли молчанием так называемое «письмо» Нины Андреевой в «Советской России». Какая странная забывчивость. А ведь там была сформулирована и опубликована платформа антиперестроечных сил, уж куда больше. По сравнению с таким выступлением все остальное — частности. Но вот частностями возмущались, а «слона-то», как говорится, и не приметили.

Впрочем, не все выступавшие оказались забывчивы. Михаил Ульянов, чью страстную речь считаю блестящей и по содержанию, и по форме, сказал: «Есть у нас сегодня такие правовые, юридические, политические, конституционные гарантии, права, законы, которые бы оградили нас от возможного бесконтрольного администрирования, а там, глядишь,— и культ? Нет. И наша архиважная задача и народа, и партии найти, во что бы то ни стало найти, выработать такие законные гарантии, которые были бы непреодолимой преградой для любого лихого желателя покомандовать, попугать народ, пустить кровь. А что подобное абсолютно реально, показала горькая и жутковатая история со статьей Нины Андреевой. Эта статья застала нас врасплох. Многие, не все, но многие уже вытянули руки по швам и ждали следующих приказаний.

М. С. Горбачев. Михаил Александрович, она прислала письмо. Вот здесь, сейчас к нам поступило, передали. Члены Президиума будут читать письмо. Она настаивает на своем.

М. А. Ульянов. Вот видите как! Но не в ней дело, дело в нас, что мы перепугались ее письма. Вот что страшно. (А п л о д и с м е н т ы.) И появись они, эти указания, их моментально бросились бы выполнять, не задумавшись и не колеблясь. Раз написано в газете, значит, это указание. И хоть душа болела, а подавляющее большинство замерло и ждало предначертаний. И понимали, что это неверно, а ждали, тряслись, но терпеливо, послушливо и обреченно ждали. А не появись статья в «Правде», всколыхнувшая оцепенение, общественное молчание, ожидание, как шла бы наша конференция сегодня? Вот ведь как глубоко в печенку въелись в нас послушливость и бездумная исполнительность! 150 лет назад Александр Сергеевич писал:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Оглушила на время нас эта статья. Как выяснилось, мы еще боимся «сметь свое суждение иметь». Ну, положим, можно понять человека времен культа: боялись за свои головы. Действительно, было страшно, наверное. Можно понять человека времен волюнтаризма: верили без оглядки Хрущеву. Понять бы можно человека времен застоя, когда вообще ни во что не верили, видя вселенскую ложь и воровство. Но сейчас-то чего ждать? Сейчас-то что мешает определиться, когда развязаны руки, раскрыты души? Неужто опять проклятый

страх, который сидит в наших генах? Истинно сказано: надо прежде всего перестраиваться самому. Но, думается, что без правовых, экономических, политических, юридических рычагов, способных создать законоохранное государство, не удастся изменить нам самих себя. Человеческий фактор без правовых основ не сыграет никакой роли. Так я думаю».

За грузинским столом, в праздничном застолье есть обычай: о каждом присутствующем сказать хорошие слова. Народные обычаи не возникают на пустом месте, в них — и опыт, и мудрость народа. Тост в честь достойного человека произнести приятно, приятно отметить его заслуги. Ну а если рядом сидит человек, заслуг не имеющий, ему тоже скажут приятные слова. Люди собрались для веселья, зачем портить настроение себе и другим? Это говорится как пожелание, мол, перечисленных достоинств у него пока что нет, но, услышав, каким его хотят видеть, он эти достоинства в дальнейшем обретет.

Заздравный жанр есть и в литературе, мы помним время, когда он становился преобладающим. Но здравицы не прибавили обществу здоровья. Когда литература, когда пресса не замечают пороков, они воспитывают равнодушных, поощряют жестоких. Потребовался диагноз точный и мужественный. И он был дан на апрельском Пленуме, на XXVII съезде. Но все же с особенной силой он прозвучал в дни XIX партконференции. Это были вдохновляющие дни. А впереди будни. И в буднях трудовых, в делах наших должно решаться главное.

Дела эти не будут легкими. То, что накапливалось десятилетиями — и в хозяйстве, и в сознании людей,— не переменишь за короткий срок. Чуда ждать неоткуда. Потребуется время. Это надо ясно сознавать: потребуется время. А от каждого из нас — терпение, бескорыстие и готовность выстоять в трудностях. Они будут, ждут нас трудности немалые. И будут противники на разных этапах, будут те, кто выжидает, куда оно все повернется, поглядывает со стороны. Вот за них, за выжидающих,— особая борьба. Потому что всенародным усилием мы одолеем все, врозь мы можем все потерять. И приверженность малой родине, и национальная гордость — все это не должно заслонять для нас чувство Родины единой.

Цель перестройки — новый, гуманный социализм. А потому перестраиваться должно не только хозяйство, но и мы сами. Мы знаем, куда хотим прийти, какое место должна занять наша страна среди стран и народов, но не менее важно, какими мы придем к нашей цели, какие средства выберем на пути к ней. Не для отдаленного будущего, которого нам увидеть не суждено, а для нас, нынешних, совершается перестройка всей жизни. Это значительно труднее.

Так с ясным сознанием, а не со слепой верой, с точным знанием своих сил и возможностей — за работу. Время действий.

Ф. Бурлацкий

Какой социализм народу нужен[1]

Какой социализм иароду иужеи? Подобиый вопрос, иаверное, покажется кому-то крамольиым. А ведь, если вдуматься, имеиио здесь сегодия главиый иерв идущих днскуссий. Очеиь точио об этом сказано в правдииской редакциониой статье «Принципы перестройки: революциоииость мышления и действия» (5 апреля с. г.): «Как иам быстрее возродить лениинскую сущиость социализма, очистить его от наслоеиий и деформаций, освободнться от того, что сковывало общество н ие давало в полиой мере реализовать потеициал социализма?»

Леиии сделал после «военного коммуиизма» зиамеиательиое заявлеиие: мы пересматриваем всю точку зреиия иашу иа социалнзм. Еслн говорнть прямо, без обнияков, иам сейчас предстонт решать аиалогичиую задачу. Во-первых, для того чтобы вернуться к Ленину н преодолеть сталинское иаследие, во-вторых, чтобы выразить интересы и чаяния иашего народа, вот уже более 70 лет строящего социализм. Нужно также принять во виимаиие и опыт народов еще 14 социалнстических страи, а также реалистически оценить соревиоваиие с капнталнстическнм мнром в эпоху техиологической революции. В этом, полагаю, суть иового мышлеиия о современиом социализме.

О том, какой мы видим сегодня свою задачу, уместио сказать в связн с обсуждением статьи «Не могу поступаться принципами», опубликоваииой в газете «Советская Россия» (13 марта с. г.). Оиа, эта статья, представляет собой не просто маиифест догматизма. Это акция в преддверии XIX партийной коифереицин, рассчитаиная на консолидацию коисервативиых снл. Принципы — вещь иеобходнмая, н человеку, как говорил Леннн, иужеи идеал, но человеческий...

...Нетрудно понять, почему противинкн перестройки выступили теперь с открытым забралом. Оин явио почувствовали, что перестройка вступает в такой этап, когда может стать иеобратнмой, когда она войдет в плоть и кровь иарода н нашнх общественых отиошений. Почувствовалн — н решилн дать бой, пытаясь расколоть общественное сознание, иайти опору в самых отсталых общественных силах.

Главной темой дискуссий является, согласно статье в «Советской России», вопрос о месте Сталииа в историн иашей страны. Но это неверно! Подобиый вопрос был основным объектом борьбы 30 лет назад, в пернод XX съезда партин. В сущиостн, уже тогда на него был даи прямой ответ, в нем легко убеднться, обнародовав «секретный» доклад Н. Хрущева. Да и новых фактов становнтся все больше по мере работы Комнссии Политбюро ЦК КПСС, а также в ходе расследований, которые ведутся в печати, науке, лнтературе. И только очень отсталые люди, иаходящиеся на пернфернн полнтнческнх бореиий, иные как будто только-только открывают для себя эту главу нашей историн.

На самом деле сейчас главиым является другой вопрос, на который

[1] Лит. газ. 1988. 20 апр. Печатается с сокращениями.

не было дано ответа в 60-х годах. Это вопрос о системе управления, сложившейся в сталинскую эпоху. «Мы поняли,— отмечал М. С. Горбачев,— что партии надо проявить мужество и волю, освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий и особенно — периода культа личности. Освободиться от старых представлений о методах строительства, а главное — избавиться от всего, что, вообще говоря, деформировало социализм, сковывало творческие способности народа».

Сенека говорил: тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления. Очевидные преступления Сталина вскрыты и разоблачены почти треть века назад. А ошибки? Ошибки, так глубоко вошедшие в нашу систему управления, все еще продолжают жить и мешать стране двигаться вперед. Сейчас очень немногие открыто защищают репрессии 1937 года. Но все еще немало таких, кто более или менее разделяет ошибочные идеи Сталина. Поэтому эмоциональная критика должна быть дополнена критикой научной, извлекающей уроки из прошлого для сегодняшнего дня. И поэтому же очень важно исследовать концепции Сталина, которые оправдывали деформацию социализма.

Что там говорить: мы получали представление о марксизме и ленинизме, о самом социализме из сталинских рук. В основу системы преподавания, воспитания с начала 30-х годов легли работа Сталина «Вопросы ленинизма», отредактированный им «Краткий курс истории ВКП(б)», высказанные им идеи на XIV—XIX съездах партии, работа «Экономические проблемы социализма в СССР». Все действующие поныне учебники по истории партии, политической экономии, научному коммунизму, философии, а также большинство теоретических исследований в общественных науках так или иначе восходили к этим источникам.

Под влиянием сталинских взглядов абсолютизировался опыт 30—50-х годов, его сделали эталоном для суждений о социализме. Только этим можно объяснить тот поразительный факт, что автор упомянутой статьи в «Советской России» принимает за образец социализма сталинский период, не делая исключения для репрессий 30-х годов, и видит отступления от социализма именно в гласности, демократизации, экономических реформах, в идеях сегодняшней перестройки. Больше того, каждый раз, когда в жизни возникает новая форма эффективного развития социализма, находятся люди, которые становятся в этакую соблазнительную позу «защитников чистоты» и заявляют: «Это не социализм. Это противоречит его коренным принципам». Скатывание на позицию «капитализма» — самое малое обвинение. «Враги народа» — уже по максимальному счету.

Посмотрите, с какой подозрительностью у нас относились к поискам и экспериментам в других социалистических странах. В 1955 году Н. Хрущев, приехав в Югославию, мужественно признал наши ошибки, допущенные в прошлом. Он подписал декларацию, в которой закреплялось право каждой страны на собственный путь к социализму. Но уже через несколько лет ревнители «чистоты» обрушили идеологический огонь из всех пушек на югославский опыт самоуправления и рабочих советов.

Во время пребывания Хрущева в Югославии в 1963 году произошел знаменательный эпизод. Он посетил одно из предприятий в Белграде, где встретился с представителями рабочего совета. Неожиданно Хрущев заявил: «А что плохого в рабочем самоуправлении Югославии? Я не вижу здесь никакой крамолы. У вас одни формы, у нас другие». Реплика попала в юго-

славскую и западную прессу. Мы попробовали включить ее в отчет для нашей печати, но когда доложили Хрущеву, тот сказал: «Не стоит дразнить гусей у иас дома». Ох, уж эти гуси, как дорого обходятся их предрассудки, их невежество в том самом марксизме, именем которого оии клеймят и отлучают все новое, способное двинуть вперед социализм!

А с каким подозрением относились на протяжении 20 лет к венгерским реформам! Сколько было перегибов и крайиостей в суждениях по поводу дискуссий о социализме в Чехословакии! А какое тайное и явное недоброжелательство вызывали попытки экономических преобразований в Польше, ГДР!

Не так давно мне довелось после возвращения из Китая рассказывать о тамошних реформах. В частности, о том, как с помощью семейного подряда там удалось решить продовольственную проблему, увеличить за пять-шесть лет больше чем на треть производство зерна и в 3 раза поднять жизненный уровень крестьян. И тут слово взял почтенный профессор. Он сказал буквально следующее: «Все это, конечно, неплохо. Но какой ценой это достигнуто? А достигнуто это ценой отступления от социализма и заимствования капиталистических методов. Не слишком ли дорогая цена за хозяйственный рост?»

Позвольте, 800 миллионов крестьян — голодных, иесчастных, полузадушенных в пору «культурной революции» — сейчас стали обретать достаток. Это плохо? С какой точки зрения? Какие прииципы говорят, что трудящиеся должны жить в бедности и нищете? Когда я слышу подобные сентенции, у меня такое чувство, будто кто-то из нас ходит на голове...

Тысячу раз прав М. С. Горбачев, когда говорит, что ни одна система не имеет права на существование, если она не служит человеку. Это иаш, социалистический критерий оценки любой системы, и прежде всего собственной. Одновременно это сугубо классовый критерий. Нас заботит жизнь трудящегося человека, а вовсе не доходы буржуев или привилегии какой-либо элитарной группы. Социализмом может быть названо только то, что обеспечивает на деле благосостояние и культуру трудящихся — рабочего, крестьянина, интеллигента. А то, что не обеспечивает,— это не социализм.

Если мы согласимся с таким критерием, тогда все становится на место.

Статья в «Советской России» пытается создать впечатление о глубоком кризисе социализма. Но если уж говорить об элементах кризиса, то не современного социализма в целом, а одной из его форм — «государственного социализма». Эта форма сейчас изживает себя, обнаруживает свою неэффективность в условиях технологической революции. В экстремальных ситуациях, особенно во время гражданской и Отечественной войи, сверхцентрализм и государственное принуждение играли свою роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Но теперь такая форма стала помехой продвижению вперед на всех направлениях экономической, социальной и культурной жизни. И оиа должна преобразоваться — постепенно, планомерно, обдумаиио — в новую форму, которую условно можно было бы назвать «общенародным, самоуправляемым социализмом».

Пора понять, почему так случилось, что в нашей стране, с ее колоссальиыми богатствами земли, леса, нефти, газа, металла, с ее энергичным и ныне вполне образованным народом, до сих пор не хватает в нужном количестве и качестве еды, одежды, жилищ, книг, кинофильмов... Видно, социализм был не вполне хорош, а народу нужен хороший, очень хороший социа-

лизм. Народу нужны не сталинские «зори», не монументальные постаменты в честь вождей, а нормальная цивилизованная жизнь.

Это, конечно, не значит, что централизованное государственное руководство исчезнет. Полный «демонтаж» государства — идея нелепая, особенно в условиях все более усложняющихся внутренних и международных экономических, информационных, гуманитарных связей. Но это значит, что значительную часть своей власти, функций, полномочий, прерогатив государство должно уступить гражданскому обществу и его институтам. Прежде всего трудовым коллективам — на заводах, фабриках, в кооперативах, учреждениях, творческих союзах, а также общественным организациям и другим, уже новым социальным институтам, которые наверняка будут возникать в ходе перестройки. Общество должно взять на себя многое из того, что раньше несло государство, задыхаясь под бременем сверхсложных задач и бюрократизма.

Кстати говоря, капитализм прошел через различные этапы своей реконструкции: классический в XIX веке, государственный, затем государственно-монополистический в первой половине XX века, а сейчас в условиях технологической революции он приобретает какую-то новую форму, пока еще не нашедшую своего определения. Он все еще довольно резво меняет свою кожу и потому, наверное, так долго загнивает... И нужно признать, что в странах капитала не так уж много доктринеров или откровенных дураков, которые мечтают вернуться в прошлое — к временам Луи Наполеона, Бисмарка или Гитлера и Муссолини. Вот оно, одно из немногих преимуществ прагматической идеологии, которая ищет повсюду одну пользу.

М. С. Горбачев как-то заметил, что социализм — это общество инициативных людей. И самый суровый приговор «государственный социализм» заслужил как раз за то, что он закрепостил инициативу трудящихся. Вначале личная инициатива была принесена в жертву инициативе коллектива, затем коллективная инициатива — в жертву инициативе аппарата управления, и, наконец, была задавлена инициатива самих работников этого аппарата. Построенный пирамидальным образом, этот аппарат все более сосредоточивал инициативу в самых высоких эшелонах власти, а в конечном счете — в руках единоличного вождя и лидера. Сложилось так, с каким бы вопросом ни обратился работник, с любой инициативой, он обязательно натыкается на лес препятствий, выстроенных приказами, инструкциями, традициями. Отсюда и родилась горькая шутка: всякая инициатива наказуема. Кто не испытал ее на собственном опыте?!

Структурные преобразования предполагают сейчас создание такой формы социализма, когда бы не наказывали, а поощряли инициативу. Поговорите с людьми: что вы услышите? Освободите нас от опеки, дайте самим свободно работать! Как говорил М. С. Горбачев в Узбекистане, его поразило, с какой силой это прозвучало на съезде колхозников. Но ведь то же самое требование слышится и со стороны заводских, научных, школьных, творческих коллективов, опутанных инструкциями, указанными запретами. Оно рвется из души каждого изобретателя, кооператора, художника, любого гражданина, ищущего способ приложения своего таланта.

Подчеркну еще раз: важнейшая теоретическая и политическая задача — вернуться к Ленину, вернуться к Марксу, к истокам социализма. В то же время, как любил повторять Ильич, хранить наследство не значит наследством ограничиваться. Маркс ездил в дили-

жаисе, а Ленин — в такой машине, которую сейчас показывают только в музее. Надо ли говорить, как изменился мир? Это ведь только Моисей хотел на все века определить закон, по которому должен жить его народ. Но ведь Моисей это не от себя делал, а именем бога, от которого он три дня на горе ждал совета... Ни Маркс, ни Ленин не могли и думать о том, чтобы предписать на все времена миллионам, миллиардам людей законы, правила или принципы их жизни.

Думать надо собственной головой — этот ленинский призыв следовало бы написать по крайней мере на стенах всех научных заведений и партийных центров. Технологическая революция, демографический взрыв, экологическая напряженность, ядерная угроза задали современным коммунистам совершенно новые и весьма головоломные задачи. И когда смелая, умная, талантливая политическая мысль начинает их решать, бросать камни могут только самые замшелые догматики, напуганные масштабом происходящих перемен и неспособные вместить их в своем сознании.

Какова же качественно новая модель более эффективного демократического гуманного социализма? Пока видны только ее некоторые контуры.

Это планово-товарная экономика, основанная на хозрасчете и множественности видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общенародной, развитие кооперативной, семейной, индивидуальной форм. Это экономическая состязательность (социалистическая конкуренция). Это развитие гражданского общества и подчинение государства обществу. Формирование того, что Энгельс называл всеобщей ассоциацией производителей. Это разделение власти, полномочий и функций между партийными, государственными и общественными организациями. Это преодоление хотя бы самых нецивилизованных форм бюрократизма и построение государственного управления по принципу «лучше меньше, да лучше». Это развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, развитие выборности, ротации кадров, профессионализма. Это состязательность культурных направлений, воспитание социалистической личности, преодоление наследия авторитарно-патриархальной культуры и формирование социалистической. Все эти преобразования направлены на укрепление социализма, авторитета коммунистической партии, общенародной власти.

Очевидно, что развитие современного социализма займет длительный период — не одно десятилетие. Но, если не помешают, это будут десятилетия вдохновенного труда всего народа на благо нашей Родины, каждого советского человека.

Вот какому могучему народному движению противостоит манифест противников перестройки. Подготовка к предстоящей XIX партийной конференции вселяет надежду на переход в решительное наступление всех сил перестройки. Опираясь на Ленина, можно сказать, что оборона есть смерть революции. Только упорное наступление, постоянное укрепление позиций революционных реформаторов, неуклонное продвижение по пути экономических преобразований и демократизации общества позволят оттеснить противников нового, перетянуть на сторону реформ колеблющихся. И тогда нынешний этап перестройки станет исходным пунктом для ее перехода на иную, более высокую ступень.

А. Бовин

Перестройка и судьбы социализма [1]

Зиачеиие июиьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС выходит далеко за пределы собствеино экономической проблематики. Документы Пленума, его решения являют собой образец иового, новаторского подхода к главиому партийному делу — стратегическому руководству важнейшими областями обществеииой жизни. Взрыв духовной активиости, о котором говорилось иа Пленуме, призван преобразить ие только экономику, не только политику и политическую иауку, но и весь теоретический фронт, поставить теорию социализма на прочиую осиову фактов и объективного их аиализа.

И одии из вопросов, который самим ходом событий выдвигается на передиий план исследований, можио сформулировать примерно так: какое место заиимает перестройка в широком контексте истории социализма? Приближающиеся юбилейиые торжества, посвящеииые 70-летию Октябрьской революции, делают постановку такого вопроса еще более насущной. Нельзя не воздать должное героическим усилиям нескольких поколений коммунистов, советских людей, которые вывели иашу страиу на аваисцеиу всемириой истории. Вместе с тем иельзя ие спросить себя: что же произошло? Почему семь десятилетий социалистического строительства поставили иас перед необходимостью качествеиной, кореиной, революционной перестройки того, что было построеио?

У Фридриха Энгельса есть выражеиие «ирония истории». История как бы ироиизирует, усмехается над попытками сознательио управлять ее ходом. Люди, совершив революцию, изменив, как им казалось, по своей воле и разумению течение истории, вдруг с удивлеием замечают, что сделанное весьма отличается от задумаиного. Долгое время мы самонадеянно полагали, что мысль Ф. Энгельса не относится к пролетарским революциям, к коммунистическим партиям. Теперь мы видим, что ошиблись. Можно, конечно, говорить об этой ошибке в более обтекаемых словосочетаниях. Но, иадеюсь, мы стали настолько взрослыми, что не боимся называть вещи своими именами.

Да, общество, которое мы создали, нас во многом не удовлетворяет; оно не способно раскрыть все преимущества социализма. Поэтому-то и приходится его перестраивать. И как раз материалы июньского (1987 г.) Плеиума ЦК КПСС иаглядиейшим образом показывают, сколь радикальной будет эта перестройка, какие глубокие изменения производятся и в экономическом фундаменте нашего дома, и на его социальиом, политическом и идеологическом этажах.

Идеологи империализма торопятся истолковать происходящее как историческое поражение социализма: социализм завел Советы в тупик, и они приступили к демонтажу социализма; пока этот курс прикрывается марксистской фразеологией, ио раио или поздно перестройка приведет к тому, что западные цеииости возьмут верх, «рыиок» победит «плаи», свобода, гласность разрушат «власть коммуиистов». В общем, наша борьба за

[1] Известия. 1987. 10 июля.

обновление социализма порождает своего рода ренессанс, возрождение надежд на эрозию социализма.

Лучшим опровержением указанных взглядов послужит, несомненно, практика перестройки. Однако аргументы в нашу пользу расположены не только в будущем, они существуют и в прошлом, и в настоящем.

XXVII съезд КПСС, поднявший волну революционных перемен, выявил потребность в новом мышлении как обязательной предпосылке успешной реализации партийных решений. Основные требования нового мышления — беспощадный реализм; антидогматизм, открытость для всего нового, неожиданного; бесстрашие, последовательность и в постановке вопросов, и в получении выводов; строгая аргументированность, ориентация не на веру, а на знания, опыт; постоянная самокритика, готовность пересмотреть свои взгляды, если они идут вразрез с жизнью,— эти требования позволяют во многом по-новому взглянуть на историю и теорию социализма, на ход и опыт социалистического строительства в СССР.

Реальная история социализма предстает перед нами, в частности, и как процесс столкновений между истиной и заблуждениями, где уделом заблуждений были не только поражения. История социализма наполнена неожиданными поворотами, которых, говоря словами В. И. Ленина, «никакой Маркс и никакие марксисты» предвидеть не могли. Всякая революция — прыжок в неизвестность. Была, конечно, теория, была программа, но они давали лишь самые общие, самые абстрактные представления о социализме (диктатура пролетариата, отсутствие эксплуатации человека человеком, обобществление средств производства, социальная справедливость). Выступая в 1918 году на VII съезде РКП(б), Ленин говорил: «Дать характеристику социализму мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,— мы этого не знаем, этого сказать не можем». Отсутствие детализированной картины будущего, отсутствие опыта открывали громадный простор для экспериментирования, для исторического творчества масс. И вместе с тем усиливалась зависимость практики (и теории) социалистического строительства от всякого рода случайностей, от воздействия сил и обстоятельств конкретно-исторического, преходящего характера.

Два фундаментальных фактора определили, на мой взгляд, облик социализма, который создавался в России. Во-первых, общая социально-экономическая отсталость страны и, во-вторых, одиночество первого социалистического государства, наличие враждебного капиталистического окружения. Социализм выжил, победил, но за это пришлось заплатить высокую социально-политическую «цену».

Кратковременный эксперимент с нэпом, не получивший в то время развернутой объективной, принципиальной оценки, не мог существенно повлиять на формирование модели общественной системы, для которой — пусть не сразу — стали характерны:

— максимальная централизация политической и экономической власти на базе обобществления практически всех (и крупных и мелких) средств производства;

— административные, приказные методы управления социально-экономическими процессами;

— упор на экстенсивный экономический рост, на количественные показатели; низкая эффективность использования научно-технического прогресса;

— заметное сужение, формализация демократических норм партийной и государственной жизни, сворачивание гласности, факти-

ческое отстранение «низов» от прииятия решеиий.

Сегодия мы понимаем, что перечисленные выше момеиты — это вызваиные конкретиыми обстоятельствами особеииости (и беды) социализма, делающего свои исторически первые шаги. Но долгие годы господства догматического мышления, ограничеииость опыта вели к тому, что частиые, времеииые особеииости рассматривались как всеобщие, обязательиые определения социализма, что, понятно, затрудняло путь к перемеиам.

Была ли построеиная нами модель социализма едииственно возможиой, даже если учесть все исторические обстоятельства? К сожалеиию, советская иаука практически не исследовала этот вопрос. Можно лишь предположить, что изучеиие партийных дискуссий конца 20-х годов позволит обозиачить и другие альтериативы. Хотя, как мне представляется, давление объективных и субъективиых факторов создавало благоприятиую почву имеиио для того образа социализма, который был реализоваи. Или, может быть, лучше так сказать: давлеиие объективиых и субъективных факторов оставляло очеиь мало места для реализации любого альтериативиого варианта.

В рамках той формы социализма, которая сложилась в 30-е годы, в кратчайшие сроки был решеи ряд важиейших, актуальиейших вопросов: страиа стала индустриальиоаграрной; резко возросли объемы производства; были перестроены межнациоиальные отиошеиия; произошла культуриая революция. Мы одержали победу в Великой Отечествеиной войие. Успешио завершилось послевоеииое восстановлеиие. Одиако главная экоиомическая задача социализма — обогиать капитализм по уровию производительности труда, по производству продукции иа душу населения — ие была решеиа. Не было создано общество, которое по всем признакам могло бы стать примером, образцом для подражаиия, стимулом в борьбе за социалистическое преобразоваиие мира.

XX съезд КПСС озиачал принципиальиый рубеж в истории социализма. Был развеичан культ личиости Сталииа. Был показаи ограничеиный, временный характер тех сторон иашей жизии, которые отражали чрезвычайиые условия формироваиия иового строя. Был открыт путь к перемеиам, и прежде всего — к перемеиам в политических структурах, политическом режиме. Осуждеиие связаииого с культом личиости произвола, восстаиовление закоииости существенно оздоровили обстаиовку в партии и страие. И все же иерцию старого преодолеть не удалось. Важиейшие принципы партийной и государственной жизии не были восстановлеиы до коица.

На граии 50-х и 60-х годов к пределу своих возможиостей стала подходить и командио-адмииистративная система управлеиия экономикой, ориеитированиая иа всеобъемлющий цеитрализм, экстеисивный рост, валовые показатели и игиорирование закоиа стоимости. В ходе развернувшейся тогда дискуссии стаиовилось все яснее, что существующий хозяйствеииый мехаиизм требует радикальиых перемен. Начииавшиеся реформы намечали правильный путь, но он ие был пройдеи. Мы опять ограиичились полумерами, опять ие смогли сломить сопротивлеиие иакоплеиной инерции, старых привычек и порядков, за которыми стояли зиачительные социальиые группы.

Не приняв реформу, старая экономическая система продолжала жить и действовать по своим закоиам. Падали темпы роста. Поступательиое движение обеспечивалось растущими капитальиыми вложеииями, которые давали все меиьшую отдачу. Недопустимо медлеиными темпами виедрялись результаты иаучио-техиической ре-

волюции. Падала заинтересованность людей в производительном труде. Нарастала апатия, социальная пассивность. Все это говорило о том, что система управления, созданная в 30—50-е годы, полностью исчерпала свои возможности. Ее сохранение вело к экономической стагнации, ставило наше общество по существу на грань кризиса, ослабляло авторитет и влияние Советского Союза на международной арене.

Следовательно, отход от прежней системы, коренная перестройка ее, создание новой — насущная историческая необходимость, давно уже созревшая, если не перезревшая общественная потребность. Ответом на эту потребность и служит перестройка, призванная сыграть переломную роль в истории социализма.

Перестройка, которую провозгласил XXVII съезд КПСС, это и есть переход на новую ступень развития, переход к высшим, современным формам социализма.

Критики социализма, которые пишут о «повороте вправо», о «буржуазно-либеральных тенденциях» в политике КПСС, указывают в первую очередь на «сочетание плана и рынка», использование кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, создание смешанных предприятий. Эта критика принимает видимость за сущность и поэтому бьет мимо цели. Мы поворачиваем не в стороиу от социализма, а именно к социализму, заменяем одну исторически изжившую себя форму другой, то есть модернизируем, совершенствуем социализм применительно к новым условиям...

И разве все старое мы отбрасываем? Нет, только то, что мешает новому, мешает идти вперед. Более того, мы даем новую жизнь определенным формам экономической деятельности, которые, казалось бы, уже превзойдены теорией и практикой социализма. Чем прочнее политическая власть, тем бóльшими она располагает возможностями для маневров, экспериментирования. Мы создали необходимый запас прочности, чтобы использовать в интересах социализма и товарно-денежные отношения, и мелкого кооператора, и индивидуального мастера, и иностранные капиталовложения. Мы поняли, на опыте убедились в том, что любой труд, который способствует удовлетворению человеческих потребностей, имеет изначальную ценность и может «работать» на социализм.

В заключение — некоторые международные аспекты темы. Победа социалистической революции в России, последующее формирование мировой системы социализма имеет непреходящее международное значение. Они способствовали тому, что широкие слои рабочего класса, трудящихся в развитых капиталистических странах добились значительного улучшения своего социально-экономического положеиия. Одновременно следует призиать, что возможности капитализма приспосабливаться к новой исторической среде превзошли наши предположения. Перспектива социалистических преобразований в развитых капиталистических странах отодвинулась на неопределенное будущее. В ряде стран социалистической ориентации ситуация остается неустойчивой, чреватой возможностью попятных движений. И в странах капитализма, и в странах «третьего мира» коммунистические партии, за некоторыми исключениями, не смогли превратиться в массовые организации, обеспечить себе поддержку большей части рабочего класса, трудящихся. Здесь действует ряд причин, и одна из них, безусловно,— неудачи, противоречия, кризисные и застойные явления в развитии Советского Союза, других страи социализма, мирового социализма в целом. Социализм пока

не сумел обрести ту силу примера, о которой писал В. И. Ленин.

Это значит, что перед всеми социалистическими странами стоят однотипные задачи — совершенствуя производственные отношения, заметно поднять эффективность народного хозяйства, полностью восстановить в правах социалистнческий демократизм, улучшить качество жизни. В Советском Союзе эти задачи решаются в ходе перестройки. Другие страны социализма действуют, исходя из своего понимания обстановки, своих интересов и потребностей. Опыт каждого открыт для всех, но что взять из этого опыта, что «пересадить» на свою землю, везде решается самостоятельно.

Теперь выводы. Еслн программа перестройки, намеченная в СССР, будет выполнена, если мы сможем не только рассказывать о преимуществах новой цивилизации, но и показывать их, социализм — и как система отношений, и как образ жизни людей — поднимется на качественно новый уровень. А еслн иметь в виду еще и успехи модернизации в КНР, совершенствование социализма в других странах, то надвигающийся рубеж тысячелетий может ознаменоваться крупными сдвигами мирового общественного мнення в сторону социализма. Это будет способствовать разрядке международной напряженностн, устойчивому мирному сосуществованию, реализации наиболее безболезненных форм социального прогресса.

Но мы должны ясно понимать и то, что если перестройка не удастся или будет существенно ограннчена, заужена, снова сведена к паллиативам, к полумерам, еслн не выйдут на новый уровень социалистические страны, если не социализм, а капитализм сумеет «оседлать» новую волну научно-технической революции, то соотношение сил в мировом масштабе может измениться в пользу капитализма. Это осложнит социальный прогресс, затруднит борьбу с милитаризмом и угрозой опустошительной, губительной для цивилизации войны.

Таково значение перестройки, как оно виднтся через призму судеб социализма. Мы, советские коммунисты, вновь взяли на себя высочайшую ответственность, ответственность перед советским народом, перед всем миром. И именно этой ответственностью должны определяться решительность, непреклонность борьбы с силами застоя и консерватизма, со всем, что мешает перестройке, и со всемн, кто ей мешает.

Революция победила. Революция продолжается.

Л. Абалкин

Академик

Трудный перевал [1]

— Экономика заннмает в перестройке ключевое место, без радикальных ее изменений нынешний процесс обновления не может быть эффективным. Хотя столь же верно, что и успехн в экономнке невозможны, еслн не будет существенных

[1] Моск. правда. 1988. 22 сент. Беседу вел В. Логунов. Печатается с сокращениями.

измеиений в духовной, социальной и политической сферах. Все взаимосвязано.

Однако надо иметь в виду, что человек и в прошлом, и сегодня, и в будущем судил и будет судить о политике и ее результатах в первую очередь по тому, что на прилавке, есть ли очереди, как работает сфера услуг. Это восприятие естественное.

Еще иа XX съезде партии был провозглашен политический лозунг — как можно более полно удовлетворять материальные и духовные потребиости человека. Но всегда ли мы следовали этому лозунгу? И следуем ли ему сегодня? Когда мы даем критическую оценку положению в экоиомике, то это вызвано не желаиием выразить недовольство. Это не ворчание и тем более ие злорадство — видите, мол, ничего не получается.

— **Это — боль наша...**

— Да, это и боль, и мучительное сопереживание. Это еще и осознаиие необходимости радикальных перемен, долга и ответственности. Я говорю это, чтобы объяснить свои достаточно критические оценки негативным явлеииям современной экоиомики.

Да, положение в иародном хозяйстве сегодня очень тяжелое, хотя кое-что и удалось сделать. Прежде всего — приостановить сползание к кризису. В конце 70-х и начале 80-х годов мы медлеино, но неуклонно приближались к нему. Сегодня приостановили движение к опасиому краю пропасти.

Нужио немало мужества, чтобы назвать вещи своими именами. Там, за этим краем,— социальная катастрофа, утрата всего, что было создано трудом иескольких поколений. Так что при выборе курса на перестройку вопрос шел ие о частностях, а ие больше и ие меньше, как о судьбах социализма.

Итак, сползание к кризису было приостановлено, но из прежнего застойного состояния экономика еще ие вышла, продолжают действовать инерциоиные силы. Развивается экономика, как и раньше, преимущественно экстенсивно. Не устранены диспропорции, а в ряде случаев они обострились, в том числе и на рынке потребительских товаров.

Причины можно разделить иа две группы. Отиосящиеся к первой группе я назвал бы объективиыми.

Перестройка началась в неблагоприятных внутренних и виешних условиях. Еще, как говорится, не высохли чернила иа докумеитах XXVII съезда партии, как случилась чернобыльская трагедия. Политический, моральный, экономический ущерб огромен. Чернобыль обошелся народу в 8 миллиардов рублей — это полтора процеита национального дохода.

Одновременно с этим резко ухудшилась для нашей страны ситуация на мировом рынке — произошло существенное понижение цен на сырье, энергоресурсы, которые мы традиционно экспортируем. Перестроить же структуру экспорта за год-два — нереальная задача. В итоге внешнеторговый оборот страны снизился за два года на 10 процентов, или на 14 миллиардов рублей в текущих ценах. Это резко ограничило возможности маневра на внешнем рынке, сократило закупки по импорту миогого из того, без чего народное хозяйство ие может пока обходиться. Речь идет об оборудовании, техиике, ио и не только об этом. Мы начали экономить иа закупках кофе, медикаментов, других потребительских товаров.

Наконец, начало перестройки совпало — и по времеии, и по существу — с широкомасштабной антиалкогольной кампанией, правильной в социальном отношении, благородной по своим целям, но которая при существующем механизме — а он ведь существует! — резко подорвала финаисовую базу государства, его бюджет. Я уже

не говорю о недостаточно продуманных методах осуществления этой кампании.

Но и в этой ситуации мы могли бы достигнуть большего. И здесь я перейду ко второй группе причин.

Непоследовательность, нерешительность, половинчатость — вот что создает нам помехи в пути. Принимаем поспешные решения, затем их отменяем. У всех на памяти, например, ситуация с госзаказом. А поспешно, в келейной обстановке, без консультаций со специалистами и учеными принятое решение о налогах на кооператоров? Далее утверждаем правительственное положение о государственных производственных объединениях и через два месяца его отменяем.

Таких примеров много. Все это создает неустойчивую обстановку в народном хозяйстве и обществе в целом, мешает ему раскрыть свои возможности, резервы.

Часто уже принятые нами новые решения носят компромиссный характер. Конечно, разумный компромисс, особенно в быту, бывает необходим. Однако в принципиальных вопросах компромиссы оказываются самой худшей формой решения.

И что я считаю совершенно неприемлемым, так это попытки совместить несовместимые цели: наращивать темпы роста и одновременно перевооружать народное хозяйство, повышать качество продукции.

Несовместимые же цели в экономической политике ведут, как правило, к тому, что не достигается ни одна из них.

— Вот мы говорим сейчас о половинчатости в экономической политике. Я задаю прямой вопрос: откуда эта половинчатость? Что сдерживает внедрение нового механизма? Не в том ли дело, что новое существенно затрагивает интересы каких-то групп?

— Дело в том — правда, мы не всегда отдаем себе отчет в этом, но такова реальность,— что сейчас противоборствуют силы перестройки, обновления с силами консервативными, желающими сохранить неизменным прежний, привычный порядок. В любом органе, который занимается выработкой проектов законов, в любой комиссии, рабочей группе всегда находятся представители и тех и других сил. Вот почему принимаемые решения являются компромиссными. На компромисс идут и та и другая стороны. Потому что нельзя затягивать на неопределенное время принятие решений — надо действовать. Отсюда и половинчатость.

Так получилось, например, с госзаказом. В одной и той же статье Закона о предприятии сказано: госзаказ размещается, как правило, на конкурсной основе и предусматривает взаимные обязательства сторон. И тут же: госзаказ устанавливается вышестоящей организацией и является обязательным для предприятия. Но это в принципе несовместимо!

Ситуация, скажу прямо, очень непростая, она является следствием реальной расстановки сил в обществе. Причем консервативные силы вовсе не обязательно сосредоточены, скажем, в управленческом аппарате, хотя как раз там их немало. Есть сторонники радикальной реформы в аппарате управления, но есть и консерваторы среди ученых. Расстановка сил не носит четко выраженного профессионального характера. Все гораздо тоньше. Но так или иначе, а приходится идти на компромиссы, что наносит ущерб обществу. Ведь эффективны лишь целостные решения.

Думаю, настала пора четко обозначить позиции обеих сторон. И сделать это гласно. Без уклончивости и половинчатости, без дипломатии и излишнего в этом случае джентльменства — как бы кого не обидеть... Пора наконец обществу знать: кто за что.

К сожалеиию, мы никак ие можем освоить демократические методы при выработке решений. Не хватает опыта, иавыков. Скажем, прогрессивио мыслящий депутат возражает против компромисса, заложенного в законе. Но ведь он не может быть против закоиа вообще. И поэтому голосует за его принятие, хотя с чем-то не согласеи. Этого можио было бы избежать, если предусмотреть процедуру раздельного голосования по тем или иным вопросам. Допустим, депутат голосует в целом за принятие какого-то закона, ио по отдельиой его спорной статье идет раздельное голосование. И тогда сразу становится ясио, кто какую позицию занимает. И вполие возможно, что избиратели найдут возможность воздействовать иа своего депутата, если он отступил от их линии.

— Компромиссы, споры — все это, может быть, и полезио, ио иаступает такой момеит, когда иельзя откладывать приiнятие решения. Так мне кажется...

— Да, фактор политической воли необходим. В подобных ситуациях высшее политическое руководство обязано проявить решительиость. И это естественно, поскольку именно оно способно наиболее последовательио выражать общественное миение, общенародную волю, стать выше интересов отдельных групп. Кстати, скоро такая ситуация виовь возникнет — когда подойдет время принимать план тринадцатой пятилетки. Это будет новая проба сил. Тринадцатая пятилетка имеет принципиальный характер. Многое будет зависеть от того, какие подходы и параметры заложим в нее.

— Мие кажется, еще не создана целостиая и полиая коицепция перестройки, поэтому и бросаемся то туда, то сюда.

— А вот в этом я с вами не согласен. Да, три года назад коицепции перестройки не было. Но сейчас она есть. И я должеи сказать, мы никогда прежде иичего подобного ие имели. Посмотрите: нынешняя программа охватывает все преобразования, начиная с миогообразия форм и видов собственности, сочетания крупных, средиих и мелких предприятий, финансовой системы, определения роли и места кредита, прииципов ценообразования. Повторяю, такой теоретически проработанной модели у иас никогда ие было: ни в 1965 году, ии в 30-е годы, когда создавалась административная система управления и ее «дети» — наркоматы, ни даже в период нэпа.

Я мог бы согласиться с частью вашего утверждеиия, а именно: концепция перестройки ие усвоена общественным сознанием. Оно как бы скользнуло по поверхности, уловило лишь какие-то частности.

Почему так происходит? Наверное, и потому, что внимание печати приковаио к истории, преобразованиям в политической системе, а до экономики ей как-то все недосуг. В системе политического и экономического образования считают, что они не должны заниматься просветительской работой, их задача — конкретная экономика. Есть и еще одна причина, иа мой взгляд, главиая... В отличие от предыдущих реформ, нынешняя включает в себя такое поиятие, как приицип закономерного миогообразия. На XXVII съезде об этом сказано так: принципиальиым отличием нашей перестройки управлеиия является отказ от попытки найти единые формы и методы хозяйствоваиия для всех отраслей иародного хозяйства. А это зиачит, иельзя (и вредно!) пытаться заключить многообразие в прокрустово ложе универсальных решений. Есть политическая директива, есть закои. В их широком русле и надо действовать.

Но как описать все это многообразие в статье, книге? Да и иет, и не может быть уверенности, что завтра не найдется нечто такое, что окажется лучшим вариантом.

Правда всегда миоговариаитиа. Например, и первая и вторая модель хозрасчета имеют равные права иа существоваиие. А их сторонники иередко прилагают иемалые усилия, чтобы доказать преимущество одиой и иедостатки другой.

— В котором именно «часу» мы наконец перестанем балансировать между старой и иовой системами хозяйствования?

— Через два года. Как известио, мы стояли перед выбором: либо отказаться от плаиа двенадцатой пятилетки, разработанного по старым прииципам, пересмотреть его, пойти иа радикальные изменеиия, либо сохраиить его иа всех уровнях — от иародиого хозяйства в целом до предприятия — и постепеиио приспосабливать новый мехаиизм к этому пятилетиему плану. Было приията второе решеиие. В итоге преобладающей (ие иаполовиму, а преобладающей) и сегодия остается административиая система. И так будет до коица пятилетки. Поэтому завершеиия преобразований мы можем ожидать только к началу 90-х годов. С этого времени мы можем ожидать и серьезиых перемен в экоиомике. Сейчас же иичего не остается, кроме как приият̆ь имеющиеся условия, действовать в данной ситуации и стремиться иайти эффективиые решения.

— Что вы имеете в виду под эффективными решеииями?

— Прежде всего, очеиь важно ие упустить трииадцатую пятилетку, заложить в иее прогрессивиые решеиия: балаисы, иормативы, пропорции. Необходимо избежать жесткости в плаие. Если ее допустить, неизбежио сохранится госзаказ иынешнего образца. Пятилетка должиа быть достаточно гибкой, эластичной — и это главиое условие для того, чтобы успешио завершить первый рауид противоборства с админиистративной системой.

Второе: за оставшиеся два года иадо выполнить весь комплекс иамеченных преобразоваиий. Я говорю о фииаисово-кредитиой реформе, реформе ценообразоваиия, о переходе иа оптовую торговлю средствами производства (хотя бы в основиом). Трудиые задачи. Экономика рассогласоваиа, деформирована, диспропорции буквально раздирают ее. Поэтому два года — это ие затяжка, это — оптимистический срок.

— Трудно смириться с тем, что существующая административная система продолжает усугублять положение экономики. Это все равно, как если бы на наших глазах творилось зло, которое мы можем пресечь, но не пресекаем.

— Такова реальиость. И пресечь — ие означает отсечь. Административная система ие существует изолироваиио, оиа — иаша плоть. Кроме того, — и это следует уточиить, — когда я говорил о трииадцатой пятилетке и о том, что только с этого момеита можио ожидать *существенного, коренного* улучшения, то это ие озиачает, что уже сегодия мы ие способны добиться улучшеиия. Мы часто прямолинейно связываем результаты фуикционироваиия экоиомики с хозяйствеиным механизмом. Но ведь прямолинейной связи между ними нет. На самом деле результаты хозяйствениой деятельности являются следствием действия двух сил: существующего мехаиизма управлеиия и собствеиио экономической политики.

Когда произошло сокращеиие экспорта и соответствеиио сокращеиие импорта, потребовались решеиия в области экоиомической политики. Обратите виимаиие: ие иужно было меиять механизм управлеиия, систему цен, не иадо было виедрять хозрасчет. Нужио было приият̆ь решеиие политического характера: иа что сократить импорт. Следовало ли урезать валютные средства иа медикаменты,

кофе, зубную пасту, обувь? Ведь мы только что провозгласили приоритет социальных ценностей и вслед за этим без особых сомнений урезали их. В итоге вокруг перестройки создали отрицательный фон, посеяли панику, раздражение.

Есть и другая сторона. Скажем, сэкономили валюту на потребительских товарах, например обуви. Но на каждый сэкономленный валютный рубль потеряли 7—8 рублей в розничном товарообороте (такова структура цен).

Вообще есть острые проблемы, отравляющие нашу жизнь, но которые можно решить в короткий срок. Возьмем даже такую деликатную проблему, как мясная. Аренда в животноводстве может дать крупный эффект, но этого мало. Почему бы уже сегодня не использовать принцип самообеспечения, основанный на фиксированном объеме поставок в централизованный фонд?

— Сейчас мы понемногу прозреваем и начинаем замечать: государство несет излишние, а то и просто ненужные затраты. В частности, на содержание убыточных предприятий. Огромной стоимости достигли омертвленные ресурсы. Каково ваше восприятие этой проблемы?

— С убыточными предприятиями, на мой взгляд, все ясно. Исключив угольную промышленность, где исторически сложились несбалансированные цены, все другие надо было бы к концу нынешней пятилетки ликвидировать. И это справедливо в отношении таких предприятий и трудовых коллективов. Действительно, что бы мы ни говорили, а граждане страны из своих карманов оплачивают убытки таких предприятий. Думаю, следует провести открытую показательную ликвидацию нерентабельных предприятий. Рассказать в печати о последствиях, о тех, кто живет за счет общества. Конечно, безработица нам не нужна, но люди, работающие на убыточных предприятиях, должны наконец почувствовать, что они находятся на иждивении своих сограждан, что это несправедливо и аморально. Надо, чтобы они поняли, до чего их довели и во что это нам обходится. Я выступал с такими предложениями, но, знаете, жизнь повернулась другими гранями, неожиданными для меня. Уже были подготовлены предложения по ликвидации ряда предприятий, как вдруг коллективы попросили повременить с этим, отдать им предприятия в аренду. И вместо ликвидации начался процесс преобразования предприятий в кооперативы. Результаты получились очень хорошие. Это обнадеживает.

Можно и нужно сокращать затраты на строительство дорогостоящих объектов, которые сооружаются десятилетиями. К тому же на подобных объектах заложена устаревшая технология.

Речь может идти и о перераспределении ресурсов в так называемые финишные производства, к примеру в перерабатывающую промышленность.

Вы упомянули омертвленные ресурсы... Их запасы достигли фантастических размеров и стоимости: около 400 миллиардов рублей, или двух третей национального дохода. И здесь нужны механизмы, приводящие ресурсы в действие. Почему бы не организовать кооперативы для реализации излишков?

Мы должны устранить парадокс современной экономики — дефицит при гигантских неиспользованных ресурсах.

Т. Заславская

Академик

Коренной вопрос перестройки [1]

— Татьяна Ивановна! Тезисы ЦК КПСС предлагают нам совершенно новые условия жизни. Они ко многому обязывают каждого. Однако люди, выросшие в эпоху, когда социальная активность не поощрялась, а инициатива была наказуемой, остаются скованными. Словно вокруг каждого из нас очерчен невидимый другим, но весьма императивный «круг запрета», отделяя «принятое» от «непринятого»...

— Такой круг — опасная вещь. Распространенная. Традиционная. В него многое вписывается. Скажем, пассивность большинства депутатов Верховного Совета. Насколько я знаю, подлинно радикальной социальной инициативы никто из депутатов за последние четверть века не проявлял, хотя ничем не рисковал, ни к одному не применили бы никаких акций, что бы он ни потребовал. Однако, как мы знаем, Совет до той последней сессии, когда бурно обсуждался проект Закона о кооперации, по сути, автоматически штамповал решения, подготовленные аппаратом.

Вы правы: после долгого безвременья трудно сразу обрести другие привычки и вести себя подлинно свободно — так, как считаешь необходимым. Наше сознание замусорено множеством ошибочных представлений, иллюзий запрета, скепсисом. И это характерно для всех слоев общества. Но именно от уровня общественного сознания сейчас зависит очень многое в судьбе перестройки.

Я считаю, что ключ для понимания перестройки дан в словах Михаила Сергеевича Горбачева о том, что перестройка — это социальная революция. Такой я вижу ее (во всяком случае, хочу видеть!) в Тезисах ЦК КПСС.

Революция — это радикальный способ изменения общественно-экономической формации. Маркс назвал революции «локомотивами истории».

— Главный вопрос, который должна решить любая революция для своей победы?

— Власть. Без решения вопроса о власти революций не бывает. Наша сегодняшняя — не исключение. С перераспределением власти связана передача большей части дохода, прав, социальных льгот от верхних этажей общественной пирамиды нижним. Это глубоко демократическая акция, но понятно, что провести ее можно только за счет ущемления интересов тех групп, которые сегодня занимают привилегированное положение, и в первую очередь аппарата управления — партийного, советского, хозяйственного. Принцип радикального перераспределения власти «встроен» в сам замысел перестройки — это и делает ее социальной революцией. Кардинальные преобразования требуются для выведения нашего общества на ленинский путь социалистического развития.

Однако из того, что они необходимы, было бы преждевременно делать вывод, что они уже происхо-

[1] Известия. 1988. 4 июня. Беседу с Т. Заславской вела Е. Манучарова. Печатается с сокращениями.

дят; иначе говоря, что осуществляемые в обществе меры уже носят революционный характер. Утверждать это — значило бы обманывать себя и других. С моей точки зрения, систему осуществляемых мер пока можно оценить лишь как довольно некомплексную, противоречивую, базирующуюся на многих компромиссах реформу, недостаточные темпы и малая эффективность которой пока сдерживают развитие общества.

До подлинно революционных преобразований нам предстоит еще дорасти. Точнее, их надо завоевать в нелегкой социально-политической борьбе, заметно изменив сегодняшний баланс общественных сил.

Надо сказать, что далеко не всеми была подхвачена идея перестройки как революции. Необходимость принципиального изменения общественных отношений, последовательного преодоления всех элементов «уравнительного социализма» пока осознана немногими. Вот почему и о перестройке люди чаще говорят не как о глубинном процессе, а как о проявлении его отдельных черт — хозрасчет, дисциплина и т. д. И все же на протяжении последних трех лет общественное сознание стало активнее, оно политизировалось — людям важны, интересны политические события, судьба страны. Это объясняется тем, что в сфере идеологии произошли истинно революционные качественные сдвиги.

Да, сейчас, как и записано в Тезисах, действительно создана принципиально новая идейно-политическая ситуация в обществе. Гласность, свобода выражения позиций, плюрализм мнений — совершенно необходимые предпосылки для дальнейшей радикализации общественных отношений.

Естественно, что с этого и должна была начаться революционизация общества. Если бы не раскованось сознание людей, то были бы невозможны дальнейшие социальные и экономические перемены.

А главное — мы не в состоянии были бы даже понять, что же именно нас стопорит. Ведь далеко не сразу была осознана органическая связь экономики и политической сферы. Стереотипы держали прочно наше сознание, и мы не хотели открыто признать ограничивающее влияние нашей политической системы на развитие экономики.

А оно проявлялось в прямом противоречии жесткого диктата командно-административной системы с идеями последовательного развития товарно-денежных отношений, рынка, учета интересов потребителя.

Ведь до тех пор, пока остается императивная сила телефонных звонков из директивных органов хозяйственным организациям, экономика не может нормализоваться.

— Остановимся на сегодняшних препятствиях реформе. Обстановка ведь непростая.

— Естествено. Перестройка общественных отношений осуществляется не в пустом пространстве, а там, где пересекаются жизненно важные интересы различных классов, слоев и групп нашего общества. Каждый из них стремится защитить свои интересы, добиться их реализации и не допустить угрозы для них. Деловые требования к руководителям в новых условиях, естественно, возрастают. Труд усложняется. Повышается требуемый уровень интеллектуальности. Одного этого достаточно, чтобы часть руководителей заняла консервативную позицию, не торопилась с практическим изменением методов управления производством.

К названным факторам надо добавить недостаточную продуманность, неувязки, неразбериху, неизбежно возникающие в связи с первыми попытками перехода предприятий на новые условия хозяйствования. Это еще более расширяет

круг руководителей, недовольных течением перестройки. Поддерживая ее принципиальную концепцию, они считают, что последняя не внедряется в жизнь, что многие практическн вводимые новшества иа практике только укрепляют адмииистративно-командное руководство.

Отсюда — скептнцизм, а соответственно и резервирование собственных старых позиций.

Для нашего общества всегда была характерна очень высокая концентрация власти. Большиинство представителей верхией группы занимают ответственные места одновременно в нескольких правящих органах. Члеиы ЦК КПСС становились депутатамн Верховного Совета, руководители республнк — членами ЦК КПСС, министров вводили в Верховный Совет и в ЦК. Словом, всегда формировалось сильиое и иикому ие подотчетное правящее ядро. Централистское начало резко доминировало над демократическим.

Во времена застоя аппарат управления располагал огромной властью. Командный стиль управлення нижестоящими звеньямн, безусловное исполнение приказов вышестоящих, формализм и бюрократизм в решении вопросов, затрагивающих интересы людей, минимизация прямых контактов с трудящимися становились здесь характерными чертами поведеиия.

Вот почему именно в этой группе можно вндеть н сейчас наиболее стойких носителей идеологических взглядов поры застоя. Многие из них не желают сдавать позиций, уступить хоть толику власти, они позволяют себе игнорировать даже острую критику прессы.

Большую опасность представляют и работающие в аппарате управления квазисторонники перестройки. Создавая видимость высокой активности, деятельного участия в выработке директивных документов и инструкций, оии на практике незаметно сводят усилия по преобразованию на нет.

Думаю, что эта группа долго будет располагать большим объемом прав. Поэтому пока сохраняется немало «заповедных зон», которых словно бы не касаются пронсходящие в других районах преобразования. Смена руководящнх кадров хотя и меняет ситуацию в лучшую сторону, но пронсходит сравннтельно медленно и не всегда удачно.

Множество невндимых, но ощущаемых барьеров явно рассекает общество на постоянно консолидирующиеся и осознающие противоположность своих интересов группы. С одной стороны, инициаторы, сторонники и союзники, а с другой — противники перестройки. В связи с этим возникает вопрос о той «социальной цене», которую наше общество может, должно н готово платить за преодоление своей отсталости, за очищение от накопленной грязн, за нравственное обновление.

— Возиикает вопрос и о выборе варианта пути.

— Вы о нескольких путях развития страны и улучшения общества? Да, действительио, до последнего временн было неясно, на что замахнется перестройка. По какому пути мы сможем пойти, не скатимся ли к простейшей либерализации, к попыткам несколько подремонтировать существующую систему, ие меняя ничего по существу. Многим общественным группам было бы выгодно остановиться на этом, а они далеко не сторонние наблюдатели. Это вполие реальная сила.

Тезисы, как я уже сказала, иесут в себе заряд идей соцнальной революции. Однако победу еще надо добыть в тяжелейшей борьбе.

— Могли ли мы откатиться иазад? Возможеи ли был такой зигзаг истории? Угрожал он иам?

— Думаю, что сейчас такой угрозы уже нет, хотя силы у реакции

(назовем так эту группу) еще остались. В стране разгромлены чрезвычайно влиятельные очаги организованной преступности. Эти кланы объединяли разложившуюся часть работников торговли, дельцов теневой экономики, а также коррумпированную часть аппарата власти, включая правоохранительные органы. Такие крупные кланы преступников устанавливали на «опекаемых» территориях режим беззакония. Некоторые мафии раскрыты и наказаны, но думаю, что есть еще и затаившиеся. Вряд ли они могут позволить себе просто пассивное пережидание — для них перестройка означает потерю всего. И они не остановятся ни перед чем.

Опубликованные Тезисы ЦК КПСС укрепляют ощущение необратимости революционной перестройки.

— Пожалуйста, назовите в Тезисах пункты, которые вы считаете действительно судьбоносными.

— Прежде всего, конечно, превращение в полновластные органы власти Советов народных депутатов и отказ партийных органов от вмешательства в решение хозяйственных вопросов. Иначе говоря, четко разграничиваются сферы власти: управление страной и социально-экономическими процессами будут осуществлять Советы, а партийные органы будут выполнять собственно политические и идеологические функции. Такое распределение позволит преодолеть ненужную и вредную опеку политических органов над хозяйственной деятельностью.

Лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый Октябрем, в последние годы приобрел в народных массах особую популярность. В Тезисах, мне кажется, выражена именно эта истинно ленинская революционная идея. Для жизненного обеспечения и реализации этой идеи Тезисы предлагают систему конкретных мер. Одна из них направлена против «личных уний», о которых я говорила,— против слияния исполнительной власти с законодательной. Скажем, членов исполкомов уже нельзя будет избирать в Советы. Совет — высший законодательный орган, а исполком — организация подконтрольная, подчиненная Совету.

До сих пор депутаты делили время между основной работой и представительством на сессиях. При этом доминантой, естественно, оставалась основная профессия. Поэтому они легко соглашались проголосовать за любое решение, подготовленное аппаратом (исполнительной властью). И особенно даже не задумывались над его содержанием, часто не успевали в нем даже как следует разобраться. Для усиления Советов часть депутатов будет на период избрания освобождена от своей профессиональной работы.

Важным представляется мне и ограничение сроков пребывания на руководящих выборных должностях. Это обеспечивает ротацию кадров.

На обсуждение выносится еще одна принципиальная позиция — отказ от номенклатурной системы формирования кадров. Это очень важно, но мне хотелось бы видеть этот Тезис сформулированным более четко.

Весьма существенна идея самоочищения рядов коммунистов, это поможет партии защититься от тех людей, которые, не разделяя ее основных идей, вступили в КПСС по корыстным соображениям. Несомненно, такие люди в партии есть. Надо освобождаться, но как? Ведь неясно, кто будет проводить переаттестацию, кто сможет с полным знанием всех обстоятельств объективно вынести решение о чуждости того или иного члена партии? Скажем, общеизвестный пример с Узбекистаном показывает: верх в партийном аппарате при определенных условиях могут взять

именно те люди, которым в партии не место.

Обсуждение Тезисов уже развернулось, люди требуют более радикальных изменений. На мой взгляд, это чрезвычайно важно. В этом сказывается повышение уровня общественного сознания. Три года назад сама публикация подобных Тезисов, наверное, просто вызвала бы массовый шок.

Для общества важно, чтобы обратные связи шли наверх по множеству каналов, а не одному кому-то. Хорошо, что у нас большая мощная пресса, телевидение, растут социальные инициативы.

— Вы о неформальных объединениях? Есть от них польза?

— Пока они еще, может быть, недостаточно зрелы в социальном плане. Но их надо поддержать. На мой взгляд, нужны организационные формы, в которые могло бы вылиться стремление множества людей активно участвовать в преобразовании общественных отношений. Сейчас все чаще говорят о создании «Народного союза содействия перестройке», действующего на общественных началах. В Эстонии это уже сделано. Почему бы не распространить опыт на Союз? Если такую инициативу поддержать, организация сможет существовать на народные, а не на государственные деньги.

Есть фонды, защищающие детей, культуру, мир. Должен быть и фонд помощи перестройке. Неформалы могли бы оказать немалую пользу обществу, став еще одним каналом обратных связей для правительства.

— Многие не принимают саму идею неформальных объединений.

— Недоверие вряд ли распространяется только на молодые социальные инициативы. И бесконфликтным развитие общества не бывает. Отрицать неизбежность борьбы групповых интересов в связи с перестройкой — значит закрывать глаза на реальность. Но не таким трудным будет наш путь, если мы сознательно и своевременно привлечем на помощь науку. Она необходима для выработки стратегии социального управления перестройкой. И она позволит минимизировать и «окультурить» межгрупповые конфликты, снизить социальное напряжение в обществе, с тем чтобы можно было добиться намеченных целей меньшей социальной ценой.

Меньшей. Хочу подчеркнуть это. Здесь чрезвычайно важно понимание меры вещей. В условиях противостояния интересов различных социальных групп попытка абсолютизировать линию на смягчение конфликтов в действительности может обернуться выхолащиванием основных идей перестройки. И односторонняя ориентация на компромиссы, чрезмерная боязнь задеть интересы той или иной группы стает тормозом развития. Вот тогда медленный ход перестройки приведет к резкой неудовлетворенности трудящихся, хотя проводится она именно в их интересах. Реализация продуманной стратегии управления перестройкой даст возможность ускорять ход революции.

Ведь только убежденное самоотверженное участие самых широких масс способно обеспечить ее победу. Социальная революция, осуществляемая силами аппаратчиков, революция «сверху» пройти не может. Она должна стать делом тех, кто в ней кровно заинтересован: передовой части рабочих, колхозников, интеллигенции. Необходимо резко усилить ее влияние на ход перестройки. Тезисы показывают, как много можно сделать, если изменить структуру политической власти.

— Вы повторите на партконференции все свои смелые идеи?

— Меня там не будет. Не избрана. Но считайте, что свою речь я уже здесь сказала.

Ю. Афанасьев

Профессор, доктор исторических наук

С позиций правды и реализма [1]

— В числе явлеиий, которые тревожат сегодня наше общество,— социальная пассивность. Что могут сделать историки для преодолеиия этой беды?

— Для преодоления ее, да н других бед нам нужна правда об обществе, в котором мы жнвем. Тут, пожалуй, однн нз самых решающих пунктов для понимання нашего соцналнстнческого будущего. Ведь прошлое — это не какая-то отдельная проблема, не одна нз проблем. Без прошлого невозможно самосознанне, непонятна вся сфера современных смыслов н бессмыслнц, страхов, надежд, планов. Так уж мы устроены, что сама наша способность расставаться с прошлым нуждается в знании о нем и опоре на него. Это принцип.

Но нменно в данный момент, в свете решаемых обществом задач, особенно необходимо знание двух узлов нашей советской истории: 1917—1929 годы — «прн Леннне и после Леннна» н 1956—1965 годы — «после Сталина, XX съезд н попытки реформ». Стоит внимательно вглядеться в победы н поражения этих наиболее динамичных, богатых противоречиями пернодов.

Поговорнм более конкретно, зададнмся вопросом: достаточно ли мы разбнраемся в борьбе ндей н социальных проектов, «моделей» социализма, предлагавшнхся прн Ленине и после его кончины? Нужно заново перечитывать н, следовательно, закончить переизданне матерналов съездов н партконференцнй, кардинально изменнть режим работы архивов. И глубоко, до всей возможной тонкостн вдуматься н в сталкивавшиеся тогда верные лнбо ошнбочные иден, в их социальные корни, во внутреннюю логнку.

Далее. Отношение разных людей к Сталину не однозначно. При всем этом его доклады и статьи никоим образом не должны выпадать нз сферы нашего вниманчя. Еслн понадобнтся, нх следует, может быть, н переиздать. Наше телевндение ннигда до снх пор нам показывает его только в ореоле мудрости и мощи. Пусть молодое поколение получит возможность составнть объективное представление о нем, положив перед собой его труды и труды Ленина н его соратников. Дело не в том, чтобы просто вернуться к XX съезду, а в том, чтобы обрести новую глубину анализа.

Еще один момент в продолженне той же мысли. В недавнем телевизионном фильме «Мои современники» молодой Гагарин после возвращения на Землю шагает по ковровой дорожке. Интересно, кому он будет рапортовать, кто же это пожнмает ему руку? Молодежь не знает. Людн постарше переглядываются. Надо лн было оставлять Хрущева за кадром? Ведь это сложная, неоднозначная фигура. Роль его в послевоенной историн нашего общества еще предстоит уточнять. Сколько же можно делать вид, будто его вообще не было? И Гагарин вынужден шагать куда-то вдаль, из пустоты — в пустоту. Нужно помнить все!

[1] Сов. культура. 1987. 21 марта. Беседу вела Т. Меншикова. Печатается с сокращениямн.

Мы говорим о застое последиих 15—20 лет. Горько думать, что с застоем связаиа лучшая, зрелая часть жизии моих ровесииков. И ее уже не вериешь! Но ведь тем более иельзя ее забывать. И она важиа и поучительиа. Будем же помиить, вспомииать и думать иад съездом X и съездом XX. Будем думать и вспомииать ради XXVIII и XXIX съездов иашей партии. Будем вспомииать и плохое, и опыт всех достижеиий и парадоксов нашей истории, всего мужественного и честиого в ией, опыт всех осуществлеииых, и ие осуществлеииых тоже, начииаиий. Нам иужио подвергнуть аиализу историю иачала и неудачи экономической реформы середииы 60-х годов.

И зиаете ли что еще? Нам нужеи постоянный, хорошо документироваииый, бесстрашиый журиал по истории партии. Ведь иадо же хоть сколько-иибудь разгрузить М. Шатрова.

— Ну а пока этого иет, возиикают мифы. И особеиио их миого появилось в последиие годы. В чем корни исторической мифологии, бытующей в обыдеином созиаиии типа: «Николай II не был глупым», «Колчак — личиость» и других? На чем они произрастают?

— Может быть, то, что вы иазываете «мифами», в какой-то мере естествеиио — исторические аиекдоты, толки, отзвуки. Удручают ие «мифы», ие полусуеверные куски обыдеииого сознаиия, но то, что оии бытуют вместо исторических трудов, а не иа обочиие серьезных исследоваиий. Надо приучать людей мыслить широкими и глубокими категориями, а не пробавляться аиекдотами. Тогда бы стало ясно, что Николай II был ие только недалеким, плохо или среднеобразоваииым человеком, ио вероломным, упрямым и жестоким, что отмечали близко зиавшие его люди.

Почвой для мифологизации реакционных исторических деятелей служит и устаревшая еще лет 50 назад традиция изображать их в шаржированиом виде, что уже ие отвечает современиому уровию культуриого развития советских людей. И разве ие сказывается тот вакуум в освещеиии реакционных исторических фигур и периодов реакции, что создавался искусствеиио, путем наложеиия фактического запрета иа такую проблематику?

А наряду с этим одиовремеино история революции обедиялась, оставалась обезличеииой, закованиой в социологические схемы, не затрагивающие души людей, особеиио молодого поколеиия. В духовиой жизни общества деформировались моральные ориеитиры. Некоторые же авторы иачали откровенно отказываться от классового подхода в оценке фактов и отдельиых исторических личиостей.

Все это ощутимо поколебало устойчивость демократических традиций в нашем общественном самосозиаиии. Стала создаваться идеология (кстати, получившая активную поддержку в иекоторых кругах), замешаииая иа влечеиии к так иазываемым сильиым личностям. Это — крайие серьезиое явлеиие. Подмена классового, даже хотя бы демократического подхода в освещеиии деятелей и событий прошлого особеино усилилась за 70-е годы.

Отождествляя культуриое иаследие русского народа с результатами деятельиости царизма и господствовавших в России классов, некоторые авторы восторгаются происшедшим в 30-е годы поворотом от «сурового догматизма» предшествующих лет, когда историками-марксистами пересматривался уиаследованный от дворянской и буржуазной историографии апологетический взгляд иа историю самодержавия. Ратуя за то, чтобы история не довольствовалась «ограииченными рассуждеииями» о «мрачной», «глухой поре», иные авторы исторических, публицистических и художествеииых сочинеиий

взяли иа себя вовсе ие оригиальную задачу популяризации «общенациональиой» миссии русских царей и вельмож, выдавая их за выразителей иитересов всех классов, общества в целом. Эта лииия прочеркивается от Киевской Руси (Наш современник. 1982. № 4) через времена Иваиа Грозиого, Екатерины II и ее сподвижников и до Николая II. Скажем, Ф. Нестеров пытается убедить читателя, что русские люди сохраияли такую «верность государю... как и верность Богу», что при всей жестокости Ивана Грозного существовала «такая сильиая к иему любовь народа», какую прочие государи могли приобрести «только посредством снисходительности и ласки», и т. д.

Увы, эти взгляды получили довольно широкую прессу. Они тоже опора тех «мифов», о которых вы говорите.

— Превозиося роль самодержавня в развнтнн русского государства, западные нсторнкн утверждают, что Октябрь 1917 года прервал естественный ход нсторнческнх событнй. Насколько серьезно мы должны относнться к такого рода рассужденням?

— Что касается апологетики самодержавия, то это разрыв с традицией русской интеллигеиции. Притом интеллигенции не только социал-демократической, но и всей прогрессивной, демократической. Не учитывать мощную волну критики самодержавия, исходившую из лагеря буржуазии,— значит опять-таки лишь весьма отдаленно представить, что на самом деле произошло в те дни. Все чувствовали, знали, что будет революция, и даже, может быть, те, кто ее боялся; все знали: ее не миновать.

А вот что до вмешательства Октября в естественный ход вещей — тут все тоньше, сложнее. Собствеиио, те, кто так оценивает Октябрь, правы. Это не их мысль, это — иадо лишь вдуматься — мысль Ленина. Ведь это он говорил, что Октябрь озиачал видоизменение обычиого порядка исторического развития. Всякая революция такой ход нарушает. Собствеиио, а все, что создаио человеком, разве естественный ход вещей? Созидая, люди порой круто меняют течение жизии. Ведь не будь апреля 1985 года, «естествеииым ходом вещей» были бы застой, коррупция, кумовство.

Ну а если вернуться к Октябрю, то за продолжение «естественного хода вещей» были меиьшевики — Плехаиов, Мартов в частности. Оии считали, что Россия не готова к социализму, что капитализм здесь иедозрел. Ленин понимал, что все это — не глупость. Более того, ои видел эту неготовность не хуже, а лучше меньшевиков. Известио, каким был и его ответ.

Диалектический парадокс Октября в том, по мысли Ленина, и состоял, чтобы вмешаться в «естественный», ио ставший иевыносимым ход вещей, а затем при помощи рычагов пролетарской власти н путем культурной революции ускорить подготовлеииость России к социализму. Вот и сейчас перед нами такая же невероятио сложная, парадоксальная задача: так усилить, улучшить управление страной, чтобы оно, это управление, в наибольшей степеии усилило позиции социализма, подготовило переход к самоуправлению.

— Выходнт много интересных кннг по нсторнн дореволюцнонной России, но нашн читателн не смогут, наверное, назвать нн одной столь же популярной кннгн по нсторнн советского пернода. Не считаете лн вы, что нсторнкн в чем-то утратнлн воздействне иа общественное созианне?

— К сожалению, это так. У нас появлялись — пусть и нечасто — книги по истории, которые становились общественным и культурным событием. Но по советской истории это редкость.

Историку, чтобы говорить проблемно, масштабно, по-деловому об

обществе, в котором мы живем, надо иметь на это еще и моральное право. А его можно завоевать только в борьбе с теми, кто обрекает историю как науку на социальную пассивность, и со своими собственными язвами — инертностью, раболепием. Негоже нам, историкам, судить об обществе как бы со стороны, выступать перед ним то ли в белом халате, то ли в белом фраке. Уж кто прежде должен исцелиться, а пожалуй, и покаяние совершить, так это прежде всего мы сами. А в нашем собственном цехе перестройка, будем надеяться, еще впереди. Да, призывов к дискуссиям и теоретическим обобщениям было предостаточно. Но ведь каждый знал, что теория и новое знание в исторической науке поощряются лишь при условии, что они не расходятся с «общепринятыми» мнениями. Отход от «нормы» грозил историку многими последствиями — вплоть до устранения с горизонта науки. Сошлюсь лишь на судьбы историков В. В. Адамова, Э. Н. Бурджалова, П. В. Волобуева... и можно далее по алфавиту.

...И тут нужна откровенность. Ведь посудите: на 20 лет было прекращено движение мысли. Не абсолютно, конечно. Мысль совсем остановить нельзя. Но все-таки годы искусственного торможения! Сейчас стало модным вздыхать по поводу общей ситуации, складывавшейся в стране, по поводу вселенской безысходности прошедших лет. И об этом, наверное, надо думать. Но ведь были же и конкретные адреса. Не случайно же М. С. Горбачев постоянно к ним возвращается, называя в том числе и ЦК КПСС, руководство страны. И это надо делать всем. Анонимная критика — не лучший спутник перестройки. Были и есть конкретные люди, непосредственно «творившие» застой. Их по крайней мере надо знать, тем более что образ их мышления и способы действия работают и сегодня в том же направлении. Кампания по пресечению научных поисков в исторической науке в начале 70-х годов была возглавлена С. П. Трапезниковым, пользовавшимся неограниченной вседозволенностью в руководстве наукой и насадившим едва ли не на все должности зависимых от него и спаянных на этой почве «деловыми» узами лиц. Иные из них продолжают сегодня «ведать» исторической наукой и не устают призывать к «смелым поискам и дискуссиям». На состоявшемся 9 марта заседании отделения истории АН СССР член-корреспондент П. В. Волобуев назвал по именам некоторых из этих людей и резко критиковал состояние нашей исторической науки. Но голос его прозвучал достаточно одиноко. С другой стороны раздались призывы некоторых администраторов «не торопиться с перестройкой». В этой сфере, я думаю, поляризация позиций должна усилиться. Грядет новая эпоха, а не проводится очередная кампания.

— Конъюнктура? Какие беды принесла она науке и в целом всем читающим людям? Какие периоды нуждаются в новом и более правдивом прочтении?

— Что вы! У нас сейчас нет никаких конъюнктурщиков. Судите сами. Одни и раньше были думающими людьми. Другие же думать никогда не умели или же напрочь разучились это делать. Всю свою жизнь они ловили установки. А сейчас установка на самодеятельность, на самосознание. Установка против «установки». Фантастическая ситуация, не правда ли?

Серьезно же говоря, многие люди не хотят перестраиваться, потому что это затрагивает их интересы, и к тому же, если угодно, они просто не могут этого сделать. Нужны свежие силы. Вот почему, я думаю, тема второго после XXVII съезда Пленума ЦК партии — кадры.

Какие периоды нуждаются в новом и более правдивом прочтении? Логика развития науки не признает

проблем, вполне изученных и не нуждающихся впредь в пересмотре. Но в наших условиях, когда главная задача историков — добиться перестройки и сделать этот процесс по возможности необратимым, есть, по-моему, некоторые вопросы ударного значения. Думаю, пора поставить на деловую основу изучение комплекса проблем, связанных с культом личности Сталина. У нас нет ни одного исследования по этому крупнейшему вопросу. Между тем немарксистская историография по этой теме исчисляется сотнями, тысячами публикаций. Мы же продолжаем ее игнорировать. В итоге в трех соснах блуждают даже такие специалисты по сталинской эпохе, как В. И. Касьяненко. Я говорю «блуждают», потому что идут, на мой взгляд, в изучении проблемы не вперед, а назад.

Например, прямо не укладывается в голове утверждение, будто массовые репрессии против честных советских людей в 30-х годах являлись то ли «ошибкой», то ли «недостатком» «в соблюдении социалистической законности» (упомянутым в одном ряду с недостатками «в бытовом обслуживании») или даже «неизбежными издержками классовой борьбы и революционного переустройства общества». Известные партийные решения характеризуют их иначе — «извращения», «произвол», «беззакония», «злоупотребления властью в период культа личности», действия «преступной банды» Берии. Так они вошли в народное сознание. После 1956 года никаких научных данных для пересмотра этой оценки не появилось, не привел их и В. И. Касьяненко в статье «Построение социализма в СССР и идеологическая борьба двух миров» (Вопросы истории. 1986. № 2). Партийные решения не отменены. Пересмотр их, таким образом, несостоятелен политически и морально.

— Сегодня мы все больше предпочитаем читать и Маркса, и Ленина без посредничества интерпретаторов. Почему они стали не помощью, а барьером на пути к марксизму?

— Вы задаете риторический вопрос, сознайтесь. Ведь так и должно быть.

Надо читать Маркса, Ленина, а не учебники, не пересказ. Ужасно, что наши студенты заглядывают в первоисточники редко, воспринимают их как приложение к конспектам.

Когда мы остаемся наедине с Марксом и Лениным, они для нас не столько «учителя» — вот «обрадовались» бы они, что мы их так называем,— сколько вечные собеседники. Читая их, надо думать, а проблемы при этом не закрываются, а, скорее, раскрываются. Они нас интеллектуально будоражат. Нам надо понять основоположников марксизма на новых, не предвиденных ими поворотах истории. К сожалению, во всех учебниках они даны как уже давно и окончательно понятые. Их мысли даны не как проблемы, а как ответы.

В этом суть догматизма.

Почему, собственно, профессиональные с виду комментарии оказываются помехой? Да потому, что они — непрофессиональны. И строятся примерно на таких постулатах: что-де классики всегда и полностью были правы, что на их стороне была вся истина, на стороне же их оппонентов — вся ложь. И даже когда классики сами же это опровергают, меняясь, споря с собою вчерашними,— и в этих случаях, вместо сложных интеллектуальных коллизий, вместо поиска, выбора, сомнений и прочих свойств живого ума, комментатор говорит, что они просто учли изменившуюся действительность. Изменилась действительность, но они сами меняться не могут! У них были образованные, талантливые, а иногда и гениальные оппоненты — Пру-

дон, Бакунин, Лассаль, Кропоткин, Плеханов. Мы же часто оглупляем их оппонентов и тем самым принижаем их самих. Глубина идей Маркса, Энгельса, Ленина растет в истории, как и всякая культурная глубина, впитывающая то содержание, которого они сами непосредственно не предполагали. Их идеи открыты в будущее.

Конечно, серьезные философы и историки подходят к делу иначе, чем догматики, но таких работ пока мало.

И еще одно. Каждое время ищет у Ленина ответы на свои вопросы. Сейчас, как мне кажется, особенно интересны для нас три момента. Начальные этапы строительства экономических основ социализма. Ленинское искусство политических поворотов. И опять-таки не в деталях, а с точки зрения некоторых общих принципов политического мышления. По-ленински предельная жесткость полемики без оргвыводов. Правда, однако, и то, что он полемизировал с крупными, талантливыми, нужными революции людьми.

— **Октябрь 1917 года и октябрь 1987-го... Какие моменты того времени по-новому освещает наше время и наши проблемы?**

— Я часто задумывался над таким вопросом: почему в самый последний кусок «спокойного» времени, буквально накануне октябрьского штурма, Ленин пишет труд «Государство и революция». Всем нам надо еще и еще раз перечитать эту работу. Предстоял захват власти пролетариатом, и проблема власти — как ее осуществлять — становится главной. В социал-демократии трактовка проблемы велась так: государство или революция. Для Ленина все — в соединительном союзе: как реализовать это «и».

Это главная тема ленинской мысли, и весь наш опыт со всеми нашими победами и поражениями, весь наш ценностный опыт ее подтверждает. Революция свершается в государственных формах, а государство должно быть революционным. «Революционное государство» — парадоксальное словосочетание, и все вмещается в этот смысловой промежуток между государством и революцией. Все в этом «и». Почему? Ну можно ли представить себе, скажем, синтез «бюрократия и революция»? Главная мысль Ленина — чтобы не возникла советская бюрократия. Ему было ясно, что без государства не обойтись, а бюрократическое государство — это крах революции. Значит, проблема проблем — государство без бюрократии.

У нас на какое-то время выпало из мыслительного нашего кругозора одно из слов: о государстве мы помнили, о революции забывали. И сейчас снова эта проблема — государство и революция. И не случайно именно в этой проблеме весь пафос доклада М. С. Горбачева на последнем Пленуме, центральная часть которого озаглавлена: «Углублять социалистический демократизм, развивать самоуправление народа».

Говоря о ценностях 70-летнего пути, надо подчеркнуть и то, что мы слишком торопились с победными констатациями, забывая, что мы оказались в начале всемирного поворота, рассчитанного на века и тысячелетия. Еще не истек первый век, еще не кончился первый день. Все, чего мы достигли, как и вся наша неудовлетворенность, в масштабе этого дня. Мы все еще пионеры. А наш ценностный опыт — это все то, что мы подарили всемирной истории, все, сделанное тяжелой ценой борьбы, мучений, надежд. Ленин сейчас наверняка что-то уточнил бы, что-то пересмотрел. Потрясает другое — главные его мысли не только не устарели, они все еще впереди нас, нам еще предстоит их осуществлять. Так сам Ленин относился к Марксу. Так, по-ленински, мы должны относиться к трудам Ленина.

М. Ульянов

Народный артист СССР

Теперь или никогда [1]

Нужно какое-то время, чтобы понастоящему осмыслить, усвоить непривычное, можно сказать, содержание только что прошедшего Пленума ЦК КПСС, в котором мне довелось участвовать, и прежде всего будоражащего мысль и чувства доклада. Даже и первые ощущения, впечатлеиия выразить непросто: общие, оскудевшие фразы тут явно не к месту, а подобрать те едннственные и точиые слова, которые все это вобрали бы, тоже задача.

Но вот что для меня несомненно: сейчас у иас в обществе сложились два определенных взгляда иа жизнь. Одни считают, как это считает и Генеральный секретарь ЦК, что отступать нам нельзя и отступать нам некуда. Это революционный, глубоко партийный, мужественный подход, я бы сказал. И единственно верный сегодия. Другне же полагают, что напрасио все это затеяли, зачем было «шум поднимать», ворошить — жили бы себе и жнлн, не так уж все и плохо было. Глубоко убежден: на этом водоразделе заключена сегодня вся проблема дня. Или мы пойдем дальше до конца, или остановимся на полпути, свернем эту перестройку, и тогда снова — болотистая неподвижность, трясина, из которой нам уже ие выбраться никогда.

Уже не раз людям обещали перестроить жизнь на прииципах демократии, социальной справедливости, ленинских норм, но все это постепеино, а иногда и ие постепенно глушилось, сводилось на нет. Сегодня партия поставила вопрос ребром: дальше так жить иельзя, невозможно, противоестественно. И потому теперь или никогда, отступать нам некуда. Так сказал январский Пленум!

Но весь вопрос в том — как? Как дальше жить? То, что надо перестраивать, искать н находить новые экономнческне н правовые рычаги, которые позволят сдвннуть на ускорение тысячетонную махину нашего неповоротливого производства,— это ясно как день. То, что нужны как воздух новые формы демократизации, самоуправляемости, гласностн,— это ясно как день. И с этим никто не спорит, во всяком случае в открытую. Но перестроить-то надо не только экономику и не только мозги, но н многие изжившие себя структуры, формы организации жизнн общества, что и обеспечило бы «второе дыхание» во всех его порах. И это задача куда более сложная, здесь-то и разворачивается борьба за перестройку, за безоговорочное проведение в жизнь начатого курса. Так я понял и суть того, что прозвучало на Пленуме.

Его революционность заложена уже в самой постановке кадровой политнки перед лицом демократии, народовластия. А это и есть тот решающий двуеднный узел, развязав который только и можно избавить общество от опасности нарастания кризисных явлеиий, демоитировать тот самый «механизм торможення социально-экономического развития», который образовался в стране и который прежнее руководство не сумело своевременно и в полном объеме разглядеть и оце-

[1] Сов. культура. 1987. 7 февр.

нить. Его в полном объеме, с подлинно ленинской принципиальностью обнажил январский Пленум.

Кризисные явления создаются ведь не самой системой — конкретными людьми, их отношением к делу, их личной политикой, практическими действиями в рамках своей компетенции. И что же получалось? На ответственных местах часто сидели люди не столько компетентные для данной сферы, сколько анкетно чистые, биографически безупречные. Сама жизнь подвела нас к выводу о том, что эти данные — еще никак не гарантия способности такого «кадра» компетентно решать проблемы. Да и сама эта безупречность, как выяснилось, в большом ряде случаев оказалась весьма сомнительной: в докладе прозвучало жесткое и справедливое положение о крайне уродливых формах негативных процессов, связанных с перерождением определенной части кадров. Гарантия, надо полагать, не в анкетном соответствии, а во вдумчивом подборе и расстановке кадров, в компетентности, в соответствии личности человека тому месту, которое ему определено, тому, чем он руководит. А для того, чтобы такое сочетание стало правилом, а не исключением, и нужен демократический, гласный механизм самого выдвижения. На этом водоразделе сегодня и идет, по моим соображениям, наиболее жестокая борьба. Этому противятся, и противников немало: не хочется с кем-то, с каким-то там общественным мнением, с массами «делить власть», когда привыкли к полной вседозволенности, а к тому же и к бесконтрольности, во всяком случае снизу. Но как же так: сама-то власть, она ведь у нас народная! И как же можно ее делить или не делить с народом?

Скажите, ну разве и в 70-е годы, годы застоя, мало было в стране людей, которые стремились вырваться из застоя вопреки тенденциям того времени? Были и есть сейчас. Такие, как В. Кабаидзе, хозяйственник с большой буквы, как председатель колхоза Д. Моторный, как академик Б. Патон, как наши театральные Г. Товстоногов, О. Ефремов... Я называю имена тех, кого сам знаю, а их ведь не единицы и даже не десятки. Это люди, которым в общем-то и сейчас не надо пересматривать свою позицию — она у них всегда была продиктована одним-единственным желанием помочь партии, народу, людям в их историческом ходе, в котором в последнее время образовалось так много тромбозных явлений.

Нас преследовало да и теперь еще преследует болотистое ощущение неподвижности и неизменяемости, которым хотели прикрыть и прикрывали довольно упорно все проблемы. Прикрывали историю, прикрывали экономический спад, социальную несправедливость, прикрывали упадок художественнического поиска. Все прикрывалось. Лозунгами — будто все у нас хорошо, все верно и правильным путем идем.

Оказалось, что и в экономике, и в искусстве хозяйствования, и даже в кадровой политике мы идем далеко не правильным путем. И вот партия во главе с Генеральным секретарем как бы на момент остановила привычный бег времени и спросила, не сбились ли с правильного пути? И выяснилось, что сбились-таки, и потребовалась кардинальная переориентировка.

Как построить ту же кадровую политику, кадры так, чтобы действительно вышли на первый план сегодняшние, современные, лучшие люди? Как избавить их да и всех нас от бесчисленного количества инструкций, положений, старомодных, пронафталиненных, которые, словно водоросли в заросшем болоте, не дают ни плыть, ни идти, не дают двигать ни руками, ни ногами, что опутывают руки-ноги вся-

кому действующему хозяйству, оргаиизму? Как избавить их от своеволия чаще всего иекомпетеитиых, ио облечеииых правом распоряжаться людей? Об этом ведь в голос говорят сегодия председатели колхозов, директора совхозов и предприятий, как, впрочем, и руководители художествеииых учреждений.

И ведь ие изводятся водоросли эти. На диях вот прочитал про известиого теперь уже всем «архаигельского мужика» с его подрядом. Оказывается, он — что бельмо на глазу кое у кого из областиых оргаиизаций. Ои и мясо дает, он и производительность труда поднял. Кажется — хорошо? Аи иет, характер ие тот, больио иоровистый мужик. И это оказалось важиее всех остальиых показателей. Мыслимо ли: человек хочет и может для всех иас добро сделать, а ему ие велят — как-то ие так делает, ие по иисрукции... Вот оиа — жестокая, обиажеииая борьба.

Как же покоичить с этими противиыми самой природе человека критериями оцеики его «иужиости» и «иеиужиости»? Плеиум еще раз и теперь уже, иадеюсь, иавсегда сказал как: только путем развития демократии.

У меия, коиечио, в этом смысле опыт иевелик. Но во время работы иаших театральных съездов я увидел воочию, что демократизм — оружие совершеиио иеодолимое для бюрократизма, казеиного своеволия, да и для любых зловредных теидеиций. Вспомиите, иезадолго до этого съезд Союза кииематографистов СССР был иесколько шумиым и миогих иапугал. Но ведь в итоге хоть и шумиым, ио демократическим путем в руководство союза были избраиы те люди, которым кииематографическая обществеииость по доброй воле отдает руль, это факт. И ие потому отдает, что так приказаио или «рекомеидоваио», а потому, что стремлеиие вырваться из серого, вязкого состояиия киио возобладало, как возобладало и созиаиие того, что вырваться из этого состояиия можио лишь «своею собствениой рукой».

Это был первый опыт действительио демократического формироваиия руководства союза. Съезды же театральиых деятелей прошли уже более спокойио, как будто всегда так и было. А ведь иекоторые еще и теперь пугаются и пугают возможиой аиархией. Еще и самой демократизации-то иет в ее подлиииом виде, а иас уже попугивают, предупреждают. Предупреждают те, кто сам этой демократии боится. Я зиаю, как многие хозяйствеииые, да и ие только хозяйствеииые, руководители страшатся открытого разговора со своими коллективами, опасаясь оказаться иесостоятельиыми. А ведь гласиость сиизу иужиа иам как кислород, как воздух, и об этом сказал М. С. Горбачев, говорили участиики Плеиума. Был иазваи и иадежиый рычаг подлиииого иародовластия — это ответствеииость, подотчетиость руководителя ие только сверху, ио и сиизу. Это сильиый рычаг, и ои должеи быть введеи в дело. Ведь все было перевериуто вверх диом: человек, сидящий в кресле, от воли которого зависела ие только степеиь отдачи той или ииой оргаиизации, предприятия, ио и судьбы, само благосостояиие подчинеиных ему людей, отвечал за свои действия исключительио перед верхом и иикогда перед иизом. Только перед верхом! А ииз, ои промолчит, ои выдюжит. И вот дюжат, молчат, ио ие работают. Живут либо исключительио для собствеииого удовлетвореиия, либо с полиой атрофией своего общественного миеиия. А ведь так общество жить ие может. Эта система гибельиа для иашего общества, ио иекоторыми любима.

Партия решает перевериуть эту противоестествеииую структуру, с тем чтобы всякое должиостиое лицо

несло ответственность по вертикали — не только перед верхами, но и перед низами. Тогда оио и будет жить и действовать по-другому. Ведь вышестоящим с помощью известных приемов сплошь и рядом удавалось втереть очки, показать себя в лучшем свете, а иарод, коллектив свой не обмаиешь — тут все иа виду. Если мы запустим этот рычаг в жизнь, а это и от нас всех зависит, то выиграем многое.

Даже вот простейшая вещь — выборы художественииых советов в театрах. Зависимость актеров от воли руководства всем известна: с завода, не поладив с директором, можно уйти, а из театра ие больно уйдешь — их попросту мало. И тем не менее уже теперь при тайном голосовании, когда нет боязии, что тебя возьмут на заметку, в целом в худсоветы входят лучшие. Вот этот рычаг — в действии. Не говорю, что он решит все проблемы, но одиу во всяком случае: общественная внутритеатральная мысль оформляется в позицию, получает выход. А ведь раиьше и такого не было: что хочу, то и ворочу. Хорошо еще, если умный, талаитливый, а если нет? А «воротит»-то с таким же успехом, как и талаитливый...

К чему это привело, мы видим только теперь, когда где-то иадо менять режиссеров, а их иет. Вместо того чтобы их загодя готовить, мы их «ликвидировали как класс», ибо те, так называемые «очередиые», были, как правило, приказчиками, а не хозяевами, и личиостями во всяком случае. А ведь в театре иужны иидивидуальиости. По моему глубокому убеждеиию, в каждом театральном коллективе должен быть не просто руководитель, но лидер, вдохновенная творческая личиость. А это качество иикому не придается вместе с должностью, наоборот, оно и должно быть решающим при выдвижении на должиость. А кому об этом компетентно судить, как не самому театральному коллективу? И коли уж такого лидера иашли, то ие иадо ему мешать, иа каждом шагу подставлять костыли — дайте ему оперативный простор, где ои в полную силу раскроет свои режиссерские дарования.

А теперь прикинем: не так ли обстоит дело и в других подразделеииях: колхозах, заводах, организациях? Вот читал замечательные статьи Ивана Васильева: ведь с годами у колхозников убили всякий интерес к своему «лидеру». Привозили на смотрины очередного председателя вроде бы на выборы, а на самом деле — по назначению: прииимайте таким, как есть. А он бывал и таким и сяким. Но собрали-то людей, как говорится, не по тому делу: их голос, точка зрения никого в общем-то не интересовали — уполномоченному надо было «провести кандидатуру» и все. Теперь мы об этом заговорили, но видите, как медленно, явио не в охотку меняется или почти не меняется практика. А это и есть борьба: с одной стороны, за перестройку, с другой — против перестройки.

Так что же это за отношение к людям, к народу, к тому самому новому человеку, сформировавшемуся за 70 лет Советской власти! Откуда взялось и какими силами утвердилось это органическое иедоверие к людям, к тем, кто работает и в материальном производстве, и в духовном? Откуда эта сомнительность в способности советских людей коллективно отвечать за порученный участок, самим выбирать себе достойных лидеров? Откуда, наконец, эта устоявшаяся подозрительиость к художникам, к их идейной полноценности? Вот на днях было заседание секретариата Союза театральных деятелей РСФСР, обсуждался проект его устава. Так, иекоторые представители Министерства культуры Федерации явно были недовольны тем, что устав должен утвердить права союза на равноправное участие в руководстве всеми кардинальными пробле-

мами театра совместно с руководящими органами культуры.

А ведь нам вместе работать, работать во имя партийности, народности, у нас единые цели, и делить-то нам нечего. Наша общая забота, наши конечные цели — способствовать созданию глубоких, талантливых спектаклей, вообще произведений, нужных народу. Так откуда же такое недоверие и к нашим правам, и к нашим возможностям?

Не могу не припомнить здесь и те издержки, что несло наше искусство в силу того, что им правили зачастую люди малокомпетентные да к тому же зараженные болезнью подозрительности. Из «Чапаева» в свое время настоятельно «вырезали» кадры каппелевской психической атаки: как же так, мол, белогвардейцев прославляем. И если бы это удалось — оскопили бы фильм. Чуть не зарезали «Тихий Дон»: что это Шолохов расписывает этого Мелехова ни нашим ни вашим? И когда я в свое время читал по радио, то думал: ну явись эта эпопея в 70-е годы — нипочем не увидела бы свет. «Председателя» тоже запрещали, правда, уже были распроданы билеты на крупную сумму, только это и остановило. «Штрихи к портрету В. И. Ленина» не только «закрыли», но и приказали смыть саму ленту, чтоб и следа не осталось,— она сохранилась смелостью одного работника студии. Наконец, «Так победим!» Ефремов на свою сцену пробивал почти два года. Одна ответственная дама из ответственного учреждения мне сказала: «Я посмотрела — не все же поймут...» Я ей тогда возразил: как же так, Ленина и «не все поймут»?

Но вот это — «люди(!) не поймут», «народу это не нужно» — оно существовало и все еще существует во всех сферах искусства, литературы. Кто-то брал и берет на себя весьма сомнительную функцию глашатая народа, которая, по его мнению, позволяет ему единолично и единоначально решать, что нужно народу, а что нет, что можно, а что нельзя. А вот и обратная реакция — инертность в народе. Почему? Потому что люди разуверились в том, что можно, нужно и крайне необходимо обратить силу народную в тот рычаг, который и не даст житья бюрократам, некомпетентным карьеристам, приспособленцам, которые и могут жить, ибо бесконтрольны снизу.

На Пленуме раздавались по-своему встревоженные голоса в адрес печати. Тоже примета симптоматичная. Давали понять: а не очень ли, мол, газеты размахались пером, не слишком ли круто забирают? Что же, мол, они нас учить собрались? Да, были и, наверное, будут и впредь случаи необъективности и даже ошибки журналистов в разработке темы, особенно критической. Это издержки неизбежные, как и во всяком деле. За это надо спрашивать. А вот тот факт, что газета, журнал, радио или телевидение за последнее время подняли ряд острейших болезненных вопросов общественной значимости, вопросов, по которым еще не так давно и пикнуть нельзя было, так ведь это одна из важнейших подвижек в обществе, в общественном сознании, стимулированных апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом партии и получивших новый импульс на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. И вот эти завоевания надо нам всем миром защищать. И есть от кого — глухо, не очень-то вслух, но настойчиво продвигается мысль: надо бы прижать газету, надо ее взнуздать, житья нету от этих газетчиков. А что собственно взнуздывать?

Только-только газеты и разные другие издания, повинуясь велению времени, начали конструктивную, очистительную работу в духе гласности (все, кто интересуется прес-

сой, заметнлн, наверное, как в последнее время мощно зазвучал в ией голос общественного мнения, самнх чнтателей, а не только профессиоиальных журиалнстов). Онн, как н иашн теоретнкн, ие успелн еще дойтн до глубнн пронсходившего и пронсходящего, а уже — окрики.

На Пленуме н об этом шла речь. Прозвучалн две точки зреиия. Онн ие былн явственно прочерчены, ио явствеино ощущались. Явио забеспоконлнсь некоторые товарищи: газета раздражает, не дает спокойио жнть. Как виднм, все тот же водораздел — борьба за то же н против того же. Пленум и здесь высказался однозначио за демократнзацню, за гласиость, важнейшнм иоснтелем которой остается печать.

Примерно те же нарекаиня звучат н в адрес лнтературы. И меня лнчио это тоже тревожнт. Тревожнт потому, что н здесь все тот же «бднтельный подход», проднктоваииый глубоко укорениввшнмся недовернем, сознаннем собствеиной иепогрешнмостн, всекомпетеитности. Говорят, скажем, «прнвязывая» лнтературу к перестройке: зачем ей Айтматов, Астафьев, Распутнн с их «плахами», «печальнымн детектнвамн», «пожарами»? При чем, мол, тут перестройка, онн только демобнлнзуют — слншком уродливой показывают иашу действительность. А я лнчио чнтаю в этих «плахах», «печальиых детектнвах», «пожарах» огромиую н обоснованиую тревогу за иравственный надлом в некоторой частн, н довольно большой частн, иашего иарода: к чему пришли, что пронсходнт? Надлом, созданный явио ие усилиями пнсателей, во всяком случае этнх пнсателей. Потому что оин не замазывают сомннтельиыми, даже с меднцннской точкн зреиня, мумне смертельиые болячкн, онн нх вскрывают. Вскрывают для того, чтобы лечить, хирургнческнм ли, терапевтнческнм путем, ио лечнть. Это честиая познцня. И эта честиая позицня кое-кого раздражает.

Коиечно, наша действительиость не состоит нз одних уродливых явлеий, но онн есть, и о ннх иадо, как минимум, говорнть вслух. Но для этого их надо видеть. Такнх людей, которые заннтересоваиио, но и тревожио думают о иашей сегодняшией действнтельиости, в стране иемало. Онн не всегда имеют снлу да н возможность высказаться в полный голос, но от их нменн говорят, в частностн, те, кого я назвал,— писателн есть пнсателн.

Российская лнтература всегда была борцом за передовое и сегодняшиее, всегда была ярым протнвннком всего черного, мракобесного и реакционного. Всегда, во все времена. Оиа н сегодня, несмотря на все нздержкн, такая же. Разумно ли затыкать ей рот, когда все мы пошлн на прямое продолженне Октября, решнлн во всей чнстоте восстаиовнть связь времен!

Закон природы: как только поднимается ветер, он выметает все перекати-поле, и только мощные деревья, крепко сидящие в земле, удержнваются. Так в прнроде, так н в обществе. Но мы умудрилнсь н здесь переделать саму природу: подчас деревья выкорчевывать, а перекати-поле крепкнмн веревками номеиклатуры привязывать к земле, хотя, кроме свиста на ветру, от них иичего нет.

И если уж продолжать эту ассоциацию с природнымн снлами, то вернемся и к нашей демократии. Я верю, свято верю до конца в мудрую способиость народа к самоуправлеиню, в том числе н в его иатуральиое право выбнрать себе руководителей, которое провозгласнл Плеиум. Верю потому, что кроме всего прочего сработает еще однн нитерес — лнчный. В самом деле, я же ие дурак, чтобы посадить себе иа шею человека по иа-

туре злого, к тому же некомпетентного, неумеющего. Я же сам себе не враг. И я хочу, чтобы во главе моего предприятия, учреждения, отрасли, где я в меру своих сил и способностей работаю, создаю общественный продукт, был человек самый лучший, в которого я поверю. И тогда я ему «отдамся», буду его слушаться, потому что он для меня авторитет. А если я ему не верю, знаю его подлинную цену, то зачем я буду из-за него страдать? Я буду либо его обманывать, либо от него уходить.

Процесс, схема вроде бы до предела ясные: я сам вместе с себе подобными выбираю того единственного, который поведет меня туда, куда и мне надо. Но они же и до предела трудные. Трудные в смысле воспитания в духе такой демократии, трудные для проведения их в жизнь. Потому что те, приспособленцы, бездари, некомпетентные и потому ненужные, видят в них неодолимую преграду для своих амбиций и устремлений. И здесь идет и предстоит борьба.

Ну хорошо: борьба, борьба, борьба. А где же гарантии ее исхода в нашу пользу? Между прочим, этот вопрос мне задали чуть ли не на другой день после Пленума. Такие гарантии есть уже теперь, они определены XXVII съездом партии, и о них говорилось на Пленуме. Я могу сказать, как я их лично понимаю. Пленум ЦК КПСС принял путеводное решение, открывающее широкую дорогу для подлинной демократизации всей нашей жизни. С поддержкой, естественно, народа. В стране сегодня много людей, и коммунистов, и беспартийных, которые понимают, что дальше некуда, что единственный выход — перестройка, качественное преобразование общества на основах народовластия. Но рядом с ними немало и тех, кто будет сопротивляться также до конца, упорно, разными способами — от приглаживания до запретов, от некой внешней стабилизации демократии до фактического перекрытия ее каналов.

И разве может художник, если он на самом деле партиен и народен, в такой ответственный для страны момент остаться за канатами ринга?! Время выкрика, когда так многое надо было сказать и было высказано, в общем-то миновало. Теперь — действовать. Общественная позиция художника может и должна быть выражена прежде всего в его произведениях, в его творчестве. Скажу прямо, это мое личное мнение — пока что не вижу произведений, с достаточной адекватностью отразивших сложный процесс, происходящий в стране. Но вижу и причину: его также сложно и отразить. В этой многосложности пока что непросто определить доминанту. Ну что, в самом деле, опять за взяточников браться? Отработанный пар. Уже многое, если не все, сказано, сказано прежде всего самой партией, мы отстаем. Но и мы вместе с партией, вместе с народом ищем. Ищет художественная мысль. Мы еще не готовы ответить своими средствами на многие вопросительные знаки дня. Но одно ясно: художник, искусство не могут, не вправе стоять в стороне — слишком многое и для нас, и для будущих поколений сегодня решается. Могу лишь утверждать: все честное, партийное и народное в нашем искусстве честно ищет. Мы готовы сполна реализовать раскованную усилиями партии свободу творчества, если понимать под ней свободу творить во благо народа — на это достанет и мастерства, и идейности, в этом можно не сомневаться. Только никто не должен командовать. Руководить, направлять — да, но не командовать. Это — Ленин. А для этого во главе художественного процесса должны быть поставлены люди компетентные, авторитетные, которые смогут направлять его тонко, деликатно, но разумно, идейно.

Время ие просто сложиое — драматичное. Нутром ощущаю: пограничное время, ход его еще может и туда и сюда повернуться. Или полное обиовление «генной системы», или все заговорим, утопим в словесах, взаимных борениях. И тогда снова иадолго, если ие навсегда, погрузимся в стоячий водоем без приливов и отливов, в спячку: ведь так-то уже жили...

И потому зову каждого, и прежде всего своих собратьев по искусству, в лагерь добра, зову идти вместе с партией в лагерь перестройки. Теперь или никогда.

Б. Ракитский

Доктор экономических наук

Революционный характер идеологии перестройки [1]

Деидеологизация или десталинизация!

Замечали ли вы, читатель, ловили ли вы себя на том, что у вас всегда наготове пара слов и пара фраз о том или иiом факте, событии? Скажи мие «капитализм» — и я, не задумываясь, добавляю «загнивает», скажи «труженики села» — и я уже готов: «ведут борьбу за урожай». И так далее. Не свои слова, не свои мысли. Примеиительио к хозяйству выработано также немало подобного рода «истин»: «план— закон для производства», «первая заповедь», «идя иавстречу пожеланиям трудящихся», «юбилею (съезду, коифереиции и т. п.) — достойиую встречу» или столько-то «ударных недель», «пятилетку — досрочно», «воодушевленные историческими решениями, приняли повышенные обязательства» и т. д. Такая отштампованность восприятия мира, когда мы ее стали замечать, отразилась в сознании многих как идеологизация. Против этого и протестуют люди, требуя, например, «деидеологизации» хозяйствования.

Процесс восстаиовления гумаиистической концепции социализма, преодолеиие деформаций и перерождеиий в общественной практике и в общественном сознаиии возвращают миогим идеям и поиятиям их первоначальный, неизвращенный смысл. В их ряду — понятие «идеология». Отчуждение человека от власти, от общественной жизни, от производства выразилось, в частности, в восприятии идеологии как иекой непременно чуждой простому человеку силы, как составной части командно-карательной системы управления обществом и хозяйством. Вот почему сегодня не редкость, когда люди поиимают демократизацию, скажем, хозяйствования и как его деидеологизацию. Мне думается, в создавшейся обстановке меньше всего будет полезен спор о словах и значениях слов. Надо по-новому и глубже вникать в суть дела. Тогда и значения слов станут на нужное место, приобретут ясное содержание.

Идеология — существующая в обществе систематизированная совокупность представлений о его прошлом, настоящем и будущем, о его проблемах, возможиостях и ограничениях. Поскольку будущее всегда реально вариантио, а созна-

[1] Вопросы экономики. 1988. № 10. Печатается с сокращениями.

ние способно помимо реальных создавать еще и нереальные проекты будущего, постольку плюрализм (множественность) представлений о будущем неизбежен. Действительное (наличное, фактическое) общественно-экономическое положение объективно группирует людей и их интересы, делает более или менее устойчивым для массы людей соответствие представлений о будущем (а заодно о прошлом и настоящем) и объективного социально-экономического положения в обществе. Так, представления приобретают социально-классовый (социально-групповой) характер, оформляются в идеологии, отражающие интересы общественных групп.

Из сказанного понятно, что в советском обществе, имеющем социальную структуру, не может не быть одновременно нескольких идеологий. Даже в обстановке принудительного единообразия жизни нельзя уничтожить, а можно только заглушить разнообразие мыслей, представлений, мнений. Официальная идеология сталинизма, порвав с марксизмом-ленинизмом и противопоставившись ему по существу, исходила из того, что разнообразие мыслей, представлений, мнений вредно, мешает обществу строить коммунизм, умаляет веру масс в фатальную верность всех решений вождей, а тем самым снижает энтузиазм, преданность, дисциплинированность, расшатывает порядок. Отсюда постоянная подозрительность к самостоятельной мысли, к инициативному действию, к неразрешенной, заранее не согласованной активности. Отсюда насаждение «мышления по рельсам», по шаблону, стереотипных представлений о процессах и явлениях реальной жизни.

Новейшим (и притом уже необратимым) достижением перестройки стало переосмысление «исторических координат» советского общества. От безусловного признания нашего общества социалистическим мы перешли к его пониманию как общества деформированного, как «казарменного социализма»[1]. Но, рассуждая о конкретных общественных процессах, мы зачастую еще не опираемся на новые выводы в должной мере. Так происходит и в случае с современными требованиями «деидеологизации». Ведь если вдуматься, то получается как раз наоборот. Шаблоны и стереотипы выбивали из людей собственные мысли, подменяли собою их представления, лишали массу ее собственной идеологии. Сейчас люди пытаются заявить свои права на собственные мысли, на собственную идеологию, освободиться от «казенной» идеологии. Соответствуют ли такие новые тенденции задачам и духу перестройки?

Ответы на этот вопрос даются разные, и ниже мы еще остановимся на трех разных подходах к перестройке (трех ее идеологиях). Водораздел проходит по линии «сохранять и укреплять командно-карательную систему или ломать ее». Те, кто видит смысл перестройки в сохранении и лишь модернизации сталинистской системы, пускаются в демагогию: отрекаясь от «казенной» идеологии, люди, дескать, отрекаются от марксизма-ленинизма, а без него, как известно, не может быть революции, прогресса. На самом деле сталинистская «казенная» идеология враждебна марксизму-ленинизму, объективно сопряжена с «антиленинской, антисоциалистической практикой»[2].

Не марксизм-ленинизм, а сталинизм, прикрывавшийся марксистско-ленинской фразеологией, отвергают сегодня люди как враждебную перестройке идеологию. Если видеть за словами их подлинный конкретно-исторический смысл,

---

[1] Очерки политической экономии социализма. М., 1988. С. 54—65.

[2] Правда. 1988. 5 апр.

то сегодняшние требования «деидеологизации» хозяйствования тождественны требованиям его десталинизации, отказа от сталинистских представлений о свойственных социализму формах и методах хозяйствования, отказа от практического наследия сталинизма в руководстве экономикой.

Всесторонняя и последовательная десталинизация общественной и хозяйственной жизни равнозначна ее демократизации. Политически самый точный и глубокий лозунг перестройки — социалистическая демократизация. Этот лозунг определяет суть перестройки как социальной революции, предполагает соответствующую революции смену господствующей идеологии. Речь идет о настоятельнейшей потребности развенчать идеологию сталинизма, показать ее враждебность гуманизму, марксизму-ленинизму, реабилитировать в глазах трудящихся марксизм-ленинизм, вернуть его массам как единственную до конца революционную пролетарскую идеологию.

Взгляните, что происходит в жизни. В одно и то же время раздаются призывы к «деидеологизации» хозяйствования и стремительно возрастает интерес трудящихся к общественно-политическим проблемам, предпринимаются сознательные попытки снизу увязывать производственные, региональные, вообще все актуальные вопросы с политикой, с социально-политическими решениями. Это реальный процесс замены одной идеологии другой. Происходит активизация трудящихся, восстановление живого исторического творчества народа, без чего не может быть возвращения на путь к социализму, выхода из его казарменной деформации.

Роль идеологии в период перестройки не падает, а возрастает. Падает роль сталинистской идеологии, приучающей массы к покорности, смирению с произволом, порождающей социальную апатию, отчуждение народа от власти, от общественных дел, от производства. Но зато возрастает роль идеологии действительно социалистической, способствующей возрождению гражданского достоинства, социалистического патриотизма, социальной активности, инициативы. Первые три года перестройки покончили с монополией сталинизма в идеологической области, сформировали иные подходы к будущему, настоящему и прошлому, к роли масс, к определению движущих сил перестройки.

Три возможные перестройки

Плюрализм мнений выражается ныне не только в различиях индивидуальных мыслей и представлений, но и в устойчиво разных подходах к тому, в чем должна состоять перестройка, как, какими методами ее осуществлять, какие социальные силы в союзе с какими социальными силами и против каких социальных сил должны сделать перестройку. Из различия возможных вариантов будущего проистекают различные идеологии перестройки. Ситуация в этом отношении вполне предреволюционная. Во-первых, гласность и возрастание информированности населения позволили с бо́льшими основаниями судить об общественных делах, и все социальные группы нашего общества согласны ныне, что сложившееся положение дел надо как можно скорее и решительнее изменить к лучшему. Во-вторых, по поводу того, что считать лучшим и что худшим, единства нет, а некоторые из позиций трудно примирить, они по большому счету исключают друг друга. Значит, неизбежна борьба по поводу перестройки, и она уже идет.

Сталкиваются три основных подхода. *Первый* провозглашает необходимость «навести порядок в стране», это его ключевой лозунг.

Правда, в стране нет сейчас открыто анархистского движения, идеи анархизма не пользуются поддержкой в народе и не являются существенным фактором общественного массового сознания. Поэтому никто не возражает, что порядок навести следует, всем ясно, что порядок лучше беспорядка. Вот почему правильно понять существо идеологии, козыряющей необходимостью «навести порядок в стране», можно, лишь вникнув в характер способов, предназначенных для наведения порядка, и в содержательные характеристики порядка, который предлагается навести. По этим признакам сторонники «наведения порядка» различаются.

Ядро, отстаивающее «наведение порядка» как самостоятельную программу дальнейшего развития страны, придерживается таких представлений о порядке, которые совпадают с идеологией «казарменного социализма». Нередко образцом порядка прямо объявляется сталинская эпоха, а сталинские методы признаются закономерными, оправданными. При этом одни считают их оправданными всегда, в любых условиях, другие полагают, что сталинские методы оправданы в условиях трудностей. Указывается, что сейчас как раз время трудностей (империализм нагнетает напряженность, СССР должен преодолеть отставание в технике, сделать рывок и т. п.). Отмеченная программа с любыми ее нюансами есть программа реставрации сталинизма. Реализация такой программы стала бы завершающим шагом к утрате социалистических завоеваний Октября, окончательным перерождением строя.

Поражает та беззаботность, с которой массовое сознание склонно принимать и воспроизводить суждение, будто сталинизм в нашей стране реставрировать невозможно. Упускается из виду, что костяк ныне существующих общественных и хозяйственных отношений, многое в идеологии создано как раз в сталинскую эпоху, а многие предложения об улучшениях и меры по улучшению кроятся по лекалам сталинизма... К известному письму Н. Андреевой, провозгласившему сталинистскую платформу перестройки, с полным основанием можно добавить ряд других публикаций и выступлений.

С позиций реставрации сталинизма политика гласности, активизации масс, признание (легализация) плюрализма мнений, допущение дискуссий и обсуждений выглядит не иначе как проматывание и девальвация того капитала, который оставила нам в наследство сталинская эпоха, а потом ее новое издание — так называемые времена застоя. Этот капитал — социально апатичные, но покорные, запуганные люди, которыми можно управлять командно-карательными методами, поддерживая достаточно высокий уровень страха в обществе. Сторонники сталинизма знают, что восстановление нужного им уровня страха и повышение уровня экономической эффективности на базе интенсификации труда и низкого уровня жизни все еще возможны. Вот почему они считают важным сохранять отчуждение народа от политики, от производства, от общественных дел, культивировать одностороннее жертвенное отношение к труду, потребительский аскетизм, казарменный образ жизни, апологию «преодоления трудностей». Радикальная экономическая реформа, рассчитанная на восстановление демократического централизма как метода руководства хозяйством, на расширение самостоятельности, социалистической предприимчивости на активизацию людей и их трудовых коллективов, с позиций реставраторов сталинизма представляется насквозь ревизионистской затеей, попыткой демонтировать социализм, столкнуть советское хозяйство с рельсов пла-

иомериости в пучину рыночной стнхнн. Враждебио относятся прнверженцы сталиинзма и к раднкальной политнческой реформе, еслн она нацелеиа иа стаиовление социалнстнческого правового общества, на утвержденне иародовластия, на лнквндацню пронзвола, прикрываемого заботой якобы о благе народа. Пронзвол — одна нз коренных особенностей сталиннстской («казарменной») деформацнн соцналнзма.

Другая разновнднось неосталннизма — более тонкая — попытки активизировать хунвейбнновскне настроения среди молодежи и в люмпенизированной части рабочих, крестьян и интеллнгенцин. Цель таких попыток — создать социальную силу восстаиовлеиия авторитарной власти, подменить активизацию трудящихся масс сколачнваннем актнва для удержаиня массы в повиновеиии. Как это пронсходит в реальиой действительиостн? Перестройку начинают поторапливать, подхлестывать (отсюда н пошло иазвание «нскусственный аваигарднзм»). По форме дело выгляднт так, будто руководство горнт желаинем ускорить перестройку н разрушить бюрократическне механизмы торможеиия. На деле же у трудящихся не остается ни достаточного времени, ни возможности «вызреть», разобраться в обстановке, в причннах недостатков, дойти до сутн н уже на этой основе сознательно включиться в перестраивание жизни. Массе при этом отводнтся родь нсполнителя призывов, она должна, по сути дела, слепо верить вождям, ожидать от них избавления от всего того, что мешает жить и работать. Революцнонная фраза начинает явно преобладать над революцнонным делом, возннкает своего рода эскалация обещаинй, когда одиа иевыполненная инициатива затмевается другой, более грандиозной, но еще более трудновыполнимой. Это своеобразная политическая лысеиковщниа.

В сфере управлеиия нскусствеиный авангарднзм сводится к резким высказываиням против бюрократов, аппаратчнков, к перетряхиванию кадрового состава. Все это призваио вызвать одобреиие публики. На деле же работа аппарата не демократнзнруется, а, иапротив, еще более бюрократизируется. Аппарат начиинает действовать не иа основе закоиов, а иа осиове последнего указаиия «первого лица». На смеиу пассивиым, безынициативиым аппаратчикам приходят иапорнстые аппаратчики, которым иекогда работать с массами, и потому онн комаидуют ими. Как видим, по форме получается авангардиая деятельиость, по существу же — торможение перестройки, ее имитация, запускаиие по кругу. Не получается в нтоге ии больше демократии, ии больше социализма, а взаимоотиошеиия с массой строятся ие иа товарищеских, а иа командиых, казармеиных осиоваииях.

Вторая реальио существующая сейчас в СССР идеология перестройкн отталкивается от проблем хозяйства, от иеобходимости повыснть экоиомическую эффективность, достичь сбалаисированиостн, улучшить снабжеиие иаселення товарами и услугами. Действнтельио, все это иеобходимо сделать. Но как и в какой связи с соцнальиой и полнтической стороиамн общественного развития? Рассматриваемый подход тяготеет к мысли, что экоиомические проблемы могут быть решеиы, по сути дела, автономно, иезависимо от того, что н как будет делаться в социальиой, духовиой и политической сферах. Выдвигаются весьма характериые концепцни разделения властиых полномочий: пусть партия займется идеологией и политикой, а хозяйствеииикам даст «карт блаиш» для выведеиия экоиомики из кризисиого (или предкризисиого) состояиия. Более того, полагают, что демократизация иевозможиа до того, как будет виедреи

полный хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость и т. п. Встречаются даже прямолинейные «привязки»: бюрократизм вроде бы есть надстройка, адекватная всякому централистскому планомерному руководству хозяйством, а демократия — надстройка, свойственная рыночному хозяйству, децентрализации. В целом ход мыслей тут такой: сначала надо осуществить экономическую перестройку, а уже потом — в других сферах жизни, в том числе в политике.

Ни теория, ни практика не подтверждают таких представлений. Мы видим, что и в 60-е годы, и в последние месяцы попытки продвинуться к новым формам и методам хозяйствования наталкиваются на правовую незащищенность, на консерватизм прежней системы управления обществом и хозяйством. Глубоко верен вывод XIX Всесоюзной конференции КПСС: «Конференция считает, что на первый план сегодня выдвигается кардинальная реформа политической системы. Именно она должна открыть новые возможности углубления перестройки во всех областях общественной жизни и обеспечить гарантии ее необратимости»[1].

По сути дела, второй подход к перестройке представляет собой как бы компромиссный ее вариант. Для многих он привлекателен как концепция «социального мира». В самом деле, и сложившаяся политическая система до поры до времени рассматривается как не мешающая прогрессу, и экономика обещает развиваться более успешно. Компромисс достигается в форме политической и экономической либерализации, суть которой — в смягчении форм и методов командно-карательной власти, расширении возможностей самостоятельного принятия хозяйственных решений, легализации некоторых из действий хозяйственников, освоенных ими в явочном порядке в застойные годы, и т. п. Философия прагматизма — самая подходящая мировоззренческая основа политической и экономической либерализации. Однако компромисс более самостоятельных хозяйственников и более либеральных партийно-политических властей неизбежно достигался бы за счет трудящихся, их прав и свобод. Уже на стадии выдвижения предложений либерального толка высказаны суждения о том, что временно, в качестве маневра, вполне допустимо использовать для улучшения дел в экономике и такие пути и способы, которые в дальнейшем, при перестройке в политической, социальной, духовной сферах, могут быть отменены как не подходящие для социализма. К примеру, маленькая безработица или такой семейный подряд, в котором нарушаются социальные права детей и подростков. Особенно популярно артельное начало, рекомендуемое там, где нынешняя плохая организация не способна обеспечить должную эффективность, а артель может возбудить людей возможностью большего заработка и резко, притом на добровольной основе, увеличить рабочий день, ввести солидарную материальную ответственность, переложить весь хозяйственный риск на плечи трудящихся и т. п. Имеются и другие рекомендации, тяготеющие к своего рода «отделению трудового коллектива от государства», к замене государственной юрисдикции в хозяйстве групповой юрисдикцией. Если концепция хозяйственного самоуправления начинает наполняться подобными содержательными идеями, то она неизбежно все более и более противопоставляется концепции всякого централизма в управлении хозяйством, в том числе и демократического, хотя, по замыслу ее авторов, концепция самоуправления

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988. С. 110.

призвана противостоять идеям и практике бюрократического, командно-карательного централизма.

К прагматическому либеральному подходу подводят людей технократические и узкоэкономические представления о существе проблем перестройки. Не надо думать, что такие представления характерны лишь для интеллигенции, для итэровцев на производстве или руководителей предприятий. Нет, и среди рабочих пока что широко распространено представление, что все проблемы и трудности могут быть успешно решены «через рубль», методами усиления материальной заинтересованности, не ограничиваемого разными государственными нормами, запретами и вмешательствами. Для очень многих, следовательно, остается вне поля зрения немаловажная проблема социальной защищенности прав человека на производстве. Проблема эта не снимается, а обостряется, поворачивается новыми сторонами по мере действительного изменения условий хозяйствования. И решать ее вполне удовлетворительно не удается на основе самоуправления, тут не обойтись без демократии, то есть не обойтись без государственных, властных форм защиты и реализации прав, свобод и обязанностей.

Недооценка государственно-правовых форм хозяйственной жизни, сужение понимания проблем современного советского хозяйства до проблем экономической эффективности или темпов роста — вот что если не сближает, то, по существу, примиряет либерально-прагматический подход к перестройке с неосталинистским. Это сближение (примирение) особенно четко проступает в отношении к активизации трудящихся масс. И либералы-прагматики, и сталинисты не считают целесообразной политическую активизацию масс. Пределы рекомендуемой активизации, по существу, совпадают у тех и других и сводятся к активизации на производстве. Различия при этом есть. Сталинисты предполагают восстановить жертвенное отношение к труду и производству, взвинтить пропагандой и запугиванием энтузиазм служения непосредственно интересам общества. Либералы-прагматики рекомендуют свести все проблемы активизации на производстве к воспитанию «чувства хозяина». К методам воспитания такого чувства относятся разнообразные виды материальной заинтересованности, арендный подряд, бригадный хозрасчет и т. п. Будучи изолированными от политической активизации масс, от проблем демократизации и гуманизации общественной и хозяйственной жизни, все эти экономические новации действительно могут превращаться в средства манипулирования личностью трудящегося ради решения производственных задач. Гуманизм либо чужд прагматической идеологии, либо она безразлична к проблемам гуманизма и социальной справедливости, считая все это сантиментами, голой пропагандой, демагогией, в лучшем случае — заботами далекого будущего.

Третья идеология перестройки — это ее понимание как социальной революции. При этом о революции говорится не в метафорическом, а в строго научном смысле этого понятия. Перестройка понимается, следовательно, как коренное изменение общественного строя, как процесс преодоления казарменной деформации, возвращения страны в русло прогрессивного развития, на путь социалистического строительства. Вся совокупность экономических проблем, по логике третьего подхода к перестройке, может получить удовлетворительное, устойчивое, необратимое решение благодаря кардинальным переменам в политической системе. Движущей силой перестройки является всесторонняя активизация, прежде всего политическая активизация,

трудящихся, всего народа. Произвол в ходе перестройки сменяется верховенством закона в общественной и хозяйственной жизни. Возрастает роль марксистско-ленинской идеологии, она становится по-настоящему ведущей материальной силой, овладевая сознанием масс, вытесняя из него идеологию сталинизма.

Борьба идеологий по поводу перестройки уже идет, ее накал возрастает. Рассмотрим некоторые проблемы реальной жизни, чтобы показать ход этой борьбы и преимущества революционной идеологии перестройки перед сталинистской и либерально-прагматической.

Собственность — абстрактная категория или проблема реальной жизни!

В 70—80-е годы проблемы собственности мало-помалу были удалены из числа проблем, обсуждавшихся политэкономами. И не случайно. XX, а затем XXII съезды КПСС дали толчок осмыслению советского опыта социалистического строительства. Выявились кричащие отступления от ленинизма в политике, в государственной деятельности, в идеологии. Осуждение культа личности в 1956 году было сопровождено выводом: «Несмотря на все зло, которое причинил культ личности Сталина партии и народу, он не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя. Никакой культ личности не мог изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов, хотя этот культ и нанес серьезный ущерб развитию социалистического демократизма, подъему творческой инициативы миллионов»[1]. Тем самым устанавливался предел изучениям и оценкам прошлого.

Но научная мысль просачивалась сквозь установленную преграду, и к середине 70-х годов потребовалось принять новые акции, чтобы воспрепятствовать углублению наших представлений о построенном в СССР обществе. Одна из разновидностей модернизированного догматизма, принятая в застойный период в качестве официальной, вызрела в 70-е годы на основе подмены научных марксистско-ленинских критериев прогрессивности, социалистичности развития сугубо прагматическими критериями. В этом случае, как и в первоначальной сталинистской идеологии, с повестки дня решительно снимался вопрос об оценке сложившейся практики, о ее совершенствовании по меркам социалистического идеала. На этом направлении модернизации сталинизма и возникла концепция так называемого реального социализма. Она основана на бездоказательном восприятии сложившегося порядка вещей как системы отношений, целиком и полностью отвечающей критериям социализма. Вопрос о возможных отклонениях от «правильного пути развития». о деформациях социально-экономических отношений такой постановкой решительно исключался из задач научного исследования и соответственно из круга идей общественного сознания[1].

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 210.

[1] В редакционной статье «Социалистический идеал и реальный социализм» (Коммунист. 1979. № 11. С. 11—24) признавалась допустимость критического отношения к имеющимся недостаткам, к уровню уже достигнутого социалистического развития, его сопоставления с более отдаленными целями и задачами. Тем не менее руководящей являлась идея о враждебности нашему делу попыток сопоставить социалистические идеалы и реальные отношения, сложившиеся в СССР, построенное у нас общество. Дело сведено к несовпадению исторического и логического, научного проекта будущего социального устройства и нынешнего его, во многом незавершенного состояния. Анализа того, выдерживается ли в нашем обществе должная социальная направлен-

Концепция «реального социализма» существенно задержала разработку теории деформаций и перерождений, без которой трудно было уяснить всю глубину предстоящих в ходе перестройки революционных преобразований. Но зато когда концепция «реального социализма» была отброшена, когда построенное в СССР общество было понято как деформированный социализм, открылись новые горизонты научных обоснований радикальных преобразований в экономике. И в этой связи совершенно по-новому предстала проблематика социалистической собственности.

В этой области скопилось особенно много схоластических хитросплетений, уводящих от главного вопроса — вопроса о типе хозяйственной деятельности, свойственной социализму. Одна из трактовок собственности исходила из тождественности социалистического типа хозяйствования тем формам организации общественного производства, которые сложились в сталинскую эпоху в СССР. По этой трактовке выходило, что лишенное хозяйственной самостоятельностн, формально хозрасчетное государственное предприятие есть венец социалистического обобществления производства, все другие хозяйственные формы являются отставшими в развитии и должны постепенно «подтягиваться» до уровня государственных предприятий образца сталинской эпохи. В 60-е годы с этой концепции был снят налет явно апологетической прямолинейности, и проблема образца для подражания была переведена на язык так называемых общекоммунистических начал. Категория социалистической собственности при этом упразднялась как ненужная для описания существа социалистической экономической системы. Из всего этого «теоретического багажа» вытекало, что следует «подтягивать» любые формы ведения хозяйства к образцу государственных формально самостоятельных предприятий и, главное, не допускать возникновения каких-либо новых форм, непохожих на такой образец. Идеология эта не носила сугубо академического характера. Ею были вооружены те, кто решительно отвергал всякие предложения об аренде, новых формах кооперации, кто рассматривал не иначе как ревизионистские и антисоциалистические практические шаги к разнообразию форм ведения хозяйства в социалистических странах — членах СЭВ и в Югославии.

Между тем, если выделить основное, собственность есть конкретно-историческая мера адекватности экономики как средства общественного прогресса целям этого прогресса. Момент целенаправленности, целеподчиненности экономики — вот что главное в отношениях собственности. Здесь заложены критерии социалистичности хозяйствования. Категория собственности смыкает представления о хозяйствовании с представлениями о социализме как общественном строе. В этой связи имеют большую ценность для развития экономической теории те представления о социализме, которые сформулированы в докладе М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Нельзя не поддержать и прозвучавшую на конференции мысль, что в центр обществоведческой работы следует поставить разработку современной концепции социализма. Такая концепция до конца раскрепостила бы и экономическую мысль, сделала бы ее по-настоящему смелой и радикальной в оценке допустимых пределов разнообразия форм и методов хозяйствования.

ность развития, имеется ли должное соответствие между целями и средствами, в статье не только нет, но сама мысль о таком анализе считается ревизионистской. Утверждения о необходимости демократизации и гуманизации социалистического строя объявляются демагогическими (С. 13).

Накопленный опыт перестройки уже доказал, насколько актуально углубление научных представлений о социалистической собственности и насколько практически плодотворно такое углубление. Приняты меры, включая законодательные акты, к созданию реальных возможностей занятия индивидуальной трудовой и кооперативно-трудовой деятельностью. Под конституционные права и свободы граждан подведена гарантирующая их основа.

Меры эти стали, без преувеличения, революционными. Не правы те, кто воспринял эти меры с позиций сталинистских представлений о социализме. Им такие меры представились подрывом социализма, отступлением от него, понижением уровня обобществления хозяйства. На самом деле была сделана здравая попытка узаконить разнообразие форм хозяйствования, соответствующих критериям социалистического общества. Революционность мер состоит не в отказе от государственной формы организации производства, а в отказе от признания ее единственной последовательно социалистической.

Не правы и те, кто воспринял законы об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперации как провозглашение этих форм единственно пригодными для перспективы. Чтобы повысить эффективность (и экономическую, и социальную), требуется разнообразие форм хозяйствования. Но допущение, даже культивирование общественно полезного разнообразия вовсе не предполагают сокращение этого разнообразия за счет свертывания государственных форм ведения хозяйства.

Примечательно, как действует революционная смена подходов к допустимому при социализме кругу форм ведения хозяйства. Еще только разворачиваются новые формы кооперации и индивидуальной трудовой деятельности, а уже с трибуны XIX Всесоюзной конференции прозвучала очень верная и точная постановка: отчего мы не даем государственным предприятиям столь же широких прав, как кооперативным? Очевидно, когда разрабатывался Закон о государственном предприятии, сказались прежние подходы, прежние представления о социалистичности и несоциалистичности. При разработке Закона о кооперации ограниченность прежних подходов была в известной мере преодолена. И вот полезный результат — более смелая постановка вопроса о самостоятельности государственных предприятий.

Вопрос о социалистической собственности, как видим, ставится сегодня не только теоретически, но и практически. Ставится по-новому, революционно. Ставится так, чтобы преодолеть сталинистские извращения, восстановить ленинские подходы.

Социалистический рынок: от «образа врага» — к умению культурно хозяйствовать

Деформациям общественного сознания застойного периода было свойственно отвлекать внимание людей от существа социально-экономических проблем, уводить его к надуманным проблемам, которые, как ни подойди, решить невозможно, ибо они поставлены неверно. Обратим внимание, как много времени потребовалось уже в первые годы перестройки, чтобы пройти путь от лозунга ускорения к лозунгу перестройки, а от него — к политически точному лозунгу социалистической демократизации, возрождения ленинской концепции социализма. Путь этот был бы короче, если бы в застойные годы не сложилось извращенное изображение существа проблем современного советского общества и хозяйства. Составной частью такого

извращения была концепция борьбы «товарников» с «антитоварниками».

Возникла она, как нам представляется, после 1968 года, отразив кризис в Чехословакии. Этот кризис был изображен как атака сторонников так называемого «рыночного социализма» на устои социалистического общества. После этого, уже в 70-е годы, идейная борьба в советской политической экономии социализма стала изображаться как противостояние «товарников» (или «рыночников») и «антитоварников». В действительности фронт идейной борьбы проходил совсем по иной линии, касался гораздо более глубоких и острых проблем общественного развития. Схватка идей велась по вопросу о том, является ли доброкачественной (с точки зрения задач дальнейшего развития) сложившаяся в 30—50-е годы система общественно-экономических отношений. Другими словами, следует ли ставить вопрос о «дальнейшем совершенствовании» построенного у нас общества или о его революционной перестройке. Но наружу эта схватка выходила с трудом, чаще всего в связи с проблемами механизма хозяйствования. Отсюда ее однобокое и извращенное изображение, построенное на гипертрофированном внимании к соотношению плана и рынка. Получалось, что развитие хозрасчета, рынка, их более эффективное использование подменяли собою проблематику демократизации, а придание рынку, хозрасчету «образов врага» социализма выражало консервативные программы развития.

Перестройка быстро поставила эти проблемы на соответствующие места. Сегодня консерваторам, силам торможения приходится высказываться по политическим проблемам, не маскируя их под «антитоварность». Снят «образ врага» и с социалистического рынка. Задача поставлена адекватно реальности: научиться хозяйствовать культурно, современно, эффективно, не пришивая политический ярлык к выбору лучшего варианта удовлетворения общественных потребностей и экономии народных средств. Казалось бы, все так просто. Но в идеологии нашего хозяйствования это настоящая революция, радикальная расчистка завалов догматики и схоластики, морочивших не один десяток лет головы хозяйственникам, партийным работникам, всем, кто готовит, принимает и реализует хозяйственные решения.

Но главная трудность в освоении нового механизма хозяйствования лежит, похоже, не в преодолении предубеждений относительно товарно-денежных отношений, а в преодолении недиалектического подхода к реформе организационно-экономических отношений. Метод «шараханья из крайности в крайность», на бытовом языке формулирующий суть метафизического мышления, не сдан в архив, а по-прежнему остается в арсенале экономического мышления. Применительно к проблематике социалистического рынка и товарно-денежных отношений он проявляется ныне в отрицании не только бюрократического централизма, но чуть ли не необходимости централизма вообще. Представления о сути революционной перестройки механизма социалистического хозяйствования нередко смещаются с проблем демократизации на проблемы децентрализации, задачи изменения принципиального характера деятельности каждого из уровней и звеньев управления подменяются задачами перераспределения функций между уровнями управления, расширения самостоятельности звеньев хозяйства. И то и другое важно, но все же задачи эти разные. Объединяет их целостный характер революции в управлении, охватывающий как укрепление централизма (субординированности хозяйственных действий в масштабе страны), так и освоение де-

мократических форм и методов деятельности каждым из управляющих уровней и хозяйствующих звеньев.

В этой связи вызывает недоумение дружная критика всего государственного в хозяйстве. Впечатление такое, будто государство убивает все живое в хозяйственной сфере, как только к нему прикасается. По-видимому, из одной крайности, когда все государственное объявлялось прогрессивным и более высокоразвитым только в силу принадлежности государству, многие теперь впали в другую крайность и считают прогрессивным все негосударственное лишь на том основании, что оно кооперативное, индивидуальное, арендное, но не «казенное». Появились даже трактовки, будто государственное и общественное означает «ничье».

С горечью хочется констатировать, что, как видно, не для нас написал В. И. Ленин «Государство и революцию». Не для нас, судя по состоянию нашего современного мышления, развил он теорию марксизма о государстве, показал его необходимость и плодотворность в решении задач социалистической революции и социалистического строительства. Между прочим, крайне своевременно напомнить также предостережение В. И. Ленина: «У нас смешивают постоянно централизм с произволом и бюрократизмом. История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста»[1]. В условиях антиказарменной революции (а такова наша перестройка, если ее осуществлять революционно) для марксиста, безусловно, непозволительно смешивать централизм (этот ценнейший результат исторического прогресса общества) со сталинистскими произволом и бю-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

рократизмом, пережившими в застойные годы свое второе издание (переработанное и дополненное).

«Но непозволительно было бы забывать,— продолжим мысль словами В. И. Ленина, написанными как будто в наше время,— что, отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм»[1]. Да, именно так: корень современных проблем перестройки управления советским хозяйством заключается вовсе не в отказе от централизма в пользу разобщенности, распыленности, несубординированности действий хозяйственных субъектов, а в демократизации управления сверху донизу, в очищении централизма от произвола и бюрократизма.

В качестве возражений такому подходу фигурируют обычно суждения насчет того, что пока еще демократического централизма никто, никогда и нигде не видел, а во-вторых (и это уже из арсенала технократического мышления), всякая организация требует исполнения конторских функций, а это-де и есть бюрократизм, без которого не может быть культурно организованного хозяйствования. Однако о бюрократизме у нас принято говорить не в абстрактно-функциональном, а в социально-историческом плане, как о типе власти в обществе и в хозяйстве, антиподе демократии. Что же касается неосуществленности на деле демократически-централистского управления, то это факт, отражающий деформированность нашего общественного строя. Из того, что демократического централизма нет в практике советского хозяйствования в наше время, вовсе не следует, что его не может быть никогда. Уместно напомнить, что революционеры тем и отличаются от реформистов, что могут себе представить качественно новое, никогда ранее не бывшее и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

помочь народу практически сотворить такое новое. «Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной государственной машины за уничтожение централизма!.. Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным»[1].

В условиях перестройки стоит весьма схожая по типу задача — преодолеть отчуждение народа от власти, сделать государство социалистическим народовластием. Реформа политической системы СССР тем и важна, что должна стать практическим воплощением демократизации, открыть возможности демократизации всех отношений в хозяйстве. Сведение проблем демократизации к проблемам децентрализации ряда функций (что конечно же необходимо и целесообразно), к более полному и эффективному использованию социалистических товарно-денежных отношений было бы сознательным или бессознательным сужением, искажением этих проблем. В полном объеме проблемы революционного преобразования хозяйственного руководства могут и должны стоять в условиях перестройки как задачи слома командно-карательного управления и утверждения демократического централизма.

* * *

Курс партии на перестройку, начатый в апреле 1985 года, углубляется, набирает силу, укореняется в сознании и действиях народных масс. Крупными вехами на пути развертывания этого курса стали XXVII съезд КПСС, январский и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС. Достижения были закреплены, а постановки очередных задач развиты и углублены XIX Всесоюзной конференцией КПСС. Ее материалы, в том числе резолюции, фиксируют современное состояние идеологии перестройки. Идеологии передовой, революционной, формирующей шаг за шагом современную концепцию социализма.

Кто против!

(Беседа Г. Попова с В. Выжутовичем)[2]

В. Выжутович. Вы, Гавриил Харитонович, встречали хоть одного человека, который назвался бы противником перестройки?.. И я — нет. Поразительное единодушие: все — за!

Вопрос: кто против? — почти бестактность. И тем не менее декларируемая приверженность духу времени на деле нередко перечеркивает этот дух то строчками статьи, от которой за версту несет демагогией времен «обострения классовой борьбы», то кликушеством «патриотов всея Руси», коим всюду мерещатся происки агентов международного сионизма...

Г. Попов. Короче, что бы там ни говорилось, существует нечто объективное, проясняющее, кто есть кто,— я вас правильно понял?

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 53—54.

[2] Огонек. 1988. № 18. Печатается с сокращениями.

В. Выжутович. Именно! Есть люди, которые уже по своему положению в обществе не могут относиться к перестройке иначе как, мягко скажем, настороженно.

Г. Попов. Вы правы: сегодня — по крайней мере на словах — все за. Это главная особенность нынешнего момента. И, на мой взгляд, весьма опасная. Как определить, кто действительно за, а кто против? По речам и заявлениям? Но где гарантия, что речи не продиктованы желанием угодить начальству, а заявления не вызваны стремлением занять повыше пост? Поэтому превращение словесных сторонников перестройки в подавляющее большинство, конечно, отражает движение вперед, но сей факт нельзя переоценивать. Среди голосующих за перемены немало тех, кто использовал предоставленный партией всем кадрам шанс обдумать прошлое, настоящее и будущее. Эта позиция — дать всем шанс — отражает и демократизм перестройки, и желание обеспечить ей максимум поддержки, и понимание, что сами условия жизни и деятельности под прессом механизма торможения неизбежно лишали многих возможности думать и принимать решения, что сам процесс выдвижения кадров сплетался с разного рода нарушениями, и оказалось чересчур много «без вины виноватых». Те партийные и советские руководители, хозяйственники, теоретики-ученые, кто использовал этот шанс, заслуживают добрых слов, и было бы вредным для дела копаться в их прошлом, ворошить старые обиды, сводить счеты. Но нельзя не видеть и опасность, исходящую от тех, кто перестроился только на словах. К тому же противники перестройки не разгромлены организационно, от них не очищен аппарат.

В. Выжутович. Ну почему же. В иных городах, областях, республиках произошла полная, почти стопроцентная смена руководящих кадров. Изменится ли «сумма» от этой перемены мест?

Г. Попов. Да, кадры обновляются, это факт. Но факт и то, что вновь пришедшие зачастую замечательны не тем, что они прорабы перестройки, а только тем, что, во-первых, не запятнали себя в годы застоя и, во-вторых, потенциально как будто бы могут стать активными прогрессивными деятелями.

В. Выжутович. Как я понимаю, борьба развертывается не вокруг вопроса, быть или не быть перестройке. Перестройка неизбежна, жить так, как мы жили все эти годы, стыдно и далее невозможно. Другое дело — как, каким путем осуществить задуманное обновление? Тут я вижу главный перекресток сегодняшних споров, тут воздвигаются баррикады, сталкиваются позиции, идет борьба...

Два пути

Г. Попов. Если сгруппировать возможные варианты общественного обновления в полярные, крайние, то вырисовываются два основных пути. Первый — решительный, быстрый, глубокий, осуществляемый при активном участии самых широких масс. Это путь революционно-демократический. При нем издержки перестройки лягут прежде всего на плечи бюрократического аппарата, сформированного Административной Системой и прямо ответственного за годы застоя. Второй вариант — постепенные преобразования на основе новых инструкций. Это позволит аппарату постепенно перестраивать себя, сохраняя свою ведущую роль и допуская обновление в тех пределах, при которых основная часть нынешних чиновников будет сохранять свои посты. Издержки перестройки или будут переложены на плечи трудящихся, или, что скорее, аппарат не решится это сделать, поэтому затянет перемены, и тем самым вместо решительного скачка будет медленное

прогрессирование. Этот вариант можно назвать аппаратным. Он станет — уже становится! — базой консолидации всех антиперестроечных сил. А появление у аппаратного варианта «соратников» справа будет еще больше усиливать в нем черты медлительности и консерватизма.

Есть у аппаратного варианта и левый фланг — авангардизм. Он тоже пытается бороться за решительную перестройку силами аппарата (который надо обновить). Однако суть перестройки такова, что сверху, аппаратно, ее в решительном варианте провести нельзя.

В. Выжутович. Вокруг двух вариантов перестройки и кипят сейчас споры. Кто же какой путь предпочитает, по-вашему, и почему?

Г. Попов. Основные силы перестройки — это мы с вами, все мы — и высшее руководство страны; аппарат партийных, государственных, хозяйственных, общественных организаций; руководители хозяйственных предприятий; интеллигенция; рядовые трудящиеся.

Так вот, практика трех лет перестройки и ее анализ показывают, что демократический вариант перестройки делает ненужными не просто те или иные подразделения хозаппарата. Он делает ненужным аппарат в его нынешнем виде. Аппарат нужен любому механизму хозяйствования, в том числе и экономическому. Но этот аппарат для него непригоден. Если, конечно, перестройка революционная.

Охотников рубить сук, на котором сидишь, пока найти трудно. Аппаратчики умело демонстрируют свою необходимость, незаменимость, нередко сознательно создают ситуации, когда без чиновников выход найти трудно. Более того, они искренне хотят перестройки и хотят ее провести. Но какую? Только ту, при которой им удастся усидеть в кресле.

Надо отдать справедливость аппарату — он сейчас работает на полную мощность, не щадя сил. Но как работает, над чем работает, какова реальная отдача?!

Именно хозяйственный аппарат министерств и ведомств стал ударной силой, забойщиком административного варианта перестройки.

Государственным органам трудно перестраиваться, а для большинства звеньев штатных аппаратов общественных организаций демократический вариант перестройки вообще означает похоронный звон. По логике сейчас, как никогда, нужна активизация всех общественных сил, но очень уж велика привычка жить в рамках строгой заорганизованности. Это проявляется даже в партийном аппарате, который, по сути, начал перестройку и является одной из основных движущих ее сил. Уже после пяти первых лет Советской власти Ленин написал, что бюрократизм есть и в партийном аппарате. Но дело не только в бюрократах. Тема эта сложная. Она связана и со сложившимися отношениями, когда, как отмечал М. С. Горбачев, порой «дело доходит до того, что работники аппарата начинают помыкать членами райкомов, горкомов и обкомов партии».

Слушая прекрасную речь какого-нибудь бюрократа, невольно думаешь: ну хорошо, он явно хочет решительной и быстрой перестройки. Но почему? Что объективно заставляет его желать этого? Чем накажет его жизнь, если он вскоре отойдет в сторону?

Среди работников аппарата есть приверженцы демократического варианта. Но главное объяснение приверженности того или иного руководителя демократическим преобразованиям можно найти только в их личной позиции. А объективно большинство работников аппарата не может не склоняться к административному пути. И дело тут не в личных пристрастиях. Ведь в большинстве своем эти работники отбирались и выдвигались именно

за умение администрировать. И за способность быть послушными исполнителями. Подчиненных своих они отбирали по этим же критериям. Даже если работники осознали преимущества демократического варианта, им не надо большого ума, чтобы понять: на этом пути карьеры не сделаешь. Многим придется уступить свои посты работникам иного типа. Именно поэтому со стороны бюрократии идет наиболее ожесточенное сопротивление демократическому варианту перестройки.

Представьте ход рассуждений аппаратчика. Он говорит себе: я понимаю необходимость решительной и быстрой перестройки, но я умею только распорядительствовать, контролировать, наказывать. А все это в таком виде уже не будет нужно. Я умею подбирать и растить кадры руководителей, но как при выборах заставить считаться с моим мнением? Я сегодня руковожу работой разных комиссий в силу того, что они подчинены мне. Но завтра они, видя, что основное зависит не от меня, а от воли коллективов, перестанут четко следовать моим указаниям. Аргументировать я давно отвык. Знаний современного типа недостаточно. Если же я буду настаивать, меня вообще могут завалить на следующих выборах. Нет, для меня остается аппаратный вариант. Впрочем, редко кто так честно рассуждает даже наедине с собой. Многие автоматически выбирают аппаратный вариант, считая его чуть ли не единственно мыслимым.

А с другой стороны, чем виноваты люди, которые когда-то были пригодны для аппарата и честно работали в нем? Надо видеть в поведении бюрократов не столько их вину, сколько беду. Но факт есть факт: аппарат всех видов и отражающие его взгляды руководители стали наиболее острой проблемой перестройки.

В. Выжутович. Идет либо явный саботаж, либо имитация обновления. Последнее еще опаснее, ибо рождает иллюзии.

Между словом и делом

Г. Попов. Следующий важный слой участников перестройки — директора заводов, шахт, начальники строек...

Именно хозяйственные руководители были тем звеном, в котором смыкались централизованное и хозрасчетное начала управления. Они соединяли в себе черты представителя государства и черты лидера своего коллектива. Лучшие из них слышали, по выражению одного из героев Валентина Овечкина, «на оба уха»: и то, что сверху внушают, и то, что народ говорит. Им была видна несуразность многих директив; ведь именно на их глазах и в их руках руководящая бумага сталкивалась с реальностью. Им наглядно и ежедневно был виден разрыв между словом и делом. У них были наиболее сильные аргументы против администрирования. В прошлом хозяйственные руководители активно выступали против командной экономики. Им близки интересы своих коллективов и яснее всего были видны возможности действительно активного, свободного труда. Отсюда их готовность к демократической перестройке. Но, к сожалению, на их борьбу и на их позицию влияет груз прошлого. Они часто против всяких регламентов, но вовсе не за ужесточение своих обязательств. Они требуют решения проблемы материально-технического снабжения для руководимых ими предприятий, чтобы поступило все вовремя и качественное, и отнюдь не склонны понять, что это одновременно означает и *свое* обязательство отгружать вовремя и абсолютно качественное.

Перестройка предъявила им жесткие требования, и уже госприемка — еще не рынок, еще не сам потребитель! — выбила многих из

колеи. Перспектива прямой встречи с теми, кто покупает их изделия, многих директоров пугает.

Далее. При всех своих жалобах многие хозяйственники лично живут неплохо. Переход к полному хозрасчету, нормативному или остаточному, им кое-что, конечно, добавит, но до сих пор никто не определил, каков будет выигрыш в оплате у директоров. Более того, руководители разных рангов пытаются сохранить в своих руках премирование директоров. Итак, рост доходов — вещь спорная. А вот угроза все потерять станет вполне реальной у многих директоров.

Примем в расчет и такое соображение. Нормативы и регламенты — это не только путы иа руках и ногах. Это одновременно костыли и палочки. Они страхуют. Они позволяют сослаться иа авторитет верха, не думать, упростить свою задачу. Они резко уменьшают риск. И если учесть, что рынок личио директору дает пока что мало, то «про себя» руководитель не очеиь обижен на нормативы: дали их сверху, сверху и помогут, если будет нелегко.

Самоуправление и выборность тоже далеко не всем по душе, даже способиым директорам. И если аппаратный вариант ослабляет самоуправление, то иные руководители видят в этом для себя надежную гарантию: с министром им легче договориться, чем с коллективом.

Учтем и то, что за годы застоя многие директора обросли связями, знакомствами, взаимными обязательствами, и они ие могут не понимать, что демократический вариаит перестройки все это разрушит. Отсюда — склоииость к аппаратиому пути перестройки. Если поначалу все командиры индустрии бились за самостоятельиость, то на втором этапе перестройки произойдет, очевидно, расслоение в их среде. Миогие потянутся к аппаратиому варианту перестройки, наиболее знающие, активные, предприимчивые пойдут путем демократизации.

В ожидании благ...

В. Выжутович. Не кажется ли вам, Гавриил Харитонович, что в сознании большинства утвердилось наивное, я бы даже сказал, обывательское представление о соотношении сил: народ за перестройку, а чиновники аппарата — против.

Г. Попов. Если бы все рабочие, или хотя бы их явиое большинство, выступили в поддержку!.. При четко выраженной воле высших руководителей страны, при активной борьбе за перестройку творческой интеллигенции, трудящихся мы сломили бы сопротивление аппарата и его идеологических защитников. Кое-какой опыт такой ломки есть. В 1957 году, например, был решительно нейтрализован упраздняемый аппарат хозяйствениых министерств.

В. Выжутович. Да, но дело в том, что даже в рабочей среде отношение к перестройке весьма неоднозначио.

Г. Попов. Естественно. Перестройка ведет к экономическому росту страны, что в условиях общественной собственности означает рост благосостояния народа. В этом смысле все рабочие, желающие лучше жить, не могут не выступать за перестройку. Но от прошлого остались законные опасения. У людей нет уверенности в том, что укрепление экономики в ходе перестройки даст им достаточную компенсацию за дополнительные усилия. Нет уверенности, что этот экономический рост не станет ростом лишь некоторых отраслей или не выльется в пирамиды, которые, как считалось всегда, иужны народу (целый каскад ГЭС на Волге или атомные стаиции). Есть опасения, что осиовной эффект достанется растущему и по численности, и по аппетитам аппарату. Так ведь тоже не раз бывало в прошлом.

Что еще тревожит и настораживает рабочих? Перспектива полностью отвечать за итоги хозяйст-

венной деятельности своего предприятия. Это хорошо показала госприемка. Десятки «благополучных» заводов оказались благополучными в кавычках. А если будет оценивать не госприемка, а рынок? И, что еще страшнее, рынок внешний? Люди понимают, что в таких условиях не только они сами, но и их заводы могут оказаться несостоятельными. Оценка продукции по мировым стандартам потребует закрытия заводов, которые могут существовать только под административным зонтиком и за счет других предприятий. Есть и целые отрасли, существующие пока только за счет других отраслей. Но ведь рабочие к принятию решений о строительстве этих заводов отношения не имели. А реальный хозрасчет несет опасность отвечать своей зарплатой не только за свои грехи, а за всю систему, за плохих руководителей, за их медлительность и неумение быстро перестраиваться.

В то же время среди рабочих немало тех, кто умеет хорошо работать и хочет зарабатывать больше. Эта часть рабочих двумя руками за перестройку, поскольку видит в ней возможность реализовать себя. Эта группа наиболее страдает от уравниловки, ведь именно за ее счет аппарат платит дотации относительно хуже работающим.

Есть и слой рабочих, давно живущих за счет своих товарищей, получая «нормативную» заработную плату, не соответствующую ни усилиям, ни умениям. Этот слой получает и премии «за план». Реальный хозрасчет — полная катастрофа для таких «тружеников». «Вкалывать» они не хотят, да и порой просто не умеют. Это не личная их вина, они — продукты системы. Они — социальная опора аппаратного варианта, как бы они порой ни клеймили «чиновников».

Как видим, среди рабочих за решительную перестройку отнюдь не все. Есть доля «за», есть доля «против» и есть обширная «середина», настроенная пока положительно в ожидании, что перестройка, как некий волшебник, сразу же что-то даст.

Этот иждивенческий настрой, порожденный опытом прошлого, когда верх чем-то «радовал» низы, скоро развеется. Ибо выяснится, что блага не падают с неба, их надо заработать. Возникнет задача, к которой надо быть готовыми сейчас: как сделать сторонниками решительной перестройки большинство трудящихся? Теоретически задача разрешима, так как именно быстрая перестройка сулит реальные перспективы именно большинству, а аппаратный вариант обрекает его на десятилетия прозябания. Таковы факты.

Верить и действовать!

Г. Попов. Судьба перестройки еще не решена. Она зависит от того, чьим резервом станет та часть трудящихся, которая ныне занимает нейтральную позицию.

В. Выжутович. Пока что, судя по всему, немало шансов привлечь их на свою сторону имеет аппаратный вариант. Он ведь исходит из медленных темпов перестройки и потому может позволить себе сохранение уравнительных тенденций в оплате труда, а это дает определенные гарантии тем, кто привык работать ни шатко ни валко.

Г. Попов. Вот в этом-то главное противоречие революционно-демократического варианта перестройки. Он, с одной стороны, требует заметной разницы в оплате, стимулировании лучших. А с другой — для успеха должен привлечь на свою сторону большинство, то есть тех, кому он не только не сулит незаработанных денег, но, напротив, обещает перспективу более напряженной работы за ту же зарплату. В чем выход из этого противоречия? А в том, что чувство хозяина формируется не только экономически.

И если мы пока не можем обещать основной массе средних трудящихся сказочного роста зарплаты, то в наших силах создать обстановку, при которой они будут чувствовать себя хозяевами. Такую обстановку формирует политическая демократия. Короче, если осязаемый рост доходов революционно-демократический вариант сулит лучшим, то демократизация будет реальным благом для всех.

В. Выжутович. Гласностью возмещать тощие заработки? Это почти классическое: «Что слава? — Яркая заплата на ветхом рубище певца». Ну уж нет! Демократия не может быть взамен благосостояния.

Г. Попов. Все дело в том, что у нас нет предлагаемой вами второй части альтернативы: богатый — но без демократии. Это нам сулили в годы культа личности: вы живете хорошо, будете жить еще лучше, и антидемократические формы можно терпеть. Сегодня так жить нельзя. Только демократия, жесткая чистка в ее условиях от всех блоков механизма торможения — в партии, в государстве, в экономике, в идеологии! С неизбежными экономическими издержками, даже с каким-то периодом трудностей, но с выходом на путь нормального экономического развития.

Мы десятилетиями терпели Административную Систему, исправно аплодировали, добросовестно носили портреты на праздничных демонстрациях, послушно голосовали, единодушно одобряли. Плата за это неизбежна. Но при демократическом варианте она в целом меньше, срок короче, распределение по слоям общества справедливее. Нарыв можно вскрыть сразу. Это больнее, но правильнее и в конечном счете легче.

В. Выжутович. Хорошо. Но почему вы уверены, что демократия привлечет на сторону революционного варианта перестройки экономики большинство?

Г. Попов. Давайте обратимся к примерам. Вот в аппаратном варианте Аэрофлот перешел на хозрасчет. Что он сделал, чтобы покрывать свои издержки? Ликвидировал льготы для студентов и школьников. Смог бы он это допустить в условиях демократии? Когда студенты и молодежь «взяли бы за жабры» депутатов? Когда сами депутаты, думая о следующих выборах и о голосах на них, и о конкуренте — кандидате на этих выборах, потребовали бы «к барьеру» министра гражданской авиации? И тот, положим, смог бы публично перед всей страной доказать, что без отмены льготного тарифа Аэрофлот жить не сможет. Но тогда ему могли бы посоветовать повысить цены на билеты, например, тем, кто ездит в командировки за счет государства (чтобы поприжать любителей кататься «по делам» и заставить их так вести дела, чтобы меньше ездить), а льготный тариф не трогать. Или, скорее всего, ему доказали бы, что экономить можно за счет сокращения раздутых штатов Аэрофлота, за счет увеличения платных услуг, за счет строительства в аэропортах гостиниц и т. д. Вместо наиболее «легкого» при аппаратном варианте решения проблем хозрасчета (за счет молодежи) политическая демократия заставит мобилизовать все экономические резервы.

Еще пример. Под шум речей о пользе кооперации принята «мелкая» инструкция — о прогрессивном налоге.

При демократии Минфин не смог бы келейно подготовить и принять такого рода решение. А если бы и принял, то кооперативы или довели бы министра финансов за такой шаг до отставки, или, что типичнее, вся страна одобрила бы такой хозрасчет на госпредприятиях, при котором на них можно будет зарабатывать такие же деньги, как и в кооперации, и платить такой же налог. Демократия привлекает к пе-

рестройке, а аппаратный путь отталкнвает от нее.

Но наиболее яркнй пнмер — ценьи на мясо и молоко. Рассуждения о покрытии дотации несостоятельны, так как неясно главное — какая часть дотацнн покроет затраты иа производство мяса, а какая пойдет иа содержание аппарата Агропрома. А сколько в действительных нынешннх нздержках на мясо «задано» этнм аппаратом, его инструкцнямн н его иеспособиостью вестн дело? И здесь демократня прнвлечет массы к перестройке, а аппаратиый путь может скорее всего оттолкнуть потеицнальных союзинков. Нельзя забывать, что нменно аппаратио-бюрократнческое повышеине цен иа мясо оттолкнуло от реформы Хрущева многих его стороиинков.

Только демократическая система способиа обеспечить эффективиый вариаит экономнческой перестройки, свестн тяготы иаселения к необходимому миинмуму. Я в этом убежден.

В. Выжутович. Все спорят о том, какой должиа быть демократия. И о том, дорослн ли мы до нее.

Г. Попов. До свободы дорослн все люди. А что касается форм демократни, тот тут тоже секретов иет. Демократия, читал я как-то,— это как жираф. Тот, кто его вндел, уже ии с чем не спутает.

Демократня в партии — это выборы в бюро нз спнска тех, кто набрал больше голосов. Это выборы секретаря оргаинзации тоже нз иескольких каиднндатов. Это выборность всего партнйного аппарата (хотя бы в тех организациях, откуда идет в аппарат работиик). Это жесткий, предельный срок для работы в партаппарате и для любого выборного руководнтеля.

Демократия в государстве — это выборы всех депутатов на конкуреитной основе. Это выборы всех каиднндатов в руководнтели всемн нзбнрателями, а ие в одном округе. Это выборность аппарата всех местиых органов — от иачальииков ГАИ до иачальинков жилотдела. Это выведение местных Советов из фактического подчиения местным исполнительиым комнтетам.

Демократия в хозяйстве — это превращение советов трудовых коллективов в главиый орган полиостью хозрасчетиого предприятия, а днректора — в подчиненного совету главу исполиительиой властн.

Словом, надо выдвииуть, обсудить иа XIX парткоифереиции разные варианты и одобрить иа всеиародном референдуме те или ииые меры по развитию государствеиной демократии. А меры по виутрипартийиой демократии может утвердить сама XIX парткоифереиция. ...Нам иадо учиться перестройке, в том числе н тому, как сделать партийиые форумы ие отражеиием точки зрения аппарата, как бывало в прошлом, а зеркалом миеиия всей партии.

В. Выжутович. Как же все-таки завоевать сторонииков революциониого варнаита, когда даже среди них иет полиого едииомыслия?

Г. Попов. В прошлом было миого споров. Накопнлось иемало счетов. И по-человечески поиятио желаиие иных теоретиков и практиков «уколоть» виовь примкнувших: а где ты был раиьше? А что ты со миой тогда делал? Но впереди еще столько боев, что примкнувший сегодия будет иметь сотни возможностей полиостью искупить свое поздиее прозреиие.

Мы только-только иачали дело. И главиый бой впереди. И тот, кто решил идти в бой иа стороие иашего варнаита,— уже иаш. И даже тот, кто примкиул из коиъюиктурных соображеиий, честолюбивых планов,— тоже. Надо не грехи помниать, а поддержнвать иового сторонника. Леиин, поиимая всю граидиозность революцин, прииял летом 1917 года в партию и Троцкого н готов был прнинять всех, кто приинмал программу революции. Враг еще так силеи, у иас так мало сил,

что непозволительная роскошь — предъявлять мелочные счеты друг другу. И когда я по телевизору вижу защищающего перестройку старого знакомого, травившего меня в прошлом, я должен найти силы думать не о своих обидах, а радоваться тому, что нашего полку прибыло.

Единой массы сейчас нет. Поэтому хорошо бы найти к каждой группе общества свой, понятный ей подход, решающий ее проблемы. У каждой категории трудящихся — врач или учитель, продавец или шофер,— мне кажется, надо сломать тот стереотип жизни, который у них сложился в прошлом. И на место прежнего стандарта поставить новый, более привлекательный.

Сила аппаратного варианта в том, что он былых стереотипов сразу не ломает. И у многих сохраняется иллюзия, что можно прожить по-старому. Вот почему важно добиться ясного понимания: что, как и насколько у тебя изменится, если осуществится демократический вариант перестройки.

В обществе должны возникнуть своего рода «группы давления» в пользу скорого революционного обновления. Одной «группой давления» станут, к примеру, организации молодежи, другой — кооперативы, третьей — союзы творческой интеллигенции. В этом — путь к успеху. Чем быстрее эти группы организуют себя, выставят свои требования, начнут их защищать, тем шире, теснее станут ряды сторонников демократии и глубоких экономических преобразований.

Перестройка идет. У нее есть и успехи, есть и перспективы. Но, к сожалению, велико и наследство застоя. Аппарату труднее всего перестроиться, но пока что мы равняемся на него. Учителя знают, как трудно учить класс, если надо равняться на самого худшего, самого тупого из учеников. Все знают, как идет группа, которую инструктор равняет на самого медленного из туристов...

Есть у демократического варианта еще один, быть может, последний резерв. Если механизм торможения десятилетиями отбивал попытки реформ, то одновременно накопился и потенциал перемен. И коль скоро люди уже поднялись, они не удовлетворятся полумерами. Если «средний» гражданин решился меняться, его не удержать. Народ все более воодушевляется ленинскими идеями перестройки. Если уж пошел — не остановится.

А. Нуйкин

Идеалы и интересы [1]

(По страницам газет и журналов)

Парадоксы перестройки

Самое невероятное и «фантастическое» в перестройке — это то, что она началась и, несмотря ни на что, продолжается.

Столь резкого скачка в развитии общественного сознания наша страна, думается, не знала со времен Октябрьской революции. Мог он произойти в 20-е годы, но не произошел, потребность в нем была не меньшая, но сознание широких слоев населения было не готово, не захотело «скакать».

[1] Новый мир. 1988. № 1, 2. Печатается с сокращениями.

Право слово, ощущение такое, словно сидели мы в шахте, за завалом, и вот к нам дыру пробурили, шланг просунули, кислород качают — дышим мы не надышимся. Праздник, эйфория!.. Ох как бы нам, глотнув чистого кислорода из «шланга», не поддаться этой самой эйфории чрезмерно, не забыть, что завал-то еще пока не разобран, что порода-то над головой подрагивает, потрескивает, и порой очень угрожающе.

«Почему мне стало сейчас еще труднее работать? — с горечью и недоумением спрашивает ведущий конструктор Махачкалинского сепараторного завода В. Старокожев.— Почему не могу с полезным предложением пробить стену равнодушия?.. Почему я не нахожу поддержки не только в своем городе, но и в Москве?.. Почему на родном заводе не вижу перемен к лучшему? Почему перестройка, в которую я сердцем поверил, приносит мне неприятности?..» (Правда. 1987. 23 июня).

«Мы только начинаем, мы только приступили к перестройке!» — очень резонная реалистическая формула, но... одновременно и очень коварная, чреватая утратой самокритичности, благодушием и снисходительностью к собственной вялости и недальновидности... И вот если подходить к каждому нашему сегодняшнему шагу с этих позиций — позиций неуспокоенности и бескомпромиссности, то придется признать, что у «определенной части москвичей», как и у жителей прочих наших городов и сел, накопилось вполне достаточно оснований и для тревог, и для разочарований, и для недоумений в связи с целым рядом парадоксов, загадок перестройки. Выделим хотя бы некоторые из них, выявленные и зафиксированные в нашей периодике, на которую я и попытаюсь опереться в осмыслении сегодняшнего дня нашей жизни.

«Дело ни с места, хотя все — «за» — так озаглавлена заметка инженера Г. Уварова, посвященная развитию кооперации в сфере услуг (Известия. 1987. 25 июня). В заглавии этом сформулирован один из главных парадоксов перестройки вообще. Все мы в одной лодке, по одну сторону баррикады, всей душой болеем за демократию, правду, справедливость, экономическое и нравственное здоровье общества, а лодка... не сразу и поймешь порой, куда она движется. С одной стороны, вроде бы решительно преодолевает встречное течение, с другой — глянешь на берег, а кустик напротив все тот же маячит.

Повторюсь: не о тех задачах, которые заведомо требуют для своего решения времени и терпения, идет речь. Нет, только о тех, в решении которых мы вправе были ожидать результатов быстрых и очевидных.

Обратимся для примера к такому вот предельно простому факту. Трудно найти в нашей стране человека, который не намучился бы с нашим сервисом, со слесарями домоуправлений и ЖЭКов в том числе: ходи за ними, упрашивай, в лапу давай — все едино: краны текут, батареи не греют, сантехника журчит. А вот журналистка Н. Зенова засвидетельствовала: «Слесари-сантехники в ЖЭУ № 5 (Свердловска.— *А. Н.)* на работе не пьют, денег не берут, на вызовы жильцов спешат (два часа — вот максимальный срок, который они установили себе для выполнения любой заявки), в будни по скользящему графику дежурят до девяти часов вечера, в субботу и воскресенье — до шести» (Лит. газ. 1985. 7 авг.). Но заявок у них мало по причине методично проводимой профилактики. Чудо? Пришельцы из иных миров посетили ЖЭУ № 5? Нет. Просто перешли слесари на бригадный метод, работают половинным составом, зарабатывают вдвое больше. Работой дорожат. Казалось бы, как не ухватиться двумя

руками за такое открытие? Да еще при столь острой (якобы) нехватке рабочей силы. Увы, два года минуло, а краны как текли по всей стране, так и текут, слесарей же даже рублевкой уже не подманишь к тем кранам. Пятеркой разве что. Не загадка ли?

«Представим на миг, что все соседи вышли на наш уровень. Куда мы будем деваться с мясом, молоком, зерном?» — такой вопрос задает нам с вами директор совхоза «Назаровский» А. Ф. Вепрев (Известия. 1987. 16 марта). Вопрос не праздный и не издевательский. Тут что интересно: совхоз «Назаровский» расцвел не на украинских жирных черноземах — в Сибири. Сливок, чтобы (по методике Лысенко) коров поить, ему государство не выделяет. Все тут сделано руками рабочих, подкрепленными талантом и стойкостью характера А. Вепрева, 27 лет бессменно занимающего пост директора. Каждый работник в совхозе производит продукции на 30 тысяч рублей в год (в три с лишним раза больше, чем по краю и по стране). 20 лет совхоз на самофинансировании, дает в год до 10 миллионов рублей прибыли. Один человек обслуживает тут 3 тысячи свиней, производя центнер мяса менее чем за час. На центнер молока затрачивается чуть более двух часов (в 3—4 раза меньше, чем по Союзу). А на центнер зерна —10 минут! И себестоимость его, как и мяса, вдвое ниже, чем в США.

В чем же секрет чудес в совхозе «Назаровский»? Директор дает такую лаконичную формулу, раскрывающую его: «Можно сказать, что весь совхоз находится на коллективном подряде».

И опыт «Назаровского» — отнюдь не первое свидетельство того, что названная форма организации труда (делающая работника реальным хозяином производства!) творит чудеса. С неотвратимостью. И с легкостью необычайной.

Почему же, если еще двадцать лет назад гонимый и преследуемый коллективный подряд увеличивал все показатели в несколько раз, сейчас эффект его, всеми одобренного и поддержанного, измеряют считанными процентами? И еще. Опыт Худенко на практике доказал: с тем объемом работ по производству зерна, с которым у нас едва управляются 830 работников, вполне (при улучшении всех показателей) способны справиться 100 механизаторов широкого профиля. Но... слышали ли вы, чтобы в каком-нибудь колхозе или совхозе в результате применения безнарядно-звеньевой системы ныне оказались лишними хотя бы несколько десятков рабочих? Я вот впервые прочитал такое: в совхозе «Назаровский» раньше работали 1700 человек, сейчас работает 1000. А без этого откуда взяться скачку производительности, зарплаты, падению себестоимости? Это же азы. Тем не менее миграции населения из села пока что-то не предвидится. Парадокс, да и только.

Впрочем, не такой уж замысловатый. Директор совхоза «Назаровский» разрешает его буквально двумя-тремя короткими фразами: «Не раз восставали против сомнительных установок, инструкций... Скажем, РАПО по своей сути исполнительный орган, но пытается вмешиваться в экономику хозяйств. *С нами, правда, это не проходит*» (курсив мой.— *А. Н.*).

Вот вам и ответ на загадку: там, где это проходит, там о коллективном подряде лучше не говорить, чтобы не дискредитировать прекрасное начинание. Проходит же оно пока, пожалуй, в 999 случаях из 1000.

А ведь начиная с XXVII съезда со всех трибун, страниц, полос, экранов только и твердим: оценивать работу по конечным результатам, не командовать, не опекать, не регламентировать! Не понимают в областном и районном звеньях этих

призывов? Но ведь есть среди тех призывов столь простые, столь однозначные, что и ребенку дважды растолковывать их смысл не потребовалось бы. Например, резко сократить управленческий аппарат! А что мы имеем?

«В нашем Полесском районе всего четыре маломощных колхоза и столько же совхозов,— пишет из Калининградской области А. Федосов.— За ними числятся многие миллионы долгов. Живут в нахлебниках у государства. На фермах не хватает доярок, а те, которые работают, пенсионного или предпенсионного возраста. Но загляните в конторы этих колхозов и совхозов. Как говорится, столы стоят чуть ли не в два яруса, за которыми сидят молодые цветущие женщины: бухгалтеры, их многочисленные замы, экономисты, главные специалисты. А далее — начальники отрядов, инженеры, электрики, агрономы по заготовке кормов и т. д. И это в убыточном хозяйстве. На четыре колхоза и четыре совхоза у нас имеется РАПО. Штат настолько раздут, что в последнее время в новом большом помещении начали делить кабинеты временными стенами, чтобы как-то разделить «руководящие» столы. В мизерном районе у председателя РАПО кроме первого заместителя появились еще замы. Как грибы растут отделы, не счесть инженеров, инспекторов, ревизоров...» (Правда. 1987. 8 июня).

А теперь помножьте все это на количество районов и ведомств в стране. Помножили? И что мы имеем? А вот что: «Появился на свет небольшой деловой документ об усовершенствовании оплаты труда на селе, потом был издан более подробный. Теперь... к последнему документу готовится 630 страниц разъяснений и инструкций... Видимо, те, кто издает подобные инструкции, всерьез считают, что... надо так закрутить, чтобы исполнители по струнке стояли не перед делом, а перед бумагой. К сожалению, на практике оно так и есть: до 80 процентов рабочего времени специалисты тратят на составление различных бумаг, поток которых, как сказали мне в РАПО, возрос в 8—10 раз» (Известия. 1987. 22 янв.).

Неуправляемое разрастание канцелярских тканей и судорожного бумаготворчества экономистов не удивляет. Нас — тоже. Рыба ищет, где глубже, а обыватель ищет, где можно сидеть в мягком кресле, ни за что не отвечая. Так что загадка, связанная с цитируемыми материалами, не в том, что управленцы и канцеляристы не торопятся выполнять решения об отказе от администрирования, о сокращении аппарата, предоставлении предприятиям и хозяйствам самостоятельности и т. д., а в том, что они игнорируют все эти решения столь открыто, столь безбоязненно, даже нагло! Что ни говори, а ведь для того, чтобы неприкрыто игнорировать линию партии, выработанную съездом, одобренную всенародно, надо быть очень уверенным в полной своей безнаказанности.

Факты? Их более чем достаточно.

Широким фронтом начинаем поход за использование всех замороженных наших резервов, за развитие самодеятельности, инициативы, предприимчивости, и вдруг в разгар похода — Указ о борьбе с нетрудовыми доходами, отбросивший общество в решении этих задач далеко назад. По стране прокатилась лавина гонений на людей, пытавшихся и после заводского гудка не за домино усаживаться, а поработать еще немного на свой страх и риск.

Не менее парадоксально выполняются решения о развитии индивидуальной трудовой деятельности, кооперации в сфере мелкотоварного производства и услуг.

«Так было, так будет!..» Немало я перечитал газет в надежде встретить эту классическую фразу, она ведь буквально витает в воздухе.

Явно хотели произнести ее руководители Ленсовета в ответ на упреки по поводу демонстративного нежелания считаться со своими избирателями в деле сокрушения гостиницы «Англетер». Смягчил ее председатель: «Все делалось правильно». Тоже неплохо сказано, но классический лозунг все же выразительнее, сочнее.

Совсем приблизилось к нему руководство нашей академической науки. В частности, принцип выборности руководителей трудовым коллективом, закрепленный в тексте Закона о государственном предприятии и проводимый в жизнь во многих местах, применительно к науке, где он необходим более чем где бы то ни было, в только что принятом АН СССР временном уставе научно-исследовательского института «полностью проигнорирован» (Лит. газ. 1987. 7 апр.). Так было, так будет! Есть основания предполагать, что и влияние науки на нашу жизнь останется, увы, таким же, каким было.

И все-таки во всей классической чистоте знаменитую фразу предал гласности человек без ученых степеней. Комментируя факт, когда в облздрав долгое время не пускали плачущую женщину, привезшую из далекого далека по трескучему морозу больного ребенка, по той причине, что она была в брюках, заведующий общим отделом Днепропетровского облисполкома отчеканил: «В брюках женщинам вход в облисполком запрещен! Так было и так будет!» (Сов. культура. 1987. 20 мая).

Я понимаю, не в штанах тут дело, просто очень уж хочется, чтобы восторжествовал указанный лозунг.

Что же все-таки стоит за подобными фактами, за многочисленными загадками и парадоксами, сопровождающими ход перестройки? Неумение работать? Приверженность «старым методам»? Рвение не по разумению? Простая «бытовая» глупость?.. А может быть, прав писатель Л. Жуховицкий, намекнувший в одной из своих статей, что дураки скорее те, кто считает стоящих за такого рода фактами загадочных «неумельцев» дураками? «Из всех знакомых дураков при должности я не встречал ни одного, который дурил бы себе во вред. Чего не было, того не было. Только на пользу! И щепки почему-то всегда летят не в него, а в наше родное социалистическое государство. С чего бы, а?» (Лит. газ. 1986. 15 окт.)

А когда знакомишься с материалами, раскрывающими картину хотя бы той же самой быстро и дружно, как по команде развернувшейся на просторах необъятной нашей страны борьбы с «нетрудовыми доходами», право слово, не можешь отделаться от подозрения: а уж не нарочно ли кто-то старается вбить клин между высшими эшелонами власти и народом, чтобы вызвать у простых людей недовольство перестройкой, дискредитировать в их глазах идеи XXVII съезда КПСС? Кто?.. Почему?.. Зачем?..

Чудище — огромно и стозевно!

Хотел было я по поводу вопроса, прозвучавшего в финале предыдущей главы, воскликнуть: «Загадка!» Но чего уж тут в игрушки играть. Да и называли мы уже не раз тех, кому именно идеи эти, курс этот, перестройка эта поперек горла стоят. Однако слова-то мы говорим, а осознать значимость их, реальное их содержание и выводы, которые полагается делать, сказав слово, как-то робеем. И предпочитаем думать, будто ветер дует потому, что деревья качаются.

Пытаясь понять, почему перестройка идет так трудно, почему выгоды, очевидные даже полному профану, остаются столь часто совершенно нереализованными, а явные нелепости не устраняются, мы чаще всего не утруждаем себя идущим до конца анализом, ограничиваясь

констатацией самоочевидных фактов, разве что иногда перечислим (произвольно состыковывая их) категории людей, которые не заинтересованы в перестройке и сопротивляются ей. Вот несколько подобных аттестаций, данных в ходе одного из «круглых столов»: невежды и мракобесы, консерваторы и растяпы; те, кому эгоистические, карьерные, сиюминутные выгоды важнее судьбы страны и планеты; люди, стоящие на позициях местничества в самых разных его проявлениях... Неполный перечень? Конечно. Как, например, не назвать дельцов, наживающихся на дефиците, нехватках?

Прав А. Егоров, когда призывает социологов и публицистов от «экстенсивного этапа гласности» побыстрее переходить «к этапу *интенсивному* — аналитическому, теоретическому, глубинному» (Моск. новости. 1987. 27 сент.). А этого не достигнуть, не выявив, что же объединяет столь разношерстные социальные группы «сопротивления» в их неприятии перестройки.

И думается, что неоценимую помощь может оказать в данных исканиях очень простая методологическая рекомендация, данная в свое время Лениным для прояснения запутанных социальных ситуаций: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»[1].

«Интерес — вообще — ключевое слово в проблеме социального самосознания,— говорит Т. Заславская.— Когда интересы поняты и четко выражены в словах, людей уже нелегко обмануть» (Известия. 1987. 20 апр.).

Так что научиться разбираться в особых, порой, увы, взаимоисключающих интересах разных социальных групп для нас сейчас одна из самых неотложных задач. Согласитесь, ввязываться в такое конфликтное дело, как перестройка, оставаясь «глупенькими» политически,— дело бесперспективное. Глупеньких просто грех не обманывать, да и невозможно их не обманывать, ибо быть обманутыми для глупеньких — естественное и любимое состояние духа.

Любого противника опасно как переоценивать (это парализует волю, сеет панику), так и недооценивать. Мы сейчас по отношению к сопротивленцам каким-то непостижимым образом ухитряемся совместить в своей душе и то и другое. И если говорить о недооценке, то прежде всего мы недооцениваем меру организованности и сплоченности лагеря сопротивления.

Леонид Лиходеев, который явно никогда уже не научится «обсуждать самые острые вопросы, уважая мнение друг друга», так по этому поводу высказывается: «Сегодня иные практические умы приспосабливают к своим нуждам перестройку. Они объявляют противниками перестройки всех, кто мешает им владеть тем, чего они нахапали в темные дни. В те дни они отрывали голову всякому, кто пытался препятствовать их безнаказанности, их бездарности, их безнравственности, их вседозволенности. Они врали, чего хотели, назначали, кого хотели, издавали, чего хотели, величали, кого хотели, и кого хотели топтали» (Моск. новости. 1987. 16 авг.).

«Практические умы» не заслуживали бы этого лестного названия, если бы они остались простым конгломератом разрозненных, тянущих в разные стороны индивидов и группок. И не о том речь, что они всё дружно тянут в одну сторону — к себе. Недолго бы им удалось тянуть, если бы они не умели в минуты высшей опасности групповой, кас-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

товый интерес поставить выше своей сугубо индивидуальной корысти. И не хочется говорить приятное «практическим умам», но приходится.

У разношерстной касты «практических людей» сложилась и неплохо функционирует достаточно развитая система особых, неофициальных экономических отношений, своя, кастовая мораль, изощренная, двухслойная (для себя самих и для публики) идеология, свое искусство (производственным железобетоном наружу и слащавой сентиментальностью внутрь, для души), своя наука (ведомственные научные учреждения, разумеется, творят не только ведомственную науку, но там, где наука ведомственная,— это их наука), своя юриспруденция («Работал я районным прокурором в одной из среднеазиатских республик... Помню, как-то повздорили в поле первый секретарь райкома и тракторист. Механизатор резко возразил чересчур горячим указаниям. И сразу же: «Привлечь к уголовной ответственности за оскорбление и саботаж!» Так просто трактовался закон в те годы» (Моск. новости. 1987. 22 февр.), своя система подготовки кадров и их распределения («...в течение семнадцати лет «правления» Мочалова Плехановский институт занимался воспроизводством «деловых людей» (Моск. правда. 1987. 28 февр.) Это, естественно, только легкий мазок в картине, их множество — спецшколы для «элиты» и т. д.), своя, особая система взаимоотношений (субординации, каналов связи, способов решения вопросов и т. д.), далеко не всегда соответствующих отношениям официальным...

Бюрократия... Полезно было бы отрешиться от многих заблуждений насчет нее. Пока не поздно. Это ведь не клуб сплоченных взаимной корыстью и кастовой солидарностью деловых людей. Это очень большой, разветвленный и многоярусный союз. Шпыняя бюрократов прошлого, надо понимать, насколько их каста несопоставима с нынешней даже в количественном отношении. Когда Василий III в 1505 году вступил на престол, в «управленческом аппарате» его отца было 5 бояр и 5 окольничих. К концу царствования Ивана Грозного, сотворившего «мощный государственный аппарат» нового, уже не средневекового, можно сказать, типа, в Боярской думе значилось 12 бояр, 6 окольничих и 7 думных дворян. Смешно читать! Даже по официальным данным, у нас сейчас в стране 18 миллионов управленцев!

Да и не в количестве дело, хотя и в нем тоже. Ни во времена Грозного, ни сейчас в странах, не прошедших через национализацию частной собственности, бюрократия не имела (не имеет) возможности распоряжаться основной массой средств производства. Это очень существенный нюанс для понимания специфичности этапа, лежащего между экспроприацией средств производства и их социализацией, то есть выработкой реальных механизмов народовластия.

Думается, отнюдь не без серьезных научных оснований у нас сейчас заводится речь о нарождении в 20-е годы «класса бюрократических распорядителей» (Век XX и мир. 1987. № 7. С. 37). Ибо прежде всего именно особенности отношения к владению средствами производства определяют членение общества на классы. Слов нам пугаться не надо, а вот что надо — так это осознать наконец: тревоги Ленина относительно опасности забюрокрачивания советского и партийного аппарата мы зря недооценивали. Проблема эта не частная, а магистральная для эпохи перехода от капитализма к коммунизму. Может быть, даже ключевая.

В № 19 «Крокодила» за 1987 год бюрократам поддали как следует. В сатирическом диалоге, перепеча-

танном аж из журнала «Ньюсуик», есть такой вот выпад:

«Вопрос: Как бюрократы думают?

Ответ: Мы не думаем. У нас нет мыслей. Мы обходимся их заменителями».

А на обложке журнала изображен в самой смехотворной позе бюрократ (легко узнаваемый по сатиновым нарукавникам), старательно проставляющий масляной краской на каждой из шпал уходящей за горизонт железной дороги отдельный девятизначный инвентарный номер.

Не задумывался ли ты, дорогой читатель, почему бюрократы, столь болезненно реагирующие вообще на критику, так снисходительно-доброжелательны в восприятии такого рода карикатур, диалогов, фельетонов, сатирических стишков и т. д.? По-моему, именно потому, что они умеют «думать». В отличие от нас с вами. И их вполне устраивают легковесные представления, насаждаемые такими карикатурами, убеждение, что бюрократия — это смешной конгломерат каких-то медлительных недотеп-одиночек, пекущихся, неизвестно почему, только о соблюдении формы, инструкции, параграфа, буквы, что чудаков этих отличают неумение работать, непонятливость, косность, лень, трусость... Это мы проявляем непонятливость, если не сказать тупость, оценивая плоды их деятельности в соответствии с целями, которые будто бы они должны преследовать в своей деятельности (по нашим убеждениям). Недаром приобщенные к клану иронично кривят губы в разговорах с нами. Мы действительно тут смешны. И все перечисленные выше неуважительные характеристики бюрократов сразу меняются на прямо противоположные, стоит только сопоставить плоды их деятельности с их целями. Цели эти ничего общего не имеют ни с благом государства, ни с интересами народа. Вспомним «первый закон Паркинсона» относительно бюрократической системы управления: «Количество служащих и объем работы совершенно не связаны между собой. Число служащих возрастает по закону Паркинсона, и прирост не изменится от того, уменьшилось ли, увеличилось или вообще исчезло количество дел». Ибо чиновники не работают на общество, «чиновники работают друг для друга».

О! Когда дело идет об опасности для интересов бюрократов (личных, групповых или общеклановых), они реагируют без малейшего формализма, без всякой волокиты, молниеносно, мыслят отнюдь не о проформе, а всегда о сути, причем точно, действуют смело, без промедления, экономно, эффективно, безошибочно. Как говорит Лен Карпинский: «В конце концов и бюрократия ничего бы не стоила, если бы не умела защищаться. А она умела (и теперь, надо полагать, не разучилась)».

Миф об их глуповатости и нерасторопности вполне устраивает бюрократов. Они и сами всегда готовы посмеяться добродушно над своей необъяснимой страстью к волоките: что с нами поделаешь, уж такими чудаками мы уродились! Чудаков на Руси всегда жалели.

«Мы и раньше призывали к самостоятельности, активности, смелости. Призывали, ничего не предпринимая против мощного сопротивления некой бюрократической силы,— говорит экономист А. Агабегян.— О какой смелости в решении важных вопросов может идти речь, если у нас одновременно действует до 200 тысяч инструкций, положений, методик и все такое прочее?! Причем неясно, какие из них устарели, какие действуют. Запутались те, кто учреждает инструкции, запутались хозяйственники. Речь идет о море бумажек. Тут любой пловец утонет. А какое это раздолье для многочисленных проверяющих и контролирующих

организаций, которые сегодня под видом перестройки проявляют недюжинную активность! И, конечно, в условиях неопределенности, неясности положений и инструкций всегда можно найти криминал» (Лит. газ. 1987. 18 февр.).

Тонкость тут в том, что можно найти, а можно и не находить! Но в любом случае важно, чтобы инструкции именно не соблюдались, что, впрочем, предусмотрено самими их разработчиками: следуя одной, обязательно нарушаешь другую. Это не страшно, пока ты с вышестоящими инстанциями в ладу, то есть делаешь все, что велят. А если засвоевольничал...

И. Худенко в свое время попробовал быть непослушным. Не помогло ему ни то, что сэкономил государству сотни тысяч рублей, ни то, что себестоимость зерна снизил в 4 раза, а прибыль на рабочего поднял в 7 раз. Посадили! Впрочем, тут, думается, были причины посерьезнее, чем простое непослушание. Но не в том дело, конечно, что его безнарядно-звеньевая система грозила 600 рабочим совхоза «безработицей»,— она грозила обнажить ту очевидную истину, что из 132 управленцев совхоза, копошившихся деловито в сфере инструкций, учета, нормирования, тарифов, разрядов, отчетов, практически нужны были лишь двое! Этого допустить было нельзя, ибо подобный прецедент мог вызвать соблазн задуматься: а на более-то высоких иерархических ступенях управленческого аппарата сколько их, реально необходимых?

Характерно, что А. Вепрев, говоря о неотложных задачах, выдвигает на первое место резкое сокращение управленческого аппарата: «Скажем, в том же РАПО у нас 60 человек на 10 совхозов. Зачем? Плодить бумаги? Надо сократить аппарат в 10 раз. Шести толковых специалистов вполне хватит на район. Зачем, скажите мне, в сельском районе сельхозотдел? И чем тогда заниматься секретарям, если не селом? Многовато этажей у аппарата Советов, профсоюзов...» Видите, куда заводит идея коллективного подряда? Можно ли терпеть подобное «вольнодумство»? Бюрократы не терпят. И, оказывается, для укрощения подрядного «мятежа» вовсе не обязательно упрятывать носителей заразы в тюрьму. Кто-кто, а бюрократы знают, что бумажные путы покрепче железных цепей.

В чем сила подряда? В четкости стимулов к труду: больше и лучше сделал — больше и получил. Притом система учета получается столь простая, что даже неграмотный в ней разберется (Ленин считал эту простоту важнейшей и обязательной чертой в системе оплаты).

Задача, стало быть, в том и состоит, чтобы не допустить подобной ясности. Как этого добиться? Искушенных канцеляристов здесь учить не требуется.

Таков он, главный противник перестройки. Серьезный, опасный, хорошо организованный и оснащенный. И готовый на все ради сохранения своих привилегий, своего могущества. Не стоит его недооценивать, но и переоценивать тоже не стоит. Даже у Кощея Бессмертного можно разыскать ту иголку, в которой спрятана его погибель. Погибель для бюрократизма — в выработке экономических механизмов социализма, в отработке демократических методов руководства народным хозяйством, в выработке политических и организационных структур народовластия. Что тут важнее? Все важнее, ибо одно причинно обусловливает другое и существовать без него не может.

Куда вело администрирование!

Делающие важный социальный выбор очень часто, увы, предметом споров избирают какую-то одну деталь системы. Скажем, элемент *А*. Всесторонне анализируют этот эле-

мент, оценивают все его плюсы и минусы, но никак не хотят понять, что выбирают при этом не букву, а весь алфавит. Что, сказав «а», они уже вынуждены будут сказать и «б», и «в», и «г»... Хотя знать ничего о них не хотели, делая свой выбор.

Вот и сейчас снова мы спорим до пены у рта, что лучше: хозрасчет или планирование сверху, стимулирование рублем или справедливое выравнивание уровня жизни?.. При этом многие (слишком многие!) убеждены, что мудрость состоит в отсутствии перекосов, перегибов, что если взять все хорошее от администрирования и все хорошее от экономического регулирования, как следует перемешать, то получится как раз то, что нам надо. Не получится! Мы снова на переломе, на развилке. Но сзади-то полная трагических ошибок дорога, которая уже вроде бы доказала: путь администрирования ни с экономическими методами руководства несовместим принципиально (они антагонисты!), ни с демократией, ни с самоуправлением, ни со справедливостью, ни с нравственностью.

Общество — это живой организм, а не механическая конструкция. Ну и что? А то, что даже из самого расчудесного трактора вертолет путем постепенного усовершенствования и переконструирования создавать в миллион раз труднее, чем пусть из плохого, но вертолета же. С организмами еще сложнее. Из семени лютика не вырастить арабского скакуна, сколько ни удобряй и ни пропалывай грядку. С самого начала надо иметь зародыш скакуна, а не семя лютика.

В печати не раз уже появлялись письма, авторы которых открыто встают на защиту методов управления, утвердившихся у нас в 30-е годы, требуют запретить «хулу» на эти методы: ведь с их помощью были заложены основы экономической мощи нашей страны (пятилетки, коллективизация), укреплена армия и т. д.

Не будем касаться интересного для социальной психологии вопроса, насколько разительно может отличаться восприятие одних и тех же событий в зависимости от такого «пустяка», как по какую сторону лагерной проволоки находился человек, вспоминающий былое. Хотя очевидно: авторам подобных писем ни сидеть в лагерях по облыжному доносу, ни стоять в очередях возле зарешеченных окошечек со скудными узелками для самых дорогих людей не довелось. Тут другая проблема: насколько же мы не развиваем в школах мышление людей! Я уж не толкую о глубинах исторического мышления или высотах диалектики, но хотя бы азы-то элементарной логики ее выпускники должны знать! «После того — значит по причине того» — типичнейшая школярская логическая ошибка. Мы победили фашистскую Германию в условиях культа личности, после проведения коллективизации — стало быть... Ничего не «стало быть»! Причинно-следственные связи сложнейших социальных явлений при помощи двух правил арифметики не выявляются. Более позднее может состояться не только благодаря, но и вопреки, несмотря на. А может вообще не иметь к нему отношения.

Впрочем, пусть сторонники такого рода исторических реабилитаций сталинизма сами выпутываются из логических лабиринтов, в которые они забираются, чтобы доказать, что Сталин для своего времени был не просто «Лениным сегодня», но даже чем-то гораздо большим. Нам интереснее вернуться к вопросу о «спасительности» директивного, волевого руководства в экстремальных условиях войны. Ведь как бы то ни было, а мы в ней одержали победу! Одержали, но какой ценой и не в результате ли поразительного для условий культа личности взлета самодеятельности, децентрализации, инициативы народных масс, компенсировавших

(но какой кровью!!) иелепости сверхцентрализованности предвоенных лет, да и той, что оказывалась порой непомерной даже в условиях войны.

Только очень не искушеный в социологии человек может отождествлять демократию, самоуправление, свободу дискуссий с анархией, пустым мнтингованнем, отсутствием четкости и дисцнплины. Даже в смысле еднноначалня глубокая демократия создает такне возможиости, о которых самый ретивый фельдфебель и мечтать не смеет. Если людн заинтересованы в своем деле, они и за четкость, и за порядок, и за оператнвность решений двумя руками голосуют.

Что же эпохальное пронзойдет, если мы доведем перестройку до конца? Не с намн, а с миром? Людн снова поверят в социализм. И это позволнт нм сплотнться для решения всех глобальных проблем, ие разрешнв которых нм просто ие выжнть. Вот почему, иадо полагать, зарубежные деятели говорят: еслн ваша перестройка ие удастся, мнр может погибнуть. Может. Это вполне реально.

Чем соблазняли в былые годы и продолжают соблазиять иыне (и себя и других) поклонинкн административных методов управлеиия? Быстротой и легкостью разрешеиня социальных проблем. Но такое возможно только на путях принуждения, насилня. Я отнюдь не собираюсь ставить под сомиенне необходнмость того н другого в определенных историческнх ситуациях для решения определенных исторических задач. Революций без иасилня не бывает. По доброй воле ннкто еще пока от властн не отказывался. Но вот на что обратите вниманне — творцы бюрократнческой машнны после революции, после граждаиской войны декларнровалн-то иеобходимость прниуждення и иасилня якобы во имя трудящнхся, в то время как идеи «закручнвания гаек», «государственного регулировання, доведеиного до каждого крестьяиского двора», «огосударствлення профсоюзов», «беспощадиой днсциплины» и т. д. адресовались уже самим трудящимся! Разумеется, ие всем, а тем, кто «не пониимает», кто «попал под влияние», «тянет назад»...

С первых шагов в стороиу социализма «темиые мужнкн» лучше всякнх докторов соцнологии разобралнсь, чем грозят им административиые методы руководства сельским хозяйством, проголосовав и за иеспешиость н за добровольность, то есть за *экономические методы!* Дальнейшнй ход событнй показал, иасколько оии оказалнсь бóльшимн соцналистамн, чем те, кто клеймнл нх как главных носителей мелкобуржуазной ндеологнн.

В условнях, когда земля и средства пронзводства иационалнзированы, вопрос о способах государствеииого управлеиия экоиомнкой перестает быть просто «управленческнм» вопросом, его решенне *предопределяет* (а не просто влняет) иа все стороны человеческнх взаимоотиошений. Прнглядеться же к нему всерьез с этнх позиций мы до сих пор как-то ие пробовалн. Поэтому сейчас попыткн перейтн иа методы экономического управлеиия иародным хозяйством воспринимаем как чисто экономический, локальный по своим целям эксперимеит, в результате которого мы, что-то вынгрывая в хозяйствеииой сфере, с иензбежностью должиы-де утратить кое-что в областн формнрования соцналнстических отиошений, идеологнн. Настолько вот замусорилн наши головы трубадуры «лучезарного» казармеииого коммунизма. А ведь факты ие просто говорят — онн кричат о протнвоположиом!

Ленину часто приходилось после революции быть суровым полнтнком. Но ои инкогда не поэтнзнровал этой суровой необходнмостн военного времеии и тем более не мечтал превратнть иасилие в уин-

версальный метод утверждения всеобщего счастья на земле. Его ликование по случаю открытия безболезненных, приемлемых для всех, всем выгодных путей к утверждению социалистических общественных отношений связано во многом с тем, что Ленин увидел возможность резко сократить роль насилия в управлении обществом.

Трудно счесть случайным совпадением тот факт, что именно в 1921 году, с рождением нэпа, резко активизировались поиски и в области права, укрепления законности при четкой тенденции к сокращению и смягчению насильственных мер регулирования общественных отношений. «В тот же день, 1 декабря двадцать первого года, когда был опубликован декрет об ответственности за ложные доносы и создание ложных доказательств обвинения, Ленин внес в Политбюро предложение преобразовать ВЧК, сузить круг ее деятельности и ее компетенции, сузить право ареста, повысить роль судов, усилить начала революционной законности, провести через ВЦИК общее положение об изменении "в смысле серьезных умягчений"[1]. Пойди страна этим путем, ни о каких массовых репрессиях, лагерях и посмертных реабилитациях нам бы и услышать не довелось. Экономические методы регулирования не нуждаются в политическом насилии. Администрирование же скатывается к нему рано или поздно (обычно рано) с неотвратимостью рока.

Сейчас, чтобы разобраться в сути «загадочных» и «необъяснимых» преград, возникающих на пути нашей перестройки, первоочередной задачей которой как раз и является переход на методы экономического управления народным хозяйством страны, чтобы разобраться в «механизмах торможения», в идеологии, психологии и физиологии того явления, которое именуется в народе сопротивлением, нам жизненно важно понять, что же это были за силы и чем был предопределен тогда, в 20-е годы, принесший столько бед народу выбор.

Обращаясь к событиям тех лет и оперируя привычным понятием «ошибки», «трудности» и т. д., мы не задачу решаем, а факты под ответ подгоняем. Вот как художник М. Савицкий мотивирует право на правдивый показ коллективизации (речь идет о фильме «Знак беды»): «Неприкрашенное отражение истории в искусстве как раз «работает» на социалистический закон правды, отображает жизнь с ее сложной диалектикой, с просчетами, заблуждениями, но и с неоспоримыми достижениями. Годы коллективизации — это реальность нашей жизни, это судьба народа со всеми противоречиями. Нельзя забывать, что мы были первыми в дотоле неизвестном деле строительства нового мира» (Известия. 1987. 15 февр.).

Я за неприкрашенное отражение истории, хотя и не понимаю, что это такое — «социалистический закон правды». Это, по-моему, закон элементарной порядочности. Но не в этом суть. Не пора ли нам расчленить наконец это лукавое слово «мы»? Для меня, к примеру сказать «мы» включает в себя Ленина, Макаренко, Вавилова, Булгакова... Но исключает Сталина, Берия, Лысенко, Рашидова. А для тех, кому они до сих пор «мы», я категорически отказываюсь быть своим, с чем *они*, думаю, охотно согласятся. *Мы* действительно совершали ошибки, у нас были заблуждения, просчеты, и именно потому, что мы не накопили еще тогда опыта. Но в двадцать девятом, а тем паче в тридцать седьмом году не *мы* делали ошибки, а *они* совершали преступления. Наша же ошибка в том, что значительно раньше просмотрели мы

[1] См.: Новый мир. 1968. № 10. С. 85.

момент, когда *они* набрали силу, сконцентрировали слишком много власти в своих руках, стали бесконтрольными со стороны народных масс.

...Думается, лучше подойти к событиям тех лет, опираясь на упомянутый выше методологический совет Ленина, и прикинуть, кому же были выгодны эти самые ошибки, во имя чьих *интересов* совершались перегибы, просто ли неумение логично мыслить порождало заблуждения.

Кому было выгодно в 20-е годы похоронить нэп, особой тайны не составляет. «Нэп,— пишет Лев Воскресенский,— вызвал замешательство у «столоначальников»: разросшийся до огромных размеров аппарат управления государственным хозяйством (практически при отсутствии хозяйства как такового, если иметь в виду, что государственная промышленность в начале 20-х годов бездействовала) опасался сокращения штатов и перевода администраторов на практическую работу, оплачиваемую по результативности трудового участия и по квалификации» (Моск. новости. 1986. 30 дек.). Открытие, сделанное с позиций накопленного исторического опыта? Да нет, противник был четко выявлен и обозначен еще тогда, в 20-е годы. Вспомним: «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ...» [1].

«...Государство у нас рабочее с *бюрократическим извращением*... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» [2].

Удалось достичь этого за прошедшие с той поры шестьдесят с лишним лет? Стоит просто оглянуться вокруг, чтобы стало очевидным: нет, не удалось. Поразительно сходство тех социальных групп, что оказывали сопротивление нэпу, с нынешними, перечисленными А. Аганбегяном: «Сопротивление (пассивное и активное), оказанное новому курсу отдельными группами работников — частью аппарата управления, у которых отбираются права, привилегии с целью расширения самостоятельности низовых хозяйственных звеньев. Сопротивление оказывается также слабыми хозяйственниками, которые боятся самостоятельности и привыкли жить по указке сверху, отсталыми трудящимися, привыкшими получать незаработанную плату и противящимися переходу к последовательному распределению по труду. Я уж не говорю о лицах, получающих нетрудовые доходы» (Лит. газ. 1987. 18 февр.). Как видим, все вполне соответствует ситуации начала 20-х годов.

Язва бюрократизма порождена не социализмом, разумеется. Но нельзя забывать, что историческая эпоха перехода от частной собственности на средства производства к народовластию (и особенно тот ее отрезок, где полностью или частично произошла национализация, а социализация еще готовится) создает для расцвета бюрократии невиданные доселе по своей благоприятности условия. Тут за чиновничьим аппаратом глаз да глаз нужен, иначе... Поучителен в этом отношении опыт Индонезии, претендовавшей даже в свое время, если помните, на звание страны, строящей социализм. Чем это кончилось, известно. А почему кончилось именно так, поняли немногие. Чтобы чуть-чуть приоткрыть завесу над событиями, приведу несколько свидетельств, взятых из весьма поучительного сборника статей «Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока», изданного «Наукой» в 1974 году.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 15.
[2] Там же. Т. 42. С. 208.

Возникновение бюрократической прослойки буржуазии в Индонезии «связано преимущественно с государственным аппаратом. Не имея адекватно развитой экономической базы в виде средств производства, торгового предприятия, акционерного капитала и т. п., бюрократическая буржуазия наживается в результате злоупотребления своим служебным положением. Это, короче говоря, обуржуазившееся привилегированное чиновничество. Обуржуазившееся именно по той причине, что оно находится у рычагов власти.

В конечном итоге бюрократическая буржуазия, как и обычная предпринимательская буржуазия, наживается за счет присвоения прибавочной стоимости, эксплуатации трудящихся. Это роднит обе социальные категории эксплуататоров. Разница лишь в том, что предприниматель выступает в роли непосредственного эксплуататора, присваивая прибавочную стоимость на принадлежащем ему предприятии. Эксплуататорская роль капиталиста-бюрократа опосредована через сложные механизмы различных звеньев государственного аппарата» (книга первая, с. 140).

«Стремление основной массы чиновничества к обогащению способствовало распространению и такого зла, как круговая порука, основывавшаяся на родственных, клановых, земляческих, партийных связях. Влиятельный чиновник обычно стремился подбирать аппарат не по деловым качествам, а по мотивам личной преданности из числа родных, друзей, близких соратников по партии. В этих условиях вышестоящий обычно покрывал нижестоящих. Злоумышленники делились незаконными доходами со своим патроном, полагаясь на его покровительство» (там же, с. 147).

«С 1960 по 1963 г. расходы на содержание государственных чиновников (включая службу безопасности, полицию, суд, зарубежные представительства) возросли с 44 до 66,4% бюджета, тогда как на нужды хозяйственного развития страны в 1963 г. отводилось лишь 8% бюджетных расходов» (книга вторая, с. 244).

«Занимая ответственные посты в рамках госсектора, гражданская и военная бюрократия с помощью различных незаконных сделок, махинаций и коррупции наживала капитал, который переливался из госсектора в сектор частного предпринимательства. Выступая, как правило, не в производительной, а в торгово-спекулятивной форме, такого рода предпринимательская деятельность сдерживала рост производства» (там же, с. 245).

«Паразитический характер бюрократического капитала выражался и в том, что разрушительному воздействию подвергался и частный сектор, который в условиях инфляции, нехватки сырья, оборудования вынужден был переориентироваться на торгово-спекулятивную деятельность. И это было одной из существенных причин экономического кризиса, с которым столкнулась страна в последние годы правления Сукарно» (там же, с. 246).

Столь опасен враг, столь тлетворно во всех отношениях его влияние. И Ленин не уставал напоминать об этом, призывая к самой беспощадной борьбе с бюрократизмом. Почему же столь слабой оказалась эффективность этой борьбы?

Бюрократизм, как радиация. Губительность его воздействия видна на каждом шагу, а сами излучения не видны, не слышны, без вкуса и запаха. С прежними социальными противниками трудящимся бороться тоже было нелегко, но те хоть имели четко уловимые отличия, границы, приметы. Рабовладельца легко было выявить по наличию рабов, феодала — по наличию крепостных и вассалов, капиталиста — по наличию наемных рабочих. Бю-

рократ же — часть функционирующей системы управления, системы, в целом необходимой и неизбежной до тех пор, пока не отомрет государство. Его не вычленишь, не изолируешь, не сократишь, ибо это элемент прежде всего качества аппарата. Социального качества, состоящего в особой направленности его действий. В этом отношении опаснее всего трактовать бюрократизм как некий психологический дефект, нравственную недостаточность или неумение работать правильно, которые «каждый сам в себе должен вытравлять» с непримиримостью Павки Корчагина. Конечно, бюрократизм как социальная сила формирует и психологию, и привычки, и нравственную неполноценность, и стиль работы. В том числе и в каждом из нас. Но упаси нас бог свести борьбу с радиоактивным заражением к подлечиванию тех, у кого уже выпадают зубы, и захоронению умерших. Главное в этом деле — все-таки ликвидировать источники излучений, снять и дезактивировать смертоносный слой... Ну а лечить облученных, разумеется, надо, кто же против!

Продолжая медицинскую аналогию, можно еще так сказать: бюрократ, как раковый возбудитель, проникает в живую, функциональную, необходимую клетку общества и заставляет ее (а стало быть, и все общество) работать на себя. А поражает он в первую очередь самые жизненно важные органы, которые не вырежешь, не выбросишь! И метастазы умеет вокруг себя распространять. И раннему диагностированию плохо поддается... По всем этим причинам, думается, здоровые силы общества тогда, в 20-е годы, и проморгали болезнь, недооценили последствия первых симптомов. Тогда! Сейчас для диагноза материала накопилось более чем достаточно. И от благодушия нас история отучила. Должна отучить. Свидетельства нынешней периодической печати по крайней мере дают столь отчетливую клинику, что в характере основного заболевания и в названии его возбудителя для сомнений не остается места.

Откуда ждать наступления!

Все мы в одной лодке, спору нет, но гребем-то кое с кем в разные стороны. Оттого, думается, и вертится наша лодка на месте, хотя вроде бы и неплохо разобрались мы за последнее время, куда нам плыть. Это все-таки сказочка для Хрюши и Степашки, будто мы путем братания с коррупционерами и казнокрадами доведем объявленную революцию до победного завершения. А нам кое-кто даже спорить с ними предлагает исключительно деликатно, с полным уважением к их казнокрадской позиции. Да как предлагает! С угрозой в голосе, показывающей, что в случае непослушания нашу-то позицию очень даже просто могут и перестать уважать. И это вполне правдоподобно, ибо большая часть механизмов реальной власти находится в руках бюрократии. Конечно, ситуация для бюрократии неожиданно сложилась не совсем благоприятная — целый ряд высших ключевых позиций вышел из-под их контроля, да и народ по причине гласности пришел в нервное состояние — напрямую, открыто его в прежнее состояние безразличия и апатичного послушания возвращать рискованно. Возможны конфликты, при которых трудно предугадывать ход событий.

Очень наивно было бы с нашей стороны полагать, что бюрократия (как социальная сила) теряет сейчас время даром. Она, надо отдать ей должное, уже нащупала наиболее уязвимые места перестройки и, не афишируя этого, тщательно закамуфлировав свои планы славословием в адрес объявленных реформ (в том числе и в адрес эко-

номическнх методов управлеиия вместо административных), готовнт широкое наступлеине. Направление его выбраио, как мие кажется, безошибочно.

Стремительный рост количества продуктов и услуг, который в сфере иидивидуальиого и кооперативного труда по законам рыиочной экономикн мог бы со временем привести к резкому удешевленню н того и другого, всячески тормознтся. Откровенно, любым, вплоть до абсурдиых н уголовных (чнтайте «Криминальиый помидор» И. Гамаюнова. Лит. газ. 1987. 12 авг.) способов. И заметьте, чаще всего нмеиио на том основании, что «частинки» иоровят-де брать слишком высокую цену. В государствеииом же секторе, где царнт монопольиая экоиомнка и стнхийного снижеиия цен за счет конкуренцнн быть не может, иа иеуклонное взвинчнвание цен нас пpнучают смотреть как иа проявленне высшей (скрытой от нашнх непосвященных умов) целесообразности.

Судьба перестройкн будет решаться прежде всего в сфере экоиомнческой, для любого серьезного социолога это истниа, не требующая доказательств. Как говорнл Лении, «мы цеиим коммуиизм только тогда, когда ои обосиован экономически»[1].

Но дважды уже за годы Советской власти сторонникн декретивиой, адмииистративиой снстемы управлеиия выигрывали бой за счет того, что умело переводнлн его нз сферы экоиомики в сферу ндеологии. Одержать верх в честиом экоиомическом состязаиин (то есть доказать *на деле* пренмущество адмииистративных способов управления народиым хозяйством) у инх ие было ни малейшего шаиса. У них и сейчас его нет. И можио ие сомиеваться, что они сделают все, чтобы состязаиие экоиомических моделей социализма снова перевестн в сферу идеологических словопрений. И сиова наши экономисты, иашн хозяйствеиинки, нашн рабочие н крестьяие, да и интеллигеиты тоже могут оказаться не готовымн к этому, растеряются, спасуют перед нзбитымн демагогическими пассажамн, начнут обороняться, приспосабливаться, оправдываться... Чем это кончается, мы знаем.

Первых ласточек в этом отношеннн набралось уже вполие достаточно, чтобы ясно стало, куда они собираются лететь. Не требуется особой полнтнческой проницательности, чтобы предвидеть главное направлеиие идеологнческнх атак. Собствеиио говоря, еще н перестройка ие начиналась, а атаки иа нее уже велись с неукротнмостью, достойной восхищення. Так сказать, превентивио. И чтобы в решающую мннуту нам не спасовать перед этнм бешеным напором, надо, пока позволяет время, разобраться, в чем его суть, кто за инм стоит, что его питает. Для этого, думается, было бы нитересно переключиться с глобального масштаба на предельно локальный. Идеология ведь функцноинрует не в абстрактном «общественном созиании», а только во вполие конкретиых, еднннчных человеческнх головах и душах! Чтобы выяснить, к примеру, чем болен океан, иедостаточно только аэрофотосъемки, надо еще и, отделив от океаиа одиу каплю воды, скрупулезно исследовать ее под микроскопом.

Стоит ли подвижников кормить досыта?

Левая фраза далеко не всегда облекается в ианвиую «кнчевую» форму. О нет! Порой она предстает столь респектабельной, что только крайие иевоспитаииый человек позволнт себе подвергать ее крнтнке. Я все же рнскиу.

Статья М. Аитоиова «Ускореине: возможности и преграды» (Наш

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 179.

современник. 1986. № 7) начинается с весьма впечатляющих примеров того, какими огромными экономическими потерями грозит нам саркома ведомственного корыстолюбия. А отсюда она перекидывается на наши души. Все больше появляется людей, которых ничто, кроме личного блага и удовольствий, не интересует. Утверждаются гедонистические концепции жизни, исключающие стремление к высокому и благородному. О душе, о культуре стали мы забывать. «Все только производство, рубль да план!»

Для многих наших «ученых-обществоведов «человеческий фактор» — это еще не человек, а что-то такое, что могло бы заставить людей больше и добросовестнее работать». Даже главными героями современности у нас стали люди, добившиеся высоких производственных показателей. С искренней горечью знакомый М. Антонова, колхозный механизатор, говорит об этих передовиках, сверкающих орденами с Досок почета: «Работники они хорошие, ничего не скажу, но героизма в их жизни не вижу. Хорошо поработали — хорошо и заработали, ото всех им почет и уважение. А вот наша заведующая библиотекой — скромная женщина, тридцать с лишним лет незаметно делает свое дело, получая более чем скромный оклад. Но полюбопытствуйте, к кому люди идут и с горем и с радостью? К ней... Кого люди считают живой совестью нашего поселка? Ее. Одно слово — подвижница. Как говорится, радуется с радующимися и плачет с плачущими. За такого человека, если понадобится, и самому жизнь отдать не жалко...»

Сказанное механизатором побудило автора статьи к очень серьезным размышлениям и широким выводам:

«Действительно, не слишком ли большой крен мы сделали, все внимание уделяя передовикам производства?.. Не пора ли нам повнимательнее приглядеться к другому типу героя современности — к человеку *подвижнического склада,* который делает благородное, нужное обществу дело, *бескорыстно* пробивает новую техническую идею, *в свое свободное время* возится с чужой детворой?.. Это они, *подвижники, бескорыстные и не требующие* наград за *подвиг* благородный, украшают и облагораживают жизнь и больше, чем кто-либо другой, содействуют прогрессу общества... Благородный человек *подвижнического склада, бескорыстно* служащий людям, народу, который он беззаветно любит,— вот та сила, которая противостоит росту эгоистических устремлений, не дает сердцам окружающих «ожесточиться, очерстветь и, наконец, окаменеть...» (курсив мой.— *А. Н.*).

Приведенные мысли трудно не разделить и не поддержать. И я сделал бы это с полным энтузиазмом, если бы... Если бы речь шла о нравственном идеале человека или об ответе на вопрос молодежной редакции: каких людей вы уважаете больше всего? Обескураживает то, что перед нами статья, посвященная осмыслению состояния и путей дальнейшего развития политэкономии социализма. М. Антонов предлагает в корне пересмотреть сам предмет этой науки, цели ее и методологические основы. Все беды в развитии нашего общества, следует из статьи,— естественный и неизбежный плод того порочного направления развития нашей политэкономии, которое явилось результатом некритического перенесения принципов буржуазной политэкономии на почву социалистической действительности. В условиях капитализма с его неизбежными спутниками (конкуренцией, рыночной стихией) погоня за максимальной прибылью, прибылью любой ценой, может быть, и про-

дуктивна. Но вправе ли мы пытаться «подвести новые задачи, поставленные практикой социалистического строительства, под законы и формулы, выведенные из анализа капиталистической экономики»? Вправе ли мы забывать заветы предков? Ведь «на Руси с глубокой древности... утвердилось мировоззрение, не позволявшее почитать за высшую ценность материальное богатство в отрыве от духовных ценностей». «Гении русской культуры... не основывали своих воззрений на политической экономии — не в силу непонимания ее законов, а из-за отрицания пронизывавшего ее торгашеского духа!»

М. Антонов убежден, что их политэкономия для нас не годится, она для нас пагубна. «Политическая экономия социализма — эта наука о производственных отношениях *людей* — и должна стать *прежде всего* (!) наукой о главном богатстве социалистического общества — *о человеке*». Она должна заняться «постижением глубин самой сущности человека», *«живого человека во всем многообразии его жизненных устремлений»*.

Категории «смысла жизни», «нравственного идеала», задачи «воспитания гармонически развитой личности», «возвышения лучших, благороднейших ее сторон», учет наших национальных традиций, «русского склада ума», его «антиторгашеского» характера, жажды справедливости, извечной *любви к земле* русского крестьянина — вот что должно стать категориями и задачами политэкономии нового типа, политэкономии социализма! Ибо сегодня *«любовь...* из категории психологии превращается в категорию глобальную, с которой придется отныне считаться в любой науке».

Бог ты мой! Ведь именно из-за этого — из-за нежелания генетики и кибернетики менять свои выводы в зависимости от наших идеологических пристрастий — мы в свое время и объявляли эти науки буржуазными и вредными для социализма. Вот и до политэкономии очередь дошла. Впрочем, это уже было. 60 лет мы доказываем, что закон стоимости нам не писан, ибо он не соответствует ни непорочным идеалам коммунизма, ни позывам загадочной русской души. И вот снова это доказываем — в ходе устранения преград на пути ускорения.

Красиво написано про политэкономию у М. Антонова, гуманистично, душевно, по-нашему, по-русски... «Недостаток любви к людям,— утверждает он,— не удается компенсировать экономическими мерами». Если бы это было так, то юные девицы не выходили бы замуж за преуспевающих старичков. Но вот то, что недостаток политэкономических знаний никак не компенсировать любовью к народу — за это я могу поручиться. И далеко ходить за примерами не придется.

Вспомним о той заведующей сельской библиотекой, которая «тридцать с лишним лет незаметно делает свое дело, получая более чем скромный оклад». М. Антонов воздает должное этой бескорыстной, скромной труженице, он предлагает объявить всенародно главным двигателем прогресса не передовиков, что обычно смотрят на нас с Досок почета, а ее, *подвижницу*. «Знакомый механизатор» в своей любви пошел еще дальше — он выразил готовность, если это понадобится, жизнь за нее отдать. Эффектно! Только... Что, если сама подвижница предпочла бы кровавым жертвам в свою честь просто повышение зарплаты? Доходы ведь у нее действительно более чем скромные! Но нет, нельзя этого делать. Категорически нельзя! Почему? Как вы не понимаете! Положи библиотекарше хороший оклад — и она лишится героизма, из подвижницы сразу превратится просто

в хорошего работника, ничем не отличающегося от тех, что на Доске почета: «Хорошо поработала — хорошо и заработала». И любить ее будет, с позиций М. Антонова, не за что, и на пути «роста эгоистических устремлений» встать у нас окажется некому. И поневоле придется сердцам совращенных западной политэкономией россиян «ожесточиться, очерстветь и, наконец, окаменеть»... Нельзя нашим многострадальным и долготерпеливым подвижницам повышать зарплату! Лучше мы будем клясться им в любви и обещать отдать за них жизнь. И красиво и недорого обходится. Такая вот получается «политэкономия».

Грустные последствия ее мы ощущаем, конечно, не только в сельских глубинках. С горечью и усталостью пишет М. Ульянов о том, как часто нашим театральным коллективам приходится «вести существование, никак не располагающее к творчеству,— без своих зданий, без оборудованных цехов, без квартир для актеров... А местные руководители вновь призывают актеров к терпению и энтузиазму. Как надоели за последние десятилетия эти пустозвонные призывы! Энтузиазма и терпения как раз хватает. Вообще актерская профессия и по своему социальному статусу, и по условиям жизни — профессия для энтузиастов. Но сколько можно эксплуатировать энтузиазм?» (Сов. культура. 1987. 24 окт.).

К прекраснодушному витийствованию на тему «Что лучше — хороший заработок или душевная чистота?» можно было бы, конечно, относиться с большей терпимостью, если бы наиболее доверчивые читатели не воспринимали его слишком всерьез, если бы спор на эту тему затевался впервые. Целые этапы исторического развития нашей страны (и не только нашей) становились в свое время крупномасштабным социальным экспериментом по проверке «социалистических» моделей типа тех, что воспеты в статьях Е. Лосото и иже с нею. Не пора ли осознать, что сейчас начинать споры от нуля, как будто жизнь не вынесла своего окончательного приговора демагогическим моделям социализма, это значит совершенно утратить чувство исторической реальности, это значит из политика стать политиканом, для которого судьбы народов — что-то вроде шахматной игры, где позволительно хоть сто раз смахивать фигуры с доски в поисках более неожиданной комбинации.

Народ наш редкостно терпелив и самоотвержен. Наверное, действительно просто нет другого столь же терпеливого и самоотверженного. Тему эту никакими примерами не исчерпать.

Да с таким народом горы можно свернуть, пустыню в цветущий сад превратить, беды любые преодолеть. За такой народ на крест можно взойти, лишь бы расплатиться наконец с ним.., чтобы ему хорошо было — тепло, сытно, чисто, справедливо. А что мы видим?

Вот снова (в который уже раз!) певцы подвижнического социализма с лицами, лучащимися детской непосредственностью, энергично проталкиваются к трибунам, чтобы начать краснобайствовать по-старому, с пафосом выложить истертые, изъеденные плесенью аргументы, запугать капиталистическим перерождением, тем, что чрезмерное изобилие, «сытость» расшатают вконец нашу идеологию, что «игра в демократию и народовластие» приведет к полной анархии, подрыву «руководящей роли партии» и т. д. и т. п. Неужели наш терпеливый, доверчивый народ снова позволит провести себя на пустой мякине демагогии? Сколько же можно ходить с завязанными глазами по кругу, обмолачивая чужие снопы? У сторонников административной, казарменной модели

социализма бразды правления страной находились полностью в руках более полувека. Почему же они все только на словах доказывают великие преимущества этой модели? Не пора ли им представить не радужные обещания, а «конечный продукт», практические результаты?

Увы, у наших трудящихся, думается, давно уже есть все основания взять кое-кого из идеологов казарменного коммунизма за шиворот и, как наблудившую кошку, потыкать носом в итоги их многолетней организаторской и идеологической деятельности.

Какое отношение имеет жажда сладкой жизни у какого-нибудь чиновника к спорам о том, как нам управлять экономикой — при помощи рубля или посредством директивы? Самое прямое.

Минтай на пустых полках и народный заседатель, убежденный, что, не побив человека, правды о нем не узнаешь (были в нашей печати и такие примеры),— это, если хотите, как раз следствие порочной практики, которая сложилась не без помощи известных теоретических постулатов, одержавших 60 лет назад верх в спорах на те же темы, что мы сейчас ведем.

«Но нэпа мы не допустим!»

Незадолго до съезда партии мне довелось разговориться со случайным попутчиком (работником «областного масштаба») по проблемам хозяйственной реформы. Признав ее необходимость и полезность («При условии строгого контроля»), он тем не менее подытожил разговор величавым: «Но нэпа мы не допустим!»

В ответ на вопрос: а что такое нэп? — собеседник довольно толково пересказал соответствующие страницы из школьного учебника по истории СССР времен нашей с ним юности. Получалось, что нэп — это что-то вроде Брестского мира, то есть вынужденная уступка врагам, от которой святой долг отречься при самой первой возможности. Даже у людей, наблюдавших нэп во вполне сознательном возрасте (в 20 лет и старше), мы с удивлением можем обнаружить понимание событий, мало отличающееся от того, что тиражируют в массовом сознании уже не один десяток лет авторы детективных повестей и фильмов, где нэп — это ничем не объяснимый подарок от большевиков «толстопузым нэпманам», противоестественное для коммунистов дозволение эксплуатации, спекуляций, разврата, пьянства и уголовщины. Смешно и грустно.

Нэп не был ни капитуляцией, ни отступлением, ни хитрой придумкой предприимчивого ума. Он естественный плод требований самой жизни, народа, времени, социализма. В нем Ленин с радостным удивлением увидел на редкость простой, органичный для самодвижения жизни способ решения задач, о которые до того спотыкались все поколения социалистов, принцип «соединения частного интереса» человека с интересом общественным, общенародным. А слившись воедино, эти интересы способны творить чудеса.

«За какие-то считанные три-четыре года народное хозяйство восстановило производственный потенциал, разрушенный длительными войнами... По самому умеренному счету новая экономическая политика позволила вывести страну из хозяйственной разрухи, одолеть инфляцию, восстановить нормальное ценообразование, стабилизировать денежную систему, создать бездефицитный государственный бюджет (при неизбежном сокращении руководящих кресел и столов) и солидный задел финансовых и материальных возможностей для последующей индустриализации и технического перевооружения всех

отраслей экономики. Страна ожила. Люди вздохнули спокойно»,— констатирует Лев Воскресенский (Моск. новости. 1986. 30 ноябр.).

Вот и хочется спросить у моего вельможиого попутчика: чего же именно клянется он «не допустить» в своем идеологическом неприятии нэпа? Гармонии личного и общественного? Сытости иарода? Здоровой экономики, обоснованных цен, полновесного рубля?..

Для чего же прикрывали нэп? И что именно теперь мы клянемся «ие допустить»? То, что перечислил в своей характеристике ленинского нэпа Л. Воскресенский?

Получается, что так. И это неудивительно, ибо нэп для сторонников административной системы управления вовсе не экономическая система, а идеологический жупел, позволяющий (при умелом использовании стереотипов нашего исторического сознаиия) заклеймить и пригвоздить без всякого обсуждения те идеи перестройки, опровергнуть которые серьезными социальными доводами иет ни малейших шансов.

Пугать вообще любимое занятие идеологов казарменного социализма. Прежде всего, конечно, капитализмом. Капитализм для иих, как бог для Вольтера: если бы его не было, то надо было бы его придумать! И сейчас в борьбе с перестройкой капитализм служит им верой и правдой. В один голос они предсказывают нам неминуемую реставрацию капитализма и в связи со стимулированием труда рублем, и в связи с развитием индивидуальных, кооперативных форм работы, и в связи с хозяйственной самостоятельностью предприятий, бьют в набат, извещая об утрате народом былого бескорыстия, оживлении тяги к накопительству, пробуждеиии собственнических инстинктов и т. д. и т. п.

«Держн вора!» — кричат оии и указывают пальцем на старушек с укропом, которые торгуют, не имея при себе характеристик от партийной организации; на изобретателей, которые дают «слишком большую» выгоду государству; на владельцев садовых участков, выкопавших погреб на 10 сантиметров глубже, чем того требует пролетарская идеология... Указания эти сами по себе малого бы стоили, если бы за исправление «идеологических перекосов» тотчас же не брались с энтузиазмом наша очень боевитая в сражениях со старушками милиция, непреклонная прокуратура и Фемида.

Если расчленить слова и дела противников перестройки, цели показные и завуалированные, то получится, что капитализм нам грозит всеми своими ужасами лишь в одном случае: когда мы покушаемся на их особые доходы, права и привилегии. Мы горячимся, вступаем с ними в долгие экономические и идеологические споры, объясняем, что они не правы, что, идя их путем, мы и демократии не достигнем, и справедливость не восстановим, и идею социализма опорочим до коица, Маркса цитируем, Ленина, Сенеку, ораторское искусство свое совершенствуем, культурой дискуссий старательио овладеваем, а убедить оппонеитов в самых простых и очевидных, казалось бы, истииах никак не можем!.. Не пора ли остановиться и «слов не тратить по-пустому»? Не идеалы они отстаивают, а интересы свои. Зачастую исключительно шкурные.

Ведя идеологические споры с теми, кто, сидя с нами в одной лодке, гребет «почему-то» (ах, какие они иепоиятливые!) все время в обратиую сторону, мы должиы, следуя совету Леииа, за каждой пышной фразой, каждой патриотической клятвой научиться видеть, чьи интересы за иими скрываются.

Атаки на критику и гласность развертываются якобы во имя одной цели — ие создать излишне благоприятных условий для бур-

жуазной идеологии, так сказать, не давать пищи, не очернять действительность, не отнимать у молодежи чрезмерной правдой светлых идеалов.

Саратовского поэта Н. Палкина несколько позже тоже взволновала проблема добра и зла. Но не с позиций классовой их сущности, а с позиций их количественного соотношения на страницах нашей литературы. Увы, оказывается, с какой стороны на зло ни погляди, вывод один: «пора остановиться!» Разумеется, не в показе добра, а в показе зла. Ибо «народ ждет» от пишущих людей не очернительства советской власти, а «сильного положительного героя». По чьей указке наши писатели отказываются такого героя создать, надо еще разобраться, но наличие нехорошего умысла в этом просматривается. Ведь создание «сильного положительного героя» трудности не представляет, ибо, как формулирует поэт, «наш современник соткан не столько из пороков, сколько из достоинств и добродетелей. Надо только разглядеть их и перенести на страницы книг». Много рецептов изготовления положительных героев повидали мы на своем веку, но «ткать» нам его предлагают впервые (видимо, с последующим вышиванием мережкой, то есть путем выдергивания из героя пороков при бережном сохранении достоинств и добродетелей).

«Конечно, мы должны бороться со злом,— говорит Н. Палкин.— Однако некоторые тут впадают в крайность. Показывают зло и в профиль, и анфас, и спереди, и сзади. При этом преобладают черные краски. Этак можно вывалять в грязи и себя, и своего современника. Во всем нужна мера. Это золотое правило литературы и искусства» (Сов. культура. 1987. 14 марта).

В данном монологе наблюдается, как сказали бы философы, несоответствие общего и отдельного. В общем-то ясно, для чего автор все это говорит, но вот отдельно взятые его фразы... Что это за «конечно», что это за «мы должны»? Борьба со злом всегда была делом сугубо добровольным. А уж если кому-то это делать заведомо скучно (вслушайтесь в это самое «конечно»), то тем паче ему следует воздержаться от этого опасного занятия. Совсем неясно, как в борьбе со злом можно «пасть в крайность». Чересчур одолеть его? Загадочно и опасение, как бы в показе зла не начали преобладать черные краски. Розовыми, что ли, изображать зло? А добро во избежание «крайностей» — черными?

При всем при том Н. Палкин безбоязненно призывает себе на помощь тень Твардовского. Чуть ли даже не от его имени рекомендует нам не слишком увлекаться в борьбе со злом. И при этом, ориентируя на аптекарское взвешивание дозы зла и добра в изображении жизни по чьему-то руководящему рецепту с круглой печатью, нигде не призывает к отстаиванию правды, которая вроде бы одна способна быть судьей в отборе жизненного материала и красок для его воспроизведения. Если писатель или журналист занят обличением зла, то чем он непримиримее, чем многограннее и ярче показывает это зло, тем светлее его творчество. Очернительство начинается там, где добро пробуют рисовать черными красками. Но разве в этом случае надо против красок выступать? Против лжи!

Как сказал А. Н. Яковлев на пресс-конференции на тему «Октябрь, перестройка и современный мир»: «Суровая, но правда в любом случае лучше, чем ласкающие умолчания, фантазии или эмоции. Очернить историю можно только ложью, правда ее возвышает» (Известия. 1987. 4 ноябр.). И стоит подчеркнуть: коммунисты и демократы всегда твердо стояли на этой позиции.

У Твардовского существовали в оценке искусства только две меры: мера таланта и мера правды. А ни того ни другого слишком много быть не может. Если же правды нет или если ее пробуют соткать из двух полуправд, то сколько ни отфильтровывай пороки от добродетелей и ни отмеряй их в пропорциях «золотого сечения», Василия Теркина мы не получим, разве что еще одного «сильного положительного героя» будем иметь. В изображении его черные краски, конечно, не преобладают, спору нет. Серые преобладают. Сплошные серые!

В них-то и хотелось бы облечь процесс перестройки идеологам «сопротивления».

Идеология псевдореволюционности и псевдокоммунизма, как известно, основывается на принципах двойной бухгалтерии. Одна — для окружающих: больше работать, чтобы меньше потреблять. По сути своей это буржуазная идеология, но она из кожи вон лезет, чтобы замаскироваться под коммунистическую. Достаточно часто, однако, встречается и другой, неожиданный вроде бы для нас вариант, когда буржуазная по сути своей идеология маскируется под... феодальную!

События, происшедшие в декабре 1986 года в Алма-Ате, взволновали всю страну, привлекли внимание ко многим явлениям, которые мы долгие годы не то стыдливо, не то боязливо прятали сами от себя. Кое-кому казалось, что принципиальная оценка этих явлений может задеть то, что дорого и свято «простым людям». Народ ведь «всегда прав», он даже на темноту и отсталость имеет право!

В статье В. Щепоткина «Паутина» (Известия. 1987. 23 янв.) речь идет о «протекционизме на родоплеменной основе», опутавшем, подобно паутине, многие этажи власти в Казахстане.

— Национальная специфика,— вздыхали мы, прослышав о такого рода фактах.— Остатки феодализма! Для них тут родоплеменные связи важнее всего...

И старались не задумываться, почему же эта национальная специфика до конца 60-х годов отсутствовала. Что это за пережитки феодализма, которых не было многие десятилетия, даже старики их начали забывать, и вдруг (на вершине «развитого социализма»!) такая вспышка любви к кровным родичам, необъяснимая регенерация древних связей, традиций, обычаев... Загадочно, даже мистично как-то!

Но если взглянуть на факты трезво, то мистики никакой мы не обнаружим. И связи окажутся достаточно современными по своему типу. Обычаи — тем паче не традиционными. Иначе пришлось бы прийти к чудовищному выводу, будто у казахов в прошлом было в обычае воровать, не знать своего дела, подличать.

Давайте, не отвлекаясь на детали камуфляжа, вглядимся в социальную суть рассматриваемого «коллективизма». Помните, как один из сокамерников Швейка удивился вопросу: «А на кой ты, товарищ, укокошил свою тетеньку?» — «На кой люди убивают,— ответил он,— каждому ясно: из-за денег». Столь же наивен, думается, вопрос: для чего объединялись и поддерживали друг друга «родичи» из Казахстана? Каждому ясно: из корысти! Чтобы, не утруждая себя изнурительной учебой и работой, занимать высокое положение, иметь в больших количествах деньги, власть, почет, привилегии, чтобы безбоязненно брать взятки, вступать в преступные сговоры, совершать безнаказанно аморальные и даже уголовные поступки...

Подбор кадров не по деловым качествам, а по родству, кумовству, землячеству?.. Полноте! Исключительно по деловым! Только «дело»-то имеется в виду совсем иного рода. Правильно заметил доцент

КазГУ Г. Доспулов: «Любой казах, не желающий участвовать в их грязных делах, становится для них неприемлемым».

Родовые патриархальные связи, верность клану, жузу — это только ширма, декорация, а суть была в обделывании корыстных делишек, для чего требовалось создать вокруг себя среду, в которой можно спокойно грабить и страну, и свой родной, до слез любимый народ, окружить себя беспринципными, зависимыми, запачканными (и поэтому «надежными») соратниками. В Казахстане все это облеклось в форму «родо-племенного протекционизма». Где-то это же маскируется религиозной общностью, где-то выдается за ведомственный «патриотизм». Появилось в нашем обиходе даже нечто вроде научных мафий (в исторической науке, в мелиоративном деле, в эстетике и т. д.). Здесь корысть маскируется истерической преданностью каким-то священным методологическим истинам, научным школам...

Нам пора осознать, что идеология тех, кто создает (пусть даже и в недрах общества, строящего социализм) такого рода своекорыстные союзы, насквозь буржуазна. И иной она быть не может.

С позиций буржуазности в отношениях между людьми не признается «никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“»[1]. «Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес»[2]. Ловкость наших «идеологов», отстаивающих свои корыстные интересы, состояла в том, что им почти удалось внушить нам веру в неприменимость данных формул к советской действительности. Дескать, так происходит там, у них, а наш казнокрад, взяточник и вельможа исповедует все же какую-то иную идеологию. Какую? Интересно бы получить разъяснение.

Протекционизм в Казахстане взял на вооружение культ почти уже отмерших родоплеменных связей. Боюсь, что сейчас, после разоблачения погрязшей в коррупции группы руководящих работников, в республике начнут напропалую обличать реакционность и безнравственность этих связей. А что плохого в них самих по себе? Симпатии к роду, племени, землякам, своей нации не только естественны, но и духовно продуктивны — при нормальных социальных отношениях. Не став предметом спекуляций, маскировки и натравливания друг на друга разных групп населения, они только украшают жизнь, становятся дорогой нам, интимной ее стороной, никому не опасной и вполне заслуживающей уважения. Интернационализм вовсе не обязывает нас превращаться в иванов, не помнящих родства. Это-то как раз свойственно буржуа, для которого родина там, где ему легче делать деньги.

В. Щепоткин, говоря об алматинской «элите», правильно отмечает, что все здесь только прикрывалось фразами о благе народа. «На деле же лишь определенная группа людей пользовалась благами за счет народа». Как казахского, так и русского. Когда происходит вспышка шовинизма или национализма, всегда полезно приглядеться, кто ее организовал, кому позарез надо отвлечь людей от собственных неблаговидных делишек, прикрыть свои грехи или даже преступления «кознями» чужой нации. Межнациональная рознь, подозрительность, вражда настолько противоречат интересам простых людей, честных тружеников любой нации, что «самовозгорание» национализма, думается, просто исключено.

«Переплетенные земляческими и родственными узами, они еще пе-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 426.
[2] Там же. Т. 23. С. 187.

реплелись массой взаимных услуг». Вот где корень единения — взаимные услуги, взаимное пособничество и укрывательство. Земляческие и родственные связи — только один из каналов к совершенствованию такого единения. «Они, как пауки, связаны друг с другом. Тронешь одного — зашевелятся все, и порой удар следует с самой неожиданной стороны». Вот в чем суть. И можно не сомневаться: встань на их пути мама родная — в сумасшедший дом ее упекут эти «поклонники родовых святынь», дедушку топором зарубят, друга в тюрьму упрячут.

А мы еще подыгрываем этим людям и создаем более одухотворенный, более человечный их образ в общественном мнении, когда, «обличая» их, вспоминаем феодализм, родо-племенные идеалы, приверженность «устаревшим» национальным традициям и обычаям. В итоге у некоторой части тех же казахов, унижаемых и обворовываемых их собственными неофеодалами, в глубине сознания могут возннкнуть иллюзии, будто «феодалы» эти как бы то ни было, а все же верны их роду, все же отстаивают народные интересы, способствуют развитию национального самосознания. Как тут не сказать, что казахов-то они и предавали в первую очередь, им причиняли наибольший ущерб. И не только тем, что выносили на верхние этажи безграмотных, циннчных дельцов. Они обездоливали свой народ, своих единокровников и единоверцев прежде всего духовно — позоря, лишая святынь, разрушая традиции и уничтожая тем самым духовное единство, духовные опоры в прошлом, настоящем и будущем.

Очень печально все это могло кончиться для казахского народа, не начнись в стране перестройка. Очень! И думается, нет необходимости делать оговорку, что все сказанное относится не только к Казахстану.

Может ли революция быть беззубой!

Революции бывают разные: великие и просто. значительные, социальные и промышленные, победнвшие и подавленные, кровавые и бескровные... Вот только беззубыми и робкими революцни быть не могут. И благостными, такими, чтобы никого не трогать, а всех только умилять. Революции тогда и происходят, когда болезнь общества настолько запущена, что спасти его способно только радикальное хирургическое вмешательство. Надеюсь, наша болезнь еще не зашла так далеко, чтобы хирургу ннчего другого не осталось, как торопливо зашить разрез н, отводя глаза в сторону, бодро заверить больного, будто ничего не обнаружено. Обнаружено! Болезнь не смертельная, но такая, что на самоизлечение рассчитывать рискованно.

Контроль снизу, демократия, народовластие, самоуправление, саморегулирующаяся экономика... Все это для нас великая стратегическая магистраль, ведущая в коммунизм. Но магистраль эту еще только предстоит постронть. А пока? А до того?.. Выбор вариантов тут очень скромный — или отступить, или решительно идти путем, намеченным январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС: кадры, кадры и еще раз кадры!

Сейчас, слава богу, не послеоктябрьская ситуация. Есть из кого выбирать при всех (колоссальных!) кадровых потерях эпохи безвременья и апатии. Но если мы этот участок работы отложим на потом, решив сначала выправить дела на самом главном — экономнческом — фронте, мы снова можем оказаться отброшенными на исходные, досъездовские позиции и даже далее того. Во всем, и в экономике тоже.

О чем речь? О кампании типа чисток? Об избиении кадров на маоцзэдуновский манер? О сроч-

ной замене всех старых кадров на новые? Меньше всего мне хотелось бы быть понятым так.

Когда на встрече с руководителями средств массовой ннформации кто-то пожаловался на трудность подбора новых кадров обществоведов взамен старых, М. С. Горбачев сказал: «Будем вести перестройку со своим народом, со своей партией, со своей интеллигенцией, со своими учеными — с теми, кто есть. Другой подход — авантюра» (Моск. новости. 1987. 22 февр.).

Что ни говорите, все-таки изрядным простофилей, а отнюдь не человеком, «умеющим жить», выглядит каждый, кто право первородства продает за чечевичную похлебку. Рано или поздно это поймут большинство тех, кого сейчас мы относим к бюрократам и саботажникам перестройки. Надо ведь искать пути, чтобы и у такого рода категорий людей личный интерес начал совпадать с общественным. И все станет на место, как стало когда-то у крестьян после замены продразверстки продналогом. Так что политика определенной снисходительности, терпимости к прошлым (разумеется, не уголовным) отступлениям от норм социализма со стороны тех, кто направлял ход событий в стране административными методами, думается, вполне оправданна. Далеко не все люди и в период культа личности и в период застоя имели реальный выбор в своем поведении. Им надо дать возможность сделать свой выбор сейчас. Нам, как и при Ленине, не отыскать для перестройки где-то «в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей». С теми, что есть, мы должны (и можем) горы свернуть. Но и ублажать и уговаривать колеблющихся (к какому берегу им прибиться) долго — дело рискованное. Как говорил М. С. Горбачев на встрече с активом Эстонской ССР: «Сегодня мы еще можем... дискутировать, обмениваться мнениями, искать подходы, как воплотить в жизнь решения январского Пленума... Но уже завтра тот, кто будет упорствовать, тот, кто не поймет требований нынешнего времени, тот просто должен уйти с пути» (Правда. 1987. 22 февр.).

Думается, что «завтра» уже наступило, а большая часть не желающих понимать требований времени с пути перестройки уходить отнюдь не намерена. Да и те, что открыто отвергают перестройку, ведут себя на удивление самоуверенно, по-хозяйски.

Опыт общественного бессилия — очень опасный опыт. Думается, для перестройки сейчас нет ничего более опасного, ибо он саму гласность грозит превратить в жалкий фарс. В газеты наши попадает малая толика преступлений, нарушений, случаев произвола, беззакония, коррупции. Нельзя допустить, чтобы даже эти случаи (если они не опровергнуты в печати же) оставались без последствий или чтобы циничные уголовники с портфелями отделывались выговорами, которые давно уже выглядят насмешкой над «неотвратимостью» возмездия. Случаи эти западают в народное сознание, по ним проверяется серьезность намерений нынешнего руководства страны, его способность контролировать ход событий. Надо или, узнав о них, судить виновных, снимать с постов покровителей (областное руководство), или перестать витийствовать о нашей с вами революционности и коммунистичности.

Разумеется, одними карательными мерами кадры нового типа не сформируешь. Очень серьезно надо отнестись к учебе, воспитанию, поднятию политического и культурного уровня руководящих кадров. Знаете, какая публикация вызвала у меня за последние месяцы наибольшую тревогу за судьбы перестройки? Небольшая корреспонденция Ю. Вигоря под названием «Что

читает секретарь райкома?» (Сов. культура. 1987. 27 сент.). В ней, в частности, воспроизведен диалог (увы, достаточно типичный), состоявшийся у автора в кабинете первого секретаря периферийного райкома партии.

Увидев на полке книги из серии «Библиотека фантастики», Ю. Вигорь завел как бы невароком разговор о литературе и попросил назвать любимых современных авторов.

«— Современных, говорите? Я так сразу и не упомню... Лично я предпочитаю в основном специальную литературу и общественно-политическую да едва успеваю за текучкой проглядеть нашу областную газету и районку.

Я решил повести речь о публицистике, занимающейся аграрными темами,— пишет далее автор статьи,— перечислил асов этого жанра: Геннадия Лисичкина, Юрия Черниченко, Бориса Можаева, Анатолия Стреляного, Ивана Васильева, книги которых, я заметил, в изобилии лежали на полках местного магазина. Спросил собеседника, говорят ли ему что-нибудь названные имена.

— Это, по-видимому, товарищи из агропрома? — ответил он вопросом на вопрос».

Вот так. Спорим, горячимся, глубины ищем, историю пытаем, а...

«Именно от инициативы первичных партийных организаций прежде всего зависит ход преобразований, умение мобилизовать и вдохновить людей, умение добиться конкретного улучшения в работе»,— говорил М. С. Горбачев на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. Это бесспорно так, но хочется привлечь при этом внимание и к другой бесспорной мысли доклада — о нереальности попыток перескочить через какие-то этапы развития. Реальность же сегодняшнего этапа состоит, в частности, и в том, о чем сказал корреспонденту «Правды» председатель колхоза Х. Ф. Валиев: «Все идет от первого секретаря райкома. Каковы его поведение, стиль работы, таковы они и у других руководителей» (Правда. 1987. 26 окт.). Таков, добавим, зачастую и предел инициативы всех первичных организаций района. Ненормально это? Да. Но такова пока действительность, которую ни за месяц, ни за год не переделаешь. Выше уровня первого секретаря райкома во многих регионах страны ни в хозяйственной, ни в политической, ни в духовно-интеллектуальной сферах, как говорится, не воспарить. Не получится.

Так стоит ли нам экономить время и деньги на просветительскую работу, в том числе и среди первых секретарей райкомов? Конечно нет. Надо, чтобы у них обязательно было время для чтения новинок литературы, журналов, газет, для неспешного обдумывания «отвлеченных» научных и идеологических проблем, для бесед и споров со специалистами в разных областях культуры... Не везде есть первоклассные лекторы, музеи, театры?.. А может быть, надо сделать так, чтобы не меньше месяца в году первые секретари райкомов проводили (с женами, это очень важно, не улыбайтесь!) в столичном или хотя бы областном центре, освобожденные от текущих забот. Только в театры они должны ходить обязательно в хорошие, экскурсоводов получать самых эрудированных, лекторов слушать таких, которые мыслят творчески и современно, вроде вышеназванных Ю. Черниченко, А. Стреляного, Б. Можаева, Г. Лисичкина...

Право слово, такой вклад может дать невиданные до сих пор в мировой практике дивиденды, и материальные и духовные. Нельзя же, на самом деле, допустить, чтобы люди, от которых в первую очередь зависят темпы перестройки, осваивали все богатство ее идей через

областные и тем паче районные газеты! И вообще, как говорил В. И. Ленин, «на одной грамотности далеко не уедешь... Нам нужно громадное повышение культуры»[1]. Нужно. Очень нужно! Особенно сейчас — в решении задач, выдвинутых перестройкой.

У кадрового вопроса есть и еще одна сторона, тоже исключительно важная. Речь идет о выдвиженнн людей, преданных социализму, демократии, перестройке, тех, без самоотверженности и неуемной жажды справедливости которых мы не продвинемся вперед ни на шаг. В выявлении, отборе и сплочении их сейчас мы переживаем очень ответственный момент, ибо «идет схлестка тех, кто поверил в перестройку, и тех, кто ожесточенно сопротивляется ей. Мы, газетчики, подняли людей в атаку, но если мы же нх теперь не прикроем, их просто скосят» (Моск. новости. 1987. 9 авг.). Это не пустые тревоги. Чем-чем, а искусством расправы над теми, кто покушается на их привилегин, бюрократы овладели в совершенстве. Сейчас для этих целей весьма неплохо используются и лозунгн перестройки: сокращенне раздутых штатов, поиск новейшнх органнзационных форм, переаттестацня, омоложение, расширение выборности и конкурсного замещения должностей (на кого при этом жаловаться? на коллектнв?)... И если бы речь шла только о единичных фактах!

«Самая банальная трагедия нашего временн,— нсповедуется перед читателямн журналистка Лидия Графова,— человек выступает с критикой, а его объявляют клеветником. Сколько нх, оскорбленных и уннженных правдоборцев, пишут, звонят, приезжают в редакцию — за последней надеждой. «Я прилетел с Камчатки... Неужелн напрасно?», «Казалось: дожили наконец-то до своего времени,— но тут-то и началось...», «Пришлите корреспондента! Остальное — без толку...» Изо дня в день вндишь чьи-то измученные глаза, слышишь по телефону просящие голоса... читаешь душеразднраюшие исповеди в почте... И охватывает отчаяние: чего стоят наши статьи, наши вдохновенные разговоры о правде, если людн, отвоевывающие эту правду в жизни, страдают сегодня, как и вчера?» (Лит. газ. 1987. 22 апр.).

Демократия, пока она не выработала механизмы самосохранения не столько средство, сколько цель. В этом случае ее надо не «предоставлять», не объявлять, а утверждать в делах, органнзовывать, отвоевывать. Революции, что н говорить, отнюдь не самый демократнчный механизм социального прогресса, но, минуя их, пока еще нигде не утвердилась нн одна демократия. По этой прнчине и нельзя допустить, чтобы революция была беззубой. Неловко прнбегать к недемократическим репрессивным мерам? Так ведь в рамках закона и ради законностн. Это во-первых. А во-вторых, если перестройка сорвется и силы торможения возьмут власть полностью в свои руки, то уж они-то покажут нам, как надо решать кадровый вопрос. Такую еще раз селекцию пронзведут, что сто лет на ниве общественной жизни ни одного здорового колоска отыскать будет невозможно!

И еще одна мысль. Очень уж усненно в печати стали нам навязывать идею на вид очень трогательную и даже глубокую: начни с себя! Я думаю, человек, впервые поднявшийся на трибуну собрания и, рискуя всем, высказавший правду в глаза начальству, начал с себя. Многое надо в себе преодолеть, чтобы сделать такого рода шаг по наведению порядка вне себя. Так ведь не об этом нам

[1] *Ленин В. И.* Полн собр. соч. Т. 44. С. 170.

толкуют, нет. Начни с самоусовершенствования своей души, с повышения производительности труда на своем рабочем месте... Знаете, чтобы усовершенствовать свои души, у нас было несколько десятилетий общественного застоя. Что-то это не очень помогало. Есть такой анекдот: в классе кто-то без конца икает, потерявшая терпение учительница предлагает Иванову выйти и попить воды. Раз, другой, третий, пока послушный Иванов не взмолился: «Я, Марья Ивановна, уже полбачка выпил, а Петров все равно икает!» Так вот и с лозунгом «Начни с себя!». Начнем, не впервой, но, даже если весь бачок выпьем, Петров икать не перестанет.

Л. Овруцкий

До и после оваций [1]

Мысль Ленина о том, что год революционных преобразований равен десятилетиям сонной, застойной жизни, находит себе подтверждение все чаще. За три прошедших года мы значительно продвинулись в понимании диалектического единства «верхов» и «низов». Все далее в прошлое уходит полупатриархальный, полуфельдфебельский расклад, согласно которому партия безапелляционно указывала: «Надо!», а народ мгновенно становился во фрунт: «Есть!» Необходимое в политике единство действий сегодня органично дополняется тем, что некоторые хотели бы если не вычеркнуть, то подзабыть,— свободой мнений. Она сегодня распространена столь широко, что даже с давнего лозунга «Дело партии — дело народа!» опадает риторическая шелуха.

Съезды партии — вехи ее истории и моментальные рентгеновские просвечивания. Читая стенографические отчеты, переходишь из эпохи в эпоху: ленинская, сталинская, хрущевская, брежневская.

Я нарочно беру VIII и XXVI съезды — две крайние точки развития партии. Что собой представляла партия в 1919 году? Она скромна и демократична. Члена ЦК не отличить от рядового делагата, а доклад Ленина критикуется так непринужденно, будто это председатель профкома отчитывается о выполнении коллективного договора.

Партия деловита и работоспособна. Съезд создал организационную, аграрную и военную секции, где подробно рассматривались соответствующие вопросы. Затем эти же вопросы обсуждались на пленуме съезда, и по каждому создавались комиссии для выработки резолюций. Проекты резолюций (их было 13) зачитывались пункт за пунктом и пункт за пунктом же обсуждались. Вносились поправки, проекты после обмена мнениями ставились на голосование и либо принимались, либо отвергались. Точно так же шла работа над проектом Программы партии: сначала доклады Ленина и Бухарина, затем 12 выступлений в прениях, работа программной комиссии, зачтение параграфа за параграфом с подробным изложением мнения комиссии по каждому из них, поправки, голосования.

Это было великолепной работой. Живых трансляторов, демократических традиций тех времен уже

[1] Огонек. 1988. № 36. Печатается с сокращениями.

ует, но остались документы, к чтению которых и приглашаю.

Прошу прощения, буду цитировать подробно, ибо замечаю, как крепнет иллюзия, будто в ленинской партии пребывала исключительно ленинская гвардия. Иллюзия эта идет от потребности в нравственной опоре, когда спускаешься в сталинскую преисподнюю. Но откуда бы она ни шла, нужно от нее отказаться и видеть правду такой, какая она есть. Партия — ленинская, но не потому, что в ней нет примазавшихся, а потому, что о них говорят во весь голос и изгоняют прочь.

Ногин: «...Пора все-таки на этом съезде сказать еще другую истину: что наша партия опустилась, что работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии... В нашей комиссии при ЦК по строительству партии... мы получили такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом... Мы слишком поздно стали вскрывать «маленькие недостатки механизма» в наших партийных рядах... И великим преступлением будет, если съезд честно не признает и не примет мер к устранению тех зол, о которых я говорил...»

Сосновский: «...Когда мы спрашивали т. Ленина, каким образом сделать так, чтобы средний крестьянин был на нашей стороне, что мы можем ему дать, т. Ленин сказал: «Накормить мы его не можем, мануфактуры дать не можем, дать такую программу, которая удовлетворяла бы его собственнические интересы, не можем, но можем перестать безобразничать и вести башибузукскую политику, которую ведут провинциальные товарищи, начиная от уезда и кончая губернией...»

Осинский: «...В настоящее время старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия... Этим в значительной степени объясняются безобразия, которые производят «люди с мандатами», на этой почве и развивается произвол...»

Зиновьев: «...Действительно, нельзя скрывать на съезде того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке, как говорили в Перми, в народе стал ненавистным. Скрывать это было бы смешно, надо смотреть правде в лицо...»

Что ж, и в партийной семье не без урода. Даже не без многих. Важно только не вгонять подонков в номенклатурную «обойму», не живописать их в профиль, когда выясняется, что анфас ущербен.

Театр начинается с вешалки, партийный съезд — с регламента. С него и начну сравнение. Регламент VIII съезда РКП(б) включал в себя 12 пунктов, некоторые из них звучат как «преданья старины глубокой». Например:

«1. Президиум съезда избирается в количестве 7 человек и 3 секретарей.

...4. Каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая 40 человек, может выставить своего докладчика.

...6. Внеочередные запросы и заявления за подписью не менее 20 делегатов оглашаются немедленно, никакие прения по запросам и заявлениям не допускаются.

...10. По мотивам голосования дается 3 минуты после голосования.

11. ...По требованию 15 товарищей с решающими голосами должно быть произведено поименное голосование.

12. Президиуму предоставляется право образовать секции по отдельным пунктам порядка дня или по отдельным детальным вопросам партийной работы...»

Регламент XXVI съезда ограничен всего тремя пунктами: о времени заседаний, о 15 минутах для участвующих в прениях (в прениях — ?!!) и о том, что замечания и предложения должно вносить в секретариат в письменном виде (надо ли говорить, что стенографический отчет не содержит ни малейших следов каких-либо замечаний и предложений). Работа в секциях, выставление содокладчика, выступление по мотивам голосования, внеочередные запросы, именные голосования — каждый ли нынешний член партии с многолетним стажем знает, что это, собственно, такое? Зачем в самом деле содокладчик, если докладчик непререкаем? Какие такие могут быть мотивы у завсегда единогласного голосования? К чему внеочередные запросы, когда все решается в «рабочем порядке»?

XXVI — это съезд оваций. Они начались, едва куранты на Спасской башне пробили десять. Избрание президиума (124 человека) было встречено бурными аплодисментами, приглашение избранным в него занять свои места отозвалось в душах делегатов менее бурно, зато более устойчиво: стенографист зафиксировал «продолжительные аплодисменты». И «аплодисменты» — когда сформировался секретариат съезда (29 человек). 80-страничный доклад Л. И. Брежнева прерывался аплодисментами 78 раз, продолжительными аплодисментами —40 раз, бурными, продолжительными аплодисментами —8.

Структура выступлений была примерно такова: 30—40 процентов — ритуальные поклоны, половина — самоотчет (республики, области, края, района, колхоза или больницы — в зависимости от должности оратора). Иногда в одном абзаце содержалось деликатное предложение, адресованное Госплану, Госснабу и т. п. ведомству «обратить внимание», «глубже вникнуть», «оказать помощь». В заключение следовал блок, заклинающий Центральный Комитет и «лично...», что трудящиеся (республики, области, края, района, колхоза или больницы) «не пожалеют сил» либо, напротив, «приложат все силы».

Ритуальные поклоны отвешивались по крайней мере в трех направлениях. Во-первых, фимиам курился перед монументальной фигурой лично Леонида Ильича, что доставляло некоторое неудобство престарелому лидеру. Телевизионные камеры с умилением фиксировали, как время от времени он смахивал с уголков глаз набегавшую раз за разом скупую мужскую слезу.

Выписывая эпитеты, которых многажды удостаивался Генеральный секретарь и которых ни разу не слыхивал первый председатель Совнаркома, я полагал, что несколько десятков выступающих непременно начнут повторяться. Ничуть не бывало. Русский язык вполне оправдал свою репутацию великого и могучего, он точно выразил мельчайшие оттенки чувств, обуревающих ораторов.

Второй иконой, перед которой надлежало лбы разбивать, был Отчетный доклад Центрального Комитета. Во времена Ленина, когда слова выражали лишь то, что они выражали, Отчетный доклад ЦК означал доклад, в котором ЦК отчитывался перед партией о своей деятельности. И в прениях по докладу ЦК обсуждалась и критиковалась деятельность ЦК, а тот, кто находил ее удовлетворительной, попросту не выступал. Большевикам показалась бы вздорной мысль, будто может делегат взойти на трибуну единственно, чтобы похвалить доклад. И уж вовсе невероятным и абсурдным, чтобы член ЦК распевал дифирамбы докладу ...ЦК. Между тем на XXVI съезде из

40 выступавших в прениях по докладу ЦК 36 человек были членами ЦК.

И как они выступали!

В докладе были отмечены достижения «в развитии творческой активности производственных коллективов и коммунистического воспитания трудящихся» Московской парторганизации. В. В. Гришин ответствовал: «Доклад... произвел сильное, незабываемое впечатление, вызвал чувство гордости за нашу партию и страну, ее великие достижения...»

А в это время великий город задыхался в тисках сотен проблем, цвело то, что называлось потом рыбным делом, елисеевским делом, щелоковским, чурбановским...

В докладе было сказано о «крупных достижениях хлеборобов Казахстана». Последовала адекватная реакция Д. А. Кунаева: «Этот беспримерно емкий документ, вобравший в себя коллективную волю и мудрость Центрального Комитета...»

А в это время на Атбасарском кладбище возводился монументальный памятник белогвардейцу Ялымову — тестю Кунаева, катастрофически пустели полки магазинов, под промышленной мышцей республики вздувались капилляры родо-племенного родства.

Докладчик по касательной прошелся насчет «почина партийных организаций Кубани». С. Ф. Медунов не заставил себя ждать: «В чеканных и мудрых положениях Отчетного доклада Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев по-ленински глубоко, с гениальной ясностью раскрыл богатый практический опыт нашей партии...»

А в это время сочинско-краснодарская мафия была в расцвете самонадеянной силы.

Доклад увязывал успехи «тружеников хлопковых полей Узбекистана» с «усилением работы парторганизации». Шараф Рашидович был на месте: «Всеохватывающий доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева содержит марксистско-ленинский анализ положения в мире, яркую картину итогов деятельности партии...»

А в это время хлопковые миллиарды расходились по рукам, бешеные деньги задавали работу следователю Гдляну на многие годы, и советская милиция стерегла шлагбаумы, отгораживающие ханство Адылова от внешнего мира.

Наконец, в-третьих, предметом восхищения служила предприимчивость Леонида Ильича, его бесконечная инициативность.

Если Сталин был скромным корифеем наук, то Брежнев приобрел статус и супервыдающегося литератора. Так, первый секретарь правления Союза писателей СССР отметил огромное воздействие на все виды и жанры искусства книг «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

Как водится, была образована комиссия для подготовки проектов резолюций, в нее вошли 123 человека. Магия цифр завораживает: почему 123? А не 120 или 125? С холодком в груди чувствую здесь проявление высшего, отнюдь не гегелевского разума. Резолюция, предложенная 123, состояла из четырех абзацев, а собственно резолютивная часть из двух. (41 слово, включая союзы и предлоги):

«1. Целиком и полностью одобрить ленинский курс и практическую деятельность Центрального Комитета партии.

2. Одобрить Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и предложить всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами в области внутренней и внешней политики, выдвинутыми в докладе товарищем Л. И. Брежневым».

Как палеонтолог по единой косточке (скорее всего собачьей) воссоздает динозавра, так я, читая текст резолюции, пытаюсь вообразить ее первоначальный, не тронутый 123 редакторскими карандашами вид. И охотно признаюсь в дремучем текстологическом невежестве.

Над кем, однако, смеемся? Холуйская это повадка — валить на покойное «начальство» все неудачи. Оборотная сторона культа. Только слабые, заметил Фадеев, ищут виновных вокруг себя. И подтвердил это собственной смертью.

А где были мы, коммунисты? Не мы ли создавали у верхов иллюзию всеведения и всемогущества, являя собой все одобряющий мелкий партийный народец? Не ко времени и жалок лепет оправдания: «А что я мог поделать?» Его в жесткий упор следовало задавать себе, когда писали под копирку: «Прошу принять... Хочу быть в первых рядах... С Программой и Уставом...»

Между тем в Уставе обозначен длинный перечень обязанностей членов партии. «Выступать активным поборником всего нового, прогрессивного...» Выступали? Поборником? Нового? Прогрессивного? Отчего же страна находилась в перманентном технологическом отступлении, а новаторы, движители прогресса,— в загоне?

«Служить образцом исполнения гражданского долга...» В чем же состоял наш гражданский долг? В частом и синхронном сокращении локтевого сустава, равнодушном взирании на язвы Отечества, упоительном повышении собственнолично «жизненного уровня народа»?

«Строго соблюдать нормы коммунистической морали»... Когда говорят о коммунистической морали, представляю себе Ленина, получающего по разнарядке штаны и башмаки и жалующегося Бончу, что в накладной указана подозрительно низкая цена. Воображаю этику Самуила Воскова. К нему пришел в гости Альберт Рис Вильямс, знакомец по американской эмиграции. Сохранился рассказ Вильямса, как дочь Воскова наябедничала на брата, что он бабочек кушал. С голодухи. А служил тогда Восков комиссаром продовольствия Северной Коммуны, распоряжаясь вагонами и эшелонами хлеба. Не знаю, поймет ли, о чем речь, читатель мой — директор гастронома. А ведь все они, кажется, у нас при партбилетах...

«Овладевать марксистско-ленинской теорией»... Если и овладевали, то насилием, как девкой, превращая вечнозеленое древо теории в обрубок. Из марксизма-ленинизма извлекался безжизненный экстракт, цитатник. И на нем восседали мы таким обширным седалищем, что коричневое и синее многотомье даже краешков своих не казало.

«Развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки и добиваться их устранения, бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, очковтирательства, давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики, выступать против бюрократизма, местничества, ведомственности»...

Развивали? Вскрывали? Боролись? Давали отпор? Отчего же торжествовали показуха и рапортомания? И «Монетный двор» не успевал штамповать ордена и медали? И критика не зажималась, а просто искоренялась? И бюрократизм, подобно Воланду, правил бал? И партийность повсюду побиваема была ведомственностью?

Мы не исполнили уставных требований. Мы оказались плохими членами партии. Нас становилось все больше, а социализма все меньше. Это так — поднимем глаза к правде. Еще и еще раз заглянем за грань кризиса, к которой мы, коммунисты, и никто другой, подвели страну.

В январе 1921 года Ленин пишет работу «Кризис партии». В ней слова: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». Сегодня категорическим императивом выступает наша обязанность спросить себя: партия выздоравливает? Но чтобы говорить о выздоровлении, следует взвесить тяжесть недавней и еще не прошедшей болезни. И отказаться от прекраснодушного представления, будто общество было в застое и предкризисе, а партия неизменно динамична и на подъеме.

Еще и сегодня при слове «инициатива» некоторые партийцы вздрагивают и хватаются за «вертушку». Нас не поймут! — сокрушаются. Кто не поймет? Народ! Но очи возводят — горе. Точнее, холмушке, где покоятся директивные офисы. Низ-з-зя-я, говорят они, воспользуюсь словцом Маяковского, «голосом ожившего лампадного масла».

Они мыслят классическими образами: почин бывает великим, когда в депо Москва-Сортировочная ремонтируют паровоз. А всякий иной подозрителен и должен быть одобрен — сами знаете кем.

Папа Карло брал деревяшку, удалял лишнее, получался живой человечек. Они же берут человечка, удаляют живое, получается деревяшка. И ее кладут в поленницу, взор ласкающую строгостью и соразмерностью.

Им давали шанс перестроиться — и не один. Но, подобно французским роялистам, они ничему не научились и в отличие от них все забыли.

Не могу не упомянуть о тезисе Ф. Бурлацкого (Лит. газ. 1988. 15 июня). По его мнению, внутрипартийный плюрализм призван учитывать две главные традиции: ленинскую, демократическую, и сталинскую, автократическую. И внутрипартийная борьба этих традиции будет, как думает автор, содействовать революционным преобразованиям в обществе.

С этим невозможно согласиться. Партия — политический авангард общества, а не его точная модель. Ф. Бурлацкий исходит из действительного, полагая, что оно разумно. Мы говорим «партия», подразумеваем — Ленин и Сталин? Ситуация, когда коммунистическая партия, превращаясь в дискуссионный клуб, числит в своих рядах исповедующих авторитаризм, представляется мне алогичной. Если часть авангарда плетется в арьергарде, путаются стратегические карты перестройки и существует опасность, что они будут биты.

Партия — это сплошная Гора, ее структура равно отторгает Жиронду и Болото. Оздоровление партии — пионерный процесс. Сначала — партия, затем — все общество. По-иному перестройка не делается.

Это было написано за несколько дней до XIX Всесоюзной партконференции. Анализ принятых на ней резолюций — предмет отдельного разговора. Но уже сейчас очевидно: рубикон, разделяющий застойный авторитаризм и социалистическую демократию, окончательно перейден. В застой возврата не будет.

Скептику предлагаю вспомнить, что сорок всего не лет, а месяцев назад тезис о неотъемлемом праве каждого гражданина на получение по любому вопросу общественной жизни полной и достоверной информации и об ответственности за воспрепятствование реализации такого права трактовался как отравленный продукт диссидентства, порожденного вражескими радиоволнами.

Давно ли требование создания надежных гарантий против субъективизма, самоуправства, влияния личных и случайных обстоятельств на партийную политику трактовалось как очернительство? Сегодня

оно подкреплено авторитетом партии.

Миого ли воды утекло с тех пор, как бюрократизм перечислялся в ряду «отдельных иедостатков», где-то между иесуиами и «другими иарушителями трудовой дисциплииы»? Сегодия этому посвящеиа развериутая резолюция, и обычио сухой язык резолютивной прозы обогатился тропом: «социальиая скверна бюрократизма». Борьба ей, говорит партия, и борьба бескомпромиссиая.

Повторяю, систематический аиализ — дело будущего. Я же черпаю иаугад и заключаю: процесс выздоровления партии начался. Он идет и пойдет. К партии возвращается ушедшая было от иее иа долгие десятилетия живая леииискаяДуша.

Дворец съездов построен отиосительио иедавно, и прав М. С. Горбачев, заметивший, что такого разговора, какой состоялся на коифереиции, это почтенное сооружение не знало. Преодолевая наработанный десятилетиями свой (и многих) скептический рефлекс, еще раз соглашусь с Геиеральным секретарем: атмосфера общепартийиой дискуссии была остра, прииципиальиа и иелицеприятиа. Когда у нас в самом деле случалось, чтобы кто-то из делегатов партийиого форума открыто оппоиировал Геисеку? На XIX Всесоюзиой это было, и ие раз. И иичего, завеса в храме не разорвалась надвое.

Партия продемонстрировала обретеииый в перестройке навык вслушиваться, а не вздрагивать при произиесеиии разнящихся друг с другом суждений. Характерный тому пример — различие оценок, содержащихся в докладе М. С. Горбачева и выступлеиии Ю. В. Боидарева.

Доклад. Возиикла новая общественно-политическая атмосфера — открытости, свободы творчества и дискуссий, объективиого, иепредвзятого исследоваиия, критики и самокритики. Идет подлинная революция созиаиия, без которой иевозможно созидание новой жизии.

Ю. Боидарев. Экстремистам иемало удалось в их стратегии, родившейся, кстати, ие из хаоса, а из тщательио продумаиной заранее позиции. И теперь во миогом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к виутричеловеческой чести, что иазывается совестью, к справедливости, к объективной гласности...

И ничего. Диаметральио противоположиые оценки делегаты встретили равными по иитенсивиости и продолжительиости аплодисментами.

Ю. Боидарев завершил свое выступление упоминаиием о древнем китайском поиятии «шу», означающем «умение уважать и любить человека за то, что ои есть иа Земле; любить и беречь воду, ветер, иебо, каждую травинку иа краю обочины». Надеюсь, сфера действия снисходительиого «шу» помимо ветра, трепетиых былиiок и пылинок распространяется и на «рыцарей экстремизма», и иа представителей «части иигилистической критики», шумящей, бранящейся, передерживающей и искажающей. Они ведь «есть на Земле». Что ж, приемлю китаизированные гуманизм и терпимость Ю. Бондарева, хотя мне, откровенио говоря, больше по душе авиаметафора Г. Бакланова.

Помните: пилоту иадлежит сохранять хладиокровие, когда иа вираже с аиглийской королевой приключается мелкая неприятиость. Разумею: ие только с королевой. И не только с английской. Кое-кому надобио выпадать. Для продолжения полета...

А. Гельман

Драматург

Возвращение к нравственным истокам [1]

Мы являемся свидетелями нарастающей обеспокоенности общества нравственной стороной деятельности нашей партии. Нравственный счет предъявляется сегодня как историческому прошлому, так и теперешней политике партии. Эта обеспокоенность прежде всего идет снизу, от партийных масс, от народа. Эта обеспокоенность обоснованна, уместна, более чем своевременна.

Партия и нравственность, политика партии, особенно после смерти Ленина, и нравственность — это историческая коллизия, исполненная драматизма, боли, отчаяния. Это сюжет, который требует изучения, анализа, расследования. В этом нужно разобраться исчерпывающим образом, до конца.

С чего началась партия? Не с того, что ее основатели однажды прочитали Маркса. Партия началась с человеческого возмущения тяжелым положением трудящихся классов, большинства народа, с сочувствия, сострадания униженным и оскорбленным. Партия выросла из гуманистических устремлений, это ее общечеловеческие питающие корни. Она возникла как нравственная, духовная сила. Можно сказать, что нравственные требования, нравственная конституция человечества вошли в политическую программу партии как ее сущностная корневая основа, как основа ее народности.

Однако после смерти Ленина произошла беда: шаг за шагом шло отчуждение партии, особенно ее руководства, от общечеловеческих ценностей, от ее первозданных корней. Прежде всего, сильнее всего это выразилось в нараставшем пренебрежении демократией как формой организации общественной жизни. Произошло это, как мне представляется, из-за абсолютизации, универсализации сугубо классового подхода к действительности. Было забыто, что перемены в классовой сущности общества, исчезновение класса эксплуататоров не отменяют общих противоречий, природной сущности человека, его психики, не отменяют индивидуальный и групповой эгоизм, словом, то, что я для себя называю объективными законами субъективности. А ведь именно требования этих законов, если хотите, вечных законов, открытых многими поколениями гуманистов, с небывалой глубиной исследованных в России Достоевским, Толстым, Чеховым, породили еще в Древней Греции идею демократии как формы наиболее разумного жизнеустройства общества. Демократия как философия управления учитывала то неустранимое обстоятельство, что человек от природы равно способен творить и добро и зло. Идея демократии принимала во внимание, что каждый человек одновременно является и частичкой общего тела народа, одним из многих и вместе с тем сугубо отдельным, суверенным существом, неповторимым, одним-единственным.

Октябрь открывал для демократических преобразований широчайшие возможности, однако они остались в значительной мере не реа-

[1] Коммунист. 1988. № 9.

лизоваиными партией как иаправляющей силой общества. В теорин и иа практике возлагались иеобосноваииые иадежды на то, что сам факт обобществлеиня землн и заводов автоматическн обеспечит экономическое и духовиое процветание. Не замечалось, что без демократического управлеиия собствеииость оказалась, по существу, ие общественниой, а иичейиой. С одиой стороны, трудящиеся не получили полиовесных управлеических прав, с другой стороиы, и власть имущие ощущали себя времеищнками, сверху приставлеиными к руководству иа время, по поводу и без повода отстраияемыми от своих фуикцнй. Сверхзадачей управлеицев всех раигов стало ие обеспечеиие эффективиостн пронзводства, а угодинчество. Управлеиие в осиовном работало «иа себя», иа облегчение, упрощеиие управлеического процесса. Чуть лн не любой мог быть иачальииком, в управлеические штабы хлыиула посредствеииость.

Было забыто, что и после экспроприацин земель и заводов, что и после сплошиой коллектнвизации на селе в лнчиой собствеииости человека остается и ие может быть отторгиутой мощиейшая производительиая сила, мощиейшее орудие производства — мозг человека, эта величайшая машина, изобретательиица всех иа свете машин, источник трудовой воли, человеческих хотенні. Было также забыто, что люди потребляют блага каждый в отдельиости, в составе своей семьи, а следовательио, личиая, персоиальиая заинтересованиость человека иеистребима. Самоувереииое попраиие этих опять-таки общечеловеческих факторов привело к преиебрежеиию кооперацией, запрету нидивидуальиой трудовой деятельности, прнвело к уравинловке, обезлнчиваиию, равиодушию к таланту, унижеиию профессиональиого и человеческого достоииства.

Через всю иашу историю шли одиа за другой выбраковки людей. Сиачала выбраковывали классовых врагов, родствеииников классовых врагов, в том числе н дальних родствеиников, потом выбраковывали разнообразиых уклоинстов, ииакомыслящих, попавших в плеи, дошло до того, что людей выбраковывали за ие ту длиину волос, не ту ширину брюк н уже совсем недавио — за глоток вниа. Отдельиым чертам лнчиостн, отдельиым фактам бнографии, отдельиым, частнчиым проявлеииям людей придавалось тотальиое зиачение. Это был примитивиый, невежествеииый взгляд на человека как такового. Это был глубокий грех упрощеиия человеческой природы, человеческого духа. Это была идеология посредствеииости, дорвавшейся до власти, которая судила и рядила по своим меркам. Выбраковкам подверглнсь десятки, сотнн тысяч людей.

Ковариую роль сыграло иадумаииое, самодовольиое учеиие об особой партийиой иравствениости, когда партня сравиивалась чуть ли ие с закрытым ордеиом меченосцев. Опять-такн было забыто, что иравствеииая коиституция человечества едииа, одиа для всех, что оиа выработаиа гумаиистическими прозрениями в течеиие всей истории иародов. Не было и иет иикакой иужды нзобретать свой особый моральиый кодекс. В этом плаие социалнзм может н должеи ие изобретать свои кодексы, а открывать свои колоссальиые практическне возможиости для оптимальиого следования общечеловеческим заветам. Имеиио в этом — а это иемало, это очеиь миого — кореииое отличие в иравствеииом смысле социализма от капитализма. Здесь классовые различия определяются объемом возможиостей, условий для реалнзации всечеловеческого иравствеиного идеала.

Сталиищииа извратила иравствеииые истоки партии, разобщи-

ла, размежевала, разорвала единство политики и нравственности. В застойные времена процветали обман, лицемерие, наглый прагматизм группировок мафиозного толка.

После смерти Сталина партия предприняла попытку очищения, возврата к нравственным истокам. Довести дело до конца не удалось. Три года назад было положено начало новому мощному усилию к самоочищению — началась перестройка. Сделано немало, но тормозящие силы велики, они нарастают и еще будут, по-видимому, нарастать.

Перестройка идет рывками. Последний рывок в связи с подготовкой к XIX партконференции очень серьезный, очень важный — партия, похоже, отважилась внимательно, не спеша, основательно посмотреть на себя в зеркало.

Хватит ли мужества, терпения, выдержки доглядеть до конца, до исчерпывающей ясности?

Тут есть один момент, во многом определяющий. Как только мы приступаем к анализу нашей партийной истории, нас охватывает оторопь от открывающихся ошибок, беззаконий, преступлений. Нас охватывает страх, что последовательный объективный анализ истории партии не оставит просвета: сплошная чернота, в лучшем случае серота. И мы начинаем искать выход там, где его нет и быть не может: бросаем обвинения в очернительстве, подкрашиваем прорехи, которые вроде бы еще можно подкрасить, характеризуем Сталина как всего лишь противоречивую фигуру и в конце концов почти открыто говорим, что есть, знаете ли, вещи поважнее правды.

Между тем, как мне представляется, положение совсем не безвыходное. Нет необходимости метаться и нервничать. Надо просто нормально, спокойно, непредвзято посмотреть на сложную, драматическую, неповторимую, единственную в своем роде историю нашей партии. Надо наконец увидеть и признать, что, хотя партия у нас одна, ее история после смерти Ленина раздваивается, имеет не одну единую линию, а две линии развития, которые хоть и переплетаются, но не сливаются, различимы. Надо видеть, что наряду со сталинщиной, этой прямой изменой ленинскому нравственному началу, в партии была, всегда была, все годы была и линия, верная Ленину, верная духовному, человеческому благородству.

Речь идет не просто об отдельных случаях, отдельных стойких личностях, отдельных гуманистических эпизодах. Речь идет именно об исторической линии, нравственной линии в истории нашей партии.

Мы просто плохо знаем, совсем почти не знаем эту сторону истории партии. Мы совсем почти не знаем ее героев, святых нашей партии. А ведь это десятки, сотни, тысячи людей. Это широкий спектр нравственных проявлений партийцев. Тут и случаи самоубийства как крайней формы неприятия сталинщины. Тут и прямые, нелицеприятные заявления своей ленинской позиции в условиях, когда это могло стоить жизни. Тут и мужественная защита безвинно обвиненных, случаи прямого коллективного неподчинения, перед силой которых даже Сталин порой отступал. Тут и предупреждения об опасности, чтобы человек мог успеть спрятаться, спастись. Тут и моральная поддержка в сталинских застенках, в укреплении надежды, веры в возрождение попранных идеалов, веры в то, что массовые репрессии не закон социализма, а трагическое отступление от его целей. Тут и невиданное напряжение внутренних сил, даже трудно понять, откуда они брались, чтобы, несмотря ни на что, старательно трудиться, побеждать фашистских оккупантов,

содействовать укреплению мощи первого в мире государства социализма, которому, как верили честные коммунисты, суждена не только сталинская, но и иная, благородная, человечная будущность.

Так что сплошной чериоты нет, н для того чтобы не создавалось такое ощущение, вовсе не требуется переиначивать, перекрашивать, прятать от глаз даже самые ужасающие факты. Духовный, нравственный заряд, который был заложен при зарождении партии, в годы подготовки к революции, в дни Октября, после Октября, пока жил Ленин, этот заряд был иастолько мощен, настолько сильиым в нем было народное начало, что сила эта никогда не иссякала, не исчезала. Эта сила не едва-едва дышала, не едва выжнла, а оказалась способной вывести партию сначала к XX съезду, а теперь к революционной перестройке.

Недавно в «Огоньке» была опубликована статья о лениияградском социологе и журналисте А. Н. Алексееве. Какая мощь непокоряющейся нравственности, какая последовательность в отстаивании демократизма, какая иесгибаемая вера, что правда возьмет свое. Алексеева исключили из партии, из Союза журналистов, отовсюду за качества и поступки такой высокой пробы, какие и не снились тем, кто его исключал. Сегодия он восстановлен в партии, восстановление шло трудно, с перебоями, с противодействием. Так же трудно, с протнводействиями в партии идет сегодня воссоединение политики и нравственности. Объем работы здесь предстоит огромный. В этой связи представляются чрезвычайно важными два момента.

Нравственность связана с процессами оценивания. Оценки, критерии, процедуры оценивания — нравственно образующий фактор. Тут есть свой закон: если мы хотим поднять уровень нравственности, очень важно обеспечить широкие возможности для свободного, равноправного, взаимного оценнвания деятельности коммунистов, независимо от рангового положения. Многие годы было так, да и сейчас еще сохраняется, что вышестоящие уверенно давали свои оценки нижестоящим, а обратные оценки оставались невысказанными, необнародованными, скапливались в душе, давили душу. Нарушалась обратная связь оценок, грубо нзвращалась борьба оценок. Между тем невысказанные и необнародованные оценки, их скопление оказывают разрушительное воздействие: вызывают эскалацию экстремизма, взрывы негодования, нервные срывы или, наоборот, тихо, медленно, незаметно разлагают духовные силы человека, порождают тягостную иронию, стойкий скепсис.

С процессамн взаимного оценивания в обществе, а тем более в партии играть опасно. А ведь пока по-прежнему остаются непроницаемыми для обратных оценок многие аппаратные структуры на всех уровнях руководства.

Свобода взаимного оценивания деятельности друг друга, собственно, и есть настоящая социалистическая свобода. Полнота именно этой свободы предоставит нам возможность выйти на полноценное, неусеченное, серьезное соревнование с кем угодно.

Второй момент касается одного, на мой взгляд, универсального критерия оценивания деятельности людей и организацнй. Я имею в виду возможность использовать в этом качестве абсолютно достоверный факт — краткость человеческой жизни. Это факт, ко многому обязывающий общество, государство, партию. Когда что-то планируется, когда принимаются решения на любом уровне, особенно на высшем, когда устанавливаются те или иные правила, порядки, процедуры, первое, о чем надо помнить,— это то, что человеку отпу-

щен недолгий срок под этим небом. В конце концов вся деятельность по управлению обществом сводится к созданию определенной структуры трат коротенького жизненного времени человека. Что еще мы можем сделать для человека больше, как позаботиться, чтобы он не растранжиривал дни и годы своей короткой жизни попусту?

Страшно подумать, сколько часов, дней, сколько лет сжирал и еще сжирает у нас наш непрошибаемый бюрократизм! Стояние в очередях, добывание справок, резолюций, билетов на поезд, в театр — чего ни коснись! Пьесу, бывало, пишешь год, потом три года пробиваешь. Жизненное время всякого человека бесценно, а уж одаренного талантом — и говорить нечего. Сколько мыкаются наши изобретатели, а ведь это настоящие чудотворцы, один изобретатель может дать больше народу, чем целый завод. И уж если в нашей жизни, полной дефицитов, кому-то и надо предоставлять разного рода льготы, пайки, то это в первую очередь им.

Все надо сверять по этому надежному критерию — одновременно и человечному, и экономичному. В последние годы наконец озаботились охраной природы, но ведь в нашей отечественной природе самое драгоценное — это наши соотечественники, недолгое жизненное время каждого из нас. Вот в чем нам нужно соревноваться с Западом, и выиграть в этом соревновании,— как используется жизненное время человека, у кого — у нас или у них — продуктивнее расходуются дни и годы жизни. Может создать некую государственную экспертизу по проверке «планов наших громадья» под этим углом зрения?

Недавно я давал одному хорошему человеку рекомендацию в партию. Напечатал на машинке, расписался. Он отнес в партбюро — говорят: не годится, надо ручкой. Переписал ручкой. Опять не годится: надо обязательно фиолетовыми чернилами. Мне было жалко не своего времени, я привык, было стыдно перед молодым человеком, который при первом соприкосновении с партией, еще не вступив в нее, должен был горько усмехнуться, удивляясь нашей партийной канцелярщине.

Убивать человеческое жизненное время — преступление. Эта форма преступности у нас пока широко распространена, вошла в привычку. Не потому ли мы так безжалостны к жизненному времени человека, что еще сравнительно недавно были безжалостны к самой его жизни как таковой?

Перестройка идет рывками, трудно. В партии, увы, тоже. Лицом к лицу сталкиваются две исторические традиции: сталинская, антидемократическая, и ленинская, демократическая. По существу, это две политические культуры в одной партии, два лица нашей партии. Одно из них, представленное такими коммунистами, как ленинградец Алексеев, обещает после очень трудного переходного периода возрождение нравственных ценностей, слияние политики и человечности.

Конечно, пока об этом нужно говорить только как о перспективе. Но это реалистическая перспектива. И это, по сути, единственная перспектива. Потому что, если процессы демократизации будут пресечены, если перестройка будет отброшена, нашу партию ждет моральная смерть. Во всяком случае, таково мое личное убеждение. Или перестройка станет необратимой, или партия необратимо начнет чахнуть. Здоровые силы при таком повороте событий из партии уйдут. Или их уйдут.

Следовательно, эта перестройка для нас решающая, нет другого выхода, как довести *эту перестройку до полного завершения.* Это уже не просто задача, это судьба.

Д. Лихачев

Академик

Тревоги совести[1]

Когда-то, очень давно, мне прислали важное издание «Слова о полку Игореве». Я долго не мог понять: в чем дело? В институте расписались в том, что книгу получили, а книги нет. Наконец выяснилось, что взяла ее одна почтенная дама. Я спросил даму: «Вы взяли книгу?» «Да,— отвечает она.— Я ее взяла. Но если вам она так нужна, я могу ее вернуть». И при этом дама кокетливо улыбается. «Но ведь книга прислана мне. Если она вам нужна, вы должны были ее у меня попросить. Вы же поставили меня в неловкое положение перед тем человеком, который ее прислал. Я даже не поблагодарил его».

Повторяю: давно это было. И можно было бы забыть об этом случае. Но все-таки вспоминаю иногда о нем — жизнь напоминает.

Ведь действительно, кажется, какой пустяк! «Зачитать» книгу, «забыть» вернуть ее владельцу... Сейчас это стало как бы в порядке вещей. Многие оправдываются тем, что мне, мол, эта книга нужнее, чем владельцу: я без нее обойтись не могу, а он обойдется! Распространилось новое явление — «интеллектуального» воровства, вроде бы вполне извинительного, оправдываемого увлеченностью, тягой к культуре. Иногда даже говорят, что «зачитать» книгу — это вовсе не воровство, а признак интеллигентности. Подумайте только: бесчестный поступок — и интеллигентность! А не кажется ли вам, что это попросту дальтонизм? Нравственный дальтонизм: мы разучились различать цвета, точнее, отличать черное от белого. Кража есть кража, воровство есть воровство, бесчестный поступок остается бесчестным поступком, как бы и чем бы они ни оправдывались! А ложь есть ложь, и в конце концов я не верю, что ложь может быть спасение.

Ведь даже проехать «зайцем» в трамвае — это то же воровство. Нет малой кражи, нет малого воровства — есть просто воровство и просто кража. Не бывает малого обмана и большого обмана — есть просто обман, ложь. Недаром же говорится: верен в малом — и в большом верен. Когда-нибудь случайно, мимолетно вспомнится вам незначительный эпизод, когда вы поступились совестью в самом будто бы безобидном и ничтожном, и вы почувствуете укор совести. И вы поймете, что если кто и пострадал от вашего пустякового, ничтожного поступка, то пострадали прежде всего вы сами — ваша совесть и ваше достоинство.

...Новое противостоит старому, хотя, может быть, не всякое новое лучше старого. Как свет противостоит мраку, так разум и мудрость противостоят невежеству и безрассудству. Это вечное противостояние. И если продолжить цепочку сопоставлений, вернее, противопоставлений, то звеньями ее должны связаться любовь и ненависть, жестокость и милосердие, вражда и мир, дружба и неприязнь и, конечно, правда и ложь. Окажется, таким образом, что вся наша жизнь

[1] Лит. газ. 1987. 1 янв. и 9 сент. Записал и вел беседу Н. Тюльпинов. Печатается с сокращениями.

находится в постоянном борении, в преодолении одними силами других. Это извечный закон, и, вероятно, не будь такого вековечного противостояния, не существовало бы ни самой жизни, ни самого мира. Однако когда нарушается в душах людских равновесие сил, противоборство обостряется.

Стали привыкать жить двойной жизнью: говорить одно, а думать другое. Разучились говорить правду — полную правду, а полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрывается щитом частичной правды.

Стала исчезать у нас совестливость. Говорю об этом, обязан говорить, потому что мне в своей жизни множество раз не по личным делам, а по таким, которые имеют огромное значение для сохранения нашей культуры, приходилось сталкиваться с людьми, у которых чувство совестливости отсутствовало.

Тот, кто бывал в Ленинграде, знает портик Руска— один из шедевров градостроительства в нашем городе. Стоит он теперь не на своем месте, а чуть в стороне от общего порядка Невского проспекта. Как он тут оказался? Запланировано было строительство станции метро. Портик «мешал»: его собирались убрать. Я пришел к бывшему главному архитектору Ленинграда и как профессионалу объяснил ему, что портик Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, что в этом и был градостроительный замысел Руска. Главный архитектор выслушал меня, не возразил, вызвал помощника и сказал: «Значит, надо обдумать положение. Вот Дмитрий Сергеевич Лихачев просит не разрушать портик Руска, и у него есть основания. Обдумайте, как тут быть, как, не разрушая, построить станцию метро». То есть до какой степени человек врал! Полагаясь на его слово, я не стал обращаться к помощи прессы. Через некоторое время портик Руска был разрушен, а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: «А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим».

И действительно — восстановили... Но ведь есть вещи невосстановимые, невоспроизводимые, например колонна. Она — как живое тело, она ведь немножко неправильна, сужение кверху у колонны идет не по прямой линии. Колонна — это скульптура... Что сейчас с портиком Руска? Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны — не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту.

Обычная тактика наших градостроителей — внезапность и темпы. Когда общественность поднимает свой голос в защиту памятников старины, которые предназначаются к сносу, градостроители делают вид, будто прислушались к этому голосу. Всячески успокаивают, чтобы усыпить бдительность — и нанести внезапный удар. Успешная, беспроигрышная тактика!

По этой тактике в одну ночь (или в один день) с лица земли в Ленинграде был стерт Пироговский музей.

Вроде бы горький опыт уроков должен был бы научить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе — беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но — научил ли? Вот в Москве, в заповеднике Коломенское, идет наступление Метростроя. Уже давно территория заповедника урезается под разными предлогами, а теперь предполагается построить станцию неглубокого залегания. Таким образом, один из важнейших историко-культурных запо-

ведников, а вместе с инм н однн нз прекрасиейшн лаидшафтов иаходится под угрозой разрушеиня. Конечио, н иа сей раз обошлнсь без мнеиия общественности.

А разве можно забыть совсем недавнюю нсторию, которая произошла в Леиинграде с домом Дельвнга?

Когда-то, помнnте, герон Достоевского стремнлнсь в Европу, чтобы прикоснуться к древинм камиям. Не пора лн нам наконец пpнкоснуться к своим древним камням, к своей памятн, к своей культуре?

Правда, сейчас в общественном созианнн пронсходят очень важные перемены: люди уже не стремятся нзображать нз себя упорных, последовательных, узкнх нсполнителей чужой воли, что раньше считалось чуть лн не достоннством. Отношенне к нсторнн нзменнлось иастолько, что защнтинкн старнны появнлнсь как раз нз чнсла тех, кто раиьше старнну разрушал.

И это очеиь отрадное явлеине. Я нмею возможность сравннвать с нным годамн н могу сказать, что временамн общественное созиаине стаиовнлось нным: честиым людям было очеиь трудио. Сейчас оио нзменилось н дает возможность выдвинуться хорошнм людям, значнт, н дурные людн вынуждены прятаться, маскнроваться, скрывать свое озлоблеине, свон дуриые качества, иеблаговндиые поступкн. Им приходнтся прнтворяться хорошимн, доброжелательиымн, воспнтаиными и т. д. Пусть прнтворяются: со временем их смеият подлиино хорошие, потому что — я верю в это — за переменой общественного созиаиия наступнт перелом и в характерах людей. Будет больше по настоящему добрых н честных людей. В здоровом, открытом обществе прн нашнх сегодняшних требованнях гласности, общественного обсуждения уже вряд лн кто пойдет на обмаи общественности, иа прниятне какнх-то своих волевых решений, на аноинмкн или доиосы. Это будет уже трудиее.

Отсутствие совестлнвости у людей, занятых в хозяйстве, в экономике, наиоснт ущерб материальиый. Отсутствие совестливости у людей, ответственых за культуру, иаиоснт ущерб, ие выражающнйся материальио. Но если в экономнке можно наверстать упущенное, то ущерб в культуре чаще всего невосполннм. Впрочем, без перемены клнмата в нашей культуре н экоиомнка ие сдвинется ии иа шаг.

Честь, порядочность, совесть — это качества, которымн дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств н человек — ие человек.

Я получил недавио письмо, в котором школьннца пншет о своей подруге. Учнтельиица литературы дала заданне этой подруге иаписать сочинеине об очень крупиом советском пнсателе. И в этом сочииенин школьинца, отдавая должиое и геииальностн писателя, н его зиачению в истории литературы, иаписала, что у иего былн ошибки. Учительинца сочла это иеуместиым и очень ее браиила. И вот подруга той школьиицы обращается ко мне с вопросом: можио ли писать об ошибках велнких людей? Я ей ответнл, что ие только можно, ио и иужио писать об ошибках великих людей, что велик человек ие тем, что он ни в чем ие ошибался. Никто не свободеи от ошибок в иашей жизни, в иашей сложиой жизни.

Но еще и другая сторона есть в этом вопросе. Может лн учеиица высказывать миение, ие соответствующее взглядам учителя? Мие кажется, что учнтель должеи поощрять самостоятельность мышления своих учеииков. Потому что если ои будет заставлять прндерживаться только своего собствеииого мнеиия, то представьте, что может получиться с тем учеииком, когда он выйдет нз школы, окажется рядом какая-то сильиая, ио дур-

ная личность, которая будет внушать ему свои мнения. Он не сможет им противостоять. Да ему нечего противопоставить, потому что у него нет ничего своего. Ведь если человек не умеет отстаивать свое мнение, а умеет только слушаться, он может послушаться дурного человека, забыв о совести и чести. И ведь бывает, что первые ученики, глядящие в рот своему учителю, потом оказываются на самом деле иногда и плохими людьми, у них нет самостоятельности, у иих нет умения отстаивать свою точку зрения. Они привыкли слушать других, слушать только то, что им говорят, и повторять только то, что им говорит преподаватель. Умение отстаивать свою точку зрения — это же очень важно. И оно крайне важно в нашей государственной и общественной жизни. Только тогда мы сможем быть уверены, что человек ие попадет под дурное влияние, будет жить по совести.

Совесть — понятие очень сложное, и, конечно, сложно требовать от каждого человека совестливости. Но требовать чести можно, потому что бесчестный поступок на виду, он явно замечается общественным мнением. Бесчестные поступки рождают разные обстоятельства. Допустим, человек не ищет личных выгод, привилегий, ои хороший товарищ, хороший директор учреждения. Это ведь большое достоинство — быть хорошим товарищем и хорошим директором учреждения. И для того чтобы учреждение получило дополнительные средства, фонды, он придумывает ему бо́льшую работу, которая, в сущности, неадекватна расходам на эту большую работу, иеадекватна штатам. Он защищает штаты, защищает людей. Выполняет долг руководителя. Но все-таки нарушает закон чести, идет на сделку с совестью, хотя перед лицом своей личной совести ои, может быть, и прав: ему удалось сохранить место Ивана Ивановича и Марьи Ивановны. Но тут возникает сложнейшее расхождение между долгом, честью и совестью.

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на различие между совестью и честью. Совесть подсказывает. Честь действует. Совесть всегда исходит из глубины души, и совестью в той или иной мере человек очищается. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу понятия, как, скажем, дворянская честь, но «честь мундира» остается. Точно человек умер, а остался мундир, с которого сняты ордена и внутри которого уже не бьется совестливое сердце. «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники людьми («наша стройка важнее») и т. д.

Честь истинная — всегда в соответствии с совестью. Честь ложная — мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, «чиновничьей») души. И мираж вредный, созидающий ложные цели, ведущий к расточительству, а иногда и к гибели подлинных ценностей.

Поэтому честь должна быть в гармонии с совестью. Честь и совесть надо рассматривать не только в плане личных отношений, но и в государственном масштабе. Если человек совершает добрые поступки, как это часто бывает, не за свой счет, а за счет государства, то это уже не доброта, не бескорыстие, а делячество и хитрость.

В чем выражается внутренняя честь? В том, что человек держит

слово. И как официальиое лицо, и просто как человек. Ведет себя порядочно — не нарушает этических норм, соблюдает достоииство, не пресмыкается перед иачальством, перед любым «благо-дающнм», не подлажнвается к чужому мнению , ие упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные счеты, не расплачивается с нужными людьми за счет государства разлнчиымн поблажкамн, устройством на работу нужиых людей н так далее. Вообще умеет отлнчать личное от государствеииого, субъективное от объективиого в оцеике окружающего.

Честь — это достоннство нравствеино живущего человека.

Вот в «Литературной газете» не так давно была напечатаиа хорошая статья о том, что на выборах надо выдвнгать не одного, а нескольких каиндидатов. И это правильио. Это очеиь важно, потому что тогда человек, которого выбрали в органы государствеииой власти, будет активеи, будет дорожнть своей репутацией н своей честью, ои будет знать, что еслн станет трудиться не на благо общества, а только ради собствениых прнвнлегий н выгод, то в следующий раз выберут другого.

Да н просто руководнтель, который запятнал свою честь хитростью или обмаиом, должен быть сият со своего поста. Ему нельзя быть руководителем, пусть он и обмаивал радн ннтересов своего учреждения.

В последиие годы особенно остро мы почувствовали недостаток, дефицит гражданской совести. Не то чтобы в нашей общественой жизни скопнлось так миого пороков, непрнглядиых явлений; ие то чтобы слишком миого людей оказались замешанными в махииациях, в неблаговндиых поступках н этн иеблаговидные поступкн слишком долго оставались безиаказаииымн. Мы почувствовали дефнцит граждаиской совести потому, что молчали. Вроде бы были и объектнвиые прнчины у иашего молчаиия: совершавшне дурные поступкн людн занимали ключевые посты. И тем ие менее это ие снимает ответствеииости и с нас самих, ие оправдывает и иашей с вами вины. Мы же все виделн н... молчалн. Молчала иаша совесть.

Что же мы — боялись? В правде иет страха. Правда н страх — иесовместнмы. Мы должиы бояться только своих порочиых мыслей, мыслей, иеуважительных по отношеиию к иашнм друзьям, иеуважительиых по отиошеиию к любому человеку, к иашей Родине. У нас должен присутствовать едииствеииый страх: страх лжи. Вот тогда и будет в нашем обществе здоровая иравствениая атмосфера.

С самого начала, как только повеяло ветром перемеи, иекоторые стали поговарнвать, что продержнтся это иедолго, что перестройка — явлеиие времеииое, что это якобы очередиая кампаиия. Так они пытались успоконть самих себя и окружающнх. И, разумеется, оии ждалн — н сейчас еще ждут,— что волна пойдет иа убыль, на спад. Кое-кто предпочитал присмотреться, в какую сторону подует ветер. Наблюдались, однмм словом, н настороженность, н растеряиность, и хотя не явиое, ио все же вполие ощутимое желаиие противодействовать тому подъему, который охватнл иаше общество. А это ведь — иастоящий подъем!

Вы посмотрите, что происходит в иашей литературной жизни, какое оживление в ней, на глазах меияется атмосфера. Стали появляться публикации произведеинй писателей, которые по тем или ниым причниам длительное время не печатались (я ие говорю о том, что оии были предаиы забвению — забыты они не были иикогда). Читатели, по крайней мере подавляющее их большинство, доброжелательио встретили публикацни. Одиако раздались н голоса: зачем иам это

нужно? Кое-кто из «чиновников от литературы» — противников обновления — прибегает к недозволенным приемам: в качестве как бы некоего аргумента на первый план выставляются сложности пути, сложности биографий этих писателей или поэтов, как, скажем, Гумилева, или же наименее удачные их произведения, уязвимые стороны их творческих дарований, и на этом основании делаются выводы о мнимой «вредности» их творчества, «вредности» их взглядов для наших читателей. Тут уместно напомнить, как Ленин отнесся к острейшей сатире Аверченко, вопреки ее недоброжелательности: посоветовал перепечатать некоторые рассказы, назвав их талантливыми.

Мне совсем недавно привелось прочесть роман Пастернака «Доктор Живаго». Меня попросили написать о нем статью, и я ее написал. Я вспомнил: мнение об этом романе в свое время высказали наши уважаемые писатели. Но вот о чем я подумал, читая роман: многое сейчас воспринимается по-иному, и, видимо, он нуждается в новой оценке, как это мы делали по отношению к некоторым другим произведениям нашей литературы.

Помните: 20 лет назад вошел в нашу жизнь Булгаков со своей острейшей и веселой сатирой, со своим романом «Мастер и Маргарита». Так что же произошло? Случилось что-нибудь? Да, случилось: мы получили прекрасное произведение, которое «работает» на нас, а не против нас! Нам нужна сатира — острая, бичующая наши пороки и веселая. Она нам будет помогать!

Нам давно пора было начать «разгребать» архивные «залежи». Широко открыть двери для той литературы, которую мы так долго замалчивали. Вернуть ее народу, нашей культуре. Это и неизбежность, и необходимость. Благодаря тому, что журналы стали публиковать «залежавшиеся» в архивах произведения, создаются благоприятные условия и для развития литературы современной: возрастает культура — повышается уровень требований к тому, что пишется сегодня. Произведениям серым, проходным, конъюнктурным, роняющим достоинство литературы, не выдержать духа соперничества с произведениями высокой культуры, требовательного нравственно-этического содержания. А разве не радость то, что мы широко открываем двери для нашей богатейшей литературы и прошлого, и настоящего?! А разве не радость сознание того, что торжествует справедливость и дань должного воздается тем писателям, к творчеству которых мы так долго и упорно относились с несправедливой и унижающей наше достоинство подозрительностью!

Вместе с тем, как ученый, я могу согласиться с тем, что подобным публикациям вредна атмосфера ажиотажа, некоего «бума». Они должны стать обычным делом, как всякая нормальная, естественная работа, но работа последовательная и непрерывная, без всяких заминок и пауз. Между тем здоровая мысль о том, что не следует создавать «бума», ажиотажа, особенно в юбилейном году, иногда понимается превратно: под этим флагом в иных журналах и издательствах «перекраиваются» планы, выбрасываются произведения, которые столь долгое время ждали своего часа и которых ждали и ждут читатели.

Наша сегодняшняя литература необычайно богата и разнообразна. Однако на литературном небосклоне наряду с заметными, действительно заметными явлениями немало и ложных звезд: якобы крупнейшие наши писатели на самом деле оказываются пустышками. Я знаю случай, когда никто не хотел подписываться на собрание сочинений одного такого писателя. Выход был найден: подписка чуть ли не в приказном порядке бы-

ла разверстана по всем армейским библиотекам. Но зачем эти «сочинения» (добро бы они были на военную тему!) в армии, если они не нужны читателям гражданским!

Лет 20 тому назад в Отделении литературы и языка АН СССР украинский ученый-статистик выступил с очень интересным сообщением о резком падении чтения классики. Думали, что оно в какой-то мере вызвано падением уровня культуры или падением читательского спроса на классику. Оказалось, ничего подобного: интерес и спрос есть, и они вовсе не понизились, а попросту издательства выпускают книги современных писателей за счет классики! И ведь посмотрите: сколько словесного мусора выпускается! Об этом говорилось на писательском съезде, правда, к сожалению, в довольно отвлеченной форме: никто не говорил о том, почему выпускаются серые произведения. А сказать надо: потому, что их авторы принадлежат к категории так называемых влиятельных людей в Союзе писателей. От них зависит издательство «Советский писатель», они могут потребовать, чтобы и «Художественная литература» выпускала их собрания сочинений. Сколько ныне живущих писателей обзавелись «собраниями» в пяти, а то и в десяти томах! Между тем тридцатитомное собрание сочинений Достоевского выпускается вот уже 15 лет! Допустимо ли это? Конечно, недопустимо. А попробуйте свободно купить Лескова, Бунина, да даже Пушкина, Гоголя, Лермонтова — то, что составляет нашу национальную гордость. Не купите. Сейчас выходит собрание сочинений замечательного писателя Михаила Зощенко. Но сколько усилий понадобилось для того, чтобы «пробить» его! Когда же зашел разговор о том, чтобы включить в собрание повесть «Перед восходом солнца», один из ответственных работников издательства заявил членам комиссии по литературному наследию Зощенко: «Повесть включать нельзя, о ней говорилось в постановлении, а постановление никто не отменял».— «Да вы прочтите повесть! В ней нет никакого «криминала»!»— настаивали члены комиссии. «Мне незачем читать повесть. Я читал постановление».

К счастью, впоследствии все-таки удалось вернуть повесть в собрание сочинений, из которого она была выброшена.

Для меня лично нет никакого сомнения в том, что нам нужно научиться признавать собственные ошибки, ибо признание ошибки не только не умаляет достоинства и человека, и общества, а, напротив, вызывает чувство доверия и уважения как к человеку, так и к обществу.

Литература — это совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоят в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Собственно, для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать. Я как специалист по древней русской литературе могу с убежденностью сказать, что русская литература не молчала никогда. Да и разве можно считать литературу литературой, а писателя писателем, если они обходят правду, замалчивают ее или пытаются подделаться под нее? Литература, в которой не бьется тревога совести,— это уже ложь. А ложь в литературе, согласитесь,— худший вид лжи.

Что человеку важно? Как прожить жизнь? Прежде всего, не совершить никаких поступков, которые бы роняли его достоинство. Можно не очень много сделать в жизни, но если ты не делаешь ничего, даже мелкого, против своей совести, то уже этим самым ты приносишь колоссальную пользу. Даже в обыденной нашей, повседнев-

ной жизни. А ведь в жизни могут быть и тяжелые ситуации, когда перед человеком стоит проблема выбора — быть обесчещенным в глазах окружающих или в своих собственных. Уверен, что лучше быть обесчещенным перед другими, нежели перед своей совестью. Человек должен уметь жертвовать собой. Конечно, такая жертва — это героический поступок. Но на него нужно идти.

Когда я говорю о том, что человек не должен идти против своей совести, не должен совершать с ней сделку, я вовсе не имею в виду, что человек не может или не должен ошибаться, оступаться. Никто не свободен от ошибок в нашей сложной жизни. Однако человека, который оступился, подстерегает серьезнейшая опасность: он нередко приходит в отчаяние. Ему начинает казаться, что все кругом подлецы, что все лгут и скверно поступают. Наступает разочарование, а разочарование, потеря веры в людей, в порядочность — это самое страшное. Как-то один мой сослуживец сказал, что он не верит ни одному человеку, что все люди прохвосты. Оказалось, что когда-то, когда он очень нуждался, у него из письменного стола украли зарплату. Я понял, что и мне ему верить нельзя: человек, убежденный только в силе зла, может и сам украсть деньги из чужого стола.

Да, говорят: «Береги честь смолоду». Но если даже не удалось сберечь честь смолоду, ее нужно и можно вернуть себе в зрелом возрасте, переломить себя, найти в себе смелость и мужество признать ошибки.

Я знаю человека, которым сейчас все восхищаются, которого очень ценят, которого и я в последние годы его жизни любил. Между тем в молодости он совершил дурной поступок, очень дурной. И он мне рассказал об этом поступке. Сам признался. Как-то мы плыли с ним на теплоходе, и он сказал, опершись на поручни палубы: «А я думал, что вы со мной и разговаривать не станете». Я даже не понял, о чем он: мое отношение к нему изменилось гораздо раньше, чем он признался в грехах молодости. Я уже сам понимал, что он многое не осознавал из того, что делал...

Путь к раскаянию может быть долгим и трудным. Но как же украшает мужество признать свою вину — украшает и человека, и общество.

Тревоги совести... Они подсказывают, учат: они помогают не нарушать этических норм, сохранять достоинство — достоинство нравственно живущего человека.

* * *

— Дмитрий Сергеевич! Конечно, мы предполагали, что в ответ на публикацию ваших «Тревог совести» редакция получит много писем: ваши выступления всегда вызывают активную реакцию читателей. Но, признаться, не ожидали, что, соглашаясь с вами в главном, в том, что противостоять лжи необходимо, читатели в то же время остро поставят вопрос о цене такого противостояния. Вот читатель Голдовский из Запорожья пишет: каждая его попытка «поступать по совести... заканчивалась сокрушительным поражением». Одним словом, донкихотство дорого стоит — ложь не побеждаешь, а собой жертвуешь.

— Совесть, гражданская совесть, всегда требует не только личной позиции, но и мужества. И жертвы. Я подчеркиваю: именно жертвы.

— Да, но если бы человек только собой жертвовал! А то ведь приходится расплачиваться еще и ближними, и не всегда можно поставить на карту их спокойствие и благополучие.

— Конечно, в жизни далеко не все так просто. Не страшно, если приходится жертвовать собой,— это я могу сказать по своему опыту.

Неизмеримо сложней, когда приходится жертвовать интересами своих детей, своих близких. И те, кто пользуется этим, чтобы оказать на вас давление, принудить вас поступаться вашей совестью,— самые бесчестные люди.

Но, с другой стороны, какая же совесть без борьбы? Легко быть совестливым человеком, если все идет навстречу вашей совести. Ведь совесть тогда-то и ценна, если она заставляет человека бороться с собой, если ему приходится преодолевать сопротивление тех, кто принуждает поступаться ею. Приходится действительно выбирать. И если вы найдете в себе не только мужество для борьбы, но и слова убеждения для близких, я уверен, ни один человек не в силах заставить вас пойти на сделку с совестью.

...Вообще у нас к людям беспокойным, преданным своему делу относятся с подозрительностью и недоверием. Существует порочная практика: если беспокойному человеку приходится уйти с одной работы, то на новом месте о нем непременно наводят справки, запрашивают характеристики. Человек попадает в страшную, просто крепостную зависимость: он не может уйти от своего «барина», а «барин» на него уже обозлен и мстит вдогонку. Я знаю десятки случаев, когда страдали прекрасные специалисты, в том числе и ученые...

— Вот она, ситуация выбора в чистом виде, о ней-то и пишут читатели. Как же быть? Поступаться совестью?

— Нет, ни в коем случае. Сопротивляться, добиваться. Искать союзников. Действовать и действием утверждать свои жизненные позиции. Ведь те неудобства, лишения, даже беды, которые приходится переживать человеку из-за убеждений, ничто по сравнению с мучениями, духовными и душевными переживаниями, которые неизбежны, если он поступается принципами. Поверьте опыту моей многолетней жизни. Да ведь и то письмо Голдовского, в котором он признается, что его якобы «воспитали», принудили поступать бесчестно,— это ведь свидетельство его душевных и духовных переживаний.

— Кое-кто из читателей спрашивает: «А где же вы были раньше, когда творились все беззакония?» «Теперь разрешили говорить, вот вы и призываете к совести!» — пишет, например, Н. Козырев из Красного Луча и, цитируя вас: «Мы же все видели — и... молчали»,— возмущается: «Кто это «мы»? Думаю, зря вы распределяете эту вину на всех. Может быть, вам так легче, но я не согласен входить с вами в долю и произносить покаянные речи. Я не раз писал... выражая свое несогласие и протест по поводу того, что видел... Я всегда подписывался своим именем и рассчитывал на то, что мой голос должен и может слиться с другими голосами... Так что я не чувствую вины: я не молчал».

— Ни один человек не может сказать, что на нем нет вины: мы все виноваты за то, что происходило в последние десятилетия. Подчеркиваю: все без исключения. Это моя принципиальная точка зрения, в корне отличная от точки зрения Юрия Бондарева, о чем я уже сказал в коротком письме в «Советской культуре».

Если вы пользуетесь электроэнергией, газом, пользуетесь услугами транспорта, получаете зарплату, значит, вы причастны ко всему, что происходит. Никто не может сказать о себе, что он «чист», что он стоял в стороне, что он ни к чему не причастен. Такую позицию я разделить не могу. Более того, мне кажется, что сегодня сознание своей безупречности, непогрешимости породило другое чувство — чувство мщения, расплаты, желание расквитаться, обличить, судить других, а не себя. Гласность некоторые стали понимать как право надавать пощечин всем, кто

не нравится. Отголосок этих чувств я увидел в тех письмах, где читатели упрекают меня в «бесфамильной» гласности, в трусости, в том, что я не назвал имени писателя, который, потрясая пачками денег, учил Платонова: «Во как нужно писать, Платонов!» Не назвал имени бывшего главного архитектора города Ленинграда и т. д.

Нет, я не за бесфамильную гласность. Но обличение — дело ответственное и серьезное. Зло на зло — это уже два зла. Здесь я бы напомнил смысл древней мудрости, которая гласит: не обличай зло, да не возненавидят тебя. Обличай премудро, и послушают тебя. Для того чтобы вас услышали, нужна доброта. Правом судить нужно пользоваться осторожно, очень осмотрительно. Поэтому давайте постепенно привыкать и к другому слову — не только гласность, но и демократия. Вот когда оно во всей своей полноте войдет в нашу жизнь, мы не будем испытывать желания подменять подлинно свободный обмен мнениями, суждениями и взглядами сведением счетов, разоблачением и разоблачительством. Ибо разоблачение и разоблачительство — это кампания, действительно, как точно выразился один из читателей, «управляемая гласность», «выпускание пара». А демократия — норма жизни, естественное и постоянное состояние общества, его дыхание. Нам надо учиться демократии, учиться терпимости к чужим мнениям, умению выслушивать и возражать. Учиться равенству в споре...

— А возможно ли такое равенство? Читатели ведь именно в этом и сомневаются. Вот, например, ветеран войны и труда Александр Иванович Гузенко из Курска приводит разговор председателя райисполкома с просительницей, пожилой женщиной. Она — ему: «Я же голосовала за вас!» А он — ей: «Могли бы и не голосовать, меня бы все равно выбрали...»

— Читатель не совсем прав: именно система выборов начинает потихоньку меняться у нас в лучшую сторону. Но только начинает. И я могу согласиться: самая страшная наша беда — безнаказанность и неподконтрольность — порождает вседозволенность и цинизм у тех, кто наделен властью, а с другой стороны — безверие. Но никакие наши усилия не пропадают даром, ни одно движение души! И если бы я усомнился в неизбежности торжества правды, я бы мог считать, что моя жизнь потеряла смысл. Конечно, ничего не изменится, если каждый, не заглядывая в избирательные бюллетени, будет бросать их в урну. Но я бы спросил и того председателя райисполкома: каково вам сознавать, что вас никто не выбирал, что вы не избранник народа? Вы же, по сути, самозванец...

...Процесс демократизации крайне сложный и трудный. Нельзя не учитывать то, из какой бездны приходится выкарабкиваться нашему обществу. Недавно во Франции мне тоже говорили, что процесс демократизации происходит у нас слишком медленно. Но ведь нельзя забывать, что годы культа пустили глубокие корни в сознание целых поколений и с их духом покончить невозможно одним махом: это как крепостное право, которое, уже будучи отмененным, продолжало действовать, порождая и развивая рабскую психологию. Последствия культа Сталина осуждены и развенчаны, однако страх, который он вогнал нам в плоть и кровь, все еще сковывает и парализует сознание людей. А где есть страх — там нет правды. И все-таки никогда, даже в самые трудные времена, «стрелка» не стояла на месте.

Чтобы аналогичные прошлому ситуации не повторялись, нужна правда. Правда не только о прошлом, но и о недавнем прошлом, о настоящем. Читатели хотят знать правду о «деятельности» Щелоко-

ва, Романова и многих, многих других — и выше, и ниже рангом. Их требование абсолютно справедливо. Если мы будем говорить правду только задним числом, это не избавит нас от повторения прошлых ошибок. Только доверие, открытость способны противостоять насилию и преступлениям.

Литература, как известно, часть нашей жизни, часть нашей действительности. Отрадно, что это понимают мои корреспонденты. Вот инженер Марцев из Львова пишет: «Я не согласен с Вами в том, что у наших писателей были объективные причины для молчания... Просто существовал определенный «эшелон», который никогда не попадал на страницы их произведений, не исследовался, был неподсуден. Может быть, в трагедии Кунаевых и Щелоковых виновато молчание советской литературы?»

Литература — это барометр общества. Общее падение культуры, падение нравственности особенно заметно на литературе. То, что происходит в литературе, характерно для всей жизни общества. Посмотрите: и в науке, например, такое же засилье псевдоученой серости, псевдокандидатов и псевдодокторов. Засилье псевдоученых в естественных науках — как раз их усилиями и стараниями мы, по сути дела, загубили природу. Засилье бездарных ученых в науке гуманитарной, филологической, состояние которой самым непосредственным образом сказывается и на развитии технических наук.

Чего же можно ждать от литературы, если к ней не предъявляются высокие требования? Если у нас выходят в огромных количествах серые, никому не нужные книги, то вина за это ложится прежде всего на издательства. Посредственному писателю легче всего договориться с посредственным издателем. Они понимают друг друга с полуслова. Тут вступает в действие принцип: ты — мне, я — тебе. Изменилось ли что-либо сейчас? Да, читатели получили многое из того, что раньше не печаталось. Но тут же раздались обвинения в некрофильстве. Значит, если издается классика, если публикуются произведения прошлого,— это некрофильство? Но культура, подлинная культура не может быть трупом, она не умирает.

Отмечу в заключение, я очень рад откликам и очень доволен ими. И более всего доволен теми, в которых читатели спорят со мной. Равнодушные не спорят, они просто поступают по-своему. Но для того чтобы что-то изменить — тут я соглашусь с читателями,— мало покаянных речей. Пора переходить и к действиям.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ РАЗДЕЛА

Г. Попов

Обратного хода не имеет [1]

Под руководством партии мы уверенно продвигаемся по пути развития демократии и гласности, преодолеваем административно-командные методы руководства и управления. И в то же время звучат голоса людей, обеспокоенных этими процессами. Их тревожит

[1] Сов. культура. 1988. 7 апр.

многое: не расшатываем ли мы устои нашего строя, не захватит ли нас мелкобуржуазная стихия, не подрывается ли при этом святая вера в идеалы, не принижаем ли мы заслуги тех, кто строил социализм в годы, когда страной руководил Сталин? Раздаются и прямые призывы прекратить критиковать личность вождя.

Отзвуком подобных настроений, как отмечается в редакционной статье газеты «Правда», стал материал «Не могу поступаться принципами», опубликованный в «Советской России» 13 марта.

Конечно, было бы соблазнительно найти какое-нибудь элементарное объяснение появлению таких материалов. Например, предположить, что все дело в углублении гласности; раньше тоже были в редакциях такие письма, но их не публиковали и т. д.

Можно, далее, заподозрить тех или иных авторов в том, что их порывы не столь уж «натуральны» и «естественны». Можно ставить под сомнение порой и само авторство... Можно по материалу каждого конкретного автора найти конкретные темы для полемики, ошибки, передержки...

И все же надо более внимательно присмотреться ко всему этому течению в целом как социальному явлению нынешнего этапа перестройки.

Если думать об интересах перестройки, то что дает тезис о «потомках»? Кем и как будет числиться сын человека, вступающего в кооператив? А что ждет внуков директора, организующего совместное с капиталистической фирмой предприятие? А перешедшим на подряд рабочим не возьмется ли кто-то со временем напоминать о склонности к капиталистической меркантильности?

Оценка И. В. Сталина дана в докладе М. С. Горбачева. С этой оценкой как будто все согласны. В то же время вводится в оборот «мнение» У. Черчилля, которое, как выясняется, принадлежит вовсе не Черчиллю, а английскому троцкисту Исааку Дойчеру. Но даже если так кто-то из наших врагов и говорил, то к похвалам врага надо бы отнестись осторожнее. Как же можно думать, что наш изощренный политический противник вдруг начнет говорить правду ради нее самой? Опять-таки классовым подходом что-то не пахнет.

Одним из наиболее распространенных мотивов стал призыв не забывать успехов прошлого. И мы действительно можем ими гордиться. Социализм позволил в короткий срок ликвидировать в стране неграмотность, совершить культурную революцию, создать мощную индустрию, построить новые города... Но, как заметил когда-то В. И. Ленин, «военный коммунизм» — наша *заслуга,* но надо знать *меру* этой заслуги. Тем более неправомерно приписывать заслуги народа, партии одному лицу.

В школе я, как и все, учил то, что тогда называли «Историей СССР». Там нам говорили только об успехах. Но я изучал и великую русскую литературу, выдающийся учебник политики.

— Папаша! кто строил эту дорогу?
— Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька!

Н. Некрасов.
Железная дорога

В центре этого течения консерватизма стоит вопрос об оценке И. В. Сталина.

При этом набор аргументов в поддержку и в оправдание культа не обновляется. Все те же призывы «не чернить», «видеть и хорошее», «видеть главное», «ценить успехи», «не преувеличивать масштабы репрессий», «оценить личные достоинства Верховного» и т. д. и т. п.

Стремление «обелить», некритически отнестись к прошлому неиз-

бежно ведет к повтореиию идейных ошибок прошлого.

Так появляется иамек о «контрреволюцноиных нациях», по аналогии с оцеикой К. Маркса и Ф. Энгельса. Что сегодия может дать тезис о «контрреволюционых нациях», кроме подозрительностн н недоверня, кроме подрыва едииого фронта перестройки? А главное: почему прн социалнзме какая-то иацня может стать реакциоииой? Илн в снлу каких-то реальиостей самого соцнализма, поставившего эту нацню в такне условия? Но тогда прн чем здесь сама иацня? Или иарод стаиовится реакциоииым прн социализме в силу «вредоиосиой» природы иацнн? Но тогда это чистый расизм, и опять-таки сама иация уже иичего поделать ие может. Вот к чему приводит попытка прнвязать слова, отиосившнеся к иацням феодалнзма н капиталнзма, иациям, в которых тон задавалн господствующие в них эксплуататорские классы, к эпохе соцналнзма. Где тут классовый подход?

Или появляются пассажи о здравствующих сегодия (ие только по ту стороиу граиицы) потомках свергиутых революцией классов, басмачей, иэпмаиов, кулаков. Спрашивается: как увязать марксистскую теорию классовой борьбы н леиииское учеиие о классах как группах в общественном производстве с этой теорией классовых геиов, переходящих из поколеиия в поколеиие и перед которыми бессильиы все социальные механизмы? Это уже какая-то биология, причем иеиаучиая. Если классовое нутро остается вие нсторин, то тут о миогом иадо задуматься.

Как писал Н. А. Некрасов о таком техиическом достижеиии Россин, как железная дорога Петербург — Москва? Ои ие отрицал, что перед царем отвечал за дорогу граф Клейнмхель. Но Н. А. Некрасов ие вспомииает, был ли граф работоспособиым чиновником нли бездельииком. Не говорнт ои и о том, что сей граф назвал своими побочиых детей Николая I. Граф вообще ие иитересовал Н. А. Некрасова. Ои нскал *подлинного* строителя дороги. И верный *по форме* ответ геиерала о стронтеле дороги Некрасов дополиил: «...иасыпи узкие, столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то все косточки русскне...»

Некрасов был далек от того, чтобы не вндеть н графа — начальиика строительства, и купчину, и грабивших строителей грамотеев-десятников, иачальство, которое секло работииков и было убеждеио, что без этих порок ие было бы дороги. Но ои иаучил иас видеть за всем этим главиое: *кто строил и чего это стоило?* «...Массы народиые. Миогие — в страшной борьбе, к жнзии воззвав эти дебрн бесплодиые, гроб обрели здесь себе». Ои учил: «Благослови же работу иародиую и научись мужнка уважать». И после такого *урока трезвого анализа успехов,* который оставила иам иаша великая литература, становиться иа точку зрения геиерала-папаши?

Сколько их! куда их гонят? Что так жалобно поют?

А. Пушкин.
Бесы

Для меня иитересиы не сами по себе попытки реаиимацин культа лнчиости, а вопросы о том, кому и зачем это иужио *сегодня?*

Спрашивается: почему сегодия появляется теидеиция «защнтить вождя»? Без Сталииа н его методов создаииая им система быстро стала самой собой, зашла в тупик, привела страиу на граиь кризиса. Перестройка же — едииствеииый выход из ситуацин — некоторым руководителям оказалась ие по плечу. Хотя всем был даи шанс перестроиться, иные ие захотели этого сделать, а миогие просто ие смогли.

Именно онн ие знают, как вывестн экоиомнческую реформу нз засасывающего ее бюрократнческого болота экономнческнх ведомств. Именно к инм относнтся прежде всего то, что иа февральском (1988 г.) Плеиуме ЦК КПСС охарактернзоваио как «приверженность миогих партийиых комнтетов, их аппарата методам комаидоваиия», как попытки «ввестн гласиость, демократию в удобиые рамкн, прнструиить прессу», словом, «все «держать в кулаке», быть во всех делах высшей иистаицией». Имеиио эти кадры, иапример, ие зиают, как решать обостряющиеся иациоиальиые проблемы и проблемы молодежн. Словом, правильиую лииию партин иа перестройку эти руководители ие умеют и не могут превратить в систему коикретиых дел.

Что делать, этн кадры ие зиают! А вот уйти со своих постов они ни в коем случае ие хотят. И свой личиый тупик пытаются выдать за всеобщий, раздувают страхи, сеют паиику, как в свое время кадры, выросшие в условиях «воениого коммуиизма», изображали нэп как крах революции. И для того чтобы оправдать свое иежелаиие уйти, изыскивают мотнвы. Забота о спасении иаших идеалов, готовность ради идеалов обкорнать перестройку до заурядиой аппаратной реформы или вообще пожертвовать перестройкой ради сохраиеиия «чистоты» идеалов сталн одиим из таких мотивов.

Не те, прежнне, которые боятся, что от иих потребуют «покаяния», а имеиио этот слой руководителей, растерявшихся от все возрастающей сложностн перестройки и ие желающих уступить свое право руководить, и стоит за попытками реанимации культа.

Вот для чего им и иадо пересматривать подход к И. В. Сталину. Не о «восстаиовлеиии» исторической справедливости пекутся оии, а о том, как иайти альтериатнву подлинной перестройке, ссылаясь на опыт прошлого.

Но еслн одии авторы стыдливо нли сознательио об этом умалчивают, то другие все доводят до логнческого коица. У них речь идет уже не об ндеалах, ие о восстаиовлении «правды», а имеиио о будущем.

Давайте посмотрим: может быть, действительио выход в восстановлеини системы типа культа личиости?

> **Зачем нужна улнца, еслн она не ведет к Храму?**
>
> Из кинофильма «Покаяиие»

Возникает вопрос о соотиошеиии этой жесткой комаидиой системы с адмиииcтративиой системой типа механизма торможеиия.

Культ личиости — всего лншь начальиая форма адмиииcтративиой снстемы. Ее же сути соответствует человек как безликий виитик, ие препятствующий тому, чтобы вся власть оказалась в руках адмиииcтраторов. И механизм торможеиия — ие случайиость, ие итог чьего-то хитрого трюка и чьей-то злой волн. Механизм торможеиия — иаиболее логичиый итог развитня имеиио сталинской системы.

Теоретически, пойди мы по пути XX съезда, мы могли бы миновать этап механизма торможеиия. Но этот вариант был иаимеиее вероятен. Закономерíее как раз превращеиие комаидиой системы в адмиииcтративиую систему торможеиия.

Ряд авторов хочет противопоставить этн системы.

Напрнмер, говорят, в эпоху культа личиости были иравствеииые устон, была «личиая скромиость, доходящая до аскетизма», а потеициальные советские миллиоиеры опасалнсь проклевываться. Видимо, авторы ие хотят поиять ту простую истиину, что ие могли быть иравствеииыми «устои», если

в основе их лежалн двуличне, расхождеиие слова с делом, взаимиая подозрительиость, страх, массовые аресты нн в чем не повнниых людей н чаще всего — честных людей. Не моглн быть иравствеииыми «устои», еслн в их основе лежало чинопочнтаиие, обожествлеиие одного человека.

Верио говорят об энтузиазме масс 30-х годов, но не хотят видеть, что имеино массовые репрессни были той главной снлой, которая отучала массы от эитузназма, от нннциативы. Именно в сталинские времеиа происходнло не только зарождеиие стахаиовского движения, ио н его перерождение в организацню рекордов по директнвам, в отчеты по числу рекордсмеиов.

И потом командно-адмнннстратнвной снстеме уже не иужеи н сам энтузиазм, рожденный революцией. Ее природе больше соответствуют прнiципы «рабочей силы». И распоряжаясь общественииым богатством от нмеии народа, оиа пытается увековечнть себя.

Этой снстеме уже ие иужеи компромисс с нителлигеицией и прочими «спецами», которые шли иа него, мечтая соедннить науку, искусство, литературу, просвещение и здравоохраиение с заботой о народе. Сущиости адмиинстративиой снстемы соответствует ие творчество, а исполнительность, ие поиски, а выполиеиие заданнй верха, ие само по себе дело, а отчеты о виедреииых иовшествах, защищенных диссертациях, койко-местах в больннцах, раскрытых преступлениях н т. д. Адмиинстративиая система культа лнчности стала механизмом торможения, когда она полностью очистила свой аппарат от руководнтелей, «страдавшнх» чуждой ее прнроде революцноииой активиостью, одиих превращая в администраторов, другнх убнрая: тех, кто ие хотел, не мог нли просто не успевал быстро перековываться по тем меркам.

Административиая система, сохраинв себя н став самой собой, стала механизмом торможеиня. Ииых вариаитов и быть ие могло. Или ее надо было демонтировать в 50-е годы в связи с преодолеиием условий, сделавших ее в 20-е годы иеизбежиой, нлн оиа могла стать только механнзмом торможеиия.

Наиболее нитегральиой оцеикой И. В. Сталина я бы считал ие только чудовищные сами по себе репрессни н преступления, а имеиио возникиовение иа базе адмиинстративной системы типа культа личиостн комаидиой системы типа механизма торможения. И. В. Сталии сделал, по сути, все, чтобы этот варнаит развнтия стал иензбежеи. И в этом его главиая исторнческая вииа.

Вот почему любые попытки возродить этот вариант административной системы с хозяином скорее всего, логичнее всего, закономериее всего завершились бы сиова появлеиием механизма торможеиия в еще более уродливых формах.

Возинкает вопрос: почему стали так агрессивны противники перестройки? Воздавать хвалу Сталииу им уже мало. Они выиосят беспардоиные оцеикн самой перестройке, обвиняют в отступлеииях от социализма.

Первая причииа: ие оправдались надежды на то, что перестройка умрет сама собой. Напротнв, оиа вступила в зоиу таких измеиеиий прежде всего в идеологии, в мышлеиии, после которых процесс иеобратим. Оиа также стала ощутимо экономически давнть иа всех, кто хотел бы ее ие замечать.

Вторая причииа: приблнжеиие кульминациониого момеита перестройки, когда надо будет делать выбор между ее ннтересами и иитересами тех в аппарате, кто ие справляется с задачами осуществлеиия перестройки. Перестройка доходнт до стадии, которую физики иазывают «критической массой» н превышеиие которой

вызовет взрыв, сметающий весь аппарат, созданный механизмом торможения.

Третья причина: обстановка гласности. Противники перестройки как истинные сыны своего времени приучены были исправно хлопать, единодушно одобрять, ждать указаний. Даже когда аппарат уже начал сам решать вопросы, выглядело это всегда как воля самого верха. И если такого склада кадры начали роптать и, осмелев, прямо идут в атаку на перестройку, как говорят, не стесняясь в выражениях и невзирая на лица, то здесь влияет гласность.

Конечно, плюс в том, что еще один слой общества выдавливает из себя комплекс винтиков и в прежнем виде «активом» торможения он уже никогда не будет. Но в то же время глубоко прав писатель Василь Быков, когда он в статье, опубликованной в «Известиях», пишет об участвовавших демаршах противников перестройки: «Мне думается, за всем этим — наша неразумная терпимость к последствиям того же культа и его атмосферы репрессий». Конечно, нельзя уподобляться в методах тем, с которыми борешься, иначе опустишься не только до их методов, но и до их морали в целом. Нельзя таким образом обесценивать идеалы нашей борьбы.

Но нельзя игнорировать законы борьбы, ее логику, ее правила. Терпимость к выходкам противников перестройки смущает ее сторонников, отпугивает колеблющихся. И что самое главное — снижает эффективность перестройки и дает повод начать списывать на нее все издержки, порожденные предыдущей эпохой, будь то подпольные миллионеры или черномаечники.

Однако в условиях расширяющейся демократизации нашей жизни есть только один уверенный путь в борьбе с механизмом торможения и его выразителями — активизация идейной борьбы с ними, аргументированное и убедительное последовательное развенчание и дискредитация их позиций в глазах масс.

Главное при этом — объединение максимально возможного числа единомышленников, сторонников перестройки.

> **...Снять с ценностей и идеалов социализма ржавчину бюрократизма, очистить от всего бесчеловечного...**
>
> *М. С. Горбачев.* Революционной перестройке — идеологию обновления

Реанимацию сталинизма прикрывают заботой о «наших идеалах».

О каких идеалах? О тех, с которых надо снимать ржавчину бюрократизма, очищать их от всего бесчеловечного? Нет, никакой такого рода чистки идеалов периода культа личности реаниматоры не предлагают. Более того, они хотят другой чистки — от всего, что вносит перестройка.

Я хотел бы напомнить такого рода «марксистам», что идеалы и социальная практика неразрывны. И не может быть эпохи «чистых идеалов» и «черной практики». Однако эпоха командной системы не только прикрывалась «чистыми идеалами». Она развила целый арсенал своих идеалов. Одни из них — это искаженные, обюрокраченные псевдосоциалистические идеалы. Другие целиком созданы той эпохой. Вот об этих идеалах прошлого иные авторы просто не хотят вспоминать. Зато их четко выразил Г. Турецкий — автор письма в «Советскую культуру»: лучше опять пожертвовать несколькими миллионами, чтобы сохранить нравственную чистоту всех остальных.

Меня всегда поражала эта готовность жертвовать чужими жизнями ради сохранения своих идеалов. Но если даже уйти от прямой

корыстной готовности «воевать ради моей победы до последнего чужого солдата», то и в чистом виде идеал «жертв» глубоко антигуманен. Жизнь каждого человека неповторима и невоспроизводима, и никому, кроме самого человека, не должно быть дано право распоряжаться ею — даже ради самых чистых идеалов, не говоря уже о догмах или амбициях.

Совсем недавно Мао Цзэдун выражал готовность смириться с гибелью сотен миллионов людей в атомной войне ради возникновения самого справедливого строя. Но еще в «Бесах» Достоевского Петруша Верховенский заявлял: «Сто миллионов голов» — это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов? Заметьте еще, что неизлечимый больной все равно не вылечится, какие бы ни прописывали ему на бумаге рецепты, а, напротив, если промедлить, до того загниет, что и нас заразит, перепортит все свежие силы, на которые теперь еще можно рассчитывать...» Логика, как видим, та же. Но если пророческий крик Федора Достоевского показался в прошлом веке неубедительным, то спустя сто лет нам надо быть умнее. Мы уже знаем, что есть такие средства, при которых теряют смысл сами цели. И сегодня нам надо больше думать над словами другого героя Достоевского — Ивана Карамазова: «Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице... согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!.. И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастие на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?»

Для всех — Бесов-консерваторов, стремящихся спасти свое кресло, или Бесов-авангардистов, задумавших быстренько осчастливить народ,— характерно именно это: стремление навязать людям свои представления.

Партия, возглавившая перестройку, с первых же дней этой трудной работы, рассчитанной на долгий срок работы говорит с народом на языке правды и реализма. Ведь чем нам сейчас опасна любая политическая маниловщина? Тем, что люди, не видя изобилия благ, наблюдая привычное засилье бюрократизма, при недостаточных пока возможностях самим активно вмешаться в ход перестройки, часть таких людей может стать питательной средой для реанимации идеалов командной системы.

Противники перестройки опасны только в том случае, если им удастся натравить на перестройку хотя бы часть трудящихся. Это позволит им разгромить сторонников перестройки, удержать рычаги власти. А затем «привести в чувство» этих самых трудящихся. Вот почему спор об идеалах прошлого — это спор о будущем.

Вот почему так важна принципиальная партийная оценка «Правдой» публикации в газете «Советская Россия», публикации, которую «иначе как идейной платформой, манифестом антиперестроечных сил не назовешь».

Лично я убежден, что поезд антиперестройщиков уже ушел.

Отстоять идеалы социализма в их ленинском понимании в жизни можно только одним — решительно развертывая перестройку, развенчивая оппозицию перестройке, развивая, как сказано на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, идеологию обновления. Именно обновления.

2.

Каким быть хозяйственному механизму: идеи, проекты, практические решения

Л. Абалкин	Д. Валовой
А. Аганбегян	С. Ситарян
Г. Арбатов	**Е. Гайдар**
Т. Заславская	*В. Кабаидзе*
А. Ципко	**Н. Травкин**
С. Шаталин	Р. Белоусов
Н. Федоренко	В. Тихонов
Н. Петраков	*Г. Лисичкин*
Н. Шмелев	**М. Вагин**
Г. Егиазарян	В. Стародубцев
П. Бунич	**Ал. Авдеенко**
В. Селюнин	В. Рутгайзер
Е. Ясин	***С. Федоров***

Г. Попов

Л. Абалкин

Академик

Диалектика социализма [1]

— Надо отличать те представления о социализме и его экономике, которые стали обыденными в общественном созиаиии, от подлиниио научиых взглядов. Даже среди иных деятелей науки, особенно среди преподавателей высшей школы, происходящие сейчас перемены видятся как уход от приципов социализма, как нарушеиие каких-то его искоиных устоев. Требуется критическое переосмысление миогих представлений, по существу, догм, предрассудков. Это процесс мучительный и болезненный. Сейчас мы по-иовому прочитываем миогое из традициоиного иаследия классической науки о социализме.

Ну, например, идея самоуправления. Оиа лежит в самом фундамеите взглядов иа социализм как живое творчество масс. Это положение обосновано основоположниками марксизма. Но сложилось так, что их взгляды оказались как бы отодвинутыми, широкое распространение получили представления, будто самоуправление — чуть ли не ревизионистская концепция. В общественном сознании самоуправление срослось либо с представлеииями о каком-то далеком-далеком коммуиистическом завтра, когда уже ие будет государства, либо с представлениями о том, что самоуправление и государственное руководство экономикой — вещи иесовместимые. Нынешняя перестройка порывает с такими взглядами, но ие отказывается от действительных классических взглядов иа социализм и его экоиомическую систему.

То же самое можно сказать и о миогих других положениях, которые мы как бы заново вводим. Они образуют идеологическое основание Закона о государственном предприятии. Например, положение о трудовом коллективе как хозяине закрепленых за ним средств производства. Оио может казаться иеожиданным, ведь иа практике и в теории общественную собственность стали представлять какой-то безликой, аионимиой, ничейной и ничем не защищенной. А человек воспринимал себя ие распорядителем этой собственности, а просто исполнителем воли государства, его плановых органов, и ие более того. Сейчас мы идем к тому, чтобы сделать коллектив ие формальным, ие юридическим только, а реальным хозяином и распорядителем соответствующих средств производства, финансовых ресурсов, полиостью ответственным за них. И чем полнее человек и коллектив будут ощущать себя хозяевами, тем больше будет социализма.

Накоиец, возьмем еще одно положение иового закона — о том, что предприятие выступает как социалистический товаропроизводитель. Вообще для экономической науки, для политической экономии вопрос о товарном производстве при социализме, внутренне присущих ему товарно-денежных отношениях, закоие стоимости ясен давио. Но, к сожалению, возник ведь не только разрыв между словом и делом, но и разрыв между словом и словом, между тем, что представляли собой важнейшие вы-

[1] Сов. Россия. 1987. 19 июля. 25 окт. Беседы с Л. Абалкиным вел В. Денисов. Печатается с сокращениями.

воды, достижения науки, и тем, как мы это разъясняли, внедряли в сознание. Конечно, я не скажу, что науке все было ясно,— там, где все ясно, там кончается наука, которая всегда — движение от незнания к знанию. Без этого нет науки, а есть движение по кругу, повторение прописных истин или блуждание в потемках. Науке многое еще предстоит сделать. Но, с другой стороны, подготовка Закона о государственном предприятии была бы невозможной, если бы за этим не стоял предварительно сформированный, выстраданный теоретический раздел.

— Очень часто ставятся вопросы о социалистическом характере преобразований в связи с развитием малых форм кооперации, семейного подряда, индивидуального труда.

— И здесь мы смело говорим: то, что уже делаем, дает больше социализма! Надо ясно представлять: семейный подряд — лучше людям или хуже? Помогает это полнее удовлетворять их запросы, потребности, индивидуальный вкус, рационально использовать запасы физических и духовных сил для решения проблем? Если это идет людям на благо, то это работает на социализм... Более того, кооперация — не временная форма, относящаяся к далекому прошлому. Сегодня мы лучше понимаем многие ленинские идеи, в том числе и ту, что строй цивилизованных кооператоров — это и есть социализм, настоящий социализм. Именно в кооперации Ленин видел сложный способ сочетания личных, коллективных, общественных интересов... И наконец, об индивидуальной трудовой деятельности. Если исключать любые формы наемного труда, эксплуатации, то и индивидуальный труд — шаг вперед, а не назад... Вообще в рассуждениях о «несоциалистичности» много умозрительного. Вот говорят: мы вводим индивидуальную трудовую деятельность. Да, она реальность, факт, о котором все знают. Теперь мы лишь переходим к организованным формам, включая формы государственного контроля, вводим индивидуальный труд в планомерное русло, придаем ему цивилизованный вид.

— Порой нынешнюю перестройку сравнивают с нэпом, а нэп — это, мол, элементы капитализма в социализме...

— Нужно четко различать две стороны новой экономической политики. Нэп был отступлением, допущением в экономику частного капитала с учетом его опыта организации производства, возможностей выхода из тогдашнего кризиса. Со временем (прежде всего со времени «Краткого курса истории ВКП(б)») эта сторона нэпа стала, пожалуй, господствующей в сознании. Как правило, подчеркивалось, что нэп — политика, рассчитанная на допущение капитализма, на борьбу между социализмом и капитализмом и, наконец, на окончательную победу социализма над капитализмом, вытеснение последнего. Но ведь это только одна, исторически преходящая сторона нэпа.

В новой экономической политике было и второе — способ обучения социалистическим методам хозяйствования. Дело в том, что политика «военного коммунизма», методы хозяйствования в условиях осажденной крепости никогда не могли быть экономическими по существу. Так что нэп — это переход от вынужденных к нормальным методам социалистического хозяйствования... Кстати, мало кто обращает внимание на тот факт, что переход к новой экономической политике совпал с созданием Госплана. И Ленин в известном письме к Кржижановскому писал, что новая экономическая политика не означает отхода от единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а изменяет методы его осуществления. Нэп связан с широким внедрением хозрасчета,

с переходом от продразверстки к продналогу, от административных к экономическим методам регулирования взаимоотношений государства с крестьянским хозяйством, от уравнительного распределения к распределению по труду, от натурального, по существу карточного, распределения к распределению с помощью денежного оборота, с помощью рынка с его законами спроса и предложения.

И еще хочу сказать, что, сравнивая события, разделенные десятилетиями, можно оказаться в плену внешних аналогий. Сегодняшняя экономика и экономика 20-х годов различаются между собой принципиально. Поэтому я воздержался бы от прямой аналогии. Если говорить о сравнимости, то по масштабам преобразований, по глубине перестройки, по тому, что сегодня, как и тогда, нужно перестроить весь механизм снизу доверху, нужно осуществить не просто улучшение методов, а заменить их на принципиально иные. Нужна кардинальная перестройка и в сознании людей. Владимиру Ильичу Ленину кричали из зала: нас в тюрьмах торговать не учили!.. Есть и сегодня высказывания против хозрасчета, товарно-денежных отношений.

— Не утратим ли мы какие-то преимущества плановой системы, перестроив Госплан, передав часть его функций предприятиям, местным органам?

— Есть преимущества планового ведения хозяйства и есть конкретный исторический тип организации плановой работы. Нынешняя система сложилась где-то в 30-е годы, и в течение десятилетий преимущества планового ведения хозяйства реализовывались исключительно через прямое, адресное установление заданий, детальную роспись плановых показателей, установление сверху всего до мелочей — что производить, кому поставлять и т. д. И постепенно в общественном сознании, а отчасти даже в науке произошло сращивание понятия планового ведения хозяйства и конкретного исторического облика планирования. Перестройка предусматривает не отказ, а, по существу, укрепление плановых начал в экономике, возвращение планированию многого из того, что оно утратило, в частности стратегического видения, решения крупнейших народнохозяйственных проблем, проведения структурной политики.

Но методы плановой работы, конкретный облик ее, способы, с помощью которых общегосударственные цели, задачи государственного плана, структурные преобразования доводятся до конкретных исполнителей, меняются коренным образом. Преимущества планового ведения хозяйства не в бюрократической регламентации, а в научно обоснованном, экономически целесообразном и социально эффективном решении стратегических задач, формировании целостной структуры, внутренних пропорций народного хозяйства. Вот эта сторона централизованного планирования становится главной. Наши плановые органы, обремененные грузом мелочных забот, текущих мер, не имели ни времени, ни возможности, ни вкуса, а в последнее время и опыта для решения действительно крупнейших стратегических народнохозяйственных проблем.

Так что в перестройке планирования мы идем по пути укрепления социализма.

— В нашумевшей статье Н. Шмелева «Авансы и долги» утверждается, будто главным экономическим регулятором должен стать рынок.

— Вначале хотел бы пояснить характер своего ответа. В широких дискуссиях, в коллективном поиске ответов на вопросы, которые поставила жизнь, никто из специалистов не вправе претендовать на абсолютную истину. То, что я скажу,

отражает мое понимание вопроса. Думается, что для современной дискуссии часто характерен уход в крайность.

Недостатки, сложившиеся в прежней системе планирования, ее бюрократизация — не повод, чтобы шарахаться к стихийности. Есть вещи, которые рынок в принципе не может регулировать. Одно дело — текущий спрос, быстрое изменение конъюнктуры, перестройка производства в соответствии с меняющимися потребностями и совсем иное — явления стратегического характера, принципиально новые направления в науке и технике, коренные преобразования в экономике. Сегодня экономика должна быть не инерционной, а подвижной, гибкой, изменчивой, в ней должны быстро совершаться структурные изменения. Вот эти-то проблемы в принципе не могут регулироваться рынком. Кстати, вся мировая практика доказывает это. Чистого рынка, рынка в классическом виде сегодня уже нет ни в одной стране, так было в XIX веке. Надеяться на рынок — испытывать ностальгию по прошедшим временам, возврата к которым нет. Кроме того, мне думается, нам часто не хватает методологической культуры. Нельзя рассуждать по принципу «или — или», а что сверх того — от лукавого. Жизнь всегда диалектична, надо учиться этому подходу. Могу напомнить, как Ленин писал: социализм и торговля, казалось бы, вещи несовместимые, но, продолжал он, вся жизнь, весь опыт революции учат нас соединять противоположности. Думаю, что и сегодня размышлять о будущем надо соразмерно, взвешенно, не допуская новых крайностей, которые могут оказаться не менее губительными, чем старые перекосы.

— Социализм гарантирует людям множество преимуществ, страхует от возможных экономических неурядиц, безработицы. Человек уверен, что и завтра что-то все равно у него будет. А хозрасчет, самостоятельность предприятий, наверное, предполагают и возможность их банкротства. Как в этом случае понимать социальные гарантии?

— Всякое благо, продолженное дальше своих естественных границ, оборачивается негативными явлениями. Социальная гарантированность, которая присуща социализму,— это действительно огромное преимущество нашей системы. Но когда мы начинаем представлять все блага чуть ли не даровыми, а человека — как бы осчастливленным государством, то рождаются иждивенчество, желание получать, не соизмеряя с затратами собственного труда. Широко распространилась уравниловка в распределении: раз все получают от государства, от его щедрот, то каждый и претендует на более или менее равную долю. Естественно, такой образ иждивенчески-потребительского социализма, даже иждивенческого социализма (не боясь преувеличения, скажу, что он широко развился и в теории, и на практике), не отвечает истинной природе нашего строя.

Но вместе с тем нельзя шарахаться и в другую сторону, вообще отвергая социальные гарантии. Каждый гражданин нашего общества имеет право рассчитывать, что государство позаботится, чтобы он имел минимум обеспечения жильем, чтобы в старости имел гарантированные доходы, которые бы избавили его от беспомощности, от зависимости от других людей, даже от своих детей. Каждый вправе рассчитывать на гарантированное получение среднего образования независимо от материального положения родителей, на проживание в той или иной республике, области, городе или деревне. Каждый должен иметь гарантированное право получить работу в соответствии со своей специальностью, а общество должно так планировать создание предприятий, новых рабочих

мест, чтобы любой человек иашел приложеиие своим усилиям... Но это, повторяю, миинмум социальиой обеспечеииости. Каждый должеи зиать, что его реальиое положеиие, весь объем материальиых и даже духовиых благ, которыми ои будет располагать, возможиости раскрыть свои способиости, рациоиальио оргаиизовать свое время, свой досуг зависят прежде всего от результатов его труда. Коиечио, с введеиием хозрасчета должиа усилиться диффереициация в оплате труда. Кто-то будет получать больше, а кто-то меиьше, чем получал до сих пор. Потому что миогое, что ои получал, ие было заработаио. Ведь масса примеров, когда выпускается продукция, иеиужиая обществу, ие пользующаяся спросом. Это касается и потребительских товаров, и средств производства... Словом, человек ие вправе рассчитывать, что получит столько же, если будет продолжать трудиться, как прежде, с прохладцей. И это правильио, это по-социалистически. И чем полиее мы будем осуществлять прииицип хозрасчета, диффереициации доходов, укреплять едииство меры труда и возиаграждеиия, тем больше будет социализма и больше справедливости.

— Возможио ли все-таки в условиях хозрасчета баикротство предприятий? Не приведет ли ои в каких-то пределах к появлению безработицы? Тот же Н. Шмелев считает, что да, приведет, и иаходит, что это «очеиь иеплохое средство от леии» и рычаг посильиее, чем «любой хозрасчет».

— Не думаю, что обязательио иужио употреблять слово «баикротство». Лучше — закрытие, ликвидация убыточиых предприятий. Ведь убыточиость — явлеиие, чуждое природе социалистической экономики. Если есть безиадежио больиые предприятия, которые, по существу, сидят иа шее общества, живут за счет чужого труда, и уже иикакие меры ие помогают, то предприятие иадо ликвидировать, закрыть, а имущество его, естествеиио, продать. Это тоже в пользу социализма.

Что касается работииков, то я уже говорил, что человек должеи иметь возможиость получить работу в соответствии со своей специальиостью, если старая оказалась иеиужиой. Должиа быть государствеииая система перераспределеиия, переподготовки кадров, компеисации иа период времеииого простоя. Скажем, предприятие ликвидируется, ио человек в течеиие какого-то времеии должеи иметь гараитироваиный доход, пока получит иовую специальиость, трудоустроится.

Теперь о мобильиых резервах перераспределеиия рабочей силы, которые в статье «Аваисы и долги» имеиуются безработицей. В жизии ие бывает жестких схем, когда уход с работы и поступлеиие иа работу совпадают деиь в деиь. Не иадо пытаться одиим хлестким словом обозиачить сложиейшие социальиые процессы. Безработица есть социальиое явлеиие, отражающее иеспособиость экоиомической системы обеспечить полиую рациоиальиую заиятость иаселеиия. В этом строгом смысле безработица и социализм — вещи несовместимые. Другое дело, что движеиие трудовых ресурсов — а при текучести порядка 10 процеитов это 12 миллиоиов человек в течеиие года — создает сложиости. Должиа сформироваться система, которая заставляла бы человека уважать свое рабочее место, держаться за иего, ио ие из страха потерять, а в силу того, что рабочее место осиащеио совремеииой техиикой, связаио с высокой культурой, иителлектуализацией труда, благоприятным социальио-психологическим климатом в коллективе. Словом, человек должеи дорожить условиями своего труда. Гараития заиятости и гараития права на коикретиое рабочее место — разные поия-

тия. Никто это рабочее место человеку не гарантирует, он должен заслужить его на конкурсной основе или другим способом. Конечно, человек может потерять место, но не может оказаться ненужным для общества. Он лишь встает перед необходимостью заняться менее привлекательным видом деятельности, с низшей оплатой труда, с менее благоприятной обстановкой. Это вполне нормально. И обществу необходим мобильный резерв рабочей силы, чтобы переключать его на ключевые направления. Такой путь совместим с общей системой плановой экономики, более того, это одно из условий ее эффективности.

— Иными словами, появляется большая личностная конкуренция?

— Мне это слово не нравится. Я предпочитаю употреблять «состязательность», «соперничество», широкое использование конкурсных начал. И это касается не только руководителей, когда мы выбираем из нескольких - одного, не только поступления на кафедру в институт. Думаю, такой подход все шире найдет применение и на рабочих местах. Возьмите рыбколхоз имени Кирова в Эстонии — там же очередь из желающих вступить в члены хозяйства. Это тоже элемент соревнования, именно из-за особых возможностей колхоза — прекрасной организации труда, высокой производительности, культуры производства, культуры всей жизни трудового коллектива. Так что такое явление вполне вписывается в современную модель нашей экономической жизни, в представления о социализме.

— Ныне уже немало предприятий и целые отрасли переходят на полный хозрасчет, и вместе с тем сохранилась старая, административная система управления. Чего следует больше опасаться в переходный период? Нужно ли форсировать введение хозрасчета или есть смысл прежде наработать некий опыт?

— Полагаю, надо быть реалистами, не строить иллюзий, ясно представлять, что переходный период, охватывающий ближайшие три года, окажется чрезвычайно сложным в экономическом развитии страны. Он не приведет к немедленным успехам. Новые подходы должны набрать силу, получить ускорение, завершиться формированием целостной системы. Только в итоге получится ожидаемый эффект. Поэтому прежде всего надо опасаться, я бы сказал, неоправданных иллюзий, безосновательных ожиданий и поспешных пессимистических выводов, разочарования. А это неизбежно следует за неоправданными иллюзиями. Нужно приготовиться к упорной и настойчивой работе.

Кстати, в нынешнем году предприятия пяти промышленных министерств, работающих на полном хозрасчете и самофинансировании, часто имеют показатели худшие, чем были у них прежде, меньшие показатели роста, чем в других отраслях, не переведенных на новые условия. Здесь тоже есть повод поспешно толковать, будто новая система неэффективна. Но в период ломки структуры такое неизбежно.

Скажу еще об одной опасности — опасности уйти от задуманной модели. Июньский Пленум обрисовал идеологию, философию новой системы управления. Очень важно реализовать ее в конкретных постановлениях, документах, решениях, не утерять единую линию, не отступить в сторону, не отказаться от принципов ради каких-то частных решений или частных выгод.

Что же касается скорости движения... Хотелось бы и подождать, накопить опыт. Но лучший учитель — жизнь, практика, поэтому, лишь активно включившись в нее, трудовой коллектив ощутит и силу новых методов, и груз ответственности, и мощь полного хозрасчета. Это нельзя ни по книжкам изучить, ни с помощью лозунгов усвоить,

это придет только через личный опыт. Поэтому смысл переходного периода как раз в том, что будет осваиваться опыт, начнется реальное хозяйствование в условиях хозрасчета, учеба на собственных ошибках. Все это и проложит дорогу в будущее. Так что и трудностей, и опасений много, но, как очень хорошо сказал в заключительном слове на Пленуме Михаил Сергеевич Горбачев, самая большая ошибка — это боязнь ошибиться.

— Какой сегодня, на ваш взгляд, должна стать экономическая наука? Видимо, она тоже обязана помочь избежать ошибок?

— Для экономической науки наступает золотая пора расцвета, поиска. И высочайшей ответственности. Я бы выделил две ее функции. Одна — вовремя замечать возникновение новых ростков, явлений, в том числе негативных, давать своевременные рекомендации, прогнозы. Так сказать, оперативно-тактические функции науки.

Но еще важнее и сложнее формирование новых теоретических воззрений. Мы сейчас в большей степени нуждаемся в обновлении теоретического фронта, теоретического фундамента политической экономии социализма. Без фундамента все здание будет непрочным. Нужны радикальные, коренные прорывы к новым теоретическим обобщениям, к новому взгляду на всю нашу экономическую систему, к новому пониманию собственности. У нас оно удивительно упрощенное, одноплоскостное, мы часто не видим сложных проблем. Вот лишь один вопрос, над которым сейчас мы думаем очень серьезно, где науке не все ясно. Речь о сочетании интересов общества, коллектива, работника. В тактическом плане проблема несложна. Есть чистая продукция, прибыль или хозрасчетный доход коллектива. Я определяю прирост на нормативной основе. 30 процентов отчисляю в бюджет государству: чем больше хозрасчетный доход или прибыль, тем больше получает бюджет. Общество заинтересовано, чтобы прибыль в коллективе росла, и коллектив заинтересован, каждый его работник получает долю от этого эффекта. Более или менее оптимальная гармонизация интересов. Казалось бы, в такой плоскости решение проблемы найдено.

Но есть интересы текущие, кратковременные, и есть интересы долгосрочные. Коллектив получает широкую самостоятельность. Можно подновлять технику, улучшать качество, и это будет давать каждый год «навар», какой-то прирост доходов — три, пять или десять процентов. Но вот возникла необходимость коренного технического перевооружения, и не вообще новой техникой, а принципиально новой. Чтобы создать ее, освоить, «выжать» из нее эффект, потребуется, допустим, десять лет. А у коллектива все права, он решает, куда вкладывать деньги — в мероприятия по текущему обновлению производства или по коренной технической реконструкции, которая через десять лет обернется многократным выигрышем для тебя и для общества.

В коллективе кому-то через два года на пенсию, руководителю вскоре переизбираться, да и текучесть кадров 10 процентов, то есть за десять лет полное обновление. Как в этом случае найти присущую социализму заинтересованность хозяина в завтрашнем экономическом эффекте? Как сочетать кратковременный интерес с долговременным? Где мера жертв, на которые надо пойти сегодня, чтобы получить выигрыш завтра? Нет простого решения этого вопроса. Ясно, что верно поступить может лишь тот, кто действительно себя ощутил хозяином. Не просто коллектив как сумма индивидуумов, а как некая социальная общность — со своей традицией, заботой о завтрашнем дне, о будущих

поколениях. Должны, значит, сложиться новые экономические и социальные формы общности, система традиций, связь поколений и многое другое, о чем мы забывали. Мы думали, что есть централизованное руководство, которое всё видит, все знает и по-отечески решает эти вопросы за нас.

Словом, тут масса проблем. Как сделать, чтобы не извратить сути наших принципов, действительно сделать человека таким, чтобы он воспринимал себя кровно заинтересованным, подлинным хозяином сегодня и всегда. Требуется формирование какой-то новой теоретической концепции, тоже связанной с жизнью, с практикой, но поднимающей нас на совершенно новое ее осмысление.

— Сегодня руководители предприятий, среднее руководящее звено, как правило, это специалисты: инженеры, конструкторы, технологи, корабелы, металлурги, горняки... Они владеют экономическими знаниями в минимальном объеме, а некоторые и вовсе не владеют. Как уже сегодня учить всех работать, управлять в условиях хозрасчета?

— Мой ответ может прозвучать излишне категорично и резко, но чтобы люди научились работать в условиях хозрасчета, их надо поставить... в условия хозрасчета. Это главное. Лучшего учителя, чем жизнь, не существует. Нельзя по книжке научиться хозрасчету, экономическим методам, умению использовать кредит, научиться банковским взаимоотношениям, учету потребительского спроса... Отчасти это ответ и на другие вопросы, о которых мы говорили. Мы не можем откладывать, ждать, пока все «научатся хозрасчету». Надо ввязаться в дело, поставить людей в новые условия, тогда они быстрее перестраиваются. Конечно, нужно при этом и учить, принято решение о широком обучении современной экономике.

Я тоже часто повторяю, что нам мешает инерция, что мы привыкли к старому, что это очень тяжелое наследие и когда, мол, только изменится эта психология?.. Но вот недавно после телепередачи я неожиданно задумался: а нет ли тут очень простого ответа? Это был вечер с Аркадием Райкиным. И он на замечание, что-де медленно меняется психология человека, ответил: что вы, очень быстро меняется. Вот, говорит, когда я еду в машине, а пешеходы туда-сюда, туда-сюда, то я думаю: что это они с ума сошли, не видят, что я еду? Куда они мчатся? Но стоит только у меня отобрать машину и пустить ходить пешком по улице, как моя психология перестраивается моментально: уже я иду по улице, а там мчатся машины, туда-сюда, туда-сюда. Куда они мчатся, куда несутся, разве не видят, что мы, люди, идем по улице?.. Не упрощая проблемы, хочу все же сказать: мышление, психология людей меняются с изменением их общественного статуса, ситуации.

Мы и раньше много занимались экономической пропагандой, много книжек написано, есть и неплохие, но на первое место я все-таки ставлю изменение условий. Кстати, эта дилемма волновала Маркса, и он на нее ответил. В известных «Тезисах о Фейербахе» приводится такое рассуждение: объективные обстоятельства меняют сознание людей, но сознание людей тоже меняет объективные обстоятельства. По Фейербаху получается заколдованный круг. Маркс говорит: а решение проблемы заключается в революционной практике, которая совмещает в себе оба начала — и изменение людей, и изменение объективных обстоятельств. Вот революционная перестройка — это и есть способ, когда мы должны сочетать изменение людей, их сознания, их подготовленности с изменением объективных условий. Не разделяя, что, мол, сначала на-

учим людей, а когда научим, то на следующий день начнем это применять на практике. Так не может быть и не будет. Но нельзя и хозрасчет вводить, не сопровождая каждый шаг дополнительным шагом в другой области, в том числе в экономической переподготовке. Есть уже первый опыт: в Академии народного хозяйства проведен курс занятий для слушателей — генеральных директоров объединений. Этот курс получил положительную оценку, будем применять его. Я думаю, нам незачем противопоставлять социальные ценности и эффективность производства. В понимании марксизма система социалистического хозяйствования в принципе должна обеспечить наивысшую эффективность, наивысшую производительность труда и качество продукции. Не так быстро, не просто, но мы должны взять верх именно этим. Причем особенность социалистической системы как раз в том, что она должна обеспечить достижение высшей эффективности производства с сохранением, упрочением, умножением принципов социальной справедливости, с отсутствием эксплуатации, широчайшим развитием свобод и демократических принципов организации общественной жизни. Так что в нашем мировоззрении гласность, демократия, справедливость, уважение друг к другу — это не факторы, тормозящие повышение эффективности производства, а, наоборот, социальные силы, помогающие достичь ее. А альтернативу — либо экономическая эффективность, либо социальная справедливость — я считаю надуманной проблемой, противоречащей логике общественного развития, смыслу наших идеалов.

А. Аганбегян

Академик

Человек и экономика[1]

— Мне кажется, что основная проблема в перестройке — это проблема человека. Поэтому, думаю, и наша беседа должна быть посвящена, как принято сейчас говорить, «человеческому фактору» в экономике, в самом широком смысле этого понятия.

Главная наша беда — мы очень долго старались сохранить старый хозяйственный механизм. Он сослужил нам определенную службу в других исторических условиях, когда был только создан. И он оказался совершенно непригодным для новых условий. Этот хозяйственный механизм не только не помогает решать новые задачи, порожденные новыми условиями, он тормозит такое решение. С позиций этого хозяйственного механизма, где на первом плане «вал» (чем дороже, тем лучше), производство не может не носить затратного характера.

— Но ведь разобраться с подобной алогичностью — элементарное дело...

— Согласен, элементарное. Но изменить это непросто, так как в хозяйственном механизме все взаимосвязано. От вала начисляются все виды ресурсов, на нем базиру-

[1] Огонек. 1987. № 29, 30. Беседу провел Л. Плешаков. Печатается с сокращениями.

ется система снабжения, вокруг него вертится технология планирования и оценка деятельности, даже критерии соревнования. Это положение вполне обоснованно критикуется годами, десятилетиями. Все совершенно справедливо утверждают, что нельзя планировать тонны, штуки, кубометры, тонно-километры, обезличенные рубли продукции, объем строительных работ и так далее. Но ничего не менялось, потому что существующий хозяйственный механизм по-своему логичен. Он основан на административных методах, и этот принцип выдерживается весьма последовательно. Как у нас планируется работа различных хозяйственных организаций? Первое: каждая из них имеет много прямых адресных директивных заданий. Сверху развертывают задания по выпуску всей номенклатуры продукции. Второе: сверху «спускают» также ресурсы: столько-то станков, столько-то столов, столько-то пишущих машинок и так далее. Все подробно расписано. И заявку на все эти фонды нужно сделать за полтора года до того, как твой заказ начнут «отоваривать». Третье: при такой системе регламентируется каждый шаг. Десятки тысяч нормативов определяют, что кому можно, а что нельзя. Станок, предположим, в другую организацию передать нельзя, но школе можно. Но при определенных условиях, если начальство разрешит (это разрешение нужно «выбить»), то можно станок дать и другой организации.

Такая жесткая бюрократическая система управления логично приводила ко многим негативным последствиям. Чтобы жить спокойнее, «выколачивались» фонды с запасом. Где-то они скапливались в неразумных количествах, зато в другом месте их резко не хватало. Дефицит неминуемо ведет к стремлению создать страховочный запас, причем не всегда того, что нужно. Психология накопительства «на всякий пожарный случай» привела к тому, что суммарные запасы различных видов сырья и материалов достигли у нас колоссальных размеров — по народному хозяйству запасы оцениваются в 460 миллиардов рублей. На их производство были затрачены колоссальные средства. Ожидалось, что они будут приносить доход. На самом же деле запасы сырья и материалов осели мертвым капиталом, приводят к убыткам.

Аналогичная картина — омертвление капитала — у нас создалась и с производственными фондами. Наш станочный парк более чем вдвое превышает станочный парк США. Но что толку в этих станках, если коэффициент сменности у них чуть больше единицы? На наших стройках простаивают подъемные краны и механизмы. Далеко не на полную мощность используется грузовой автотранспорт. Порожние рейсы — обычное дело. Около учреждений по целому дню толпятся без дела «персональные» автомобили. На производство всех этих станков, машин, механизмов, оборудования израсходованы десятки, сотни миллиардов рублей, но ожидаемого эффекта они не дали. Где-то кто-то когда-то подсчитал, какие фонды, в каком количестве, кому выделить. А когда все, что с таким трудом делилось, достигло адресатов, оказалось, что там, на месте, загрузить работой их не могут. Ведь за них платились не свои, не «кровные» деньги.

Но самой большой нашей бедой является диктат производителя над потребителем. Бери, что дают, иначе вообще ничего не получишь — вот философия экономических взаимоотношений, которые складываются порой между предприятиями и хозяйственными организациями. И приходится брать то, что не нужно, то, что устарело, то, что имеет низкое качество. Другого-то все равно не дадут. Это развращает производителя, ставит в бесправ-

ное положение потребителя, убивает в нем желание проявлять инициативу и приводит в конечном счете к большим материальным потерям, которые несет народное хозяйство в целом.

Приведу пример, на мой взгляд, довольно показательный.

Уже лет 20—25 Горьковский автозавод выпускает модель грузовика с маломощным двигателем, который тем не менее съедает на 100 километров пути примерно 20 литров бензина. Тянуть за собой прицеп этот автомобиль не в силах, что снижает его производительность. Он имеет очень много точек смазки, что требует дополнительного обслуживания. Пробег до капремонта всего 250 тысяч — очень мало по нынешним временам. Теперь наконец-то разработан (опытные образцы уже испытаны) новый «газик», с более мощным дизельным двигателем, расходующим на 100 километров всего 14 литров дешевого топлива. Этот грузовик способен везти прицеп в 4,5 тонны. Его герметичный кузов, сваренный из стального листа, позволяет перевозить без потерь сыпучие грузы. До капитального ремонта он пробегает 350 тысяч километров. Расход на его обслуживание в полтора раза меньше, чем у предыдущей модели. Все это, вместе взятое, повышает производительность труда на дизельном грузовике в 1,7 раза по сравнению с его предшественником. По подсчету государственной комиссии, первая очередь по производству новой автомашины дает экономический эффект около 400 миллионов рублей в год. Понятно, что еще больше будет получено, когда новые дизели заменят сотни тысяч бензиновых «газиков», пока работающих в народном хозяйстве. Естественно, на обновление грузового автопарка потребуется время, и мы будем по-прежнему терять многие сотни миллионов рублей из-за того, что слишком долго выпускали морально устаревшую модель, слишком долго не запускали в массовое производство новую.

Стало притчей во языцех, что наша промышленность зачастую очень неохотно переходит на производство новой, более эффективной, прогрессивной продукции. Причина заключалась в том, что наш хозяйственный механизм долгое время был отлажен таким образом, что отдельным предприятиям и целым отраслям было просто невыгодно и хлопотно осваивать что-то новое, ибо выпуск старого и так гарантировал не только стабильные прибыли, но и спокойную жизнь при отлаженном производстве, тем более что привычный диктат производителя и зависимое положение потребителя допускали подобное ненормальное положение. Конечные выгоды отдельных отраслей оборачивались весомыми рублевыми потерями у потребителей, а значит, в масштабе всего народного хозяйства. Экономический эффект, достигнутый путем усилий в одном месте, походя съедался бесхозяйственностью в другом.

Вернемся к нашему примеру. Если бы кто-то слил в кювет цистерну бензина, этого человека судили бы или в лучшем случае оштрафовали, заставили бы возместить стоимость уничтоженного. В то же самое время по стране бегают тысячи горьковских грузовиков старой модели, сжигающих в год лишние сотни тысяч тонн дорогого топлива, которое можно было бы сберечь, перейди мы раньше на новую дизельную автомашину. Повсеместно мы ведем борьбу за экономию горючего, кое-где немалыми усилиями добиваемся успехов, но в конечном итоге достигнутый результат идет насмарку: огромный парк старых грузовиков способен без толку сжечь сэкономленное горючее в своих расточительных двигателях. Не в коня корм.

Бензиновый «газик» из-за несовершенной конструкции кузова допускает большие потери груза при его транспортировке. Низкая производительность машины требует для выполнения одного и того же объема перевозок дополнительных шоферов. Лишние рабочие руки нужны для ее обслуживания.

В общем, если смотреть в масштабах всей страны, этот автомобиль в конечном счете является высокозатратным, убыточным. И тем не менее он продолжает выпускаться и дает неплохую прибыль. Интересы завода, интересы отрасли благодаря действовавшему хозяйственному механизму оказались выше интересов всего народного хозяйства. Пример вроде бы и незначительный в масштабах экономики государства, но тем не менее довольно показательный. Он иллюстрирует, как и почему у нас бездумно перемалывается сырье, добыча которого год от года становится все труднее и дороже, отчего год от года мы получаем все меньшую прибыль на рубль, вкладываемый в фонды.

— Абел Гезевич, вы говорите: виноват хозяйственный механизм. Но ведь в последние пятилетия принято столько постановлений по его совершенствованию, дабы соответствовал требованиям научно-технической революции, что, по идее, он давно должен был принять надлежащий вид...

— Действительно, постановлений было принято много. Но в прошлом, до происшедшего на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС перелома, они носили характер паллиативов, полумер, которые, улучшая что-то по мелочам, не обеспечивали полного, коренного решения стоящих перед нашим народным хозяйством задач. А экономика — это такая сила, которая может задушить, свести на нет любое дело, если в его основе лежат некомплексные, непоследовательные решения. Не вдаваясь в подробный анализ последних, остановимся, как говорится, лишь на их конечном результате. За годы восьмой пятилетки национальный доход страны вырос на 41 процент, в девятой — на 28, в десятой — на 21, в одиннадцатой — только на 16,5 процента. Иными словами, мы развивались все медленнее и медленнее. Каждый наш шаг вперед становился все короче и короче и давался нам все с большим трудом, требовал все больших ресурсов...

В отдельных сферах нашей экономики появились застойные явления, дело шло к стагнации, возникла предкризисная ситуация в экономике.

Теперь мы хотим старый хозяйственный механизм заменить принципиально иным, где и плановое развитие хозяйства (важнейшая закономерность социалистической экономики), и демократический централизм (основополагающий ленинский принцип управления) реализуются другим путем, в других формах.

Мы настолько привыкли к административным методам руководства хозяйством, что при слове «план» нам мерещатся тома с конкретными жесткими адресными заданиями. А ведь совсем необязательно, чтобы он был только системой директивных показателей. План может быть реализован через экономические нормативы, цены, финансово-кредитные условия, через стимулы, заинтересованность, с использованием рынка, состязательность производителей и потребителей.

План обязательно будет, но его характер и методы его реализации будут иными, чем прежде.

Допустим, исходя из потребностей населения страны, мы подсчитали: наше сельское хозяйство должно производить в год 100 миллионов тонн молока. Эту цифру вносим в план. Реализовать его можно разными путями. Первый:

даем прямое задание каждой республике — произвести такое количество молока. Республики разверстают его по своим областям, области — по районам, районы — по колхозам и совхозам. Дальше сажаем контрольный аппарат и с его помощью выколачиваем «план».

Это одна форма планирования — адресная.

Но может быть и другая, диаметрально противоположная по сравнению с предыдущей. Мы устанавливаем на молоко определенную закупочную цену и говорим колхозам и совхозам: хотите — производите молоко, не хотите — не производите, это ваш вопрос. Сумеете наладить дело так, что при установленной закупочной цене получите значительный экономический эффект, ваши работники будут получать бо́льшую зарплату, бо́льшие отчисления пойдут в фонды социального развития и материального поощрения. Вся хитрость — вычислить такую цену на молоко, чтобы те, кому она будет выгодна, произвели вместе как раз необходимые стране 100 миллионов тонн.

Но могут быть еще и промежуточные формы планирования. Скажем, устанавливаем адресные задания не на все 100, а всего на 70 миллионов тонн молока. Колхозы и совхозы, выполнившие план, вправе продать свои излишки государству, потребкооперации, отвезти их на рынок или переработать у себя на масло, творог, сыр и реализовать эти продукты по своему усмотрению. Но все это должно быть увязано таким образом, чтобы общий объем производства молока составил все-таки те самые 100 миллионов тонн, которые, согласно подсчетам, необходимы стране.

— Перелом, который нам предстоит совершить в социальной сфере, по своим масштабам не уступает качественному скачку, намеченному в экономике. Строго говоря, нельзя отделять одно от другого. Ведь и экономику страны мы хотим вывести на новый, более высокий, уровень не ради самой экономики, а для того, чтобы удовлетворять растущие потребности людей на более высоком уровне. Чтобы росло их благосостояние, возможности для всестороннего развития, чтобы был поднят на более высокий уровень и социалистический образ жизни. Эффективность народного хозяйства, которой мы хотим достичь, должна в конечном итоге обратиться на пользу человеку и привести к высшему в мире уровню жизни. Причем не такому, который есть в других странах, а качественно новому, с учетом наших социалистических преимуществ. Собственно, и сейчас отдельными примерами, отдельными сторонами жизни мы можем показать и доказать свои завоевания: полная занятость населения, отсутствие безработицы, дискриминации, эксплуатации человека человеком, регулируемый и довольно короткий рабочий день (и это при относительно низком пока уровне производительности труда по сравнению с другими развитыми странами), общественные фонды потребления, достижения в области социальных льгот и приоритетов. Однако есть сферы, где мы серьезно отстаем от развитых стран: по уровню реальных доходов, обеспеченности и комфортности жилья, средней продолжительности жизни, среднему уровню образования и некоторым другим аспектам, где нам предстоит еще много поработать...

У нас под понятием «благосостояние» обычно подразумевают уровень материального достатка. Нашей же главной целью является сделать жизнь человека лучше, включив в эту задачу самые разные аспекты, и материальный достаток в том числе.

Помните знаменитое уточнение Владимира Ильича Ленина к проекту Программы партии, предложенному Плехановым? У Плехано-

ва было сказано, что целью общества будущего является достижение благосостояния всех его членов. Ленин с такой формулировкой не согласился и уточнил, что конечной целью общества должно стать достижение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Улавливаете разницу?

В своих работах Карл Маркс и Фридрих Энгельс придавали большое значение такому элементу социалистического образа жизни, как расширение свободного времени, считая, что люди будут использовать его для своего духовного развития и самосовершенствования.

— Не секрет, что проблем, связанных с ростом благосостояння н всестороннего развнтня всех членов нашего общества, немало. Какне нз ннх, Абел Гезевнч, на ваш взгляд, нанболее важные, требующне первоочередного решення?

— Это сложный вопрос, так как все, что касается человека, нужио рассматривать в комплексе и очеиь трудно из всего круга проблем выделить одну или несколько, сказав: это главное. Поэтому те проблемы, о которых сейчас пойдет речь, я буду ранжировать по их остроте.

Нерешенной является проблема продовольствия. Для развитой страны, какой мы являемся, для времени последней четверти XX века, когда живем, мы питаемся плохо, прежде всего с качественной стороны. В первую очередь у нас не удовлетворена потребность населения в продукции животноводства. Хронически не хватает животных белков и жиров. Дело даже не в количестве, не в том, что мы хотим иметь на душу населеиия 80 килограммов мяса, а съедаем пока только 61 килограмм. Дело не в этом. Ибо в питании важны качество и структура потребляемых продуктов. Мы едим в основном мороженое мясо, которое утеряло половину своих питательных веществ. Мы едим перемороженную рыбу, в которой тоже осталось мало проку.

Вторая задача из области продовольствия — фрукты и овощи. Тут у нас наибольшее отставание, так как по потреблеиию фруктов и теплолюбивых овощей мы втрое отстаем от нормы. Речь идет не о глобальиых, обобщенных цифрах, а о равиомерном обеспечеиии в течение всего года. Все наши обобщеиные показатели смазывают, искажают истинное положение дел, иичего не говорят о сезонности снабжения этими продуктами.

Мы живем в год 70-летия Октябрьской революции, 42 года прошло после победного завершения Великой Отечественной войны, а зайдешь в магазин...

Нельзя больше мириться с таким положением. Задача, которая стоит перед нами в этой области, иа самом деле гораздо сложнее, чем это многим представляется. Наши достижения в области продовольствия в последний период совершенно неудовлетворительны. В одиннадцатой пятилетке, например, производство сельхозпродукции выросло по сравнению с предыдущей всего на 6 процентов, а наше население за то же время увеличилось на четыре с половииой процента. Другими словами, в расчете на душу производство продовольствия топталось на месте, тогда как денежиые доходы населеиия поднялись за это время на 20 процентов. Чтобы как-то сгладить остроту положения, мы вынуждены были ежегодно закупать за границей десятки миллионов тонн зерна, до миллиона тонн мяса и много-много другого продовольствия.

Мало того, что этот факт нетерпим для великой державы, имеющей все условия для полного удовлетворения своих насущных потребностей в продовольствии, он вносит в нашу экономику определенный дестабилизирующий момент. Мы проедаем средства, кото-

рые могли бы использовать на мировом рынке более рационально. Предположим, для приобретения товаров, необходимых для ускоренного развития народного хозяйства.

Решение продовольственной проблемы — одна из ключевых наших задач на оставшиеся годы XX века. Большие планы предстоит осуществить в этой области уже в двенадцатой пятилетке, когда темпы производства сельскохозяйственной продукции должны почти в два с половиной раза превысить темпы, достигнутые в предыдущем пятилетии: не 6, как тогда, а 14,4 процента. Это позволит нам во многом отказаться от импорта тех видов продовольствия, которые мы можем (и должны!) производить сами при улучшении снабжения населения: зерно, мясо, масло.

Мы приняли экстренные меры по коренной реорганизации аграрного комплекса, ликвидировав ряд министерств, установив новую систему управления на селе, ввели принципиально новый хозяйственный механизм, сделали ставку на коллективный подряд, семейный подряд. Создаем агропромышленные объединения.

Мы резко расширили (во всяком случае, пытаемся расширить) самостоятельность низовых звеньев, сделали ставку на интенсивные технологии, которые позволяют стабильно получать высокие урожаи независимо от капризов природы. Мы резко увеличили капвложения во все звенья, связанные с сохранностью и доведением продукции до потребителя: в систему заготовок, хранения и переработки урожая...

— И все-таки, судя по нашим магазинам, нельзя сказать, что в данной области достигнут перелом. Может быть, это происходит потому, что по старой своей привычке мы не доводим дело до конца?

— Говорить о коренном переломе действительно пока рано. В самом этом слове «перелом» содержится смысл необратимости процесса, когда возврата к прежнему нет. Сейчас трудно говорить об этом с полной уверенностью. Тем не менее существенный сдвиг в этой области налицо.

В 1986 году мы увеличили производство сельскохозяйственной продукции на 5,1 процента. Это, грубо говоря, почти столько же, сколько за всю одиннадцатую пятилетку. Причем наибольший прирост достигнут в самой трудной отрасли — животноводстве, которое раньше топталось на месте. Тут пошли по пути интенсификации: выбраковав малопродуктивных коров, сумели увеличить рацион стада, дававшего хорошие привесы и надои. И получили результат, хотя по погодным условиям год не был легким. Еще большие приросты здесь достигнуты за истекшие месяцы этого года.

Так что перестройка в нашем агропромышленном комплексе уже дает определенные плоды. Хотя многое еще недоделано, не доведено до логического конца. Еще не все получилось как хотелось. Много извращений, неразберихи. По-прежнему преобладает администрирование, на деле урезаны права колхозов и совхозов. Перестройка — процесс болезненный, а перестановка кадров всегда ведет к частичной потере управления. Но в целом о происходящем процессе нужно судить не по словам, а по результатам. Сдвиг к лучшему уже есть. К концу нынешней пятилетки мы должны добиться коренного перелома.

Это должно быть обязательно. Но проблему эту нельзя решить только путем роста производства, изменением ассортимента, улучшением хранения, переработки и так далее. Мы не добьемся полного удовлетворения платежеспособного спроса, не решив проблему цен. Сейчас государственная розничная цена на мясо в 2 раза ниже его себестоимости. За каждый проданный в госсети килограмм мяса государст-

во фактически доплачивает покупателю 3 рубля, а за литр молока — 20—30 копеек. Все животноводческие продукты находятся у нас на государственной дотации, достигающей почти 50 миллиардов рублей в год. Такое положение ставит в совершенно неравные условия разные районы страны. Высокооплачиваемые категории граждан, покупающие больше мяса, имеют втрое больше дотаций от государства, чем малообеспеченные, а это социально несправедливо. Дотации берутся из общего кармана, а продовольственные фонды распределяются далеко не на равных. Это приводит к их нерациональному использованию, ибо всякая цена, не отражающая истинную эффективность продукта, приводит к его нерациональному использованию.

Другими словами, перед нами стоит сложная, комплексная, социальная проблема, от решения которой нам все равно никуда не уйти. И понятно, что вопрос о реформе розничных цен включен в систему мероприятий по перестройке управления, рассматривавшихся на июньском Пленуме ЦК КПСС.

Вторая, не менее, а, может быть, даже более трудная задача — удовлетворить потребности людей в промышленных товарах широкого потребления и в услугах. В прошлой пятилетке производство промтоваров выросло на 20 процентов, услуг — на 25. В нынешней, согласно имеющимся планам, мы постараемся поднять их еще соответственно на 31 и 50 процентов.

Однако, как и во всех сферах, количественные показатели здесь не самое главное. Качество ширпотреба и услуг — это проблема проблем. Не будем далеко ходить, обратимся к простейшему примеру.

В 1985 году мы выпустили 788 миллионов пар кожаной обуви, США — только 300 миллионов. Если поделить на душу населения, у нас пришлось по 2,8 пары на человека, у американцев — всего 1,3 пары. У них в магазинах обуви навалом, на любой вкус и относительно недорогой. У нас формально тоже навалом, полки ломятся. Но купить, грубо говоря, «нечего». Эта обувь лежит потому, что она не очень удобна, не модна, не красива. Если ее и покупают, то только потому, что ничего другого нет. Да и, купив, не всегда носят. А когда «для плана» в конце месяца или квартала в магазине «выбрасывают» какой-нибудь импорт — то ведь не доберешься до прилавка. Если говорить откровенно, наша обувная промышленность во многом просто переводит кожу и материалы.

— Опять пресловутый затратный характер производства и диктат производителя над потребителем?..

— Раз такие принципы лежат в основе нашей экономики, перед ними все отрасли равны — и те, что варят металл, и те, что шьют женские сапожки.

Но вернемся к качеству. Оно во многих случаях у нас ужасно. Год от года мы теряем здесь свои былые преимущества и позиции. Вспомним хотя бы 50-е годы. Да, наши вещи были не такими красивыми и не такими модными, как зарубежные, но зато любая из наших была более долговечной. Неказистые отечественные радиоприемники работали десятилетиями. Наша автомашина «Победа» (сейчас увидишь на улице — волнуешься) даже для своего времени была не такой уж модной или быстроходной, но отличалась прочностью, надежностью.

В середине 50-х годов, сразу после окончания института, я в ГУМе купил маме телевизор. Черно-белый, с небольшим экраном. Он проработал лет 20 — и ничего в нем не ломалось. А наши первые холодильники «Саратов» и «ЗИЛ»? Ведь раньше мы вообще не знали, что такое мастер по ремонту бытовой техники. Мы их никогда не вызывали, потому что она не ломалась.

А сейчас? Это же страшное дело: более 2 тысяч раз в год происходит загорание цветных телевизоров только в Москве. Вместе с ними горят дома. Последний пожар в гостинице «Россия» произошел как раз по этой причине. Разве не преступление — разработать и выпускать такую конструкцию телевизора, что он становится предметом повышенной пожароопасности.

А наши «Волги»? Ведь надо же суметь так модернизировать автомашину, перейти на такую новую модель, что многие страны запретили ввоз ее. Она не соответствует никаким требованиям безопасности, предъявляемым к современному автомобилю. Одновременно не отвечает экологическим требованиям, которые ныне предъявляются к автотранспорту. Она загрязняет окружающую среду в значительно большей мере, чем допустимо для моделей ее класса. У нашей «Волги» дико высокий расход бензина и масла. Низкий комфорт. По этому показателю она уступает иностранным машинам даже малого класса. Вполне понятно, почему ее не разрешают импортировать многие государства.

Я мог бы понять горьковчан, если бы они разработали и начали выпускать эту машину лет 20 назад, когда требования к автомобилю были иными. Задержалась, мол, старая модель на конвейере. Так ведь нет же! Они модернизировали «Волгу» сейчас, когда уже во всем мире приняты международные стандарты по безопасности, по уровню экологической чистоты выхлопных газов и так далее. Это до какой же степени безответственности надо дойти!

Качество — наша острейшая болезнь. На ее признаки наталкиваешься на каждом шагу.

Сложный период нашего развития, который был подробно проанализирован в докладах Михаила Сергеевича Горбачева на январском, а затем и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС, был временем застоя, временем апатии. Дело не только в том, что мы произвели меньше, чем требовалось, продукции, снизили темпы развития. Это был период (особенно десятая и одиннадцатая пятилетки) разлагающей безответственности, вседозволенности, когда были нарушены некоторые «святые» в прошлом принципы: добросовестность, уважительное отношение к труду, дисциплине. Именно в это время появилась болезнь, которую иногда называют «всеобщей электрификацией»: «всем до лампочки». Тогда-то и начало рушиться наше качество, проявилась социальная эрозия.

Чтобы поправить положение, мы вынуждены были прибегнуть в самое последнее время к чрезвычайным мерам, которые в нормальных условиях не должны приниматься: пошли на принудительное снижение цен на старые некачественные изделия. Плохие изделия вообще не подлежат аттестации. У тех, что не «вытянули» на Знак качества и первую категорию, цена без всяких разговоров и обсуждений снижается на 30 процентов. Если изделие получило все-таки первую категорию, но на высшее качество так и не вышло, государство снижает его цену сначала на 5, потом на 10, потом на 15 процентов. У предприятия изымается прибыль, коллектив лишается премии. Такое экономическое давление должно дать свои результаты...

— А почему не доверить это рынку?

— Сейчас нет такого рынка. Так как все еще существуют дефицит и диктат производства. Потребитель вынужден — пусть в меньшем количестве — приобретать негодный комбайн, устаревший трактор, многое другое — некуда деться, выбора нет.

Легкая промышленность и торговля переведены на новую экономическую систему хозяйствования. Смысл ее в том, что торговля не за-

интересована заказывать плохие вещн, нметь запасы, ибо за это ее работинкн будут расплачиваться рублем нз собственного кармана. Это заставляет торговлю заказывать только те товары, которые пользуются спросом. Значит, и промышлениость, в свою очередь, выиуждеиа работать только по заказам торговлн н менять в соответствии с ситуацней иоменклатуру. Но здесь пока не все получается. Не удалось по-настоящему увязать доходы трудовых коллектнвов с конечными результатамн труда. Но в целом здесь мы иа верном пути. Запасы сокращаются, ассортимент меняется более ннтеисянво.

В общем, идет довольио-таки болезиеиный процесс.

Одиако одинх экоиомнческих мер для повышеиня качества на данном этапе оказалось иедостаточно. Мы выиуждеиы были прибегиуть к прямому админнстрироваиню — госпрнемке. Эта вынужденная, времеииая (пока нет контроля потребителя) мера привела многие преднрнятия в шоковое состояние. Первые результаты показывают, что качество выпускаемой продукции улучшилось, хотя, к сожалеиию, как мие кажется, госприемке ие удалось полностью избавиться от воздействия производителя. То, что работнннкн госприемкн стоят на учете в партнйных н профсоюзиых органнзациях предприятий н иаходятся, таким образом, в дисциплниарной и материальиой (дома отдыха, места в детскнх садах, жнлье) зависимости от инх и местиых властей, не ндет иа пользу делу.

Плохое качество — это худший способ растраты человеческого труда, сырья, фондов под видом какой-то деятельности. Создается иллюзия буриой работы прн мнзерном результате. Это моральио растлевает людей. Экономический вопрос приобретает иегативиую политическую окраску.

Пресса не раз писала, что у иас в страие не производятся ножиицы для парикмахерскнх. Вериее, те, что пронзводятся, не режут, н мы выиуждены покупать ножницы за граинцей. Ну до какой же степеии безобразня можно дойти!

В качестве товаров потреблеиия проявляется реальное отиошенне к человеку. О последием иужно судить не по словам, а по делам. Мы привыклн без усталн на каждом перекрестке вещать, что дети — привнлегнрованный класс, что к иим прнковаио всеиародиое внимание, что товары для детей у иас миого дешевле, чем для взрослых, и так далее в том же духе. Но возьмите элементарный детский велосипед, и сразу станет поиятиа цеиа иаших великолепных деклараций. В свое время я перекупил их для сына, иаверное, штук пять илн шесть и по своему лнчному опыту зиаю, что сама конструкция, металл, из которого онн сделаны, сборка — все брак. Цепь постояино соскакивает, обода гнутся, какие-то внитики откручнваются, какие-то детали отваливаются. А казалось бы, что может быть проще детского велосипеда?

— Насыщение рынка разнообразными качественнымн товарамн всегда было нашей неразрешнмой проблемой. А вот сейчас вы говорите об этом, в общем-то прнвычном для нас деле так, будто мы достиглн какого-то крнтического рубежа...

— А ведь так и есть. Сейчас у иас образовался огромный разрыв между платежеспособным спросом и его материальным покрытием — ои достигает десятков миллиардов рублей в год. Часть деиег складывается на сберегательные киижки (эта сумма уже достигла примерио 250 миллиардов), часть — в кубышки. Люди покупают иеиужные вещи — надо же куда-то девать деньги... Этот разрыв очень опасен. И не только потому, что ои дезорганизует товарооборот и реальио обесцеиивает рубль (если вы иа рубль ие можете купить то, что вам иужио, выиуждены тратить иа всякий предлагаемый суррогат, то

какая цена этого рубля?). Есть последствия гораздо худшие. Главное из них — подрыв материальной заинтересованности работника. Нет смысла зарабатывать лишние 10—20 рублей, так как их некуда с пользой истратить. Гораздо важнее не заработать эти деньги, а устроиться на такое предприятие или в такое учреждение, на территории которого есть магазин, буфет, где можно купить дефицит. Где есть закрытый распределитель или ателье. Где более свободно с путевками в дома отдыха. В общем, начинает развиваться психология, что не так важна зарплата, которая во многих случаях уже не является мерилом качества и количества труда, а важно примоститься к тому краю социалистической собственности, где можно урвать какую-то выгоду.

Вы никогда не задумывались о том, почему мощные мужчины работают вдруг шоферами «персональных» легковых автомобилей? Таких машин в СССР сотни тысяч. Ни в одной другой стране такого разврата нет. Если на Западе персональные шоферы и прикреплены к какой-либо организации, то возят они самых высоких руководителей: президентов крупнейших банков, компаний. Остальное начальство — само за рулем.

Но вернемся к нашим шоферам. Большинство из них имеют первый класс и могли бы работать слесарями пятого-шестого разряда, получая ежемесячно вместе с премией минимум 250—300 рублей. Но они довольствуются 130—150 рублями при средней по стране зарплате в 190 рублей. Почему? Ведь чтобы получить первый класс, надо было учиться, повышать квалификацию, переходить с третьего класса на второй, со второго на первый, иметь огромный безаварийный наезд...

А дело в том, что они «примостились» к тому краю социалистической собственности, где государственный автомобиль стал полуличным орудием труда. Пока «хозяин» где-то заседает, совещается, руководит, его шофер, имея в своем распоряжении машину, чуть-чуть «калымит», подвозит, ремонтирует, не говоря уже об использовании автомобиля для личных нужд. Я не хочу огульно хаять всех водителей «персоналок», но то, что это явление стало повсеместным,— факт неоспоримый.

Подобное отношение к социалистической собственности подчас как бы провоцируется несуразностями в принятой системе оплаты труда. В целых сферах народного хозяйства (торговле, пищевой промышленности, особенно на мясокомбинатах) уже исторически сложились неоправданно низкие заработки, которые вроде бы заранее предполагают, что работники этих сфер будут иметь «левый» приработок: что-нибудь возьмут, унесут, взимут дополнительную плату за дефицит. Иначе непонятно, как на такую зарплату можно прожить.

Это очень опасное явление...

— Предположим, что наш рынок в достатке насыщен всеми необходимыми промышленными и продовольственными товарами, а также услугами — что тогда?

— Тогда ваше благосостояние будет определяться вашим заработком, а чтобы этот заработок был больше, вы будете трудиться с другой энергией. Теперь уже каждая заработанная вами десятка будет важна, потому что она будет иметь цену.

Насыщение рынка товарами и услугами — это конец дефициту, который является экономической базой для массовой спекуляции, взяточничества, такого ненормального явления, как вещизм. Отпадает необходимость во всякого рода распределителях, закрытых магазинах, буфетах, столовых. Насыщенность рынка товаром дает совершенно иное качество жизни. Вы получаете, допустим, больше меня, но при разнообразии товаров и услуг я могу одеваться почти как вы.

Просто у меня будет набор одежды несколько дешевле, но выглядеть он будет так же, как и ваш костюм, хорошо. Широкий выбор товара позволит мне маневрировать своими средствами...

В Венгрии удалось установить равновесие между спросом и предложением на внутреннем рынке, относительно насытить его разнообразными товарами, и сразу заинтересованность людей в труде резко возросла. Насыщенность рынка — огромный стимул и материальный резерв повышения производительности труда. Я уже не говорю о других его последствиях, которые имеют значение для морального здоровья общества.

Мне неоднократно доводилось бывать в этой стране, и, естественно, я отмечал про себя не только то, что касалось непосредственно работы. Так вот, меня поразило, что ни в одном, даже самом высоком, учреждении нет своей столовой, она не нужна: рядом множество столовых, кафе, ресторанчиков, где кормят быстро и хорошо. Нет там и магазинов «Березка» — все можно купить в обычных.

Вот это и есть не теория, а практика, хотя, надо сказать, она нам не особенно привычна.

Однажды на вечерней будапештской улице я встретил своего давнего друга, довольно крупного нашего руководителя. Он возвращался с какого-то приема (дело происходило до 17 мая 1985 г.) и был немного навеселе.

— Абел,— говорит он мне возбужденно,— я здесь первый раз. Тут в магазинах все есть — какой же это социализм?

Вдумайтесь в это: человек подразумевает под социализмом хронический дефицит и распределение товаров. Это же целая идеология!

Но мой знакомый был хотя бы руководителем не столь высокого ранга, чтобы оказывать влияние в этой области. Но как-то я был приглашен на очень серьезное совещание, где весьма ответственный товарищ (не буду его называть, так как он уже освобожден от должности), выступая перед экономистами, стал поучать их и в очень острой форме критиковать Венгрию, ее опыт:

— Вы представляете, до чего они дошли? Любой человек может купить в магазине, что он хочет. Вы представляете, к чему это ведет?

Тут академик Г. А. Арбатов не выдержал, вмешался:

— Ну к чему это ведет? Это и есть социализм, когда каждый, у кого есть деньги, может купить то, что хочет. Лишь бы деньги были заработаны честным трудом...

Можете представить, что тут началось!..

— Абел Гезевич, обилие товаров в венгерских магазинах действительно оставляет неизгладимое впечатление на наших соотечественников. Но цены, честно говоря, «кусаются». К тому же они постоянно растут. Недавно они поднялись еще немного...

— Для того чтобы понять, повлиял ли рост розничных цен на благосостояние населения, нужно знать, насколько за этот период увеличились его доходы и за счет чего. Все это не так просто, как порой кажется. В развитии венгерской экономики есть серьезные трудности. И венгерские товарищи с ними справляются.

Что же касается нашей системы ценообразования, то она просто порочна, так как сложилась в условиях дефицита, когда не нужно было учитывать спрос: какую назначишь цену, по такой и возьмут товар. Но цены — лишь одна сфера, где необходимы серьезные изменения. Есть и более фундаментальные вещи: у нас деформирована сама система распределения доходов и расходов, которая нуждается в кардинальной реформе.

— Если взять денежные доходы нашего населения, то из них примерно 75—80 процентов идет на покупку товаров. Подоходный налог

у иас иебольшой и иеднффереицироваииый: 13 процеитов — потолок. Ни в одной страие такого нет. Квартплата и коммуиальиые услуги заиимают в расходах примерио 3 процеита. За образоваиие мы ие платим, за здравоохраиеиие тоже. Сфера услуг у иас до того ие развита, что даже еслн ты н рад уплатить, то иекому и не за что. Поэтому почти все свои заработкн мы тратим иа товары, которых, естествеиио, ие хватает.

Реформа, о которой я говорил, ие означает, что иужио повысить розиичиые цеиы и таким образом забрать у людей часть зарплаты и сиизить их покупательиые возможиости. Мы — социалистическое государство, этот путь иам заказаи. Если мы существеиио повысим цены иа массовые продукты (мясо, масло, хлеб, иапример), мы должны это полиостью компенсировать прибавкой зарплаты, пенсий, стипеидий. Ииаче это ие будет соответствовать политике партии н правительства в повышении благосостояиия иарода.

Этой проблемой давио и глубоко заиимается группа известиых советских экоиомистов, специализирующихся в области социальиых вопросов: академик Заславская, члеи-корреспоидеит Шаталии, доктор экономических иаук Римашевская, Майер, Ракитскнй и другие. Я попытаюсь в вольиом варианте изложить выводы, к которым оии пришли в результате всесторонних и тщательиых исследоваиий. Ссылаюсь иа иих потому, что, во-первых, полиостью согласеи с их точкой зреиия, а во-вторых, чтобы ие прнписывать себе нх трудов, ибо личио мои нитересы лежат в иесколько иных областях экоиомики.

Так вот, их мысль сводится к тому, что иам иужен новый социальный подход к решению проблем благосостояиия. Чтобы, не отказываясь от преимуществ, достигиутых нашим обществом в этой области, мы могли привлечь средства иаселеняя в целях повышения его уровия жнзин.

Например, общеизвестно, что у иас самая иизкая квартплата. В капиталистических странах жнлье (сравиимое с иашим по площадн и уровию комфорта) стоит в десятки раз дороже, чем у иас, и иа его оплату идет зиачительиая доля общих доходов семьи. Но вот удивительный парадокс: если взять разные компонеиты материальной обеспечеииости иашего иаселения, то окажется, что самое сильное отставаиие — по жилью. Человек может иметь цветиой телевизор, но в то же время ие имеет квартиры. В третьей частн иашего жилого фоида нет каиализации и водопровода. Во дворе дома с печиым отоплеиием, где нет ни каиализацни, ни водопровода, можио увидеть автомобиль хозяиив. И ои к тому же собирается к своему телевизору купить вндеосистему. Это явиый перекос. У иас владельцев личиых автомобилей больше, чем владельцев телефоиов, нли уж, во всяком случае, близкое к тому соотиошеиие. А ведь это не сопоставимые по цеие вещи.

В этой сфере у иас все крайие искажено. В средием по страие иа душу иаселеиия приходится около 16 квадратиых метров жилой и полезиой площади. Но этот показатель очеиь дифференцироваи. Примерио 17 процентов семей — это, дай бог ие соврать, миллнонов 40—50 человек — все еще живет в коммуиальных квартирах или общежитиях. Часто муж — в одном, жена — в другом или — в лучшем случае — в одиой комиатке, да еще воспитывают ребеика.

С одиой стороны, такая острейшая нужда в жилье, с другой — около 250 миллиардов рублей лежит иа сберкиижках, часть которых люди готовы отдать, лишь бы улучшить свои условия. Но, удивительиое дело, купить кооперативиую квартиру — проблема. Очередь — миллиои семей. А если бы была свободиая возможиость за свои деньги

улучшить жилье — очередь составила бы десятки миллионов человек. Чтобы истратить свои собственные деньги, нужно ловчить, изворачиваться. Уму непостижимо.

Надо предоставить людям возможность покупать любые квартиры, перестраивать их на свой вкус. Строить любые собственные дома, дачи, домики на садовых участках, которые бы отвечали их личным вкусам и потребностям. Можно представить, сколько бы денег было снято со счетов и извлечено из кубышек, если бы предоставилась возможность решить эту самую важную для каждой семьи проблему — жилищную. Это бы резко подняло уровень благосостояния людей и значительно облегчило бремя государства, которое ежегодно расходует очень крупные средства на строительство жилищного фонда.

— Есть деньги, есть острая потребность в квартирах — что же не срабатывает?

— Не срабатывает наше мышление. Многие связывают рост платы за жилье с утерей одного из главных наших завоеваний в социальной области. А это не совсем так. Более того, именно здесь получит яркое материальное подтверждение наше стремление к социальной справедливости, о которой мы неустанно говорим в последнее время.

— Хорошо. Как это практически будет выглядеть?

— Сначала нужно установить какой-то определенный размер жилья (назовем его социальной нормой), которое государство на данном этапе развития может предоставить своим гражданам при мизерной, как сейчас, квартплате. Естественно, площадь этого жилища (допустим, 20 квадратных метров на человека) должна обеспечивать членам семьи скромные, но вполне нормальные условия для проживания. Площадь квартиры сверх этой социальной нормы должна оплачиваться по реальной стоимости жилища.

— Сколько же это выйдет?

— Я как-то подсчитывал, получилось, что стоимость квадратного метра жилья в Москве колеблется (в зависимости от комфортабельности дома) от 2 до 4 рублей в месяц. В среднем, значит, три.

— При излишках может набежать приличная сумма...

— Конечно. Поэтому к общему порядку мы должны подойти достаточно гибко. Допустим, предусмотреть льготы ветеранам, пенсионерам или, предположим, одиночкам, которые живут в однокомнатных квартирах таких проектов, что получается лишняя площадь. Ведь от нее излишки не отрежешь.

Такой подход уравнивает граждан при получении гарантируемых социальных благ. Все, что граждане захотят получить сверх социальных норм, должно ими оплачиваться полным рублем.

— Все-таки, Абел Гезевич, получается не совсем понятная ситуация. Каждый год, каждую пятилетку мы заявляли о колоссальном жилищном строительстве, а теперь вот признаем: самое сильное отставание у нас как раз в этом...

— В каждую из последних четырех-пяти пятилеток мы строили по 10 миллионов квартир и отдельных домов. В принципе это много. Но для нашего 280-миллионного населения (примерно 65—70 миллионов семей) это чрезвычайно мало, особенно если учесть, что параллельно с новым строительством мы выводим из эксплуатации большой объем ветхого жилья. Легко посчитать, что при старых (недавно считавшихся блестящими) темпах решение жилищной проблемы затянется лет на 50. Это недопустимый срок.

Нам необходимо за счет всех источников по крайней мере раза в полтора увеличить жилищное строительство. Мы к этому стремимся. Если за предыдущие 15 лет было сдано полтора миллиарда квадратных метров жилья (включая деревянные строения), то к 2000 году

планируется ввести только комфортабельного 2 миллиарда квадратных метров. Выполнение такой напряженной программы вполне реально, хотя оно потребует известных усилий и расширения строительной базы.

И возвращаясь к нашей теме, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что никакое новое строительство не поможет справедливому в социальном смысле решению вопроса. Ведь и сейчас, если выводить средние квадратные метры на душу населения, дела с жильем обстоят у нас не так уж плохо. «Спотыкаемся» мы на его распределении: у одних вдвое-втрое меньше санитарной нормы, у других — непомерные излишки. Причем последнее необязательно происходит по злому умыслу (хотя есть и такое). В одном случае взрослые дети, заведя собственную семью, покинули родительский кров. В другом — дети унаследовали огромную квартиру после смерти родителей. Причины могут быть разные, суть одна: излишки площади, которые по закону о неприкосновенности жилища изъять нельзя, при нынешней низкой квартплате не являются особо тяжелым бременем для семейного бюджета...

— А как быть с такими социальными благами, как здравоохранение и образование, которые мы испокон веков привыкли получать бесплатно?

— Схема остается та же самая: до известного уровня общество гарантирует вам бесплатное обслуживание, все, что сверх того,— за ваш счет.

Например, сейчас вы ни копейки не платите за пребывание в больнице. Вам предоставили место в палате на несколько человек. Вас лечат, кормят. Назначают вам разные процедуры, делают анализы, проводят, если надо, операции — все за счет государства. Но на том уровне, который может оно обеспечить всем гражданам. Если вам этот средний уровень не подходит и вы хотите лежать в отдельной палате, с цветным телевизором, телефоном, иметь дополнительное, более дорогое питание — пожалуйста: все будет предоставлено за соответствующую плату. Если вам не нравится, чтобы к вам домой ходил обычный участковый врач, услуги которого оплачивает государство, и вы хотите лечиться у более опытного врача с известной репутацией или, еще лучше, вы хотите иметь семейного врача из числа работающих в платной поликлинике — пожалуйста, вам будут предоставлены не только их высококвалифицированные услуги, но и счет из этой поликлиники.

Сейчас все наши бюджетные расходы на здравоохранение составляют более 18 миллиардов рублей в год, где-то 3—4 процента национального дохода. Это самая низкая доля в национальном доходе среди всех развитых стран мира. Мне кажется, наши люди могли бы много дать для поддержания своего здоровья из личных сбережений.

Аналогичная ситуация с образованием. Если я хочу что-то дать своему ребенку сверх школьной программы (будет ли это физика, математика, иностранный язык или игра на фортепиано — неважно), я обязан оплатить такой факультатив. Разумеется, должны существовать специальные фонды и спецшколы для одаренных, талантливых детей. Их обучение, а в иных случаях и содержание должно взять на себя государство, ибо каждый талант — наше национальное достояние, и мы обязаны создавать особые условия для его развития.

Возвращаясь к изначальной мысли о необходимости менять структуру расходов населения, я хочу сказать: мы должны довести долю товаров в этих расходах с 80 процентов, грубо говоря, до 60, а со временем и 50, одновременно резко увеличив траты в других областях: сфере услуг, жилищном строительстве, здравоохранении...

— Наше здравоохраиеине вы поставили в один ряд с самыми острыми проблемами страиы. Хотя мы как-то привыкли, что в чем, в чем, а уж в этом деле у иас полиый порядок...

— Такое заблуждение основывалось на отсутствии объективной информации. Обратимся к фактам. В 1986 году впервые за последние 20 лет в нашей стране повысилась средняя продолжительность жизни, которая равна теперь 69 годам. Сам факт, что целых 20 лет она не повышалась, удручающ. Но еще обиднее, что по средней продолжительности жизни мы существенно отстали от многих развитых стран, с которыми были вровень еще в 60-е годы. В то время как они, сумев улучшить здравоохранение, снизили детскую смертность и особенно смертность мужчин в активных возрастах, в нашей стране шли обратные процессы.

В самое последнее время благодаря очень серьезным мерам по борьбе с пьянством и алкоголизмом нам удалось переломить эту тенденцию. Можно уверенно сказать, что это сберегло многие десятки тысяч жизней, главным образом мужчин в активных возрастах.

Мы больше стали уделять внимания охране детства и материнства, увеличив отпуск по беременности, расширив льготы матерям малолетних, что позволило стабилизировать и даже снизить детскую смертность, которая все же остается высокой.

Но дело не только в таких бросских показателях, как продолжительность жизни, детская смертность или смертность в отдельных группах населения, а в общем состоянии здоровья населения страны. Оно-то как раз своей остротой и вызывает наибольшую озабоченность. На мой взгляд, нет у нас сейчас более злободневной проблемы, чем кардинальное улучшение здравоохранения. Именно поэтому ЦК КПСС, правительство в последнее время не раз возвращались к этим вопросам в своих постановлениях. Проблема здравоохранения — дело настолько первостепенной важности, что для ее решения необходима, мне кажется, комплексная общесоюзная программа.

Надо понять, что улучшение здоровья — это не только лечение. Здоровье человека формируется еще в утробе матери. Поэтому его состояние в значительной мере определяется ее образом жизни, культурой, качеством питания, жилищными условиями и так далее. Значит, необходим комплекс мер по охране материнства.

Нужно уделять больше заботы о здоровье подрастающего поколения, ибо нынешний ребенок — завтрашний взрослый. И тут сразу возникает масса аспектов, требующих внимания: условия в детских учреждениях, школах, возможности для занятий физкультурой, спортом, туризмом.

Неотъемлемой частью комплексной программы здравоохранения должна стать и охрана окружающей среды.

Все наши мероприятия в этой области должны быть направлены на то, чтобы сделать здравоохранение развитой сферой нашего народного хозяйства, что, разумеется, потребует резкого увеличения ассигнований. Сейчас существенно повышаются заработки медицинским работникам. Но нам необходимо создать высокоразвитые отрасли по производству медицинской техники, осуществлять разного рода профилактические мероприятия и многое-многое другое.

— Если огромиую проблему «здравоохраиеине» разбнть иа ряд составляющих ее «подпроблем», то какая из них, на ваш взгляд, прииосит иаибольший экономический ущерб? Разумеется, ведя такой подсчет, мы будем помнить, что здоровье людей дороже любых денег, превыше всего...

— Я считаю такой гигантской проблемой условия труда. Они являются показателем уровия жизни. С иими иеразрывио связаиы такие явления, как травматизм, профессиональные заболеваиия, общее самочувствие работиика, не только физическое, но и моральиое. Влияют они иа производительность и качество труда. Таким образом, условия имеют одиовременно и социальные, и здравоохранительные, и экономические аспекты.

К сожалению, недооценка всего этого в последние два-три десятилетия способствовала росту негативных процессов в нашей экономике. Казалось бы, сколько денег мы вколотили в строительство новых предприятий, сколько новой высокопроизводительной техники ввели в строй, а ручным трудом народа у иас заиято сейчас больше, чем 30 лет иазад!

Потому что все делалось некомплексно. Мы вкладывали деньги без четких социальиых приоритетов. Если бы из этих сумм хотя бы 10 процеитов пошло на ликвидацию тяжелого, монотоииого, вредного труда, мы имели бы значительио больший успех.

Сейчас у иас 50 процентов рабочих и колхозников занято ручным трудом. Необходимо к 2000 году сиизить этот показатель до 15—20 процеитов, причем физически тяжелый, монотонный труд должен быть исключен полностью. Само собой это не устранится. Нужиа тщательно разработанная программа и материальная база для ее реализации.

В нас укоренилась привычка недооценивать социальные факторы, считать их чем-то второстепенным, экоиомить на них. Тогда как даже плохое настроение людей (я уж ие говорю о здоровье), вызваиное условиями труда, приводит к колоссальным материальным потерям.

Человека нужно заинтересовать работой, сделать ее привлекательной, чтобы труд постепеиио стал жизненной потребиостью. Коиечно, в полной мере это будет достигнуто в будущем, однако элементы должны вызревать уже сейчас.

— Сейчас, при обсуждении проблем перестройки, довольно часто возникает вопрос об образовании. Школьном, вузовском, профессиональном. Что, на ваш взгляд, в нем наиболее актуально? На что должно быть обращено наше внимание в первую очередь?

— Главная задача — глубокая переподготовка кадров в соответствии с требованиями научно-технической революции. Многие неправильно понимают НТР, сводя ее содержание только к обновлению техники, технологии, к интеграции науки с производством. А у НТР есть и другая, может быть, даже более важная часть — революция в образоваиии, подготовке кадров. Новой техиике, иовой технологии должен соответствовать новый работник, более образованный, более культурный, более профессиональный. Работник с развитым чувством самодисциплины. Новые технологии — это комплексная технологическая цепочка из прочно взаимосвязанных друг с другом звеньев. Если иа каком-то участке нарушается технологическая или трудовая дисциплина, ущерб терпит не только этот коикретиый участок, конкретиое рабочее место, а вся технологическая цепочка в целом. Убытки возрастают многократно.

Это обстоятельство требует от работника умения трудиться в коллективе. Причем из всех других показателей приоритет отдается качеству труда и выпускаемой продукции.

Качество всегда должно превалировать иад количеством, ибо качество это в конечиом счете оборачивается и дополиительным количеством. Знамеиитое леиинское выражеиие «лучше меньше, да лучше» имеет в виду как раз это.

Таким образом, иашему обществу, вступающему в новый этап

своего развития, нужен новый тип работника. Более грамотного и соответствующего требованиям научно-технической революции.

К сожалению, в последние десятилетия в области подготовки кадров мы допустили много ошибок, которые привели к негативным последствиям. Когда-то, в 50-е годы, мы имели лучшую в мире систему образования. В последние 30 лет расходы на образование в США росли в 3 раза быстрее, чем национальный доход, и достигли 12 процентов его общей суммы. Мы же были единственной из развитых стран мира, в которой в последние 30 лет расходы на образование отставали от роста национального дохода и скатились сейчас до 7 процентов от его объема.

Но дело в конце концов не в суммах. Беда, что у нас утерян престиж образования.

Конечно, школьная реформа поправит это дело. Сыграют свою роль и дополнительные средства, выделенные государством. Но, я думаю, нам нужно идти значительно дальше. Воспитание и обучение подрастающего поколения, начиная с детского сада и кончая вузом, переподготовку уже имеющих высшее и среднее образование нужно превратить во всенародное дело. В стране не должно быть ни одного квалифицированного специалиста, будь то член правительства, генеральный конструктор, академик, директор завода, который бы не отдавал делу образования (особенно детей) пусть всего один час в неделю, пусть всего два часа в месяц.

Мы не можем передоверить обучение всей молодежи страны только учителям, узкому кругу лиц (сейчас в основном это женщины), многие из которых не имеют высшего образования, не говоря уж о жизненном опыте или опыте работы в отраслях народного хозяйства. Люди, которые в скором времени займут свое место в различных сферах производства и управления, должны сейчас получать знания из первых рук. Необходимо принять срочные кардиальные меры, чтобы наша школа, вся система образования были поставлены в привилегированное положение. Каких людей мы сегодня воспитаем, такой наша страна будет завтра.

Если мы сумели в последние 20 лет развиваться таким образом, что растеряли многие свои преимущества, то самая главная и глубокая тому причина — нас плохо воспитали.

— Абел Гезевич, вы не считаете, что наш разговор как-то незаметно ушел в сторону от чисто экономических проблем?

— Я так не считаю. Вот у нас сейчас модно говорить о социальной активности, о трудовой активности человека, а ведь они зависят от его культуры, образования, воспитания. Смешно сводить роль культуры только к тому, что она помогает людям хорошо трудиться, как и роль науки — только к производительной силе. Есть непреходящие ценности, связанные с развитием личности, ее мировоззрением, представлением о свободе. Эта сфера — образование, культура, здравоохранение,— назовем ее условно индустрией благосостояния, чрезвычайно важна с точки зрения привития человеку гена социальной активности, соответствующего отношения к труду, что непосредственно связано с его производительностью и так далее и так далее — короче, с экономикой.

К сожалению, мы эту сферу нашей жизни всегда резко недооценивали, в искаженном виде представляли ее цели и приоритеты. Как это ни удивительно, но у нас нет вообще понятий «экономика образования», «экономика культуры», «экономика здравоохранения». А ведь во всех этих отраслях действуют свой хозяйственный механизм, своя система управления, свои нормы и правила, свои экономические отношения. Эклектика, мешанина ужасаю-

щие — трудно даже подобрать подходящее слово. «Безобразие» было бы слишком лестной характеристикой сложившейся ситуации. Никто никогда этим не занимался. Только в последнее время появилась новая модель кинодела, начался эксперимент в театре.

Без коренной ломки старых, отживших свой век отношений успеха в этой области не добиться. Возьмите хотя бы зарплату работников культуры — в среднем 130 рублей в месяц. Ну какой трудовой подвиг можно ждать от человека с таким заработком?

Недавно мне пришлось разбираться в проблемах экономики здравоохранения. Тут тоже, как говорится, еще конь не валялся. Верно сказал Михаил Жванецкий: «Мы перегнали всех по количеству врачей, теперь бы отстать по числу больных...»

— Скажите, Абел Гезевич, кому, на ваш взгляд, взгляд экономиста, перестройка нежелательна. Я имею в виду не отдельных лиц, а группы людей, в какой-то мере даже прослойки общества. Сейчас появился даже термин «групповой эгоизм»...

— Видите ли, новое — это всегда борьба, преодоление чего-то. Новое — всегда трудно даже само по себе. Даже когда входишь в воду, вроде никто тебе не мешает, а чувствуешь сопротивление: новая среда. Перестройка же, которую мы начали проводить,— это не просто новая среда, а новые экономические отношения, новые методы управления. За ними стоят, естественно, какие-то силы, они задевают чьи-то интересы.

Главное, что мы намереваемся сделать в области перестройки управления,— расширить права предприятий, колхозов и совхозов. Но если чьи-то права расширить, значит, у кого-то их надо забрать. Лишая какое-то руководящее звено прав, мы лишаем его власти, каких-то привилегий, а часто вообще ставим под сомнение целесообразность его существования. А за всем этим руководящим аппаратом стоят люди. Представьте, человек, который привык командовать, заседать, что-то обсуждать, согласовывать, вдруг узнает, что он, его должность никому, кроме него самого, не нужны. Такое трудно пережить. Естественно, эти работники по инерции будут цепляться за старое, вести себя пассивно по отношению к новым веяниям.

Есть и другая очень интересная группа (я их называю «отсталые хозяйственники»), которой легче работать при приказной, административной системе управления, назначения, чем при системе выборов трудовыми коллективами, в обстановке, когда необходимо принимать самостоятельные решения. Самостоятельность — очень большой груз ответственности. Права даются вместе с обязанностями. Не все этого хотят.

Третья группа — люди, которые живут на незаработанные деньги. Я имею в виду не воров, несунов, взяточников, спекулянтов, даже не тех, кто бесплатно ремонтирует свою частную машину на государственной автобазе. Не об этих речь. У нас миллионы людей получают зарплату, не соответствующую их трудовому вкладу. Часто вообще ни за что. Придите на любой завод, в любое учреждение — сколько народу занято бесконечными перекурами, чаепитиями. Считается, что они на работе. Формально это так, фактически они мало что делают, только обозначают причастность к трудовому процессу. Особенно много лишнего народу в наших научно-исследовательских и проектных институтах.

Экономическая реформа 1965 года во многом не удалась потому, что она не была до конца хорошо продумана, а ее реализация — последовательной. Тогда, в частности, так и не удалось создать механизм, действующий по принципу:

кто лучше работает, тот лучше живет. В какой-то момент, уступая давлению субъективных факторов, мы стали сдавать завоеванные позиции. Но даже тот, закончившийся неудачей эксперимент показал, что при определенных условиях мы можем многого добиться. Сейчас мы взялись за дело более радикально и, думаю, в конечном итоге достигнем намеченных целей.

Во-первых, сама жизнь требует перемен. В этом смысле нам отступать уже некуда. Надо идти только вперед.

Во-вторых, решение всех наших проблем начали не однобоко, а всесторонне, комплексно. Это отличает решения июньского Пленума ЦК КПСС.

Если вы хотите жить по-новому, вы должны подвергнуть суровому анализу прошлое, попытаться извлечь из него уроки, не повторять ошибок. Отношение к прошлому — это лакмусовая бумажка серьезности ваших намерений на будущее. И то, что с каждым партийным форумом углубляем анализ прошлого, в этом отношении показательно.

Критиковать прошлое в принципе легко. Но все-таки и не так просто. Во-первых, все мы были в этом прошлом и, значит, тоже должны нести за него ответственность. Во-вторых, бесконечная критика прошлого вызывает естественный протест у многих: ну сколько можно вину за наши провалы валить на предшественников, не пора поправлять дела самим? В-третьих, раньше были не только недостатки, но и достижения.

В общем, критиковать прошлое — дело не очень приятное. Но если мы по-настоящему решились идти в будущее, надо решиться и на это. Что мы сейчас и делаем.

Далее, нельзя провести перестройку, не подняв на это всеобщее дело массы. Серьезные преобразования нельзя провести келейно. И то, что перестройка в духовной жизни идет опережающими темпами (экономика, к сожалению, отстает), весьма доказательный в этом отношении аргумент. Обратите внимание на публикации в наших газетах, журналах, на передачи телевидения, на появившиеся после долгого лежания на полках кинокартины. Какие острые, злободневные темы поднимаются! Несколько лет назад мы об этом и не мечтали!

Помню, мы провели в Новосибирском академгородке «круглый стол» редакций журналов «Новый мир» и «ЭКО» на тему «Экономика, экология, общество». «Новому миру» материалы «круглого стола» опубликовать не удалось. Мы в «ЭКО» напечатали. И что тут началось! Меня, главного редактора журнала, три часа «чистили» на бюро Новосибирского обкома КПСС: как посмели «такое» обнародовать? Больше всего возмутило выступление академика АМН СССР Лария Петровича Казначеева, который сказал, что деятельность Кузбасса нужно расценивать не только по количеству тонн добываемого угля и выплавленной стали, но и по тому, как там живется человеку: какой там травматизм, сколько профессиональных заболеваний, как сказывается повышенная загазованность, задымленность, запыленность региона на здоровье людей.

Мне говорили: куда вы клоните? Стране нужен уголь, при чем тут человек?

А вот в январе этого года журнал «Наш современник» публикует дискуссию на ту же тему, где те же вопросы экологии обсуждаются с такой остротой, что былые наши попытки выглядят слабым слепком. И ничего! Никаких оргвыводов, никаких наказаний. Все воспринято, как и положено тому быть.

Недавно я вновь побывал в командировке в Венгрии. Так совпало, что вечером накануне моего приезда их телевидение показало часовую программу, смонтированную из фрагментов публицистиче-

ских передач нашего Центрального телевидения. На следующий день у меня была полностью сорвана рабочая программа. Куда бы я ни приходил: на завод, в учреждение, к министру,— всюду слышал один и тот же вопрос: «И у вас это свободно показывают?» А дальше требовали подробностей.

Венгерское телевидение выбрало далеко не самые острые сюжеты, которые у нас теперь показываются. То, что совсем недавно считалось запретной темой, смелым откровением, стало для нас привычным. Значит, мы выросли в духовном и социальном смысле. Таким нам будет легче перестраиваться. Именно это наше новое качество может в значительной степени гарантировать успех. Демократизация нашего общества в самом широком смысле слова — главное условие неотвратимости перестройки.

Г. Арбатов

Академик

Размышления неэкономиста об экономике [1]

Никогда, пожалуй, не шла в нашей стране столь интенсивная дискуссия по экономическим вопросам. Она развернулась на самом высоком уровне — на XXVII съезде КПСС и XIX партконференции, на пленумах ЦК. А также, конечно, в печати.

В последние годы советский читатель мало к какой теме проявлял более живой интерес. При этом дискуссия постепенно распространяется и на вопросы, выходящие за чисто экономические рамки. Это вполне закономерно. На мой взгляд, многие трудности, одолевающие наше народное хозяйство, как, естественно, и пути их преодоления, искать надо не в самой экономике. Они также и в политике, праве, идеологии и даже в психологии.

Сейчас экономистов, как и представителей других общественных наук, много и серьезно критикуют. Они, несомненно, такую критику заслужили (хотя нельзя забывать и о том, сколько лет деформировалось, угнеталось развитие этих наук). Но я не думаю, что, если бы наши лучшие ученые-экономисты принесли, как говорится, на блюдечке с голубой каемочкой самые точные, обоснованные и предметные рекомендации по всем вопросам народного хозяйства, управленческая надстройка сегодня оказалась бы готовой их осуществить. Не может же она пока претворить в жизнь даже многие имеющие директивную силу партийные решения!

На то, наверное, есть основательные причины. На определенном этапе истории, в условиях поистине чрезвычайных, ради осуществления форсированной индустриализации и укрепления обороны была создана и соответствующая модель экономики (потом ее назвали административно-командной). При этом путем длительного и очень мощного политического, а также идеологического нажима были сформированы соответствующие организационные структуры, методы управления, нормативное хозяйство, призванные обслуживать именно такой, а не иной тип экономики.

[1] Известия. 1988. 12 сент.

Были ли альтернативные пути — дело, выяснением которого сейчас заняты историки. С точки зрения сегодняшней практики самое существенное в другом: может ли задуманная и в целом уже утвержденная в качестве партийной директивы радикальная экономическая реформа «врасти» в созданную на предшествующем этапе административно-командную экономику?

Судя по всему — нет. Думаю, что трудности, с которыми сталкивается внедрение в народное хозяйство принципиально новых элементов реформы (самостоятельность предприятия, хозрасчет и самоокупаемость и др.), так же как и новых форм хозяйственной деятельности (вроде аренды, подряда, кооперации, совместных предприятий), отнюдь не случайны. И выражают эти трудности не только неумелость или злую волю отдельных должностных лиц. Административно-командной экономике такие элементы и формы организации просто чужды, прививаются на ее древе с огромным трудом и, судя по всему, без постоянной поддержки сверху будут старым организмом хозяйствования быстро и безжалостно отторгнуты.

Если это так, то напрашивается первый вывод: для успеха реформы, наверное, надо подкрепить уже имеющийся акт политического волеизъявления, партийное решение о необходимости ее осуществления, адекватным политическим воздействием. И даже административным. Старую экономическую надстройку без административного и политического нажима, наверное, не сломить и не переделать.

Думаю, на какое-то время для осуществления этой цели важные подразделения Совета Министров и Госплана должны были бы стать своего рода «ликвидационной комиссией», обеспечивающей расчистку «строительной площадки». То есть силой власти эти органы ликвидировали бы все, что мешает реформе,— отжившие организационные структуры и методы управления, а также всю нормативную систему командно-бюрократической практики.

Другой вывод — надо, наверное, довести до логического завершения разработку стратегии (а возможно, и тактики) практического осуществления экономической реформы, перехода от прежней модели экономики к новой.

В последнее время — особенно на XIX партконференции и июльском Пленуме ЦК КПСС — в этом направлении были сделаны важные шаги. В первую очередь в плане более четкого определения приоритетных первоочередных задач: улучшение продовольственного снабжения, расширение производства товаров народного потребления и развитие сферы услуг.

Конференция поставила и другие принципиальные вопросы экономической стратегии переходного периода. Один из них — о противоречии, в которое вступают стремление выполнить разработанный ранее пятилетний план и курс на осуществление экономической реформы. Снять это противоречие, спору нет, непросто. Особенно когда жизнь ставит перед выбором: чему отдать предпочтение?

Касаясь этой проблемы, видный американский экономист, уже давно и притом доброжелательно наблюдающий за развитием советской экономики, в частной беседе сказал: «Вы пытаетесь провести в доме капитальный ремонт и в то же время хотите в нем нормально жить. Я бы на вашем месте на какое-то время переехал». Мне лично (учитывая, что переезжать нам из того дома некуда) приходит в голову иная параллель — с основным правилом родовспоможения. Когда не уйти от выбора, спасают прежде всего мать — она может родить новых детей. По аналогии напрашивается вывод, что реформа, наверное, все-таки важнее текущего плана. Тем более что «дитя» это, как

уже видно сейчас, отягощено многими генетическими недугами, унаследованными от административно-командной практики: валовыми показателями, перекосами структуры и диспропорциями, ориентацией не столько на реальные потребности общества, сколько на интересы ведомств, а то и просто красивую цифру для отчета. Надо ли надрываться, чтобы спасать это «дитя», стоит ли оно такой жертвы, как реформа, перестройка?

Другой вопрос, что план надо не срывать, а тщательно, продуманно, хотя вместе с тем решительно скорректировать. В сложившейся ситуации без такого маневра не обойтись. Оставшиеся два с половиной года пятилетки, наверное, лучше всего было бы рассматривать преимущественно под углом зрения осуществления реформы как своего рода переходный период, позволяющий к началу новой пятилетки освободиться от груза старого, продвинуться в решении приоритетных задач.

Был поставлен на конференции еще один важный вопрос экономической стратегии: как обеспечить переход от всесилия центральных ведомств к самостоятельности предприятий? А с ним, наряду с наведением порядка в системе госзаказа, связан вопрос о ликвидации ненужных звеньев управления и сокращении аппарата, затрагивающий судьбы многих десятков, а то и сотен тысяч освобождаемых людей. Здесь тоже приходится делать нелегкий выбор, и, думается, не только гуманнее, но и экономнее, полезнее пойти на издержки для выплаты более щедрых пособий и пенсий, чем искусственно задерживать ликвидацию ненужных бюрократических организаций. Ненужное, как правило, не только не полезно, но активно вредно!

Еще один вопрос стратегии. Есть довольно широкий круг хорошо известных болезненных проблем: скажем, неимоверные потери овощей, фруктов, других сельскохозяйственных культур, ставший хроническим импорт зерна, «шефские» работы, фантастические размеры разоряющего нас незавершенного строительства и т. д. Проблемы эти везде в мире без особого труда решаются — речь идет не о создании «вечного двигателя». Пора решить их и нам. И дело не в том, чтобы просто в дополнение к множеству существующих программ и постановлений добавить несколько новых — программ и постановлений у нас и так очень много. Эти проблемы надо наконец решить. Что для этого надо? Нетерпимость к непростительному положению вещей, почему-то ставшему привычным. И административная и материальная ответственность виновных, вплоть до самого верха.

Третий вывод — возросла цена фактора времени. Наверное, большинство наших людей отлично понимают, что осуществление всеохватывающей экономической реформы, решение накапливавшихся многие годы проблем, структурные изменения в народном хозяйстве, модернизация машиностроения — такого рода задачи потребуют для своего решения многих лет. Но вместе с тем нарастает нетерпение, неудовлетворенность результатами проделанной в экономике работы. Эта неудовлетворенность (что тоже констатировалось на партконференции) имеет под собой основания — три с половиной года не такой уж малый срок, чтобы не были заметны более значительные результаты, чем те, которых мы достигли. Хотя и их не видеть нельзя — это было бы такой же вредной крайностью, как самодовольство.

Время становится решающим фактором. Нельзя допустить разочарования людей, настроений неверия и скептицизма. Сам замысел перестройки в огромной степени основывается на том, чтобы стимулировать творческую активность масс, всемерно вовлечь их в дела,

связанные с преобразованием, обновлением общества.

В дополнение еще о четырех проблемах.

Первая. О конкуренции.

Замечания В. И. Ленина о том, что монополия ведет к загниванию, все мы привыкли относить только на счет капитализма. Но долгое время не отдавали себе отчета в том, что такой монополизации, как у нас, ни одна другая страна, наверное, не знает. И мы уже смогли на практике убедиться, что социалистическая монополия — источник ничуть не меньшего загнивания, чем капиталистическая. Здесь — важный источник негативных явлений в таких сферах, как цены, уровень качества, состояние научно-технического прогресса. И как вершина и логическое развитие бесконтрольной монополии — полное пренебрежение интересами потребителей.

Потому, думаю, не будет преувеличением сказать, что без продуманной, последовательно проводимой антимонополистической политики перестройка экономики не получится. Что должна включать такая политика? Видимо, законодательное запрещение монополистической практики во всех ее проявлениях и достаточно суровые санкции за нарушение этих законов.

Далее, внедрение новых форм организации производства, законодательно же исключающих или ограничивающих монополию. Даже при существующих пока отраслевых министерствах.

Прежде всего такие меры должны коснуться всей сферы услуг и производства товаров, значительной части всего материального производства. Нет, думаю, противопоказаний и к тому, чтобы «антитрестовские», антимонопольные меры коснулись и таких «безнадежных» монополистов, как Аэрофлот, Интурист...

Наконец, надо уже сейчас создать условия для того, чтобы наши производители вынуждены были конкурировать с иностранными фирмами, в том числе из капиталистических государств. Сделать это можно, если ввести реалистический курс и обратимость рубля. Тогда у покупателя будет выбор: либо приобрести изделие — речь идет как о средствах производства, так и о предметах потребления — отечественного производства, либо импортное, но, если его качество выше, за более (иногда много более) высокую цену.

Вторая проблема — существование обширных деформированных сфер экономической деятельности, которые выродились в нечто паразитическое, вредное для общества и противоречащее его духовным и нравственным устоям. Это прежде всего торговля, общественное питание, значительная часть услуг. О сложившейся здесь ситуации все вроде бы знают, об отдельных проблемах пишут (недавно со ссылкой на начальника УБХСС Москвы в печати сообщалось, что, по данным проведенной проверки, 57 из 58 продавцов обманывают покупателей). Но от принципиальной оценки положения вещей и практических выводов воздерживаются. Между тем существующее здесь положение может свести на нет любые достижения промышленности и сельского хозяйства. И без глубокой перестройки, настоящей революции в этих сферах не удастся решить самые важные задачи, связанные с повышением уровня и улучшением качества жизни советских людей. Мало того, здесь перед нами область жизни, во многом определяющая социальный и нравственный климат в нашем обществе, ставшая питательной почвой для коррупции, источником социальной напряженности.

Как перестроить эти сферы — вопрос сложный, и его, пожалуй, всерьез еще не обсуждали даже в печати. А зря. Основательная дискуссия здесь нужна.

Третья проблема — уровень жизни советских людей. Она у всех на уме, хотя бы уже в связи с идущей в печати дискуссией о ценах. Мне кажется, ряд наших экономистов с испугом смотрят на монстра, которого они помогли породить: предлагавшаяся ими реформа системы ценообразования, попав в бюрократические канцелярии, быстро трансформировалась в предложения о повышении цен — в дополнение к тому росту цен, что уже идет втихую, так сказать, стихийно.

В дискуссиях о реформе ценообразования неверным представляется само допущение, что перестройка должна потребовать новых жертв. Не хочу всем этим сказать, что система ценообразования не нуждается в радикальной реформе (хотя контуры ее из идущей дискуссии пока не высвечиваются). Но изменения цен должны происходить не только не в ущерб уровню жизни людей, но в рамках его общего повышения. Это очень важный вопрос — не только социальный, но и экономический. Не подняв уровня жизни, наверное, нельзя выйти на современные рубежи в хозяйстве.

Предвижу вопрос: а где ресурсы, откуда взять средства, чтобы идти вперед и одновременно латать прорехи, образовавшиеся в прошлые годы?

Нам же нужны какие-то крупные источники ресурсов сейчас. Главный из них — и об этом все чаще и все громче говорят наши экономисты — в отказе (полном и навсегда, либо временном или частичном) от многих дорогих, но малоэффективных народнохозяйственных программ и строек. Их, к сожалению, много, слишком много. Я не говорю уже о гигантах, «проектах века» вроде БАМа или переброски рек с севера на юг и с востока на запад. Нуждается в новом осмыслении программа подъема Нечерноземья — сам подъем очень нужен, но ему пока не очень помогла программа. Что-то не так планировалось или не так осуществлялось. Справедливо говорят как о вопиющем примере растраты средств не только об отдельных объектах, но и всей деятельности Минводхоза (как-никак 2 миллиона работников, десятимиллиардный ежегодный бюджет!). Может быть, заслуживает внимания предложение перепрофилировать его деятельность, скажем, на строительство дорог.

Назрела и перезрела «инвентаризация» с открытым, публичным обсуждением всех «долгостроевских» строительных объектов. Особенно крупных, а тем более гигантских (гигантомания — очень опасная наша болезнь). Есть и такой источник, как отказ от излишеств в сфере обороны за счет активного использования политических возможностей обеспечения безопасности. Это непросто, но новое политическое мышление открывает такой путь. Вместе с жестким, но разумным режимом экономии во всех сферах жизни это, наверное, обеспечит «первоначальное накопление», необходимое для перестройки.

Заслуживает в этом плане внимания идея ряда наших экономистов о более активном использовании возможностей внешнеэкономических связей. Тем более что и средства, высвободившиеся в результате отказа от ненужных (или, во всяком случае, не очень нужных) программ и строек, трансформируются в полезные товары и услуги не сразу. Потому и помогло бы «обернуться» использование резервов внешней торговли, в том числе за счет кредитов. Но многое можно сделать и без кредитов — резко сократив завоз оборудования (его накопились горы).

И четвертая проблема. Административно-командная экономика в качестве своего необходимого инструмента имела внеэкономическое принуждение — административные и судебные репрессии. Использовались они в разных формах — от судебных процессов против несоглас-

ных (начиная с процесса Чаянова — Кондратьева) до чудовищных эксцессов раскулачивания и различных форм реквизиций и ограничений личного хозяйства. Широкое распространение получила и практика преследований, расправ с иницнатнвиыми, предприимчивыми хозяйственными руководителями, своей работой взламывавшими бюрократические ограничеиия, а своимн успехами бросавшими вызов административно-командным порядкам.

Так возиикали (до самого последнего времени, да и сейчас еще эта практика полиостью не изжита) сотнн дел — директоров завода вроде Чебанова в Черкассах или Чебаненко в Горьком, руководителей старательских артелей и кооперативов, председателей колхозов (вроде Худенко и Сиимщикова, братьев Стародубцевых из Тульской области). Не говоря о тех, кто долгие месяцы был под следствием, кому трепали нервы и портили здоровье (едва ли хоть один из известных стране колхозных председателей избежал этой участи). Появилась новая в правоохранительиых делах практика, когда расследуется (целой следственной бригадой) не преступление, а человек — благо при запутаиности и противоречивости существующих нормативных актов не очеиь щепетильные людн могут состряпать дело практическн на любого хозяйственника.

С учетом огромного экономического и общественного вреда такой практики хотелось бы предложить создать при ЦК КПСС комиссию по пересмотру таких дел и реабилитации, восстановлению доброго имени несправедливо осуждениых по хозяйственным делам. С тем чтобы устранить угрозу расправы, до сих пор нависающую над инициативными, ищущими хозяйственными руководителями. Должна, наверное, найти свое решение эта проблема и в готовящейся правовой реформе.

Заключая, хотел бы повторить: для успеха радикальной экономической реформы, как и всей перестройки, больше всего нужно полное доверие людей — мнллнонов и миллнонов людей — к полнтнческому курсу партнн. И не в плане одних только высоких категорий преданности соцналнзму, патриотизма — это у нас есть. Есть сегодня и вера в перестройку, в правильность избранного партией пути обновления общества. Это — большое завоевание последних лет. Но его важно дополнить еще и вещами более прозаическими и конкретными. Трудящиеся должны быть уверены, что, если они сегодня завелн корову или, взяв семейный подряд, стали фермерами, организовали кооператив, началн нспользовать свое право хозяина предприятия, завтра или послезавтра все это не отменят.

Пока такой уверенности у многих нет. Нет нз-за того, что очень уж много дурных уроков преподало прошлое, н тем, что что-то разрешается людям, уже не убедишь: нововведения надо поощрять, и не только морально. Тем более что другая причина недоверия — еще сохраняющийся разрыв между словом и делом, тот факт, что во многие нововведения добавляется «ложка дегтя». Будь то выходящий по своим размерам за рамки сколько-нибудь разумного государственный заказ, непомерный налог или хитрая инструкция, начисто отвергающая суть нового закона или постановления. Не говоря о продолжающемся, несмотря на все заверения и призывы, вмешательстве множества инстанцнй в дела предприятий, колхозов, кооперативов, «индивидуально трудящихся» граждан. Только употребнв — конечно, не в духе печальной памяти прошлых времен, а разумно, в достойных формах — власть, пустив в ход наряду с экономическими мерами также меры полнтнческого воздействия, можно положить этому конец.

Т. Заславская

Академик

Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость [1]

Ускорение социально-экономического развития страны партия связывает в первую очередь с повышением творческой активности масс. Успешная реализация намеченного курса предполагает ясное понимание тех процессов, которые обусловили существенное усиление внимания к человеческому фактору и социальным вопросам. Каково же содержание этих процессов?

Главной причиной объективного повышения роли человеческого фактора в производстве служит научно-технический прогресс, в частности, такие его проявления, как рост технической вооруженности работников, углубление и усиление специализации труда, повышение реального обобществления производства. Причем все эти процессы каждый через свой механизм действуют в одном направлении.

С ростом технической вооруженности каждый работник приводит в действие все бо́льшую массу средств производства, стоимость которых переносится на создаваемый продукт. В результате живой труд как бы умножается на постоянно растущий коэффициент, отражающий стоимость используемых технических средств. В некоторых высокомеханизированных производствах стоимость техники в несколько раз превышает сумму заработной платы, которую занятый здесь работник может получить на протяжении всей своей жизни. В этих условиях качественно меняются критерии общественной оценки труда: если прежде его эффективность измерялась в первую очередь стоимостью производимой продукции, то теперь не меньшее значение получает сохранение и эффективное использование средств производства, экономное расходование энергии, сырья, материалов. В условиях высокой фондовооруженности труда цена недостаточной квалификации, легкомыслия, безответственности работников возрастает в десятки и сотни раз. Достаточно напомнить, что только прямой ущерб от аварии на Чернобыльской АЭС, происшедшей по вине персонала, оценивается почти в 2 миллиарда рублей, погубленные же жизни и здоровье людей экономической оценке не поддаются. Это трагическое событие служит наиболее очевидным свидетельством значения человеческого фактора — не только в позитивном, но и, к сожалению, негативном плане — в условиях научно-технической революции.

Существенно влияет на рассматриваемое явление растущая специализация общественного труда. Одно из ее важнейших последствий — возникновение и постепенное усиление своего рода «монопольных эффектов» в производстве и сфере научно-технических разработок. Не имеющие конкурентов промышленные гиганты диктуют потребителям собственные условия поставок, вплоть до навязывания такой продукции, которую легче производить. Ведомственные институты годами

[1] Коммунист. 1986. № 13.

и десятилетиями не пропускают в «свою» отрасль ценных изобретений, авторами которых являются «посторонние» ученые. В итоге общество попадает в возрастающую зависимость от личных качеств — честности, порядочности, преданности общественным интересам — хозяйственных руководителей и инженерно-технических работников. Аналогичная ситуация складывается и на рабочих местах. С усложнением содержания труда становится более трудным и контроль за его качеством — ведь контролеры должны разбираться в деле не хуже, чем исполнители. Отвлекать же большое число квалифицированных работников на то, чтобы они следили за деятельностью других, невыгодно и крайне неэффективно. Подлинно перспективный выход один — развитие у всех категорий работников способности и готовности к самоконтролю, базирующемуся на высоком профессионализме, личном достоинстве, гордости за отличное качество выполняемого труда, отвращение к халтуре.

Наконец, роль человеческого фактора повышается и в связи с ростом реального обобществления производства, в частности ускоряющимся увеличением количества экономических связей (в настоящее время в стране совершается более 500 миллиардов хозяйственных операций в год). Роль автоматических регуляторов этих связей в социалистической экономике является ограниченной, их формирование носит плановый характер, и отвечают за него работники плановых, финансовых, других управленческих органов. Качество, ответственность, инициативный характер их деятельности, понимание общественных интересов или, напротив, безразличие к ним оказывают все возрастающее влияние на эффективность социалистической экономики. Значит, и здесь вопрос прежде всего в человеке, его социальных качествах, без совершенствования которых вряд ли можно достичь ускорения.

Все описанные процессы носят объективный характер и в дальнейшем будут только усиливаться, что делает особенно актуальным эффективное управление человеческим фактором в производстве. Между тем социальные условия этого управления также претерпевают заметные изменения.

Прежде всего меняется сам объект управления — с каждой пятилеткой повышается уровень образования, культуры, информированности, правового и личностного самосознания трудящихся. Более сложными становятся их интересы и потребности, более разнообразными — типы личности. С ростом образованности, расширением общего кругозора усиливается стремление людей к самостоятельности в труде, активному участию в принятии решений, раскрытию собственного творческого потенциала. Если же такое стремление не реализуется, человек нередко отчуждается от труда, перенося свои интересы в другие сферы. Таким образом, социально развитый человек, несомненно, обладает бо́льшим трудовым потенциалом, но в то же время является и более сложным объектом управления.

Что касается изменения социальных условий управления экономическим поведением людей, то, пожалуй, главное здесь — ослабление административного и экономического принуждения к напряженному труду в общественном производстве. Повышение общего уровня жизни, развитие социальных гарантий в сферах образования, медицины, обеспечения жильем ослабляют экономическую необходимость такого труда, позволяют работникам довольно долго пробовать себя в разных профессиях, уделять значительное время индивидуальной трудовой деятельности, домашнему хозяйству и прочее. Вместе с тем наличие в большинстве регионов и

городов вакантных рабочих мест в принципе дает людям возможность прилично зарабатывать, даже не слишком себя утруждая. Характерно: 27 процентов руководителей промышленных предприятий Алтая главным фактором, препятствующим активизации работников, считают напряженность трудовой конъюнктуры и «конкуренцию» предприятий за рабочую силу [1].

Поведение людей в сфере формирования и распределения трудовых доходов в настоящее время разнообразно. Одни социально-профессиональные группы (сезонные бригады, старательские артели, семьи на коллективном подряде) стремятся прежде всего к максимальному заработку — ради этого они готовы трудиться, не считаясь со временем и даже здоровьем. Другие (люди пожилого возраста, девушки и юноши в родительских семьях), напротив, предпочитают небольшой заработок при ограниченных затратах труда. Критерием выбора является сравнительная ценность, придаваемая дополнительному доходу или свободному времени. Для многих эти ценности сопоставимы. Так, по данным одного из социологических обследований, рабочие — члены передовых бригад среди стимулов, имеющих для них наибольшую значимость, на первое место поставили денежные премии (их назвали все 100 процентов опрошенных), а на второе — предоставление дополнительных отпусков (83 процента) [2]. О возрастающей ценности свободного времени говорит и тот факт, что большая часть увольняющихся с прежнего места работы не торопится быстрее поступить на новое, обычно используя этот перерыв для ремонта квартиры, хозяйственных дел, поездок к родственникам, а нередко и отдыха.

Очевидно, что эффективной сегодня является лишь такая система управления, которая опирается на точное знание и умелое использование интересов работников. А так как эти интересы многосторонни, зависят от множества причин и меняются под влиянием обстоятельств, то и управление человеческим фактором должно отличаться разнообразием методов, гибкостью, чуткостью к местным условиям и динамическим изменениям. Ему противопоказана застылость раз навсегда утвержденных методов — ведь между валунами устаревших инструкций все равно неизменно пробивают дорогу потоки неконтролируемой деятельности. Немалое значение имеет и широта арсенала тех средств, которые используются в качестве стимулов и «дестимулов». Если они сводятся только к «рублю» да административным запретам определенных способов поведения, то значительная, а иногда существеннейшая часть интересов работников оказывается вне управленческого воздействия.

Недостатки сложившейся системы управления человеческим фактором (о которых много сказано в партийных документах последнего времени), ее несоответствие новой социальной ситуации обусловливают недостаточно эффективное использование социальных ресурсов общества, его трудового потенциала. Социологические исследования, проводимые в промышленности и сельском хозяйстве разных районов страны, показывают, что в полную силу трудится едва ли третья часть всех работников. Остальные, по собственному их признанию, работают с неполной нагрузкой и при другой организации производства могли бы делать больше и лучше.

[1] Здесь и далее приводятся данные социологических обследований, проведенных сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР Н. В. Чериной, Р. В. Рывкиной, С. Ю. Павленко, Е. В. Косалс, В. Е. Ерышовой, Л. В. Корель, В. С. Тапилиной, В. Д. Смирновым.

[2] Рассчитано по данным, содержащимся в книге «Социально-психологические проблемы производственного коллектива». М., 1983. С. 65.

В 1984 году в селах Алтая такое мнение высказали 80 процентов специалистов сельского хозяйства, 78 процентов руководителей среднего звена, а также рабочих совхозов и колхозников. В экономически сильных хозяйствах доля тех, кто трудится в полную силу, больше, в экономически слабых — меньше. Но разница далеко не так велика, как можно было бы ожидать: 32 и 17 процентов. Выходит, что даже в лучших хозяйствах две трети работников недогружены. В качестве причин они называют плохую организацию труда, слабую систему стимулирования, неэффективность административного управления производством. Характерен и такой факт. Руководителям среднего звена колхозов и совхозов Алтая был задан вопрос: хватает ли в их подразделениях рабочей силы? 65 процентов ответили отрицательно, 32 процента — в основном положительно, а 3 процента указали, что рабочая сила в избытке. Потом тех же руководителей спросили, как изменилась бы ситуация, если бы им предоставили право самостоятельно регулировать состав, трудовую нагрузку и оплату труда работников в пределах выделенного фонда; 42 процента ответили, что в таком случае часть работников (в среднем 15—20 процентов) оказалась бы излишней.

Рассматриваемая проблема имеет и качественную сторону, связанную с использованием профессиональных знаний, умений и опыта людей. К числу парадоксальных явлений нашей действительности относится труд инженерно-технических работников на местах квалифицированных рабочих или стремление управленческих кадров не подниматься по должностным ступеням, расширяя масштаб своей деятельности, а, напротив, его сужать. Как показали наши исследования, занять в будущем более высокую должность хотели бы лишь 9 процентов руководителей колхозов и совхозов Сибири и 13 процентов — руководителей среднего звена, перейти же на нижестоящие должности — соответственно 30 и 72 процента. И это не в силу того, что люди не справляются или не любят свою работу, а потому, что ее общественная оценка не отвечает фактической сложности. Переход квалифицированных инженеров в рабочие, а хозяйственных руководителей — в исполнители подтверждает неспособность действующей системы управления обеспечить эффективное функционирование социальных ресурсов общества.

К чему это ведет? Один из результатов — наблюдавшееся в последние пятилетки снижение планомерности социально-экономического развития, степени выполнения планов, достижения выдвигаемых целей. В экономической области уменьшение фактических темпов роста продукции тех или иных отраслей, как правило, вызывало снижение плановых показателей на следующую пятилетку. Так обстояло дело, скажем, в сельском хозяйстве, плановые темпы прироста валовой продукции которого снизились с 25 процентов в восьмой до 13 процентов — в одиннадцатой пятилетке. Фактические темпы прироста продукции сократились за тот же период с 21 до 5,5 процента. В итоге, несмотря на систематическое снижение планов прироста продукции отрасли, степень их выполнения сократилась с 84 и 59 процентов в восьмой и девятой до 56 и 46 процентов в десятой и одиннадцатой пятилетках. Ясно, что такая динамика не могла быть итогом сознательного планирования и планы просто пассивно фиксировали стихийное действие неблагоприятных факторов. К проявлениям элементов стихийности следует отнести распространившуюся практику корректировки годовых планов в сторону понижения, систематическое невыполнение рядом отраслей пятилетних планов, несбалансиро-

ваииость производственных планов по ресурсам, разлаженность материально-технического снабжения, развитие «теневых» экоиомических отношений и т. п.

Аналогичная тенденция проявлялась и в социальном развитии общества. К примеру, иеравномерность социального развития отдельных республик и регионов, крупных и малых городов, центральиых и периферийных сел не только не уменьшалась, но возрастала. Выдвигавшаяся в течение иескольких пятилеток задача создаиия во вновь осваиваемых районах Сибири преимущественных по сравнению с раиее обжитыми районами жизнениых условий на практике так и не была решена. Например, в 1984 году девять из одиннадцати областей и краев Сибири относились к группе регионов России, хуже других обеспеченных жильем, в шести потребление мяса было ниже среднереспубликанского уровня. Характерно, что при жилищных обменах даже с Новосибирском (ие говоря о других городах Сибири) население европейской части России, Украины, Молдавии, Прибалтики, Белоруссии приобретает 20—23 процента дополнительной жилой площади иа человека, что может служить показателем общих региональных различий в качестве жизненной среды. Все эти факты свидетельствуют: органам управления в последиие годы далеко не всегда удавалось обеспечить подлинную планомериость социально-экоиомического развития общества.

Для того чтобы в короткие сроки, как отмечается в документах съезда, решительио и до конца преодолеть неблагоприятные тенденции в развитии экономики, придать ей высокий дииамизм, открыть простор подлинно революционным преобразоваииям, партия считает иеобходимым включить в эти процессы самые широкие слои трудящихся, пробудить их общественную активность, энергию и инициативу. Путь же к этому — прежде всего в последовательном, глубоком и всестороннем согласовании личных интересов работников с коллективными и коллективных — с общественными.

Решению этой задачи в социально-экономической области служат, как известно, хозяйственный механизм управления экономикой и социальная политика партии. Хозяйственный механизм определяет формы организации, плаиирования и стимулирования экономической деятельности. Ставя каждую категорию работников в определенные организационно-экономические условия, он формирует тем самым ее экономические интересы (иапример, коллективные формы организации и стимулирования труда заинтересовывают людей в получении максимума продукции при возможно меньших затратах). Социальная же политика — хорошо продуманная и выверенная, тщательно сбалансированная и цельная — служит мощнейшим средством пробуждения не только материальной, но и духовной, личностной заинтересованности масс в достижении общественных целей, главным источником общественного и трудового энтузиазма.

Социальная политика охватывает деятельность партии и государства по управлению социальной структурой общества, то есть регулированию положения, отношений и взаимодействий основных общественных групп. В данной связи следует заметить, что понятие общественной (социальной) группы в социологии служит одним из центральных. Оно является родовым по отношению к таким понятиям, как класс, социальный слой, территориальиая общиость, профессиональная категория работников, трудовой коллектив и т. д. (Вспомним ленинское определение классов как больших групп людей, различающихся местом в исторически

конкретном способе производства.) Наиболее крупные группы общества, как известно,— это классы, нации и народности, городское и сельское население, представители физического и умственного труда. Согласование коренных интересов этих групп — необходимое условие нормального развития общества, однако для решения современных проблем этого далеко не достаточно. Хозяйственный механизм в сочетании с социальной политикой призван согласовывать и правильно направлять интересы групп, представляющих разные ведомства, отрасли народного хозяйства, типы предприятий, регионы, типы поселений (например, старые и новые, большие и малые города; поселки городского и сельского типа; крупные и мелкие села). И это тоже не все, так как широко понимаемая социальная структура общества включает профессионально-квалификационные и должностные группы работников, группы населения по типам занятости (работники общественного производства, учащиеся, домохозяйки, пенсионеры, лица, занятые в личном хозяйстве), социально-демографические группы и прочее. Общим критерием выделения групп являются существенные различия определенных сторон их положения в обществе: характера труда, места в управлении экономикой и обществом, уровня и структуры доходов, места жительства, принадлежности к той или иной нации и т. д. Ведь группы, занимающие разное положение, как правило, имеют разные интересы, согласование которых друг с другом, а также с интересами общества и является целью политики.

В Программе КПСС названы четыре основные задачи социальной политики партии: неуклонное улучшение условий жизни и труда советских людей; все более полное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости; сближение классов, социальных групп и слоев, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; совершенствование национальных отношений, укрепление братской дружбы наций и народностей страны. Естественно, эти задачи взаимосвязаны, причем одни в большей мере характеризуют конечные цели социального развития общества, другие — средства достижения этих целей, имеющие самое прямое отношение к проблеме активизации человеческого фактора.

Задача осуществления социальной справедливости во всех сферах общественных отношений вызвала активный отклик народа, поскольку на протяжении нескольких пятилеток, предшествовавших XXVII съезду КПСС, в разных сферах жизни нашего общества накопилось немало элементов несправедливости, и это болезненно воспринималось трудящимися. Многие факты реальной жизни того времени расходились с принципами социализма. Частые столкновения с различными формами социальной несправедливости, тщетность попыток индивидуальной борьбы с ее проявлениями стали одной из главных причин отчуждения части трудящихся от общественных целей и ценностей. Вот почему наиболее верным путем к восстановлению доверия и творческой активизации масс сегодня является решительная — не на словах, а на деле — борьба с теми негативными явлениями в этой сфере, которые можно преодолеть при достигнутом уровне развития производительных сил.

В чем же заключается содержание принципа социальной справедливости? По-видимому, здесь также можно говорить о цели и средствах. Применительно к перспективе развития социалистического общества под социальной справедливостью понимается установление политического, социального и эконо-

мического равенства общественных групп, то есть обеспечение социальной равноценности их положения при сохранении ряда различий в его конкретных проявлениях. Но применительно к современности мы говорим о *социалистической* справедливости (не случайно этот термин использован в материалах съезда). Для эффективного функционирования человеческого фактора в производстве наиболее важен социально-экономический аспект социалистической справедливости, основным содержанием которого служит последовательное осуществление принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Социалистическая справедливость заключается, во-первых, в поощрении и всемерной поддержке тех групп, которые вносят наиболее весомый вклад в общественное развитие, прилагают для этого все силы и способности, во-вторых, в социальном контроле и экономическом регулировании положения тех групп, которые ставят свои узкопрофессиональные, ведомственные или местнические интересы выше общественных и наносят вред общественному развитию.

Несомненно, социальной опорой партии в борьбе за перестройку производственных отношений и ускорение развития страны является основная масса трудящихся, занятых в общественном производстве. Хотя рабочие, руководители и специалисты занимают разное положение и имеют наряду с общим, что их объединяет, ряд специфических интересов, все они кровно заинтересованы в ускорении социально-экономического развития как условии быстрого роста уровня жизни. Конечно, среди работников материального производства есть и активные сторонники нового, люди инициативные и предприимчивые, и более пассивные, консервативно настроенные. Первых необходимо всемерно стимулировать и поддерживать, давать простор их творческим устремлениям, вторым — доказывать преимущества новых отношений, воспитывать их последовательным утверждением на практике отношений социалистической справедливости.

Наряду с теми, кто полностью связывает свое благосостояние с общественным производством, в нашем обществе, как уже отмечалось, есть люди, готовые трудиться очень напряженно, но не на общих условиях, а несколько «наособицу» — к примеру, на семейном подряде, в личном подсобном хозяйстве, в сезонных строительных бригадах, на других видах аккордных работ. Труд этих групп населения, как правило, высокоэффективен и к тому же нередко является дополнительным по отношению к труду в общественном производстве. Поэтому общество заключает с ними своеобразное соглашение на взаимовыгодных условиях. Поскольку труд в индивидуальном секторе производства не требует государственных капитальных вложений, не дает прав на социальное обеспечение из общественных фондов, требует личной инициативы, сопряжен с экономическим риском, средняя оплачиваемость его, по-видимому, должна быть значительно выше оплаты труда в общественном производстве. Однако слишком большая разница доходов в расчете на единицу труда по сравнению с общественным производством может привести к образованию социального слоя, выделяющегося непропорционально большой долей общественного богатства по сравнению с остальной массой трудящихся. Поэтому, создавая благоприятные условия для эффективной хозяйственной деятельности групп, занятых преимущественно в индивидуальном секторе производства, необходимо в то же время строго учитывать и контролировать получаемые ими доходы, а начиная с определенного уровня, облагать их прогрессивным налогом.

Нельзя закрывать глаза и на то, что фактически сложившееся положение некоторых категорий лиц обусловливает расхождение, а иногда и противоположность их интересов общественным. Не случайно, скажем, сейчас столь остро говорится о бюрократах, которые явно не желают сдавать свои «позиции», тормозя, а кое-где и срывая прогрессивные преобразования, упорно продолжают ставить узкие ведомственные, местнические и просто корыстные интересы выше общественных. Все еще многочисленны и дельцы так называемой теневой экономики — крупные и мелкие спекулянты, перекупщики, маклеры и т. д. Пользуясь несовершенством действующего механизма управления экономикой, они извлекают свои нетрудовые и незаконные доходы из «карманов» как населения, так и государства. Периодическая печать приводит множество фактов о связях «теневых» дельцов с коррумпированными работниками государственного аппарата, и это вряд ли случайно: наличие таких связей является условием длительного и беспрепятственного извлечения незаконных доходов.

Очевидно, что в этих условиях государство не может ставить целью равномерное повышение степени удовлетворения потребностей всех элементов общественной структуры. Реализация сильной социальной политики означает планомерную дифференциацию роста благосостояния групп населения, существенно различающихся своей ролью в социально-экономическом развитии общества, активно способствующих его ускорению или, напротив, его тормозящих, вносящих неодинаковый личный и коллективный вклад в рост благосостояния всего общества. Именно этот дифференцированный подход делает социальную политику *политикой*.

Достижения советского общества в осуществлении социальной справедливости очевидны. Они освещены в научной и политической литературе, обобщены в материалах съезда. Но партия ориентирует нас в первую очередь на анализ нерешенных проблем. Поэтому важно, на мой взгляд, попытаться определить направления дальнейшего усиления и укрепления социалистической справедливости в социально-экономической сфере. Каковы те условия, которые требуются для последовательного осуществления принципа: «От каждого — по способностям, каждому — по труду»?

Для того чтобы каждый взрослый член общества мог трудиться в полную меру своих способностей, необходимы, как представляется, три главных условия. Во-первых, дальнейшее сближение «стартовых» возможностей для развития способностей людей, принадлежащих к разным общественным группам, живущих в разных районах страны, городе и деревне и т. д. Это предполагает сходное качество дошкольного воспитания детей в учреждениях разного типа, сближение — на основе ускоренного подъема отстающих звеньев — уровня знаний, даваемых сельскими и городскими, столичными и провинциальными школами, выравнивание шансов разных групп молодежи на овладение сложными, интересными, социально престижными профессиями. Не надо доказывать, сколь трудна эта задача, но и сколь необходимо ее решение.

Второе условие труда по способностям — распределение рабочих мест в общественном производстве в зависимости от личного трудового потенциала и деловых качеств людей. Сложность заключается в том, что свыше 30 процентов занятых в промышленности и 70 процентов — в сельском хозяйстве пока выполняют простую ручную работу, что не соответствует потребностям и способностям ни одной из общественных групп. Задача всемерного сокращения малоквалифицированного и тяжелого физического труда

является острой необходимостью, но решается она медленно. Не меньшее значение приобретает и правильное распределение работников между имеющимися в общественном производстве местами, в частности продвижение на места, требующие сложного и ответственного труда, наиболее одаренных работников с соответствующими деловыми качествами. Действующий в настоящее время механизм расстановки и перемещения кадров в общественном производстве не обеспечивает достаточно эффективного решения этой задачи, поэтому необходимо его обновление и совершенствование.

Наконец, третье условие — наличие у всех категорий работников общественного производства возможности трудиться в полную силу. У рабочих — без вынужденных простоев, без штурмовщины, сменяющейся периодами бездействия. У хозяйственных руководителей — без мелочной опеки, с достаточной экономической самостоятельностью и ответственностью. У специалистов народного хозяйства — с правом на творческий поиск, самостоятельное принятие решений в рамках своей компетенции. Казалось бы, интересы общества и личности в этом вопросе полностью совпадают, но практическое решение его является трудным и требует немалых усилий и времени.

Сказанное касается первой части важнейшего принципа социализма — труда по способностям (хотя и не исчерпывает данной проблемы). Осуществление второй его части — последовательное распределение по труду — предполагает, на мой взгляд, пять главных условий: примерное соответствие уровня заработной платы разных категорий работников количеству и качеству их труда, а также относительной стоимости жизни в тех или иных районах страны; искоренение всех незаконных доходов и социально справедливый уровень доходов в индивидуальном секторе производства; единство потребительского рынка страны, то есть одинаковую доступность всех видов товаров всем группам трудящихся, равную покупательную силу рубля, кем бы он ни был заработан, а также примерное соответствие цен на потребительские товары их общественной стоимости (за исключением сознательного использования отклонения цен от стоимости для решения социальных задач); социально справедливое распределение между государством и населением затрат на содержание детей, престарелых и инвалидов; социально обоснованное соотношение между платным и бесплатным распределением потребительских благ.

Конкретным воплощением социальной политики партии применительно к определенному отрезку времени является социальная программа, которую можно разделить на программы минимум и максимум. Цель программы-минимум, как правило, ориентированной на пятилетний период,— удовлетворение наиболее острых и актуальных потребностей населения, решение самых назревших проблем, исправление наиболее очевидных несправедливостей в распределении материальных и социальных благ. Важнейшие элементы такой программы отражены в материалах XXVII съезда, последующих постановлениях по плану экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы. Большое внимание при этом уделено улучшению условий воспитания подрастающего поколения, укреплению материально-технической базы школьного и профессионального обучения, совершенствованию профессиональной ориентации школьников. Намечены серьезные преобразования в условиях, характере и содержании труда. Предусмотрено устранение наиболее явных диспропорций в оплате разных категорий работников. Принципиальное значение

придается совершенствованию сферы обращения потребительских благ и услуг.

На двенадцатую пятилетку намечена система мер по улучшению положения неработающих групп населения: пенсионеров, инвалидов, ветеранов войны и труда, женщин-матерей. Общественные фонды потребления будут расти несколько быстрее, чем фонд распределения по труду; за счет этих средств будут развиваться жилищное строительство, коммунальное хозяйство и благоустройство, здравоохранение, система образования, социалистическая культура. В целом социальная программа двенадцатой пятилетки достаточно напряженна. Вместе с тем она, конечно, не может обеспечить решения всего комплекса проблем социалистической справедливости.

Чтобы добиться активизации масс во всех сферах общественной жизни, нужны более комплексные, действенные и в то же время сложные, требующие серьезного обоснования меры, совокупность которых может составить содержание социальной программы стратегического характера, направленной на достижение принципиальных целей социализма, полную реализацию социалистической справедливости во всех сферах общественной жизни, создание условий для социального развития личности представителей всех общественных групп. Основные направления и очертания этой программы содержатся в материалах XXVII съезда КПСС, но для их воплощения в жизнь требуется гораздо более конкретная проработка многих вопросов, по которым ученые пока не достигли единомыслия. Тем более важным представляется обсуждение соответствующих проблем в печати.

Учитывая ограниченные рамки статьи, остановлюсь лишь на двух проблемах перспективной социальной программы, представляющихся мне особенно актуальными и сложными. Первая из них связана с качественным преобразованием системы рабочих мест в общественном производстве и изменением условий занятости.

Одной из насущных потребностей нашего общества является резкое ускорение научно-технического прогресса, которое неизбежно повлечет за собой серьезное преобразование системы рабочих мест в народном хозяйстве. Малоквалифицированный ручной труд уже в ближайшие годы будет все активнее вытесняться и заменяться квалифицированным механизированным и автоматизированным трудом. Такое изменение структуры рабочих мест в какой-то мере удовлетворит назревшую потребность трудящихся в более содержательном труде. Но в то же время из производственных отраслей высвободятся миллионы малоквалифицированных работников. Значит, уже сегодня необходимо, во-первых, строить надежные количественные прогнозы высвобождения конкретных категорий работников в региональном и отраслевом разрезах, во-вторых, искать наиболее эффективные в экономическом и социальном отношениях пути дальнейшего использования этих работников.

На первом этапе задача трудоустройства высвобождающихся работников будет облегчена низким коэффициентом сменности использования оборудования в большинстве отраслей промышленности, дефицитом труда в строительстве, сельском хозяйстве, отраслях непроизводственной сферы: число вакантных мест в народном хозяйстве оценивается пока сотнями тысяч и миллионами. Но в социальном плане перераспределение работников между отраслями, предприятиями, профессиональными и должностными группами, регионами и городами страны будет сопряжено с немалыми сложностями. Интенсификация процессов перемены труда, по-видимому, потребует за-

метного повышения территориальной и трудовой мобильности кадров, психологической перестройки тех групп работников, которые исторически отличаются высокой стабильностью. А так как для этого нужно время, возможно усиление отраслевых и территориальиых диспропорций между спросом иа труд и его предложением. Неполиая удовлетворенность потребиостей одних отраслей и районов в кадрах будет сочетаться с трудностью получения работы некоторыми группами населения в других. Чтобы свести эти диспропорции к миииму-му, необходимо заблаговременно выявлять и учитывать те категории работников, которым предстоит высвобождение из производства, организовывать их переобучение новым профессиям, плаиомерно перераспределять на новые рабочие места.

Несомнеиио, прежде всего столкнутся с иеобходимостью перехода в другие, трудонедостаточиые отрасли производства, переезда в другие районы и города наимеиее ценные, с точки зрения трудовых коллективов, работники, отличающиеся безразличным отношением к труду и качеству продукции, слабо участвующие в общественной жизни, не говоря уже о лодырях, пьяницах, летунах и т. д. Такое положение будет способствовать росту социальной цеииости мест в общественном производстве, укреплению трудовой дисциплины, повышению качества работы. Однако не исключено и усложнение трудоустройства честных, добросовестных, но недостаточно образованных и ие готовых к переобучению людей (например, лиц предпенсионного возраста, многодетных матерей). Им необходимо будет оказывать как материальную, так и социальную помощь, в том числе путем развития надомных видов труда, неполной и гибкой занятости жеищиндомохозяек, расширения семейных и кооперативных форм трудовой деятельности, создания льготных условий преждевременного выхода на пенсию и т. д. В настоящее время трудно представить весь комплекс социальных проблем, связанных с ускорением иаучно-технического прогресса, а тем более предложить меры их решения. Но исследовать эти проблемы важно.

Вторая группа перспективных вопросов, которые хотелось бы затронуть, связана с иеобходимостью комплексной реформы системы заработной платы в народном хозяйстве, розничных цен на потребительские товары и услуги, а также механизмов распределения благ из общественных фондов потребления. Актуальность такой реформы определяется, во-первых, существенным расхождением меры труда и меры дохода многих категорий работников; во-вторых, экономически и социально необоснованным отклонением цен и тарифов на миогие потребительские блага от их общественной стоимости; в-третьих, отсутствием достаточно четких и обоснованных принципов разделения платного и бесплатиого распределения благ.

В процессе текущего совершенствования заработной платы удается устранять лишь наиболее сильные, бьющие в глаза диспропорции, менее же значимые расхождения меры труда и потребления, постепенно накапливаясь, все более деформируют систему заработной платы в стране. Поэтому сейчас она нуждается не в частичном исправлении и улучшеиии, а в принципиальной, коренной перестройке. Чтобы осуществить такую перестройку, надо не только верно определить и экспериментально проверить социально обоснованные соотношения в оплате важиейших видов труда, но и накопить финансовые резервы, позволяющие повысить зарплату одних категорий работников, не ущемляя интересов других. Эту проблему можно решить эффективнее и быстрее

в комплексе с реформой розничных цен и условий предоставления услуг.

Но зачем вообще надо пересматривать цены на потребительские товары, тем более одновременно с перестройкой зарплаты? Дело в том, что эти рычаги распределения и перераспределения личных доходов населения тесно связаны и конечные пропорции потребления формируются под совместным влиянием их обоих. Как известно, при распределении по труду «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему»[1]. При этом денежным эквивалентом труда служит заработная плата, а получаемых благ — их цены. Существенное отклонение розничных цен от общественной стоимости продуктов означает в этих условиях скрытое перераспределение доходов по критериям, лежащим не в сфере труда, а в структуре личного потребления. Социалистическое государство активно использует этот способ перераспределения доходов в социальных целях. Так, автомашины, предметы роскоши, винно-водочные изделия по вполне понятным причинам продаются много дороже стоимости, книги же, пластинки, детские товары — дешевле, что стимулирует их потребление, делает их более доступными населению.

Однако не все отклонения цен от стоимости можно признать социально оправданными. Возьмем в качестве примера мясные и молочные продукты, розничные цены на которые удерживаются государством на уровне, далеко не достигающем себестоимости. Мясокомбинаты и молочные заводы закупают скот и молоко по ценам, в основном обеспечивающим колхозам и совхозам рентабельность их производства. Готовую же продукцию они поставляют торговым предприятиям по гораздо более низким ценам. Разница, составляющая 40—50 миллиардов рублей, покрывается из государственного бюджета. В результате весьма ощутимая часть общего фонда потребления населения распределяется не по труду или нуждаемости, а как дотация тем группам населения, которые покупают названные продукты в государственных магазинах. Между тем во многих районах страны мясные и молочные продукты пока дефицитны. В сельской местности и небольших городах торговые операции выполняет в основном потребкооперация, в магазинах которой цены выше. Очевидно, что более правильным было бы продавать мясо и молоко по их общественной стоимости, ставя все социальные группы в равное положение с точки зрения их получения.

Явно недостаточна, на мой взгляд, и дифференциация цен на высококачественные и низкокачественные изделия одного и того же вида. В СССР она меньше, чем в других социалистических странах, иными словами, товары высокого качества у нас продаются по ценам относительно ниже, а низкого — выше в сравнении с их общественной стоимостью. Отсюда — повышенная дефицитность прежде всего высококачественных товаров, их выведение в особую категорию, нередкое исчезновение из свободной продажи, превращение в объект специального распределения, а нередко и спекуляции. Такая практика ценообразования означает перераспределение доходов в пользу слоев населения, имеющих прямой или косвенный доступ к дефицитным высококачественным товарам и покупающих их по твердой цене.

Нельзя пройти и мимо значительных колебаний розничных цен на одни и те же товары, продаваемые по разным каналам. Фактически они свидетельствуют о существовании в стране нескольких рынков, различающихся ассортиментом, ка-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 18.

чеством и ценой товаров. В принципе различные формы торговли могли бы дополнять и подкреплять друг друга, обеспечивая лучшее обслуживание покупателей. Но тот факт, что разные общественные группы имеют неодинаковый доступ к тем или иным каналам торговли, создает специфическую форму социального неравенства и, по сути, означает формирование потребительских рынков с разной покупательной силой рубля. Между тем исходной посылкой системы заработной платы является «равенство всех рублей» в качестве меры потребления. Несогласованность этих подходов ведет к нарушению социально обоснованных пропорций вознаграждения разных категорий трудящихся, снижает эффективность материального стимулирования труда.

Третий аспект рассматриваемой проблемы связан с правильным проведением границы между платным и бесплатным распределением благ. По-видимому, она должна определяться теми социально-экономическими функциями, которые возлагаются на распределение по труду, с одной стороны, и общественные фонды потребления — с другой. Так, согласно одной из точек зрения, за счет общественных фондов потребления надо гарантировать единый для всех членов общества социально необходимый минимум таких благ, как жилье, услуги образования, медицины и прочее. Все же блага этого рода, потребляемые сверх установленного минимума, должны оплачиваться из личных доходов. Можно, по-видимому, предложить и другие социально-экономические критерии разделения сфер бесплатного и платного распределения благ.

На практике, однако, такие критерии, по сути, подменены материально-вещественными: одни товары (например, продукты питания, одежда, обувь, посуда, мебель) продаются за деньги, а другие (жилье, услуги образования, здравоохранения и т. д.) распределяются бесплатно или по весьма льготным ценам. Такая практика связана с серьезными недостатками. Прежде всего она искусственно ограничивает ассортимент тех благ, которые население может приобрести за заработанные деньги, а значит, снижает заинтересованность в напряженном и эффективном труде. Нелегко объяснить, например, почему квалифицированный и хорошо оплачиваемый работник имеет возможность купить себе мебельный гарнитур, холодильник, телевизор, но должен годами ждать предоставления квартиры, куда их можно поставить. Решить такое противоречие, казалось бы, призваны жилищно-строительные кооперативы, но их существование лишь еще больше запутывает вопрос, делая критерий платности или бесплатности благ совершенно неопределенным.

Бесплатное распределение наиболее дефицитных благ и услуг (а жилье и услуги здравоохранения именно таковы) не может не влечь за собой их расточительного использования и искусственного усиления их нехватки. К тому же вокруг распределения бесплатных (как и полубесплатных) благ нередко концентрируются различные сделки — спекуляция государственным жильем, сдача в поднаем излишков жилой площади по повышенным ценам, обмен жилплощади с крупными денежными доплатами и другое. Принцип платности благ и единства цен на одинаковые товары на территории всей страны свободен от таких недостатков.

Наконец, социологические исследования показывают, что распределение бесплатных благ из общественных фондов потребления в настоящее время складывается в пользу не менее, а более высокооплачиваемых групп. Между тем одна из важнейших функций общественных фондов — в определенной

мере восполнить принцип распределения по труду, уравновесить его вынужденную «несправедливость» в отношении тех, кто при всем желании не может эффективно трудиться — прежде всего больных, престарелых или не достигших трудоспособного возраста людей. Все эти соображения говорят, как нам кажется, о необходимости расширения сферы платного предоставления услуг, в том числе повышения и справедливой дифференциации квартирной платы с учетом качества и местоположения квартир.

Вся сумма дополнительных платежей населения государству непременно должна быть одновременно возвращена через соответствующее повышение уровня зарплаты, пенсий, стипендий и т. д. А так как эта сумма составит, видимо, десятки миллиардов рублей, то в руках государства сосредоточится резерв, достаточный для коренного совершенствования системы зарплаты.

Вряд ли надо доказывать огромную социальную значимость этих мер — они непосредственно затрагивают материальные интересы всех общественных групп. Поэтому необходима тщательная научная разработка данных проблем в их взаимосвязи, чтобы максимально полно учесть все стороны социальной справедливости, подлинные интересы различных групп населения. И чем скорее ученые — экономисты, социологи, представители других общественных наук — начнут работу в этом направлении, тем быстрее удастся создать условия для достижения более высокого уровня социалистической справедливости. Настойчивое решение рассматриваемого комплекса проблем явится могучим средством активизации человеческого фактора, перелома неблагоприятных тенденций и решительного ускорения социально-экономического развития нашего общества.

А. Ципко

Доктор философских наук

Размышления о причинах исторической устойчивости кооперации [1]

Не реставрируем ли мы прошлое!

Одной из примет перестройки является идеологическая «реабилитация» кооперации. Позади три десятилетия то затухающей, то вновь разгорающейся теоретической и практической борьбы с кооперативным производством, которое, по версии И. В. Сталина, в начале 50-х годов стало «тормозить мощное развитие производительных сил»[1]. Сегодня мы признаем, что кооперация не мешает нашему экономическому прогрессу, а является одним из его основных условий. Более того, мы связываем многие трудности быта, отставание сельского хозяйства с прежней аграрной и социальной политикой, игнорировавшей потенции кооперации [2].

[1] ЭКО. 1987. № 9.

[1] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953. С. 68.

[2] См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987. С. 9.

После XXVII съезда КПСС кооперация постепенно восстанавливает свои позиции в общественной жизни. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС подтвердил решимость партии преодолеть прежнее отношение к кооперативной собственности, которая изображалась многими обществоведами как нечто «второсортное» и «бесперспективное»[1]. Подготавливаются определенные меры, защищающие кооперацию от административного произвола. Предпринимаются практические шаги по восстановлению потребительской кооперации, увеличивается ее роль в обеспечении населения продуктами питания. Расширяется самостоятельность колхозов, они все больше становятся кооперативными, то есть самоорганизующимися предприятиями, хозяйствующими на основах самофинансирования и самоокупаемости. И сегодня многие верят, что кооперация поможет нам покончить с бедностью рынка и неустроенностью быта, избавит от комплекса «сервисной неполноценности». Не случайно так велико внимание печати, радио, телевидения к каждому открывающемуся кооперативному кафе. Слово «кооперация» становится одним из символов перестройки.

В нынешних умонастроениях (по крайней мере, в отношении к кооперации) много схожего с ожиданиями начала 20-х. Ведь и тогда, на X съезде РКП(б), после трехлетнего бичевания кооперации как организации торгашеской, проникнутой буржуазным духом[2], постепенно формировался более содержательный подход к ее экономическим и социальным потенциям[1]. В начале 20-х годов решающее значение в деле идеологической «реабилитации» кооперации сыграла статья В. И. Ленина «О кооперации», а в наше время — Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии[2].

Подобные аналогии вызывают много недоуменных вопросов. К примеру: «Не приведет ли развитие кооперации к реставрации переходного состояния?», «Можно ли двигаться вперед, повторяя политику шестидесятилетней давности?» На первый взгляд ответы сами напрашиваются: можно возвращаться к политике прошлого, если ее задачи не были выполнены, а она еще может принести положительные результаты; распространение кооперации нельзя рассматривать как признак отсталости или неразвитости социалистического общества, ибо кооперация и социализм неразрывно связаны. Мы вправе сослаться на Ленина, утверждавшего, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»[3]

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 9.

[2] К примеру, накануне IX съезда партии тогдашний заведующий кооперативным отделом ВСНХ СССР В. П. Милютин выступил в печати с идеями о ликвидации «параллельного существования государственных и кооперативных предприятий». Автор утверждал: поскольку кооперация — это организация отдельных крестьянских групп, постольку ее интересы якобы будут противопоставляться интересам народного хозяйства в целом. Позицию В. П. Милютина поддерживали И. И. Скворцов-Степанов, А. Д. Цюрупа, А. И. Свидерский (*Фигуровская Н. К.* Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М., 1978. С. 52—53).

[1] «Поэтому грубой ошибкой,— писал в 1922 г. один из теоретиков социалистической кооперации Н. Мещеряков,— приходится признавать мнения тех товарищей, которые в течение первых трех лет пролетарской революции недооценивали кооперацию и думали, что она доживает последние дни, думали, что можно уничтожить кооперативы, передав их функции органам пролетарского государства» (*Мещеряков Н.* Задачи современной кооперации. М., 1922. С. 4).

[2] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 40.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

Сам факт исторической устойчивости кооперации подтверждает правоту идей, сформулированных В. И. Лениным в соответствующей части его политического завещания. Поэтому теоретическое объяснение этому феномену мы прежде всего должны искать в статье В. И. Ленина «О кооперации».

Сохраняет актуальность ленинское определение кооперации как эффективного механизма соединения частного интереса с общественным, как способа подключения многих частных интересов к достижению общественных целей[1]. Кооперация является самым доступным, как писал В. И. Ленин, способом обобществления собственности, формирования у крестьянина рабочего чувства коллективного хозяина, сохраняет ему возможность непосредственного участия в организации производства, в распределении его результатов, в определении доли и способа накопления и т. д. Вот почему, ставя вопрос о пробуждении у трудящихся чувства хозяина, мы привлекаем к его решению и такой социальный механизм, как кооперацию. Если же учесть, что задача преодоления противоположности индивидуального и общественных интересов всегда будет актуальной (во всяком случае, пока существует современная цивилизация, семья, обособленный индивидуальный быт, пока есть надобность контроля за мерой труда и потребления), то всегда будет и необходимость в кооперации как в одном из способов преодоления этого исходного противоречия общественной жизни. На наш взгляд, не только утопично, но и опасно стремление к полному преодолению индивидуального материального интереса в общественной жизни. Наши борцы с экономическим стимулированием, сеющие ненависть к «личной выгоде», к так называемому «хозяйственному обрастанию», к «узким рамочкам бытового уюта», не ведают, что творят. Их победа может привести к разрушению производства, семьи и личности, о которой они так пекутся. Чувство личности, самости формируется в процессе осознания индивидуального интереса. Другое дело, что направленность индивидуальных интересов может быть разной. По крайней мере, для укрепления социализма больше пользы принесет такой компромисс между индивидуальной корыстью и общественной пользой, каким является кооперация, чем насильственное подавление стремления к выгоде. В тех же случаях, когда только выгода может заставить человека работать, когда труд отталкивает, вызывает психическое сопротивление, тем более следует поощрять «торговый интерес», различного рода простые формы кооперации.

Многое для понимания связи социализма и кооперации можно извлечь из содержащегося в статье «О кооперации» попутного замечания Ленина о «камне преткновения для многих и многих социалистов»[1]. Тут важно учитывать, что до Октябрьской революции, а тем более в условиях «военного коммунизма» большевики негативно относились к фурьеристским моделям кооперативного социализма, оставляющим большую экономическую самостоятельность ассоциациям производителей, предусматривающим сочетание рынка с централизованной экономической и социальной политикой. Симпатии большевиков (впрочем, как и симпатии Маркса и Энгельса) были на стороне противников фурьеризма, отстаивающих фабричный порядок общественной жизни, директивную систему организации производства. Поэтому содержащаяся в начале

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

статьи «О кооперации» переоценка мечтаний так называемых «старых кооператоров» и признание того, что именно им было суждено отбросить камень преткновения, закрывавший долгое время «тайну» социализма, можно рассматривать как свидетельство определенной перемены взглядов Ленина на социализм.

Во всяком случае, неоспоримо, что с 1921 года Ленин начал отходить от концепции социализма как единого всенародного синдиката, одной большой национальной фабрики, искал пути создания многосубъектной организации социалистической экономики. Это подтверждает и происшедшая перемена взгляда на кооперацию, и характерная для последних работ В. И. Ленина критика прежней недооценки инициативы снизу, способности масс к самоорганизации.

В ходе этого поиска возникло важное для нас ленинское понимание кооперации как механизма подключения спонтанной инициативы масс к налаживанию коллективистских связей. Кооперативный оборот был важен для Ленина потому, что в нем «действительно участвуют действительные массы населения». Идея кооперации, таким образом, связана у Ленина и с его пониманием прочности коллективистской связи, социализма в целом. Прочно в общественной жизни только то, что создается людьми в процессе удовлетворения их многообразных интересов, что они воспринимают как естественное продолжение, необходимое условие их индивидуальной жизни. Невозможно создать коллективную общественную связь путем декретов сверху. И действительно, все известные попытки расширить коллективную связь административным способом, прибегая к нажиму (к примеру, кампании по сселению деревень, укрупнению колхозов), как правило, вели к противоположным результатам, к подрыву реальной, складывающейся десятилетиями коллективности, к расцвету махрового индивидуализма [1].

Вот почему естественно наше нынешнее стремление в некоторых случаях «начать все сначала» — на месте декларируемой формальной коллективистской связи, используя инициативу снизу, создавать жизнеспособные формы коллективизма. Тяга молодежи к самостоятельному кооперативному жилищному строительству, к кооперации быта, воспитания детей отражает дефицит подлинной коллективности, обостряющуюся потребность в самостоятельно формируемом коллективизме. И в этом нет неожиданного. Как и предвидел Ленин, чем прочнее политические и экономические предпосылки нового строя, тем выше индивидуальные требования к состоянию общественных связей. В конце концов, нельзя победить в таком трудном и новом для человечества деле, как строительство социализма, не будучи готовым к переоценке содеянного, к перестройке сложившихся связей, к тому, чтобы не раз начинать наше строительство «сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче»[2].

Наши нынешние устремления к кооперации согласуются с подобным всемирно-историческим подходом к строительству социализма. Мы не идем на уступки «групповой форме собственности», не возвращаемся назад, а движемся вперед к новому состоянию социализма, способному обеспечить ему бо́льшую историческую устойчивость, более естественное соединение личных и общественных интересов.

---

[1] См.: *Толстых В.* Социалистическая коллективность и индивидуальность// Правда, 1987. 20 марта.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 231.

Новое время требует новых концепций

Последние работы В. И. Ленина, и прежде всего его статья «О кооперации», позволяют сформировать социально-философские представления о причинах исторической устойчивости кооперации. Они дают основаиие для вывода о соответствии ныиешней экономической, аграрной политики КПСС ленинским представлениям о социализме, о закономерностях его строительства.

Однако было бы неверно ограничивать наше знание о кооперации содержанием статьи В. И. Ленина. Действительно, многое из того, что писал Ленин, не было реализовано. А потому мы вынуждены сегодня доделывать недоделаиное, добиваться более последовательного воплощения в жизнь ленинского кооперативного плана. Но кооперация, развиваемая сейчас, отличается от кооперации 20-х и от той, которую можно было бы создавать в 30, 40 и даже 50-е годы. Вот это иовое, что отличает нынешнюю кооперацию, трудно объяснить, не выходя за рамки ленинских представлений о причинах сохранения кооперации в социалистическом обществе.

Стоит только сравнить тех крестьян, бывших мещан, на которых сориентированы предложенные В. И. Лениным наиболее простые способы привлечения людей к социалистическому строительству, с нынешними участниками кооперативных форм организации труда — и сразу обнаружится новизна нынешнего практического интереса к кооперации.

Все идеологи кооперации конца XIX — начала XX века выводили ее необходимость из духовной, нравственной неподготовленности людей, сформировавшихся в условиях капитализма, и прежде всего мелких частных производителей, к социалистическому коллективному труду. Речь шла о том, что «намечающееся у нас грядущее общество не сможет уничтожить одним взмахом сложившуюся современную психику. Ему придется стать на путь систематического воспитания кооператоров и вообще населения в духе готовности обратить по возможности бо́льшую часть прибыли в общую неделимую собственность»[1]. Предполагалось, что решению этой воспитательной задачи будет способствовать верховный принцип кооперации, согласно которому «всякая личная выгода неразрывно связана с процветанием целого»[2].

В. И. Леиин также видел преимущество кооперации (как переходной формы социалистического хозяйствования) в том, что она, с одиой стороны, приноравливается к психологии, к уровню самого обыкновенного крестьяниина, сохраняет экономические условия для удовлетворения «интереса выгоды» мелких производителей, то есть для сохранения традициониых экономических стимулов к труду, с другой — способствует их привлечению к благам цивилизации, к зианиям, учит патриархального крестьянина рациональному ведению хозяйства[3]. Кооперация рассматривалась как механизм культурной революции, помогающий преодолеть противоречие между политическим содержанием Октябрьской революции и ее экономическими и культурными предпосылками.

Сегодня мы обосновываем необходимость сохранения и развития кооперации, ссылаясь на иную «психику», иные духовные качества.

[1] Эта мысль проходит красиой иитью через книгу одиого из идеологов потребительской кооперации Ф. Штаудингера, «Марксизм и потребительская кооперация» (М., 1919. Пер. с ием.), которую читал В. И. Леиин во время работы иад статьей «О кооперации».

[2] *Штаудингер Ф.* Марксизм и потребительская кооперация. М., 1919. С. 16.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 377.

Если раньше кооперацию связывали с недостаточной цивилизованностью, инертностью патриархального мышления, то сейчас — с обострившейся благодаря культурной революции (в силу достижений нашей образовательной политики) потребностью людей в большей самостоятельности в труде, со стремлением на деле ощущать себя хозяином производства, нести за него материальную ответственность, влиять на его организацию. По мере того, как растут уровень образования в социалистическом обществе и количество людей, ориентированных на высококвалифицированный, творческий труд, увеличивается неприятие практики и идеологии тотального государственного регулирования общественной жизни, растут симпатии к менее заорганизованным формам коллективного труда. Характерно, что в появившихся в последнее время в нашей прессе статьях о кооперативных предприятиях повторяется мысль: люди предпочитают мелкие кооперативы, ибо они дают бо́льшую самостоятельность в труде, больше ощущения «авторства», создают оптимальные условия для проявления квалификации. За создание кооперативных предприятий берутся, как правило, мастера своего дела, люди, ищущие возможности большей творческой самореализации. Можно верить организаторам современных кооперативов, когда они говорят, что их больше прельщает в этом новом деле возможность почувствовать себя самостоятельными в труде, проявить инициативу, мастерство, чем высокие заработки.

Публикации о создаваемых кооперативах подсказывают нам новое направление исследований причин устойчивости кооперации и сохраняющейся общественной потребности в ней. Не случайно в последних партийных документах так остро ставится вопрос о необходимости более полного учета психологических аспектов производства [1]. По-видимому, пришло время соотнести известные социализму формы организации труда, управления производством с психологией хозяйственного творчества, с основными родовыми социальными потребностями человека.

Конечно же психология труда, структура социальных потребностей личности дают нам сегодня больше для понимания предпосылок кооперации, чем социально-классовая структура современного советского общества. И тут существенное отличие между нынешним пониманием причин сохранения кооперации и объяснением природы этого явления в начале 20-х. Тогда кооперацию связывали прежде всего с особенностями классовой структуры переходного общества, с сохранением в стране миллионов мелких хозяев [2]. «Судьба кооперации,— писал Н. Мещеряков,— тесно связана с судьбой мелкой буржуазии, и до тех пор, пока будет существовать мелкая буржуазия — а она будет существовать еще довольно долго,— будет существовать и кооперация» [3].

В том-то и дело, что в начале 20-х путь к социализму через кооперацию, ее сосуществование с социализмом рассматривали чаще всего как уступку русской отсталости, как нетипичный, опосредованный путь от капитализма к коллективистскому обществу. В 1921 году на X съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил, что «социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, кото-

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 85.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43 С. 226, 227; Т. 45. С. 370—372.

[3] *Мещеряков Н.* Задачи современной кооперации. С. 4.

рые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство»[1]. Отсюда следовало убеждение, что доля кооперации в стране, вступившей на путь социализма, будет обратно пропорциональна уровню развития в ней крупной промышленности и соответственно уровню приобщения населения к достижениям цивилизации. А стало быть, уступка свободе производителей должна быть тем больше, чем меньше крупная промышленность его «переделала»[2]. И самое главное, утверждалось, что «осуществить строительство пролетарского государства в стране с крупным производством легче, чем в стране, в которой преобладает мелкое производство»[3].

В статье В. И. Ленина «О кооперации», написанной спустя без малого два года, учение о кооперации приобретает бóльшую универсальность. Но привязанность кооперации к «распыленности» мелкого производителя сохраняется. Сохраняется и убеждение, что в других, более благоприятных условиях можно будет обойтись без кооперации. Впрочем, до сих пор большинство специалистов исторического материализма, научного коммунизма полагают, что опосредованный путь от капитализма к полному социализму через широкое развитие кооперации — это только удел России, преимущественно аграрных стран, а что, к примеру, в Англии с ее развитой промышленностью при строительстве социализма можно было бы обойтись без кооперации[4].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 57—58.

[2] Там же. С. 29.

[3] Там же. С. 30.

[4] См.: *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973. С. 18; *Шевченко В. Н.* Социально-философский анализ развития общества. М., 1984. С. 73.

Но практика социалистического строительства пока не подтверждает эти предположения. Так, в ГДР еще в 1971 году более 14 процентов промышленного производства было в руках частного и полугосударственного сектора[1]. В этой стране наиболее устойчивым оказалось мелкое частное ремесленное производство, наиболее велика и устойчива потребность в свободе мелкого производителя. И кооперация вопреки первоначальным прогнозам получила наибольшее распространение именно в социалистических странах с хорошими стартовыми условиями.

Логика отношения к кооперации на практике была прямо противоположной ожидаемой. Именно в силу того, что России не хватало культуры и цивилизованности, а потому часто и элементарного здравого смысла в решении хозяйственных проблем, она не использовала все возможности кооперации. С конца 20-х годов естественное (идущее снизу, рожденное инициативой трудящихся) кооперативное движение начало сворачиваться. Тому было много причин и объективного и субъективного характера. К последним принято причислять инерцию критического отношения к кооперации как к явлению, чуждому социализму. Академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов пишет: утверждение Ленина о том, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства — это есть строй социализма», не дошло до сознания многих политиков, искренне и убежденно называвших себя коммунистами. Целый ряд «сверхреволюционеров» не воспринял его[2]. Создаваемые же в соответствии с ленинским кооперативным планом колхозы быстро, иногда с самого начала утрачивали признаки кооперативного объедине-

[1] Теория и практика строительства социализма. М., 1975.

[2] См.: Дон. 1987. № 1. С. 20.

ния и прежде всего начала экономической самостоятельности, самоуправления, самофинансирования. В результате глубинная сущность идеи кооперации, ее социально-экономическое содержание и огромное разнообразие форм были сведены к одному «коллективному хозяйству» — колхозу [1].

В целом, как пишет в этой же связи И. Н. Буздалов, становление и развитие кооперативного строя в СССР, первом государстве, вступившем на путь социалистических преобразований, не проходило гладко, беспрепятственно. Устремления к «решительному обобществлению» средств производства во всех сферах народного хозяйства были направлены и против кооперативной формы собственности [2]. Так, в первой половине 60-х годов зуд администрирования привел к устранению промысловой кооперации, к ее обобществлению до уровня государственной собственности. Примечательно, что ни одна из развитых стран социалистического содружества не проявила подобной поспешности, несмотря на то что в этих странах (к примеру, в ГДР, ЧССР) уровень технической оснащенности промысловой кооперации сейчас намного выше, чем у нас в 1964 году. В ЧССР доля промысловой кооперации в валовом производстве промышленности растет. В этой стране сегодня 390 промысловых кооперативов, объединяющих 184,3 тысячи членов. Им принадлежит 7,9 тысячи предприятий [3].

Итак, чем выше уровень индустриального развития, цивилизованности страны, вставшей на путь социализма, чем выше уровень жизни ее населения, тем активнее и шире она использует различные формы кооперации. Все это подтверждает наше предположение, что сегодня при объяснении причины устойчивости тех или иных форм организации труда важно учитывать и социально-психологические условия производства, обратное воздействие психологии людей, традиций, сознания на хозяйственные процессы. Тут существуют какие-то глубокие, тонкие закономерности труда, воспроизводства общественной жизни в целом, о которых мы и сегодня знаем очень мало. Их было трудно увидеть на начальных этапах социалистического строительства, когда политические проблемы заслоняли вопрос о других, и прежде всего социально-психологических, условиях полнокровной общественной жизни. Но теперь опыт социалистического строительства дает нам возможность составить более полное представление о диалектике перехода к социализму.

Причины «левой поспешности»

Да, при относительно низком уровне цивилизационного развития выше потребность в кооперации как в наиболее простом способе приобщения к культуре. Но бедность значительной части населения, неразвитость быта, низкая культура потребления становятся социальной базой для так называемой «левой поспешности»[1] в вопросах преобразования производства, всегда оборачивающейся недооценкой кооперации как «низшей» формы социалистической собственности. Бедствующие слои населения, не обладающие высокой политической культурой, быстрее поддаются пропаганде очередного исторического чуда, разрешающего все их жизненные проблемы. Подобное чудо, то есть «невиданно блестящие результаты» хозяй-

[1] См.: Дон. 1987. № 1. С. 20.
[2] Кооперация в странах социализма. М., 1986. С. 7.
[3] Более подробно о кооперативном движении в Чехословакии см. там же. С. 164—181.

[1] См.: *Амбарцумов Е. А.* Ленин и путь к социализму. М., 1982. С. 178.

ствования, как раз и обещали идеологи и практики «левой поспешности» в вопросах огосударствления средств производства. Для достижения чуда, с их точки зрения, достаточно было превратить различного рода кооперативные объединения в государственные организации.

Высказанное предположение о причинах нелегкой судьбы кооперации в нашей стране подтверждает и опыт строительства социализма в других странах, к примеру в Китае, на Кубе, во Вьетнаме. Все эти страны, где среди населения преобладали бедствующие, пережили периоды «революционной атаки» на прошлое, что всегда вело к недооценке и кооперации, и торговли.

Следует принимать во внимание и тот факт, что население с неразвитыми потребностями, не привыкшее к «хорошей жизни» и к «хорошей торговле», не так болезненно, как население развитых европейских стран, воспринимает снижение жизненного уровня, неудобства жизни, вызванные «левой поспешностью» в вопросах кооперации. А в европейских социалистических странах с традиционно высокой культурой быта (к примеру, в ГДР, ЧССР, отчасти в ВНР) любая попытка правительства отказаться от того, что приносит пользу населению и создает дополнительные удобства в жизни, вызывает сопротивление в общественном мнении. Не случайно именно в тех социалистических странах, где высока культура потребления, где больше сохранились национальные традиции, культ дома и культ стола, кооперация, и прежде всего потребительская, развита в наибольшей степени. Потребительская кооперация ВНР реально обслуживает 5 миллионов человек, то есть более половины населения. Наша кооперация обслуживает значительно меньшую часть населения.

В странах с высокой культурой производства, где распространена привычка к конкретному мышлению, где люди привыкли считать, обычно оказывается сильное сопротивление различного рода философским фантазиям. В таких странах велика потребность проверить теорию практикой (именно проверить, а не ускоренно внедрять), больше недоверия к попыткам судить о будущем вне настоящего. В России же, напротив, среди интеллигенции не было достаточного интереса к конкретной, организационной стороне дела, к подробностям труда, жизни. «Русский человек,— писал Ленин,— отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер... Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом... не хватало фантазии или не хватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим»[1].

Думается, в этой тяге русской души к теоретизированию по поводу общих мировых судеб, «земледельческих революций» тоже следует искать причину недостатка внимания к конкретным вопросам организации производства и вместе с ними к кооперации. Вместо того чтобы заняться изучением причин низкой рентабельности колхозов, мы их превращали в совхозы, надеясь, что эта новая революция в отношениях собственности позволит одним махом преодолеть отставание сельского хозяйства. Эти же духовные интенции двигали нами

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 400.

в кампаниях по укрупнению колхозов, сселению так называемых «бесперспективных» деревень. Во всех этих случаях побеждала привычка к одностороннним, поспешным, «смелым» решениям, сказывалось отсутствие терпения, а может быть, неумение, нежелание думать. Как может человек, знающий хотя бы азы науки об обществе, поверить, что возможно за три года произвести революцию в складывавшемся тысячелетиями земледельческом труде или «проскочить» социалистическую фазу развития за три десятилетия! Дорого обошлась нам страсть «торопить мечту», приходится теперь многому учиться заново, оглядываясь на потери, осваивать рациональный опыт других стран. К примеру, поучителен опыт ГДР, где много внимания уделяют обоснованию длительности социалистической фазы развития, делают акцент на необходимости развития собственной основы социализма, в том числе кооперации, товарно-денежных отношений. Теоретики ГДР не видят и сегодня необходимости превращать крестьянина в так называемого сельскохозяйственного рабочего, а оставшихся наследственных ремесленников — в индустриальных рабочих.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что наш нынешний интерес к кооперации — это симптом укрепляющегося духовного здоровья, победы здравого смысла, свидетельство растущей потребности в многостороннем осмыслении проблем. Одним из достоинств победившего на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС политического мышления является внимание к «потребностям жизни», особенно связанным с насущными материальными потребностями населения, к содержательной, организационной стороне народного хозяйства. Мы увидели в общественной жизни те ее интересы и потребности, которые трудно было разглядеть с высот исторических обобщений, но которые настойчиво, на протяжении всей истории социалистического строительства, во всех странах напоминали о себе. Мы перестаем относиться свысока к «обывательской» тоске человека по устроенной жизни, в которой не будет сопровождающих нас с детства до старости очередей, недостатка самых необходимых товаров.

В сущности, интерес к кооперации в нашей стране всегда возрастал в условиях осознания необходимости коренного улучшения жизни трудящихся и когда становилась очевидной опасность поспешных коммунистических преобразований, не подкрепленных реальным ростом благосостояния, развитием производства.

На пути от высот абстрактности к высотам конкретности

В разных странах Европы поразному складывалось отношение населения к практическим попыткам «торопить мечту». Но во всех без исключения европейских государствах кооперативному движению приходилось завоевывать себе право на жизнь в борьбе с оторванными от жизни концепциями грядущего чуда. И чем больше претендовала подобная теория на философскую высоту, тем с большим подозрением она относилась к кооперации. Цитированный выше один из крупнейших идеологов кооперации — Ф. Штаудингер постоянно критиковал такой способ мышления, неспособный опереться на конкретное знание условий производства. «Таков уж удел наших ученых и интеллигентов,— писал он,— они привыкли стоять выше вещей и рассматривать их сверху вниз, вместо того чтобы судить о ннх изнутри, и такая точка

зрения у нас даже восхваляется как особый признак объективности. Такое «избегающее оценки» отношение не замечает, как оно все-таки прибегает к ней... Это, конечно, касается не всех ученых. Физик, химик и математик обязаны исходить из внутренней природы своего предмета, иначе они не могут делать никаких выводов. Но так называемые исторические науки, философия и политическая экономия любят подняться над природой вещей на крыльях субъективных категорий, созданных абстрактной мыслью... Как только здесь заканчивается научное сопоставление вещей, в суждениях начинает неизбежно выступать умозрение, быть может и талантливое, но оперирующее в пустом пространстве»[1]. При всей утопичности идеи «старых кооператоров» преодолеть капитализм путем развития потребительских товариществ их опыт содержательного анализа различных сторон хозяйственной жизни и прежде всего анализа специфики потребления, его роли в жизни общества сохранил актуальность. Процесс потребления, обращали внимание «старые кооператоры», всегда более индивидуализирован, чем процесс производства, сохраняет бóльшую самостоятельность и устойчивость по отношению к политической сфере. Вот почему интересы людей как потребителей не тождественны интересам их как производителей. А, стало быть, потребительскую кооперацию нельзя рассматривать только как ступень, предпосылку к производственной кооперации, она имеет и свои функции, свою логику развития.

Только в последние годы восстанавливается разумное, дифференцированное отношение к возможностям потребительской кооперации, к ее роли в процессе удовлетворения потребностей населения. Это проявилось, в частности, в упомянутой выше книге «Кооперация в странах социализма», где доказывается социальная однородность и важность всех форм (теперь уже социалистической) кооперации. «При определяющем значении фазы или стадии производства,— пишет И. Н. Буздалов,— все формы социалистической кооперацни социально однородны, все они развиваются от простых форм к более сложным, совершенным. Заведомо искусственным является деление кооперации на низшую (например, потребительскую, промысловую, снабженческо-сбытовую) н высшую (производственную), а также отнесение кооперативной собственности к низшей форме, а государственной — к высшей»[1].

Важно помнить, что и в рамках марксизма-ленинизма новое знание о социализме достигалось путем преодоления неизбежной односторонности философского или политико-экономического осмысления общественной жизни, углубления его конкретно-хозяйственным и конкретно-социологическим анализом явлений. «Перемене взглядов на социализм», происшедшей в последних работах В. И. Ленина, сопутствовала и перемена или, вернее, усложнение исходной парадигмы.

В период «военного коммунизма», как разъяснил сам В. И. Ленин, все общественные процессы, все хозяйственные вопросы рассматривались с точки зрения движения к коммунизму «по прямой линии» и быстрейшего очищения общественной жизни от старого, от старых форм организации и стимулирования труда, от старого быта и т. д.[2] Так, в марте 1919 года Ленин с присущей ему страстностью защищал закон, согласно которому «никто

[1] *Штаудингер Ф.* Указ. работа. С. 46.

[1] Кооперация в странах социализма. С. 14.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 65; Т. 44. С. 156.

из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды»[1]. «Зачем эта статья вошла в закон?..— спрашивал Ленин и отвечал: — Чтобы создавать общий труд в общем хозяйстве. А если снова заводить отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было и до сих пор. В таком случае, стоит ли огород городить? Стоит ли устраивать советское хозяйство?»[2] К борьбе с кооперацией в условиях гражданской войны, объяснял на X съезде РКП(б) В. И. Ленин, побуждали к тому же политические соображения. «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров». А так как последние «сознательно или бессознательно» восстанавливали капитализм и помогали Юденичам, то приходилось бороться с кооперативным аппаратом, в котором они работали. «Коли воевать, так по-военному: мы должны были защищать себя, и мы себя защитили»,— заключал свой анализ В. И. Ленин [3].

В рамках такого отношения к действительности, акцентированного иа политической, классовой борьбе и смене формаций, соображения непосредственной экономической выгоды, даже насущные интересы, бытовые проблемы людей отодвигаются на второй план, подчиняются задаче быстрейшего освобождения трудящихся от влияния свергнутого буржуазного мира, создания неделимого всеобщего хозяйства. К быстрейшей национализации всех средств производства, огосударствлению кооперации подталкивал, как писал Н. Мещеряков, «вполне естественный и неизбежный «угар», «опьянение» после октябрьской победы»[1].

Именно потому, что из свободной торговли вырос капитализм, а вместе с ним и эксплуатация, выросло разделение общества на богатых и бедных, В. И. Ленин на протяжении более чем трех лет после революции выступал против свободной торговли в социалистическом обществе и всего, что с ней связаио. Но уже к концу двадцатого года он обнаруживает, что, если рассматривать общественную жизнь только в связи с движением к полиому равенству и с преодолением всего, что генетически связано с капитализмом, упускаются из виду другие, не менее важные задачи. Ведь наряду с проблемой «Быть или не быть полному равенству?», «Быть или не быть полному коммунизму?» существует еще проблема «Быть или не быть работнику?».

Тяжелейший кризис экономического и социального характера, опасность гибели миллионов людей от голода (вызванного прежде всего резким сокращением возделываемой земли), разрухи, эпидемии были той «предельной ситуацией», в условиях которой выкристаллизовывалось новое, более глубокое видение (новая парадигма) коренных проблем бытия человека.

В середине XIX века казалось, что главная опасность для человечества сосредоточена в психологии обывателя, мелкого буржуа, помыслы которого направлены только на то, чтобы богатеть, жить и размножаться. В начале XX века в экстремальной ситуации распада всех основ жизни Ленин видит, что желание богатеть, жить и размножаться тоже обладает общественной ценностью. Он приходит к выводу: «Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн собр. соч. Т. 38. С. 27.
[2] Там же. С. 28.
[3] Там же. Т. 43. С. 64.

[1] *Мещеряков Н.* Задачи современной кооперации. С. 7.

что слишком долго продолжается состояние крайнего голода»[1].

Новое в изменившемся подходе В. И. Ленина к проблемам развития социализма состояло в стремлении сочетать коммунистическое развитие, движение к полному равенству, к развитию чувства человеческого достоинства и свободы с сохранением первичных социальных условий жизни, желания людей работать, размножаться, улучшать свой быт. Большая, чем прежде, содержательность в подходе к общественной жизни достигалась дополнением динамического подхода (акцент на изменении, переходе общества в новое состояние) функциональным (акцент на первичных жизненных функциях человека, на фундаментальных условиях сохранения жизни). Новый подход позволил увидеть реальное содействие товарного обмена и упроченню основ общественной жизни. В своих последних работах Ленин обращает внимание на то, что в сложившихся условиях товарный обмен является первейшим условием пробуждения у крестьянина желания работать, расширять посевы, самой надежной формой связи между городом и деревней.

На пути этого движения от высот философского или политико-экономического знания о социализме к конкретным знаниям о конкретных механизмах стимулирования и организации труда возникает нынешнее знание о кооперации.

Кризис идеи «тотальной государственной монополии»

Мы уже видим и такую «подробность жизни», как естественные пределы огосударствления общественного производства. Да, опыт социализма подтверждает определяющее значение государственной общественной собственности в жизни социалистического общества. Она является гарантом его политической устойчивости, позволяет осуществлять планомерное воспроизводство основных условий жизни, определяет содержание и направленность всех других негосударственных форм организации труда. Но опыт реального социализма свидетельствует и о тщетности стремлений добиться полного, абсолютного огосударствления производства. Как правило, после достижения определенного уровня огосударствления его дальнейшее повышение не только не увеличивает эффективность общественного производства, а, напротив, ведет к ее спаду. Вот почему в ряде социалистических стран за попытками добиться полного огосударствления промышленности, торговли, сферы обслуживания и даже аграрного сектора следовало движение назад, восстановление кооперативных предприятий, личных подсобных хозяйств, а иногда и различных форм индивидуальной предпринимательской активности. Законы диалектики действительно всесильны. Невозможно победить стремление самой жизни к сохранению многообразия форм. Не случайно в последние годы укрепилось убеждение, что так называемая социалистическая единоукладность как однообразие, подчинение всей общественной жизни одной форме организации труда не может рассматриваться в качестве конечной цели исторического развития. Многообразие форм жизнедеятельности является непременным условием развития социализма.

Далее, необходимо больше считаться с диалектическим законом перехода количества в качество. Опыт социалистического хозяйствования показал, что степень планомерности, централизации и координации производственных операций, характерную для крупной промышленной фабрики, невоз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 84.

можно воспроизвести в масштабе государства. Особенно такого большого, как наше. Расширение количества объектов управления не может быть беспредельным. В какой-то момент обнажаются пороки гигантомании, неэффективность жесткого, диспетчерского или дирижерского стиля управления экономикой.

Нынешнее, более реалистическое отношение к возможностям государственной организации общественного производства имеет решающее значение для выработки новых представлений о кооперации. Ведь отношение к кооперации на всех этапах развития нашего общества было детерминировано отношением к возможностям государственной формы организации труда. Когда побеждало мнение, что единственно эффективной формой организации «общего труда в общем хозяйстве» является государственная, начиналось притеснение кооперации. Наиболее решительное ее вытеснение происходило во время «военного коммунизма». В рамках победившего тогда в партии представления о социализме как едином всенародном синдикате, где все члены общества работают по найму у государства рабочих и крестьян (причем работают поровну, правильно соблюдая меру работы и поровну получая за труд), не находилось места для кооперации. Не только для промысловой (как правило, городской формы), но и для сельской. В условиях хлебной монополии, запрещения частной торговли и особенно после введения продразверстки (январь 1919 г.) не было возможностей даже для развития сбыто-снабженческой и кредитной кооперации. И в перспективе, которая связывалась с исчезновением денег и денежного обращения, такой возможности не предполагалось [1].

[1] См : *Фигуровская Н. К.* Указ. работа. С. 50.

Необходимо отметить, что на основе опыта «военного коммунизма» В. И. Ленин уже обнаружил сложность достижения государственной организации производства в национальном масштабе по аналогии с одной большой фабрикой. «Теоретически не обязательно принимать,— говорил на X съезде РКП(б) В. И. Ленин,— что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность,— а промышленность работает,— и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота»[1]. Но все же и в данном случае, как видно из процитированного отрывка, Ленин связывал пределы огосударствления производства прежде всего с русской спецификой. Полное огосударствление В. И. Ленин называл «глупостью и самоубийством», «ибо эта политика экономически невозможна»[2] при существовании миллионов мелких производителей.

Наше нынешнее понимание места кооперации в социалистическом обществе вытекает уже из другого рода критики иллюзий насчет государственной монополии на производственную активность. Если в начале 20-х годов пределы огосударствления связывались с внешними, случайными факторами (к примеру, с промышленной неразвитостью дореволюционной России), то в настоящее время эти пределы выводятся из внутренней природы процесса огосударствления, из принципиальной неспособности центра, государственного аппарата подчинить своему контролю все экономические связи в обществе. Критикуя «слепую веру во всесилие аппарата» на июньском Пленуме

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 70—71.
[2] Там же. Т. 43. С. 222.

ЦК КПСС 1986 года, М. С. Горбачев подчеркивал, что в современиых условиях иедопустимо решать из цeитра все вопросы, да это практически и иевозможио[1]. Даже в условиях, когда из цеитра плаиируется лишь иесколько процеитов иатуральных позиций иародиохозяйствеииого оборота, объем этой работы превосходит возможиости плаиовых органов[2]. Цeитральные органы государства ие в состоянии подчииить коитролю сверху все 500 миллиардов хозяйствеииых связей в обществе. Впрочем, если бы у иас и была возможиость увеличить в иесколько раз число плаиовиков и благодаря этому увеличить объем плаиируемых сверху заданий, если бы удалось достигиуть «сплошиого плаиироваиия из цeитра», то подобиое достижеиие ие улучшило, а ухудшило бы удовлетвореиие обществеииых потребиостей[3].

Из цeитра трудио учесть специфику повседиевиых потребиостей иаселеиия отдельных регионов, областей. В рамках «жесткой», сверху спущеииой, заранее составлеииой программы производства (плаи по своей природе всегда отягощеи прошлым) иевозможио отреагировать иа измеиеиие коиъюиктуры рынка, учесть дииамику потребиостей. Еще более сложио в рамках подобиой государствеииой программы производства, рассчитаиной иа иесколько лет, а иногда и на десятилетия, отреагировать иа иаучио-техиический прогресс, использовать его достижеиия в производстве.

Побориикам полиого огосударствлеиия производства двигало стремлеиие (чаще всего иистинктивное) исключить из обществеииой жизии все иеконтролируемое, иепредсказуемое. Отсюда и оргаиическая связь между коицепцией едииого всеиародного сиидиката, базирующейся иа одной форме собствеииости, со стремлеиием к максимальиому едииообразию в оргаиизации производства, к максимальиому упрощеиию мехаиизма оргаиизации и управления, к системе одинаковых для всей страиы иорм, директивных показателей и т. д. С позиций таких представлеиий о социальиом благе огосударствлеиие всего иационального производства тем и полезио, что ведет к резкому умеиьшеиию диффереициации в обществеииых структурах, подчииягт едииое специфическое всеобщему, предполагает выработку общей мерки, которая бы позволяла управлять всеми разиообразиыми потребностями, иитересами.

Теперь поиятио, что подобиое видеиие отражало специфику фабричиого, машииного производства. Оио иеизбежио должно было укрепиться в условиях преобладаиия простого труда, коивейерио-поточиого производства, предполагающего максимальио возможиое отвлечеиие от виутреиией «человеческой субъективиости» работника. При этом и не могло быть иного представления о рациоиальиой оргаиизации обществеиной жизии.

Но чем выше уровеиь огосударствления экоиомики, тем сложиее учесть своеобразие ее подразделеиий, процессов. И тем сильиее «защитиая реакция» цeитральиых, всевластиых органов — стремлеиие виедрить количествеииые иедифференцированиые показатели, явствеииее ориентация иа валовый подход. Свойствеииое последиему отвлечеиие от качества, от потребительной цeииости произведеииого, то есть поверхиостиая оцеика производства, состояиия экоиомики,—

[1] См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 года. М., 1986. С. 10—11.

[2] См.: *Юнь О. М.* Интенсификация экономики: теория и практика планирования. М., 1986. С. 139—141.

[3] См.: *Лацис О.* По-новому взглянуть...// Коммунист. 1986. № 13. С. 37.

это тень, неизбежный спутник стремления к тотальному контролю государства над всеми проявлениями хозяйственной жизни.

И еще одна важная характеристика концепции тотального государственного контроля, непосредственного управления всей национальной экономикой. Она всегда отдавала предпочтение наиболее простым способам привлечения людей к труду, апеллировала к лучшим сторонам природы человека, к альтруизму. Но не отвергала и политическое, правовое принуждение, стремилась к безальтернативной системе производственного поведения. Так было не только в теории (к примеру, в работах Оуэна), но и на практике.

Сложившаяся в экстремальных условиях гражданской войны, а затем воспроизведенная в условиях коллективизации и индустриализации система абсолютной монополии государства на организацию производства опиралась на методы мобилизации, трудовой повинности. Движение к единоукладности достигалось путем правового, политического сокращения альтернатив хозяйственной деятельности, запрещения индивидуального предпринимательства, частной торговли, ремесла, административного ограничения форм кооперации и т. д. И это закономерно, ибо полного контроля над многообразием жизни, потребностей, интересов легче достичь запрещением всего, что не поддается обобщению, что возвращает к прошлому, к дифференциации, к возрождению особенного. Вера во всемогущество государственных форм организации труда обычно соединяется с верой в созидательную силу принуждения, запретительной деятельности. Знаменательно, что все противники кооперации ставили трудовую повинность, политическое принуждение к труду выше, чем экономические методы стимулирования производственной активности. Даже на X съезде РКП(б) А. Д. Цюрупа и М. И. Фрумкин говорили о государственном принуждении к труду как о «более совершенной» форме организации труда, чем, с их точки зрения, «враждебная» социализму по своей природе кооперация [1].

Что же касается идеи кооперации, то она отражала стремление избежать безальтернативности, полной зарегулированности хозяйственной жизни. Экономическая самостоятельность кооперативного предприятия всегда несет с собой элемент непредсказуемости — к примеру, будущей зарплаты ее членов. Если всеобщая тотальная организация производства выражает стремление к изначальной определенности и в условиях труда, и в условиях оплаты, к тому, чтобы как можно дольше придерживаться предписанного, то стимулом кооперации, напротив, является сохранение некоторой экономической неопределенности, возможности выйти за пределы сложившегося, расширить фонды, увеличить прибыль и т. д. Не зря систему Фурье называли мирным анархизмом. Стимулом творчества, а тем более экономического, как раз и является неопределенность, надежда выйти в нечто новое, ранее неизвестное, недоступное. Вот почему в условиях стремления к тотальному государственному контролю над производством кооперация воспринимается как явление, чуждое социализму, мешающее достижению всеобщей определенности.

Объективным пределом огосударствления хозяйственной жизни, непосредственного подчинения деятельности отдельных предприятий директивным органам является необходимость сохранения условий для самодеятельности трудящихся, для саморегуляции экономической

[1] См.: Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1963. С. 421, 432—433, 445.

жизни общества. В условиях, когда все проявления хозяйственной жизни, вплоть до каждой производственной операции, запрограммированы системой утвержденных нормативов (качества, затрат и т. д.), не может идти речь о какой-либо инициативе масс. Реальное, а не надуманное, противоречие социализма и состоит в том, что потребность в самоорганизации, в незапрограммированных планом хозяйственных инициативах столь же объективна, как и потребность в плане, в государственном руководстве экономическими процессами.

Именно такое понимание пределов огосударствления хозяйственных процессов является, на наш взгляд, новым, решающим аргументом в пользу кооперации. Она оказалась исторически устойчивой, ибо существуют такие хозяйственные задачи, которые ей удается решать проще и легче. Если в принципе невозможно построить все управление производством по вертикали, из центра, то желательно сохранить саморегулирующиеся коллективистские хозяйственные образования, способные к формированию необходимых для жизни общества горизонтальных связей. Кооператив как самодеятельная организация способен быстро реагировать на образовавшийся дефицит горизонтальных экономических связей. Различия между государственной и кооперативными формами организации труда определяются прежде всего качественными особенностями сфер производства, их содержательной спецификой. Там, где реализация общественных потребностей невозможна без социалистического государства, без ряда жестко фиксированных параметров производства, необходимо создавать социалистические общенародные предприятия. А там, где само содержание труда, его продукт нуждаются в сохранении максимально возможной экономической самостоятельности, где требуется высокая чуткость к нуждам людей, целесообразно создавать кооперативы, управляемые выборными лицами трудящихся, состоящие под ежедневным неусыпным контролем избравших их членов кооператива, не связанные с административными распределениями центра, гибкие в хозяйственной работе, допускающие наиболее быстрое и свободное проявление выгодной местной инициативы. Как считал известный аграрник А. В. Чаянов, кооперация является наилучшим аппаратом для работы в деревне [1].

Труд на земле предполагает большую целостность, чем труд промышленного рабочего, и большие условия для самоконтроля, самоорганизации. Ведь решения о том, что делать на земле сегодня, могут приниматься только сегодня и только теми, кто работает на этой земле. Для идеологов кооперативного движения в России начала XX века было очевидно, что «те преимущества, которые крупность хозяйства и усовершенствованная техника дают в земледелии, не так велики, как преимущества, даваемые ими в промышленности. Мелкие, технически слабые хозяйства могут в сельском хозяйстве оказывать большое сопротивление своим крупным конкурентам, что совершенно невозможно в индустрии»[2]. Вот почему, как говорил А. В. Чаянов, «в нашем Советском государстве во всех тех случаях, когда кооперация получает достаточную крепость и силу, ей передаются одна за другой разные отрасли хозяйственной работы в деревне, ранее выполнявшиеся государственными аппаратами, состоящими из назначенных центром специалистов и служащих»[3].

---

[1] См.: *Чаянов А. В.* Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 5.

[2] Там же. С. 5.

[3] Там же. С. 12—13.

Восстановление трезвого отношения к возможностям использования различных форм социалистической общественной собственности полезно не только для практики, но и для теории социализма. Сегодня нельзя серьезно обсуждать ни один вопрос теории социализма, не определив свое отношение к исходным установкам действительности, зафиксированным в понятиях «государственная организация производства» и «кооперативная организация производства». Мы используем последнее понятие вместо понятия «кооперативная форма собственности», потому что в социалистическом обществе, в соответствии со взглядами Маркса, Энгельса, Ленина, речь прежде всего должна идти об особых кооперативах, основанных на общественной собственности на средства производства [1]. Именно политико-экономическое тождество между идеями последовательно социалистического кооперативного производства, основанного на общественной собственности, и хозрасчетного общенародного предприятия дает нам основание свести проблему соотношения двух форм социалистической общественной собственности к проблеме различных способов соединения индивидуальных, групповых и общественных интересов, к проблеме различных способов организации труда.

Еще до опыта социалистического строительства была видна утопичность идеи тотального кооперативного производства, утопичность намерений построить социализм, не прибегнув к национализации основных средств производства, к развитию крупного промышленного производства. Поэтому и не было попыток воплотить в жизнь концепцию кооперативного социализма. А концепция монолитной организации труда в национальном масштабе оказалась осуществленной. И только сейчас, в конце 80-х годов, после более чем полувекового опыта социалистического хозяйствования, мы убедились в тщетности попыток превратить в норму хозяйствования методы государственной монополии на экономическую деятельность.

В том, что более века воспринималось социалистической мыслью как универсальный способ организации производства и решения человеческих судеб, сегодня усматривают не более чем одну из возможных моделей ассоциации труда. В том, что еще полвека назад казалось социальным преимуществом государственных директивных методов управления национальной экономикой (к примеру, распространение одной нормы или одного ритма труда на миллионы работающих, равенство оплаты и т. д.), сегодня видят неизбежные издержки первых, начальных форм социалистической организации труда, обусловленные к тому же недостаточно высоким уровнем развития производительных сил.

Гуманистическое призвание кооперации

Итак, уже ясно, что прямое, не допускающее отклонений подключение индивидуального труда к реализации общественных целей, бескомпромиссно обобществленный труд, как его понимали в середине XIX века, в принципе невозможны. Невозможны не только из-за универсальности, бесконечности связей, лежащих в основании современного производства, но и в силу изначального противоречия между социальной, духовной природой человека и теми формами организации, управления производством, к которым должна была привести последовательная реализация идеи одной, организованной в нацио-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 361; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

нальиом масштабе фабрики. Несмотря на то, что идеологи кооперативного социализма (к прнмеру, Фурье) былн утопистами в вопросах борьбы за власть, не сумели разглядеть закономерность развитня промышленного производства, все же в вопросах социальной пснхологин, прнроды человека они оказались более прозорливы. Полная определенность в труде, изначальная заданность его условий н даже равенство вознаграждения ие могут прельстнть человека. Человеку трудно прнмириться с ролью винтика, даже если он убежден в ее оправданностн и полезности. Он стремится сохранить право на собственную нннциативу, условня для состязательностн, определенную автономию. Поэтому ои сознательно илн ннстннктивно сопротнвляется диспетчерской органнзацни труда, не оставляющей ему места для инициативы. С утратой автономии в труде вынужден примириться неквалнфицированный рабочий, обслужнвающий конвейерно-поточное производство. С ней, как н с уравниловкой, может примнрнться все общество в особых, экстремальных условиях. Однако возможность временного, нсторически обусловленного прнмнрения общества с системой тотальной государственной регламентации не отменяет факта ее противоестественности.

Из этого, конечно, ие следует необходимость превращения всех государственных предприятий в кооперативные. Речь идет о том, чтобы и в государственном пронзводстве внедрять накопленный в кооперативах опыт стимулирования ннднвидуальной инициативы в труде, личиой ответственности за результаты деятельности предприятия. Нужно повышать эффективность функционирования государственной собствеиности н развивать у трудящихся предприятий чувство хозяина, опираясь на принципы, положительно зарекомендовавшне себя в кооперативах. Именно в снлу того, что эффективное функционирование не является спецнфнкой отдельных форм собственностн, и существует возможность для обмеиа опытом организации между различными формами соцналистической собственности. Такова уж диалектнка нсторни. Домнннрующая форма социалистической общественной собственности. совершенствуется сегодня за счет заимствования приицнпов у подчиненной формы собственности.

Формы оргаиизации труда, социальные ценности, сформировавшиеся в рамках кооперативных двнжений, начинают использоваться для преодоления обострившнхся внутреннних противоречий жестких, прямых способов соединения индивидуальных и групповых интересов с общественнымн.

Новое отношение к кооперации, таким образом, связано и с осознаиием возможиости координацин, сосуществоваиия различных экономическнх форм, использованння преимуществ их взаимодействия. Оказывается, что социальные, хозяйственные проблемы можно решать различным способом, а не только путем поглощения одной экономической формы другой, как это казалось на первых этапах социалнстического стронтельства. И что вряд ли есть смысл «лишать жизни» все экономнческие, соцнально-психологическне и иравственные структуры, обслуживающие предшествующую общественную формацию. Ведь многие из ннх, и в первую очередь позитивные стимулы к труду, в основе которых лежит потребность в состязательности, самовыраженни, в улучшении условий своей жизни, могут быть использованы для динамизации нашей экономики, всей обществен466ой жизни. Тем более что на современиом этапе развития социализма как раз и возникает крайняя необходимость в этих стимулах. Ведь принудить политическимн или пра-

вовыми методами людей к созданию новой техники, к творчеству, даже к профессиональному росту очень трудно, практически невозможно. Прогрессивную технику и технологии рождают позитивные стимулы, потребность в творческой самореализации, развитые экономические интересы.

А ядро идеи кооперации и составляет этот принцип сосуществования, координации старых и новых стимулов к труду, старых и новых принципов организации производства. Она, как говорил В. И. Ленин, умеет соединить в себе «различные принципы формации»[1]. Эта ее примиряющая особенность находит применение на различных этапах развития социализма для решения различных социальных задач. В переходный период кооперация примиряет мелкого частника с социализмом, сегодня она примиряет старые, простые методы социалистической организации труда, сложившиеся в экстремальных условиях довоенных пятилеток, с более гибкими формами соединения производителя со средствами производства, способствующими его бóльшей самостоятельности в труде. В первом случае она чаще выступала в чистой форме как тип, предметная форма хозяйствования, сегодня преимущественно используют ее философию, ориентацию на постоянный хозяйственный поиск, идеи самоокупаемости, самофинансирования, гибких форм оплаты и т. д. Но и в том, и в другом случае кооперация вела к терпимости и вниманию к разнообразным проявлениям жизни, уважению к традициям труда.

Все это укрепляет убеждение, что нынешнее отношение к кооперации в целом является свидетельством гуманизации нашей экономической и социальной политики. Возрождение интереса к кооперации — это результат качественных преобразований в нашем сознании. Как и в 20-е годы, перемене взглядов на кооперацию сопутствует свободное от прежних предрассудков отношение к торговле. Мы постепенно преодолеваем прежнее агрессивное отношение к товарно-денежным отношениям как к явлению, якобы чужеродному социализму, подрывающему экономическую и социальную справедливость. Правда, и здесь опыт десятилетий социалистического хозяйствования побуждает нас идти дальше, видеть то, что было трудно разглядеть в прошлом. Сегодня более зримой стала опасность ведомственного эгоизма (его в 20-е годы называли ведомственным империализмом), чиновничьего стремления как можно быстрее покончить со свободным обменом, товарно-денежными отношениями. Хотя уже ясно, что без товарно-денежных отношений невозможно построить рациональный, экономически эффективный социализм.

Внешне благородная идея постепенного вытеснения экономических форм принуждения к производительному труду (экономических рычагов и стимулов) на практике оборачивалось разрушением некоторых исходных условий воспроизводства общественной жизни. Недооценка экономических форм контроля за качеством социалистического труда нанесла ущерб природе. Бесплатность природных ресурсов, и прежде всего почв, воды, оборачивается прогрессирующим разрушением первичных условий жизни. В целом за последние полвека плодородие почв нашего государства сократилось на одну треть, на треть сократились площади возделываемых земель. Бесплатность, обилие ресурсов ведут не только к истреблению невозобновляемых ресурсов, но и к порче нравов. Бездумное отношение к природе, расточительное потребление почв, минеральных ресурсов

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 121.

свидетельствуют о нашей духовной неразвитости, об утрате чувства ответственности за будущее своего народа, страны, социализма.

Распространено мнение, что соблюдение принципов эквивалентности в отношениях между людьми ведет к их нравственной деградации. Однако на практике недооценка этого принципа (прежде всего в отношениях между людьми и обществом) и ставка на безвозмездность привели к распространению привычки жить за чужой счет.

В условиях социализма сохранение рынка, сохранение за потребителем права выбирать предмет потребления равносильно сохранению первичных политических условий контроля народа за деятельностью плановых органов, за качеством управления народным хозяйством. Торговля, товарный обмен по своей сути направлены против единообразия, против тенденции к государственному чиновничьему империализму, противодействуют идее командной, административно регулируемой экономики. Торговля является стимулом, источником дифференциации как предметов потребления, так и человеческих потребностей. А рынок постоянно рождает новые потребности, которые трудно учесть в момент составления различного рода директив. Он подрывает реальную власть администраторов «одной большой фабрики», ибо оставляет последнее слово за покупателем. Рынок учит людей думать, контролирует интеллект чиновника.

Вот почему так велик соблазн для бюрократа раз и навсегда освободиться от этого зоркого контролера, покончить с товарно-денежными отношениями, торговлей, кооперацией и т. д. Тем более что для таких поползновений на протяжении десятилетий существовали благоприятные политические и идеологические условия.

Теперь уже очевидно, что спровоцированная «сверхреволюционерами», а затем некоторыми нашими философами и политэкономами борьба со всеми формами негосударственного производства и негосударственной торговли нанесла значительный ущерб основам национального бытия. Трагедия состоит в том, что эта практика разрушения основ социальной жизни оценивалась как очередное достижение на пути коммунистического строительства. Не принималось во внимание, что торговля — не просто операция обмена товара на деньги и денег на товар. Это и жизненная активность, способ общения и времяпровождения, выражение традиций, культуры народа. Ярмарки были не только местом обмена товара на деньги, а частью быта, праздником. Вырвите из быта народов Востока традиционный базар — и вы разрушите их жизнь, лишите ее основного движителя. Неудачный опыт борьбы Хомейни с торговлей в Иране поучителен. Но, по-видимому, больше всего от борьбы с торговлей пострадала Россия. Ликвидация традиционных ярмарок вела к десоциализации населения, разрушению некоторых элементов национального самосознания.

Еще больший вред национальной культуре, национальному самосознанию нанесла ликвидация национальных ремесел, промыслов, сосредоточенных после революции в рамках промысловой кооперации. Особенно, наверное, пострадали от рвения поборников концепции одной большой государственной фабрики маленькие русские города. Своеобразие этих городов, их колорит, духовная атмосфера были связаны со спецификой культивируемых ремесел. Поэтому характерная для всего послевоенного периода «борьба» со средними и особенно с мелкими предприятиями, политика сворачивания местной промышленности, кооперативов

ремесленников, народных промыслов имела такие же губительные последствия, как и политика упразднения «неперспективных» сел, раскрестьянивание деревни, превращение крестьян в сельхозрабочих. Это приводило не только к утрате веками культивируемых навыков труда (и в целом к снижению культуры труда в обществе), но и к нарушению воспроизводства жизни в малых городах. Малые города России в последние десятилетия так же обезлюдели, как и малые деревни. Надежды на их возрождение мы связываем с восстановлением и развитием кооперации.

* * *

Подытожим, к каким обобщениям привел нас анализ основных причин возрождения интереса к кооперативной форме производства. Кооперация является необходимым структурным элементом социализма, одним из условий его сохранения и развития. «Из силы, противостоящей господствующему общественно-экономическому строю, углубляющей противоречия капитализма, кооперативное движение при социализме становится органической составной частью социалистического общества и вместе с тем силой, способствующей развитию и совершенствованию всей системы производственных отношений»[1]. Этот вывод бесспорен. Как было показано выше, без кооперации невозможно нормальное функционирование социалистического общества, полное и рациональное удовлетворение социальных и экономических потребностей людей.

Кооперация неотделима от социализма, ибо является наиболее эффективным способом разрешения внутренних, имманентных противоречий свойственной ему, преобладающей государственной формы производства. Без кооперации в целом ряде случаев невозможно экономически контролировать, проверять хозяйственную деятельность общенародных предприятий. Кооперация — средство саморегуляции социалистической экономики. Она как наиболее эффективная, гибкая форма социалистической организации труда на земле и в сфере услуг становится предпосылкой, условием сохранения преимущественно государственной формы организации труда в промышленности. И в то же время кооперация во всех формах, включая жилищную, потребительскую кооперацию,— наиболее доступная форма экономической самодеятельности масс, а следовательно, и необходимое условие психического здоровья общества. Кооперация является одним из возможных средств борьбы с бюрократизмом, имманентно присущим государственной форме производства. Кооператив имеет антибюрократическую направленность по той причине, что он огражден от некомпетентного вмешательства извне, им руководят люди, вложившие в его создание свое имущество и потому лично заинтересованные в рациональном ведении хозяйства, несущие личную материальную ответственность за результаты его хозяйственной деятельности. Кооперация непосредственно привлекает людей к осуществлению функций производительного накопления, которая в рамках общенародной формы собственности до сих пор целиком возлагается на государство.

[1] *Буздалов И. Н.* Теория и практика социалистической кооперации//В кн.: Кооперация в странах социализма. С. 8.

С. Шаталин

Академик

План или рынок?[1]

Сейчас в стране проводится радикальная экономическая реформа. Замысел ее состоит в том, чтобы, с одной стороны, усилить централизованное начало экономического развития, с другой стороны, в значительной степени расширить хозяйственную самостоятельность предприятий и объединений.

Бытует такая довольно механистическая точка зрения: при увеличении централизованного начала автоматически снижается децентрализованное.

На самом деле это не так. И вот почему. Если под централизацией понимать систему «карточного» распределения ресурсов, фондирование всех видов продукции, доведение всех показателей вплоть до предприятий, «роспись» из центра всей хозяйственной деятельности, то тогда такая форма централизации есть зло.

Чем больше такого рода централизации, тем меньше места для хозяйственной самостоятельности, а в конечном счете и для отдачи производственных ресурсов.

Сейчас во всех социалистических странах идет поиск нового хозяйственного механизма, но пока еще эта механистическая трактовка концепции социализма довольно распространена. И она, на мой взгляд, объясняется нашим стереотипом — привычкой к административной централизации.

Сила же настоящего централизованного руководства экономикой должна состоять в том, чтобы уметь оптимально устанавливать самые главные пропорции развития народного хозяйства (между накоплением и потреблением, между группой «А» и группой «Б», между производственной и непроизводственной сферами), определять узловые и болевые точки научно-технического прогресса, осуществлять руководство образованием, здравоохранением, культурой.

Реальная сила централизованного планирования не в том количестве показателей, которые «спущены» вниз, а в умении решать стратегические проблемы и создавать такие правила экономических отношений (как-то: цены, кредит, плата за использование ресурсов и т. д.), которые бы побуждали отдельные — самостоятельные! — ячейки идти в русле глобальных стратегических задач народнохозяйственного плана.

Поскольку самостоятельность предприятий обязательно предполагает расширение сферы действия рыночных товарно-денежных отношений, а в эту же сторону, безусловно, идет и развитие индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности (кооперативная собственность сейчас все больше будет углубляться), то вот здесь-то, естественно, и возникает жупел «рыночного социализма».

Можно прямо говорить, что сугубо «плановый» социализм не в должной мере справляется с эффективностью, качеством, не всегда быстро адаптируется к часто меняющимся общественным потребностям, и в него надо ввести рыночные отношения. Но говорить, что

---

[1] Аргументы и факты. 1987. № 24, 25. Ответы С. Шаталина на вопросы читателей «АиФ» подготовлены к печати корреспондентом еженедельника Н. Желноровой. Печатается с сокращениями.

при этом наш социализм станет рыночным — неверно.

«Рыночный социализм» означает, что все ресурсы в стране распределяются рынком, и только им. Но если так, то тогда фактически не существует политического устройства, характерного для социализма. В таком случае это будет плохой или хороший, но капитализм. И ничего больше. Так что «рыночный социализм» — это безграмотная утопия. В настоящий момент стратегической тенденцией во всех соцстранах становится расширение рыночных отношеиий. Но дает ли это нам основание для постановки такой дилеммы: план или рынок?

В своих оценках мы бываем беспощадиы и забываем при этом очевидиые вещи. И в первую очередь то, что социализму всего 70 лет. Чаще, вынося по какому-то поводу свой суровый приговор, мы добавляем: «70(!) лет Советской власти, а не научились делать то-то и то-то!» А ведь 70 лет — время жизни всего одного поколения. Причем время драматическое, тяжелое.

Если учесть, что первый план мы начали разрабатывать с середины 20-х годов, значит, имеем и того меньше — всего 60 лет своего планового развития. И поэтому нелепо выносить суровые оценки и так же нелепо удерживать это развитие на одном и том же уровне административной централизации. Учитывая изменения объективных факторов — социальиых, экономических, морально-этических, социализм все время должен развиваться, и он будет это делать.

Социализм еще только начинает ощупью искать, что и где нужно планировать, что нет. Пока мизерен исторический срок социализма. И что нужно четко понять? *Что в экстремальных условиях слаборазвитая страна, какой была Советская Россия,* несмотря на все ошибки — политические, идеологические, экономические, *самые узловые проблемы жизни народа решала более эффективно, чем капитализм.*

В экстремальных условиях, и особенно когда тебе никто не помогал и не помогает, план оказывается значительно эффективнее рынка.

Другое дело сейчас, когда построена довольно зрелая система социализма и в СССР, и в других странах и когда возникла необходимость решать такие «тонкие» проблемы, как ассортимент, качество, адаптивность своим общественным потребностям. Где они лучше решаются: «у рынка» или «у плана»?

Сейчас — пока «у рынка». Но ведь и мы хотим в этих сферах ввести рынок! Но чтобы он не был повторением базара, чтобы не потерять стратегическую нить развития экономики, мы должны централизованным образом планировать важнейшие пропорции и т. д.

А на нынешнем отрезке времени нам надо значительно уменьшить административное вмешательство в экономику и дать большую хозяйственную свободу непосредственным производственным ячейкам. Это требовалось сделать еще в 30-е годы. Такая идея была и в 60-е годы. Но тогда дело, по существу, не продвинулось.

Если действительно мы имеем дело с типичным нынешним планом, то здесь, по существу, места рынку нет. Вот, например, прямой государственный заказ предприятию на выпуск какой-то конкретной продукции. Под это даются фондированные ресурсы, продукция заранее распределяется, работа оплачивается. Какой здесь рынок? Его нет. Здесь существует только план. И Маркс, и Энгельс, и Ленин считали, что при социализме будут только планомерные отношения. А товарно-денежные отношения умрут. Они абсолютно правы в том смысле, что та сфера экономики, где существуют плановые отношения, где

происходит плановое регулирование (номенклатура, цены, фонды определяются государством), там рыночных товарно-денежных отношений нет. Но зато другая сфера — где нет прямого госзаказа (но есть договоры между предприятиями, внутренние хозяйственные связи, оптовая торговля средствами производства и т. д.) — уже вполне может быть сферой рыночных отношений. Но тогда уже здесь нет плана.

План и рынок могут сосуществовать в конкретной экономической системе. Не вместе, но рядом. Есть некоторые отрасли в экономике, которыми лучше и легче управлять методами прямого планового воздействия — через госзаказы (это оборона, часть тяжелой промышленности и т. д.). Словом, только стратегическая для народного хозяйства продукция должна входить в систему, определяемую госзаказом.

И есть большое море экономических отношений (легкая промышленность, бытовые услуги и т. д.), которыми не надо управлять, планирование и регламентация там излишни и даже вредны. Они могут функционировать самостоятельно. Вот это и есть рынок. И то, что есть рынок и нет плана, совсем не значит, что нет планомерности развития в целом всей экономики страны.

— Давайте определим, что такое рыночные отношения...

— Это право самостоятельно выбирать тот вид продукции, который пользуется спросом. Это право свободно устанавливать цены на рынке. Это собственный выбор покупателя и продавца, это эластичность предложенных товаров, услуг...

— Станислав Сергеевич, вы сказали, что одна из основных черт рыночных отношений — свободный выбор производителя. А если предприятие находится в государственном секторе экономики?

— Оно вполне может участвовать в товарно-денежных отношениях. Положим, треть продукции будет распределяться в соответствии с планом — через госзаказы, а остальная пойдет вне плана, по законам рынка.

— Немножко хорошего плана, немножко хорошего рынка — не получится ли из этого страшный хаос?

— Ни доказать это, ни опровергнуть нельзя. Будем откровенны — что из этого получится, доподлинно мы пока не знаем. Но главная цель введения товарно-денежных отношений — более полное обеспечение благосостояния народа. И в данном случае, считаю, эта политика глубоко нравственна, она раскрепощает экономику, раскрепощает силы людей, их инициативу. Ведь самое большое отступление от социализма — это неудовлетворенный спрос народа. Мы хотим иметь не немножко, а максимум хорошего (!) плана и максимум хорошего рынка.

Полностью принять «рынок» — это значит перейти к капиталистической экономике, этого не будет, так как наши и политические, и социальные задачи совсем другие. А оставаться только при одном плане дальше нельзя. Он уже сыграл свою роль, и сейчас, когда изменились условия, нам нужны новые формы экономического хозяйствования. В силу этого механизм управления при социализме может быть не только плановый и не только рыночный. Нам нужны элементы и того и другого — лишь бы это было выгодно обществу, каждому конкретному человеку.

Страны капитала развивают свою экономику уже более трех веков. Они ее отшлифовали и в полной мере стали использовать тот потенциал, который заложен в капиталистической рыночной экономике. Но считать, что у рыночной экономики большое будущее,— неверно. Недаром уже сейчас про-

исходит тенденция к централизации руководства. В силу ряда причин — распределения помощи бедным, развития инфраструктуры и т. д.— экономика многих капиталистических стран стала нуждаться в централизованном планировании.

Возвращаясь к нашей стране, я снова хочу подчеркнуть, что изменения в лучшую сторону с введением товарно-денежных отношений неизбежны. Социализм как система — молод, и многие идеи для реализации его преимуществ еще не созрели... Если раньше мы все, вплоть до гвоздя, планировали, то теперь этого делать не будем. Набравшись ума, опыта, мы потом еще что-нибудь изменим в экономической политике.

...Мы не застрахованы от ошибок в будущем. Но, с другой стороны, я надеюсь, наше интеллектуальное, культурное, историческое поумнение пошло столь далеко, что обратного пути нам уже нет. Процессы перестройки стали необратимыми. И прежде всего потому, что необратимыми стали процессы в человеческих душах. Они уже не позволят существовать ни той экономике, ни тому общественному состоянию, которые были раньше.

— Сейчас наступил период, когда литераторы, кинематографисты извлекают на свет творения, которые в свое время были или не признаны, или не могли быть обнародованы, но создавались по велению души и совести их авторов. Имелись ли такие материалы, содержащие новые принципы социалистической экономики на современном этапе, у наших ученых-экономистов?

— Экономика — это столь сложная наука, что даже одаренные люди мало что смогут сделать в ней в одиночку. Но и у них есть кое-что в «загашнике», иначе откуда взялись бы те новые предложения, идейные разработки, которые прозвучали на съезде, обсуждаются сейчас?! Не может же за два года произойти такое общее прозрение в рядах экономистов!

Эти разработки не признавались и пять и десять лет назад. Но они были! Такие ученые, как Аганбегян, Заславская, Аничшкин, Петраков, Попов, писали об экономике так же, как о ней говорят теперь: о диспропорциях воспроизводства, о неправильной структурной политике распределения ресурсов, о машиностроении, сельском хозяйстве... Ясно одно, что теории, созвучные современным веяниям, у экономистов всегда были. Это я вам твердо говорю. Вот только прислушиваться к ним не хотели.

— Четко ли ученые представляют, что и как должно быть в нашей экономике? Есть ли у них разногласия?

— Они четко представляют, что в экономике многое было (особенно в последние десятилетия) плохо и надо решительно менять хозяйственный механизм. А это уже плюс, потому как некоторые ответственные работники считали, что все было хорошо и должно было так оставаться. Есть люди, которые до сих пор убеждены, что все эти изменения — «от лукавого».

А разногласия есть. Они касаются в основном конкретных вопросов, и их почти нет по принципиальным идеям перестройки.

Но главная тема споров — это план и рынок. Все понимают, что нужно побольше самостоятельности, социалистической конкуренции, нужно быть поближе к потребителю. Но в каких пропорциях вести централизованное планирование и в каких товарно-денежные отношения — здесь еще спорят.

В течение многих лет теория нужна была только для того, чтобы проводить антураж под решения, которые в тот момент принимались. Вполне естественно, что в тех условиях не было внутреннего со-

цнального заказа иа теорню, которая может быть реальиой основой соцналистнческого планнрования н управлеиия экономикой.

Но сейчас возникают процессы, свндетельствующне, что нужна теорня, которая показывала бы, куда и как ндти. И она сейчас развнвается довольио быстро.

Политнческая экономня соцналнзма есть. Пусть она сформулнрована не в учебннках, а в трудах ряда (15—20) ученых. Естественно, не иадо быть самонадеянным н счнтать, что мы создали полнтэкономию соцналнзма на таком же уровне, как ее сделал Маркс. Но ие иадо заннматься самобнчеванием н говорить, что инчего нет. У нас есть реальиая иаучная осиова для того, чтобы создать н в внде учебнника такую экономнческую теорню.

— На ваш взгляд, что главным образом мешает перестройке?

— Неграмотиость и те социальные снлы, которые в результате перестройки теряют. Это иевежество н бюрократизм. Все остальное значнтельно легче преодолеть. У народа должиа быть определеиная кринтческая масса зиаиий, культуры, чтобы можио было бы довольно быстро провести перестройку.

— И эта крнтнческая масса уже есть?

— Еслн б ее ие было, то можно было бы сказать, что перестройка — только лозунг и ничего больше. Но критическая масса созревает. И поэтому мы можем верить в то, что перестройка возможна, что она произойдет.

Н. Федоренко

Академик

Стимул против затрат [1]

В Програме КПСС определеиа задача последовательного перевода предприятнй н объединенний на полиый хозяйственный расчет. Тем самым этот метод хозяйствовання, иа протяженни последнних десятилетнй горячо обсуждавшийся экоиомистами — ученымн н практнками, можно сказать, поставлен на практнческне рельсы. Однако прошедшие дискуссии, хотя и продвииули вперед теоретическое решенне проблемы, все же оставнлн открытым ряд иемаловажных вопросов. И средн нних однн, по-виднмому, крайне прннцнпнальный — о платностн нспользуемых ресурсов.

Раньше прииималось как должиое, что средства, которыми распоряжается предприятие, как бы не его средства нли, по меньшей мере, не только его. В любой день мииистерство могло изъять прибыль у хорошо работающего коллектива и передать отстающему для его спасения от затруднеиий. Не очень-то разлнчали грaницу между деньгамн предпрнятня и госбюджета финансовые органы, местиые власти. Теперь положение меияется: полный хозрасчет требует четко провестн все эти разграничения, ие смешнвать свои и чужие деньги. В прежнних условиях можно было мнрнться с нерешеииостью такого вопроса: за что должно платить предпрнятне, а что может доста-

[1] Труд. 1987. 11 янв.

ваться ему бесплатно (учитывая, что у нас собственность на средства производства общенародная, социалистическая). А это вопрос кардинальный и весьма непростой. Теперь решить его необходимо, потому что иначе полный хозрасчет просто невозможен.

Упрощенно говоря, каждое предприятие (объединение), по существу, представляет собой систему, преобразующую некоторые ресурсы в полезную продукцию. В условиях товарно-денежных отношений ресурсы оно покупает, а продукцию — продает. Читатель может спросить: ну и что, в чем тут, собственно, проблема? Известно же, что предприятие и прежде платило, и сейчас платит за материалы, полуфабрикаты, комплектующие изделия, покупает станки и оборудование, наконец, выдает заработную плату работникам.

Но дело в том, во-первых, что платит предприятие далеко не за все. И, во-вторых, сам порядок платы зачастую таков, что он никак не сказывается на интересах производственного коллектива и не стимулирует экономное и эффективное использование ресурсов. Лучше всего объяснить это на бытовом примере: за электроэнергию мы платим по счетчику — чем больше истратим, тем больше заплатим,— и потому стараемся электричество экономить, а вот за газ вносим символическую плату по едокам и готовы даже квартиру при случае отапливать с помощью газовой плиты, а уж о том, чтобы конфорка не горела без пользы, вообще зачастую не заботимся.

Доказано, что оптимальное, то есть наилучшее, хозяйствование возможно только при платности всех используемых ресурсов: материальных, трудовых, природных, информационных. Это все — исходные, важнейшие положения теории оптимального функционирования социалистической экономики, разработанной советскими учеными. Рассмотрим, как обстоит дело с платой на практике. За материалы, полуфабрикаты предприятие действительно платит из своего кармана, купил 100 тонн металла — списывай со своего счета в банке столько-то рублей. Купил 200— списывай вдвое больше. И если нет других, привходящих обстоятельств, то в целом для коллектива вопрос решается однозначно: чем больше сэкономил металла, тем больше будет прибыль, а соответственно и поощрительные фонды. Попросту — больше премии работникам.

Сложнее обстоит дело с другим типом ресурсов — основными производственными фондами. Многие десятилетия они предоставлялись предприятиям бесплатно, по принципу: предприятие — общенародная собственность, значит, и его основные производственные фонды, то есть здания, сооружения, машины, принадлежат всему народу. Конечно, можно было задать невинный вопрос: но ведь металл или, скажем, топливо — тоже общенародная собственность, почему же за них надо платить? Где здесь логика? Но почему-то такой вопрос не возникал.

Постепенно, в результате длительных научных споров и практических пересмотров действующего порядка остановились на некотором промежуточном варианте: когда предприятие образуется, оно получает от государства основные фонды и оборотные средства, необходимые для начала производственной деятельности, а потом, когда приходит пора заменять станки на более совершенные, расширять производственные мощности, вести реконструкцию, оно получает новое оборудование уже не бесплатно. Правда, средства для того, чтобы расплатиться с поставщиками, оно берет из разных источников. Либо опять-таки безвозмездно из того же государственного кармана (это на-

зывается бюджетным финансированием), либо взаймы в банке под определенный процент (это — кредитование капвложений), либо, наконец, отдает свои кровные денежки.

Только этот, третий способ затрагивает интересы коллектива, только в этом случае его работники вынуждены тщательно прикидывать, нельзя ли купить станок подешевле, можно ли будет его загрузить с достаточным эффектом, чтобы поскорее вернуть затраченные средства. А два первых при сложившейся системе ограниченного хозрасчета мало чем отличались друг от друга, ибо отдавать долг и проценты предприятию приходилось лишь номинально, по видимости, а на самом деле эти затраты учитывались в финансовом плане и практически оплачивались из средств государственного бюджета. Именно в этом кроется глубинная причина одного из самых болезненных негативных явлений, проявившихся за последние годы в нашей экономике,— снижения фондоотдачи. Предприятия не рассчитывали по-хозяйски — стоит ли закупать оборудование, будет ли оно должным образом использовано, да и просто — достаточно ли хорош этот станок? Известно ведь: дареному коню в зубы не смотрят...

Во время хозяйственной реформы 60-х годов была введена так называемая плата за фонды. Расчет был простой: внося в бюджет определенный процент с суммы стоимости основных фондов, предприятие будет заинтересовано в их сокращении или лучшем использовании. Но плата за фонды могла бы оправдать ожидания, если бы был задействован в полном объеме тот хозяйственный механизм, который задумывался тогда, при подготовке реформы. А получился, в сущности, очень простой экономический фокус. Если предприятие экономило на плате за фонды, соответствующая сумма автоматически переходила в свободный остаток прибыли, изымаемый в бюджет; если, наоборот, возникал излишек фондов, то на соответствующую долю уменьшался свободный остаток. В результате и в том, и в другом случае антизатратный стимул был парализован.

Но сейчас, в новых условиях, когда предприятия будут действительно переведены на полный хозяйственный расчет, плата за фонды неизбежно явится мощным фактором стимулирования их эффективного использования. И если говорить о ее экономической сущности, можно было бы с некоторыми упрощениями назвать ее арендной платой, которую предприятие платит государству за предоставленные в его распоряжение фонды (следовательно, она не должна распространяться на то, что приобретено за собственные средства или в кредит). При определении норматива платы правильно было бы учитывать среднюю эффективность использования соответствующих фондов (конечно, не полностью, чтобы часть полученного эффекта оставалась коллективу). Норматив этот должен быть тесно связан и с процентной ставкой за кредит.

Пожалуй, еще сложнее обстоит дело с оплатой природных ресурсов, используемых предприятиями, прежде всего добывающими и сельскохозяйственными, но не только ими. Здесь и наука не может сказать, что ей все ясно. Однако тенденция вырисовывается все более отчетливо.

Еще два-три десятилетия назад считалось аксиомой, что природные ресурсы при социализме не только не могут продаваться и покупаться, но и не могут быть экономически оценены. А потому они бесплатны для предприятий. Сейчас мало кто возражает против оценки земли, полезных ископаемых и прочего.

Но оценка — лишь начало дела. Во многих областях уже осуществляется и переход к реальной платности природных ресурсов: при эксплуатации лесов взимается так называемая попенная плата, при изъятии земельных угодий для строительства в смету включаются платежи на компенсацию потерь сельского хозяйства.

Но все это — полумеры. Ставки платежей занижены, а главное — не включены органически в хозрасчетный механизм. Что из этого получается, видно на примере такого важнейшего природного ресурса, как вода. Именно бесплатность приводит к хищническому ее использованию. Огромны безвозвратные потери воды при орошении земель, велики размеры загрязнения, оказались под угрозой такие жемчужины земли нашей, как Севан и даже Байкал.

Тут все очень просто. Представьте себе, что химический завод может выпустить дополнительную тонну какого-то продукта, но это потребует излишнего расхода воды. Остановит ли данное обстоятельство руководителей предприятия? Конечно же нет, ибо вода бесплатна. А если бы правильно оценить ее и взять соответствующую плату, то вполне возможно оказалось бы, что овчинка не стоит выделки: прибыль от полученного продукта в буквальном смысле уплыла бы в реку. Значит, пришлось либо отказаться от его выпуска, либо искать иной технологический процесс.

Аналогично можно рассуждать и применительно к трудовым ресурсам. На основе экономико-математического анализа ученые вносят следующее предложение: надо, чтобы помимо выдачи зарплаты самим работникам предприятия перечисляли в государственный бюджет платежи, используемые в качестве одного из источников образования общественных фондов потребления и других затрат государства на воспроизводство рабочей силы. Плата должна быть дифференцирована прежде всего по видам труда: если рассчитать ее правильно, в частности с учетом стоимости подготовки специалистов, то предприятиям стало бы просто невыгодно направлять квалифицированных работников на уборку урожая или на овощные базы.

Отсутствие такой платы сейчас оказывает отрицательное воздействие на технический прогресс. Дело в том, что в условиях заниженной оценки трудовых ресурсов (то есть без дополнительных платежей, о которых идет речь) существенно искажается оценка эффективности новой техники и технологии. При этом оказываются якобы выгодными новинки, на самом деле весьма неэффективные. Они реализуются, распространяются — и это объективно сдерживает технический прогресс.

Подведем итог. Введение платности всех ресурсов, используемых социалистическими предприятиями и объединениями, позволило бы, на наш взгляд, вести хозяйство более рационально, в соответствии с требованиями, выдвигаемыми партией на современном этапе. Научные и методические трудности этого дела, конечно, преуменьшать нельзя. Тут еще потребуется немало работы. Но основные, принципиальные вопросы наукой сегодня решены. Надо, чтобы ученые-экономисты вместе с практиками, работниками плановых и хозяйственных органов приложили максимум усилий для реализации принципа: «Использовал ресурс — плати!»

Н. Петраков

Член-корреспондент АН СССР

Товар и рынок [1]

В плену дефицита

От нашего рынка устали все, кто с ним соприкасается. Не прекращаются десятилетиями жалобы хозяйственников на перебои в снабжении, на необязательность поставщиков, на низкое качество сырья. О населении и говорить нечего. Товары у нас давно уже не продают, а «выбрасывают», не покупают, а «достают». До сих пор не потеряло своей актуальности шуточное определение очереди как социалистического подхода к прилавку. Однако не до шуток, когда ежедневно десятки миллионов советских людей сталкиваются с ситуациями: деньги есть, товара нет; товар есть, деньги есть, но нужны еще и какие-то талоны, или пропуска, или удостоверения на право... а то еще и справка из загса (о том, что он и она предполагают вступить в законный брак), именуемая, правда, «приглашением» в спецмагазин.

Что же это за экзотические формы производства и распределения продуктов и услуг? С одной стороны, говорят, чем лучше будешь трудиться, тем больше заработаешь. С другой — оказывается, что заработок не так легко обратить в нужные товары, а иногда и просто невозможно.

Некоторые советские экономисты считали (да и считают сейчас, но временно молчат), что такая система отношений представляет одно из коренных преимуществ социализма. Западные советологи полагают, что именно здесь заложен главный порок экономики социализма. Но те и другие трогательно единодушны в том, что натуральный по сути и денежный по форме способ организации хозяйственной жизни внутренне присущ социализму, что «нормальный» рынок и социализм — просто взаимоисключающие понятия. Стихия рынка! — панически восклицают поборники планомерности, заметим, той самой «планомерности», которая привела нас на грань кризиса, к тем удручающим диспропорциям и узким местам, один перечень которых потребовал не один десяток страниц партийных и правительственных документов, появившихся после марта 1985 года.

Почему же стихия? Ведь если научно обоснованно планируются объемы, ассортимент и качество выпускаемой продукции, денежные доходы предприятий и населения, то есть все факторы, лежащие как на стороне предложения, так и спроса, то это и есть планомерность, понимаемая как постоянно и сознательно поддерживаемая пропорциональность. Дефицит, выпуск ненужной или недоброкачественной продукции, очереди, рост незавершенного строительства, деньги, не обеспеченные товарами,— вот что такое стихия, анархия, сколько бы ни клялись преимуществами плановой системы хозяйствования, сколько бы ни утверждали народнохозяйственных, республиканских, отраслевых и тому подобных планов.

Сбалансированный рынок создает условия для эффективной реализации основных принципов социализма, идей социальной справедливости. Прежде всего это касается

---

[1] Огонек. 1988. № 34.

закона распределения по труду. Заработная плата, как бы совершенна она ни была, как бы точно она ни отражала вклад каждого работника в достижение конечных результатов, должна быть отоварена не вообще, не в среднем, а конкретными товарами, пользующимися спросом. Иначе вся конструкция материальных стимулов, хозяйственного интереса рушится. «Архангельские мужики», семейные и иные подряды, кооперативы останутся единичными маяками, дающими пищу не столько населению, сколько журналистам и писателям, если их политые потом и кровью высокие заработки не смогут воплотиться в модные и добротные промышленные товары, строительные материалы, путевки в санатории и круизы. Захлебнется и социалистическое самоуправление, столкнувшись с тем, что на заработанные деньги нельзя не только построить жилой дом для рабочих, но и купить новое оборудование. Вообще оздоровляющую демократичность честно заработанного рубля мы многие годы недооценивали. Забывая, что она проявляется только в условиях сбалансированного рынка, на товарно-денежные отношения навешивали все смертные грехи. И спекуляцию, и коррупцию, и подпольный бизнес, и вещизм.

В действительности же все не так, как в директивных учебниках политической экономии, впитавших в себя идеи Сталина, изложенные им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта работа стала своеобразной библией экономистов еще до ее появления в печати. Сначала, как и полагается, божественные откровения были доведены до сведения избранных, тех, что готовили текст учебника. Сам учебник был задуман как катехизис, призванный ввести единомыслие в экономическую науку. Почва для этого акта была подготовлена давно. Светлые головы экономической науки к этому времени уже сошли со сцены, были «выдворены» из жизни или из науки. Кстати, были у экономистов и свои презенты, были и галилеи. Но к началу 1951 года полигон для ясновидящего был окончательно расчищен. Молодая поросль экономистов, воспитанная на нигилизме к достижениям своих предшественников, ждала чуда. И чудо свершилось в виде небольшой брошюры, где закон стоимости объявлялся хотя и объективным, но все-таки «не нашим». Посему этот закон, сферу его действия следует ограничивать и использовать только там, где еще социализм продолжает делать вынужденные уступки незрелой колхозно-кооперативной собственности, а также собственности личной (одежда, мебель, детские коляски и т. п.).

Но если мы направляем свою энергию на борьбу с самим законом, позволяем себе не считаться с объективной реальностью, то мы тем самым создаем сюрреалистический экономический мир, который десятикратно перекрывает самые необузданные фантазии Сальвадора Дали.

Возникает мир, в котором рубить баранью тушу выгоднее и престижней, чем проводить тончайшую хирургическую операцию; где поощрение за ответственную работу по управлению целыми хозяйственными комплексами осуществляется не столько на базе денежного вознаграждения, сколько с помощью сосисок, карбоната и вырезки; где существуют низкие цены на товары, которых нет в магазине, а дорогие, но высококачественные товары периодически поступают в торговую сеть в последние числа месяца, квартала и года; мир, в котором бессмысленно истратить ресурсы выгоднее, чем их сэкономить, потому что последнее приведет к урезыванию фондов на следующий плановый период или к снижению показателей темпов и объемов; и, наконец, где *отчет* о результате важнее самого результата, а производство

важиее потребления, ради которого производство собствеино и оргаиизовывалось.

Дефицит — это экономическая болезнь социализма. Пора об этом сказать вслух и имеиио нам. Вслух, потому что кулуарио об этом уже ие один десяток лет говорят все здравомыслящие советские экономисты, а теперь уже не только экономисты; нам, поскольку весь мир трубит о дефицитном облике советской экоиомики, превращая его (этот облик) в пугало для «третьего мира», ие говоря уже о направленной девальвации идей социализма среди прогрессивиых сил развитых капиталистических стран. Да, дефицит — это болезнь, но излечимая силами самого социализма. Реальиый способ лечения нашего экономического недуга, больно бьющего и по нашему идеологическому и политическому престижу, следует искать не в отходе от социализма, а в ликвидации его деформаций.

Одна из главных деформаций в экономической области заключается в отрицании того очевидного факта, что в конкретных условиях социалистического обобществления производственных ресурсов закон стоимости, рынок работают на социализм. Задачи максимального насыщения общественных и личных потребностей, обеспечения истинной планомерности, справедливого распределения по труду могут быть решены только при организации и постояииом поддержании сбалансироваиного рынка, нормализации деиежного обращения, обеспечении твердого курса рубля.

О бюрократизме в последние месяцы написаны сотни страниц, есть и специальная, блестяще составленная резолюция XIX партконференции. Поэтому, лишь обозначив этот глубинный противовес рынку, позволю себе обратить внимание читателя на то обстоятельство, что экономический бюрократизм обладает стандартиыми чертами этого явления общественной жизни. Это прежде всего сверхконцентрация власти в сфере распоряжения хозяйствеииыми ресурсами. Во-вторых, обезличка при принятии коикретиых решений и оформление миеиия аппарата (читай: клерка) как миеиия инстанций, облеченных общественным доверием. И в-третьих, полиая безнаказанность за неблагоприятные для государства последствия своих действий в силу отсутствия механизма экономического возмездия за ошибочную хозяйственную политику (просьба не путать с возможностью административного наказания, как правило, за неподчинение приказам и указаниям вышестоящих звеньев, что имеет мало общего с ответственностью за нанесеииый народному хозяйству ущерб).

Так вот, самореализация экономической бюрократии во всех трех вышеуказанных ипостасях совершенно иевозможна при наличии четко и иеумолимо действующего хозяйственного механизма, быстро реагирующего на любые шаги, идущие вразрез с требованиями экономических законов. Чтобы развязать себе руки, необходимо прежде всего дискредитировать такой механизм, свалив иа него все беды, вызваиные неправильными экономическими решениями, некомпетентиой хозяйственной тактикой и стратегией. Непомерно растут государственные расходы, при которых экономические обязательства покрываются с помощью неуемной эмиссии денежных знаков без соответствующего товарного покрытия,— виноват «буржуазный» закон деиежного обращения, который мешает строительству социализма. Растет спекуляция, взвинчиваются цены черного рынка, падает покупательная способность рубля — опять-таки это не нарушение элементарных законов воспроизводства, а происки закона стоимости, который ставит палки в колеса политике сверхвысоких темпов индустриализации. Исчезает матери-

альная заинтересованность в росте производительиости труда в силу оскудения потребительского рыика, падеиия темпов развития легкой промышлеииости и деградации сельского хозяйства — значит, ие вытравлеиа еще до конца из созиания трудящнхся мелкобуржуазиая, мещаиская психология потребительства, вещизма, преклонеиия перед западиым образом жизни. И так до бескоиечности. Вор крнчит: держи вора! И людн раз за разом попадаются на эту нехитрую уловку. А полнтнкн потирают руки и прнговарнвают: «Такой иехорошнй закои стоимостн, ио выиуждеиы его пока сохранять н нспользовать... в своих полнтнческнх целях».

От барщины — к оброку

Когда я учнлся в университете, курс полнтнческой экоиомии читал иам профессор Козодоев, личность иезаурядиая. Миогие студенты его ие любнли за строгость, въедлнвость, безапелляцноиность. А он любнл теорню земельиой ренты. Этот раздел курса он читал вдохиовеиио, с упоеинем, с особым артнстнзмом. Особеино ему нравнлось разъясиять студеитам, как исторнческн меиялись формы взаимоотиошеинй земельиых собствеиннков н крестьяи и как эти изменения сказывались иа развитии производства, иа укреплеиии экономнческого иитереса к рачительиому нспользованию земельиых угодий. В России большое распространеиие получила и закрепнлась иа века барщниа. Крестьяиин отрабатывал свою повиниость на полях помещика в течеине иесколькнх дией в иеделю, а в остальиые дии имел возможность обрабатывать свой иадел, иаходнвшийся в его фактнческом пользованин. С точки зреиня эффектнвиости земледельческого труда (я уже не говорю о социальио-гуманистической стороие полурабского закабалеиня труженика) барщииа нмела массу иегатнвиых черт. Крестьяннн, работая иа поле помещнка, естественно, ие стремнлся «выкладываться», работал буквальио нз-под палки. Необходнм был иеусыпиый глаз разного рода иадсмотрщнков, контролеров. Существовала и детально разработаниая снстема наказаний, ииднвндуальной н коллективной ответствеииостн. Тотальный и скрупулезный контроль за подневольным трудом крепостных рождал нногда н комнческне формы. Помнните сцену сбора урожая в усадьбе Ларных:

> В саду служанкн, на грядах,
> Сбнрали ягоды в кустах
> И хором по наказу пелн.
> (Наказ, основанный на том,
> Чтоб барской ягоды тайком
> Уста лукавые не елн
> И пеньем былн заняты:
> Затея сельской остроты!)

Однако даже консерватнвный русскнй помещнк, не говоря уже о «просвещениом» западном феодале, со временем убеждался, что следнть за голоснстостью пейзанок и содержать армню надзнрателей довольио иакладно. На рубеже 30-х годов корабль нашей экономнкн решительно развернулся и лег на курс феодальио-командиой снстемы управлеиия, прнчем не только аграрным сектором, но и всем народным хозяйством. И этнм ку́рсом шел десятнлетиямн. Это стало привычным, обыденным уже не только для капнтаиов, но н для младшнх по званию, включая даже матросов н юнг. Потребовался апрельскнй (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, чтобы актнвные «пассажиры» и крнтнчески мыслящая часть «команды» поставили под сомненне эффектнвиость непогрешнмого способа вовлечеиия иарода в процесс строительства соцналнзма.

Теперь мы все говорнм: нужны экоиомнческне методы управлення, необходнмо больше демократин, то есть соцналнзма, требуется повысить н заинтересованность, н ответственность. И уж совсем резко: го-

сударство не отвечает по долгам предприятий, а предприятие не отвечает по обязательствам государства. Это, конечно, не означает, что взаимные обязательства государства и трудовых коллективов исчезают. Напротив, они четко фиксируются, но вводятся в юридические рамки, за пределами которых «дружба дружбой, а табачок врозь». Это, по сути, и есть возврат к ленинскому продналогу (сначала натуральному, а потом денежному оброку). Давайте же наконец называть вещи своими именами.

Аналог ленинской новой экономической политики ныне у всех на устах и на слуху. Мол, вперед, к нэпу! Однако забывается, что теперь осуществить поворот государственного корабля на идеологию продналога существенно сложнее, чем в начале 20-х годов. Казалось бы, парадоксальное утверждение. Ведь тогда — нищета, разруха, контрреволюционные элементы (не высосанные из указующего перста гения всех времен и народов, а реальные). Сейчас всего этого нет. Но нет и крестьянства, сросшегося с землей-кормилицей, готового дневать и ночевать на своей делянке, спасая урожай, заготавливая корма, готового пойти на смертный бой за эту самую землю и победить хорошо обученные армии деникиных — врангелей, и отвернуться от бунтарей-анархистов, и выступить за справедливую твердую власть, которая гарантирует крестьянину свободное землепользование. Туго нынче стало и с инициативными людьми, знающими не столько, на чем можно заработать, а как вести хозяйство фундаментально, не ориентируясь на настроение начальства или сиюминутную конъюнктуру дефицитного рынка. Исчезли практически и навыки управления, базирующегося на гибкой финансовой политике.

Долгие годы воспроизводились, тиражировались специалисты, руководители, управленцы, которым экономические методы были просто не нужны, а скорее даже противопоказаны. Это не их вина, а наша общая беда, коль скоро разговор о перестройке системы управления экономикой переходит в стадию практических действий. Поэтому, глядя правде прямо в глаза, следует признать, что многочисленной армии управленцев надо не только сокращаться, не только перестраиваться, но и переучиваться. И сложность нынешней ситуации в том, что необходимо переучиваться на ходу, и именно тем людям, которые уже занимают какие-то посты или места в управленческой иерархии.

Ведь они смотрят на подведомственные трудовые коллективы, как на неразумных и шкодливых детей, или ощущают себя реальными «слугами народа».

Художественные и документальные кинофильмы, корреспонденции с колхозных и совхозных полей, романы и научные трактаты долгое время пытались убедить всех нас, что для труженика, производственного коллектива нет большей радости, чем расстаться с плодами своего труда. До сих пор триумфально, со знаменами движутся по кино- и телеэкранам колонны грузовиков с зерном, хлопком, сахарной свеклой, направляясь прямиком на заготовительные пункты и элеваторы. Праздник и ликование в кадре, оплата за сданную продукцию — за кадром. Я не призываю к тому, чтобы документалисты вместо автоколонн с зерном начали бы показывать бухгалтерии. Нет, это правда жизни, философия нынешнего управленца. Главное — взять и отчитаться. Чем больше отобрал, тем лучше работаешь. Поэтому не зазорно отобрать 90 процентов, а то и перечислить в бюджет (при отсутствии прибыли) оборотные средства предприятия. Столь же нормально забрать план, второй план и еще наложить руку на семенной фонд. Потом, правда, из бюджета

или из госрезерва можно выдать необходимые ресурсы. Но степень этой необходимости определяет управленец лично. А главное — он как бы одаривает производителя милостью державы, перед которой тот отныне если не в материальном, то уж в моральном долгу навек. И заодно в долгу перед конкретным распределяющим лицом.

Непомерный, выходящий за рамки социальной справедливости и экономической разумности налог — это по сути своей та же барщина. Поэтому, когда речь идет о переходе от военно-казарменных методов управления производством к экономическим и, в частности, об использовании экономических нормативов распределения доходов, о налоговой системе, важно помнить, что это еще не панацея от всех экономических бед. Это лишь внешняя и, конечно, необходимая форма, которую незамедлительно надо наполнять соответствующим экономическим содержанием, дабы не дискредитировать саму форму в одночасье. А содержание заключается в принципиальном изменении подхода к пониманию системы взаимоотношений между функциональными звеньями живого экономического организма.

Спору нет, общественная собственность на средства производства — краеугольный камень социалистической экономики. Также очевидно, что социалистическое государство играет существенную роль в жизни общества, в том числе в организации народного хозяйства. Но какую роль при всем при этом должен играть государственный чиновник? Ведь основными действующими лицами являются общество — производственный коллектив — работник. Важно, как между ними складываются отношения. Общество доверяет на определенных экономических условиях конкретному трудовому коллективу часть общенационального достояния (аренда с заранее обусловленным размером платежей за предоставленные в пользование производственные ресурсы — землю, здания, оборудование).

Член трудового коллектива получает право контролировать хозяйственную деятельность избранной с его участием администрации и вообще активно участвовать в управлении производством, что зафиксировано в Законе о предприятии. А что же чиновник? Он хочет исполнять роль общества. Так сказать, «от имени и по поручению». Хочет-то хочет, но кто ему даст? Однако он в своих действиях исходит из известного афоризма: власть не дают — власть берут! А поскольку де-факто власть у него еще сохранилась от прошлых застойных и предзастойных времен, то позиция чиновника выглядит даже миролюбивой или, во всяком случае, не агрессивной: «Ну-ка, отними!» (так называется конфета, которой нет в широкой продаже четверть века). А ведь на самом-то деле роль чиновника в этой экономической пьесе чисто вспомогательная, обслуживающая: он не режиссер, не автор сценария, а скорее суфлер, осветитель, машинист сцены... Не знаю, согласится ли с такой вольной аналогией читатель, но что возмутится чиновник — уверен на сто процентов. И, к сожалению, будет прав. Его ключевое положение в организации реального «обмена веществ» и жизнедеятельности экономического организма практически сохранилось без изменений. Произошла на сегодняшний день лишь моральная девальвация административно-командных методов руководства. Маловато, если учесть, какой общественно-политический нажим был оказан на эти методы в последние годы, в какой «яростный поход» пошли журналисты, ученые, руководители предприятий и колхозов, кооператоры и, наконец, в качестве орудий главного калибра обрушили свой огонь на головы руководителей отраслевых министерств и об-

щеэкономических ведомств делегаты партконференции. Но министры отмолчались, а ораторы разъехались по рабочим местам. Однако, будучи свидетелями этой устойчивости бюрократической машины, давайте не впадать в крайность. Не надо смиренно склонять голову перед ее якобы всесилием. Незачем также паниковать и искать новые концепции перестройки управления экономикой. Концепция июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС исключительно емкая и целенаправленная. Сейчас не надо придумывать новые схемы перестройки экономической жизни, а важно выделить главное звено, правильно оценить ситуацию. Политические реформы, которые будут проведены в ближайшее время в полном соответствии с решениями XIX Всесоюзной партконференции, безусловно, создадут «режим наибольшего благоприятствования» для дальнейшего развития и практической реализации программы июньского Пленума ЦК КПСС. Тем не менее этот неоспоримый факт не должен служить поводом для реанимации на новом уровне системы «отфутболивания». Мол, пусть политологи и юристы поработают, а мы, экономисты, подождем результатов этой перепасовки. Достаточно этих игр.

Чтобы кардинально решить проблему трансформации феодально-командной психологии, ее вытравления из сознания как выше-, так и нижестоящих в системе управленческой иерархии, нужно всем миром навалиться на реализацию одной-единственной (но ужасно непростой) задачи: укрепить,— нет, неподходящий термин, поскольку речь идет не о подпорках,— перестроить *денежную систему* нашей страны.

Рубль, не имеющий статуса всеобщего эквивалента, не может быть надежной опорой перестройки в экономике. Единственное и мощное, можно даже сказать, безоговорочное оправдание господства чиновника в экономической жизни нашей страны — карточная система, прямое натуральное распределение ресурсов (пусть формально облекаемое в денежные одежды). Сколько бы ни гневался товарищ Кабаидзе на чиновников, пока на заработанный его объединением рубль нельзя будет купить все, что нужно объединению, он будет им (этим чиновникам) кланяться. И речь свою на партконференции он будет использовать в рамках административно-карточной формы, взаимодействия с вышестоящими хозяйственными органами. Попробуйте, мол, мне теперь не выделить фондов на то и се, когда я вас с такой высокой трибуны прищучил! Хитрый Кабаидзе, просто молодец. Но ведь знает и он, и десятки других руководителей объединений, что заработанный рубль — пустышка, если не взять за горло или не обойти окольным путем чиновника (например, прорваться прямо «на верха» с челобитной). А от хорошей ли это жизни? Конечно, от плохой. Тогда давайте займемся деньгами, теми самыми, которых у нас нет, а если бы были, то мы на них ничего не купим или купим не то, что хотим.

Посторонись, советский рубль идет!

Выше я вспоминал студенческие годы, но не менее яркие «экономические» воспоминания запечатлелись у меня со школьного возраста. Когда я оканчивал начальную школу, свершилась знаменитая послевоенная денежная реформа. Карточки тоже отменили. Рублю установили золотое содержание. Необычайно престижное, но явно нереальное. Я тогда ничего этого, естественно, не понимал. Но врезался мне в память один плакат, напечатанный, кажется, в «Крокодиле»: идет розовощекий парень по асфальтированному шоссе, а в канавах валяются зелено-синие дряхлые старцы и старухи. На парне

написано «рубль», а на бедолагах в канавах — «доллар», «фунт стерлингов», «франк», «лира» и т. д. И так, я вам скажу, было приятно это видеть даже школьнику (или, быть может, только школьнику). Но, во всяком случае, это после войны смотрелось необычно и поэтому, наверное, запомнилось. Не так, не колхозница со снопом пшеницы идет, а советский рубль! Здорово! Но на этом все кончилось. Время шло. «Было время, и цены снижали»,— почему-то сейчас очень модно ссылаться на детские воспоминания Владимира Высоцкого. Очевидно, более старшее поколение помнит, что до этих легендарных снижений цены подскочили в 2—3 раза, почти до уровня цен так называемых коммерческих магазинов.

Ну да ладно. Снижали — повышали, повышали — снижали, не об этом речь. Главное, что рубль стал довольно-таки условной единицей измерения затрат и результатов. Доказывать этот факт советскому читателю не надо. А вот понять, почему послевоенные начинания по укреплению денежной системы не получили развития, пожалуй, стоит. Ответ довольно очевиден. Да потому, что не было намерения менять командно-феодальную, барщинно-централизованную систему управления производством. Сталин отнюдь не собирался расширять сферу товарно-денежных отношений, использовать рынок, хозрасчет для укрепления социалистической экономики на базе расширения инициативы, интереса к конечным результатам производства. «Можно ли рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе как товар?» — задавал себе Сталин риторический вопрос. И отвечал: «По-моему, никак нельзя». Ну а в сельском хозяйстве стратегическая линия виделась как полный отказ даже от товарных форм и переход к натуральному продуктообмену. «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности,— писал Сталин,— нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть». Так что послевоенная денежная реформа преследовала весьма ограниченные цели. Она не была продиктована стремлением создать прочный фундамент для перехода системы управления на современные экономические методы. Нет, идеалом Сталина был социализм с феодально-барщинной моделью управления экономическими процессами. Формы управления производством должны были находиться в единстве с принципами взаимодействия звеньев надстроечной иерархии. Сталин не понимал радости Владимира Ильича по поводу того, что нэп позволил найти «ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов». Этот камень не лежал на пути сталинских представлений о социалистическом механизме ведения хозяйства. Его логика была иной, и в рамках этой логики камнем преткновения был как раз нэп. И он был отброшен прочь с дороги. Типичный для того времени способ разрешения противоречий. Вместо поисков согласования в диалектическом единстве индивидуального и общественного интереса — механическое уничтожение, подавление одной из сторон в угоду другой. Но такой путь — лишь иллюзия разрешения противоречий. Подрыв индивидуальной заинтересованности деформирует и общественные интересы, превращая их в ведомственные, групповые, клановые.

Теперь мы вернулись к пониманию нужности реального, живого сочетания личного и общественно-

го, «своего» и «нашего», частного и коллективного. А для решения такой задачи деньги, твердый рубль нужны уже не как декорация, а как жесткая необходимость. «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли... Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать» — эти ленинские слова так актуальны, что создается впечатление, что они произнесены вчера, а не две трети века назад.

Чтобы со знанием дела приступить к реализации этого ленинского завета в нынешних наших условиях, следует прежде всего иметь в виду, что в последние десятилетия советская экономика развивается в условиях все нарастающей инфляции. Инфляция эта имеет свои особенности в отличие от аналогичных процессов в капиталистических странах. Поэтому экономисты называют ее по-разному: «подавленная», «деформированная» и даже «отложенная» инфляция. Но все-таки инфляция. Это важно подчеркнуть, потому что еще недавно применение этого термина к советской экономике считалось чуть ли не идеологической диверсией. Теперь это явление стали не только называть своим именем, но и изучать. Объем денежной массы у нас постоянно превышает размеры товарного предложения. Попытки государства сдержать неминуемый в таких условиях рост цен были не всегда удачными, а там, где это удавалось, возникали новые, иногда непредвиденные негативные последствия. К их числу относится прежде всего спекуляция, то есть тот же рост цен, но не в государственном секторе, а на черном рынке. Это приводит к перераспределению доходов между честными тружениками и перекупщиками, которые становятся богаче ровно настолько, насколько мы с вами беднеем, переплачивая.

Другим следствием несбалансированности спроса и предложения является падение качества и фальсификация продуктов и услуг. Формально цены не растут, а с учетом падения качества рост налицо. Например, если из трехкилограммового пакета картошки вы набираете в кастрюлю только треть, то нетрудно подсчитать реальный индекс цен. Далее убогость ассортимента товаров и услуг приводит к так называемым вынужденным сбережениям, когда деньги откладываются не на «черный день», не для покупки в будущем какой-либо крупной и дорогой вещи, а в связи с тем, что купить нечего из того, что хотелось, и в надежде, что, может быть, повезет позже. Правда, как правило, не везет. Сумма вкладов на сберкнижках с 1970 года возросла более чем в 5 раз и перевалила ныне за 260 миллиардов рублей. И, конечно, «классика» социалистического варианта инфляции — это очередь. О ней сложено эстрадных куплетов и анекдотов больше, чем о теще, а легенд и небылиц — больше, чем о летающих тарелках.

Итак, следующий шаг, который необходимо сделать, чтобы дальше двинуть дело перестройки управления экономикой,— проведение серии энергичных антиинфляционных мероприятий. Кое-кто предлагает провести денежную реформу на манер сталинской (1947 г.) или хрущевской (1961 г.). Шаг, безусловно, революционный, будоражащий все без исключения слои общества, но экономически беспомощный, а политически сомнительный. Любая разовая денежная реформа подрывает в той или иной мере доверие населения к государству, перекладывая хотя бы часть экономических «грехов» последнего на плечи трудящихся. Таковы минусы реформы. А плюсы? Они начнут исчезать тут же, на следующий день, месяц, год, если не будут пресечены каналы, по которым из-

быточные деньгн воспронзводятся в нашем хозяйственном механизме. Есть множество средств, чтобы взбудоражнть, поднять с постелн на день даже тяжелобольного человека, но нам нужны такие лекарства, которые прнвелн бы к полному выздоровленню и при этом желательно с минимальными потрясеннями. Опыт многих стран социализма, бравших в разное время курс на экономнческие методы управления, свндетельствует о том, что в народном хозяйстве начннается лавнннообразный рост цен, быстрое обесценеине деиег. Не избежалн этого ни Польша, ни Венгрня, нн Югославня, нн Китай. Необходимо не только тщательно проанализнровать эти процессы, но разработать н реалнзовать комплекс мероприятнй, блокнрующих развнтне негативных явлений. Июньскнй (1987 г.) Плеиум ЦК КПСС поставил задачу разработкн программы фниаисового оздоровлення иашей экоиомики. Сейчас проект этой программы готовнтся рядом ведомств. К сожалению, учеиые-экономнсты в «лучшнх» традициях застойиого пернода отстранены от участня в этой работе. Очевндио, здесь срабатывает старый стереотнп: чем значительнее проблема, тем в большей секретности ее надо разрабатывать, а секретность легче всего обеспечить, резко ограннчив круг допущенных к таинству лнц. Аналогичная «модель» поведения наблюдается н в отношении подготовки реформы цен (особенно розничных). Ну, что же, недопущение в святая святых подготовки официальных проектов не иалагает запрета на высказываине иеофициальных мыслей. Ими я и хочу поделиться с читателями.

Первое, что необходимо сделать, чтобы оздоровить иаше деиежиое хозяйство,— это резко сократнть иерацноиальные расходы. Ведь обратная сторона дефицита — избыток деиег, которые разиымн путями иакачиваются в иародное хозяйство.

Когда подинмается этот вопрос, обычио взгляд общественностн сразу падает иа огромиую армню управлеицев и чниовннков. Спору нет, ее надо сокращать, хотя не дай бог впасть здесь в очередиой адмнинстративный раж. Ведь мы уже нмеем печальиый опыт, когда нз года в год спускались сверху задания по сокращенню адмннистративно-управленческого персонала (АУП), что, с одной стороны, ставнло предприятня в тяжелые, ниогда иррациональные условия, а с другой — отнюдь не пресекло теиденцню роста числа управленцев в стране. Одиако, говоря о иерацноиальиых государственных расходах, нельзя забывать, что раздутый управленческнй аппарат составляет ничтожную долю этой величины.

Главный источннк расточнтельства состонт в неправнльной полнтнке капитальных вложений, разрабатываемой н реализуемой из пятилеткн в пятилетку под диктовку ведомствеииых интересов. Об этом иакоиец в полиый голос заговорнлн н экоиомнсты, и журиалнсты. В. Селюиин, О. Лацис, Е. Гайдар, В. Ярошеико бескомпромнссно обиажили эту проблему. Но что нз их анализа следует в отношенни денежного хозяйства? Неэффективиая структура прonзводственных мощностей заставляет нас переплачивать все больше н больше за каждый процент прнроста конечного результата. А как мы строим! Десятилетиями. Объем незавершенного строительства по объектам производственного назначения составлял в 1986 году 157,5 миллиарда рублей протнв 132,8 миллиарда рублей в 1980 году. Значит, в средием за год «иезавершеика» растет более чем на 4 мнллнарда рублей. А ведь почти 30 процентов от этих сумм падает на заработную плату строителей. Деньги выплачнваются, а ввод в

действие объектов откладывается из года в год. Необходимо в связи с этим кардинально пересмотреть многие инвестиционные проекты, решительно урезать аппетиты отраслевых миннстерств в области нового строительства. В докладе Н. И. Рыжкова на XXVII съезде КПСС был выдвинут тезис о целесообразности консервации строительных объектов, реально не обеспеченных материальными и трудовыми ресурсами. Эту линию надо проводить в жизнь самым решительным образом, масштабно, чтобы высвобождение ресурсов было ощутимым и весомым.

Высвобожденные средства необходимо сконцентрировать на строго ограниченном числе объектов, действительно определяющих темпы научно-технического прогресса.

Во-вторых, значительная часть этих средств должна быть направлена на полную техническую реконструкцию многих предприятий легкой и пищевой промышленности. Причем речь должна идти не о «совершенствовании и улучшении» действующнх пронзводств, а о коренном качественном изменении технологии. Для этого целый ряд предприятий должен быть поставлен на полную технnческую реконструкцию. Остановка производства на один-два года с полной выплатой заработной платы работникам этих предприятий — это необходимая плата за технологический застой в сфере обеспечения товарного покрытия доходов населения. И эта плата не так велика, как может показаться с первого взгляда. Лучше платить полной мерой заработную плату, вообще не получая какое-то время продукцию, чем платить заработную плату за выпуск никому не нужной продукции и плюс к этому тратить электроэнергию, часто высококачественное сырье, амортизировать станки и т. д. Лучше пока поделиться этим сырьем и оборудованием с кооператорами, умеющими и желающими хорошо работать, но искусственно отсеченнымн ныне от средств производства.

Далее. Следует в кратчайшие сроки и фундаментально изменить роль банковской системы в управлении производством. Практнчески бесплатный кредnт «под план», спущенный объединениям и предприятиям в натуральных показателях, немало способствовал превращению денег в едннственно бездефнцитный товар. Пора услышать В. И. Ленина, рассматрнвавшего банки «как центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы» экономнческого организма. Кредитные ресурсы должны нспользоваться на максимально эффективных направлениях и подкрепляться материальным обеспечением. Для органов материально-технического снабження должно стать законом, что денежные средства, взятые взаймы у государства (банка), «отоварнваются» в первоочередном порядке и без всяких ограничений. И это гарантированное снабжение оплачивается предприятиями высоким процентом по ссудам банка. Такой шаг резко поднял бы роль банков в системе управления производством. Это был бы действительно шаг от слов к делу. Банк должен отказаться от своей нынешней функции всесоюзной конторы по страхованию от плохой работы. Сколько можно тащить на кредитах отсталые предприятия, разваливающиеся колхозы и совхозы? Их безнадежные долги обесценивают рубль в не меньшей мере, чем растянутые до абсурда сроки строительства. Сколько можно подпитывать кредитами наш государственный бюджет? Наконец-то XIX партконференция назвала вещи своими именами. Рассеян мнф о бездефицитности бюджета страны. А ведь он поддерживался ежегодно в докладах мннистра финансов Верховному Совету СССР. Депутаты слушали и единодушно утверждали

нсполнеиие бюджета за нстекший год с неизмеиным превышением доходов иад расходамн. И нн у одного из послаицев народа не возникло вопроса: как же так, в иародиом хозяйстве вскрыты существеииые днспропорции, потерн сельхозпродукции достигают пятой части урожая, Соедниненные Штаты иавязывают гонку вооружений, а бюджет страны стонт, как утес, величаво? А тут еще недобор доходов по «алкогольной строке» и еще чериобыльская трагедия, наиесшая в числе прочих и огромный экономический ущерб. А бюджет как резиновый, все ему нипочем, опять доходы превышают расходы. Все могут мнннстры финаисов. В том числе и долги счнтать доходами. Благо, что формально долг-то перед другнм госучреждеиием — Госбаиком СССР. Ну а у Госбаика откуда деньги? Вопрос пикаитиый, ио ответ очевидный — в коиечиом счете от иаселения.

Но бюджетную политнку нужно ие столько ругать, сколько решнтельио менять. Сейчас наша бюджетиая система являет собой образ огромной насосной снстемы, добросовестио и упрямо перекачнвающей доходы хорошо работающих предпрнятий н отраслей в бесполезиые расходы безнадежно отставшнх. Это иазывается подтягиванием отстающих до уровня передовых. При этом умышлено замалчивается, что обобранные до нитки передовые скатываются до уровня средних, а то и тех же отстающих. В этой экономической политнке отчетливо просматриваются патриархальио-общинные традиции, одиако остается невыясненным, при чем здесь иаучно-техннческнй прогресс, который многие годы пытаются соединить с преимуществами социализма? Бюджет, если он действительио на службе государства, а не министерств и ведомств, должен быть занят нсключнтельио финансированием стратегических научно-технических программ, включая оборонные, н социальных инфраструктур. Для реализации этих фуикций ему достаточио «прокачивать» через статьн доходов и расходов в 2—3 раза меньше денег, чем сейчас. Практнчески это означает резкое снижение налогового бремени на эффективные сферы производства.

Пора понять, что налогамн можио задушнть не только кооператора илн частинка, ио н вообще техиическнй прогресс н всю линию иа повышение жизненного уровня трудящихся. В качестве иллюстрации этого тезиса прнведу один пример. В коице 60-х годов мы вместе со всеми развитыми в научно-техническом отношении страиами мира приступили к работам по промышлениому освоению цветного телевидения. В то время в этой области мы нн от кого не отставали. Доказательством может служить иаша совместная с Францией разработка системы «Секам», осуществлявшаяся на равноправной и взаимовыгодиой основе. Шли, как говорится, нога в ногу со всем миром. И что же сейчас? Во Фраиции практически не выпускают чериобелых бытовых телевизоров, сплошь цветные. У нас в 1986 году было продано 8,6 миллиона телевизоров, из ннх цветного изображения только 4,1 миллиона — меньше половины. Виновата техника? Нет, экономика! Из года в год поддерживались высокне цены на цветные телевизоры, что ограничивало их спрос. В то же время также из года в год высокие доходы производителей цветных телевизоров изымались в бюджет и шли куда угодно, только не на развитие того самого производства, которое приносило столь значнтельные доходы. А после этого мы удивляемся, что иаши телевизоры взрываются и чуть ие каждый третий имеет производственные дефекты (это при такой-то цене!).

Здесь мы подбнраемся к еще одной проблеме, тесно связанной

с укреплеиием статуса иашего рубля. К проблеме справедливости закоииых доходов. Имеиио закоииых, то есть ие спекулятивиых, ие подпольиых, а государством саикциоиироваииых. То, что иаша тарифиая система окладов и гоиораров безиадежио устарела, сейчас мало у кого вызывает сомиеиия. Хотелось бы обратить виимаиие на одии факт прииципиальиого зиачеиия. В осиове совремеииой системы оплаты и миогочислеииых потуг иа ее усовершеиствоваиие лежит прииицип возиаграждеиия за труд, а ие за его результаты. Казалось бы, деталь, ио деталь, отражающая кореииые различия в поиимаиии социалистического прииципа социальной справедливости. Если все заплаиироваио сверху, если предписаио, какую работу и в каком объеме, а также с какой степеиью усердия выполиять, то устаиовлеииая ставка заработиой платы и есть плата за результат. Результат в этом случае поиимается как иеукосительиое и беспрекословиое выполиеиие требоваиий вышестоящего оргаиа, а отиюдь ие как удовлетвореиие потребиостей заказчика, иаселеиия. Как видим, живуч феодализм. Только меияет кожу, примеряет иа себя и ие без успеха социалистические одежды. Выполиил задаииый сверху урок, требуй положеииого. А там хоть трава ие расти. Продукция — иа склад, а зарплата с премией — в кармаи.

Обществеииость с большим поиимаиием откликиулась иа призыв бороться с иетрудовыми доходами. И это естествеиио. Но позволительио спросить: заработок рабочего, производящего брак (те же, иапример, самовозгорающиеся телевизоры) или продукцию, ие пользующуюся спросом, можио ли считать трудовым доходом? По затратам зарегулироваииого сверху труда — да, а по результатам, по вкладу в обществеииое богатство иашего социалистического общества?.. Вот в том-то и дело. Нужио иабраться социальиого мужества и проявить политическую волю, чтобы перестать требовать и перестать платить за иикчемый труд.

Сейчас, когда в обстаиовке гласиости люди хотят разобраться, кто виоват коикретио в выпуске коикретио плохой продукции, со страииц газет и экраиов телевизоров звучит уиылый в своем одиообразии аргумеит поймаииых с поличиым бракоделов: смежиики виоваты! Но если выстроить техиологическую цепочку, то все мы оказываемся смежииками и каждый иесет свой груз вииы. В последиее время широко пропагаидируются ареидиый подряд (от семьи до трудового коллектива крупного предприятия), вторая, или остаточиая, форма хозяйствеииого расчета. Опыты в этих областях дают, как правило, поразительиые результаты. А ведь секрет исключительио прост: иужио делать дело, а ие объясиять, почему иичего ие вышло или вышло плохо. Объясиеиия при этих формах просто теряют смысл, потому что рвется порочиое кольцо круговой поруки, когда допустивший ошибку управлеиец прииимает и оплачивает за иародиый счет иикому ие иужиую, ио заплаиироваиную продукцию, а предприятие, получив сполиа фоид зарплаты и прибыль, делает вид, что оио ие зиает о иарекаииях потребителей.

При такой схеме взаимодействия между вышестоящими оргаиами и исполиителями иикакого опережеиия производительиости труда иад ростом заработиой платы ие будет, сколько бы заклииаиий ии произиосилось, сколько бы ии ограиичивали общий фоид зарплаты, сколько бы ии блюли штатиое расписаиие и «потолки» премий. Производительиость труда иачиет убегать от заработиой платы, как в свое время Владимир Куц от аиглийчаиииа Пири, а следовательио, товариая масса в своем росте будет существеиио опережать деиежиую только в том случае, если будут

сняты все ограничения на заработки, н остается одни крнтерий — коиечный результат.

Три рынка

Деиьги могут стать деиьгами, то есть истниным мернлом затрат и результатов, только прн иалнчни сбалаисироваииого рыика. Бестоварный, или дефнцнтиый, рыиок — это не рыиок, а жареиый лед, квадратное колесо. Экоиомическне нитересы, ие подкреплеииые возможиостью купить иа заработаниые деиьгн все иеобходимое (пусть по высокой цеие), почти мгновенно траисформируются во внеэкономические, прииципи эффективности подмеияется ведомственной «целесообразностью», а хозрасчетная самостоятельность испаряется при первом же сопрнкосновеинн с террнториальиыми оргаиамн материальио-техического сиабжеиня.

Осознанне этой реальностн прнвело к появлеиию в партийио-правительствеииых документах четкой формулировкн о иеобходимости обеспечеиия сбалаисироваиности между деиежиой массой и предложеиием потребительскнх товаров и услуг, а также о переходе от фондироваииого распределения ресурсов к оптовой торговле средствамн производства. Таким образом, взят курс иа создаиие *товарного рынка* в широком смысле этого слова. Речь ндет о переходе от цеитрализоваииого фоидирования, распределеиня предметов потреблеиня н средств прощзводства к свободной торговле ими. Сочетание слов «свобода» н «торговля» десятилетиями вызывало взрыв гнева у нашнх догматиков, потому что сиионимом свободы у иих всегда была «стихня». Но ведь нмеется в виду предоставлеине потребителю права свободиого выбора того или ииого набора благ в рамках нмеющнхся доходов н сложившнхся уровией цен. Этим обеспечнвается суверенитет экоиомического субъекта, его защищенность от «свободы» чниовника делать с потребнтелем все что угодио. Рынок — это возможиость демократического волеизъявлеиня участииков хозяйственного процесса. Формироваиие рыика в этом смысле ие что иное, как «реформа нзбирательиой системы» в экономической сфере. Есть ли альтериатива этому движению? Единствеиная и, очевидио, неприемлемая: возврат к иеофеодальным формам взаимоотношений, восстановлеиие н укреплеиие личиой зависимости работииков от аппарата управления вообще или от коикретиых лиц, его персонифицирующих. Для доказательств возможности такого регресса не надо далеко ходить. Достаточно вспомиить механизмы возиикновения организоваиной преступности. Здесь не последиюю роль сыгралн экоиомические пружииы, как раз подмеиа рыночиых свобод всесилием чииовииков тотальиой снстемы «сверхцеитрсиаба». Вслушаемся в исповеди преступников. Бывший первый секретарь райкома партии Примов: «Меня назиачили управляющим районной «Сельхозтехиики». Два года бьюсь — ничего ие выходит. А что выйдет, еслн ни техиики, ии запчастей, даже гвоздя не выбьешь?! Знающий заместитель подсказал: дай иаверху тому-то и тому-то. Дал впервые в жнзин. И все нзмеиилось, как в сказке,— иа меия свалились прямо-таки фоидовые сокровища» (Правда. 1988. 17 июля). Бывший первый секретарь обкома партии Каримов: «Думаете, давая очередиую взятку Рашидову, я страховал лишь свою должностиую иеприкосиовениость? Нет, я знал, что это обериется н прямой выгодой... Получу фонды, матерналы, иалажу хозяйство. Это уже плюс мие как работиику. Но, раздавая те же фоиды и матерналы подчиненым, я зиал, что возмещу свои траты».

Могут, конечно, возразнть мие: при чем здесь снстема управлеиия хозяйством, когда на Западе тоже

мафии процветают? Да, но, во-первых, область деятельности западных мафиози — нелегальный или полулегальный бизнес, то есть бизнес, запрещенный или резко ограниченный законодательством: наркотики, проституция, торговля оружием и т. п. Трудно представить, чтобы кланы подпольного бизнеса сколачивались на почве распределения запчастей к тракторам и комбайнам или железобетонных панелей для строительства коровников. Во-вторых, падшие на самое дно морального растления приведены в качестве примера лишь для того, чтобы показать, куда может привести логика развития событий, если цепочка экономической несвободы выбора будет раскручена до конца. Конечно, возможности для злоупотреблений, предоставляемые централизованно-карточной системой распределения, далеко не всегда реализуются в полном объеме. Но ведь это не устраняет факта реальной каждодневной зависимости, скажем, директора завода от воли или своеволия министра, начальников управлений министерства, работников главснабсбытов, инструкторов райкомов и обкомов партии и т. д. Эти-то явления наблюдаются в массовом масштабе. Где нет экономического побуждения, там неминуемо появляется внеэкономическое принуждение.

Поэтому создание товарного рынка помимо чисто экономического значения имеет и огромный социально-политический смысл, поскольку расширяет сферу демократизации социалистических общественных отношений. Однако рынок товаров не может нормально функционировать без состязательности, без широкого экономического соревнования производителей за рубль потребителя. Соревнование — это динамика, изменчивость, борьба за лидерство. Можно себе, конечно, представить, что усилиями Госплана, Госснаба, внешнеторговых организаций, Госкомцен и Минфина вдруг будет сконструирован сбалансированный рынок. Спрос и предложение увязаны, нет очередей и нет затоваривания. Что же дальше? Может ли предприятие, выпускающее высокорентабельную продукцию, быстрыми темпами расширять свое производство и, даже снижая цены, выигрывать на объемах? Могут ли два или три предприятия сложить свои фонды развития и построить новый завод, выпускающий полуфабрикаты, которые, по их мнению, у смежников слишком дороги? Закон о предприятии кое-какие возможности здесь предоставляет. Все-таки принцип самофинансирования провозглашен. Но на практике сохраняется почти в полном объеме ведомственный монополизм в распределении новых капитальных вложений. А всякая монополия, по В. И. Ленину, ведет к загниванию. Разрушить эту искусственную монополию — значит создать второй рынок, *рынок инвестиций*.

Безусловно, в плановом хозяйстве главным инвеститором будет оставаться государство. Именно оно поддерживает и преимущественно финансирует развитие приоритетных сфер производства, обеспечивающих научно-технические прорывы. Оно финансирует развитие производственной и социальной инфраструктуры, отраслей, имеющих стратегическое и оборонное значение. Но государство — это не только Госплан, это также и государственные предприятия и объединения. Они также должны получить право активно участвовать в формировании политики капитальных вложений. Заработанные ими деньги не только нельзя отбирать «под завязку», но надо разрешить их тратить, вкладывать в развитие производства по своему усмотрению. Причем не только в свое и не только сопряженное. Для обеспечения этого права может быть использована, в частности, акционерная форма. Выпуск

акций государственных и кооперативных предприятий является гибким и динамичным способом аккумулирования средств на решении задач по расшивке узких мест в регионе, отрасли, группе взаимосвязанных производств. Снимается вопрос о длительном согласовании с центральными ведомствами относительно локальных проблем, о «выколачивании» средств из союзного бюджета и т. д. Например, почему бы вопрос о финансировании работ по созданию нескольких культурно-развлекательных и туристических зон в центре Москвы не решить на акционерной основе? Учредителями такого акционерного общества и крупными держателями акций могли бы стать Моссовет, «Интурист», Фонд культуры, ЗИЛ, «Серп и молот», московские кооператоры и т. д. И у Госплана с Минфином не будет болеть голова по поводу изыскания средств на этот проект, и у учредителей возникнет материальная заинтересованность в максимально эффективном использовании создаваемых объектов.

Большую роль в обеспечении духа соревновательности на инвестиционном фронте могут сыграть банки. Сейчас уже произошло разукрупнение государственного банка. На повестке дня создание сети коммерческих и кооперативных банков. Гибкая кредитная политика, широкое разнообразие условий предоставления ссуд и привлечения свободных денег предприятий и населения могут послужить мощным толчком к выявлению новых эффективных сфер приложения накоплений, вовлечения их в оборот хозяйственной и социальной жизни. Полифония мнений и разнообразие источников финансирования позволят действительно создать конкурентную основу для выбора объектов строительства и реконструкции как в народном хозяйстве, так и в социально-культурной сфере.

И наконец, нельзя обойти вниманием и самый щепетильный вопрос финансового оздоровления — необходимость формирования *валютного рынка*. По сути дела, речь идет о конвертируемости нашего рубля в валюты других стран. Положение в этой области сложилось странное и ненормальное. Мы не хотим и не можем обойтись без внешнеэкономических связей. Развитие и укрепление этих связей давно рассматривается не только как фактор, способствующий развитию советской экономики, но и как средство укрепления политической стабильности в мире. Преимущества участия в мировой торговле и международной экономической и научно-технической кооперации вроде бы уже ни у кого не вызывают сомнений. И в то же время мы самоизолировались от мировой валютной системы. И хотя начали ныне робко подумывать о том, что пора бы снять это клеймо ущербности с наших денег, но откладываем решение вопроса на какую-то туманно-отдаленную перспективу. Почему? Мое сугубо личное мнение — я знаю, многие экономисты с ним не согласны,— переход на конвертируемость рубля нужно начинать не откладывая. Это — одно из условий успешного хода перестройки в экономике, а никак не конечный итог, как полагают некоторые. Если мы будем ставить и решать эту задачу сразу, это придаст серьезность и решимость действиям, направленным на оздоровление нашей экономики и ее денежной системы. Тем самым мы докажем самим себе, что хозяйственная перестройка — это не фронда, а настоящий бой за эффективность социализма.

СССР необходимо стать участником Международного валютного фонда (МВФ). Эта организация была создана на Бреттон-Вудской валютной конференции еще в 1944 году в присутствии представительной делегации нашей страны. МВФ разрабатывает и согла-

сует систему междуиародых валютиых отиошеиий, координирует валютную политику различиых стран. Надо сказать, что в этой оргаиизации состонт полторы сотин стран (а при создаиии фоида нх было только 49). Моиопольный днктат США здесь уже давио подорван. Развивающнеся страиы нмеют более трети голосов, а американцы — менее пятой частн. В фонде состоят и иекоторые социалистические страиы: Китай, Веигрия, Вьетнам, Лаос, Румыиня, Югославия. Почему же мы должиы дичиться этой междуиародиой организацнн? То, что мы держимся вие мирового валютиого сообщества, экоиомическн иа руку только Соедниеииым Штатам и их союзиикам. Ведь мы все равно участвуем в мировой торговле, проводим некоторые валютиые операцни. Но делаем это иа средиевековом уровне, без необходнмой для современиого развнтия мирохозяйствеииых связей гнбкостн.

Обычное объяснение нашей робостн прн решеиии вопросов вступлеиня в междуиародные торговые н валютиые оргаиизации сводится к одиому: у иас незначительиые поступлення твердой валюты, наши экспортные возможиости ограниченны. Ограинчеииы, да. Но всетакн мы экспортируем огромное колнчество топливио-эиергетических ресурсов и других видов сырья. Спору нет, структура иашего экспорта недостойиа высокоразвнтой иидустриальиой державы. Но это другой вопрос. Ведь для обсуждаемого иами вопроса важио ие как получеиа твердая валюта, а сколько, каков общий объем выручки. И здесь иам могут позавндовать многие страиы, чувствующие себя вполне полиоправиымн членамн междуиародиых валютных оргаиизаций. Кроме того, мы все равио ие сиднм иа вырученных «нефтедолларах», как Плюшкнны, а тратим их, покупая стаики, оборудованне, товары народиого потреблеиня, зерио. Так почему бы ие тратить в этих торговых сделках рублн, подкрепляя нх устойчнвость теми самыми долларамн, которые ныие расходуются напрямую? Коиечио, для этого надо устаиовнть разумный курс рубля. Этот курс мог бы сформироваться сначала внутрн страны на базе создания внутреннего валютиого рыика, иа котором моглн бы свободно выступать государствеииые н кооперативиые предприятия.

Некоторые предпосылкн для формировання такого рыика уже закладываются. Предпрнятня, выпускающие экспортную продукцню, могут часть выручкн в валюте нспользовать по своему усмотренню. Одиако необходимо создать возможиости для покупки предпрнятнями валюты у государства нли получения валютных кредитов с расплатой заработанными на внутреннем рынке рублями по свободно устанавлнваемому курсу. Прн этом поначалу «рублеемкость» доллара в разных сферах окажется различной, поскольку наши внутренние цеиы имеют серьезиые изъяиы. Но гибкая и оперативная корректнровка цеи позволит шаг за шагом выйтн иа реальиый едниый курс рубля. Здесь уже возинкнут не надуманные, «кабниетиые» принцнпы «коренного совершенствоваиия системы цен», а реальные экономическне орнеитнры для нх регулировання под неослабным государственным коитролем.

Может быть, у кого-инбудь захватывает дух от фантастичностн такой перспектнвы. Но ведь когдато, совсем недавио, захватывало дух от одиой мыслн о возможностн вообще обсуждать буквально все затроиутые выше вопросы. А к чему это прнвело? Была создана такая «реальиость» социалнзма, такая его «зрелость», которая фантастам н ие сннлась. И теперь всей страиой приходнтся перестранвать замкн, оказавшнеся воздушиымн, н ломать потемкиискне деревнн.

Н. Шмелев

Доктор экономических наук

Авансы и долги[1]

Состояние нашей экономики не удовлетворяет никого. Два ее центральных, встроенных, так сказать, дефекта — монополия производителя и в условиях всеобщего дефицита и незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе — ясны, наверное, всем. Но как избавиться от этих дефектов, что делать, и не в теории, а на практике,— уверен, нет сегодня таких мудрецов ни наверху, ни внизу, кто решился бы утверждать, что им известен полностью пригодный для жизни рецепт. Вопросов у нас у всех сейчас гораздо больше, чем ответов на них. И нам еще много надо говорить, спорить, предлагать и отвергать, прежде чем мы всем миром их нащупаем, эти столь необходимые нам ответы.

По вспыхнувшим надеждам, по глубине, откровенности и смелости обсуждения наших проблем последние два года — это время подлинного возрождения нашей общественной мысли, нашего национального самосознания. XXVII съезд КПСС положил начало революционным переменам в жизни нашего общества. И развернувшаяся в стране прямая, честная дискуссия по наболевшим экономическим проблемам — одно из важнейших проявлений этого процесса.

Уже выявлены основные причины закупорки сосудов и замедления кровообращения в хозяйстве страны. Выдвинут принцип «от продразверстки к продналогу», означающий, что административные методы управления должны быть заменены экономическими, хозрасчетными стимулами и рычагами. Можно, наверное, сказать, что дорога здравому смыслу, по крайней мере в идейно-теоретическом плане, открылась. Очевидно, однако, что перестройку таких масштабов нельзя осуществить, как бы нам этого ни хотелось, одним махом. Слишком долго господствовал в нашем хозяйстве приказ вместо рубля. Настолько долго, что мы уже вроде бы и забыли: было, действительно было время, когда в нашей экономике господствовал рубль, а не приказ, то есть здравый смысл, а не кабинетный, умозрительный произвол.

Я понимаю, на какие упреки напрашиваюсь, но вопрос слишком серьезен и жизненно важен, чтобы смягчить выражения и прибегать к умолчаниям. Без признания того факта, что отказ от ленинской новой экономической политики самым тяжким образом осложнил социалистическое строительство в СССР, мы опять, как в 1953-м, как в 1965 году, обречем себя на половинчатые меры, а половинчатость бывает, как известно, нередко хуже бездеятельности. Нэп с его экономическими стимулами и рычагами заменен административной системой управления. Такая система по самой своей природе не могла заботиться о росте качества продукции и о повышении эффективности производства. Нужного количества — вала — она добивалась не в согласии с объективными экономическими законами, а вопреки им. А раз вопреки, значит, ценой немыслимо высоких затрат матери-

[1] Новый мир. 1987. № 6. Печатается с сокращениями.

альных и, главное, людских ресурсов.

У нас пока еще господствует представление, что сложившаяся в стране система хозяйственных отношений, включая и структуру собственности,— это и есть воплощение марксизма-ленинизма на практике, воплощение, полностью отвечающее природе социализма как общественного строя. Ее можно, дескать, совершенствовать, подправлять, но в своих принципиальных основах она неприкосновенна. Однако если в научных выводах руководствоваться не указаниями, а фактами, не ностальгией по недавним временам, а честным желанием революционных по сути перемен, то вопрос об исторических корнях нашей экономической модели окажется далеко не решенным.

Известно, что к моменту победы революции в России никто из ее признанных теоретиков или наиболее авторитетных практиков не имел (да и не мог иметь) более или менее законченного представления о контурах будущей экономической системы социализма.

Революция, таким образом, застала нас не вооруженными продуманной, законченной экономической теорией социализма. Есть, однако, основания считать, что в первые месяцы после Октября, когда обстановка еще позволяла, Ленин уделял этой проблеме самое серьезное внимание. Именно тогда он сформулировал свою знаменитую мысль о том, что социализм есть советская власть плюс прусский порядок железных дорог, плюс американская техника и организация трестов, плюс американское народное образование и т. п. Надо, писал он тогда же, учиться социализму у организаторов трестов. Большое значение он также придавал денежной политике и здоровой, сбалансированной финансовой системе. Как видно, в начальный период революции Ленин исходил из того, что капитализм уже создал для социализма все необходимые экономические формы, нужно только наполнить их новым, социалистическим содержанием.

Однако последовавшие затем события вызвали к жизни политику «военного коммунизма» с ее исключительно административными, волевыми методами организации экономики. В какой-то момент Ленин, поглощенный этой борьбой не на жизнь, а на смерть, видимо, и сам стал верить в то, что приказные методы — это и есть основные методы социалистической экономики. Здесь сказалось, несомненно, и убеждение в том, что Россия не будет долго в одиночестве, что не мы, а богатый промышленный Запад будет прокладывать дорогу к новой экономической системе, что революция на Западе поможет решить многие из наших наиболее острых экономических проблем. Кронштадтский мятеж, антоновщина и спад революционной волны в Европе заставили, как известно, пересмотреть эти взгляды и расчеты. Нэп означал резкий разрыв с недавним прошлым. Это была своего рода революция в экономическом мышлении. Впервые в полный рост был поставлен вопрос: какой должна быть социалистическая экономика не в чрезвычайных, а в нормальных человеческих условиях?

Многие еще считают, что нэп это был только маневр, только временное отступление. Отступление, конечно, было: советская власть давала некоторый простор для частного предпринимательства в городах. Но основное, непреходящее значение нэпа в другом. Впервые были сформулированы принципиальные основы научного, реалистического подхода к задачам социалистического экономического строительства. От азартного, эмоционального (к тому же вынужденного чрезвычайными обстоятельствами) напора переходили к будничной, взвешенной конструктив-

ной работе — к созданию такого хозяйственного механизма, который не подавлял бы, а мобилизовал все творческие силы и энергию трудящегося населения. Нэп, по сути дела, означал переход от «административного социализма» к «хозрасчетному социализму». В ленинском плане перевода экономики страны в нормальные, здоровые условия центральное значение имели три практические идеи. Во-первых, всемерное развитие товарно-денежных, рыночных отношений в народном хозяйстве, начало самоокупаемости и самофинансирования, преимущественное использование стоимостных рычагов управления в экономических процессах: цен, полновесного золотого рубля, прибыли, налогов, банковского кредита и процента. Иными словами, полный, сквозной хозрасчет во всех экономических отношениях сверху донизу. Во-вторых, создание хозрасчетных трестов и их добровольных объединений — синдикатов как основных рабочих звеньев организационной структуры экономики. В-третьих, развитие кооперативной собственности и кооперативных отношений не только в деревне, но и в городе — в промышленности, строительстве, торговле и в том, что сегодня называют сферой бытовых услуг.

Известен ожесточеннейший характер борьбы, которую Ленин и те, кто воплощал тогда этот новый курс в жизнь, вели против сверхцентрализации, бюрократизма, монополии любых ведомств. В экономической и организационной самостоятельности трестов и синдикатов видели главную гарантию против монополии, инструмент самонастройки производства на постоянно меняющиеся потребности рынка.

Демонтаж ленинской политики «хозрасчетного социализма» еще и сегодня нередко связывают с возникновением фашизма и резко обозначившейся в 30-е годы угрозой новой войны. Это неверно, демонтаж начался в 1927—1928 годах. Произвольно заниженные закупочные цены на зерно вынудили деревню сократить не только продажу хлеба государству, но и его производство. Тогда было решено обеспечить государственные заготовки методами принуждения. Именно с этого момента начался возврат к административной экономике, к методам «военного коммунизма». Наиболее наглядно они выразились в коллективизации. Однако столь же произвольные отношения были очень быстро распространены и на город. Промышленность стала получать плановые задания с потолка, и не случайно основные из них не были выполнены ни в одной из предвоенных пятилеток.

Ценой предельного напряжения сил страна выдержала и 30-е годы, и самую страшную в своей истории войну, и трудности послевоенного восстановления народного хозяйства. Можно понять тех, кто считает, что сопоставлять эту цену и результаты сегодня бесполезно. Но одно очевидно: ее могли как-то объяснить, хотя она и не существует, как минимум, с середины 50-х годов. Между тем последствия отказа от нэпа не только не устранялись, а накапливались, недуги народного хозяйства не излечивались, а лишь загонялись вглубь.

Объективные требования современного научно-технического прогресса, новые условия и новые задачи в экономическом соревновании с капитализмом еще более обнажили историческую нежизненность этой волюнтаристской, подчас просто придуманной в кабинетах системы управления экономикой. С самого начала всю эту систему отличали экономический романтизм, густо замешенный на экономической малограмотности, и невероятное преувеличение действенности так называемого административного, организационного

фактора. Не эта система свойственна социализму, как еще считают многие,— наоборот, в нормальных условиях она противопоказана ему.

Необходимо ясно представлять себе, что причина наших трудностей не только и даже не столько в тяжком бремени военных расходов и весьма дорогостоящих масштабах глобальной ответственности страны. При разумном расходовании даже остающихся материальных и человеческих ресурсов вполне могло бы хватать для поддержания сбалансированной, ориентированной на технический прогресс экономики и для удовлетворения традиционно скромных социальных нужд нашего населения. Однако настойчивые, длительные попытки переломить объективные законы экономической жизни; подавить складывавшиеся веками, отвечающие природе человека стимулы к труду привели в конечном счете к результатам прямо противоположным тем, на которые мы рассчитывали. Сегодня мы имеем дефицитную, несбалансированную фактически по всем статьям и во многом неуправляемую, а если быть до конца честными, почти не поддающуюся планированию экономику, которая все еще не принимает научно-технический прогресс. Однако наиболее трудноизлечимые результаты «административной экономики» лежат даже не в экономической сфере.

Глубоко укоренился сугубо административный взгляд на экономические проблемы, почти религиозная «вера в организацию», нежелание и неумение видеть, что силой, давлением, призывом и понуканиями в экономике никогда ничего путного не сделаешь. Как показывает и наш и мировой опыт, главное условие жизнеспособности и эффективности сложных общественных систем — это самонастройка, саморегулирование, саморазвитие. Попытки полностью подчинить социально-экономическое «броуновское движение» с его неизбежными, но в итоге приемлемыми издержками некоему центральному пункту управления были бесплодны изначально, и чем дальше, тем это становится все более очевидным.

Массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает, даже если зарабатывает честно, появились признаки почти физической деградации значительной части народа на почве пьянства и безделья. И наконец, неверие в провозглашаемые цели и намерения, в то, что возможна более разумная организация экономической и социальной жизни. По справедливому замечанию академика Т. И. Заславской в журнале «Коммунист» (1986. № 13), «частые столкновения с различными формами социальной несправедливости, тщетность попыток индивидуальной борьбы с ее проявлениями стали одной из главных причин отчуждения части трудящихся от общественных целей и ценностей».

По-видимому, нереально рассчитывать на то, что все это может быть быстро изжито,— потребуются годы, а может быть, и поколения. Построить полностью «хозрасчетный социализм» намного сложнее, чем просто устранить отдельные громоздкие бюрократические структуры. Это не означает, однако, что можно сидеть сложа руки. Назад к «административному социализму», учитывая сегодняшние внутренние и международные реальности, у нас дороги нет. Но нет и времени для топтания на месте и половинчатости.

Однако сегодня нас больше всего тревожит именно нерешительность в движении к здравому смыслу. Призывы не могут изменить мировоззрение многих руководящих кадров, владеющих только техни-

кой голого администраторства и аппаратного искусства. Точно так же никакая разъяснительная работа не победит известное недоверие людей к словам, к тому, что лидеры всерьез взялись за дело и доведут намеченные перемены до конца, что после полушага вперед опять не будет двух шагов назад. Убедить может только само дело. Для того чтобы вдохнуть веру в оздоровление экономики, уже в ближайшее время необходимы успех, ощутимые, видимые всем признаки улучшения жизни. Прежде всего должен быть насыщен рынок — и насыщен как можно скорее. Это непросто, но при должной решимости возможно. Возможно, однако, только на пути «хозрасчетного социализма», на путях развития самого рынка.

Последовательный хозрасчет не потребует значительных капитальных затрат. Все, что нужно,— это смелость, твердость, последовательность в деле высвобождения внутренних сил экономики. Что мешает этому? Прежде всего идеологическая перестраховка, опасения, что мы выпустим из бутылки злой дух капитализма. Тому, кто понимает, что классы, из которых состоит любое общество, возникают, существуют и сходят с исторической арены отнюдь не в результате тех или иных управленческих решений, тому совершенно ясна беспочвенность этих опасений. Но риск, что вместе с позитивными переменами появятся и новые противоречия, трудности и недостатки, конечно, есть. Более того, определенные минусы неизбежны — такова диалектика исторического процесса. И заранее все не обезвредишь. Важно не позволить этим опасениям парализовать нас.

Когда говорят о вероятном усилении стихийных явлений, необходимо отдавать себе отчет в том, что в действительности показывает наш собственный экономический опыт. Попытки наладить стопроцентный контроль над всем и вся приводит к такой стихии, к такой бесконтрольности, по сравнению с которыми любая анархия действительно кажется матерью порядка. Элементы стихийности будут неизбежной и на деле минимальной платой за прогресс, за оживление экономики. Но именно этим возможная новая стихийность будет отличаться от старой, привычной, которую видят и ощущают все, но которую многие просто предпочитают вроде бы не замечать.

Рынок должен быть насыщен. И наиболее быстрой отдачи здесь можно ждать прежде всего от здоровых, нормальных товарно-денежных отношений в аграрном секторе.

При введении вместо продразверстки продналога производство зерна в Советском Союзе всего за три года (1922—1925 гг.) выросло на 33 процента, продукции животноводства — на 34, сахарной свеклы — на 480 процентов. Такой же быстрый и значительный результат был достигнут в 80-е годы в сельском хозяйстве Китая и в какой-то мере Вьетнама, где сердцевиной экономических отношений в деревне стал продналог.

Долгое время темпы роста сельскохозяйственного производства составляли у нас менее процента в год, а в отдельные годы цифру приходилось сопровождать знаком минус, и это при немыслимо высоких государственных капиталовложениях. Миллиарды уходят практически бесследно в песок. Возникает, естественно, вопрос: за что мы платим столь громадную цену? Неужели действительно за боязнь рыночных отношений? Или же все-таки за то, чтобы очень тонкий слой руководящих кадров в аграрном секторе имел какое-то дело и тем вроде бы оправдывал свое существование?

Решение о новом хозяйственном механизме в сельском хозяйстве половинчато, а потому мало-

эффективно. Сказав «а», надо говорить и «б».

Во-первых, в твердом законодательном порядке должны быть запрещены любые приказы, любое административное вмешательство извне в производственную жизнь колхозов и совхозов. Во-вторых, должны быть выравнены закупочные цены на все виды аграрной продукции, чтобы ликвидировать убыточность многих отраслей сельского хозяйства, например животноводства и картофелеводства. Средства на это могут быть получены за счет сокращения государственных более чем 50-миллиардных продовольственных дотаций. В-третьих, нужно решиться на простую формулу отношений между государством и сельскохозяйственными производственными коллективами: твердая ставка прогрессивного налога с доходов и (без самой крайней необходимости) никаких натуральных заданий. Колхоз и совхоз должны иметь право свободно продавать свою продукцию государственным и кооперативным организациям и потребителям. В-четвертых, необходимо в экономических и социальных правах полностью уравнять приусадебное хозяйство с коллективным.

Если будут сбалансированы закупочные цены, никто не станет сворачивать ни полевые культуры, ни животноводство. Может лишь произойти сокращение непродуктивных площадей и непродуктивного скота и в итоге — увеличение общей продуктивности хозяйства. Только так можно создать условия для подряда в сельском хозяйстве, а какой он будет — коллективный, бригадный, семейный — это должно зависеть от местных условий.

О каком реальном хозрасчете в деревне можно сейчас говорить, когда колхозы и совхозы все еще вынуждены сдавать государству продукцию по одной, низкой цене, причем сплошь и рядом вплоть до фуража и даже семенного зерна, а потом значительную часть этой же продукции покупать у того же государства по другой, двойной и тройной цене? Не пора ли наконец остановить и перекачку дохода из деревни через произвольные цены за сельхозтехнику, ремонт, химикаты и прочее? Конечно, значительная часть этих средств потом компенсируется им за счет безвозвратного финансирования и регулярно списываемых кредитов. Более того, возможно, что компенсируется все. Но как можно наладить хозрасчет, то есть эквивалентный обмен, в таких ненормальных, нездоровых условиях? Вместо спокойного, трезвого сопоставления прихода и расхода, прибылей и убытков чутье, ловкость, всякого рода «экономическая ворожба» определяют сегодня успех хозяйственника. Брать одной рукой, чтобы возвращать другой,— зачем? В какие экономические законы это укладывается? Уже не брать надо через цены, а давать. Во всех индустриальных странах мира сельское хозяйство давно пользуется специальной и очень значительной материальной поддержкой государства, в том числе и через цены, и это во многом и определяет его успех.

Особых мер требует Российское Нечерноземье. Деградация деревни здесь зашла так далеко, что никакие мероприятия в рамках существующей системы аграрных отношений уже, наверное, не помогут. Надеяться можно, вероятно, лишь на медленную и разнообразную терапию, индивидуальный подход к каждому району, каждому хозяйству. Не исключено, что для многих давно «лежачих» хозяйств спасением будет преимущественно семейный подряд и раздача в аренду (особенно в пригородах) пустующих или бесплодных сегодня земель всем желающим — а такие, несомненно, найдутся — независимо от того, сельские они жители или городские.

Текущий момент для нашего сельского хозяйства поистине переломный. Если и сегодня (в который раз) не оправдается надежда людей на возрождение здравого смысла, апатия может стать необратимой.

В свое время был провозглашен лозунг ликвидации кулачества как класса. Но упразднялся, по существу, класс крестьянства. Сейчас еще сохраняется, пусть не очень многочисленное, последнее поколение этого класса, поколение хозяев, любящих землю и крестьянский труд. Если это поколение не передаст эстафету следующему, может случиться непоправимое. Известен ряд решений последнего времени, призванных закрепить людей на земле, возродить хозяйский дух, коллективное предпринимательство, поощрять индивидуальное хозяйство. Но сейчас порой снова получается так, что правая рука вроде бы не знает, что делает левая. Перечеркивая эту линию, пытается пробить себе дорогу другая. Под флагом борьбы за социальную справедливость, против нетрудовых доходов выступает самое оголтелое левачество и головотяпство. Разве можно, напрнмер, оправдать вновь вспыхнувшую было в печати кампанию против продуктивных приусадебных хозяйств? Как понять обозначившиеся летом 1986 года признаки нового погрома приусадебных теплиц, садов, личного откормочного хозяйства? Неужели не был сразу виден враждебный стране антигосударственный характер этой кампании? В конце концов разве это мыслимо — покупать столько хлеба и мяса за границей и в то же время, боясь, что единицы заработают лишнее, душить хозяйственную инициативу сотен тысяч и миллионов своих граждан? Как понять удручающую своей примитивностью борьбу против перекупщиков или запреты на вывоз местной продукции в другие районы? Мы должны наконец раз и навсегда решить, что важнее для нас: иметь достаток собственных продуктов или вечно ублажать поборников равенства всех в нищете и разного рода безответственных крикунов.

Необходимо назвать вещи своими именами: глупость — глупостью, некомпетентность — некомпетентностью, действующий сталинизм — действующим сталинизмом. Жизнь требует пойти на все, чтобы уже в ближайшие годы обеспечить наш продовольственный рынок. Иначе все расчеты на активизацию человеческого фактора повиснут в воздухе, люди не откликнутся на них. Пусть мы потеряем свою идеологическую девственность, существующую, кстати говоря, только в газетных сказках-передовицах. Воруют и наживаются при этой девственности больше, чем когда бы то ни было. Причем речь идет о людях, которые зарабатывают, ничего не создавая, не желая и не умея что-либо создавать. Так пусть уж лучше процветают те, кто хочет и может давать обществу реальные продукты и услуги, реальные ценности. А когда мы решим задачу обеспечения себя хлебом насущным — и не раньше,— можно будет подумать и о том, чтобы большие доходы самых трудолюбивых и предприимчивых хозяев не привели к образованию угрожающих капиталов. Для этого есть простые, действенные средства — налоги и соответствующие полномочия фининспектора (разумные, конечно, чтобы не прирезать курицу, которая только-только начинает нести на благо всем золотые яйца).

Налоговые рычаги могут и должны обеспечить разумный контроль и еще над одним средством насыщения потребительского рынка, средством, тоже не требующим крупных капитальных вложений. Речь идет о личном, семейном и кооперативном производстве в сфере услуг и мелкой промышленности.

Наверное, только сегодня мы можем в полную меру оценить значение ленинской мысли о том, что строй цивилизованных кооператоров — это все, что нам нужно для победы социализма.

Расширение индивидуально-кооперативного сектора в городах будет содействовать не только физическому насыщению рынка. Наши легкая промышленность, торговля и сфера услуг находятся сегодня в непозволительно благоприятных условиях, поощряющих спячку. С ними никто не конкурирует. Импорт товаров широкого потребления пока еще слишком мал, чтобы заставить их шевелиться. Появление такого конкурента, как индивидуально-кооперативный сектор, может быстро изменить обстановку на рынке. Государственным промышленным, торговым и бытовым предприятиям придется либо резко улучшить работу, либо уступить существенную часть своих доходов другим производителям со всеми вытекающими из этого последствиями: снижением заработков и расходов на социальные нужды, сокращением персонала вплоть до роспуска коллектива бракоделов и закрытия предприятия.

Нынешняя система материальных стимулов добросовестного труда слабо действует не только потому, что она из рук вон плоха. Зарплата и премии не работают также потому, что на полученные деньги человеку нечего купить. Оживить обстановку в потребительском секторе народного хозяйства, насытить рынок, дать массовому покупателю возможность выбора — значит добиться того, чтобы зарплата наконец начала работать в полную силу, чтобы наш человек по-настоящему пожелал хорошо зарабатывать честным, напряженным трудом.

Материальные условия для развития индивидуально-кооперативного сектора в стране несомненно есть. В городах достаточно пустующих помещений. В запасах государственных предприятий сколько угодно — на миллиарды рублей! — излишнего или устаревшего оборудования и припрятанных на всякий случай сырья и материалов. Пустив их в свободную продажу, можно, что называется, играючи обеспечить первоначальные базовые потребности мелкого личного и кооперативного предпринимательства. Само собой разумеется, что при таком повороте событий избежать разгула воровства и коррупции можно будет лишь при двух условиях. Первое — свободная оптовая торговля средствами производства, сырьем и материалами. Второе — в правовом и экономическом отношениях индивидуально-кооперативный сектор должен быть полностью (и как покупатель и как продавец) приравнен к государственным предприятиям и организациям.

Мы уже сегодня (не дожидаясь, когда будет создан некий излишек или внефондовый резерв основных видов промышленной продукции) можем решиться на широкую оптовую торговлю средствами производства. Для этого даже необязательно пока упразднять систему фондируемого («карточного») снабжения. В стране уже имеются огромные запасы материальных ценностей. Они созданы стихийно, в порядке своеобразного самострахования, самозащиты предприятий от капризов и пороков «карточного» снабжения. Это неустановленное и часто ненужное предприятиям-владельцам оборудование, нормативные и сверхнормативные залежи сырья, материалов, готовой продукции, комплектующих изделий и т. д. Всего не меньше чем на 450 миллиардов рублей, из них 170 миллиардов — сверхнормативные запасы. Позволить предприятиям и организациям уже сейчас свободно продавать, покупать, передавать взаймы эти ценности, исходя из своих реальных потреб-

ностей,— значит создать могучий, оживленный товарный рынок, пустить в дело, в прибыль колоссальные омертвленные товарные ресурсы, развязать на практике, а не на словах хозяйственную инициативу в стране. Естественно, такой рынок не замрет только в том случае, если доходы от расчистки складов будут (после вычета налогов) оставаться полностью в распоряжении предприятия. Ни при каких обстоятельствах нельзя подпускать к ним министерства и ведомства. То же и в отношении всех видов сверхплановой продукции.

По-видимому, только таким путем — расширением оптовой торговли, свободой реализации запасов и сверхплановой продукции — может быть преодолено одно из наиболее острых противоречий между нынешней жизнью предприятий и провозглашенной целью перевести их на полный хозрасчет. Деньги, дополнительный доход сегодня никому не нужны. Взять хоть завод, хоть торговое объединение, хоть колхоз — что они могут в действительности купить на свои рубли? Если же появится хоть какая-то возможность реализовать доходы не через Москву, не через поклоны и унижения в самых высших инстанциях, а на рынке, свободно, легко, спокойно, тогда деньги опять начнут превращаться в нечто весомое, значимое, остро желанное.

На смену бесплодным попыткам планировать из центра всю номенклатуру нашего промышленного производства, в которой уже свыше 24 миллионов изделий, идет такой метод, как договор между поставщиком и потребителем. Свободная торговля излишками и сверхплановой продукцией сразу же наполнит договор жизненным смыслом. Это будет первым, но важнейшим шагом в демократизации планирования, в развитии рынка, который только и способен пробудить производственные коллективы.

Очень быстрый эффект может дать и решительное, повсеместное внедрение известной «щекинской формулы». Если судить по прошлому загубленному министерствами опыту, она без больших вложений позволяет всего за полтора-два года сократить число работающих на 25—30 процентов. Это особенно важно именно сегодня, когда производственные мощности многих отраслей недогружены на 20—40 процентов, когда большинство станков используется лишь в одну смену и когда стройкам страны остро не хватает рабочих рук. Так что опасения, что повсеместное распространение «щекинской формулы» вызовет безработицу, представляются сильно преувеличенными.

...Есть миллионы незанятых и постоянно открывающихся рабочих мест. При должной поворотливости с их помощью можно свести масштабы временной безработицы к минимуму. Естественно, это потребует значительных дополнительных усилий со стороны государства по переквалификации высвобождаемой рабочей силы, переводу ее в другие отрасли и районы, стимулированию организованной миграции и т. д. Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе.

«Социализму,— подчеркивает известный советский экономист С. Шаталин,— еще предстоит создать механизм не просто полной занятости населения (это пройденный этап экстенсивного развития), а социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости. Принципы социализма — это не принципы благотворительности, автоматически гарантирующие каждому рабочее место вне связи со способностями на нем трудиться» (Коммунист. 1986. № 14).

И опять-таки: чтобы «щекинская формула» дала ощутимый резуль-

тат, основная часть доходов от нее должна оставаться в распоряжении коллектива. Можно обмануть людей один раз, можно, хотя это и труднее, и два, но третьего не будет. Если предприятию пока что нечего купить на свои кровные, пусть лучше эти деньги болтаются на их счетах в банке. Зато каждый трудовой коллектив будет твердо знать, что они принадлежат ему и только ему и хотя и не сразу, но будут потрачены на его производственные и социальные нужды. И необходимо платить за эти средства не символический, а реальный процент в рублях, а если это валюта, то и в валюте.

К сожалению, у нас вообще недооценивают исключительную важность таких понятий, как экономическая порядочность, экономическое доверие. Между тем без экономической порядочности управляющих инстанций и экономического доверия к ним со стороны низов сквозной хозрасчет просто невозможен. Сейчас мы переживаем исключительно ответственный момент. Если то, о чем говорилось М. С. Горбачевым в Тольятти (а говорилось о беспардонности, с какой министерства распоряжаются поощрительными фондами предприятий, их валютными доходами), если эти манеры опять закрепятся, экономическая реформа при всех громких словах о ней будет загублена на корню.

Сегодня твердое, нерушимое ни при каких обстоятельствах слово государства в подобных делах дороже денег, дороже всего. Это самая большая политика, от которой зависит судьба страны. И даже в трудные, очень трудные времена необходимо сделать все, чтобы решения государства, обещания государства не нарушались: потом это обойдется много дороже, чем выдержка в период трудностей. Судя по всему, так, к сожалению, и случилось летом 1986 года: «продразверстка», утроенная вместо обещанного «продналога», принесла сельскому хозяйству, возможно, больше вреда, чем любая засуха. Сейчас нигде так не беспокоятся за судьбы перестройки, как на селе. Авторитету райкомов и обкомов, которые вынуждены были осуществлять «продразверстку», был нанесен удар, оправиться от которого многим из них будет теперь очень нелегко.

В мыслях о лекарствах для нашей экономики нельзя не обратиться и к внешнеэкономическим связям. Речь идет не только о таких очевидных, но, к сожалению, долгосрочных или дорогостоящих задачах, как, например, коренная перестройка структуры нашего экспорта в пользу наукоемкой продукции или сокращение средних сроков капитального строительства с 11—12 до господствующих в мире полутора-двух лет (наш «долгострой» мешает нам широко привлекать иностранный инвестиционный кредит). Речь идет преимущественно о мерах, которые могут дать что-то реальное в ближайшее время, уже в нынешней пятилетке.

Не пора ли подумать, как быть с тем значительным долгом нам со стороны стран СЭВ, который пока что ничего не дает нам и очень мало им? Конечно, долг — это во многом политическая проблема. Однако можно, наверное, сделать так, что нашим должникам будет выгодно постепенно рассчитываться с нами. Для этого надо открыть советский внутренний рынок для любой их продукции. Если стремишься хорошо заработать в СССР — оставляй нам часть этого заработка в порядке погашения долга. Перспективы стабильной работы на практически безграничный рынок Советского Союза — такое благо, которым вряд ли кто захотел бы пренебречь. Особенно если учесть растущие трудности международной конкуренции. И нам немалая выгода, причем не только прямая, но и косвенная, побочная. Наличие на

нашем рынке массы конкурирующих иностранных товаров заставляло бы отечественную промышленность держать себя в хорошей форме, постоянно бороться за своего потребителя. В прошлом наши партнеры не раз ставили этот вопрос. Они могли бы не только продавать свою продукцию в нашей стране где хотят, но и покупать нашу. И совсем не обязательно через Внешторг. Прямые связи с отраслевыми ведомствами, местными властями и предприятиями могли бы постепенно решить эту проблему. В условиях свободной внутренней торговли средствами производства они, несомненно, всегда найдут что у нас купить. Все мыслимые их потребности в наших товарах, по оценкам экспертов, не превышают одного процента советского промышленного производства и могут быть удовлетворены (при должной заинтересованности наших предприятий) за счет скрытых резервов и внеплановой продукции.

Естественно, что открыть советский рынок и создать «общий рынок» стран СЭВ невозможно без изменения нынешнего курса рубля и внедрения свободной обратимости его в рамках СЭВ. Придется постепенно отказаться от действующих сегодня бесчисленных отраслевых валютных коэффициентов, перейти к единому курсу рубля и допустить свободное хождение национальных валют в рамках СЭВ. Дело это давно назревшее, абсолютно неизбежное, и откладывать его нет расчета, тем более что должны сегодня не мы, а нам.

Назрел и определенный пересмотр всей нашей политики экономического содействия социалистическим и развивающимся государствам. Речь в конечном счете тоже идет о миллиардах. Слишком многие возводимые с нашим участием объекты не приносят пока реальной пользы ни нам, ни нашим партнерам. Примером, в частности, может служить строительство гигантских ГЭС (средства поглощаются огромные, а отдача ожидается не раньше чем в следующем тысячелетии), разорительных металлургических заводов и вообще упор на тяжелую промышленность там, где больше всего нуждаются в мелких и средних предприятиях для производства продукции массового спроса.

Мы решились пойти на создание на нашей территории предприятий с иностранным участием. Стоило бы, возможно, подумать и о создании «свободных экономических зон». Дело это и политически и экономически очень нелегкое. Привлечь серьезный иностранный капитал трудно. Еще труднее добиться, чтобы смешанные предприятия легко уживались с нашими порядками, чтобы иностранцы охотно вкладывали в нашу промышленность полученные у нас же прибыли (реинвестиция). Если бы удалось добиться тут видимого успеха, мы могли бы не только ускорить насыщение внутреннего рынка, но и заметно укрепили бы экспортные позиции страны. Уже сегодня нам делаются интересные предложения. Настораживает, однако, то, что условия нового закона, в частности предусматриваемый им налог на доходы иностранного партнера порядка 45 процентов, рассматриваются за рубежом как непривлекательные. Думается, что здесь сыграли свою роль привычные, мало оправданные экономически стереотипы, и их неизбежно придется менять.

При всей важности решения задачи первоначального насыщения нашего внутреннего рынка необходимо вместе с тем отдавать себе трезвый отчет в том, что это только лишь самая острая, самая неотложная часть всей проблемы хозрасчета, «хозрасчетного социализма».

Последовательный хозрасчет не может быть просто объявлен или введен приказом. Он требует опре-

деленных условий, многие из которых еще не созданы.

Несерьезно думать, что без контроля со стороны Госплана авиационный завод вдруг ни с того ни с сего переключится на выпуск детских колясок. А ведь этим Госплан сегодня и занят: с величайшей бдительностью следит, чтобы сапожники тачали сапоги, а пирожники пекли пироги. При всей нашей сверхцентрализации стратегическая роль центра, по существу, ничтожна по той простой причине, что ему, центру, не до нее, не до стратегии. Сторонников последовательного, решительного хозрасчета все еще обвиняют, случается, в том, что они якобы выступают за ослабление планового начала, тогда как на самом деле они всей душой за — усиление подлинно планового, подлинно центрального начала, за то, чтобы Госплан занимался своим и только своим стратегическим делом: планировал в натуре не больше 250—300 видов стратегической продукции (а может быть, и существенно меньше), распределял общественный фонд капитальных вложений по отраслям и республикам и на этой основе поддерживал наиболее важные народнохозяйственные пропорции, определял твердые ставки отчислений в бюджет из прибыли, нормы амортизации, баланс цен и доходов, банковский процент, плату за землю, воду, полезные ископаемые.

Новая экономическая политика образца 80-х годов не может оставить в покое и наши промышленные министерства. Их так безобразно много, их аппараты так раздуты, что они часто просто вынуждены искать себе занятия и тем самым зачастую лишь мешают предприятиям. Министерства сами по себе уже давно стали серьезнейшей, без преувеличения политической проблемой, требующей быстрейшего радикального решения.

Не исключено, что мы вынуждены будем вернуться к ленинской схеме управления народным хозяйством: Госплан (или ВСНХ) — синдикаты — тресты (или объединения, по принятой сегодня терминологии). Синдикаты, например, вполне могли бы выполнять роль нынешних министерств, но с одним ценнейшим, принципиальнейшим отличием: синдикат — это добровольное объединение самостоятельных производственных коллективов. Он подотчетен им и существует на их добровольные взносы или отчисления. Синдикат может и должен быть не административной надстройкой над производством, а организацией, которая с полного согласия своих коллективных членов берет на себя дела, непосильные каждому из них в отдельности: поиски заказов, организацию сбыта, формирование общего фонда поддержки слабых производств, поощрение отраслевого научно-технического прогресса.

Но самой трудной проблемой в организации полностью хозрасчетной экономики представляется сегодня выравнивание основных ценовых пропорций в народном хозяйстве. Накопившиеся с конца 20-х годов волюнтаристские ценовые решения — это поистине страшное наследие. Не покончив с ним, мы никогда не будем иметь объективных стоимостных ориентиров для бесспорного, не зависящего от людского произвола сопоставления затрат и результатов производства. А следовательно, никогда не будем иметь и подлинного хозрасчета. В теоретических дискуссиях сегодня выдвигаются различные проекты преобразования системы цен. В большинстве из этих проектов, однако, содержится один общий и, судя по нашему опыту, чрезвычайно опасный порок: предполагается, что цены опять будут конструироваться в кабинетах, опять умозрительно, в отрыве от жизни, от реальных процессов как в нашей экономике, так и в мировом хозяйстве.

Не только в капиталистических, но и во многих социалистических странах сейчас действуют примерно одинаковые пропорции цен. Они сложились объективно под влиянием общих тенденций развития производительных сил. Конечно, национальные различия в уровнях и пропорциях цен существуют, но базовые соотношения, как правило, остаются. Чтобы быстро и надежно оздоровить нашу экономику, надо постепенно выравнять сначала оптовые, а затем и розничные пропорции цен по пропорциям, сложившимся в мире. У нас резко занижены цены на топливо, на минеральное и сельскохозяйственное сырье и завышены на продукцию машиностроения. У нас неоправданно резко занижены цены на продовольствие и коммунальные услуги и неоправданно завышены на все промышленные потребительские товары. Советские цены должны как можно точнее соответствовать мировым. Кто будет потом заниматься ценообразованием (Госкомцен, промышленное министерство или само предприятие-производитель) — вопрос следующий. Сначала надо сделать первый шаг и выравнять пропорции...

Экономическое положение предприятий и объединений должно прямо зависеть от прибыли, а пока мы не выравняем оптовые цены и не избавимся от плановых субсидий, критерий прибыльности работать не сможет. Прибыль начнет врать в ту или иную сторону, она будет или преувеличивать реальные достижения коллектива, или преуменьшать. До каких пор, оценивая экономический эффект работы предприятий, мы будем пользоваться громоздким набором различных, часто исключающих друг друга показателей?

Необходимо реально смотреть на вещи. За много веков человечество не нашло никакого другого критерия эффективной работы, кроме прибыли. Только он объединяет в себе количественную и качественную стороны экономической деятельности и дает возможность объективно и однозначно сопоставлять издержки и результаты производства.

По ленинской мысли, прибыль — основной принцип хозрасчета. Полувековой опыт управления экономикой с помощью административно-натуральных рычагов сделал эту мысль только более актуальной. В хозрасчетной экономике прибыль — это основа самонастройки, саморегулирования, саморазвития густейшей сети связей между предприятиями. Сегодня число таких связей в стране измеряется многими десятками миллиардов. Нет и, по-видимому, никогда не будет такой ЭВМ, которая могла бы собрать все эти связи в один узел и подчинить единому пульту управления. Простая, всем понятная система отношений между государством, предприятием и отдельным работником появится, только когда мы начнем пользоваться критерием прибыльности.

После вычета налогов предприятие должно полностью распоряжаться своей прибылью. Но, с другой стороны, если прибыли у него нет, это тоже должно как-то ложиться на плечи коллектива. Одно предприятие в результате плохой работы и финансовых убытков может, например, просто закрыться. Другому поможет система государственного страхования или целевые субсидии. Однако «спасательные операции» государство будет проводить не без разбора, а сугубо выборочно, сообразуясь со своими политическими и экономическими интересами.

Еще один предрассудок — неприятие акционерной формы. Почему свободные средства наших граждан и предприятий нельзя привлекать для создания новых и расширения старых производств? Никаким разумным объяснениям такая позиция не поддается. Это

просто слепота или откровенное нежелание поднять то, что лежит пока втуне, а может сослужить всей стране очень полезную службу. Правильно ставят вопрос наши известные экономисты П. Бунич и В. Москаленко: нынешний недостаток инвестиционных средств «может быть восполнен, в частности, путем продажи соответствующими предприятиями своих облигаций предприятиям, имеющим свободные ресурсы». Следовало бы только добавить: и частным лицам тоже. Или для государства лучше, если эти средства лежат в чулке?

Здоровые финансы всегда были и остаются основой всякой здоровой экономики. И наоборот, в чрезвычайных обстоятельствах (война, разруха, социальные потрясения) именно финансы были всегда той сферой, где нездоровые, кризисные явления проявлялись раньше всего и с наибольшей силой. Убежден, что сегодня наша экономика нуждается в финансовой реформе не меньшей глубины и размаха, чем в начале 20-х годов.

В перспективе все более важное значение будут приобретать и внешнеэкономические связи. Чтобы резко повысить конкурентоспособность нашего машинотехнического и другого экспорта и одновременно сделать рациональнее наш импорт, одной передачи части внешнеторговой деятельности промышленным министерствам недостаточно. Нужна прямая связь между внешними и внутренними ценами. Без нее, как и без прямого обмена в наших банках советского рубля на иностранную валюту (продажа, покупка, отдача взаймы), мы вряд ли сможем пробудить у наших предприятий настоящий интерес к внешнеэкономической деятельности. Для производства конкурентоспособных товаров нужен реальный стимул. К тому же без связи с мировыми ценами и прямого обмена рубля нереально всерьез рассчитывать на новые формы сотрудничества с нашими зарубежными партнерами в странах СЭВ и в капиталистическом мире, на успех кооперации и совместных предприятий. Выравнивая оптовые цены внутри страны, мы одновременно должны установить реальный и единый курс рубля и постепенно сделать наш рубль таким же обратимым, как доллар или фунт стерлингов. Пока в кабинетах делают вид, что такой проблемы не существует, никакого перехода к всеобщему, сквозному хозрасчету не получится.

И наконец, проблема качества. Какую важную роль играет сейчас качество наших товаров, понятно всякому. Принято решение о госприемке продукции в наиболее важных отраслях промышленности. Несомненно, это важный шаг вперед, и мы вправе ожидать от него положительных результатов. Однако если государственные органы и хозяйственные ведомства решат, что госприемка — это главный, радикальный, наконец-то найденный метод резкого повышения качества продукции, это будет серьезной ошибкой. Жаль, что председатель Госстандарта уже поторопился публично заявить, что «с организацией госприемки, по сути дела, приведен в действие архимедов рычаг перестройки, призванный революционизировать промышленность». Госприемка может дать важный, но все же лишь ограниченный эффект. Ограниченность ее неизбежна потому, что контроль на выходе лишь незначительно влияет на сам процесс производства. По оценкам, например, американских специалистов, если все меры по обеспечению качества продукции принять за 100 процентов, то 75 из них придется на поиск конструктивных решений, проектирование, обработку макетного и доводку опытных образцов, отладку технологии, 20 — на контроль самих производственных процессов и лишь 5 процентов — на окончательную приемку

изделня. В Японии этот показатель еще иижe — всего-навсего один процеит.

Хорошее качество — это даже ие столько проблема добросовестиого труда рабочего, сколько проблема производства н управлення, ответственность за которую несет высшее руководство. Амернканцы считают, что лишь 15—20 процеитов ошнбок происходнт по вние иепосредственных нсполннтелей, остальиые связаны с решеииямн и действиями всей стоящей иад производствениым процессом управлеической пнрамнды. Иными словами, с хозяйственным механнзмом.

Не следует упускать нз внду, что госприемка устраняет от оцеикн качества самую заннтересованную иистацию — потребнтеля, не важио, будет ли им предпрнятне, для которого предназначена продукцня, или человек в магазине.

Пока, по ианболее «патрнотичиым» оцеикам, лншь 17—18 процеитов продукцнн иашей обрабатывающей промышлеииостн отвечают мировым стаидартам, а по самым осторожиым и пессимнстнчиым — 7—8 процеитов. Ставнтся задача уже в этой пятнлетке подняться до 80—90 процентов. Задача-то поставлеиа, но сумеем лн мы ее выполнить? Слншком глубокн корни этой проблемы, н слншком долго оиа была у иас второстепениой.

Да, госприемка хороша как первая, пожариая мера, как паллиатив, но ие архнмедов рычаг. Только постепеииое ослабленне, а затем и полиое устраненне монополии производителя в нашей экономнке может дать что-то прннцнпиально иовое. У потребнтеля должны быть и права и возможностн брать то, что ему предлагают, нлн ие брать. Это зиачит прежде всего, что у иего должен быть реальный выбор. А у производителя — реальная опасность прогореть вплоть до полного баикротства, если продукция его не иайдет сбыта. Только так можио ие иа словах, а на деле подорвать господствующнй сегодня режим «взаимной аминстии», когда предприятие-потребнтель прощает брак поставщику, зная, что и его, потребнтеля, собственная товариая дрянь, в свою очередь, будет гденибудь прнстроеиа.

Нам следует наконец перестать обманывать самих себя, перестать верить кабниетным невеждам и спокойио прнзиать, что проблема «выбора для потребителя», проблема коикуреицнн ие нмеет под собой иикакой соцнальио-классовой подоплеки. Идеологней здесь и не пахиет. Это чнсто экономическая, даже техинко-экоиомическая проблема. Выбор, коикуренция — это объективное условне, без соблюдения которого нн одиа экономическая система не может быть жизнеспособной илн по крайией мере достаточно эффектнвиой. Всеобщий дефицнт, диктат производителя — это ие та экоиомнческая обстановка, в которой пронзводнтели будут сами, а ие из-под палки искать иовые техиические решеиня. Всякая моиополия неизбежио ведет к застою, абсолютная монополия — к абсолютиому застою.

Тут мы пока делаем лишь первые шаги, только-только начннаем. Все для нас иово, иепривычно, все не вяжется со сложившимися представлеииямн. Не можем мы пока приият даже в теории, не говоря уж о практике, и главную особеиность, главное объективиое условие бездефицнтной экоиомики — иекий иеизбежный уровеь иародиохозяйственных потерь, бросовой, ие иашедшей себе сбыта продукции в качестве обязательной платы за возможность выбора для потребнтеля. В кабннетной, умозрительиой погоие за «стопроцентной рациоиальиостью», за стопроцентным использованнем иаших ресурсов и продукции мы в нтоге теряем иесравиимо больше и одновремеино сами себе мешаем покоичнть с браком, подняться до мнровых стаидартов качества.

Или нам удастся создать некий постоянный излишек всех основных средств производства, сырья и ширпотреба, излишек, который стал бы материальной основой, прессом, рычагом, с помощью которого потребитель давил бы на изготовителя, или мы никогда ничего путного выпускать не будем. Без такого излишка нельзя перейти и от современного «карточного» снабжения к оптовой торговле средствами производства и сырьем. Излишек этот может и должен быть создан с двух сторон — и сверху, и снизу, и планово-административными методами и рынком, расширением товарно-денежных отношений в народном хозяйстве.

Главным методом текущего и среднесрочного планирования в основном массиве нашей промышленности, видимо, станут прямые связи между предприятиями-изготовителями и предприятиями-потребителями. Предприятие должно иметь реальную возможность по своей воле (даже, если угодно, по своей прихоти) в любой момент поменять поставщика с уплатой или неуплатой неустойки в зависимости от конкретных обстоятельств такого разрыва. Договоры должны возобновляться каждый год. Подобные же права необходимо предоставить и торговле в ее отношениях с предприятиями — производителями предметов ширпотреба.

Прямые договорные связи и оптовая торговля средствами производства — две неразрывные стороны одного и того же процесса. Если предприятие будет сбывать свою плановую и сверхплановую рядовую и улучшенную продукцию через рынок, это вызовет такую заинтересованность производителей в конечных результатах, о которой сегодня ни один из тех, кто специализируется на «вопросах сознательности», не может и мечтать. Рыночные хозрасчетные стимулы должны быть распространены на все стадии процесса «исследования — конструкторские разработки — инвестиции — производство — сбыт — послепродажное обслуживание». Только рынок, а не просто административные нововведения может подчинить всю эту цепь запросам потребителя. Для перевода советского рынка из «рынка продавца» в «рынок покупателя» необходимо прежде всего расширить и укрепить сам этот рынок. Для этого у нас есть огромные возможности.

Конечно, дело не только в рынке и не в том, хотят или не хотят предприятия бороться за место на нем. Качество зависит и от социальной обстановки. Приниженное положение инженеров и конструкторов на производстве, то, что им платят ощутимо меньше, чем неквалифицированным рабочим, не сулит ничего хорошего. Нельзя также не видеть, что и в решающем звене — в науке — низкая оплата труда подавляющего большинства работников порождает массовую апатию. В науку теперь пошел своего рода «третий сорт» из числа людей с высшим образованием.

Качество нашей продукции — это, таким образом, лишь отчасти техническая и административная проблема. Прежде всего это экономическая и социальная проблема.

Радикальная экономическая реформа предъявляет, естественно, соответствующие требования и к тем, кто проводит ее в жизнь. Упрощая, можно, наверное, сказать, что в прежних условиях хозяйственный руководитель любого ранга решал прежде всего две главные задачи: он обязан был любой ценой дать план и обеспечить своему коллективу установленный сверху прожиточный минимум. Причем сплошь и рядом этот минимум не зависел от результатов работы. О том, что это так, свидетельствуют такие массовые явления в нашем народном хозяйстве, как всеобщее стремление предприятий потреблять как можно больше «чужого» сырья,

энергии и материалов, незаинтересованность в качестве, равнодушие к научно-техническому уровню производства, всеобщий дефицит и одновременно огромные запасы продукции, не находящей сбыта, бездумное выполнение никому не нужной, более того — вредной работы (вроде поворота рек), массовые приписки, очковтирательство, выводиловка и прочее.

В условиях полного, последовательного хозрасчета работа руководителя резко меняется и столь же резко усложняется. Он должен не только произвести продукцию, но обеспечить ее сбыт, не только отгрузить продукцию, но отгрузить ее в срок и по всей установленной договорами номенклатуре, не просто выполнить плановые задания, но обеспечить достаточную прибыль, не выколотить, выклянчить, выцыганить любыми правдами и неправдами фонды, а найти и купить лучшее, что есть на рынке, не выдрать у своего министерства или в банке безвозвратные средства на капиталовложения, а заработать их самому, не ждать, когда новые технические решения ему спустят сверху, а самому искать их, не прятаться от научно-технического прогресса, а гнаться за ним, не следить за тем, чтобы его рабочий или инженер, не дай бог, слишком много заработали, а, напротив, всячески побуждать их к этому, не отбиваться под любым предлогом от социальных проблем коллектива, а решать их в первую очередь... Наконец, не перекладывать ответственность на чужие плечи, на вышестоящие инстанции, а самому отвечать фактически за все. Очевидно, что ни одну из этих задач ни «пузом», ни горлом, ни дипломатической изворотливостью не решить,— они требуют принципиально иных способностей, методов руководства и всего стиля жизни.

Эти задачи требуют не кулачного бойца, жесткого и, если смотреть правде в глаза, не особо обремененного моральными тормозами, а делового, компетентного, экономически грамотного и предприимчивого человека, привыкшего свято соблюдать этику деловых отношений, всегда и во всем держать свое слово, понимающего людей и их заботы, благожелательного, независимого, уверенного в себе и в силу именно этой уверенности не боящегося никаких форм демократической ответственности ни перед вышестоящими инстанциями, ни — что ныне особенно важно — перед своим собственным коллективом.

Для выращивания такой фигуры нужны время и определенный климат в стране, но начинать надо уже сейчас, сегодня, иначе строить «хозрасчетный социализм» и работать при нем будет некому. В годы первых пятилеток и какое-то время после войны хозяйственный руководитель в массе своей был прежде всего профессиональным администратором, нередко без всякого специального образования, умевшим делать лишь одно дело — руководить. Затем центральной фигурой во всей хозяйственной иерархии от начальника цеха до министра стал инженер (со всеми достоинствами и недостатками чисто инженерного мышления), имевший, как правило, навыки и опыт организаторской работы, но часто не знавший и не понимавший экономики и экономических законов.

Думается, что постепенно главной фигурой во всей системе хозяйственного управления должен стать не инженер, а экономист, а может быть, и экономист и социолог в одном лице. Возможно, инженер (или агроном) должен остаться в качестве непосредственного руководителя в низовом звене — в цехе, в строительном подразделении, в колхозной бригаде или отделении совхоза, в отделе НИИ. Но предприятие, объединение, трест, колхоз или совхоз, научно-исследова-

тельский институт, ведомство должен возглавлять экономист, имеющий своим первым заместителем толкового технического специалиста, досконально знающего весь технологический процесс.

В ведущих странах Запада сегодня отнюдь не инженер — главная фигура в хозяйственном управлении. В США, например, на рубеже 80-х годов лишь менее 10 процентов высших руководителей ведущих компаний и фирм были специалистами в области технологии. Большинство же хозяйственных руководителей там не имеют инженерной подготовки, это выпускники школ бизнеса или экономисты, специалисты по финансам, юристы. В Японии чисто технической подготовке хозяйственных руководителей уделяют значительно больше внимания, чем в США, но и там хозяйственный руководитель — преимущественно бизнесмен, а не инженер.

Лучший учитель — это сама жизнь. Если экономическая реформа будет достаточно последовательна и глубока, если не будет попятного движения, если люди окончательно поверят, что этот процесс необратим, они сами начнут перестраиваться не на словах, а на деле. Инстинкт самосохранения и стремление к успеху нашему человеку свойственны не меньше, чем кому бы то ни было. Но, как и всякого человека, обманывать его нельзя. И не дай бог, если открытые и скрытые противники реформы опять попытаются исподволь пустить ее по печально известному пути «щекинского эксперимента». Кто может подсчитать тот не только экономический, но и чисто моральный, общественный ущерб, который соответствующие министерства в силу своей экономической непорядочности нанесли тогда стране, загубив на корню это дело? И сколько, например, времени и усилий еще нужно, чтобы промышленные предприятия, чьи честно заработанные валютные средства вот уже десяток лет лежат арестованные во Внешторгбанке, решились на активную внешнеэкономическую деятельность? Недаром сейчас, когда им это и предлагают и навязывают, они с таким упорством открещиваются от нее. И кто сейчас может подсчитать урон от более чем двухмесячного разгула «административного умопомешательства» по всей стране в связи с принятием скороспелого закона о нетрудовых доходах? Кто конкретно ответит за головотяпское проведение его в жизнь?

Кто будет вдалбливать всем нашим хозяйственным кадрам сверху донизу, что время административных методов управления экономической жизнью проходит, что экономика имеет свои законы, нарушать которые так же непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле, что современный руководитель должен знать эти законы и строить свои деловые решения в соответствии с ними, а не вопреки им? Ведь не в административных и не в технических категориях будет оцениваться его деятельность в неуклонно приближающемся будущем, а прежде всего в категориях прибылей и убытков возглавляемого им коллектива.

Кто разрушит веру наших хозяйственников во всесилие приказа, нажима, силовых методов решения и деловых человеческих проблем? «Хозрасчетный социализм» немыслим, если на смену приказу не придут материальный и моральный интересы, коллегиальность, экономический компромисс, экономическое, а не административное согласование вопросов и проблем как по вертикали, так и по горизонтали. Коренной порок нашей нынешней структуры хозяйственного управления — полная безответственность высших этажей пирамиды, отсутствие каких бы то ни было приводных ремней «обратной свя-

зи», скрытые от посторонних глаз и, как правило, никак не связанные с результатами работы предприятий и организаций формы поощрения, которые находятся в противоречии с самой идеологией хозрасчета.

Кто будет прививать нашим хозяйственным кадрам понимание того, что мы не одни в мире, что существуют мировые критерии качества и научно-технического уровня продукции, мировые обязательные, непреложные требования к ней?

Кто будет отучать наших хозяйственных руководителей, особенно высших, от феодальной психологии, кастового чванства, уверенности в своей непотопляемости, своем «богом данном» праве командовать, в том, что они выше законов и выше критики? Поколения наших хозяйственных руководителей были приучены к любым опасностям, кроме одной — опасности, исходящей снизу. Еще и сегодня вмешательство в их деятельность прессы, или избирателей, или собственного коллектива — это не норма для них, а лишь досадное чрезвычайное происшествие.

Все что будет делать тот, кому это по плечу и по праву, а по плечу и по праву это только народу, массе, низам. Как — тоже хорошо известно — гласность, демократизм, подлинная выборность снизу доверху, нестесненная общественная жизнь.

Г. Егиазарян

Доктор экономических наук

Разбить стереотип уравнительности[1]

На протяжении десятилетий сформировался стойкий стереотип хозяйственного мышления, который сейчас превратился в оковы, связывающие стимулы к труду. Его суть — уравнительный подход в распределении. Каждый, кто ищет пути ускорения, кто имеет дело с практикой хозяйствования, тот знает, что стереотип уравнительности прочно вошел в систему хозяйственного руководства, обусловил крайне слабую, недостаточную дифференциацию в оплате различных видов труда, отрыв заработной платы от конечных результатов.

Стереотип уравнительности многолик. Традиционно существует ряд искусственных «ограничений» и «потолков», удерживающих фонды оплаты по труду и заработок отдельного работника в прокрустовом ложе уравнительности.

Это и широко распространенная боязнь как высоких, так и низких заработков, хотя они и получены по труду. Это и подгонка поощрительных фондов под заранее заданные размеры с помощью индивидуальных нормативов. Это и корректировка «задним числом» по плановому соотношению между ростом производительности труда и заработной платы уже сформированного по нормативам фонда оплаты. Это и слабая зависимость заработной платы от технического прогресса, качества продукции, экономии ресурсов. Это и единые в недавнем прошлом границы хозяйственной самостоятельности предприятий разных отраслей. И наконец, это

[1] Экон. газ. 1986. № 22.

слабая экономическая ответственность производственного коллектива и работника перед обществом за конечные результаты своей деятельности.

Вот и получается — на словах все «присягают» принципу распределения по труду, а на деле насаждается самая откровенная уравниловка. Поэтому перестройка стимулирования включает необходимость разбить стереотип уравнительности.

Суметь заинтересовать

Решение каких же вопросов представляется первоочередным?

Прежде всего, по нашему мнению, целесообразно определить предельно допустимые соотношения в уровнях оплаты труда, что позволило бы в рамках этих социально-экономических «допусков» ликвидировать все накопившиеся за многие годы явные и скрытые ненужные тормоза и ограничения на пути к высоким конечным результатам. Без этого все разговоры о перестройке стимулов повисят в воздухе, как не раз бывало уже в прошлом.

При таком подходе к системе материального стимулирования предприятий наиболее перспективным, главным направлением являются активизация роли окладов и тарифов, обеспечение их зависимости от результатов работы.

Целесообразно, например, расширить пределы дифференциации в уровнях окладов и тарифов по каждой должности и между должностями (категориями) промышленно-производственного персонала, определить максимально возможную степень дифференциации. Регулирование окладов можно было бы осуществлять в пределах планового фонда заработной платы. Это предполагает стабильный пятилетний норматив расходования заработной платы, на основе которого появляется возможность создать устойчивый перспективный интерес в росте производительности труда и сокращении численности работающих. Такие нормативы предусмотрены уже новыми условиями хозяйствования, как и возможность предприятия использовать всю экономию фонда заработной платы против норматива по усмотрению коллектива.

На наш взгляд, стоило бы снять централизованные ограничения в размере надбавок, что дает возможность увеличивать размер поощрения лучшим работникам, не ограничивая его заранее заданным пределом в оплате.

Надбавку не стоит, разумеется, превращать в постоянную часть заработной платы. Это — дополнительное вознаграждение за конкретные результаты труда, которому присущ временный характер. Гибкая, используемая по усмотрению предприятий система сроков действия и пересмотра размеров надбавок могла бы стать неплохим стимулом повышения эффективности труда.

Другая сторона проблемы — временное сокращение на 20—30 процентов оклада или тарифа при ухудшении работы или неполном выполнении работником своих должностных функций. Такая мера, по нашему мнению, может стать одним из главных рычагов экономической ответственности работника перед коллективом и обществом. Она полностью отвечает принципам распределения по труду, а следовательно, и социальной справедливости.

Для усиления системы стимулирования целесообразно усовершенствовать методы образования и использования фондов поощрения. Сегодня сложился определенный разрыв в движении фонда заработной платы, который определяется объемом продукции и динамикой фонда материального поощрения, на величину которого сильно влияет выполнение плана поставок. Сложился также разрыв в движении

фоида поощреиня н его источника — прибылн. По нашему мнению, днпамнку фонда заработной платы иужио связать с выполиеннем плана поставкн, а фонда поощрення — с прибылью.

Проблема экономической ответственности

В совершенно иовой постановке н особо глубокой разработке нуждается, иа наш взгляд, проблема экономической ответственности коллектива н отдельного работника перед обществом за результаты деятельности. Этот важный прннцнп в значительной степенн выпал нз снстемы хозяйствовання — он «не работает» н очень слабо используется. Ответственность предпрнятнй сведеиа к более чем скромной снстеме экоиомнческнх санкцнй — штрафов, пени, неустоек, источинком которых к тому же являются средства предприятий, а ие фоид заработиой платы.

Снстема таких санкций даже в тех немногнх случаях, когда оиа срабатывает (потребнтель в условиях диктата прonзводнтеля далеко не всегда «осмелнвается» взыскнвать штраф), сводится к перекладываиню денег из одного государствеииого кармана в другой.

Экономическая ответственность, иа наш взгляд, включает снстему мер, обеспечнвающих эффектнвное использованне всех ресурсов предпрнятня н высокое качество продукцин. А для этого она непосредственно должиа быть связана с заработной платой: иароднохозяйствеииый ущерб лучше компенсировать вычетом из фонда оплаты по труду, а не нз средств предпрнятня. Экономическая ответствениость — не только система коллектнвной ответственности, когда за ущерб расплачивается сполиа коллектив в целом, ио н иидивндуальная ответствеиность, когда ущерб влечет вычет нз заработной платы работннка — премни, оклада и тарнфа.

Снстема ответствеииости ие может ие включать в качестве крайней меры, коиечио, в строго плаиовом порядке, реоргаиизацию, перестройку, а если иеобходимо, то и закрытие предпрнятия, систематическн ие выполияющего своих обязанностей перед обществом, бесполезно растрачивающего государственные ресурсы. Прн этом, конечно, в плаиовом порядке иеобходнмо решать вопросы трудоустройства работииков данного предприятия. А что касается нерадивых работников, систематически не выполияющих свон обязанности, то здесь действенной мерой ответствеииости должио быть увольнение.

Обстановка всеобщего социального всепрощения, когда за конкретный ущерб, срыв поставок, низкое качество расплачивается предпрнятне нз государственного карманa, ведет к иежелательным экономическнм и социальиым последствиям. Сейчас иерадивый работник прикрывается правом иа труд как социальиым щнтом. Это право — великое завоеваине иашего строя. Но оно, включая в себя право на рабочее место и возиаграждение по труду, неразрывио связаио с обязанностью работать по способностям. А вот об этой первой части принципа социалнзма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду» часто забывают. *Но именно обязанность работать по способностям определяет экономическую ответственность работника перед обществом.* Оиа включает в себя и широкую систему реальных, действенных мер адмииистратнвного, моральиого, матернальиого воздействия. Нерадивый работинк, уклоняющнйся от выполнения своих обязательств перед обществом, при таком подходе расплачивается не только рублем — потерей премни, части оклада, ио и потерей своего рабочего места иа даиином предприятин.

Режнм экономической ответствениостн обеспечнвается также сн-

стемой централизованных фондов н резервов министерства. Их использование целесообразно строить на принципах возмездности, возвратности, срочности. Определенная часть таких средств могла бы направляться в безвозмездном порядке и для решения крупных отраслевых задач развития. Необходимо, конечно, перекрыть все идущне через эти фонды и резервы каналы необоснованного перераспределения ресурсов между предприятиями. Антихозрасчетная практика финансирования на такой основе отстающих за счет средств передовиков — одно из проявлений уравнительности.

Взять, например, финансовую помощь. Почему предприятие, из-за собственной плохой работы попавшее в тяжелое финансовое положение, поправляет его за счет средств других предприятий отрасли? Эта иждивенческая практика прикрывается самыми благими намерениями. В результате создается экономический климат безответственности, обезлички, эдакого отпущения собственных экономических грехов за счет «чужого дяди».

Границы самостоятельности

Переход к целостной системе предполагает также дифференцированный подход к определению границ самостоятельности и ответственности предприятий в разных группах отраслей.

Модель хозяйствования для предприятий, выпускающих продукцию группы «Б», могла бы предусматривать более широкую самостоятельность.

Главный показатель — объем и номенклатура поставок продукции по договорам — разрабатывается и утверждается самим предприятием на основе заказов торговли с помощью оптовой ярмарки. *Здесь оптовая ярмарка выполняет роль социалистического оптового рынка со свободным в определенных пределах выбором поставщика и потребителя.* Это, конечно, не капиталистический, а именно социалистический рынок. Торговое оптовое звено выступает здесь представителем общеэкономического центра, сам рынок централизованно определяется рядом директивных регуляторов.

Возможность свободного выбора поставщика обеспечит жесткий экономический контроль потребителя над производителем. На этой основе начинает действовать механизм экономического соревнования социалистических товаропроизводителей, состязательности за лучшее удовлетворение потребностей населения (по качеству, ассортименту, объему, срокам поставок). Заказ торговли, предлагаемый лучшему контрагенту, создаст новую экономическую ситуацию, качественно новую систему заинтересованности и ответственности.

Если объем поставок определяется самим предприятием, то как обеспечить его права в формировании объема необходимых материальных ресурсов?

Здесь возможна гибкая система планирования. Закончив подготовку проектов договоров на поставку продукции торговле, предприятие-поставщик определяет объем необходимых ресурсов и подготавливает вторую группу договоров с поставщиками сырья, материалов, топлива, полуфабрикатов.

После балансирования продукции и ресурсов предприятием «по горнзонтали» на основе прямых хозяйственных связей и выявления неувязок информация поступает в министерство, а затем в Госплан. По отклонениям производится балансовая доработка. Уточненный, развернутый по номенклатуре производства и поставок план, увязанный с ресурсами, сообщается предприятию. На основе плана и проектов договоров заключаются договоры по всей цепочке хозяйственных связей.

Итак, функцня предпрнятия — формнроваине плаиа пронзводства и поставок нсходя нз заказа торговли, объема материальиых ресурсов иа осиове договоров с нх поставщнкамн, а также текущее уточиеиие и корректировка плана по согласованию с потребителями и поставщиками.

Фуикцня мниистерства, Госплаиа и Госсиаба — балаисовая доработка и увязка (по отклоиеииям) плана поставок продукции и его ресурсного обеспечения.

Если исходиый пункт плаиа — объем поставки — планируется самим предприятнем, то логично, чтобы оно планировало н всю цепь вытекающих из этого объема других стонмостных показателей. В их числе объем пронзводства н иомеиклатура, прибыль, реитабельиость, пронзводнтельиость труда, себестоимость продукцнн. Вся эта совокупиость показателей могла бы стать расчетиой и сообщалась бы для сведеиня мниистерству.

Днрективио можио было бы плаиировать объем поставок продукции иа общегосударствеииые иужды и экспорт, а также лнмит цеитрализоваииых государствеииых капнтальиых вложеинй иа новое строительство. Целесообразио также утверждать стабильные иормативы, определяющие взаимоотиошеиня с бюджетом н креднтной системой н формироваине фондов и резервов.

Снстема экоиомнческой ответствеииостн предпрнятнй определяется тем, что на продукцию низкого качества, ие пользующуюся спросом, не будет заказов торговли. Следовательио, все показателн, фонды н экономическое положеине предпрнятий в целом будут ухудшаться. При иевыполиеиии обязательств по поставке продукции иормативиый фоид заработиой платы мог бы умеиьшаться иа процеит недопоставки. Потерн, связаииые с выпуском некачественной продукции, возвращеииой предприятию, целесообразио возмещать из стимулирующих фоидов.

Не меиее важным звеиом системы является заинтересоваиность и ответствеииость торгового звеиа. *Доходы торговли, на наш взгляд, нужно формировать в зависимости от объема и степени удовлетворения реального спроса населения.* Для этих целей, как иам представляется, мало пригоден показатель объема товарооборота, так как ои может расти и за счет повышения цеи. Между тем торговля, как представитель потребителя, должиа быть заиитересована в сиижеиии цен. Стремленне торговли сиижать цены — это тот экоиомический «противовес», который может противостоять заннтересоваииости предпрнятий в росте цеи.

Более предпочтительио поэтому формирование доходов торговлн иа осиове системы наценок, ие связанных с уровием оптовой цеиы и определяемых на едииицу продукции диффереицированно по отдельным товариым группам.

Убытки, связанные с заказаиной, но не реализованной продукцней, желательио возмещать из дохода торговли. В то же время часть экономии от снижения розничных цен ей можио было бы оставлять. Целесообразио, наконец, предусмотреть уплату налога с оборота после реалнзацни продукцнн.

Коиечио, такая модель расширеииой самостоятельиостн — это ндеальиая модель, реалнзовать которую можио лншь по этапам.

Как видим, переход к целостиой системе управления предполагает кореииую комплексиую перестройку хозяйственного механизма. Целостную снстему управлеиия можно представить как своеобразиую экоиомическую «таблицу Меиделеева». Предстоит еще определить ее детальиую структуру, состав клеток и содержаиие каждой из иих. Сегодия миогие клетки системы — «белые пятна», по которым еще нет готовых конкретных разработок.

П. Бунич

Член-корреспондент АН СССР

Компас экономики: куда клонится стрелка[1]

Читая журналы и газеты, вижу, как разгибается человек, как постепенно восходит к открытости, порядочности, достоинству; как вырывается на свободу и сбрасывает ржавчину ранее зажатая пружина социальной активности, гражданственности. Но можно ли добиться полного и массового психологического раскрепощения, стать личностью только на честнейших социально-политических откровениях, без фундамента, делающего каждого из нас хозяином в главной сфере — в экономике? Реально ли раскрывать и возвышать свой творческий потенциал, попадая под бередящий душу прессинг прессы и в то же время видя, что на работе почти все остается прежним; простаивая, как и раньше, в очередях, страдая благоSOSтоянием, недопустимым для представителя великой державы. Кто-то впадает в панику, предрекает крах, кто-то ностальгически вздыхает о прошлом. Параллельно не смолкает хор другой части средств массовой информации, умиляющейся «достигнутыми успехами», трудно согласующимися со скромными результатами, а также тех, кто говорит, что общество идет в гору медленно, но быстрее никак нельзя.

Конструкции новой экономики еще в пути. И теоретические, и особенно практические. Дополнительная трудность состоит в том, что современный этап требует не только преодоления прежних ошибок, но и значительного продвижения вперед. Идеалы нового хозмеханизма много сложней и «тоньше», чем формировавшегося в ленинское время. Революция — не репродукция. Экономический ренессанс создает новый мир, возрождает и приумножает исторические ценности на последующем витке спирали, как и эпоха, породившая сам термин. Сейчас отстает даже «восстановительный» процесс, хозяйственное начало как таковое. Потребность в нем звучит в нарастающем подземном гуле, в мощных толчках, вырывающихся наружу. Что же действительно происходит на «материке»? Очаговые и небольшие перемены, напоминающие ранее, в 1965, 1979 годах проведенные реформы, не перешедшие, как известно, в глубокие, не давшие качественной подвижки. Чтобы победить старое, надо вырвать его корень: добраться до основ. Корень зла должен быть заменен корнем добра. Борьба с поверхностными «нишами» командно-бюрократического устройства способна нанести ему лишь небольшой и кратковременный урон.

Исходная позиция «придержания» нового хозмеханизма состоит в том, что осуществляемый ныне пятилетний план разработан применительно к старым методам управления и поэтому якобы только ими может быть выполнен. Из этого следуют частные производные.

Первое. Отчисления предприятий в бюджет определяются как остаток после того, что им намечено сверху на нужды пятилетки. Если предприятие высокорентабельно, но высшие этажи считают, что пора бы ему остановиться в дальнейшем процветании, то у такого предприятия можно в доход общества изъять

[1] Огонек. 1988. № 26. Печатается с сокращениями.

до 90 процентов прибыли. В распоряжении коллектива остаются одни фонды поощрения, исчисленные путем умножения их небольшого среднепромышленного душевого норматива на число занятых. Выделяются также скромненькие фонды развития производства, науки и техники. Если предприятие малорентабельно, но пятилетка намечает его форсированный рост, то за коллективом сохраняется почти вся или даже вся прибыль. Бюджет ограничивается минимумом взносов или нулем. Если, наконец, предприятие не покрывает своих расходов, убыточно, но по пятилетке должно жить и продолжать приносить убытки, то, чтобы коллектив не отказался работать на таком предприятии, не пострадал, не дай бог, в заработках и прочих доходах, бюджет предоставляет ему дотацию, которая как буксир везет социального иждивенца в одной колонне с предприятиями-созидателями.

И это называется самофинансированием по «индивидуальным нормативам». Их пытаются оправдать и гримасами действующих цен, озолачивающих одних и загоняющих в убытки других. «Индивидуальные нормативы» — антипод самофинансирования, их вернее считать скрытым (нормативным) перераспределением средств от хороших предприятий к плохим. В этом одна из основных причин того, что бюджет забирает почти три четверти национального дохода и столько же раздает. Вся эта насосная перекачка ставит в лучшие условия худших и карает передовиков, стимулирует циркуляцию от высокой эффективности к низкой, сверху вниз, а не снизу вверх. Когда самофинансирование суть уравнительное кормление, тогда не действует экономический естественный отбор. За последние годы в СССР закрыли несколько бесплодных НИИ, один вуз, кое-какие никудышные предприятия подсоединили к хорошим. Но эти безобразия вскрыты и преодолены благодаря наведению элементарного порядка, а потому заслуживают демонстрации на передвижных выставках как реликвии.

Второе производное. Заданностью пятилетки оправдывается ущербный порядок безвозвратного и безвозмездного перераспределения между предприятиями их амортизационных фондов. Раз в пятилетнем плане такой порядок заложен, значит, он должен окаменеть. А то, что подобный порядок — вопиющий беспорядок, новая пробоина в самофинансировании,— это мелочь по сравнению с «преимуществами» гарантирования пятилетки.

Третье производное. Когда стимулы молчат, говорят антистимулы. Без сильного хозрасчета трудовые коллективы, права которых несколько расширились, направляют свою энергию на вредные цели — стараются занизить планы. Что толку, если они будут напряженными? «Лишние» деньги все равно отберут. А если преуменьшенными, то недостающие — добавят. Палка надломилась, а пряника нет. Остается одно из двух: либо починить палку, либо выдать пряник, но не номинальный, а реальный, весомый. Лишь второй путь ведет вперед. Но сопряжен с риском. Вот и пошли по накатанному первому пути: возродили централизованный прессинг под кодовым названием «госзаказ». Дескать, не на месте топчемся, а перестраиваемся, не скромно эволюционизируем, а бежим впереди прогресса.

Нынешний псевдогосзаказ, как и подобает госзаданию, покрывает всю площадь производственных возможностей и даже кое-что сверх нее. Если речь идет о подлинном госзаказе, то он призван сам себя стимулировать — дотациями, налоговыми и другими льготами. Сейчас же госзаказ то выгодный, то невыгодный. Но поскольку «излишние» деньги утекут, а недостающие притекут, то к госзаказу безразличны.

За ним если и гоняются, то из-за преимуществ в снабжении, которые, к слову, тоже недостаточны, как и для прежних госзаданий...

Эти недостатки критикуются в розницу, но их совокупность ведет к ущербу, превышающему сумму слагаемых. С плановых высот раздаются обещания умерить аппетит госзаказов. Предлагается, в частности, исключить из них внутриминистерский оборот, выдавать только на конечную продукцию. Однако госзаказы на заключительном витке производства предопределят промежуточные переделы, включая внутриминистерские поставки. Они по-прежнему закабалят народное хозяйство. А кто виноват? Отсутствие хозрасчетных стимулов к производству снизу. Подогнанные под пятилетку нормативы.

Четвертое производное. Коль скоро пятилетка расписала все ресурсы, то для оптовой торговли средствами производства остается кое-что из перевыполнения плана, что-то из фондов, высвободившихся в связи с сокращением спроса предприятий, где поближе подошли к самофинансированию или наивно поверили в него, немного за счет централизации материальных ресурсов группы предприятий на территориальных базах, в результате чего их снабжение стало надежнее и завышенные на всякий случай заявки начали «худеть...». Но если ресурсы выдаются центром, то, естественно, центр определяет и их выпуск. А при заданности поставок «на входе» предприятий и продукции «на выходе» из них права коллективов сводятся к движению незавершенного производства или, как говорят кибернетики, к правам внутри «черного ящика».

Пятое производное. Тяжелая рука пятилетки легла на горло внешней торговли. Ее масштабы определены остаточным методом — после удовлетворения нужд внутреннего рынка. Хотя многие товары выгоднее бы продать на внешнем рынке, а на вырученную валюту закупить другие и лучше насытить ими внутренний рынок. Предприятия призывают развивать внешнюю торговлю, особенно кооперацию и совместную деятельность. Но как это сделать, если коллективы повязаны и перевязаны госзаказами? Остатки, конечно, сладки, но сыт ими не будешь. Чтобы не колебать пятилетку, к ней пригнаны и методы пересчета валютной выручки в наши рубли. Для стимулирования эффективных экспорта и импорта установлено, что контрактные цены непосредственно должны сказываться на хозрасчете предприятий. Продали лучшую продукцию по высоким ценам — получили большую выручку и во внутренней валюте, продали худшую — выручка упала; возможно, не покроются даже затраты, произведенные в рублях. Но для таких сопоставлений выручка также должна иметь рублевое выражение. Как же пересчитать, например, доллары в рубли, по какому курсу? По официальному? Об этом неудобно даже говорить. И вот введены так называемые дифференцированные валютные коэффициенты, механически переводящие внешние цены во внутренние: высока внешняя цена и низка внутренняя — коэффициент работает на понижение, низка внешняя цена и высока внутренняя — на повышение. Таких коэффициентов тысячи, они колеблются от 0,2 до 6,6. Кроме того, по многим товарам коэффициенты носят индивидуальный характер, уходя от группового. Внешняя торговля уравнивается с внутренней, никакие ее улучшения и ухудшения на положение предприятий не влияют. По сути, все осталось как раньше, когда внешнеэкономические показатели и не пересчитывались. Зачем же такая игра? Затем, что сохранение статус-кво никак не толкает предприятия на пересмотр пятилетнего плана, на новые контакты и контракты.

Шестое производное. Невеселые перспективы и у банковского кредита. Увеличить его ресурсы нельзя, ибо все «лишние» деньги прибрал бюджет, расширять банковские вложения нет нужды — все основные объекты профинансированы тем же бюджетом, министерством, а также с помощью подгонки под план финансовых нормативов. Повысить проценты невозможно — в расписанной по назначениям прибыли средства для этого отсутствуют. Обложенные со всех сторон поборами предприятия, получающие дозированное финансовое питание, почти отрезаны и от коммерческого (фирменного) кредита — его ни дать ни взять.

Плохо, когда самостоятельность подменена проформой. Не лучше, когда права даны, а условия для их действия отсутствуют. Разрешили предприятиям применять договорные цены на новую технику. Однако кислород перекрыли те же госзаказы. Их оплата, как правило, производится по прейскурантным ценам, а коль скоро заказы заполонили все хозяйство, договорным ценам некуда протиснуться. Некоторые трудовые коллективы не согласились с искажениями сути госзаказов, обратились в арбитраж. Но, насколько мне известно, третейские судьи отказались разбирать такие претензии.

А почему? Может быть, потому, что они живут своим законом? Устаревшее настоящее время не торопится стать прошлым. «Уралмаш» добился, что бюро Совета Министров СССР по машиностроению исправило явный абсурд. Других «победителей» не видно. Или их очень мало.

Технический прогресс требует высвобождения трудовых ресурсов. Нужно также увольнять лодырей, нарушителей дисциплины. Кто пытался это сделать хоть раз, тот знает, что такое — себе дороже. Не счесть невосполнимых затрат госпредприятий и организаций, направляющих механизаторов, студентов и профессоров на уборку урожая. Чтобы нормализовать столь ненормальные взаимоотношения, определено, что город выполняет сельхозработы за плату. Если кому-то известны факты массового перехода к такой практике — просьба сообщить...

Закон гласит, что предприятия сами определяют численность работников, их профессиональный и квалификационный состав. Единственное, что в принципе должно ограничивать эту численность,— объем фонда оплаты труда, вытекающий из реально вырученного дохода. Существующее сейчас ограничение на первый взгляд совпадает с изложенным, но по сути совсем иное. Численность и состав работников вынуждены вписываться в фонд оплаты, в основе которого лежит его прошлогодняя величина, а в ее основе — позапрошлогодняя и т. д., до первого дня творения. Кто однажды сумел выторговать вольготное штатное расписание, заполнить его должностями с высокими окладами, тот обеспечил себе пожизненное льготное существование. Другой парадокс состоит в том, что запланированный фонд зарплаты действует в виде процентного норматива к нормативной чистой (товарной) продукции. Чем больше на практике этой продукции, тем выше оплата труда. А вот если предприятия снижают материальные затраты, то объемы производства могут не увеличиться, фонда зарплаты не прибавится, нечем окажется платить за экономию рабочим. Как платят — так и экономят. Сохранены многие централизованные нормативы, регламентирующие надбавки к оплате отдельных работников, предельные размеры премий для бригад, руководителей предприятий. Прошлое, как видим, определяет даже будущее.

Внешнеторговые объединения переведены на хозрасчет. Вместо го-

сударственного пансиона они живут на комиссионные, полностью покрывающие их сметы, независимо от эффективности работы, и выплачиваемые... государством. Экономия затрат ведет к росту прибыли, мизернейшая доля которой (3—5 процентов) увеличивает фонды стимулирования. Непременное условие образования этих фондов в плановых суммах — выполнение плана по валютной выручке. Сможешь занизить этот показатель — и позиция передовика обеспечена. Учитывая возможность снижения мировых цен на экспортируемые товары, внешнеторговым объединениям выгодно преуменьшить план по валютной выручке в большей мере, чем предприятиям, реализующим изделия на внутреннем рынке по запланированным ценам.

Из фондов стимулирования увеличить основные затраты нельзя — они лимитированы. От валютной выручки объединению ничего не оставляется. Весь остаток прибыли перечисляется государству. А намерения и решения были радикальными...

Высокие платежи в пользу министерств даются предприятиям, имеющим большую и стабильную прибыль. Из нее министерства присваивают порой до 50 процентов. Таким предприятиям соответственно снижают платежи в госбюджет, которые перелагаются на малодоходных и ненадежных плательщиков. Увидев это, центральные органы сделали коррекцию: бюджет, как правило, не должен получать меньше министерств. Если эту коррекцию выполнять, передовые коллективы понесут двойную нагрузку. Но выполнять ее надо не всегда, а «как правило». Хорошая лазейка для обхода нового решения и для удовлетворения ведомственного эгоизма. Именно такие формулировки ведут к тому, что закон превращается в дышло, которое можно поворачивать в удобном направлении.

Медленное продвижение вперед, топтание на месте... Делаются и шаги назад. Когда-то действовало правило: нормативы отчислений в фонды стимулирования от сверхплановой прибыли должны быть выше, чем от плановой. Введено оно было из благих побуждений, чтобы увеличить сверхплановую прибыль. А что получилось? Коллективы стали еще более занижать планы по прибыли, с тем чтобы «перекачивать» все бóльшую ее часть в сверхплановую. Прибыль оставалась прежней, а поощрение увеличивалось. Теперь такой беспорядок возрожден. Нетрудно догадаться, к чему он приведет. Еще пример. Решили устранить промежуточное звено между предприятиями и министерствами. А пойти бы дальше: а зачем предприятиям министерства? Может, превратить их в отраслевые отделы Госплана?..

Примеров множество. Не удержусь и приведу недавний — из внешнеэкономической области. На ряде крупных предприятий, получивших право прямого выхода на внешний рынок, созданы внешнеторговые фирмы, а для обслуживания предприятий, пока не имеющих такого права,— внешнеторговые объединения отраслевых министерств. Хорошо и логично? Гладко только на бумаге. Объединения министерств пытаются возродить прежние «овраги» — вместо обслуживания фирм разными услугами на хозрасчетной основе они начинают командовать ими. Законы святы, да исполнители лихие супостаты. Дома вроде бы новы, да предрассудки стары.

Говорим: можно все, что не запрещено. И превосходно говорим. Но по сей день все запрещено. Прежде всего — пятилеткой. И не только ею, а и ведомственными амбициями. К примеру, коммерческий кредит Законом о госпредприятии не запрещен, значит?.. Да ничего это не значит. Заместитель председателя правления Госбанка СССР

пишет в «Экоиомнческой газете»: «Госбанк СССР предполагает с учетом результатов деятельиости предпрнятнй в условнях хозяйственного расчета н самофииаисирования, а также итогов проводимого *эксперимента по использованию коммерческого кредита* (подчеркнуто миою.— *П. Б.*) более обстоятельно (чем кто?— *П. Б.*) рассмотреть вопрос о *расширении* (подчеркнуто миою.— *П. Б.*) коммерческого кредитоваиия...» Так что до соблюдения свобод нз Закоиа о госпредпрнятии иадо еще дожнть. А пока предприятия продолжают быть иезависимымн в том смысле, что от иих иичего ие завнсит. Оии остаются в подчииеинн мниистерств (можно ли быть «полностью самостоятельиымн» и в то же время подчниеииыми?). Гнгаит опутаи иевелнкнм миожеством запретов, которые от этой своей иевеликости ие стаиовятся легче. Можио одиой толстой веревкой связать сильиее, чем десяткамн тоикнх. Даже еслн эта веревка ловко подделаиа под экономический метод управлеиня. В свое время сады, как нзвестио, вырубили ие прямые запреты, а чрезмериые иалогн.

Но если иет полной самостоятельиости — иет и полиой ответствеииости. А иет ответствениости — нет н заинтересоваиности в эффектнвиости работы, в проявлеиии предприимчивости, в выдумке, в поиске путей к «сердцам» потребителей. Середииы ие бывает. Система нлн новая, или старая. К этому следует добавить, что действие многих реформ растяиуто или отсрочеио. Тут и кредитиые отиошения, цеиообразоваиие, рынкн средств проnзводства н цеиных бумаг, обратимость рубля, обучение менеджменту, формироваиие системы прогиозироваиия трудоустройства высвобождающнхся работииков.

На их подготовку действительио требуется время, предварительиое накоплеиие материальных предпосылок. Короче говоря, радикальиая реформа длится в течеиие переходного периода, достаточио длительного. Ведь старый хозмеханизм складывался ие менее 60 лет. За исключеиием трещни по фуидаменту ои моиолитеи, сейсмостоек, способен к сопротивлеиию, заиял круговую обороиу. Как бы мы ии поспешали, создаиие иового хозмехаиизма — это процесс. Но, разумеется, предельио короткнй. Сейчас этот процесс удлиияется. В первую очередь нз-за того, что реальные сдвиги в госсекторе меиьше нх потеициала. Поэтому мы лншь вошли в переходный период н сразу же, за порогом, притормозили шаг.

Посмотрим на результаты. Их можио характеризовать по принятой схеме: успехн, недостатки. Приводить обтекаемые формулировки о невыполиеиии задаинй по отдельным видам изделий отдельиыми предпрнятиями, министерствами, республиками. Мы умеем читать такне отчеты, видеть, что в кадре, а что за ним. Но всему свое время. Время создавать и разгадывать ребусы. Время раскрывать сухой экономический остаток.

Чтобы перевестн экоиомику в иовое качество, нужио, как миииимум, выполиить иамеченные пятилетиие задаиия. Причем ие формальио, по валу, а по полезиым изделиям. Некоторые положительные сдвиги есть, их иельзя не вндеть. До иачала перестройки рост производства, его эффективности, жизиеиного уровия иаселения, как известио, приостаиовился, теперь повысились темпы роста промышленного производства, обиовлеиия продукции, уснлилось синжеиие себестонмостн, замедлнлось паденне фоидоотдачи, страиа вышла из предкризисного состояния, отошла от пропасти. Но решающие показатели хотя и подтянулись по сравиению с прошлым, однако отстают от предусмотреииых плаиом. План по приросту иационального дохода выполнен примерио иа 80 процеитов. И это иесмотря иа его подкорм-

ку валом, прнпнскн. Матерналоемкость общественного продукта практически осталась иа прежием уровие. Не выполиеиы задаиия по развнтню машиностроеиня, производству предметов иародиого потреблеиия и продуктов питаиия. Не обошлось без движеиия вспять. Увеличился разрыв между доходами трудящихся и их товариым покрытием. Продолжала нарастать инфляция. Бюджет сводится с дефнцнтом. Мерцает иевесомость рубля.

Трудовые коллективы отрасли вносят в бюджет н миинстерству налоги, составляющне примерио 50 копеек иа рубль прнбыли. У самых реитабельиых предприятий образуется «избыток» денег по сравнению с пятилеткой. Напомню, что при подгонке платежей под пятилетку у них изъялн бы, допустим, 90 копеек с рубля прнбылн. «Излишек» направляется иа рост фоидов стимулироваиия, иа возврат раиее взятых кредитов, откладывается в резерв иа трудиые времеиа. Эта группа предприятий пятнлетку выполияет и перевыполияет. Вторая группа предприятий — те, где иалоговые платежи н платежн по «ииднвидуальиым иорматнвам» совпадают. Эта группа преобладает. Для иее проблемы пятилеткн также ие существует. Накоиец, третью группу образуют предприятня, которым при уплате иалогов средств на выполнеиие пятилетки ие хватает. Для восполиеиия возиикшего дефнцита им предоставляются креднты. Может показаться, что это требует от государства дополинтельиых средств. Ничего подобиого. В остальных отраслях даиным предприятиям даются ие креднты, а дотацин — явиые н скрытые. «Свое», как говорнтся, оин получают все равио...

Главиый урок Мнихнммаша ь том, что ои иащупал путь взвешеииого, расчетливого сочетания пятилетки и перестройки, проверил «иа себе» иалогово-кредитные регуляторы. Не было тройных прыжков без точек опоры, не было опрометчивостн. Пример отрасли — другнм иаука. Что могут предприятня одиого отраслевого миииистерства, доступно предпрнятиям и других миинстерств. Как иет двух таблиц умиожения для разиых коллективов, так нет приииципиальио отличающихся систем управлеиия нми.

Ждем ответа, ждем ответа, ждем ответа... Но живая вода ие бурлит, пока можно зарабатывать не трудом, а выкляичиваиием у государства низкнх иормативов платежей в бюджет.

Пятилетку иельзя фетишнзировать. К обычиым причинам ее уточиения (иеполиая предсказуемость НТП, конъюиктуры рыика, особеиио внешнего, колебаиия погодных условий, выявлеиие допущенных ошибок н т. д.) сейчас прибавляются перемеиы в хозмехаиизме. Оии скромиы, ио сказываются. Под воздействием зародыша самофннансроваиня сельское хозяйство сократнло заявкн иа технику. Оттаивают горы запасов. Высвобождение излншинх рабочих позволяет заполиить пустующие рабочие места. Прнвычиую жнзиь меияет кооперация. Так что без поправок к пятилетке вряд ли обойтись.

Еще последовательиее, чем в Миихиммаше, хозрасчет в кооперации. Стоило лишь провозгласнть иовые принципы работы кооператнвов, и оии стали зарождаться. В кооперацню ие приходится зазывать людей. Оин ндут туда. Кооператоров ие иадо уговаривать, чтобы они хорошо работали. Это делает хозрасчет, лучший Макареико в экоиомике. Без агитации расшнряется и иидивидуальиая трудовая деятельиость. Если сейчас она совпадает с «и т. д.», то скоро ИТД станет существенным укладом хозяйства. Осиова та же — хозрасчет.

Мие пришлось участвовать во миогнх обсуждеииях проектов Закона о госпредприятии и Закона о кооперацнн. Могу засвидетельство-

вать, что проект кооперативной деятельиости вызвал гораздо более занитересованный н профессиональный разговор, даже среди руководнтелей госпредприятий. И это понятио: все истиино глубокое рождает нитерес, захватывает.

Еслн раньше существовала иеобходнмость преодолеть неравиоправие кооперацнн, то теперь речь идет о преодолеиии иеравноправия госсектора. Когда Закон о госпредпрнятнн обогатнтся стимулами, прнводящими в двнжеиие мысль и руки кооператоров, тогда госсектор выйдет из спячки, обретет новое дыхаиие, займет положеииое ему место. И сделает это не под иажимом сверху, а по собственному интересу, снльиее которого ничего нет. Допустнмо лн такое? Заимствоваине госпредприятиямн управленческих подходов кооперацнн? Не только допустимо, иеобходнмо. Ибо речь идет об элемеитах общеэкоиомических и общедемократических, об очнстке госсобствениостн от приклеившейся к ней бюрократии. И сделать это надо как можио быстрее, чтобы гальваннзнровать госсектор, а также поставнть его в равиые условия с кооперацней, обеспечнть нх здоровое соревнование и сотрудничество. На недавней сессни Верховиого Совета СССР подчеркнвалось, что, «обогащая друг друга, этн закоиы (о кооперацин и о госпредприятии.— *П. Б.*) иаполияют иовым содержанием хозяйствениую деятельиость...».

Особеиио эффективен ареидиый подряд. Он демонстрирует лицо иового хозмехаиизма, призваи стать основиой формой его производственных отношеинй, преодолевающей отчуждение человека труда от общенародной собствеииостн. Имеиио формой, ибо, по существу, коллектнвы госпредприятий ие могут арендовать собствениость, которая им и так прииадлежит. Ареидиый подряд не только выживет сам, ио н изживет старые формы хозяйствоваиия. Механизм ареидного подряда может быть усилеи переводом взаимоотиошеиий госпредприятий с бюджетом на лицеизионную осиову, когда трудовой коллектив кроме арендиой платы за взятые в ареиду фоиды виоснт в бюджет твердую сумму. За фоиды, построеииые за счет своих средств, ареидиая плата не берется. Эти фоиды «пристраиваются» к госсобствениости как собствеииость акциоиериая, и владельцы акций получают дивидеиды. Фоиды оплаты облагаются специалогом, чтобы текущне нитересы коллективов не возобладали иад перспективиыми, чтобы закачать побольше средств в фоиды развнтня, от иалогов освобождаемые. Нужиы также прогресснвиые налоги иа иидивидуальиые личные доходы, когда они круто растут (но ие такие убийствеииые, как введеииые для кооперации).

Такой механнзм поиятеи. Он эффективеи. Наказывает за просчеты, поощряет грамотные расчеты. Требует квалифицнрованного руководства, когда высокое назиачение отвечает высокому значению. Система подходит ие только для мелких и средних, ио и для крупиых предприятий.

Что ведет к тому, что, иесмотря на поддержку большиинства, потеиции реформы нспользуются явио недостаточно, что сама суть перестройки извращается? Боязиь риска и неумереииая умереииость Госплана СССР, Минфина СССР, банковских оргаиов, бюрократическая позиция ряда министерств и ведомств. Но н рефлекс устойчивости к старому у миогих хозяйствеииых руководителей и работнннков инзовых, первнчиых звеиьев. Есть у реформы и противиики, боящиеся потерять незаслужеииые привилегии. Их немало среди держащих бразды правлеиия. И в среде рядовых, согласных мало зарабатывать, ио еще меиьше работать. Этн родствеииые души тяиутся друг к другу в стремлении перевести волиы в штиль.

Предыдущие реформы вследствие их косметического характера массы не затрагивали, прошли по верхам и сгинули. В современной обстановке рубить реформу в открытую лично рискованно. Поэтому формально все — «за». А кто «против», тот маскируется, сменил отнекивание на отдакивание, превращает декларации в декорации и в рекламации к борцам за перестройку.

Замедленные новообразования напоминают здоровые клетки в больной молекуле. Они раздроблены, противостоят поодиночке целостной старой системе, которая еще имеет силы в пороховнице, не карточный домик, разваливающийся от малейшего дуновения или прикосновения. Поэтому слишком слабые ростки нового могут быть им отторгнуты либо переродиться. Огонек без свежего ветра превращается не в костер, а в потухший уголек.

Долго так продолжаться не может. Джинна, выпущенного из бутылки, обратно не загнать. Кто глотнул воздух надежды, тот хочет им дышать постоянно и полной грудью. Ему во всем в самом широком смысле нужен огонек, из искры которого возгорится очистительное и созидательное пламя. «Даешь перестройку» — категорический императив времени. Не так, так иначе. Не намеченным путем, так другим. Не с нынешними издержками, так сверхценой. Не сегодня, так завтра. Не в этом году, так после более длительного срока.

Выход в том, чтобы высшие органы партии и государства, выражая волю авангарда, возглавили и организовали подготовку новых кардинальных реформ и законов, взяли на себя риск их безотлагательного принятия, разбросали жизнестойкие зерна действенного хозмеханизма и помогли их прорастанию. Затем система окрепнет, начнет саморасширяться и самоуглубляться согласно логике продолжения, во многом перейдет на самонастройку, на «автопилот», пустит столь глубокие корни, что станет необратимой.

Стрелка экономического компаса показывает — ожидается буря. Пусть она грянет сильнее. Пробил час экономики, ее работников без страха, и хотя с упреком, но и с другими жизненными интересами, «умоводителей», а не руководителей коллективов.

В. Селюнин

Глубокая реформа или реванш бюрократии [1]

Выработать нужный хозяйственный механизм мыслимо лишь в обстановке свободного обсуждения его смысла и особенностей. А дальше опять нужна свобода, чтобы прилюдно сверять с жизнью каждый шаг — туда ли идем, то ли делаем, не пора ли внести поправки.

События развиваются стремительно, и, полагаю, приспело время обсудить эти вопросы. Перестройка оказалась сложнее, чем предполагалось. Первоначально ее рассматривали как первый этап ускорения: мол, проведем экономические реформы, изменим способы управления хозяйством, а следом начнется собственно ускорение, то есть более быстрое развитие экономики.

[1] Знамя. 1988. № 7. Печатается с сокращениями.

Можно, пожалуй, сказать, что в осиову этой концепцнн лег несложиый расчет, опублнкованный академнком А. Г. Аганбегяном и сразу ставшнй зиамеинтым. Вот он в теперешних цифрах. За год мы используем прнмерно 600 миллиардов рублей иациоиальиого дохода. Три четвертн этой суммы ндет на потребление (проще сказать, иа прожнтье), четверть — в накоплеине. Прн росте дохода на один процеит в год прибавка составнт 6 миллиардов рублей. Стало быть, фонд потреблеиия возрастет иа 4,5 миллиарда. В этом случае потребление благ в расчете иа душу населения останется, однако, иа прежием уровие — ведь и иаселеине прнбавляется. Чтобы жить богаче, надо получать более зиачнтельиые прибавкн. Второй и третий процеиты прироста дохода скорее всего уйдут на то, чтобы заткнуть дыры, которых в большом хозяйстве предостаточно,— желательно, например, поднять миинмальные пенсии. Для ощутимого повышення жизнеиного уровня общий доход страны иадо увелнчивать на четыре, а еще лучше иа пять процеитов ежегодио.

Это рассуждеине потом миогократно повторялн экономисты н полнтнки. На меия лично простые выкладки академнка пронзвели ошеломляющее впечатление. Ведь что выходит? Сейчас годовой прнрост дохода — около трех, в удачные годы — до четырех процентов. Допустнм, в результате перестройки мы «вырвем» в будущем пятый процент. К тому времеин он будет повесомее, ио все равно, как показывают иесложные расчеты, денежиая прнбавка составнт около полутора рублей в месяц на человека с самостоятельиым доходом. В последиее время среднемесячная зарплата рабочих и служащих увеличивается примерио иа пятерку ежегодио, а в условнях состоявшегося ускорения ее можио будет подиимать иа шесть рублей с полтнной. Нелучезарно, ие правда ли? Вряд ли мы стаием выкладываться иа работе радн такой целн.

Здравый смысл подсказывает: что-то тут ие так. Как ин считай — хоть общеприиятыми способами, хоть по более осторожиым методикам,— трудами поколеинй у иас создаиа могучая экоиомнка, вторая, иу пусть третья по мощи в мире. Но получается, даже в будущем, прн больших скоростях развнтня она не способиа обеспечнть заметиое повышеине жизиеииого уровия иарода. Да быть того не может!

Поставнм для иачала простой вопрос: действительио ли ускорение развнтня — единственный нсточиик роста благосостояиия? Можно ведь действовать н нначе: побольше «проедать» из произведенного дохода и помеиьше пускать в накоплеине. На первый взгляд резервы тут иевелнкн. Четверть иациоиального дохода в иакопленне — по меркам развитых стран это многовато, ио доля все же не чудовнщная. Одиако откуда взялась эта цнфра? Фонд потребления н фонд накоплення иаша милая статнстнка измеряет разными рублямн — в одном случае стоимость товаров исчислеиа в розничных цеиах, в другом — в оптовых. Это все равио что пользоваться резииовой рулеткой. Разннца между темн н другими цеиамн падает в осиовном на так называемый налог с оборота. А ои составнл в 1985 году 97,7 мнллнарда рублей, в 1986-м — 91,5 миллиарда. Исключив эти суммы нз расчетов, мы убеднмся: при нзмеренни в оптовых цеиах доля фоида потребления в нспользованном иациональном доходе равиа 68—69 процентам.

Дальше выясияется, что оптовые рубли не одниаковы. В 1986 году с каждого рубля производствеиных фондов работинки легкой промышлеииости «сияли» 23,5 копейкн прибыли, а, к прнмеру, электроэиергетнкн — лишь 6,6 копейки. Ннкогда не поверю, будто при круглосуточиой эксплуатации электростаиций

их персонал (люди высокой квалификации) работает чуть ли не в четыре раза менее эффективно, нежели швейники или обувщики. Рентабельность всей тяжелой промышленности вдвое ниже, чем легкой. Объяснение может быть только одно: оптовые цены на продукцию легкой индустрии завышены относительно цен на изделия тяжелой промышленности.

Полезно далее приглядеться, какие товары, поставляемые тяжелой индустрией, особенно прибыльны. Вот лесная отрасль. Считается, что лесоруб работает семь часов в день (там шестидневная рабочая неделя). Но если учесть время на дорогу до делянки и обратно (а это зачастую сотни километров), фактически человек занят десять, а то и двенадцать часов в сутки. Трудится он в нелегких условиях: зимой мороз, осенью и весной грязь до пупка. Лесоруб имеет дело с великолепным естественным полимером — деревом, припасенным самой природой. Казалось бы, при такой раскладке лесозаготовки должны быть очень прибыльными. А на деле они сплошь и рядом малорентабельны и даже убыточны. Но представим, лесоруб перешел на мебельную фабрику, где тепло, светло и мухи не кусают — его труд сразу станет приносить большую прибыль.

Отчего так? Да все очень просто: на древесину установлены низкие оптовые цены, на мебель, напротив, высокие. Но древесина — это продукция производственного назначения, мебель же — предмет потребления. Сходным образом расслоены цены и во многих других отраслях тяжелой индустрии. А это означает, что в официальных расчетах завышена доля фонда потребления, исчисленного не только в розничных, но и в оптовых ценах.

Есть и другие искажения в цифрах. Если измерить обе части использованного национального дохода в ценах одного уровня (а как же иначе?), то фонд накопления поглотит отнюдь не четверть, а гораздо бóльшую долю дохода. Именно сдвиг в сторону потребления, а не обязательно вздувание темпов роста таит главные резервы повышения жизненного уровня.

Между тем официальная наука настраивает умы на темпы. Ускорение понимается как взвинчивание скоростей развития экономики: мол, в период застоя прирост дохода упал ниже трех процентов в год, этого мало, кровь из носу, а давай больше — тогда и жить станем богаче. Станем ли? С чего это ученые взяли, будто достаточно поднять доход на лишний процент, как в общем нашем кармане появятся дополнительные миллиарды на личное потребление? Дело обстоит не так, что мы сочли доход за год, а потом разложили на две кучки — это проедим, а это пустим на строительство предприятий, жилья, дворцов — словом, в накопление. В жизни национальный доход каждую минуту создается и каждую минуту расходуется. Деньги есть лишь символическое отображение натуральных благ, и если за стоимостными прибавками — станки, комбайны, ракеты, то их не пустишь ведь в личное потребление. Большая неправда абстрактного научного расчета состоит в том, что в нем проигнорировано вещественное, натуральное наполнение вновь созданной стоимости.

Нельзя этого делать. В течение многих десятилетий неуклонно снижается доля предметов потребления в общем выпуске продукции. Ограничим наши расчеты промышленностью. В 1928 году 60,5 процента всей продукции составляли предметы потребления (группа «Б»). В 1940 году эта доля упала до 39 процентов. Ладно, то был предгрозовой год, тут не до жиру, быть бы живу. Но как объяснить дальнейшее развитие событий: к 1980 году удельный вес группы «Б» понизился до 26,2 процента? В 1981—1985 годах промышленное производство

прирастало в среднем за год на 3,7 процента. Эта цифра складывалась из 3,6 процента в группе «А» и 3,9 процента в группе «Б». В 1986 году общий темп поднялся до 4,9 процента, в том числе прирост в группе «А»—5,3, в группе «Б»—3,9. Как видим, все ускорение достигнуто за счет производства средств производства, в производстве же предметов потребления темп нисколько не возрос. А сравнительно с ближайшими предшествующими годами он даже упал: в 1983—1985 годах прибавки в группе «Б» составили 4,3—4,1 процента ежегодно против 3,9 процента в 1986 году.

В итоге произошло дальнейшее сокращение доли группы «Б» в общем объеме производства — с 26,2 процента в 1980 году до 24,7 в 1986-м. Если бы соотношение групп «А» и «Б» сохранилось на уровне 1980 года, то в 1986 году промышленность дала бы на 12,6 миллиарда рублей потребительских товаров больше, чем фактически произведено. (Укажу для сравнения: общая прибавка фонда потребления, созданная всей экономикой и истраченная не только на личное потребление, составила в 1986 году лишь 9,2 миллиарда рублей). А если считать по предвоенной «норме» (1940 г.), недобор потребительских товаров вследствие сокращения доли группы «Б» равен почти 120 миллиардам рублей, или около 425 рублей на душу населения. Это в оптовых ценах. В розничных потери много больше.

Колоссальные, поистине тектонические сдвижки в сторону производства средств производства (в сторону первого подразделения) подвели нас к такой парадоксальной ситуации, когда ускорение темпов развития, более быстрый рост национального дохода очень слабо влияют на уровень жизни. Экономика во все большей степени работает не на человека, а на самое себя. При теперешней ее структуре она неумолимо воспроизводит совершенно неприемлемую для мирного времени пропорцию между первым и вторым подразделениями общественного производства, причем воспроизводит в ухудшенном варианте: в каждом следующем цикле доля производства предметов потребления ниже, чем в предыдущем.

Эта опасность пока не осознана. Стратегический замысел нынешней пятилетки заключается в том, чтобы перевооружить машиностроение, тогда в следующие периоды эта обновленная и окрепшая отрасль станет в достатке обеспечивать современными орудиями труда все народное хозяйство. Ясно, что гонка в машиностроении потребует подтягивания сырьевых и базовых отраслей, что и запланировано. Но это лишь первый виток развития, снова ориентированного на производство средств производства. За ним непременно последуют другие. Построим простую экономическую модель. Допустим, машиностроительный завод способен за год изготовить оборудование для двух предприятий неважно каких отраслей. За десять лет он оснастит двадцать новостроек. В одиннадцатом году картина, однако, изменится: устареет оборудование на первом и втором предприятиях, наш поставщик обязан его заменить. Следом подойдет очередь третьего и четвертого предприятий... Теперь изготовитель оборудования навечно привязан к двадцати заводам, созданным с его помощью. И если мы затеваем еще одну новостройку, прежде надо создать новые мощности в машиностроении. Для этого опять понадобятся металл, энергия, сырье — машиностроение делает новые заказы смежникам. И так до бесконечности.

Фронт капитальных вложений растягивается сверх всякой меры. Сейчас у нас не меньше 350 тысяч строек производственного назначения. Ресурсы размазаны — на одни

объект в среднем приходится, иапример, не более 12 строителей. Завершить в разумный срок такое количество строек немыслимо, и при хронической нехватке мощностей приходится сохранять в работе устаревшие предприятия. В итоге безбрежно разрастаются основиые производственные фонды. В ынешней пятилетке пришлось пойти иа крайнюю меру — впервые за длительный период увеличена доля накопления в национальном доходе. Одиако никаких средств не хватает для того, чтобы поддерживать в иормальном состоянии действующие производства и одновремеиио строить новые. По данным экоиомистов, владеющих счетом, вводы мощностей сейчас едва покрывают явное и скрытое их выбытие из-за устаревания. Ииаче говоря, разбухающий фонд иакоплеиия более ие накопляет богатств.

Можио, конечио, оспаривать приведеииые выше расчеты касательио того, какая доля иационального дохода в действительиости идет в иакоплеиие. Но вот специалисты из Экоиомического иистнтута Госплана СССР сделали сходиые расчеты совсем другими способами — общепринятыми в мире. У них получилось, что в 1985 году удельный вес инвестиций в валовом иациональиом продукте в СССР был в 1,7 раза больше, чем в США, и в 1,5 раза больше, иежели в Западиой Европе. Одиако эффективиость иивестиций у иас вдвое ниже, чем, к примеру, в США. Неслыхаииое омертвление средств в незавершениом строительстве, растущие расходы на ремонт и восстановление устаревших производственных фоидов приходится компенсировать иакачкой капитальными вложеииями.

В таких условиях дефицит орудий и предметов труда может лишь обостриться. Наша страна далеко обогнала всех по производству металла, тракторов, комбайнов, по добыче топлива, по численности станочиого парка, да всего и не перечислишь, и тем не менее не хватает всего-всего и еще чего-то. Где предел этому безудержиому росту? В товариой экоиомике существует естествеииое ограничение — платежеспособный спрос. Производство не имеет там ни малейшей цениости, если товар не иашел покупателя. В этом смысле даже кризисы перепроизводства иебесполезны: оии служат сигналом того, что при достигнутом уровие потреблеиия нельзя увеличивать выпуск продукции. Упразднение рынка снимает этот тормоз. Но если ограничения по спросу больше нет, чем лимитироваио развитие экономики? Только наличными ресурсами, больше нечем.

А они истощаются иеравиомерно. У нас первыми кончились трудовые ресурсы — отныне нет прибавок рабочих сил. Собственно, одиа из главных целей ускореиия — компеисировать иехватку рабочих рук повышеиием производительности труда. Отсюда, кстати, и приоритет, отдаииый машиностроению: новая техника поднимет производительиость, что в свой черед даст новый импульс росту экоиомики. До этой цели пока далеко. Но предположим, оиа достигиута. Тогда все в порядке? Вряд ли. При более продуктивиом труде экоиомика, лишеииая тормозов, с новой силой начнет перемалывать другие ресурсы, в том числе и невозобиовляемые.

Это не домысел, а вывод из практики.

Нет, как хотите, а исправному хозяйственному механизму и тормоза нужны — ииаче мы оставим после себя пустыню, так и ие насладившись плодами своих трудов праведиых. Самоедская экономика навряд ли сиизойдет когда-нибудь до человека, до наших с вами иужд.

Мы приближаемся к той последней черте, за которой высокие темпы при сложившейся структуре отраслей вообще невозможны. Да, покамест упор иа машиностроеиие

приводил к более быстрому росту национального дохода. Но приглядимся повнимательнее не к стоимостным, а к натуральным показателям ускорения. По статистическим справочникам легко сопоставить количество тракторов и комбайнов в колхозах и совхозах с численностью механизаторов. Если бы цифры совпали, это был бы уже экономический разврат. Действительно, за свою жизнь комбайн убирает семь-восемь урожаев, то есть в работе находится максимум полгода. Как же можно допустить, чтобы в страду его использовали в одну, пусть в удлиненную смену? Точно так же расточительно выдавать каждому механизатору персональный трактор. На деле ситуация еще хуже: в 1986 году 452 тысячи тракторов и комбайнов были «бесхозными», не укомплектованы кадрами.

Не подумайте, будто брошены устаревшие агрегаты: средний срок службы трактора 7 лет, комбайна — 7,5 года. Зарубежный фермер таких сроков обновления парка себе не позволяет. А тем часом выпуск комбайнов нарастает, и сейчас по крайней мере три новые машины из каждых десяти колхозы и совхозы отказываются покупать. И это при условии, что покупатель платит за комбайн меньше половины цены — остальное изготовителю доплачивает казна. Могучий «Дон» продается дешевле легковушки «Волга» и все одно, выходит, не нужен. Сотни тысяч тракторов бездействуют, а, шутка сказать, затеяно строительство громадного тракторного завода в Елабуге.

Кого не убеждают отдельные примеры, тем советуем обратиться к расчетам, которые опубликовал недавно известный экономист И. Мамлыгин. По его выкладкам, 45 процентов рабочих мест в основных цехах машиностроительных заводов излишни, для них нет рабочих. В основных цехах всей промышленности таких мест более четверти. Известно, что многими миллиардами рублей измеряется стоимость неустановленного оборудования. К полутриллиону рублей приближаются запасы товарно-материальных ценностей в народном хозяйстве, причем в отдельные годы прибавки национального дохода даже не покрывали роста материальных запасов.

Нам толкуют: нужно снижать расход ресурсов на единицу продукции, уменьшать вес машин, выпускать более совершенные изделия. Но, полагаю, в сложившейся ситуации взвинчивать объемы производства — значит еще энергичнее изводить понапрасну труд, сырье, топливо и прочее добро.

Достигнутое ускорение иллюзорно. Лишние, неиспользуемые машины и оборудование зачтены, разумеется, в национальный доход, как положено. А поскольку эти товары в отличие от сырья дороги, темп развития на короткое время подскочил. Вместе с тем помянутые, например, «бесхозные» трактора и комбайны не создают новой продукции, а стало быть, и национального дохода, потому что бездействуют. Чтобы поддержать темпы, в очередном году предстоит выпускать для счета еще больше машин, которые опять не будут производить продукции. Когда нет естественного роста, экономику приходится подгонять, подхлестывать. Тщетно! Перегруженная лошадь в гору вскачь не побежит.

Есть еще одна капитальная причина, по которой ускорение выдыхается. При росте номинальной зарплаты и одновременном сокращении удельного веса производства предметов потребления в общем объеме производства стремительно увеличиваются денежные сбережения — выплаты нечем отоварить. Вклады в сберкассах к началу 1988 года перевалили за 260 миллиардов рублей. Сколько хранится в чулках, мы не знаем, но, несомненно, общая сумма сбережений близка уже к годовому денежному

доходу населения, если не превысила его.

Это буквально подрезает крылья перестройке. Кому не понятно, поясню. За хорошую работу надо бы и платить много, а чем платить, когда и розданные на руки деньги не отоварены? Об этот камень споткнулся в свое время знаменитый щекинский метод. Суть его проста: где работали, скажем, четверо, там стали управляться трое, поделив меж собой ставку высвобожденного. Прибавка зарплаты с лихвой компенсировалась выпуском дополнительной продукции на каждого работника. Но какой продукции? Щекинский комбинат, например, выпускает удобрения, а они населению почти не продаются. На руки раздавали рубли, под которые требовались совсем другие товары, а их-то и не прибавлялось. Тогдашнему Госкомитету по труду не оставалось ничего другого, как пресекать неконтролируемый рост зарплаты у последователей щекинской инициативы. Прекрасное новшество было загублено.

Чтобы и с перестройкой такого не произошло, требуются глубокие структурные сдвиги в экономике: ее надо развернуть от работы на самое себя — к человеку, к его нуждам. Человек — конечная цель экономики, то солнце, вокруг которого она должна вертеться.

Давно назревшая структурная перестройка несовместима с дутыми темпами. Прекращение выпуска излишних, не используемых средств производства уже поведет к уменьшению суммарных приростов (но одновременно — к экономии ресурсов; я так думаю, что и к неисполнению наметок нынешней пятилетки надо отнестись спокойно — будем считать, что сберегли ресурсы, вместо того чтобы истратить их на выпуск ненужного). Расчеты показывают далее, что разворот в сторону производства предметов потребления займет довольно длительный период, в течение которого общий темп развития будет минимальным, а возможно, и минусовым. Однако другого решения нет. Или ускорение, понимаемое как взвинчивание объемов производства, или перестройка структуры экономики. Третьего не дано, так что выбирать все равно придется.

Предположение о неизбежном замедлении темпов я сделал, не имея еще статистического отчета за 1987 год. Теперь он есть. Прогноз, к сожалению, подтвердился: прирост национального дохода в 1987 году равен лишь 2,3 процента (годом раньше он составил 4,1 процента), промышленное производство увеличилось на 3,8 процента против 4,9 в предшествующем году. Собственная правота меня, конечно, не радует, но и паниковать нет причин: темпы — еще не все, у экономики есть более значимые параметры.

Начиная с 1983 года ускорение достигалось за счет использования ближайших резервов. На первых порах хорошую службу сослужило наведение элементарной дисциплины и порядка на производстве. Затем положительно сказалась на темпах развития борьба с пьянством (немалое и вполне реальное достижение периода перестройки! Каждая невыпитая рюмка — благо само по себе). Но такого рода факторы можно использовать единожды.

А дальше? Приведем простенький расчетец. Годовой фонд рабочего времени трудящегося — около двух тысяч часов. Легко понять, что одна сотая часть годового результата производится за 20 часов. Чтобы обеспечить годовой прирост на 4 процента, надо как-то выкроить 80 часов рабочего времени. Иначе говоря, за 1920 часов работник должен произвести столько продукции либо дохода, сколько получено за весь предыдущий год, тогда оставшиеся 80 часов он будет работать на прирост. Это удавалось не в последнюю очередь благодаря упомянутым разовым факторам.

Но если резервы, лежащие на поверхностн, мы слизнули, как дальше поддержнвать высокий темп? Какой еще резерв в нашем загашнике? Хотя соответствующие статнстические данные пока не публикуются, по жнвым наблюдениям смею утверждать: в 1986—1987 годах прнбавкн производства во многом объяснялнсь вульгарными переработкамн, то есть сверхурочным трудом. «Черные субботы» вошлн в наш быт. А нз только что приведенного расчета вндио: достаточно сделать десять суббот в году рабочнмн, как мы получнм добавочно 80 часов, потребные для хорошего прнроста. Но тогда, чтобы поддержать темпы, в очередном году надо работать еще десять лншних суббот, а всего уже двадцать. Так долго продолжаться не может — будет падать почасовая выработка, поскольку без нормального отдыха человеку трудно восстанавлнвать силы. Да ведь и вообще переработкн — не наша социальная политика.

Нужно включать постоянно действующие факторы высокопронзводительного труда — экономнческие ннтересы, внутренние позывы к спорой н доброкачествениой работе. Эту цель н преследуют начавшиеся в стране экономические реформы. На январском и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС определены контуры нового хозяйственного механизма. В государственном секторе нам предстонт ввестн пять крупных новшеств; сделав это, мы сможем сказать: радикальная реформа состоялась.

Первое — планирование производства снизу, по заказам потребителей, как оно н происходит в добротно работающих экономиках мира. Нужна заказчику та нли иная продукция — нщи, кто ее изготовит, заключай договор. Сумма договоров (портфель заказов) н станет программой производства, никакого другого плана ие нужно. Из прннятых к исполнению заказов в натуре просто и логично выводятся стоимостные, трудовые и прочне обобщающие показатели. Перемножьте цены на число изделий, суммируйте по всем заказам — получится выручка. Вычтнте нз стоимостного объема себестоимость — вы нмеете цифру будущей прибыли. Поделите ее на стоимость производственных фондов — выйдет уровень рентабельности. И так далее. Значит, не только натуру, ио н обобщающие показатели сверху планировать незачем.

В договорах конкретно указано, кому предназначена продукция. Следовательно, сверху делить ее между потребителями больше не требуется. На экономическом жаргоие это называется переходом от распределения продукции по фондам к свободной оптовой торговле. Таково второе новшество.

Третье — самофинансирование, нли, что то же, полный хозрасчет. Хозрасчет — это когда доходы больше расходов. До снх пор прн сопоставлении учитывались текущие производственные расходы, теперь в расчет берутся н затраты на расширенное воспроизводство. Проще говоря, казна, как правило, впредь не будет выделять денег иа строительство новых цехов, иа обновление оборудования — такие средства коллектив обязан заработать сам.

Четвертое — оптовые цены на продукцию в основном не назначаются, а устанавливаются по согласованию между изготовителем и потребителем.

Наконец, пятое — что работник будет иметь от всех новшеств? Рассчитались с казной за платные ресурсы, внесли налог на общие нужды — остальное ваше, решайте в коллективе сами, как им распорядиться. Свобода выбора тут н впредь будет ограничена, но не запретами, а объективными условиями. Раз производство не останавливается, первым делом надо наполнить фонд возмещения. Далее. По-

жадничали, не выделили средств на развитие и обновление производства — через считанные месяцы вашу дорогую и устаревшую продукцию, быть может, вообще не купят. Тогда и зарплату неоткуда взять. Нужно, таким образом, предоставить коллективам самостоятельность в использовании хозрасчетного дохода.

Такой механизм не чьи-то фантазии. Все пять основополагающих принципов прямо названы в новом Законе о государственном предприятии (объединении), принятом в июне 1987 года. Незадача, однако, в том, что эти прекрасные правила снабжены оговорками, отменяющими или по крайней мере ограничивающими их действие.

Естественно, закон вообще не мог работать без коренных изменений в сфере хозяйственного управления. Поэтому следом был принят целый пакет постановлений о перестройке экономических ведомств (Госплана, Госснаба, Минфина, Госкомитета по ценам и других), а также министерств. Вкупе с Законом о предприятии эти документы и составили новый хозяйственный механизм. С января 1988 года он введен на предприятиях, выпускающих 60 процентов всей промышленной продукции.

Понятно, лучше бы погодить с оценками, дождаться первых результатов работы по-новому, только нет у нас с вами времени ждать — его и без того потеряно слишком много. Достаточно, впрочем, проанализировать тексты новых хозяйственных правил, чтобы предсказать: особого эффекта они не дадут.

Раньше всего мы не обнаруживаем существенных перемен в планировании. Разумеется, в духе времени в документах немало сказано о самостоятельности предприятий при верстке производственных программ, о заказах потребителей как основе плана. Но тут же вводится институция государственных заказов, обязательных для исполнителей. Вообще говоря, без госзаказов не обойтись. Тонкость, однако, в том, что в директивном порядке следовало бы планировать продукцию, потребную не хозрасчетным предприятиям, а лишь бюджетным организациям (школам, больницам, армии и т. п.).

В самом деле, допустим, что на одну и ту же продукцию претендуют завод и профтехучилище. Завод надбавит цену и перехватит ее, училище же, средства которого жестко ограниченны, останется ни с чем. Торговаться и тут можно — пусть бюджетное учреждение ищет, кто на приемлемых условиях исполнит его заказ. А уж не нашли, не сторговались — тогда договор в приказном порядке. В этом случае государство могло бы так или иначе возмещать убытки, понесенные исполнителем. Экономисты давно посчитали: на первых порах под обязательные заказы достаточно отвести примерно четверть мощностей промышленности, а в дальнейшем их доля в программе станет еще меньше.

Однако эта доля в новых правилах не оговорена, и на подавляющем большинстве предприятий почти вся программа, заданная на 1988 год, состоит из государственных заказов. Выходит, производство в натуре как планировали сверху, так и планируют. Если кое-где и есть пока мизерный резерв под «вольную» продукцию, то я готов поставить ящик коньяку против бутылки боржоми: через год-два ни одного квадратного метра заводских площадей не останется для исполнения договорных заказов. Тем более что и сами предприятия не больно-то заинтересованы в самостоятельной верстке программы. Вспомним историю с лишними комбайнами. Обяжи сейчас комбайностроителей самостоятельно искать потребителя, они, вероятно, не загрузили бы и половины заводских мощностей. Худо ли им, когда Госагропром ра-

зом, на весь год выдает гигантский обязательный заказ. Куда потом деть ненужные машины? А это уж изготовителя не касается: заказали — платите. Аппарат агропрома сам денег не зарабатывает. Он может нажимать на колхозы и совхозы: оплачивайте технику, не в переплавку же ее отправлять. Если у потребителя средств нет, ему автоматически дадут кредит. Скорее всего это будет долг без отдачи — когданибудь его спишут. И тоже правильно: покупателю ведь буквально навязали ненужный товар. Словом, все правы, в виноватых ходит одна казна.

Когда производство в натуре жестко задано сверху, тем самым предрешены все обобщающие показатели плана. Не успокоившись на том, сфера управления и в новых условиях будет доводить до предприятий (и уже доводит!) контрольные цифры по объему производства в рублях, по прибыли, производительности труда и еще по четырем показателям. Разумеется, оговорено, что эти цифры вроде бы и не директивные. Моей фантазии, однако, не хватает, чтобы представить себе такую картину: по собственному варианту плана завод не вышел на контрольные цифры, а родимое министерство и местные власти с тем смирились. В жизни так не бывает.

Отчего все-таки сохранен прежний порядок планирования? Писать — так уж правду, всю правду, ничего, кроме правды. Думается, в разработке реформы нет полной определенности, как далеко мы готовы пойти в перестройке. В статье 2 Закона о государственном предприятии сказано: государственный план экономического и социального развития является важнейшим инструментом реализации экономической политики Коммунистической партии и Советского государства. Но государственный план — не пожелание, а закон, то есть приказной, административный прием управления экономикой. Если он служит важнейшим инструментом, то какова роль экономических методов воздействия на производство, которым вроде бы отдается предпочтение? В пакете постановлений из этих конкурирующих принципов определенно выбран первый. Мы толковали уже о производстве излишней продукции, о распылении ресурсов по бесконечному числу строек, об искажениях экономических пропорций. Все это, как известно, сделано по плану. И если плановое управление есть наше важнейшее преимущество, то невольно напрашивается мысль: значит, плановики дурно им распорядились, они никудышные работники. Однако я знаю многих не первый год и могу засвидетельствовать: пожалуй, большинство их — первоклассные знатоки своего дела, в конкретной экономике тайн для них нет.

Нам бы надо быть поосторожнее в суждениях о преимуществах. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин объяснил, например, мол, зарубежные монополисты скупают изобретения и кладут их под сукно (им невыгодно переналаживать производство), у нас же это немыслимо.

Бывали такие случаи? Бесспорно. Но теперь мы знаем, что не все новинки там консервируют, коекакую мелочишку все-таки применяют. У нас, как теперь признано, темпы технического прогресса ниже, чем в развитых странах. Опять выходит, будто наши конкуренты лучше использовали весьма ограниченные шансы, нежели мы свои безграничные возможности. Каковы тогда качества наших администраторов?

Надо четко различать, что в жизни произойдет обязательно, какие события только вероятны, а чего не будет никогда, сколько бы мер ни предпринималось.

Настало время инвентаризировать, в чем мы действительно имеем преимущества перед конкурирую-

щим общественным устройством, а в чем, если позволительно так выразиться, недонмущества. Жить среднн мифов, может, и уютио для душн, да как-то иекомфортно в других отиошениях.

В идее, в потенцин соцнализм действительио более подходящ для централнзоваииого управлеиия экономикой, н оно совершеиио необходимо, тут н вопроса иет. Но централнзм удобнее обеспечить не тотальным днректнвным плаинрованием, а нначе — косвенными, по преимуществу экоиомическнмн прнемами. Их широко используют в мире.

В любом случае, хоть у нас, хоть у их, государство является распорядителем огромных средств, получеииых в виде налогов илн иных поступленнй. Опернруя имн, удастся направлять развитие экономнкн в желательиую сторону. Можио иа определеииый срок уменьшнть н даже отменить налогн в казну с предприятий, исполняющнх те программы, которые государство поддерживает. Можно давать нм более дешевый кредит. Не нсключены безвозвратные дотацнн. Да мало ли примеров централнзоваииого регулирования? Благодаря им в США, Японин, Западиой Европе в управлении хозяйством больше реального централнзма, чем у нас. Прн формальиой диктатуре плана отечествеииая экономнка развнвается, в сущиости, анархично. Напомию, что последией исполненной пятнлеткой была восьмая, все следующне оказались иеудачнымн, прнчем степень невыполнення плаиов иарастала вплоть до двеиадцатой пятилетки. Фактическн мы потерялн контроль над событнямн.

Не так давно наделала шуму иебольшая статья Л. Попковой «Где пышиее пирогн?», иапечатанная в журиале «Новый мир». Автор доказывает, что плаи и рыиок несовместнмы, иадо выбирать либо то, лнбо другое (иельзя, мол, быть немножко беремеиной). Но суть-то дела не в том. Как мне представляется, вопрос поставлеи некоррсктио, автор сам себя загоияет в угол, предлагая выбор между плаиом и рыиком. В действнтельиости альтериатива нная: совместимо лн централнзованное управлеине экоиомнкой с рыночнымн регуляторами? Тогда ответ очевндеи: весь мировой опыт учнт, что эти вещн превосходио совмещаются и нанбольших успехов достнгают те экономикн, где найдеиа верная мера этого совмещения, где прнмеиены способы, обеспечнвающие реальиый централнзм.

В новом хозяйствеином механизме ни такой меры, ин таких способов, на мой взгляд, пока ие содержится. Тем самым предрешены и другие его нзъяиы. Когда всю программу производства в иатуре по-прежнему задают сверху, изготовнтели продукции вправе потребовать: раз вы указалн, что конкретио надо выпускать, так назовнте, кому мы обязаны поставить изделия, с кого получим деиьги за ннх. Тогда сохраияется в иеприкосновеииости система фондового распределеиия продукции, для свободиой оптовой торговлн просто не остается места, сколько бы слов в похвалу торговле нн содержал пакет документов о перестройке экономнкн.

Впрочем, о перестройке Госсиаба в пакете постаиовлений сказаио прямо: «Превратить... плаиы распределеиия продукцин в главный инструмеит оргаиизацнн материально-технического обеспечеиия в новых условиях хозяйствоваиия». Тут уж ии убавить, ни прнбавить — каждое слово будто на граиите высечено.

В духе старого доброго времени облюбоваиы практические приемы, которыми предполагается пресекать расточительство ресурсов. Адмиинстративиой сфере н предприятиям предписано «при разработке плаиов производства примеиеиие иаучио обосиоваииых иорм расхода материальиых ресурсов...». Задача

не нова: печально известное постановление № 695 (как уже помнилось, оно принято в 1979 году) тоже требовало разработки таких расходных норм. Из этой затеи ничего не вышло, да и не могло выйти.

История повторяется: опять понадобились научные нормы. Нереальность замысла еще и в том, что их придется ежегодно пересматривать, ужесточать, чтобы уменьшить расход ресурсов. Но больше всего поражает даже не утопичность затеи, а косность мышления: предполагается, будто люди станут бережливо хозяйствовать не в расчете на собственную выгоду, а потому, что экономить приказано. Трудно себе представить, чтобы, например, правительство Франции предписывало государственным заводам Рено, сколько никеля позволительно расходовать на один бампер автомашины. Да хоть платину используйте, только вот рынок не признает этих затрат общественно необходимыми. А у нас? В конце концов неудачи нас учат чему-то или не учат? Верим мы в экономические приемы управления или нет?

Но если в новой системе опять нет места для оптовой торговли, то автоматически отменяется и следующий принцип реформы — самофинансирование. Мало ли что предприятие заработало деньги на развитие производства и социальной сферы. Деньги — это цифра на банковском счету. Под них нужны цемент, металл, кирпич, оборудование и многое другое, а в вольной продаже ничего этого нет и, как мы убедились, не будет. Опять надо ждать, пока неведомо кто и неизвестно когда выделит фонды под заводские деньги. Получится самофинансирование по особому разрешению чиновников в каждом отдельном случае.

Источником самофинансирования служит прибыль предприятия. Но, к примеру, угольная промышленность сегодня убыточна в целом, и потому путь к новой системе хозяйствования ей вообще заказан. Неужто в этой отрасли трудятся сплошь недотепы, вгоняющие казну в убытки? Да нет же! Когда оптовые цены назначаются директивно, одним отраслям на роду написано быть убыточными, другим — высокорентабельными. Раз в 15—20 лет происходит пересмотр оптовых цен, выравнивающий уровень рентабельности отраслей. Цены на топливо, металл, древесину, электричество до очередного пересмотра остаются неизменными, тогда как техника быстро дорожает (по нашим расчетам, примерно на 30 процентов за пятилетие), что опять ведет к расслоению отраслей на убыточные и прибыльные.

В пакете постановлений предусмотрен внеочередной пересмотр оптовых цен в 1990 и 1991 годах, иначе перевод множества предприятий на новые условия работы в принципе невозможен. Однако польза от этой меры будет кратковременной — года через два-три предприятия снова окажутся в неравных условиях.

Законы экономики суровы: или работай, как надо, или разоряйся. Но покамест успех или неудача коллектива зависят не столько от того, хорошо или дурно люди хозяйствовали, а от другого: выгодная или невыгодная цена назначена на их продукцию. Единственный надежный способ определения цены — рынок, ничего лучше человечество не изобрело. Речь не идет, конечно, о гигантски увеличенном Тишинском рынке — имеется в виду установление цены на основную массу товаров по согласованию между изготовителем и потребителем. Между тем в новом хозяйственном механизме предусмотрено обратное — «усиление централизованных начал в управлении всем процессом ценообразования». Тогда конец хозрасчету. Сейчас много говорят об использовании закона стоимости, о переходе к товарному производству. Но в товарной модели столько,

так сказать, товарности, сколько в ней свободы ценообразования.

Наконец, о последнем, пятом фундаментальном принципе глубоких реформ — об экономических интересах работника. Предприятие, добросовестно рассчитавшееся с казной, отнюдь не получает права самостоятельно распоряжаться оставшимся доходом. На какие цели и сколько направить средств — это по-прежнему определяют свыше через уйму нормативов. Стало быть, заработки опять-таки будут зависеть не от результатов труда, а от того, выгодные или невыгодные нормативы удалось выхлопотать, выклянчить в верхах.

Таким образом, мы не обнаруживаем серьезных изменений в производственных отношениях. Нет их и в практических приемах управления производством, во взаимоотношениях министерств и предприятий. Да, самостоятельность предприятий прокламирована, права их оговорены законом. Но это материя тонкая, деликатная, малейшая непоследовательность законодателя способна превратить закон в пустую бумаженцию.

Сделаем небольшой экскурс в историю. На сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, как известно, решались два вопроса: об экономических реформах и о воссоздании министерств вместо совнархозов. На мой взгляд, не была счастливой сама идея одновременно проводить эти меры: внедрить экономические методы управления и тут же возрождать министерства, то есть органы, предназначенные для чисто административного, приказного руководства. Должно было победить что-то одно: или реформа вытеснит чиновников, или чиновники свернут шею реформе.

Коллизия проявилась уже в ходе Пленума. А. Н. Косыгин обрисовал довольно стройную новую систему хозяйствования. В ней содержались изъяны, я бы даже сказал, смертоносные гены, но для начала она была совсем неплоха, а там жизнь подсказала бы, что и как нужно поправить. Выступивший следом Л. И. Брежнев больше надеялся на министерства — они, мол, наведут порядок в народном хозяйстве. Ключевой тезис его речи таков: министерства несут всю полноту ответственности за обеспечение народного хозяйства продукцией по закрепленной за ними номенклатуре.

Но раньше, чем обеспечивать продукцией, ее надо изготовить. У себя в кабинетах администраторы товаров не делают. По логике вещей министерства отвечали и за производство, то есть за использование живого труда, материалов, оборудования, за качество изделий, короче говоря, за все сколько-нибудь значимые стороны производственной жизни. Ответственности без прав не бывает. Естественно, министерствам объективно понадобилась и вся сумма прав, отпущенных отрасли. Взять их можно было только у предприятий — больше неоткуда. Так и произошло. Принятое в ту пору Положение о предприятии (формально оно давало «низам» немалые права) так и осталось бумагой. Иначе и быть не могло. Ведь если одно и то же право дано и директору завода и министру, то вопрос решается принципиально: кто выше по должности, тот и прав.

Сегодня мы буква в букву повторяем старую ошибку. В пакете документов главной задачей министерств и ведомств названо «удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в высококачественной продукции, работах и услугах». И того чище: министерства «несут полную ответственность за безусловное удовлетворение требований потребителя по поставке необходимой для него продукции». Тогда предприятие ни за что уже не отвечает. Одних этих коротких формулировок вполне достаточно, чтобы отменить новый хозяйственный

мехаиизм вместе с Закоиом о предпрнятии. Бюрократы заложилн в мехаиизм мииу, которая иепременио взорвется.

Им бы ограничиться этим подвнгом, да только чииовиики — люди осиовательные. Оии предусмотрели ответствеиость мииистерств за научио-техиическую политику, качество продукции, уровень технологин производства, сроки создаиия новой техники, экономию ресурсов, нспользование вторнчиых ресурсов (мыслимо ли доверить предприятиям свалки?), за иезавышеиие цеи н себестоимостн, за использоваиие осиовиых фоидов и оборотных средств, за сроки строительства объектов и ввод нх в действие... Во всем остальном предприятня свободны, как птнцы.

Ныиешияя сфера хозяйственного руководства в перестройку не вписывается, ее просто иевозможио приспособить к новым условням. Вопрос стоит так: нлн иемощное всевластие администраторов и иензбежный развал экоиомики, нли перестройка с хорошими шаисами иа спасение...

Еслн мы сделаем это быстро, у иас остается еще иебольшой запас времеии — 1989 и 1990 годы,— чтобы провести глубокую экономическую реформу. Тогда в тринадцатую пятнлетку мы вступим, располагая работоспособным хозяйствеииым механизмом. Пятилетний плаи н способы его реализации связаны между собою намертво. Опоздаем с переменами — еще пятнлетне будет потеряно для перестройки. Не исключено, что при таком развитии событий реформы ие поиадобятся... Надо решаться иа перемеиы — время, отпущеииое нам исторней, истекает, счетчик включеи.

Е. Ясин

Доктор экономических наук,
зав. отделом ЦЭМИ АН СССР

Позиция в перестройке и цена компетентности

(Обзор экономической публицистики)[1]

Поток публнцистики велик, насыщеи богатейшнм жизиенным материалом, разнообразеи, иеоднородеи. Орнентироваться в нем иепросто. По характеру подннмаемых вопросов я бы выделил два основиых жанра. Первый нз них, ианболее массовый,— фактологическнй. Суть большииства отиосящихся к иему выступлеинй — сигиал, разбор конкретиых фактов, адресоваииый ответствеииым оргаиам прнзыв прииять меры и иаказать виновных. Этот жаир, естествеииый прежде всего для газеты, представляет огромиую цениость как средство общественного воздействия иа центры государствениого управления. Сегодия копнн газетных статей зачастую можио видеть в кабинетах самых высоких учреждений, их обсуждают иа коллегиях министерств и ведомств. Для ученого это богатейшнй источник информации. Одиако сама по себе

[1] Коммунист. 1988. № 12. Печатается с сокращениями.

нацелеииость иа коикретные факты н принятие мер, недостаток обобщенний сннжают снлу воздействия публикаций на общество.

Другой жанр — аналнтнческнй. Выступающие в нем авторы стараются нсследовать явлеиия н теиденцнн, донскнваются общнх прнчин нашнх проблем н бед. Это сегодня нанболее ннтересиый материал, на нем и остановнмся.

Судя по внешнпм прнзнакам, иалнцо прнвычное едннство: все выступают за перестройку, цнтнруют Леинна, ссылаются на партнйиые решення в доказательство своей правоты. Но иа деле это не так. Познцнн заннмаются разные, н можио говорнть об определенных лниях размежевання, о группировке снл, разлнчающихся отношеинем к перестройке.

В условнях демократнн иначе н быть не может: перестройка меняет устоявшееся соотношенне социальиых слоев, по-разному затрагнвает их ннтересы, а гласность дает возможность защнщать их на страницах печатн. Не нужно нового искусственного единодушня, отличного от прежнего только тем, что теперь подавлялнсь бы другне взгляды. Здоровье общества н экономики во многом завнснт от открытого обсуждеиня проблем, столкновення миеинй, чтобы результатом была победа нанболее жнзнеспособиых идей, а не пораженне тех нлн ниых людей. Но плодотворная днскуссня требует определенных условнй, прежде всего осиовательности сужденнй, умення выслушать оппонеита и отвечать по существу. Увы, сегодия этн требовання соблюдаются далеко не всегда.

Сосредоточимся на теме, иаиболее ожнвлеино обсуждаемой: ее можио определнть ключевыми словами: плаи, рыиок, бюрократия. Радикальная экоиомнческая реформа вновь сделала ее остроактуальной. Новую фазу в днскуссни открыл А. Стреляный статьей «Прнход и расход» (Знамя. 1986. № 6). Следом за ией на страиицы журиалов прншлн «кавалеристы» и «купцы», социалнзм чувства и соцналнзм мыслн. Это эиергнчное н доказательное выступление в пользу рынка при соцналнзме, в пользу прнзиания иа деле объектнвности экономических закоиов определнло одиу из позиций в споре.

Рынок рассматривается не как протнвовес плаиу, а как иеобходнмый итог сиятия ограиичеинй, мешающих подкреплеиию социалнстнческих ндеалов материальным достатком.

Раднкальность ныиешней реформы состоит в том, что речь ндет не о совершенствованин еднпствеино правнльиой модели, но о ее смеие. За различиями позицнй н аргументов стоят две разиые моделн соцналнстнческой экономикн. Н. Шмелев обозначил нх поиятнямн «административный» н «хозрасчетиый социализм» («Аваисы н долги»// Новый мнр. 1987. № 6). Его статья привлекла винмаине резкнм осуждеинем сложнвшейся снстемы управлеиня экоиомнкой, которая противоречнт объектнвным экономнческим закоиам, подрывает «складывавшнеся векамн, отвечающне прнроде человека стимулы к труду...» (с. 144). Автор ие побоялся откровеиио выразнть свое миеине по миогнм еще вчера запретиым вопросам. Коикуренцню, которую мы долго клеймнлн, ои иазвал объектнвиым условнем, «без соблюдеиня которого нн одиа экоиомнческая снстема ие может быть жнзиеспособной...» (с. 154). Одинм из первых прнзвал преодолеть предрассудкн относительио акциоиерной формы собственности. Подобные суждения у миогих вызвалн внутреннее, порой иеосознаииое сопротивление уже самнм своим протнвостояннем утвердившнмся взглядам, показалнсь потрясеинем осиов. Но сегодия без этого, иавериое, ие обойтнсь. Спориые суждеиня нынче должиы ценяться выше, чем прн-

вычные, неспособные будить мысли и чувства.

Но, рисуя крупными мазками масштабную картину, Н. Шмелев порой не может избежать излишних упрощений, приблизительности некоторых высказываний, причем по вопросам немаловажным.

Например, нэп выглядит у него неким идеалом, «утраченным раем», а система, пришедшая ему на смену, кажется случайным капризом злого гения, придуманной в кабинетах аномалией. При всей справедливости критики в ее адрес все же, думается, дело обстоит не так просто. У системы есть корни, весьма глубоко уходящие и в отечественную историю, и в традиции социалистической мысли. Есть в ней своя логика. Иначе трудно понять и сам факт ее появления, и живучесть, и трудности преодоления. Это хорошо показали И. Клямкин («Какая улица ведет к храму?» //Новый мир. 1987. № 11), М. Капустин («От какого наследства мы отказываемся?» //Октябрь. 1988. № 4, 5) и некоторые другие авторы.

Н. Шмелев утверждает, что прибыль — лучший из найденных человечеством критериев эффективности, и предлагает не «придумывать в кабинетах искусственные показатели вроде условно чистой продукции» (с. 152). Закон о предприятии предусматривает две модели хозрасчета. Во второй из них фонд оплаты труда определяется как остаток после вычета из доходов коллектива всех прочих платежей и отчислений. Прибыли, как таковой, в этой модели нет. Применение же ее на практике дает отличные результаты, и многие доказывают, что именно она наиболее перспективна для хозрасчетного социализма. Вопрос далеко не технический. По сути, речь идет о том, удастся ли найти вариант экономической системы, в которой устранение отчуждения человека от средств производства создавало бы достаточно сильные стимулы трудовой и хозяйственной активности. Или же необходимо противопоставление социальных сил, стоящих за категориями «заработная плата» и «прибыль»? Новая категория «хозрасчетного дохода» заставляет задуматься, в каком варианте больше социализма: когда оплата труда рассматривается как издержки, или как доля в доходе, или как остаток дохода после расчетов по всем обязательствам?

Как же соотносится хозрасчетный социализм с планом? В статье В. Попова, Н. Шмелева «Анатомия дефицита» (Знамя. 1988. № 5) подвергаются сравнительному анализу разные механизмы регулирования пропорций — рынок, директивное и индикативное планирование. Авторы приводят интересные доводы в пользу того, что без рынка не будет эффективного планирования, хотя в то же время современный рынок нуждается в планомерном регулировании. Подобные взгляды развивались в 20-х годах сторонниками так называемого генетического подхода в планировании, активными участниками разработки плана первой пятилетки. Увы, и взгляды эти, и их авторы были осуждены в манере того сурового времени.

А что же говорят оппоненты? Сегодня мало их прямых выступлений, а к публикациям доапрельского периода обращаться не хочется: авторы могли перестроиться. Впрочем, вот подходящий пример. В «Нашем современнике» (1987. № 12) А. Очкин опубликовал экономический репортаж по материалам Всесоюзного совещания по ценообразованию под названием «Нагуляет» ли цена прибыль?». Позиция автора недвусмысленна: «хозрасчетный социализм» Шмелева допускает такие явления, как конкуренция, свободный рынок, безработица и стремление к максимальной прибыли. А это «не что иное, как реанимация капиталистических отношений» (с. 160). А. Оч-

ки солидарен с выступившим на совещании М. Поповым во мнении, что ныне централизованное планирование утрачивает свою роль и мы вместе с тем теряем важнейшее преимущество социализма. Что же делать? Это тоже ясно: взамен всех новаций поставить на ноги пятилетние планы. «А то ведь мы утверждаем пятилетние планы в лучшем случае в середине, а то, как правило, и в конце первого года пятилетки». Навести порядок — таков в общем простой рецепт. А почему до сих пор это не получалось, есть ли какие причины, кроме слабой дисциплины? Да, это помехи, которые чинят сторонники экономических методов! Некоторые группы населения, коллективы, видите ли, преследуют свои корыстные интересы, стремятся ослабить приоритет интересов общественных. Значит, надо поддержать только те интересы, которые «подлинно социалистические». А какие это? И как их надо поддерживать? Видимо, не считаясь с интересами, которые «не соответствуют», что и делалось до сих пор весьма успешно.

Позиция простая и открытая, благодаря чему ее и оценить можно прямо: догматизм, откровенно противопоставленный задачам перестройки. Однако она требует внимания, поскольку выражает разделяемые многими опасения за судьбу социализма. Не угрожают ли ему предлагаемые реформы? Вопрос на самом деле серьезный.

Но Л. Попкова («Где пышнее пироги?»//Новый мир. 1987. № 5) берется ответить на него однозначно. «...Социализм, и это мое глубокое убеждение, несовместим с рынком по сути своей, по замыслам своих создателей...» — пишет она (с. 239).

Выходит, что всякое отступление от сложившегося у нас «административного социализма» оказывается отказом от социализма вообще. Но социализм, к счастью, не просто плод мысли гениальных творцов, но реальный общественный строй, который развивается по собственным объективным законам. Они и подвели нас сегодня к ломке устаревших механизмов и взглядов. Диалектика предсказывает возможное сходство возникающих заново форм с теми, которые на предыдущем этапе отрицались. Доктринеров это может напугать.

Впрочем, не будем торопиться. Нет ли третьего пути? Оказывается, его знает М. Антонов, новое заметное явление публицистики, статьи которого охотно публикуют «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Литературная Россия», «Социалистическая индустрия» и другие издания. Он уверенно заявляет: «баталии «купцов» с «кавалеристами» — это борьба вчерашнего дня с позавчерашним» (Октябрь. 1987. № 8. С. 13). Теперь, когда всем ясна несостоятельность командных методов, а рынок тоже вызывает опасения, к такого рода заявлениям люди прислушиваются.

«Кавалеристов» М. Антонов просто клеймит, полагая ненужными какие-либо комментарии. А что инкриминируется «купцам»? Прежде всего признание ими экономических методов управления, материальной заинтересованности. И здесь автор не жалеет слов, ибо убежден в том, что тем самым подрываются нравственные устои. Академик А. Аганбегян высказывает предположение, что от работника культуры с окладом 130 рублей нельзя ожидать трудового подвига. М. Антонова это раздражает. Нет, он вроде бы не против увеличения их зарплаты, но решительно подчеркивает, что именно среди этих работников ныне особенно много подвижников. А стоит удовлетворить наши самые элементарные потребности, пишет он, и «все увидят, как мало значат для нас материальные стимулы...» (Москва.

1988. № 3. С. 18). Утверждают, что распределение по труду только тогда удастся реализовать и тем самым создать действенные стимулы, отвечающие природе социализма, когда на заработанные деньги можно будет свободно купить квартиру, автомобиль и даже вложить личные средства в развитие предприятий. Ведь мы стремимся сделать работника хозяином общественного достояния. Но М. Антонов сурово осуждает, причем от имени всего народа, все ясно: бедным — ничего, богатым — все. «В этом ли должен заключаться социализм — общество социального равенства?» (с. 17). И тут же утверждает: я не за уравниловку. А как же тогда расценивать процитированное заявление?

Как же глубоко укоренилась у нас идея «равенства всех в нищете», допускающая отклонения лишь от и до! Стоит напомнить ее поборникам слова Ф. Энгельса о том, что для пролетариата равенство состоит в требовании уничтожения классов, а «всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости»[1]. Социализм должен прежде всего обеспечить материальное благосостояние и достойную жизнь всем трудящимся. И социальное равенство нужно такое, которое этому содействует, а не мешает.

У М. Антонова своеобразные, скажем так, приемы доказательства. Например, А. Аганбегяну, который считает первоочередной задачей насыщение рынка товарами, чтобы каждый рубль ими был обеспечен, он противопоставляет известного председателя колхоза М. Вагина. На каком основании? Оказывается, М. Вагин говорил, что деревня перенасыщена деньгами, что многие и не стремятся их зарабатывать. Вот, торжествует М. Антонов, человек от сохи, а знает, что не в деньгах счастье, не то что академик, подсовывающий нам порочную модель «экономического человека». Неискушенный читатель, быть может, и не заметит здесь подмены. А на деле-то Вагин и Аганбегян говорят об одном и том же: это нынешний рубль не стимулирует, надо сделать его полновесным, чтобы был смысл его зарабатывать, то есть нечто прямо противоположное М. Антонову. Однако подобных аргументов ему кажется достаточно, чтобы публично назвать А. Аганбегяна противником перестройки, представителем «отсталых теоретических воззрений», обвинить его в «экономизме» (Москва. 1988. № 3. С. 19). О каком «экономизме» идет речь? Да о том самом, утверждает М. Антонов, который еще В. И. Ленин критиковал как течение в рабочем движении. Что общего между тем «экономизмом» и нынешней поддержкой экономических методов управления, какие основания их связывать? Похоже, что никаких, кроме желания прикрыться авторитетом Ленина в своих «разоблачениях».

Еще один образчик подобных приемов — критика Антоновым политической экономии. Не подумайте, что социализма, где, казалось бы, есть что критиковать. Нет, классической. Она, как считает наш критик, могла зародиться лишь в меркантильной Европе, но не на Руси, где духовные ценности всегда почитались выше материальных. Русскому человеку, дескать, от природы чужды купеческие идеалы, а посему нам нужна своя, национальная политэкономия. Знакомые по печально известному письму Н. Андреевой мотивы генетической предопределенности!

Позитивная программа третьего пути, по М. Антонову, включает три основных пункта: самоуправление, цивилизованный кооператор, выдвижение на первый план социальных задач и нравственных

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 108.

идеалов. Слова все хорошие, но что за ними? Если разобраться, ничего. Впрочем, не будем голословны.

Самоуправление нужно М. Антонову как альтернатива рынку, саморегулированию экономики, которое расценивается как свидетельство «несостоятельности» людей при капитализме. «Нам же нужна не саморегулирующаяся экономика, а самоуправляющееся общество, в котором экономикой управляют люди» (Москва. 1988. № 3. С. 20).

Я внимательно прочитал много статей М. Антонова, силясь понять, как же мыслится организовать самоуправление экономикой в масштабе общества. Увы, об этом ни слова. Есть превознесение кооператива, артели. Но ведь много артелей — еще не общество. Сегодня все за кооперацию, по крайней мере на словах. Вопрос в другом: составляет ли она альтернативу плану и рынку? Об этом идет спор. Суть проблемы: есть множество по-разному организованных ячеек производства; государственные предприятия и кооперативы — их разновидности. Между ними в какой-то форме должна быть налажена общественная связь, обеспечивающая координацию их деятельности, обмен продуктами и т. д. Одна из таких исторически сложившихся форм — рынок, товарное хозяйство. Другая, в создании которой мы имеем мировой приоритет,— план, пока понимаемый в основном в духе разверстки натуральных заданий и дележа ресурсов. Возможны сочетания этих форм. Но правомерно ли сказать, что кооперация — третья в их ряду? Да ни в коем случае! Кооперация предполагает прежде всего самостоятельность, прямые связи равноправных партнеров, значит, рынок.

Сколько же можно внушать нравственные ценности вопреки законам экономики? Маркс четко проводил мысль, что *«идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»*[1]. Ленин настаивал, что «нужна не святость, а *умение* вести дело»[2]. Об этом забывать нельзя. Сегодня большой спрос на мораль, доброту, милосердие; их у нас, может быть, самый большой дефицит. Но тем опасней и, я бы сказал, безнравственней противопоставлять их экономическим методам хозяйствования, материальным интересам.

М. Антонов старается отмежеваться от «кавалеристов», от бюрократического централизма. Но вот третий пункт его программы. Как предлагается решать социальные задачи и укреплять нравственность? Во-первых, установить приоритет политических и социальных задач над экономическими. Замечу, что под лозунгом приоритета политики над экономикой уже много лет скрывается волюнтаризм, безответственность и неэффективность. Но пойдем дальше. Во-вторых, надо спустить предприятиям задания не только по выпуску продукции и прибыли, но и по вкладу в повышение качества жизни трудового коллектива и населенного пункта. Неужели столь уважаемому публицисту не известно, что они давно спускались и министерствами и райкомами! Только качество жизни от этого не повышалось. Получается, что за красивыми словами о самоуправлении стоят все те же административные методы.

Стоит ли уделять этому столько внимания? Стоит. К сожалению, на общественное мнение влияет не только сила аргументов. Легковесные идеи в яркой словесной упаковке могут быть опасны, если апеллируют не к логике, а к эмоциям публики, настраивая ее против жизненно необходимых преобразований.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 89.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 88.

Если по поводу рынка, как мы видели, есть разногласия, то бюрократизм ныне осуждается вполне единодушно. Однако внимательный слух различает в хоре разоблачений, в содержании предлагаемых мер весьма несходные мотивы.

А. Бузгалин и А. Колганов, например, решительно противопоставляют бюрократизму самоуправление. Не конкурирующие покупатели, а объединения потребителей, планомерно контролирующие и регулирующие обмен и производство. И предостережение: рынок не поможет в борьбе с бюрократией, ибо из министерств и ведомств она переместится на предприятия, где мы получим нарастание «технико-менеджерских тенденций» и новую, «умную, культурную, экономически более грамотную бюрократию», которая тем самым только усилится и будет вновь стоять над массами (Соц. инд. 1988. 9 апр.).

Еще один важный заход в теме преодоления бюрократии делает В. Кузьмин («Аппаратные излишества»// Сов. Россия. 1988. 31 марта). Во-первых, он утверждает, что на начало 1986 года в органах управления было 32,6 миллиона «занятых должностей». Это действительно очень много, хотя бы потому, что, по официальной статистике, а в данном случае, по-моему, нет оснований ей не верить, у нас 18 миллионов управленцев, из них большая часть — не в органах управления, а на предприятиях. Если не трактовать термин «занятые должности» как-то так, что две-три должности может занимать один человек, то автор должен объяснить, откуда он взял эту жуткую цифру. Объяснений, понятно, в статье нет, но впечатление произведено: читатель готов к любым решительным мерам по сокращению аппарата. Посмотрим, однако, что предлагается. А предлагается строить аппарат на основе науки организационного управления, то есть четко определять функции каждого органа, необходимую для этого информацию, соответствующую структуру, вводить показатели эффективности и кадры подбирать так, чтобы они наилучшим образом выполняли свои функции. Более того, поскольку специфического в работе каждого органа, как считает автор, гораздо меньше, чем сходного, а именно ссылками на специфику оправдывают штатные излишества, то нужно тщательно классифицировать объекты и функции управления, разработать и утвердить стандарты на них. Далее, «самый неотложный шаг» — паспортизация предприятий, ибо без этого невозможно объективно оценить их потенциал, а без знания потенциала как их переводить на хозрасчет? Прочитаешь все это и задумаешься: а ведь для всей этой работы — классификации, стандартизации, паспортизации и «объективной оценки»,— пожалуй, 32,6 миллиона должностей не хватит.

В этих предложениях настораживает то, что они почему-то никак на деле не затрагивают позиции бюрократии, а, напротив, уводят ее из-под удара. Давайте задумаемся. Нужна ли нам рациональная организация управления? Безусловно. Но если кто-то полагает, что задача состоит в том, чтобы, сохранив в целости всю нынешнюю управленческую иерархию сверху донизу, рационализовать ее, то он глубоко ошибается: это равносильно борьбе с бюрократизмом посредством усиления бюрократизма. Бюрократизм — это шаблон, противодействие разнообразию — источнику всякого движения. В. Кузьмин же нам предлагает всюду внедрять шаблон.

Конечно, сокращение аппарата самим аппаратом не воспринимается как благо. Но ведь сокращают не тех, кто по своему положению может «стоять над массами». Сокращения мало, нужно, как заметил

А. Друзенко, «превращение аппарата» (Известия. 1988. 13 апр.). И там же Г. Лисичкин напомнил не без оснований, что любое дело требует профессионализма и управление нуждается в квалифицированных специалистах. Обзывать их всех бюрократами и пугать тем, что, став умными и грамотными, они будут еще опасней, значит выступать не против бюрократии, а против рационального управления. А это — дело безнадежное и потому бюрократии не угрожающее.

Да, рынок потребует, чтобы на предприятиях были культурные и энергичные менеджеры. Но бить сегодня тревогу по поводу исходящей от их угрозы — значит, на мой взгляд, отвлекать внимание от нынешнего, экономически малограмотного, но владеющего аппаратным искусством бюрократа. Администратор на предприятии, испытывающий давление, с одной стороны, рынка, а с другой — трудового коллектива, вряд ли может стать бюрократом в точном смысле этого слова, ибо он вынужден считаться с этими силами. Бюрократом он становится, если его благополучие зависит не от потребителя и рабочего, а от начальства, и только от него.

Чтобы самоуправление стало реальным рычагом демократизации хозяйственной жизни, необходимы, по моему мнению, определенные условия, которые создают действительную заинтересованность всех работников в результатах труда коллектива и особенно интерес к долгосрочным результатам, к развитию производства на современной технической базе. Рынок в сочетании с экономическими методами централизованного управления — одно из таких условий, но никак не альтернатива.

Есть, однако, и иные примеры анализа проблемы бюрократизма. Небольшая рецензия Г. Попова на роман А. Бека «Новое назначение» (Наука и жизнь. 1987. № 4) оказала огромное влияние на общественную мысль во всей стране. Объяснение простое: статья не только доступно, но и глубоко, я бы сказал, на уровне научного достижения ответила на вопросы, которые волнуют каждого. Впервые в наш оборот было введено понятие административной системы и дано ее определение как системы конкретного, натурального руководства из центра, доходящего посредством иерархии административного подчинения до самого низа — цехов, агрегатов, рабочих мест. Ее принципы — рациональная организация, единоначалие, формальность отношений, строжайшая дисциплина, основанная на «подсистеме страха». Суть ее — присвоение власти без ответственности перед управляемыми, без контроля с их стороны.

Замечательно показана административная система в очерке И. Васильева «Обретем голос — станем гражданами» (Наш современник. 1987. № 6). Это серьезное социально-экономическое исследование бюрократической работы на показатель, который превращается в «приукрашенную, наиболее удобную и выгодную «управителю» меру» (с. 119). Тонко подмечен образ «сельской конторы», близ которой для удобства начальника собраны все службы вплоть до медицины, чтобы в случае команды всех можно было оперативно бросить на ее выполнение. Важно, что автор раскрыл, как в работу этой машины оказались втянуты партийные органы, почему они управляют, вместо того чтобы направлять. Втягивая в свои структуры партию, административная система толкает ее к бюрократизации, к ослаблению ее роли политического авангарда.

Бюрократия — это власть отнюдь не политического руководства, стоящего у вершины пирамиды, но аппарата самой системы, которая

стремится выдвигать лидеров и навязывать угодные ей решения, а если это не удается, то саботирует исполнение тех решений, которые не в ее интересах, извращает их смысл. Это не злая воля отдельных лиц, это закон системы, навязывающий им шаблоны поведения в соответствии с их ролями. Создатель системы, Хозяин, с помощью «подсистемы страха» еще как-то держал ее в повиновении. Но затем, особенно в годы застоя, она продемонстрировала все, на что способна. С. Андреев («Причины и следствия»// Урал. 1988. № 1) показал, как срывалось одно за другим выполнение важнейших партийно-правительственных постановлений, как они забывались и никто не отвечал за их провал и как затем вновь принимались постановления по тем же вопросам и с тем же исходом. Зато решения о ведомственных привилегиях, создании новых органов и выделении им ресурсов выполнялись быстро и беспрекословно.

Но такая узурпация власти неизбежно подрывает демократические основы социализма, ведет к отчуждению от формально принадлежащих всем средств производства, к ослаблению хозяйственной активности. Следствия — деформации социализма, застой, неумолимое сползание к кризису. И. Клямкин задается естественным вопросом: почему периодически усиливаются то экономические, то административные методы? Если история идет такими циклами, то, быть может, пора повнимательней присмотреться к ним?

Объяснение, по-моему, простое: жизнь заставляла считаться с фактами, толкала к признанию объективных экономических законов. Но всякий раз движение в этом направлении ущемляло интересы бюрократии, и она находила способы повернуть дело вспять. Поскольку сама административная система до сих пор никогда не ставилась под сомнение, никогда не проводилась разница между ней и социализмом, все реформы, как отмечает Г. Попов, ставили задачу лишь реформировать, улучшить ее. Тем самым сохранялась и экономическая основа позиций бюрократии. И только на XXVII съезде впервые встал вопрос — не подправлять, а заменить.

Убежден, что дилеммы «план или рынок» не существует. Разрывая иерархию подчинения, заменяя ее сетью горизонтальных связей между равноправными партнерами, рынок, так же как демократия и самоуправление, противостоит не плану, но административной системе, которая лишь прикрывается планом и идеалами социализма.

Да, формирование социалистического рынка, нахождение совместимых с ним методов планирования — дело непростое. Надо учесть не только плюсы, но и минусы рыночного механизма, принять во внимание сомнения тех, кто напоминает, что рынок — это социальный институт, диктующий людям определенные ценности и ориентации, что у нас связанные с ним исторические традиции практически полностью отсутствуют. Новая хозяйственная система затрагивает основы национального бытия, в силу чего поспешность в ее формировании, забегание вперед могут вызывать сопротивление отнюдь не только бюрократов.

Все это так. Но ни один критик не предлагает реальной альтернативы. Трудность задачи лишь подчеркивает масштабность и подлинно революционный характер процессов перестройки. И теперь пришло время переходить от общих дискуссий о плане и рынке к исследованию их подлинно социалистической сущности, к механизмам их сочетания на практике в ходе экономической реформы.

Одна из немногих пока попыток осмысления хода реформы предпринята Н. Шмелевым («Новые

тревоги»//Новый мир. 1988. №4). Ситуация весьма сложная: налицо сопротивление переменам, улучшения малозаметны, и все это подрывает веру в эффективность предложенной программы реформ, не позволяет одолеть апатию. Основная мысль автора: «нужен успех, видимый успех» не когда-то, а уже в ближайшее время. Складывающиеся же тенденции не очень обнадеживают. Поэтому он ищет более решительные меры, такие, в частности, как полное прекращение администрирования в сельском хозяйстве, снятие с него всех заданий и ограничений, развитие кооперации, аренды, регулируемой одним только прогрессивным налогом, в расчете на то, что у нас найдется достаточно «архангельских мужиков», чтобы быстро продвинуть решение продовольственной проблемы. Подобные суждения высказываются многими, и в них немало справедливого. Однако нельзя закрывать глаза на то, что процесс перехода от административного контроля к рыночному регулированию может сопровождаться и снижением объема производства. Ведь настоящий рынок — с устоявшейся, организованной системой связей, конкуренцией и в то же время сотрудничеством, подталкиваемыми экономическими стимулами,— еще предстоит формировать. Трудный процесс, сопряженный с риском. Предложения, направленные на отказ от погони за темпами количественного роста, активизацию внешнеэкономических связей, быстрое развитие внутреннего кредитного рынка, представляются весьма своевременными. И все же понятное стремление автора предложить радикальные меры, ведущие к быстрому успеху, характерное, кстати, не только для него, порой ведет к недооценке сложности реальных проблем, к облегченному их изображению.

Конечно, можно в известных обстоятельствах использовать иностранные кредиты. Внешняя задолженность не должна вызывать безотчетные опасения. Но надо трезво смотреть на вещи, оценить бремя, которое способна вынести наша экономика в ее нынешнем состоянии.

Подвергается справедливой критике установление высоких нормативов отчислений в бюджет от прибыли, особенно в легкой промышленности. Но ведь и те, кто имеет более выгодные нормативы, а таких тоже немало, не могут использовать заработанные средства. Обостряется дефицит почти всех производственных ресурсов.

Высока доля госзаказа, и это сводит на нет самостоятельность предприятий, выхолащивает суть закона, призванного стать фундаментом реформы. В 1989 году мы должны уменьшить эту долю. Каков будет эффект? Не надо гадать: уже имеющийся опыт позволяет предвидеть, что по многим позициям, не вошедшим в госзаказ, начнется снижение производства. Ведь стимулы еще работают слабо.

Выход усматривается в применении договорных и свободно устанавливаемых цен. Это позволило бы стимулировать увеличение производства пользующейся спросом продукции. Но темпы роста цен трудно даже предвидеть. А ведь за оптовыми ценами стоят розничные, доходы населения, дотации, компенсации — запутанный клубок, который надо распутать так, чтобы не порвать нить.

Дело не в том, чтобы замедлить преобразования. Меры необходимы последовательные и решительные, но в нужном месте и семь раз отмеренные. Беда наша в том, что мы порой не очень хорошо знаем, к чему приложить решительность и энергию, каково то звено, за которое надо ухватиться.

И нормативы, и госзаказ, и цены — все упирается в проблему материально-финансовой сбалансированности. Дефицит — лишь

другое ее наименование. А он обусловлен не только недостатком продуктов, но прежде всего разрывом между массой денег в обороте и объемом обеспечивающих их ресурсов. При несбалансированности новый механизм хозяйствования, экономические стимулы не будут работать, ибо они нуждаются в полновесном рубле. А для этого надо перекрыть все каналы поступления в оборот излишних денег, в том числе значительно урезать государственные расходы, в первую очередь на многочисленные неэффективные проекты; не расходовать ресурсы на выпуск продукции ради плана, темпов или поддержания прогорающих предприятий, пойти на закрытие части из них, прекратить выплачивать незаработанную зарплату, даже если многие привыкли считать её заработанной. Практически каждый должен на себе, на своем кармане почувствовать: надо прибавить в работе. И не молчать, если кто-то рядом дезорганизует общий труд своей безответственностью, халатностью, неумелостью. Ведь это не просто экономическая, но и серьезная социально-политическая проблема. Но пока наша публицистика ее почти не затронула.

Сегодня уже мало объяснять «анатомию дефицита», надо в полный голос обсуждать методы лечения этой патологии, и не только щадящие, но и требующие мобилизации всех защитных сил организма. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение о программе финансового оздоровления народного хозяйства. Пора бы уже представить ее на широкое обсуждение.

Да, видимый, ощутимый успех нужен, особенно в насыщении потребительского рынка. Многие сегодня обеспокоены и состоянием магазинов, и устойчивостью собственных доходов. Поэтому внимание привлекают предложения В. Селюнина (Знамя. 1988. № 7) повысить долю фонда потребления, пожертвовать накоплением и темпами роста, которые оно сулит. Доводы серьезные, и, надо надеяться, наши планирующие органы примут в расчет все ценное.

Однако совершенно справедливое положение можно сделать уязвимым, если недостаточно строго подходить к подбору аргументов, фактических данных, которыми оно обосновывается.

Дело не только в точности вычислений. На самом деле центр тяжести и основной пафос статьи В. Селюнина — выступление против «самоедской экономики», то есть производства ради производства. Это очень важная и актуальная идея. Повернуть экономику к нуждам человека — настоятельнейшая задача. Однако не стоит ее упрощать, от этого решение не станет легче. Административная система за много лет сформировала адекватную себе структуру экономики, одно из свойств которой — пренебрежение к потребителю, приоритет производства первичных ресурсов перед эффективностью их использования. Ресурсы идут не столько на накопление, сколько на покрытие неоправданных расходов. Об этом же говорят и все примеры, приведенные в статье. Вспомним: опережающий рост группы «Б» планировался едва ли не каждую пятилетку, начиная с восьмой. А фактически всегда впереди оказывалась группа «А». И сейчас история повторяется. Почему? Да потому, что этому способствуют и «тяжелая» структура народного хозяйства, и вся система организационно-экономических отношений. Сломать их, преодолеть инерцию и должна радикальная реформа вместе с технической реконструкцией общественного производства. Но на это нужно время. К сожалению, легких решений нет. А в чем В. Селюнин, на мой взгляд, абсолютно прав, так в том, что нам не нужны темпы ради

темпов и любой ценой. 25 процентов накопления для современной советской экономики тоже слишком много. В индустриально развитых странах этот показатель редко превышает 20 процентов.

Для решения проблемы сбалансированности, стимулирования производства, удовлетворения платежеспособного спроса огромное значение имеют цены. Судьба экономической реформы в целом во многом зависит от ее ключевого звена — реформы цен. В отличие от некоторых других проблем нынешнего переходного периода ценообразование обсуждается оживленно. Особенно розничные цены. И это естественно: цены и доходы — вопрос, волнующий каждого.

Мнения разделились. Сторонники повышения цен на продовольствие резонно указывают, что они должны гибко отражать соотношение спроса и предложения. Нетерпимо положение, когда прирост производства мяса, которого всюду не хватает, неуклонно расширяет брешь в госбюджете. Их оппоненты выдвигают весьма разнокалиберные доводы. А. Очкин, например, ограничивается тем, что низкие цены на продукты питания — одно из наших преимуществ, которое «ни в коем случае нельзя утрачивать» (Наш современник. 1987. № 12. С. 157).

Традиционный набор нехитрых идей демонстрирует и Б. Куликов («Как же вести дом?»//Наш современник. 1988. № 7). Первое — ставится знак равенства между реформой ценообразования и механическим изменением ценовых прейскурантов. Отсюда категорический вывод, что это никогда и нигде не спасало положения. Тут сразу и подмена тезиса, и априорная истина в последней инстанции. Второе — денежная компенсация есть лишь замена одних дотаций другими. Опять-таки цифровое равенство сумм затмевает различие экономического воздействия. Это в принципе неверно. Вопрос в том, как компенсировать. Рост зарплаты тоже компенсация, как и повышение пенсий и пособий. Третье — все реформы ничего не дадут, если положиться на стихию рынка, пренебрегать истинной марксистско-ленинской политэкономией. То есть опять либо план, либо рынок.

Есть и радикальная линия. Известный публицист А. Нуйкин выступил недавно и по проблеме цен (Огонек. 1988. № 22). Его основная мысль такова: нужна радикальная реформа хозяйственной системы, которая снизила бы затраты; повышение же цен в нынешних условиях не приведет к росту производства, как не приводило и ранее, и будет на руку только бюрократам и бездельникам. Опасения А. Нуйкина справедливы, и их разделяют многие. Однако, берясь за такую деликатную тему, как цены, хорошо бы гражданский пафос дополнить знанием сути проблемы.

Так, автор решительно высказывается против повышения цен на первичные ресурсы и осуждает тех ученых, которые на этом настаивают. Но тем самым под защиту берется бесплатность природных ресурсов, ведущая к их хищническому использованию. А ведь платность ресурсов — один из важных принципов хозрасчетного социализма.

А. Нуйкин считает, что нельзя переходить к свободным рыночным ценам на продовольствие, поскольку в производстве господствуют монополии и они сразу стали бы вздувать цены. И тут же: декретировать цены сверху нельзя, ибо чиновники подравняют их под «реальные», то есть неоправданные, затраты. Но ведь цены могут быть либо свободными, либо декретируемыми. Третьего не дано.

Неверно, что в производстве продуктов питания у нас монополия. Если есть, то только ведомственная монополия на закупку и распределение продуктов, сравнительно

легко устранимая. И цены стали бы расти не из-за нее — она как раз позволяет держать их на низком уровне,— но вследствие несбалансированности, избытка денег в обороте: спрос при данных ценах намного превышает предложение. И конкуренция, о которой пишет автор, в этой ситуации стала бы развиваться только между потребителями. Выходит, чтобы ввести здоровую конкуренцию, нужны как раз равновесные, более высокие, чем сейчас, цены. Это неприятно, но так диктует объективный экономический закон.

Место не позволяет разобрать все аргументы, выдвигаемые в дискуссии о ценах, но хотелось бы, чтобы в решении этой сложной проблемы было меньше эмоций и больше компетентности. Спорить есть о чем: что делать, чтобы реформа обязательно привела к росту производства, а потери населения были компенсированы полностью и наилучшим способом. Единовременно или в несколько этапов. С раздачей прямых компенсаций или как-то иначе. Но эти вопросы печать, увы, не затрагивает. Между тем в недрах ведомств готовятся проекты, в которых могут быть далеко не лучшие решения. И здесь я целиком разделяю опасение А. Нуйкина, что всенародное обсуждение может превратиться в матч, в котором заранее известно, кому и сколько будет забито голов. Ведомства должны выдвигать проекты, не прикрываясь авторитетом высших партийных и государственных органов. Нельзя допустить, чтобы опасения людей, основанные на прошлом опыте, оправдались. Публицистике пора заострить этот вопрос, потребовать широкого обсуждения проектов: пусть ведомства сами представят их народу. И в то же время натолкнуть людей на серьезные размышления о том, что нужен не простой пересчет цен, а изменение структуры потребления и даже образа жизни в соответствии с новым обликом социализма, когда каждый здоровый, трудоспособный человек должен много больше зарабатывать, но и платить за удовлетворение гораздо более широкого круга своих потребностей и по полной цене. Именно эту цель, по-моему, должен преследовать пересмотр цен, а отнюдь не сокращение дотаций из бюджета. Тогда ясно, что и проблема компенсаций не может решаться простой раздачей соответствующей суммы денег, но требует глубокого реформирования оплаты труда, социального обеспечения и т. д. Необходимы также такие шаги в перестройке хозяйственного механизма, которые гарантировали бы рост предложения дефицитных изделий в случае повышения цен на них.

В связи с этим встает и другой вопрос: решать указанные проблемы, проводить реформу системы хозяйствования можно разными темпами. Можно условно выделить ускоренный и умеренный варианты. За ускоренный вариант, который быстрее дал бы результаты и не позволил приспособиться бюрократии, уже высказался Г. Попов (Соц. индустрия. 1988. 5 апреля). Но он очень уж бегло упомянул об его издержках, а они значительны. Умеренный вариант, рассчитанный на три — пять лет программы стабилизации экономики, позволил бы понизить издержки, но и отдалил бы получение ощутимых результатов. Эти варианты также должны стать предметом обсуждения и общественного выбора.

Мы в трудном походе. Перестройка продвигается вперед с тяжелыми боями. Каждый из них, в зависимости от того, как проведен, чем закончился, вносит изменения в соотношение сил, привлекает или отталкивает сторонников. Реальный успех определяется в сфере производства, где проверяются способности новых методов хозяйствования уже в ближайшее время

повлиять иа вид и содержаине полок в магазииах, на улучшеине жизни людей. Но достижение этого успеха в огромной степени зависит от сдвигов в общественном созиаиии, от разрушеиия старых стереотипов и стаиовления новых цениостей, отвечающих заиово воссоздаваемому леиииском облику социализма. И в этом деле публицистика — на лииии прорыва. Оиа сегодия, как заметил Ю. Черичеико, «стаиовнтся способом обучеиия общества думать» (Лит. газ. 1988. 27 апреля). А для этого иужио доходчиво, ио без упрощеичества и приглаживаиня ставить перед всеми самые сложиые и болезиеииые проблемы перестройки. Их решеиие составляет суть политического выбора, который отиыие все более становится демократическим, осозианным выбором миллиоиов граждаи.

Н. Шмелев

Доктор экономических наук

Либо сила, либо рубль [1]

Либо сила, либо рубль — иного выбора в экоиомике ие было н нет от века, от Адама и до иаших дией. Не мы первые (и ие мы последиие), кто пытался сделать ставку иа силу. Египетские пирамиды иавсегда остаиутся в истории ие только памятииком человеческому тщеславию, ио и сотням тысяч впустую загублеииых человеческих жизией. Рим сгиил и погиб прежде всего потому, что сгнила экоиомическая база его — хозяйство, осиоваииое на рабском труде. Пугачевщиид ие образумила русское дворянство, и оно в коице коицов получило то, что по тупости своей и животиому эгоизму заслужило сполиа. Коллективизация и сталиискне лагеря усеяли иашу страиу миллиоиами человеческих костей, ио экоиомически не дали ничего. И все попытки наших идеалистов (либо аваитюристов — кому какое слово больше нравится) сломать экономические закоиы, замеинть рынок палкой, изгиать из жизии или изуродовать до иеузиаваемости рубль, прибыль, коикуреицию, объективные цеиы и рыиочиое равиовесне, процент и креднт, акции и облигации, биржу, реальный валютиый курс и обратимость рубля, здоровый, сбалансироваиный бюджет — все этн попытки, как мы сейчас убеждаемся, тоже отнюдь ие привели к желаемым результатам.

Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! На том стоял мир, на том он и стоит. Можио сколько угодио кричать, проклниать, размахнвать кулаками, можио расстрелять всех экономнстов до единого — это инчего ие измеиит. И как ие было в иашей жизин стоящего компьютера, так его и ие будет, и как была иа полках в магазиих пустота, так оиа н остаиется.

Нет иичего другого, дорогне соотечествеииики. Нет, еслн мы хотим жнть, как люди живут. Либо мы это поймем, либо нет. Но тогда — тем хуже для нас, н тогда, как говорится, помогай иам бог. А нет инчего другого вовсе ие потому, что где-то засели зловредные смутьяиы и критикаиы, которые подкапываются под иашу жнзнь, а то и того ху-

[1] Знамя. 1989. № 1. Печатается с сокращениями.

же — замыслили продать наше любезное Отечество гнилому Западу. Нет — потому, что ничего другого просто не существует в природе. Люди жили до нас и будут жить после нас. И неужели мы еще недостаточно убедились, что стимулы к добросовестному, творческому труду везде, во всем мире, одинаковы, будь то Америка, или Япония, или Европа, или Соломоновы острова? Да-да — одинаковы! Даже недавняя, всем еще памятная попытка в Китае (ссылаясь на некие загадочные особенности восточной души и восточного образа жизни) организовать экономику не на деньгах, а на демагогии и кнуте, кончилась, как известно, полным крахом. А мы все-таки по своим традициям и образу жизни поближе к промышленной цивилизации, чем Китай.

Нередко еще у нас можно слышать утверждения, что рынка в чистом виде уже не существует нигде в мире, тем более в индустриальных странах. Жестокое заблуждение, если не сказать хуже — безграмотность и слепота. Да, государство сегодня везде пытается подправлять рынок, да, монополии планируют свое производство, борются за контроль над рынком — но над рынком же, не над чем другим! Вся система правительственных контрактов в индустриальных странах, все государственные предприятия, все эти слияния, поглощения, сговоры и борьба монополий, вся внутрифирменная деятельность национальных и транснациональных корпораций — все это основывается на полновесных деньгах, на рынке, на конкуренции, а не на кабинетном произволе профессиональных бюрократов, воспитанных в убеждении, что вся экономическая жизнь должна идти так и туда, куда направит их указующий перст. Ничего полезного из того, что история экономики накопила за века, современное индустриальное хозяйство не потеряло. И, добавлю,— не может потерять. Ибо рынок и общественное разделение труда *неразъемны*, и чем глубже это разделение труда, тем шире, глубже, разветвленнее рынок. А значит, и его инструменты: деньги, цена, налоги, акции, облигации, процент, кредит, валютный курс.

Хотим мы этого или не хотим, нравится это нам или не нравится, но если наша национальная судьба небезразлична нам, если мы не намерены в самом скором времени превратиться в экономически отсталое государство, пропустив вперед себя весь индустриальный мир,— рубль должен быть поставлен в центр всего. Он и только он должен стать мерилом экономического успеха. Он и только он должен быть наградой за усердный труд. Ну, а души человеческие? А о душах человеческих предоставим заботиться тем, кто и должен по долгу своему это делать: учителям, писателям, пропагандистам, судьям, попам.

Пока, если не обманывать себя, закупорка системы кровообращения в нашем экономическом организме отнюдь еще не преодолена, и, думаю, пройдет еще немало времени, прежде чем кровь свободно побежит по его сосудам. Пока, чего ни коснись,— везде тромбофлебит, перебои в сердце, никуда не годные печень и почки, которые никак не могут очистить кровь от отбросов жизнедеятельности.

Оттого-то так вяло и бежит кровь по нашему экономическому организму, что не избавился он еще от двух своих главных, тесно связанных между собой болезней: во-первых, рубль не работает, поскольку ни предприятие, ни человек не могут потратить его на что хотят, а во-вторых, даже и этот слабосильный, ущербный рубль ни предприятию, ни человеку не дают заработать в соответствии с мерой честного, добросовестного труда. И не дают заработать отнюдь не

только потому, что мы задыхаемся под бременем военных расходов. А более всего потому, что экономическое бесправие предприятий и нищенский уровень заработка трудящегося человека есть главное социальное условие процветания бюрократии — это обеспечивает ей и безбедную жизнь, и видимость полезного занятия, и самоуважение, и полную покорность общества. Именно поэтому и возможны у нас такие нелепости, не имеющие под собой никакого экономического оправдания, как содержание на селе 3 миллионов надсмотрщиков над крестьянином, или многомиллиардное строительство никому не нужного, как оказалось, БАМа, или разорительная, иррациональная деятельность Министерства водного хозяйства с окупаемостью (да и то сомнительной) его капиталовложений порядка 40—100 лет, или бредовые планы строительства в испытывающей нехватку самого необходимого стране около 90 крупных гидростанций, по экономической сути своей мало чем отличающихся от египетских пирамид.

Можем ли мы, оставаясь социалистической страной, в полную меру использовать рубль? Можем ли мы овладеть и запустить на полную мощность все те объективные средства и способы организации экономической жизни, которые история выработала задолго до нас и без нас и которые с такой эффективностью используются сегодня в странах, стоящих впереди нас по уровню экономического развития? Уверен — можем. И можем прежде всего потому, что эти средства и способы по природе своей являются сугубо техническими, социально нейтральными, пригодными для всякого общества, основанного на глубоком разделении труда между людьми. Для рубля безразлично, какую высшую метафизическую цель преследует общество: это может быть царство небесное еще здесь, на земле, а может быть и стремление просто жить, пока живется. Главное не в этом, а в том, намерено ли общество жить, работать, кормить себя и продвигаться понемногу вперед, по возможности не отставая от других.

В природе социалистического общества, социалистической собственности нет ничего, что противоречило бы рублю, рынку, товарно-денежным отношениям. С чисто экономической точки зрения самоуправляемое, самоокупаемое и самофинансируемое социалистическое предприятие может строить свою жизнь точно так же, на тех же самых основах, что и любое иное предприятие повсюду в мире, начиная от свободы поведения на рынке и кончая участием на правах акционера в капитале других предприятий, или банка, или страхового общества, или иностранного партнера. Главное, чтобы коллектив социалистического предприятия был действительно независим, был его действительным собственником — в акционерной или какой-то иной форме. Не нравится слово «собственник»? Пусть будет «владетель» или «распорядитель». Дело не в словах.

А какова же в таком случае роль социалистического государства, или, если называть вещи своими именами,— государственной бюрократии? Роль эта исключительно важна и необходима: определять общие «правила игры» на рынке, планировать стратегию развития страны и отдельных ее регионов, осуществлять проекты и программы, имеющие общегосударственное значение и непосильные для отдельных предприятий, какими бы экономически мощными они ни были. Но и здесь ничего нового мы в экономике не придумали. Это тоже было до нас и будет после нас. Так же, как и другие государственные функции,— поддержка хилых, но почему-либо позарез нужных производств, регулирование налогами излишне высоких, раздра-

жающих общество доходов, расходы государства на пенсии, образование, здравоохранение, социальную поддержку слабых, выброшенных на обочину жизни. Не следует закрывать глаза на то, что сегодня даже в США — отнюдь не самой милосердной стране современного мира — около 85 процентов расходов на все виды образования и 75 процентов на лечение больных оплачиваются из общественных фондов.

За три года перестройки мы, несомненно, значительно продвинулись (особенно в теории, на словах) в понимании истинных экономических потребностей страны. Постепенно стали вырисовываться контуры той модели народного хозяйства, к которой нам надлежит двигаться. Здравый смысл вроде бы начинает понемногу теснить тупой догматизм, за которым, я лично убежден, в 100 случаях из 100 скрываются узкокорыстные, шкурнические интересы людей, которым наплевать на все и вся, даже на своих собственных детей и внуков, кроме как на самих себя.

Если дела пойдут так, как намечается сегодня, то к концу следующего десятилетия прямым директивным планированием в форме госзаказа будет охватываться (учитывая ожидаемую роль индивидуально-кооперативного сектора в нашей экономике) не более 12—15 процентов всей производимой в стране продукции, то есть, по сути дела, столько, сколько нужно для централизованного контроля над обороной и некоторыми другими, тесно связанными с ней отраслями. XIX партконференция положила начало свертыванию оперативных хозяйственных функций партии. В сочетании с ликвидацией системы РАПО в сельском хозяйстве, в частности, это будет означать демонтаж двух из трех этажей нынешней чудовищной бюрократической пирамиды, почти уже раздавившей нашу деревню. Можно, по-видимому, рассчитывать и на демонтаж в видимой перспективе нынешней системы промышленных министерств с главным ее пороком — полной экономической безответственностью министерств перед предприятиями, которыми они командуют. Как было подчеркнуто недавно в одном из весьма авторитетных выступлений: «Надо возвращаться к принципу трестовой, корпоративной организации производства и управления. Будущее нашей экономики — это добровольные паевые объединения, отраслевые и межотраслевые, подотчетные трудовым коллективам, а не командующие ими».

Сдвинулось с места и начинает расширяться кооперативное движение, если его, конечно, все-таки в конце концов не задушат либо налогами, либо принудительными ценами, либо просто слепой, нерассуждающей ненавистью и саботажем местных властей. Надеюсь (и даже уверен), что и аренда в деревне все-таки шаг за шагом преодолеет и зависть вконец развращенных бездельем соседей, и угрозы «пустить красного петуха», и сопротивление деревенской бюрократии, уразумевшей вдруг собственную ненужность и обреченность. Обнадеживают также такие тенденции, как, видимо, всеобщее уже сознание необходимости оптовой торговли средствами производства, образование межотраслевых объединений, первые случаи коллективной аренды предприятий и магазинов, первые пока попытки выпуска акций на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, появление первых мелких банков, все более заметный интерес предприятий к выходу на внешний рынок.

И все это на фоне провозглашенного поворота политики партии к материальным и социальным нуждам общества, к смене приоритетов в экономическом развитии страны, в стратегии капиталовложений.

Но пока все это, если говорить о здоровом кровообращении в экономическом организме страны,— лишь начало. Мы не имеем еще главного, что присуще всякой нормальной экономике, которая развивается не понуканиями, не из-под палки, а сама собой: *мы не имеем рынка.* Единого, интегрированного рынка страны, где ничто — ни административные запреты и произвол, ни шлагбаумы на дорогах между областями (как в XV веке!), ни ведомственные барьеры, ни монополия производителей, ни искореженные цены, ни беспомощность рубля, ни паралич кредитно-финансовой системы, ни паспортный режим и прописка — не мешало бы свободному экономическому кровотоку, то есть передвижению товаров, капиталов и людей. А единый интегрированный рынок (поскольку экономический организм страны и система его кровеносных сосудов неделимы) включает и не может не включать в себя все народное хозяйство: рынок средств производства и научно-технических знаний; рынок предметов потребления и услуг; инвестиционный рынок; денежно-кредитный и валютный рынок; наконец, рынок рабочей силы. Да-да, и этот рынок тоже, при всем при том, что без государственной страховочной сетки, без государственной политики занятости и поддержки людей, ищущих работу, он уже нигде в мире не существует и не может существовать. Ведь и профсоюзы тоже не наше изобретение, и хочется думать, что со временем они и у нас преодолеют свою сегодняшнюю, столь приниженную роль.

Весь этот единый интегрированный рынок (или вся эта система органически связанных между собой рынков) будет действовать лишь тогда, когда обслуживать его и его потребности будет полновесный, свободно обращающийся, нужный всем и каждому рубль. Между прочим, такой рубль не новость для нас, мы его уже имели в 20-х годах, и с точки зрения экономического здоровья страны это было, несомненно, высшее достижение ленинской новой экономической политики. И, напротив, уничтожение его было, может быть, самым главным экономическим преступлением сталинской эпохи, преступлением, в котором, как в фокусе, отразились все экономические безумства той поры.

Можем ли мы восстановить в нашей жизни такой рубль? Думаю, даже и вопрос так ставить нельзя: у нас просто нет никакого другого выбора, мы не можем — мы должны, мы обязаны восстановить полноценный рубль. Иначе вся наша программа перестройки, все наши надежды на выход страны из оцепенения останутся на песке. Может быть, наша экономика еще и протянет какое-то время на допинге, на взбадривании и понукании сверху. Но никаких надежд на естественный, самозарождающийся и саморазвивающийся экономический и научно-технический прогресс в этом случае у нас не должно быть.

Так что же надо, чтобы рубль стал действовать? Многое надо. И, думаю, сейчас можно указать только лишь на некоторые основные направления, где не обойтись без крупных, стратегических перемен, если мы хотим иметь полновесный, действующий во всю свою силу рубль. Никакой возможности предугадать все сложности и опасности, которые ждут нас на этом пути, сегодня, конечно, нет. Но ведь и все в жизни всегда так: главное — чтобы движение началось, а там уж (разумеется, если не дремать) можно будет корректировать и подправлять это движение, что называется, на ходу. Финансового гения вроде Кольбера или графа Витте, к сожалению, у нас пока что вроде бы нигде не видать, но, может, всем

миром, коллективным, так сказать, разумом сумеем заменить его?

Полновесный рубль — это прежде всего рыночное равновесие, то есть равновесие между товаром и деньгами, между предложением произведенной в стране продукции и платежеспособным спросом на нее. Это также равновесие государственных финансов, то есть полное отсутствие дефицита государственного бюджета, либо приемлемые для общества (доверяющего своему правительству) размеры этого дефицита. Наконец, это свободная обратимость рубля во все другие валюты мира. Все это у нас было в 20-х годах. И всего этого у нас сейчас нет.

Проблема полноценного рубля, общего экономического равновесия — это комплексная, всеохватывающая проблема, и она не может быть решена только за счет каких-то пусть даже и резких, но частичных изменений в отдельных сферах нашего народного хозяйства. И она ни при каких условиях не может быть решена в одночасье. Это процесс, и если не обманывать себя,— то длительный процесс, где конечный успех возможен только лишь как сумма частичных, неполных успехов, как результат медленного, упорного продвижения по всему фронту, не пренебрегая ничем, никакой даже самой малой малостью, если она хоть в чем-то может содействовать достижению конечной цели.

Первым вопросом экономического равновесия является, конечно, вопрос о степени физической насыщенности нашего рынка средствами производства и предметами потребления, то есть вопрос о чисто физических причинах нынешнего дефицита всего и вся. Пусть это покажется кому-то парадоксальным, но возьму на себя смелость утверждать, что если не полностью, то в значительной, основной своей части этот физический дефицит — легенда, удобное для бюрократов прикрытие столь долго прогрессировавшего паралича административно-командной системы и собственной беспомощности.

В сфере средств производства реальный, физический дефицит существует лишь в немногих отраслях — это некоторые стройматериалы, бумага, малотоннажная химия, продукция «высокой технологии». Наверное, можно найти что-то и еще, не названное здесь. Но всего другого — нефти, металла, станков, тракторов, комбайнов и пр.— мы производим, по мировым критериям, значительно больше, чем достаточно для любых разумных наших потребностей. Если бы... Если бы не немыслимое, уже запредельное количество наших строек, не обеспеченных ничем, если бы не бездействующие производственные мощности и огромный простаивающий станочный парк, если бы не ресурсопожирающая система хозяйства и затратный, все еще подчиненный бессмысленному валу механизм планирования, если бы не низкое качество и отсталый технический уровень производимых машин, необъяснимая никакими человеческими аргументами проблема запчастей, и т. д., и т. д. Так что при лечении наших экономических болезней значение чисто физического дефицита средств производства минимально. Дело преимущественно не в нем.

Не столь важно, как принято думать, и значение чисто физического дефицита на рынке предметов потребления. Да, у нас дефицит автомобилей, видеомагнитофонов, персональных компьютеров, может быть, и холодильников, может быть, и еще чего-нибудь, до чего наша промышленность еще просто не доросла. Но вот уже бритвенных лезвий — достаточно, только какой же сумасшедший будет бриться этими лезвиями? Кстати, кто-нибудь когда-нибудь обратит, наконец, внимание на этот позор страны,

осваивающей космос? Нет также дефицита и обуви, и тканей, и швейных изделий, и посуды, и даже мебели — но кому это все нужно, то, чем забиты сейчас наши склады и магазины? Дефицита, как это ни дико звучит, нет даже почти по всем видам сельскохозяйственной продукции — есть чудовищные, превосходящие всякое воображение потери, но это, как говорится, совсем другой вопрос.

Новая структурная политика государства, перевод предприятий на полный хозрасчет, следует надеяться, со временем избавят наш внутренний рынок от всеохватывающей власти затратного механизма и экономически заставят, наконец, предприятия производить не абы что и абы как, а именно то, что нужно рынку, прежде всего рынку массового потребителя. Есть надежда, что центральная власть со временем, может быть, обуздает стихию неуправляемого капитального строительства, в результате чего будет, наконец, обуздан и один из важнейших факторов нашей «придавленной инфляции», то есть того же самого неравновесия потребительского рынка,— поступление в оборот денег от строителей всех наших многочисленных долгостроев, от которых по 10—15 лет никакой продукции на рынке нет, а деньги есть. Может быть, когда-нибудь мы опомнимся и прикроем такие каналы инфляции и расхищения народных средств, как деятельность того же Минводхоза с его почти 2 миллионами работников, получающих зарплату, но не дающих рынку ничего. Может быть, мы сумеем, наконец, обуздать когда-нибудь аппетиты нашей обороны. Может быть, мы сумеем заметно сократить численность наших управленцев: их, как известно, 18 миллионов, и все они получают зарплату, а сколько из них действительно нужно для процесса производства — кто ж это знает? Во всяком случае, порядка 1,5 миллиона водителей персональных машин уж точно-то не нужны. Может быть, мы сумеем перекрыть и многие другие каналы поступления в оборот денег от зарплаты тех, кто ни прямо, ни косвенно не дает рынку ничего.

Может быть. Но на все это нужно время, и боюсь, что его у нас не так уж много. Потребительский рынок должен быть насыщен в ближайшие года два-три, иначе население махнет рукой на перестройку, и страна опять погрузится в спячку. Можем мы добиться в ближайшие же годы каких-то заметных улучшений в деле насыщения рынка, прежде всего потребительского рынка? Думаю, что да.

На государственные предприятия надежда, к сожалению, слаба, поскольку даже в самых идеальных экономических условиях им нужно время для разворота. Даже намечаемые сейчас 6 процентов прироста в год для отраслей группы «Б» (при абсолютной нерешенности проблемы качества и нежелании покупателя приобретать отечественную продукцию) вряд ли могут в скором времени поправить пока лишь только углубляющееся неравновесие на потребительском рынке. Из внутренних источников можно (но именно можно!) ожидать серьезной отдачи только лишь от двух: от аренды, подряда в сельском хозяйстве и от индивидуально-кооперативного сектора в городах.

В отношении аренды и подряда в принципе уже сделан главный шаг: провозглашено безусловное право на это каждой желающей семьи и каждого малого производственного кооператива, причем аренда устанавливается на 25—50 лет, а кое-где уже и бессрочно. Теперь наступает самое тяжкое, самое трудное — психологическая борьба. И чтобы завистливые соседи или неумная местная власть не задушили арендаторов и малые подрядные коллективы, они нуждаются сегодня в постоянной и недвусмыс-

ленной поддержке государства. Эта поддержка должиа распространяться на все: и на условня их снабження, и на сбыт их продукции, и на налогообложение, и даже на прямую защнту нх жнзней н нх имущества правоохранительнымн оргаиами.

Не может пока не тревожить и будущее кооператнвного двнження в городах. Закон о кооперацин прннят, и это неплохой закон. XIX партконференция и нюльскнй Пленум ЦК КПСС (1988 года) не оставнлн никакнх сомнений, что партия — за кооператнвы. Но...

Но не успело еще кооперативиое двнжение толком оправнться от попыток Минфина задавить его в зародыше непосильным, не вйданным ннгде в мнре иалогом,— новая напасть. Появилнсь сообщеиня, что Госкомцен официально пытается запретить кооператнвам продавать свою продукцию по ценам выше государственных. И это при том, что кооператнвы у нас уже поставлены в самые несправедливые условня, как будто они враги, разрушнтелн государства, а не сила, которая действует ему во благо! Все, что покупают кооператнвы у государства, онн покупают, во-первых, чуть лн не из-под полы, а во-вторых, покупают-то оии сырье, матерналы, оборудованне по ценам в 3—6 раз выше тех, по которым покупают государственные предприятня. На что же рассчитаны новые меры? Что кооперативы будут продавать в убыток себе? Опять попытка задушить нх, только чуть нным путем! Неужелн не ясио, что ни о каком развороте кооперативного двнження в таком случае не может быть и речи? Спрашнвается, зачем же тогда было огород городнть?

Не могу повернть, что все это делается лишь по недомыслию. Нет, ннициаторы подобных мер вполне грамотные, квалнфнцнроваииые люди, и онн очень даже знают, что творят. Но тревожат не только, а может быть, даже и не столько этн абсурдные, еслн не сказать злонамеренные, попытки — в конце концов центральная власть, думаю, все-такн стукнет когда-ннбудь кулаком по столу, не может же этого не быть! Тревожнт больше всего враждебное отношенне значнтельной частн иаселення к кооператнвам. Прямо-таки какое-то повальное помешательство! Мы до снх пор еще ие осознали простой нстнны: *рынок всегда прав*. Можно плакать н проклииать сколько угодно, но результат любой запрещающей адмнннстратнвной меры заранее известен: товар вовсе нсчезнет с рынка — только и всего. И еслн на рынке устаиовнлнсь раздражающе высокие цены — значнт, что-то неладно в самом пронзводстве нлн сбыте товара, значнт, надо стремиться увелнчнть его предложение иа рынке, а ие сажать в тюрьму продавца, на чей товар есть спрос и чей товар люди охотно покупают даже н по «кусающейся» цене. А увеличнть кооператнвное производство, создать реальную острую конкуренцию между пронзводнтелямн-кооператорами н тем самым сбнть слишком высокне рыночные цеиы можно только одннм способом — всяческн стнмулнруя кооперативное производство благоприятными условнями снабжения его, льготным налогообложением, устраиением всех администратнвных помех организацин и расшнрению кооперативов. Все это старо, как мнр, но для нас, к сожаленню, все это еще внове. Вот и платим мы все за свою всеобщую безграмотность: как бы это сделать так, чтобы все измеиилось, ие меняя ничего и не жертвуя ннчем?

Обидно, завидно, что кооператоры так много получают за свой, как правнло, добросовестный, изобретательный труд? Так нельзя же жнть и даже мечтать о лучшей жизни, если нсповедовать прннцнп: «пусть лучше и моя корова сдохиет, только чтобы у соседа не было двух». На какое человеческое дно, на какне ннзменные ннстннкты нной раз орнеитируется наша полнтнка! Не ко-

оператора надо душить, а заработок заводского рабочего поднимать до его уровня. Жулики? А где у нас, простите, их нет? Что-то я не слышал, чтобы Рашидова так уж проклинали на амвонах и площадях. А вот о кооператорах стоит такой крик — в пору хоть уши заткнуть.

Сегодня и в отношении арендного сектора в деревне, и в отношении кооперативов в городах недопустима никакая — ни налоговая, ни ценовая, ни административно-запретительная — война. За шестьдесят лет мы либо физически выбили, либо морально раздавили почти все смелое, предприимчивое, изобретательное, что было в нашем народе. Почти, но, к счастью, не все. Как оказалось, есть еще среди нас отчаянные (пусть и не всегда морально безупречные) люди, кто готов взять на себя риск деловой инициативы, кто — хоть и оглядываясь, и сомневаясь — все-таки поверил в новые времена. Так не душите их, дайте им развернуться! Государство свое получит (и много получит), когда они по-настоящему наладят дело. А цены — что ж, цены на кооперативную продукцию понизятся сами собой, когда кооператоры начнут всерьез конкурировать друг с другом и когда государственные предприятия, переведенные на хозрасчет, тоже начнут шевелиться побыстрее, чтобы не потерять рынок.

Но сегодня и этих двух источников недостаточно для быстрого насыщения потребительского рынка, для видимого всем улучшения положения, которое могло бы убедить «человека с улицы» в необходимости и неизбежности разворачивающейся перестройки. Мы должны проявить все наше умение, все наше воображение и нашу «изворотливость», чтобы резко расширить импорт товаров народного потребления. Это крайне необходимо именно для нынешнего (самого болезненного) переходного периода перестройки, чтобы продержаться те 4—5 лет, которые нам нужны, пока новый экономический механизм и новая структура собственности в народном хозяйстве не начнут давать реальную отдачу. По моим оценкам, чтобы положение на потребительском рынке реально улучшилось, нам нужно на эти 4—5 лет увеличить импорт потребительских товаров примерно на 5 миллиардов долларов в год.

Где взять на это средства, когда мы сегодня еле-еле, что называется, сводим концы с концами, когда нам лишь только в этом году, кажется, удастся как-то добиться равновесия торгового баланса? Этих средств нет, скажет вам любой человек, знакомый с внешнеэкономическим положением страны. И будет прав. Но прав при одном условии: если все и в дальнейшем остается так, как оно есть сейчас. А если подумать, если проявить воображение, если пойти не по протоpенной дороге, а по каким-то новым путям?

Говорю не только и даже не столько о возможностях расширения нашего экспорта, хотя, вероятно, уже сегодня мы могли бы получить заметный его прирост, если бы (предварительно отказавшись от нынешнего, абсолютно ирреального курса рубля) разрешили всем государственным предприятиям и всем кооперативам экспортировать свою продукцию — либо самим, либо через мощные посреднические объединения. Почему, например, нашим кооператорам не экспортировать лягушек во Францию, либо не открыть русский ресторан в Нью-Йорке или Токио, либо не построить несколько «пятизвездочных» суперотелей в Москве? Дайте им эту возможность — уверен, люди найдутся и дело пойдет, если, конечно, Минфин на корню не задушит такую инициативу. Но еще большие возможности увеличения наших валютных резервов для расширения импорта потребительских товаров видятся в другом — в изменении нынешней структуры самого нашего

импорта и в использовании международного кредита.

Прежде всего необходима смена импортных приоритетов. Почему импорт промышленных потребительских товаров даже в лучшие времена не поднимался выше уровня 5 процентов от всего импорта страны на твердую валюту, когда известно, что доходность такого импорта для государственного бюджета достигает порой 1000—1500 процентов? С точки зрения народнохозяйственного равновесия и действенности, устойчивости нашего рубля это не поддается никакому объяснению. Не говоря уже о моральных соображениях, когда государство, получая с потребителя такой доход, в то же время ограничивает даже импорт лекарств. Для государства сегодня нет ничего более выгодного, более доходного, чем импорт потребительских товаров, и незачем делать вид, что любой такой импорт — это лишь насилие над государственным интересом, лишь вынужденная уступка прихотям несознательного населения.

Что мы сейчас преимущественно ввозим? Во-первых, зерно и мясо, во-вторых, промышленное оборудование для новых строек (главным образом в тяжелой промышленности), в-третьих, сырье, материалы, компоненты, запасные части для действующих производств. На этой, последней, группе, видимо, много не сэкономишь — то, что уже работает, должно работать. Ну, а на двух первых группах? Скажем, зерно, на которое мы сегодня (даже без учета фрахта) тратим 3—4 миллиарда долларов в год? Некоторые наши председатели колхозов выдвигают, например, такую идею. Зачем государству покупать где-то за границей зерно по 120—140 долларов за тонну? Дайте нам гарантии, что все дополнительные поставки зерна государству свыше уровня, скажем, 1988 года будут оплачены нам в валюте и эта валюта остается в нашем распоряжении. Мы за 2—3 года обеспечим эти недостающие стране 30 миллионов тонн зерна, но как минимум по цене, вполовину ниже мировой. Бредовая мысль, скажут некоторые специалисты. А что в ней бредового? Что в ней нереалистичного, если стоять на позициях обыкновенного крестьянского здравого смысла, а не руководствоваться всеми этими многочисленными «нельзя», которые шестьдесят лет с таким упорством вколачивали в нас? И разве это не реальный источник экономии валюты, только за счет которого можно было бы почти наполовину решить проблему импорта промышленного ширпотреба [1]?

Или оборудование для наших промышленных новостроек. Сегодня уже более чем на 5 миллиардов валютных рублей лежит его, неустановленного, по всей стране. Оно ржавеет, стареет, растаскивается и... И продолжает прибывать. Так, может быть, остановить этот поток на ближайшие 4—5 лет? Законсервировать наиболее разорительные, наиболее помпезные стройки с только лишь отдаленной экономической отдачей, отказаться от того, что еще не заказано и не оплачено, прекратить новое строительство в тяжелой промышленности, поскольку сейчас нам не до него? А освободившиеся средства пустить на прямой импорт товаров широкого потребления и на модернизацию тех отраслей нашей промышленности, которые производят товары массового спроса.

И, наконец, международный кредит. Я уже высказывался в печати по этому поводу, и аргументы моих оппонентов за прошедшее с тех пор время меня не убедили. Конечно, если исходить из того, что мы на веки вечные обречены быть экспортерами лишь нефти и газа и ничего другого нам никогда «не светит», что нам сам господь бог судил веч-

[1] См.: *Черниченко Ю.* Торгсин//Знамя. 1989. № 1.

но сидеть сиднем на своем золотом запасе, что мы никогда не сможем сократить сроки своего капитального строительства в промышленности с недавних 11 лет до общепринятых в мире 1,5—2 лет (а ведь сократили уже до 8,5 лет!) и поэтому ни о каких инвестиционных займах нам даже думать не след, что экспортная продукция наших предприятий никогда не будет конкурентоспособной, наконец, что серьезных денег нам взаймы никто в мире никогда не даст, что мы навсегда останемся париями для международной финансовой системы,— тогда я действительно несу простонапросто чушь.

Но вот мнение такого трезвого, серьезного человека, как лауреат Нобелевской премии известный американский экономист В. Леонтьев (между прочим, один из авторов модели «японского чуда»): «Если ваше правительство возьмет кредит под товары, у него будет немало критиков. Но пусть лучше критикуют отдельные противники, чем большие массы людей». И, уверяю, мы с ним не сговаривались! Могу только добавить, что в личной беседе со мной он подчеркнул: «Серьезные деньги в мире есть. Конечно, если говорить о частном финансовом рынке, а не о правительственных кредитах. И вам эти деньги дадут, если вы честно и открыто представите конкретно разработанную программу ваших потребностей в импорте потребительских товаров. Я говорю о суммах, возможно, порядка 30—40 миллиардов долларов».

Чем потом платить? А это уже вопрос, верим мы или нет в серьезность наших собственных намерений, в необходимость и успех нашей перестройки, в действенность заново создаваемой в стране системы стимулов и эффективность нового экономического механизма. Занимать нельзя лишь при одном условии: если втайне держаться того мнения, что мы обречены на вечное прозябание, что никогда и ничто у нас не получится, что никогда, ни при каких условиях наша продукция всерьез не прорвется на мировые рынки и что «открытая экономика» — это путь всего мира, но не наш.

Второй центральный вопрос всей проблемы экономического равновесия, оздоровления нашего рубля — структура и уровень цен (оптовых, закупочных и розничных). Вместе с тем это и наиболее опасный вопрос с точки зрения социальной и политической стабильности страны.

Сегодня, вероятно, мало кто уже станет отрицать необходимость реформы цен. Без установления объективных, рациональных ценовых пропорций и без перехода основного массива нашей экономики на рыночные принципы ценообразования новый экономический механизм работать не будет. Все дело, однако, в том, какой реформа цен будет на практике. Между тем впечатление такое, что ни планирующие органы, ни ведомства, ни ученые-экономисты сегодня не имеют четкого представления о целях новой реформы и о реалистических методах ее осуществления.

Что нам необходимо в идеале? В идеале перед предстоящей реформой цен стоят две цели, и она должна пройти два этапа в своем осуществлении.

Первая цель и первый этап — выравнивание основных ценовых пропорций, имея в виду оптовые, закупочные и розничные цены. Вторая цель и второй этап — сведение к минимуму централизованного вмешательства в процессы ценообразования и постепенная передача основных ценообразовательных функций рынку, то есть соотношению между платежеспособным спросом и предложением. Сейчас мы производим около 25 миллионов видов изделий, столько же, соответственно, нам нужно и цен. Очевидно, что никакой центральный орган ни при каких обстоятельствах

просто физически не сможет просчитать их. Другого реалистического выхода здесь, кроме рыночного ценообразования (при сохранении на достаточно длительное время централизованного контроля над несколькими десятками или сотнями наиболее важных цен), объективно не существует.

Но сегодня для нас важнее всего первая цель и первый этап ценовой реформы — установление объективных пропорций в ценах, соответствующих основным мировым пропорциям. Одно из тягчайших последствий административно-командной системы — произвольная деформация фактически всех основных ценовых соотношений в экономике. В результате мы имеем искусственно заниженные цены на сырье, топливо, продовольствие, транспорт, жилье и, может быть, самое главное — на рабочую силу и в то же время искусственно завышенные цены на машины, оборудование и весь круг промышленных товаров народного потребления. Наши цены сейчас выше или ниже мировых нередко в три раза и более. На сегодня — это важнейшее препятствие переводу экономики на рельсы интенсивного, сбалансированного развития.

Ведь договорился же недавно один уважаемый академик до того, что роботы — это только разорение для нас. Всему миру выгодно, а нам нет? Почему? Да потому, что при нашем уровне зарплаты удивительно, что мы еще от колеса-то не отказались.

Соответственно, в идеале содержанием начального этапа ценовой реформы должно быть, во-первых, *устранение вопиющих перекосов в ценах.* На уровне розничных цен это означало бы примерно следующее: иметь вместо нынешнего соотношения 2 рубля за килограмм мяса, 50 рублей за пару приличных мужских ботинок, 700 рублей за цветной телевизор и 8 тысяч рублей за автомобиль более реалистическое, отвечающее действительным издержкам и мировым тенденциям соотношение — 4—4,5 рубля за килограмм мяса, 24—27 рублей за пару мужских ботинок, 250—280 рублей за цветной телевизор и 4 тысячи рублей за автомобиль. Необходимо трезво представлять себе, что, пока мы не достигнем подобных ценовых соотношений, мы всегда будем жить в экономически ирреальном мире, в своеобразном «королевстве кривых зеркал», где экономически все поставлено с ног на голову.

Изменится ли от этого структура потребительского спроса? Да, изменится. Сократится потребление мяса и увеличится спрос на ботинки и телевизоры. Пострадают ли от этого пенсионеры и вообще низкооплачиваемые слои населения, для которых цена мяса в повседневной жизни важнее цены ботинок, а тем более телевизора? Могут пострадать, если для них — специально для них — в ходе такой реформы не будет предусмотрена соответствующая компенсация.

Во-вторых, необходимо *устранить государственные ценовые дотации и одновременно устранить налог с оборота как источника бюджетных доходов*. Тогда потери населения от ликвидации дотаций в субсидируемых ценах будут почти полностью компенсированы ликвидацией постоянной переплаты за товары, облагаемые налогом с оборота. Сегодня дотации от государства потребителю и налог с оборота, поступающий в государственный бюджет, почти равны. Зачем нам это перекладывание денег из кармана в карман? И то, и другое — уродливо и экономически безграмотно. И нам, если мы хотим иметь нормальную экономику, необходимо отказаться от этого печального наследия прошлого. Я говорю лишь *о налоге с оборота на промышленные товары,* а не о налоге на спиртное и импорт потребительских товаров. При восстановлении нормаль-

ного положения с торговлей казенным спиртным и значительном расширении потребительского импорта только этих двух законных источников государственных доходов вполне хватит, чтобы компенсировать государству все издержки ценовой реформы, включая и компенсацию пенсионерам и другим низкооплачиваемым слоям населения.

Конечно, все это отнюдь не сразу приведет к повсеместной ликвидации дефицита продовольствия. Более того, это, несомненно, усилит поначалу дефицитность и на рынке промышленных потребительских товаров, учитывая размеры отложенного спроса и ограниченные производственные мощности нашей промышленности, выпускающей изделия как краткосрочного, так и длительного потребительского пользования. Возрастут очереди за одеждой, мебелью, телевизорами, автомобилями. Но здесь-то как раз и может помочь существенное расширение импорта промышленного ширпотреба, причем на первых порах без всякого снижения цен на него.

Все это неизбежная плата за оздоровление нашей экономики, за длительное господство административно-командной системы. За любые ошибки, в том числе и за исторические, надо платить. И нам этой платы избежать не удастся. В то же время это будет дополнительный стимул для государства резко перераспределить, наконец, капиталовложения в пользу потребительских отраслей промышленности, купить несколько мощных заводов бытовой техники, купить еще один или два завода легковых автомобилей и т. д. Конечно, период перехода к нормальным ценовым пропорциям будет нелегким. Но если целью ценовой реформы будет именно оздоровление экономики, а не примитивный грабеж населения, люди это, несомненно, поймут. Особенно если появятся хоть какие-то признаки улучшения положения на потребительском рынке.

Идеал, такнм образом, труден. Но достижим. Однако нынешнее развитие событий порождает опасения, что ценовая реформа не только не достигнет необходимых нам целей, а, наоборот, лишь осложнит положение в нашем народном хозяйстве.

XIX партконференция вновь подтвердила намерение руководства провести реформу розничных цен так, чтобы население не пострадало. Важнейшее значение, несомненно, имеет заявление руководства: все, что бюджет получит от ликвидации дотаций в ценах, государство полностью вернет населению через соответствующие надбавки в зарплате и пенсиях.

Однако даже если это намерение будет реализовано, серьезного ущерба для населения избежать, видимо, не удастся. Пока, насколько известно, Госплан и Госкомцен ведут речь лишь о двух вопросах: о том, на сколько будут повышены цены на основные виды продовольствия, и о том, каков должен быть размер соответствующей компенсации. Но никто не говорит о том, что будет на другой же день после того, как цены будут повышены и компенсация населению выплачена.

А может быть (и, несомненно, будет) лишь одно: следующий виток в спирали повышения цен, который сразу же затронет и все другие цены. Население даже при самой честной компенсации неизбежно проиграет на других ценах, которых впрямую предусматриваемое повышение не затрагивает. Кроме того, поскольку не предусматривается соответствующая компенсация на вклады в сберкассы, это сразу же резко уменьшит их реальную ценность.

Конечно, трудно сейчас, когда конкретные планы реформы держатся в глубокой тайне, судить о размерах возможного ущерба для населения. Но есть основания пред-

полагать, что даже по самому щедрому варианту компенсации ущерб для каждого работающего и пенсионера будет значительным. Если же учесть неизбежный новый виток ценовой спирали, а также обесценение вкладов в сберкассы, то существенного снижения жизненного уровня в стране не избежать.

Этого перестройка может не выдержать. Госплан и другие ведомства, судя по всему, продолжают оставаться на близоруких, «перераспределенческих» позициях. Суть их можно выразить примерно так: заткнем на 3—4 года дыры в бюджете, а там хоть трава не расти. Ну, а если возникнут сложности социального характера, не нам их решать, на это есть МВД и КГБ.

Нельзя закрывать глаза на то, что рядовые потребители в массе своей настроены решительно против повышения цен и даже разговоры о возможной ценовой реформе вызывают у них всевозрастающее раздражение. И для такого раздражения есть, к сожалению, все основания. Слишком часто рядового потребителя обманывали при проведении подобных реформ, чтобы он сейчас вдруг поверил, что разовое повышение цен на основные продовольственные товары — в его же собственных интересах.

Многим памятны и реформа 1947 года, сопровождавшаяся прямой конфискацией сбережений населения, и повышение цен на мясомолочные продукты 1962 года, не компенсированное полностью снижением цен на промтовары, и неоднократные последующие повышения цен и тарифов на самые разные товары и услуги, о которых порой даже не объявлялось. Не укрепила доверия к государству и последняя акция с «Березкой». Кроме всего прочего, каждый знает, что постоянно идет «ползучая, придавленная инфляция» — не регистрируемое статистикой фактическое повышение цен при смене этикеток, и что 2—3 процента годовых, выплачиваемые по вкладам в сберкассах, отнюдь не покрывают «усыхание» сбережений, вызываемое этим удорожанием жизни «де-факто».

Общественное сознание инерционно, и на репутацию правительства влияет сейчас гораздо больше печальный опыт прошлых злоупотреблений, чем сегодняшние самые искренние намерения покончить с этими злоупотреблениями раз и навсегда. Доверие населения к правительству завоевывается годами и даже десятилетиями, но потеряно может быть в одночасье. А в последние годы, к сожалению, в экономике не случилось ничего такого, что повысило бы доверие к экономической политике государства: очереди все так же длинны, прилавки по-прежнему пусты, уровень жизни не повышается.

При сложившемся сейчас положении, другими словами, у руководства нет никакой реальной возможности «выиграть» ценовую «кампанию». Как бы тщательно ни готовилось повышение розничных цен, какой бы разъяснительной работой оно ни сопровождалось, какую бы компенсацию ни получили потребители, большинство все равно окажется недовольным, и кредит нового курса будет серьезно подорван. «Вот и свелась вся перестройка к повышению цен»,— несложно предсказать, что такое мнение станет после реформы розничных цен типичным и преобладающим.

Не все так просто и с реформой оптовых и закупочных цен. У нас уже есть здесь немалый опыт, и этот опыт говорит, что через некоторое время после повышения, например, закупочных цен на сельхозпродукцию издержки производства в сельском хозяйстве возрастали, так что оно вновь вскоре становилось малоприбыльным, а затем и убыточным, и приходилось вновь повышать цены. Такой же «цикл рентабельности» и в других сырьевых и энергетических отраслях: скачкообраз-

ный рост рентабельности в результате единоразового повышения оптовых цен, затем постепенное и непрерывное снижение рентабельности из-за роста издержек производства, затем необходимость нового повышения цен и т. д.

Причина такого круговорота известна. Дело в том, что наибольшей способностью «накручивать» цену обладают отрасли с высокой монополизацией производства и быстро меняющейся номенклатурой продукции (машиностроение, легкая промышленность, строительство и др.). Здесь Госкомцену труднее всего проверить обоснованность калькуляций, представляемых производителями. Новых изделий много, а Госкомцен один. Сплошь и рядом поэтому в таких отраслях идет «ползучая инфляция» — производительность нового станка или машины увеличивается, скажем, на 30 процентов, а его цена — в несколько раз. Коллективный эгоизм и непорядочность, к сожалению, отнюдь не менее печальный фактор нашей действительности, чем эгоизм индивидуальный.

Напротив, в сельском хозяйстве, в топливной промышленности, в других сырьевых отраслях, где базовых продуктов немного и обновляются они относительно медленно, контроль над ценами «сверху» оказывается относительно эффективным. Поэтому-то эти отрасли и попадают периодически в разряд низкорентабельных: ведь цены на закупаемые ими машины и оборудование непрерывно растут, тогда как цены на производимую ими продукцию длительное время остаются стабильными.

Вот почему из пятилетки в пятилетку на «ценовой арене» происходит одно и то же — цены на готовые изделия и услуги убегают вперед, а цены на сырье отстают, вследствие чего сырьевые отрасли периодически превращаются в низкорентабельные или даже убыточные, и потом волей-неволей приходится проводить единовременные крупные повышения цен. Не надо обладать даром пророчества, чтобы предсказать, что произойдет через пять—десять лет после нынешнего очередного «выравнивания» оптовых цен. Произойдет то же, что происходило раньше,— отраслевые уровни рентабельности в очередной раз «разбегутся» в разные стороны, и снова придется «выравнивать» цены.

Как первый этап, как исходный пункт реформа оптовых цен, несомненно, нужна. Но ожидать коренного улучшения здесь нереально до тех пор, пока мы не наладим социалистический рынок средств производства (оптовую торговлю), пока мы не разрушим нынешнюю монополию производителя и не наладим социалистическую конкуренцию.

Для сельского хозяйства все это означает, что нынешняя высокая себестоимость продукции есть результат не только и не столько плохой работы хозяйств, сколько ценовой агрессии планирующих органов и промышленных министерств — монопольных поставщиков необходимых деревне техники, удобрений, стройматериалов. Коровы висят на веревках, потому что себестоимость высока, или себестоимость высока, потому что коровы висят на веревках? Верно, несомненно, первое. Какой успешной работы, какой разумной себестоимости можно ожидать от большинства хозяйств, если их до сих пор заставляют сдавать зерно чуть не подчистую по низкой цене, а потом его же возвращают им в виде комбикормов по цене в 2—3 раза выше? Какими соображениями руководствовались соответствующие ведомства уже в 1988 году, повысив цены на удобрение в 1,5—5 раз и на из рук вон плохие комбайны в 3 раза? И кого волнует, что все эти убытки от цен потом колхозам и совхозам спишутся или будут покрыты безвозвратным кредитом? Подаяние — оно и есть

подаяние, и к процессу производства оно никакого отношения не имеет.

Именно здесь причины «дурной бесконечности» в спирали продовольственных цен. И не решив эту проблему, не прекратив эту перекачку средств из деревни через механизм цен, мы ничего не достигнем простым повышением закупочных цен, тем более переложенным на плечи массового потребителя. Добро бы хоть какой-то прок государству был от этой перекачки. Нет, суета одна да маета, да бестолковое движение денег туда-сюда.

Есть ли все-таки рабочая альтернатива сегодняшним планам реформы цен — оптовых, закупочных и розничных? Думаю, что есть.

Альтернативный вариант должен исходить, как мне кажется, из трех основных предпосылок: во-первых, реформа цен нужна и неизбежна; во-вторых, это должен быть не разовый акт, а постепенный, достаточно медленный процесс, где начинать нужно с оптовых цен и кончать розничными; в-третьих, реформа розничных цен должна осуществляться по мере насыщения потребительского рынка и не раньше того, как признаки такого насыщения станут очевидны.

Уже сегодня у государства есть реальная возможность, не трогая пока розничные цены, избавиться от основной части продовольственных дотаций, отягощающих государственный бюджет. Ведь резкий рост государственных дотаций на продовольствие (с 20 миллиардов до более чем 60 миллиардов рублей за 1982—1987 годы) был вызван, по существу, одним — повышением закупочной цены специально для убыточных маломощных хозяйств. Нелепость этой меры очевидна: получилось, что тому, кто хорошо работает, платим мало, а тому, у кого все валится из рук, много.

Видимо, сегодня государство может отказаться от искусственной поддержки убыточных хозяйств, от искусственно завышенных закупочных цен на их продукцию. Не более 30 процентов хозяйств дают сейчас около 80 процентов всей сельскохозяйственной продукции страны. И ставка должна быть сделана именно на те хозяйства, которые не нуждаются в искусственной государственной поддержке и которым сейчас необходимо лишь одно — освобождение от всесильной административной прослойки, сковывающей их по рукам и ногам.

Маломощные, неперспективные хозяйства должны получить последнюю помощь от государства в виде списания их задолженности (значительная часть которой, к тому же, возникла не по их вине), а в остальном быть предоставлены самим себе. Пусть присоединяются, если смогут, к более крепким хозяйствам, пусть сдают всю свою землю в аренду малым кооперативам и семейным фермам, пусть превращают свои угодья в парки и охотничьи хозяйства — государство не должно это волновать. Гарантированный фонд продовольствия в стране зависит не от них. А если эти хозяйства сами, без государственных костылей, сумеют встать на ноги, так и того лучше.

Возможности снижения себестоимости сельхозпродукции впрямую связаны также с прекращением неэквивалентного обмена через «ножницы» в ценах на закупаемую государством в хозяйствах продукцию и продаваемые им комбикорма, удобрения, технику, стройматериалы, ремонт и пр. Все равно сейчас все, что получает государство от такого неэквивалентного обмена, оно отдает обратно в виде безвозвратных кредитов убыточным хозяйствам. Отмена принципа обязательных поставок, разрешение хранить и перерабатывать продукцию в хозяйствах и реализовать ее по мере надобности, переход от фондирования к хозрасчетным закупкам удобрений и техники тоже должны, без сомнения, улучшить эко-

номическое положение колхозов и совхозов. Очень поможет делу и ликвидация нынешней изжившей себя административной прослойки на селе, пожирающей, по некоторым оценкам, $^{1}/_{7}$—$^{1}/_{8}$ часть сельскохозяйственных доходов.

Уже сегодня прослеживается также возможность резко сократить себестоимость сельхозпродукции за счет всемерного развития коллективной и семейной аренды. На большинстве семейных ферм, например, себестоимость производства свинины находится в пределах 70 копеек — 1 рубль за килограмм, а говядины 1,5—2,5 рубля. Между тем мы только начинаем использовать этот резерв насыщения рынка. Опыт же показывает, что нередко одна семейная ферма дает выход продукции, в 5—10 раз превышающий продуктивность работы такого же числа людей, действующих в традиционных условиях.

Важно еще раз подчеркнуть, что при этом *альтернативном* варианте частичное восстановление бюджетного равновесия, о котором так справедливо пекутся Госплан и другие наши ведомства, может быть достигнуто в условиях, во-первых, существенного снижения оптовых цен на многое из того, чем снабжается деревня (для бюджета это будет компенсировано одновременным прекращением безвозвратного финансирования убыточных хозяйств); снижения или стабильности закупочных цен на сельхозпродукцию; наконец, стабильности государственных розничных цен на основные виды продовольствия (дотации из бюджета на разницу между закупочной и розничной ценой будут компенсированы государству отменой искусственно высоких закупочных цен для маломощных, плохо работающих хозяйств).

Современная острота проблемы бюджетного дефицита вызвана, конечно, не только дотациями на продовольствие. Но эти дотации — важный фактор несбалансированности бюджета, и, убежден, действие его может быть сведено к минимуму без ущерба для массового потребителя.

Думается, реформа оптовых цен — это на данном этапе самое важное для нас. Свою основную задачу — выравнивание отраслевых условий деятельности предприятий, обеспечение перехода на стабильные налоговые отношения между государством и предприятиями и создания предпосылок для частичной конвертируемости рубля — она может выполнить, не затрагивая какое-то время систему розничных цен. Но и реформа оптовых цен не должна вылиться в повальное повышение всех цен: повышение цен на топливо и сырье должно быть уравновешено соответствующим снижением завышенных цен на машины и оборудование.

В реформе же розничных цен поспешность не нужна. Пока мы не добьемся первоначального насыщения рынка продовольствием и промышленными товарами народного потребления, пока мы не обеспечим хотя бы частичного восстановления бюджетного равновесия, пока, наконец, мы не дадим возможность людям зарабатывать столько, сколько они хотят и могут, а не столько, сколько им позволяет административный диктат сверху,— эта акция лишь подорвет доверие народа к перестройке. В конечном итоге нам никуда не уйти и от реформы розничных цен, от изменения соотношения между ценами на продовольствие, жилье, транспорт, промышленные товары народного потребления. Но с этим сейчас можно и нужно подождать.

Перед нами позитивный опыт Венгрии и резко негативный опыт Польши в реформе цен. Перед нами опыт Китая, где на реформу розничных цен решились только после того, как за 8—9 лет в корне изменилось положение с насыщением потребительского рынка, и где даже и в этом случае ее проводят

ие в одночасье, а растягивают иа 5 лет. Неужели чужой опыт нас никогда и иичему научить ие может? И иеужели мы обречеиы иа вечные импровизации, за которыми всегда иаступает иеизбежиое и довольио скорое похмелье?

Третий важнейший вопрос, от которого зависит создаиие рыиочиого равиовесия и укрепление покупательной силы рубля,— оздоровлеиие и развитие нашей фниаисовой системы. Осиовиые дефекты ее сегодия — это, во-первых, растущее, как сиежиый ком, количество деиег у иаселення, ие обеспечеииых иичем, ии товарами, ни услугами; во-вторых, иеразвнтость нашей кредитиой системы, иаличие огромиых времеиио свободных деиежиых средств у предприятий и частиых лиц, ие находящих себе никакого прнмеиеиия в деле; в-третьих, растущий дефицит государствеииого бюджета, приблизнвшийся уже, по-видимому, к отметке в 100 миллиардов рублей и покрываемый сегодия самымн иездоровыми, самыми опасиыми методами — печатиым стаиком и скрытым, фактнчески прииудительным заимствоваиием через сберкассы.

Ииыми словами, в страие сейчас слишком миого свободиых деиег, и с каждым годом эта гигаитская гора обесцеиивающихся деизиаков лишь возрастает. Как иейтрализовать эту опасиость, как «связать» эти деньги, как остаиовить печатный стаиок? И опять выбор существует только один: либо сила, конфискация того, что есть у людей, либо использование самого рубля, нормальных, здоровых способов вовлечеиия его в дело, естествеииых источииков роста бюджетиых доходов и столь же естественных возможиостей сокращеиия расходов. Ииыми словами, того, что знает и умеет сейчас весь мир, ио не умеем или плохо умеем мы.

Конечио, в прииципе возможна н конфискация — иам ие привыкать. К тому же и большого ума для этого ие надо. Поделить, отнять у соседа, придушить того, кто высунулся, хорошо работал, что-то там накопил,— это для иас самое разлюбезное дело. Только вот вопрос: у кого коифисковывать? Средиий размер вклада в сберкассу сейчас около 1,5 тысячи рублей. Это зиачит, коифисковывать у старухи, которая отложила себе иа похороны? У тех горемык, которые и угла-то своего не имеют и силятся-надрываются, чтобы иакопить на кооператив? У рабочего, инженера, учителя, врача, кто всю жизнь копит на машину и так, видио, и помрет, ие осилив ее? У рыбака, у шахтера из Заполярья, у отставного полковника, четверть века прослужившего там, куда Макар телят не гонял? У профессора? У художиика, работы которого только-только иачали покупать?

Кто у иас богат в страие, чтобы ие грех было ограбнть его либо напрямую, либо через реформу цен без всякой компенсацнн для деиежиых иакоплений, хранящихся в сберкассе? Воры? Да, воры. Их действительио иемало у иас. Но и преувеличивать их зиачеиие ие стоит. Вряд ли «воровские деиьги» в страие сейчас составляют более 10 процеитов от всего, что имеется у иаселеиия. А кто-инбудь знает способ, как чисто фииаисовыми, а ие полицейскими методами отнять деньги у воров, ие затронув прн этом и честиых людей? И о какой вере людей в перестройку можно будет после такой повальиой конфнскацни говорить?

В сберкассах сейчас храиится свыше 280 миллиардов рублей. Сколько деиег у людей «в чулках», думаю, толком ие зиает иикто, хотя и есть предположеиия экспертов, что эта сумма вряд ли превышает 50 миллиардов. Из тех деиег, которые храиятся в сберкассе, «горячие деньги» (то есть те, что могут быть изъяты в любой момеит, если на рынке появился товар, которого эти

деньги ждут) — это, по оценкам, 60—70 миллнардов рублей. Остальное — действительно сбережения. Для нейтрализации, для отоваривания «горячих денег» здоровый путь только один: рост государственного и кооперативного производства высококачественных потребительских товаров, мебели, бытовой техники и электроники, всякого рода услуг, а также рост импорта. Для нейтралнзации, более того, для полезного использования малоподвижных денег, помимо прямого роста пронзводства, могут и должны быть использованы и другие методы, чисто финансовые по своей природе. И опять нам ничего здесь нзобретать не надо: все уже давно нзобретеио и весьма успешно используется в мире.

Надо продавать людям не только стройматериалы для жилищного и дачного строительства, надо продавать им землю. Надо продавать людям не только мотоцнклы и легковые автомобили, надо продавать нм и грузовики, и электромоторы, и тракторы, и весь другой необходимый нм сельхозинвентарь. Надо продавать людям и коллектнвам акции н облигации промышленных, сельскохозяйственных, транспортиых, торговых, коммунальных и прочих предприятнй. Надо возродить фондовую биржу — это великолепное техническое изобретение для сведения вместе тех, кому нужны деньги, и тех, у кого они есть, и никакого другого сверхсмысла в этом учреждении нет. «За что боролись? — скажут миогие.— Акции, дивиденды, рантье? Позор!» А получать наши обычные 2—3 процента в сберкассе не позор? И почему, по какнм социально-классовым признакам рантье, живущий на 2—3 процента годовых, лучше рантье, живущего на 6—8 процентов? Дети, внуки, прожигающие жнзнь на то, что им оставили родители? Так н здесь есть выход, и здесь ничего не надо изобретать. Налог на наследство существует во всем мире, только, конечно, не надо его делать таким, чтобы родитель предпочел скорее сам пропить все, что он заработал, чем оставить детям.

Накоиец, наши банкнры и финансисты должны же когда-нибудь понять, что нх главный долг не вынскивать, кого бы еще прндушнть из тех, кого не придушнлн, а нскать деньги везде, где они есть илн могут быть, и мобнлизовывать эти деньги для государственных нужд. Боюсь, что ничего у нас не получнтся, пока люди, обеспечивающие государственные финансы, не поймут и не усвоят простую нстину, известную всем, но только не нам: чтобы получить много шерстн, совсем не надо резать овцу, надо ее кормить и стрнчь, а еще лучше не одну, а целое стадо. Дайте подрасти кустарю, дайте подрасти кооператору и сохраните чувство меры при их налоговой стрнжке — много настрнжете с ннх! И чем больше их такнх будет, чем больше будет их оборот, тем больше будет и в казне. Известно ведь всем, но тоже не нам: скупой, жадный проигрывает вдвойне. И чем, например, жестче будут условия в таком архидоходном деле, как страхование, тем меньше в конечном счете получнт казна. А зачем, скажите, потаенно заимствовать в сберкассах, скрытно увеличивая государственный долг? Выпустите открыто и широко облигацин долгосрочного государственного займа из 6—7 процентов годовых. При нашей обычной рентабельности капиталовложений порядка 15 процентов выгодно это будет государству или нет? Ответ очевиден. Но тогда н таиться ни от кого не надо будет, и деньгн перестанут лежать по сундукам.

Для восстаиовлеиия равновесня нашего бюджета наибольшее значение, мне кажется, имеет сегодня не ликвидация продовольственных и иных дотаций, нет: как уже говорилось, то, что государство тратит на это, оно получает в виде налога

с оборота через искусственно завышенные цены на промышленный ширпотреб. Наибольшую остроту имеют сегодня три бюджетные проблемы: налог со спиртного, налог на импорт ширпотреба и чрезмерные расходы государства.

Убежден, с антиалкогольной кампанией в ее нынешнем виде необходимо кончать. В народе уже говорят, что это «второй Афганистан», и из этой «войны» тоже нужно выбираться как можно скорее. Это бюджетное кровопускание (от которого выиграл лишь самогонщик) еще более подорвало финансовое состояние страны и еще более усугубило неравновесие на рынке. Будем считать, что мы заплатили за науку. Восстановление нормальных бюджетных доходов от спиртного, расширение импорта потребительских товаров и отмена поддержки через искусственно высокие закупочные цены убыточных хозяйств в деревне дали бы бюджету столько, что все намерения Госплана и Госкомцен вновь прижать потребителя через скоропалительную реформу розничных цен потеряли бы всякое оправдание. Бюджету этого с лихвой хватило бы, чтобы и без реформы цен ликвидировать нынешний его дефицит.

Есть и другая сторона этой проблемы — неоправданные расходы бюджета. Сокращения или вовсе избавления от них тоже с лихвой хватило бы, чтобы ликвидировать нынешний бюджетный дефицит. Оборона. Международные обязательства. Партийный, государственный и хозяйственный аппарат. Правоохранительные органы и пенитенциарная, тюремная система: у нас за решеткой или за колючей проволокой сидит в несколько раз больше людей, чем в США, а какие это работники? И неужели наш человек по природе и поведению своему более преступник, чем американец?

Но и это далеко еще не все. Бюджет ищет деньги и в то же время беспрекословно финансирует тот же Минводхоз, а это (с зарплатой) — 16 миллиардов в год, то есть одна шестая нынешнего дефицита! Минэнерго продолжает требовать (и получает!) деньги на проектирование и строительство новых гидроэлектростанций. Интересно, задумывался ли кто-нибудь когда-нибудь в нашем высшем экономическом руководстве, что строительство Саяно-Шушенской ГЭС началось, по-моему, еще в 1962 году и не закончено до сих пор? Это сколько же раз вколоченные в нее миллиарды могли бы обернуться за это время, сколько же денег мог получить бюджет! И разве только эта ГЭС? А мы все плачем: денег нет, денег нет. Да есть, и много есть, надо только наконец научиться их считать! Слава богу, что от тракторного завода в Елабуге наконец-то решились отказаться. Значит, все-таки и мы не безнадежны, и мы, когда припрет, можем деньги посчитать. Очень бы хотелось рассматривать этот факт как начало общего оздоровления финансового мышления в стране. Но трудно отделаться от впечатления, что, судя по нынешней линии наших ведомств, отвечающих за финансовое состояние страны, до этого еще, к сожалению, далеко.

Четвертая важнейшая, на мой взгляд, проблема экономического равновесия и непременное условие создания единого интегрированного рынка в стране — образование некоего избытка предложения над спросом, подрыв монополии производителя во всех областях производства и на рынке, развитие и поощрение социалистической конкуренции. Мы уже сделали первые шаги в этом направлении. Государственный заказ в промышленности уже в 1989 году ненамного превысит 40 процентов от всей производимой продукции. Назрел либо полный отказ, либо сведение к минимуму государственного заказа (обязательных поставок) и в сельском хозяй-

стве. Как бы туго нн шло дело, но появилась реальиая надежда, что уже в первой половнне 90-х годов 60—70 процентов средств пронзводства в стране будут продаваться свободно, через оптовую торговлю лнбо по прямой договоренностн между поставщнкамн и потребнтелямн. Но все это пока недостаточио для подрыва безраздельной властн соцналнстнческнх монополнй на рынке, и все это не дает ннкакой гарантнн нн протнв безудержной ннфляцин в результате вздування цен производнтелямн, нн протнв ннзкого качества нх продукцнн.

Прнзнаюсь, мне лично не нравится ннкакой контроль над рыночнымн ценамн. Но я понпмаю: еслн сейчас, в условнях высочайшей монополнзацнн нашей промышленности, мы ликвндируем Госкомцен н отдаднм все ценообразованне на волю непосредственных пронзводнтелей (нменно нм, поскольку покупатель у нас везде еще бесправен н безгласен), мы добьемся лишь повторення знаменнтого «кризиса сбыта» 1923 года. Слепой эгонзм производственных коллектнвов — это страшная вещь, н без централнзованиого контроля над основиымн, главнымн ценамн наши производители лишь вздуют в этих условнях цены на все н иа вся до небес. Контроль над цеиамн может быть отменен лншь тогда, когда мы создаднм у себя «рынок покупателя», то есть устойчнвое, постоянное превышение предложення над спросом по всем товарам, когда острая, здоровая конкуренция станет нормой, а не нсключением. Когда конкурнровать будут все: государственные предпрнятня — с государственнымн предпрнятнямн, нндпвндуально-кооператнвный сектор — с государственным пронзводством, кустари и кооператоры — между собой. А все они, вместе взятые,— с устойчнвым н свободным нмпортом, который есть иорма для всякой «открытой экоиомнки», то есть экономнкн, не отгороженной от внешнего мира ни адмнннстратнвнымн барьерамн, нн «закрытой», необратимой валютой, нн запретительнымн таможеннымн тарнфамн.

Еслн нам удастся всего этого добнться в блнжайшее десятилетне, это будет выдающееся достнженне, подлинная победа перестройкн, а, значнт, и возвращенне всей нашей экономикн к здравому смыслу, к саморазвитню ее без всякнх искусственных взбадрнваннй, понуканнй н кнута. Но некоторые важные шагн в этом направленни мы, мне кажется, могли бы сделать уже сегодня, не откладывая дело на 90-е годы. Я нмею в виду прежде всего такне содействующне развнтню рынка меры, как разработку «антитрестовского законодательства», пресекающего еслн не все, то самые бесцеремонные попытки к полной монополнзацнн рынка н наснлню над потребнтелем. Я нмею в внду также необходнмость, пусть даже н несколько нскусственного, но тем не менее очень важного для торможення монополнстнческнх тенденцнй раздроблення нашнх нанболее могущественных объеднненнй на самостоятельные хозрасчетные предпрнятня, производящне одну и ту же продукцню нли одни и те же услугн. Думаю, напрнмер, еслн бы у Аэрофлота были бы какне-то (скажем, республнканскне) конкуренты, дело бы не было в таком плачевном состоянин, как сейчас. Какой-то дополннтельный толчок должеи получнть и процесс формнровання межотраслевых объединеинй, то есть, по-другому говоря, свободы перелнва капнтала нз отраслн в отрасль. И, наконец, я опять возвращаюсь к тому же, о чем говорнл: импорт, нмпорт н еще раз нмпорт.

А *пятое* (последнее по счету, но отнюдь не по важностн) *условие* полновесностн и действенности нашего рубля — реальный его курс н обратнмость во все валюты мнра.

Некоторые вконец отчаявшиеся голоса предлагают решиться на этот шаг уже сейчас и в качестве первого этапа разрешить предприятиям свободную покупку и продажу иностранной валюты. Думаю все-таки, что сейчас это нереально.

Для того, чтобы ввести хотя бы частичную обратимость рубля, то есть обратимость его для предприятий (но не для «человека с улицы»), необходимо прежде всего завершить реформу оптовых цен и добиться полнокровного развития оптовой торговли средствами производства. Без реформы оптовых цен задача неразрешима хотя бы уж потому, что при нынешних деформированных пропорциях цен мы не можем иметь более или менее достоверного курса рубля. Как известно, нынешний его курс сложился чисто волевым решением, принятым Сталиным в 1950 году: он перечеркнул тогда синим карандашом расчет специалистов, по которому 1 доллар стоил примерно 14 тогдашних рублей, и написал вместо 14 цифру 4, сказав при этом что-то вроде того, что, дескать, «и этого им хватит». Дорого же нам стоил потом этот синий карандашик! Однако факт остается фактом: хотя нынешний курс рубля нереален, определить его более или менее достоверно мы сможем только после того, как наведем порядок в ценах. Это будут, конечно, не нынешние 68 копеек за доллар, но, уверен, и не те спекулятивные 7,5 рубля за доллар, по которым сегодня почти официально покупаются и продаются рубли, скажем, в Западном Берлине. Одно, впрочем, можно предвидеть уже сейчас: девальвированный рубль сделает экспорт намного более выгодным для наших предприятий-экспортеров, а импорт — намного менее выгодным, чем сейчас.

Другое важное условие — оптовая торговля средствами производства — необходимо для того, чтобы рубль стал «внутренне конвертируемым», то есть чтобы любой держатель рубля, будь то отечественное предприятие или наш иностранный партнер, мог в любой момент потратить его у нас в стране на то, на что ему нужно. Сейчас такой возможности ни у того, ни у другого *физически* нет.

Конечно, для того, чтобы иметь конвертируемый рубль хотя бы на уровне общегосударственных счетов, необходимы и резервы для выравнивания неизбежных колебаний платежного баланса. Никакого чуда и здесь ожидать не следует. И для нас, как и для любой другой страны мира, эти резервы могут быть получены только из естественных, так сказать, традиционных источников: форсирование экспорта, золотой запас, маневр долгами, прямые иностранные инвестиции, международный кредит. В этом смысле мне кажется принципиально важным, что мы начинаем, наконец, менять наше отношение к международной валютно-финансовой системе и ее институтам. Если играть, так играть «по правилам», а этому мы никогда не научимся, если будем и дальше оставаться в мире в позиции «гордого одиночества».

Но если конвертируемости рубля для предприятий мы можем добиться уже в первой половине 90-х годов, то полной его конвертируемости, то есть конвертируемости и для «человека с улицы», нам, если не тешить себя иллюзиями, вряд ли удастся достичь раньше конца следующего десятилетия. Причина все та же: полная конвертируемость рубля невозможна без реалистических пропорций в розничных ценах, иными словами, без глубокой реформы розничных цен. А здесь, повторяю еще раз, нам торопиться нельзя. Слишком многое сейчас поставлено на карту, слишком нетвердо еще стоит на ногах перестройка, чтобы можно было пойти на риск погубить ее одним неосторожным движением.

Реформа: шаг за шагом [1]

Беседа с заместителем председателя Комиссии по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма С. А. Ситаряном

С 1 января 1989 года на полный хозрасчет и самофинансирование переведены предприятия угольной промышленности и энергетики, хлебопродуктов и мелиорации, всего агропромышленного комплекса. Начнут переходить на хозрасчет и организации непроизводственной сферы. Таким образом, в нынешнем году все предприятия народного хозяйства страны работают в новых условиях, и главное внимание уделяется теперь отладке нового хозяйственного механизма, с тем чтобы уже с тринадцатой пятилетки он в полную силу работал на ускорение.

Степан Арамаисович, процесс революционного обновления — слом сложившейся за десятилетия командно-административной системы руководства, создание нового хозяйственного механизма — вступает в весьма ответственный этап. Как вы с точки зрения накопленного опыта оцениваете сегодня сам ход экономической реформы?

— Если попытаться охарактеризовать общую картину сегодняшнего дня, то можно сказать, что поле действия старых административно-командных методов сужается, а новое все больше укрепляется в экономической структуре страны. Но это многоступенчатый процесс, он далеко не завершен, находится в движении, и, надо прямо сказать, в начале пути он казался более простым и легким. Инерция старого все еще сильна. Отсюда многие противоречия, трудности, которые характерны для любого переходного периода от старого к новому. Но главное заключается в том, что реформа начала действовать. За весьма короткий срок — 2—3 года осуществлена одна из центральных и сложных ее задач — перевод всех предприятий сферы материального производства на принципы полного хозяйственного расчета и самофинансирования. Можно напомнить, что в прошлом при реализации идей реформы 1965 года процесс перевода предприятий отраслей материального производства на новые условия хозяйствования был растянут на 10—15 лет, в течение которых были постепенно растеряны ее принципы и произошло практическое свертывание самой реформы. Поэтому максимально возможное сжатие временного пояса перевода предприятий на полный хозрасчет, на мой взгляд, закладывает хорошую основу для развития реформы, повышает общий динамизм процесса перестройки всех элементов целостной системы управления, придает ее развитию комплексный характер.

— Согласен, сам факт завершения перевода предприятий весьма важен. Но не менее важен результат, который он дает. Как сработали предприятия, которые были переведены в прошлом году на новые условия хозяйствования?

— Окончательные итоги будут подведены позже. Но некоторые предварительные цифры можно назвать. Прежде всего несколько улучшились показатели выполнения договорных обязательств. За 11 месяцев 1988 года они на 0,6 пункта выше по сравнению с соответствующим периодом 1987 года. Выше и темп роста промышленного производства. За 1988 год производительность труда поднялась на 5,7 процента, в то время как в 1987 году — на 3,8 процента.

[1] Правда. 1989. 5 янв. Беседу вел Д. Валовой.

Повысились и темпы роста прибыли, снизилась себестоимость.

— Однако признаемся откровенно: коренного перелома пока не получается...

— Вы правы. Полученный эффект не может удовлетворять. Он еще мал по сравнению как с ожиданиями общества, так и с его реальными потребностями.

Сложившиеся в прошлом диспропорции и деформации продолжают давить на экономику. Их груз оказался намного тяжелее, чем мы оценивали. Конечно, за прошедшие годы удалось остановить сползание экономики к кризисной ситуации. Она начала набирать обороты. Стабилизировалась работа базовых отраслей народного хозяйства, начался процесс вывода машиностроения из состояния застоя, удалось добиться заметных перемен в развитии отдельных отраслей социальной сферы. Эти положительные тенденции заметно усилились в 1988 году. Но общее состояние экономики остается непростым. О многом раньше мы просто умалчивали.

Бюджетный дефицит возник не вдруг, не сегодня. Он уже давно глубоко проник в нашу экономику и финансы. То же можно сказать о расстройстве денежного обращения, тех трудностях, с которыми нам приходится сталкиваться на рынке товаров. Их корни также лежат в прошлом. Решить эти проблемы сразу нелегко. Нужны не только усилия, но и время. Главное заключается в том, чтобы задействовать в полную силу важнейшее слагаемое нового качества роста нашей экономики — научно-технический прогресс. И здесь, пожалуй, перелома еще нет.

— Но могли быть результаты выше, если бы сам механизм новых методов хозяйствования на старте был бы отработан лучшим образом. Не так ли?

— Да, конечно. Многое не удалось сделать сразу так, как надо. Были и недостатки, и прямые просчеты, возникли и непредвиденные проблемы. Не хватало умения в решении многих задач, сказывались консерватизм, боязнь, да и неприятие нового. Но теперь, за прошедший год, нами накоплен опыт со всеми его плюсами и минусами, и это, пожалуй, один из главных результатов реформы. Он позволяет общие дискуссии о ее развитии ввести в практическое русло, решать задачи, а не рассуждать о них вообще, сверять схемы с реальностью, вносить необходимые корректировки там, где принятые решения оказались малоэффективными или вовсе не верными.

— Что вы имеете в виду?

— Именно под воздействием практики, например, за короткий срок существенно эволюционизировали представления о хозрасчете. В Законе о госпредприятии предложено, как известно, две модели хозрасчета. Первая базируется на прибыли. Вторая — на валовом или хозрасчетном доходе. Основная масса предприятий выбрала первую модель, и лишь незначительная группа — вторую модель. Всего на 1 ноября 1988 года на хозрасчетном доходе работало 943 предприятия.

А ведь что показал опыт? Первая модель оказалась занормированной и поэтому — менее эффективной. Антизатратный механизм оказался в ловушке. Иное дело — вторая модель. Тут фонд заработной платы формируется по принципу остаточного метода...

— Почему же вторая модель хозрасчета не получила широкого распространения?

— Причин несколько. Во-первых, эта модель более жесткая. Она не терпит убытков и более чувствительно наказывает трудовой коллектив за просчеты в работе. Поэтому не случайно, что ее предпочитают предприятия относительно крепкие, рентабельные. Во-вторых,

вторая модель существенно усложняет процесс зарабатывания фондов оплаты труда, тем самым отпугивая некоторые коллективы тем, что заработную плату и фонды надо зарабатывать каждый раз как бы заново. Напомню: здесь нет гарантированного базового фонда. Есть и другие узлы, которые ныне развязываются, что открывает дорогу второй модели.

— Не отстаете ли от жизни? Ведь снизу все настойчивее стучится в дверь аренда — новая модель хозрасчета. Может, именно ей и надо открывать «зеленую улицу»?

— Да, аренда может стать одним из перспективных и прогрессивных направлений в нашем хозяйствовании. Она позволяет тесно сомкнуть интересы личности, коллектива, общества. Сегодня аренда энергично развивается, особенно на малых и убыточных предприятиях. Только в Московской области на арендных отношениях работают уже 270 трудовых коллективов. Аренда завоевывает все новых сторонников практически во всех отраслях. С начала 1989 года элементы арендных отношений внедряются и в хозрасчетную деятельность Сумского машиностроительного НПО имени М. В. Фрунзе.

— В чем же тогда дело? За аренду и надо голосовать двумя руками?

— Тут я с вами согласен. До сих пор аренда не имеет гражданства. Что я имею в виду? Еще не сформирована общая концепция арендных отношений. Не изучены и социально-экономические последствия деятельности арендных предприятий. Нет эффективного механизма своевременного обновления и модернизации основных фондов, технического развития предприятий и их материального обеспечения, нет ясности в определении порядка исчисления арендных платежей и налогообложения доходов предприятий. Поэтому очень важно сегодня быстрее на практике отработать основные принципы и механизмы функционирования предприятий в условиях арендных отношений. Такая работа в настоящее время ведется. Она близка к завершению. Расширение аренды позволяет довести хозрасчет до каждого участка, бригады, каждого рабочего места.

— Но стабильность эффекта во многом зависит от сбалансированности планов, обоснованности госзаказа и нормативов. В этой связи в почте «Правды» много нареканий.

— Вы правы. Внешние условия и факторы действительно могут помочь полному хозрасчету расправить крылья. А могут и подрезать их. Такая угроза возникла, например, в начале прошлого года в результате чрезмерного завышения доли госзаказа в плане, который существенно ограничил самостоятельность предприятий в разработке производственной программы. Временное положение о формировании государственных заказов смягчило возникшую напряженность. В машиностроении, скажем, удельный вес государственного заказа с 86 процентов в 1988 году доведен до 25 процентов в 1989 году...

— Значит, проблема эта снята?

— Принятые меры нужно рассматривать как переходные. Они и названы временными. Госплану СССР предстоит разработать такую идеологию государственного заказа и технологию его формирования, которая более полно отражала бы замысел, присущий этой новой категории планирования.

Дело не только в количественной оптимизации величины госзаказа. Она может быть разной в различных отраслях. Надо четко определить роль и права потребителя при его формировании. Развить на деле конкурсные начала при размещении государственных заказов. Решение этих вопросов непосредст-

венно связано с улучшением сбалансированности н насыщением рынка.

Немалая работа предстоит и с экономическнми иормативами. Почему они оказались с изъяиами? При их формировании мы имели реальные ограничения: лимиты капитальных вложений и подрядных работ, а также пропорции в распределеиин финансовых ресурсов, утверждеииые пятилетиим планом. Поэтому по миогим предприятиям в 1987 году нормативы были механически индивидуалнзированы по годам пятилетки со всеми вытекающими отсюда перекосами. В 1988 году нормативы усреднили. Такая же идеология заложеиа для предприятий, которые иачали работать в новых условиях в нынешнем году. Но различия в стартовых условиях формнрования нормативов сохранялись. Отсюда и претензии с мест. Много нареканий и на неодинаковые размеры иормативов отчислений в фонды экономического стимулирования предпрнятий. Но сегодня при всех недостатках нормативов можио отметить один положительный момент — они сохраняются стабильными для предприятнй. При формнрованни плана на 1989 год они не пересматривались.

Но проблема в целом еще не решена до конца. Сейчас разрабатываются научные основы формирования экоиомических нормативов на тринадцатую пятилетку. Будут отработаны основы и технологня их построения, усилены единые подходы ко всем предприятиям при их формировании, повысится их стимулирующая роль.

— Сдерживающнм фактором развития полного хозрасчета является отсутствие, по существу, оптовой торговлн средствамн производства. Намечается ли ускоренне на этом участке перестройкн?

— Темпы развнтия оптовой торговли действительно недостаточны.

— В чем тут причнны?

— Причин много. Это — и наличие крупных диспропорций и дефицитов в народном хозяйстве, и боязнь мннистерств и центральных экономических ведомств выпустить из рук нити управления движением материальных ресурсов, и неотработанность организациоииого мехаиизма их распределения. И недостаточиое развитие, а порой и полное отсутствие горизоитальиых связей в народном хозяйстве. И неотработанность всего цеиового механизма.

— Не подрежет это крылья хозрасчету?

— Да, отставание в развертываиии оптовой торговли все больше дает о себе знать. Усиливаются противоречия в развитии самого иового механизма. И проблема материализации фондов, которыми располагают предприятия, сегодня одиа из самых актуальных.

Сейчас определены параметры оптовой торговли на ближайшие годы. В 1988 году в ее рамках было реализоваио фондов на 40 миллиардов рублей. На нынешний год этот объем должен достигнуть 115 миллиардов рублей, а на 1990 год намечается довести его до 200 миллнардов рублей. Однако этот процесс идет еще очень сложно, противоречиво.

— Не создаст ли неотработаиность отдельиых элемеитов реформы, иекомплексиость их внедрення сложностн н иовые противоречия в развнтии экоиомикн? И вновь в новых условиях хозяйствовання предприятия придержнвают имеющнеся резервы, стремятся взять плаи поменьше. Таких фактов в иашей почте тоже иемало.

— Согласен. Переходный характер становления нового хозяйственного механизма порождает новые проблемы, более остро высвечивает необходимость тщательной отладки механизма согласования коллективных хозрасчетных интересов предприятий с общественными, плана н рынка.

— Нельзя ли более конкретно раскрыть эту мысль?

— Можно, конечно. Например, предприятия, получив самостоятельность в планировании, нередко занижают в плане свои показатели по сравнению с контрольными цифрами пятилетки. Так, по прибыли возвратные планы предприятий на 1988 год были ниже исходных данных на сумму свыше 5 миллиардов рублей. Одновременно ожидаемая фактическая прибыль за год превысит контрольные цифры более чем на 10 миллиардов рублей. В плане на 1989 год мы столкнулись с тем же процессом.

— Что толкает на это трудовые коллективы?

— Прежде всего неотработанность самого хозяйственного механизма. Дело в том, что фонды экономического стимулирования предприятий формируются от фактически полученной прибыли или дохода. На старте можно безбоязненно занизить план, поскольку в случае его перевыполнения получишь свое по факту. Это нередко порождает и трудности материального обеспечения плана. Если предприятие посчитает свой план несбалансированным, оно старается занизить его и таким образом уйти от штрафов за недопоставку продукции, которые нередко перекрывают прибавку прибыли.

— Заметно усилилось и стремление предприятий завышать цены, «вымывать» дешевые товары из плана. Таким путем зарабатывается и прибыль, и авторитет. А страдают покупатели. Это ведь тоже ненормально?

— От фактов никуда не денешься. Многие предприятия злоупотребляют практикой договорных цен и взвинчивают их. Почему такое стало возможным? Сегодня мы имеем дело с рынком монопольного производителя. Какие-либо конкурентные начала еще не отработаны. Впрочем, настоящего рынка мы еще и не сформировали. Это создает возможность получения производителями незаработанной прибыли, а значит, и выплаты незаработанной зарплаты. В 1988 году ее рост на многих предприятиях значительно обогнал рост производительности труда, что усиливает инфляционные процессы.

Вместе с тем не следует перекладывать все ценовые «грехи» на нижние этажи управления, на сами предприятия. Происходящие в сфере ценообразования процессы — результат не только поведения предприятий, их неуемного желания получить незаработанные деньги, но и результат давления, которое оказывается министерскими и планово-финансовыми органами на них посредством валовых показателей, под воздействием которых они нередко «вздувают» товарную продукцию и прибыль путем «вымывания» дешевых товаров либо завышения цен. Не все обстоит благополучно и в методологии ценообразования. И исключать эти обстоятельства, полностью перекладывать вину на предприятия было бы неправильно, поскольку мы тогда не найдем верного и комплексного решения проблемы в целом.

— Одновременно быстрее надо избавляться от вала. Не оценивать работу предприятий, темпы их экономического роста на базе товарной и реализованной продукции. Это ведь абсурд, от которого мы никак не можем избавиться. А стоимостные показатели как раз и толкают предприятия на повышение цен, «вымывание» дешевого ассортимента.

— Вы правы. Но я хотел бы сказать о другом. Многие ученые и практики, отталкиваясь от безусловно правильной посылки отрицания валовых показателей как директивно-плановых, приходят к отрицанию роли всех стоимостных показателей, в частности и прибыли как основы хозрасчетной организации деятельности предприятия. Они тянут нас вновь к нату-

ральным измерителям продукции и результатов труда как к единственно надежным. Но натура — это всего лишь потребительная стоимость, она информирует о полезности вещи, но не отвечает еще на вопрос о ее эффективности: выгодна она или убыточна? Конечно, «стерильную» прибыль трудно себе представить, но надо делать все возможное, чтобы предприятие не получало «спекулятивной» прибыли. Но нельзя вместе с водой выплескивать ребенка.

Думаю, что, несмотря на трудности, а они неизбежны, нам следует двигаться вперед, искать пути решения возникающих в ходе реформы проблем экономическими методами и меньше полагаться на сверхсилу административных методов.

— Но чтобы уверенно двигаться этим путем, надо иметь надежное научное обеспечение хода реформы. Как, по вашему мнению, обстоит здесь дело?

— Многие трудности, с которыми приходится сталкиваться в ходе осуществления реформы, связаны с тем, что еще не по всем направлениям имеются достаточно надежные научные представления. Мы вынуждены идти методом проб и ошибок. С мест идут все новые предложения и инициативы, к примеру, именно внизу зародилась арендная форма. Предприятиями были выпущены первые акции. Возникли акционерные фирмы на предприятиях. И мы оказались не очень готовыми к тому, как строить те же арендные отношения, как управлять процессом выпуска акций.

Ныне ведется разработка и такой сложной, многоплановой проблемы, как территориальный хозрасчет. И тут остро чувствуется слабая теоретическая и методологическая база. Уже первые шаги реформы требуют активизации такого инструмента управления, как налоги. И здесь мы пока решаем вопросы на ощупь.

— А что вы скажете о подготовленности хозяйственных руководителей к работе по-новому?

— К сожалению, до сих пор мы встречаемся не только с экономической, но, я бы сказал, психологической неподготовленностью многих хозяйственных руководителей, инженерно-технических работников и даже экономистов предприятий к работе в новых условиях. Многие из них привыкли сверять каждый шаг с развернутой гаммой директивных заданий, с заранее установленными положениями многочисленных инструкций, правил. И, получив долгожданную самостоятельность, не знают, как действовать, что делать. Потому вопросы экономической подготовки кадров выдвигаются сегодня на первый план. Это полностью относится и к работникам отраслевых министерств и центральных экономических органов. Хозяйственники должны быстрее осваивать механизм управления производством с помощью новых категорий, таких, как рынок, прибыль, цены, кредит, налоги, нормативы, договор, уметь дорожить своим словом.

— И последний вопрос. Каковы те направления, на которых должны быть сконцентрированы главные усилия для повышения эффективности всей работы по реализации идей реформы?

— Они весьма многоплановы. Но если иметь в виду наиболее актуальные направления, то я бы выделил следующие.

Во-первых, предстоит уже в ближайшее время глубоко проанализировать итоги работы предприятий в новых условиях в 1988 году, понять, что и почему не получается, и заняться тщательной отладкой механизма, более жесткой увязкой его отдельных элементов.

Во-вторых, должна быть открыта широкая дорога развитию арендных отношений, надо отработать механизм второй хозрасчетной формы, с тем чтобы максимально

активизировать действие современных идей хозрасчета, задействовать на деле интересы коллективов и каждого работника.

В-третьих, одно из центральных мест в ближайшее время займет работа по разработке общих принципов регионального управления, перевода республик на принципы самоуправления и самофинансирования.

И, наконец, в-четвертых, надо не только осмыслить категорию социалистического рынка, но и научиться практически управлять им с помощью плана и цен, финансов, кредита, ценных бумаг, выработать и успешно осуществлять антимонопольную и антиинфляционную политику.

— Тогда еще один вопрос. Все эти проблемы должны быть в центре внимания комиссии, от нее многое зависит. Как вы оцениваете ее работу?

— Комиссия работает достаточно напряженно. Она заседает практически еженедельно, рассматривает и решает многочисленные вопросы, связанные с осуществлением реформы. Но эффективность работы комиссии должна быть повышена. Нам следует сконцентрировать свое внимание на крупных, принципиальных вопросах, а мы нередко вынуждены заниматься «мелкими» вопросами, хотя от них никуда не денешься. Недостаточна и результативность работы научной секции комиссии. В ней сосредоточены наши видные ученые, и ее отдача могла быть большей.

В настоящее время принято решение, направленное на повышение действенности работы комиссии, уточнены ее функции. Отныне она будет называться Комиссией по совершенствованию хозяйственного механизма при Совете Министров СССР. Думаю, все это должно способствовать активизации работы комиссии, повысит ее роль в реализации радикальной экономической реформы.

Е. Гайдар

Хозяйственная реформа, первый год [1]

В истекшем году реформа системы хозяйствования из сферы теоретических споров, экспериментов вошла в жизнь миллионов людей. Вступили в силу законы «О государственном предприятии (объединении)» и «О кооперации в СССР». На условиях самофинансирования работали хозяйственные звенья, выпускающие более 60 процентов промышленной и сельскохозяйственной продукции, выполняющие около 50 процентов подрядных строительно-монтажных работ, примерно половина сферы обслуживания, вся торговля и связь. Пожалуй, даже наиболее убежденные сторонники развития кооперации не предполагали, что уже к концу 1988 года численность занятых в этом секторе экономики превысит миллион человек, а объем выпущенной за год продукции и оказанных услуг составит более 4 миллиардов рублей. Вызов, который бросают государственным предприятиям быстрое развитие кооперации и ее растущие денежные доходы, несомненно, послужил катализатором перемен. Передача предприятий в аренду трудовым коллективам, еще весной вызывавшая удивление, уве-

[1] Коммунист. 1989. № 2.

рение входит в практику, на этих условиях работают десятки хозяйственных звеньев. Хотя здесь остается немало нерешенных экономических и правовых проблем, социологические обследования убедительно показывают, что именно с этой, рожденной по инициативе снизу формой хозяйствования многие связывают надежды на радикальное повышение эффективности использования государственной собственности. Информация о выпуске акций советскими предприятиями, начале действия совместных фирм, регистрации кооперативных банков уже перестала восприниматься как сенсационная.

Хотя инерция еще очень сильна, отрицать, что система хозяйствования серьезно изменилась, может лишь тот, кто не хочет замечать очевидное. Теперь именно по практическим результатам общество судит о правильности избранного курса, обоснованности принятых решений. Обобщающие показатели развития экономики в истекшем году улучшились (см. таблицу).

Темпы прироста
(в процентах)

Показатели	Среднегодовые в 1981—1985 гг.	Среднегодовые по плану двенадцатой пятилетки	1987	1988
Произведенный национальный доход	3,6	4,2	2,3	4,4
Продукция промышленности	3,7	4,6	3,9[1]	3,9
Продукция сельского хозяйства	1,0	2,7	—0,6[1]	0,7

[1] Уточненные данные Госкомстата СССР.

Достигнутое ускорение темпов роста объема производства позволило по ряду важнейших параметров выйти на уровень, предусмотренный пятилетним планом, или вплотную к нему приблизиться. Произведенный национальный доход в 1988 году превысил уровень 1985 года на 11,1 процента (пятилетний план — на 12,8 процента), продукция промышленности — на 13,3 (пятилетний план — на 13,8 процента).

Заметно изменилась динамика показателей эффективности производства, в первую очередь производительности общественного труда. Темпы ее прироста по сравнению с прошлым годом возросли вдвое. Активизировался начавшийся в 1987 году процесс высвобождения занятых в основных производственных отраслях народного хозяйства. Так, в топливно-энергетическом комплексе, где продолжался реальный рост объема производства, за 11 месяцев численность работающих сократилась на 29 тысяч человек. Масштабы этого процесса легче оценить, если вспомнить, что, по данным проведенного Госкомстатом РСФСР в 1988 году обследования, установленные на предприятиях гражданского машиностроения республики 946 промышленных роботов стоимостью 24,7 миллиона рублей позволили высвободить лишь 349 человек.

Все это могло бы стать основанием для выводов о серьезных успехах, достигнутых уже на первых шагах внедрения новых методов хозяйствования. Могло бы, если бы не картина ухудшения положения на потребительском рынке и резкого обострения дефицитности. Если бы не ускорение темпов роста цен, чувствительное для бюджета миллионов семей. Если бы не растущая тревога в обсуждении того, что происходит в экономике. На этом фоне даже самая точная информация о благополучной динамике объема производства воспринимается настороженно, а порою и с недоверием.

Поэтому для оценки народнохозяйственного развития в 1988 году принципиально важно выявить причины существующих негативных тенденций, понять, в какой мере и при каких условиях сдвиги в сфере материального производства могут в ближайшей перспективе стабилизировать положение.

I

Стержень начатой перестройки системы хозяйствования — активное использование механизмов рыночного регулирования. Если нет цен, балансирующих спрос и предложение, позволяющих согласовывать интересы производителей и потребителей, то для этой операции неизбежно понадобится общий «начальник». Сохраняющееся распределение по карточкам миллионов видов производимой в стране продукции — самая надежная гарантия против серьезного сокращения управленческого аппарата.

Как показывает опыт, наиболее крупным препятствием на пути осуществления радикальной хозяйственной реформы является опасность неконтролируемого ускорения роста цен, подрывающего действенность экономических стимулов и социальную поддержку начатых преобразований. Поэтому реформа может быть успешной лишь в сочетании с четкой и последовательно проводимой антиинфляционной политикой. Основные меры такой политики в мировой практике хорошо известны. Речь идет о сокращении государственных расходов и снижении дефицита бюджета, ограничении объема кредитования и денежной массы.

Программа экономической реформы, принятая июньским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС, предусматривала осуществление мероприятий, направленных на финансовое оздоровление. Однако на практике развитие событий пошло по принципиально иному пути.

Финансовое положение государства было напряженным уже на протяжении многих лет. С 1985 года начинается серьезное сокращение доходов бюджета по двум крупнейшим статьям — налога с оборота от реализации спиртных напитков и доходов от внешней торговли. Чтобы создать нормальные условия для проведения экономической реформы, в этой ситуации необходимо было еще в большей мере сократить расходы. Однако темпы их прироста ускоряются, а доля бюджета в использованном национальном доходе растет. В 1988 году через него уже перераспределяется более 70 процентов национального дохода. Одновременный рост денежных доходов населения, хозрасчетных фондов предприятий и расходов бюджета явно усиливает инфляционные процессы.. Тем не менее, несмотря на быстро увеличивающийся государственный долг, только в 1989 году планируется поднять бюджетные ассигнования на 51,1 миллиарда рублей. Это больше всего прироста национального дохода, полученного за три первых года пятилетки.

Хотя показатели, характеризующие динамику денежной массы, пока не стали общедоступными, целый ряд параметров позволяет сделать вывод, что антиинфляционные меры в области денежного обращения также не были реализованы. Среднегодовой прирост вкладов населения, составлявший в одиннадцатой пятилетке 12,9 миллиарда рублей, в 1986—1987 годах увеличился до 23 миллиардов. В 1988 году вклады населения выросли почти на 30 миллиардов рублей. Из общеэкономических соображений ясно, что в создавшемся положении темпы прироста выпуска наличных денег в обращение еще выше.

Неблагоприятно складывалась ситуация и в сфере безналичного оборота. В конце 1987 года предприятиям были предоставлены крупные льготные кредиты. Они

позволили снизить объем просроченной задолженности. Предполагалось, что в течение 1988 года она должна еще больше уменьшиться. На практике за 10 месяцев просроченная задолженность по ссудам и взаимным расчетам выросла на 17,5 миллиарда рублей.

Таким образом, переход к новым методам хозяйствования сочетался с решениями, стимулировавшими резкое усиление инфляционных процессов. Явно прослеживалось стремление использовать выявившиеся резервы для немедленного ускорения темпов экономического роста, расшивки узких мест в различных отраслях народного хозяйства. Результатом стало обострение противоречий на рынках потребительских товаров и производственных ресурсов.

II

Потребительский рынок был серьезно расстроен уже к началу 1988 года. При темпах роста денежных доходов населения, соответствовавших расчетам к пятилетнему плану, торговля за 1986—1987 годы получила товаров на 33 миллиарда рублей меньше, чем планировалось. Началось быстрое сокращение запасов в торговле, они уменьшились на 13,8 миллиарда рублей. Исчезновение товаров с прилавков магазинов лишь наглядно отразило эти экономические процессы.

Предпринятые в 1988 году усилия по наращиванию производства товаров народного потребления позволили добиться определенных позитивных сдвигов. Если в 1986—1987 годах темпы роста производства промышленной продукции группы «Б» вопреки заданиям пятилетки заметно отставали от темпов роста по группе «А», то в минувшем году положение изменилось, производство предметов потребления увеличивалось опережающими темпами. Однако наибольшее влияние на рыночную ситуацию оказало не это, а резко ускорившийся, практически вышедший из-под контроля рост денежных доходов населения. В пятилетнем плане предусматривалось, что оплата труда будет расти медленнее, чем розничный товарооборот. На деле в 1985—1988 годах она увеличивалась почти в два раза быстрее. В 1988 году среднемесячная зарплата по расчетам к годовому плану должна была возрасти на 4 рубля, фактический же ее прирост составил 14 рублей.

При резком ускорении роста объема розничного товарооборота, в значительной мере обусловленном повышением средних цен покупок, запасы в торговле не только не увеличились на 2 миллиарда рублей, как намечалось по плану, но сократились еще на 3 миллиарда. Даже запасы неходовых и залежалых товаров стали быстро таять, уменьшились в течение 1988 года более чем на 30 процентов.

Механизм раскручивания инфляционной спирали, срабатывающий в условиях господства поставщика на рынке, хорошо прослеживается на примере легкой промышленности. В 1986—1987 годах эту отрасль неоднократно критиковали за низкие темпы роста объема производства. В 1988 году положение изменилось. Темпы прироста продукции подскочили с 1,5 процента в 1987 году до 4,3— в 1988 году. Ничего загадочного в том, за счет чего был обеспечен такой бурный рост производства, нет — быстро повышались цены. По данным Госкомстата РСФСР, за девять месяцев 1988 года средняя розничная цена кожаной обуви выросла на 15 процентов, трикотажных изделий — на 9, хлопчатобумажных тканей — на 5 процентов. Резко (на 9 процентов) увеличилась прибыль, а вместе с ней и отчисления в хозрасчетные фонды, почти такими же темпами росла среднемесяч-

иая заработиая плата. За год предприятия отрасли иедопоставили 13 миллиоиов пар кожаиой обуви, 48 миллионов штук трикотажиых изделий, миого другой продукции.

Положение иа рыике товаров легкой промышлеииости усугубляется тем, что объем поставок в 1988 году лишь по стоимости компеисировал сокращеиие импорта в 1986—1987 годах, а в иатуральиом выражеиии реализация по миогим позициям была иирке уровия 1985 года. Предприиимаются усилия, иаправлениые иа то, чтобы поправить дело. В частиости, закуплеио иесколько десятков комплектиых обувиых заводов. Подобные шаги могут быть объективио иеобходимыми, в случае успеха оии позволяют ослабить дефицит по даииой коикретиой товариой группе. Но, к сожалению, одиовремеиио оии усиливают его по другим — иатуральиые меры иедостаточиы для решеиия фииаисовых по своей природе проблем.

Эта закоиомериость в истекшем году иаглядно проявилась в реализации товаров, зиачительиый и реальиый рост производства которых был обусловлеи переключеиием части мощиостей тяжелой промышлеииости на их производство. Задаиия Комплексной программы развития производства товаров иародного потребления по ряду видов продукции (стиральиые машииы, электропылесосы и т. д.) перевыполияются. В иатуральиом выражеиии выпуск телевизоров увеличился иа 6 процеитов (в том числе цветиого изображеиия — на 22), магиитофоиов — иа 10, электропылесосов — иа 8, швейиых машии — иа 5, стиральиых — иа 6 процеитов. Коиечно, ие по всем товарам рост выпуска работал иепосредствеиио иа иасыщеиие рыика. Так, в частиости, весь прирост производства холодильииков был иаправлеи иа экспорт. Но по многим видам продукции быстро увеличивались и поставки в торговлю. Одиако еще быстрее сокращались товариые запасы.

Яркий пример в этом плаие — положеиие с поставками сиитетических моющих средств. Коиечио, когда мы обсуждаем обострение дефицита даииой продукции, можио и иужио вспомиить о крупиых иеосвоеиных мощиостях по ее производству, о том, иапример, что закуплеииое в 1980—1982 годах за 29 миллиоиов иивалютиых рублей оборудоваиие по производству 200 тысяч тоии стиральиого порошка, паст и других моющих средств так до сих пор и ие дает продукции. Но ведь есть и другая сторона дела. Выпуск сиитетических моющих средств, их реализация в истекшем году зиачительио увеличились, а положеиие в торговле резко ухудшилось.

Опыт показывает, что при любых темпах роста производства товаров выпуск деиег в обращение может увеличиваться еще более высокими темпами. При расстройстве деиежиой системы, падеиии доверия к рублю спрос в считаииые дии может возрастать в иесколько раз. Деформироваииый рыиок сразу же реагирует иа измеиившуюся ситуацию: активизируются механизмы распределеиия дефицитиых ресурсов — очереди, иормироваиие, заказы. Повышается статус оргаиов и работииков, связаииых с реализацией даиных товаров, формируются группы, заиитересоваииые в поддержаиии дефицита, активизируется чериый рыиок. Возросшие объемы поставок просто ие попадают в открытую продажу. С образоваиием запасов у иаселеиия, увеличеиием производства дефицит может смеииться затовариваиием. Но к тому времеии спрос переключается иа другие виды продукции.

Противоречивые теидеиции взаимодействовали в мииувшем году иа рыике продовольствеииых товаров. Продолжавшееся повышение продуктивиости в животиоводстве

позволило увеличить реализацию мясных и молочных продуктов. Надо признать, что при пересчете по международным стандартам потребление мяса и мясопродуктов на душу населения составляет сегодня не 65 килограммов в год, а значительно (по данным Госкомстата СССР — на 8 килограммов) меньше. Конечно, действующая методика учета разработана и введена не вчера, искажение давно заложено в базу. Верно и то, что часть возросших поставок мяса объясняется сокращением поголовья. По имеющимся оценкам, доля этого фактора не превышает 25 процентов, а продолжающееся увеличение производства молока свидетельствует о том, что этим пока не наносится ущерб животноводству.

Перестройка механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе хотя и медленнее, чем хотелось бы, но все же идет, и результаты ее начинают сказываться. Например, в РСФСР более 80 тысяч семей взяли на подряд выполнение полного цикла производства сельскохозяйственной продукции. За ними были закреплены земля, животноводческие помещения, другие средства производства. В Вологодской, Орловской, Тульской, Омской областях, Чувашской АССР производительность труда в таких коллективах в 3—7 раз превышает средние показатели колхозов и совхозов. Хотя во внедрении аренды пока немало элементов формализма, проводимые обследования показывают, что те, кто перешел на новые условия работы, высоко оценивают их потенциальные возможности. В числе наиболее серьезных преград на этом пути чаще всего называют нарушение обязательств администрацией хозяйств, короткие сроки договоров, недоступность средств малой механизации.

Значительно хуже обстоят дела в растениеводстве. Урожай зерновых в РСФСР был на 11 миллионов тонн ниже среднего уровня первых лет пятилетки. Заметно уменьшилась поставка в торговлю фруктов, картофеля.

Рост реализации продуктов питания в стоимостном выражении также в значительной мере обусловлен повышением цен. По данным Госкомстата РСФСР, за 9 месяцев розничные цены на картофель возросли на 18 процентов, мясо, колбасные изделия и мясные консервы — в среднем на 3,2 процента. Из 211 групп продовольственных товаров, выделяемых Всесоюзным научно-исследовательским институтом по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли, к числу тех, в покупке которых потребители, как правило, не испытывают затруднений, можно было отнести лишь 23. Круг неблагополучных товарных групп продолжает расширяться. Так, сюда постепенно перемещаются рыба и рыбные консервы. Запасы рыбных консервов в торговле, казавшиеся неисчерпаемыми, по РСФСР за два года сократились почти в два раза.

На начало сентября в 24 автономных республиках, краях, областях РСФСР действовали талоны на мясо и колбасные изделия, в 13 — на животное масло. Параллельно идущее быстрое увеличение денежных доходов населения и расширение сферы регламентированного карточного снабжения, охватывающего все новые товары, вообще стали характерными чертами минувшего года. Зарплата в обесценивающихся рублях растет, но различия в оплате слабо сказываются на доступе трудящихся к товарам.

В этой обстановке серьезно деформируется развитие кооперации. По своей природе она неотделима от рынка и рыночного ценообразования. Но при высоких темпах роста денежной массы необеспеченный спрос тянет свободные коопе-

ративные цены вверх. Вместе с ними повышаются и доходы кооператоров. Винить и в том и в другом кооперацию в большинстве случаев нет оснований — происходящее определяется финансовой ситуацией. Но развитие обозначившейся тенденции может привести к тому, что цены и доходы в кооперативном секторе достигнут уровня, практически изолирующего его от остальной легальной экономики. А как воспринимаются цены кооперативных товаров на фоне нарастающего дефицита в государственной торговле, понять нетрудно.

III

Пожалуй, наиболее характерным мотивом выступлений руководителей предприятий в минувшем году были жалобы на сохраняющийся избыточный административный контроль, на то, что доводимые государственные заказы, договоры, которые под давлением сверху приходится заключать, не учитывают реальных производственных возможностей, сковывают свободу хозяйственного маневра. А также на то, что поставщики не желают заключать хозяйственные договоры, а вышестоящие органы не обеспечивают поставки необходимой техники, сырья, полуфабрикатов. Все это в основном верно.

Механизмы, призванные обеспечивать согласование интересов, деформированы низкой покупательной способностью рубля. Деньги не дефицитны, их в народном хозяйстве по-прежнему избыток. Положение контролирует тот, кто располагает натурально-вещественными ресурсами. Это ярко проявляется в условиях заключения договоров, которые навязывают потребителям. Самые простодушные руководители шлют письма, где открыто оговаривают заключение договора встречной поставкой дефицитных материалов — цемента, облицовочной плитки, труб, стали. В подавляющем большинстве случаев обходятся без подобных документов. Непокладистые потребители уведомляются о снятии необходимой им продукции с производства.

Требуются поистине титанические усилия снабженческих органов, чтобы как-то компенсировать слабость проводимой финансово-кредитной политики, не дать развалиться системе хозяйственных связей. Информация о ходе кампании по заключению договоров обсуждается высшими органами управления как сводки боевых действий. Постоянно возникают новые проблемы: подшипники, напильники, крановые двигатели, техника для Крайнего Севера и т. д. Скажем, когда принятые предприятиями на 1989 год планы производства электродвигателей малой мощности, без которых невозможен выпуск бытовой электротехники, оказались почти на 6 миллионов штук меньше, чем заявки потребителей, пришлось искать выход: урезать запросы, навязывать поставщикам дополнительные задания. И поставщики и потребители, не сумевшие договориться напрямую, имеют основания жаловаться на узурпацию предоставленных законом прав вышестоящими органами.

Господство поставщика проявилось и в явном ускорении роста цен на производственные ресурсы. В машиностроении выпуск большинства важнейших видов продукции, измеряемых в натуральных показателях, сократился, в лучшем случае незначительно вырос (металлорежущие станки, кузнечно-прессовые машины, ткацкие станки, мостовые краны, бульдозеры, грузовые вагоны, автомобили), а измеряемых в оптовых ценах,— заметно увеличился (приборы, средства автоматизации и запасные части к ним, доменное, сталеплавильное, прокатное оборудование, медицинская техника и т. д.).

В строительстве также стоимостные объемы строймонтажа, прибыль строительных организаций росли значительно быстрее, чем объем важнейших работ в натуральных измерителях.

В целом по народному хозяйству темпы прироста прибыли увеличились с 6,9 процента в 1987 году до 9,5 — в 1988-м. Возросшие отчисления в фонд материального поощрения стали важнейшим фактором, определявшим динамику оплаты труда. Ненасыщенный рынок позволяет повышать цены, увеличивать прибыль, хозрасчетные фонды, повышать зарплату, с которой люди приходят на еще более бедный рынок. Складывается и иная модификация инфляционной спирали. Завышенный платежеспособный спрос открывает широкие возможности наращивания хозрасчетных фондов, предназначенных для финансирования развития производства, и вместе с тем способствует увеличению спроса на инвестиционные ресурсы.

Повышение эффективности экономики неразрывно связано с успехом хозяйственной реформы. И все же ее роль в развитии народнохозяйственных комплексов отнюдь не одинакова. В топливно-энергетических отраслях немалого можно было добиться за счет наведения порядка. И здесь позитивные сдвиги налицо. В 1988 году вновь выполнены планы добычи нефти, газа, угля. На этом фоне особенно отчетливо видны неудачи в тех отраслях, где ничем нельзя заменить гибкость и надежность хозяйственных связей, заинтересованность производителя в использовании научно-технических достижений,— в первую очередь в машиностроении.

Пожалуй, в машиностроении особенно ярко проявилась опасность чрезмерного оптимизма в разработке планов. Именно здесь ожидали подлинного экономического чуда от организационных мер. Требовалось резко повысить темпы роста производства и экономии ресурсов, ускорить обновление продукции и радикально улучшить ее качество, осуществить широкомасштабную модернизацию производственного аппарата. При этом вопреки плановым ориентирам доля отрасли в капитальных вложениях в 1986—1988 годах по сравнению с уровнем одиннадцатой пятилетки возросла незначительно. Средние сроки строительства составляли в Минтяжмаше —12,8 года, Минавтосельхозмаше —11,6 года.

Неудачи в машиностроении, значительно более медленные, чем намечалось, темпы наращивания производства ресурсоэкономной техники сдерживают снижение металло- и энергоемкости в народном хозяйстве.

Напряженным остается положение в электроэнергетике. Фронт строительства здесь вопреки принятым документам и здравому смыслу продолжает расти. В 1988 году стоимость включенного в план производственного строительства увеличилась по сравнению с 1985-м на 17 процентов и достигла 82 миллиардов рублей. Между тем задания пятилетки по вводу мощностей в 1986—1988 годах выполнены менее чем наполовину. Отрасль по-прежнему работает с резервом мощностей значительно ниже норматива. Половина фондов электроэнергетики изношена на 50 процентов и более.

В металлургии заметно медленнее, чем предполагалось, увеличивается производство высококачественных видов продукции и применение ресурсоэкономных технологий. Если по плану в 1986—1988 годах намечалось ввести 15 машин непрерывного литья заготовок, то фактически их введено лишь 4. Нарастает износ используемого оборудования, продолжается эксплуатация наиболее устаревших, неэкономичных, экологически вредных агрегатов.

Капиталовложения, направляемые иа удовлетворение потребиостей страны в топливе, эиергин, металле, в 1986—1988 годах рослн быстрее, чем в легкой промышленности. Народиое хозяйство постепеиио возвращается на бесперспективиый путь компенсацнн низкого уровия эффектнвностн нспользоваиня сырья н топлнва — увелнчением нх добычн, с которого н пыталнсь сойти в текущей пятнлетке.

IV

Когда иачииалась кампаиня по форснроваиному сокращенню реалнзацнн спиртиых напитков, большие иадежды возлагалнсь иа то, что рост производительиостн труда с лихвой возместнт потери бюджета. Снижение расходов, фннансировавшнхся за счет доходов от продажи винио-водочных изделий, не предусматрнвалось. В 1988 году ситуация иа рынке выиудила виестн корректировки в проводимый курс. При утверждеини годового бюджета речь шла о сокращеиии выручкн от спиртных иапитков иа 11,5 миллиарда рублей, фактическн же оиа возросла иа 3 миллиарда. Мы неодиократно упомниали о иегатнвном влиянии сннження производства алкоголя иа фиксируемую статистикой дииамику нацноиальиого дохода. Нельзя ие сказать и о том, что измеиившаяся тенденция вноснт свой вклад в ускореиие темпов его роста. Но не стонт предаваться иллюзиям. Когда доверне к рублю подорвано, инфляция приобрела собствениую ннерцню, торговля деформирована, замена серьезных мер по фннаисовому оздоровлению экономики ростом реализацнн алкоголя приведет лншь к тому, что иа опустевших прнлавках появится спиртиое.

Было бы иеправильно ие заметнть уснлий, предпрниимаемых с тем, чтобы поправнть положеиие. К выпуску товаров народиого потреблення, техническому перевооруженню легкой промышленности, перерабатывающнх отраслей агропромышлеиного комплекса активно прнвлекаются оборонные предпрнятня. Наглядное свндетельство новых подходов к формнрованию иародиохозяйствеиных приорнтетов — решеиие о перепрофилнрованнн строящегося крупнейшего тракторного завода в Елабуге на пронзводство легковых автомобилей. Однако всего этого было недостаточно для того, чтобы переломнть иегатнвные теидеицнн.

На своем двухдневном заседании в конце декабря 1988 года Полнтбюро ЦК КПСС вновь обратилось к вопросам финансового состояния, деиежного обращення. Разрабатываются меры, направленные на повышенне сбалансированности денежиых и товарных ресурсов.

Важно понять сложность задачн, которую предстонт решнть. Сократить дефнцит бюджета за счет маинпуляцнй с финаисовой статистикой нетрудно. В этом деле накоплен немалый опыт. Но за серьезным н реальиым сннженнем государствеиных расходов стонт крупномасштабиое перераспределение матернальиых ресурсов в пользу отраслей, работающих на потребнтельскнй рыиок, нзменение содержаиня трудовой деятельиостн мнллноиов людей, решнтельиое свертывание неэффектнвных пронзводств, раднкальная перестройка всей структуры экоиомнкн, ее поворот к человеку.

Масштаб фннансовых диспропорций таков, что быстро поправнть положенне, затормозить инфляцноиные процессы можио, только добнвшнсь серьезиых сдвигов по трем ключевым направлениям: сократнв фронт стронтельства и централизованные государственные капиталовложення, переорнентировав структуру импорта н синзив обороиную нагрузку иа экономнку.

Еслн требуется прнмер отрнцательного влняния хозяйствениой

аиархии на экономическое развитне, трудно подобрать лучшиñ, чем ситуацня, сложнвшаяся в последине годы в сфере капнтальиого строительства. В условиях его безмерно растяиутого фронта иепросто проследнть связь между расходоваинем государственных средств н достнгиутымн здесь результатамн. В истекшем году ввод одной трети важиейших объектов номеиклатуры государственного заказа сорваи. Сверхиорматнвный объем иезавершеииого стронтельства возрос более чем на 5 мнллнардов рублей.

Были прнняты решення о прностаиовке ряда крупиых водохозяйственииых проектов, вызывавших сомиеине с точкн зрения их экономнческой эффективиости и экологнческих последствий. В целом стонмость законсервнрованиых объектов в 1988 году достнгла 24,2 мнллнарда рублей. Однако в том же году иачаты новые пронзводственные стройкн стонмостью 59,1 мнллнарда рублей.

Бюджет на следующнй год утвержден с миогомнллнардиым дефнцнтом. По существу, мы распнсались в своем неумеинн расходовать деньгн, в том, что крупные ннвестицноиные проекты ие дали отдачи. Казалось бы, самое время разобраться в прнчинах низкой эффективности использовання государственных ресурсов, в том, иапрнмер, почему на 211 производственных объектах хнмнко-лесного комплекса, введенных в действне нлн рекоиструированных в 1981—1987 годах, до сих пор не освоены мощиостн, а иа 170 использовалнсь ие полиостью. Почему только иа тех из инх, которые расположены в РСФСР, за год произведеио продукцин на 2 мнллиарда рублей меньше, чем намечалось? Разобраться, навести порядок в механнзме прнняти крупиомасштабиых ннвестицнонных решенй, предусматривающих выделенне государственных средств, с тем чтобы после провала очередного проекта не утешать себя увлекательной дискуссней между внешнеторговыми ведомствамн, стронтелямн н заказчнками о том, кто виноват в иеудаче. Но ведь можио пойтн н по другому пути — сразу открыть новую стройку, по сравиенню с которой другне просто меркнут. Речь ндет о создании целой серин крупнейшнх нефтегазохнмнческих комплексов в Тюмеиской областн. Снтуацня стандартная. Предстонт затратнть миллнарды долларов. Объем капиталовложеннй на осуществление проекта в 8 раз больше, чем первоначально, в коице 60-х годов, плаиировалось затратить на стронтельство БАМа. Ои сопоставнм только с предполагавшимися затратамн иа переброску рек. По оценкам специалнстов, совокупные реальные затраты, по всей вероятиостн, опять окажутся в иесколько раз больше иамечаемых. Определить их точнее пока невозможио — иет даже техннко-экономнческого обоснования. Ннкто так н ие решнл, от чего мы отказываемся радн этих комплексов: от программы увеличеиня жнлнщного стронтельства, подъема перерабатывающнх отраслей АПК, развитня машнностроения нлн чего-то другого. Тем ие менее строительство уже разворачивается.

Если по объективным прнчннам иельзя сразу покончнть с экономнческой автаркней, обеспечить конвертируемость рубля, то действовать в соответствнн с законамн рыика, а не вопрекн им в нашнх снлах. Между тем в последнне годы прн вынужденном сокращеннн нмпорта полиостью нгнорнровалась бюджетиая эффективность различных товариых групп. Рост нли незначнтельное сокращение закупок товаров, тяжелым бременем ложащихся на государственный бюджет (минеральные удобрення, пестнцнды, зерно, машниы, значнтельиая часть которых оседает в растущнх запасах неустановлениого оборудо-

вания), шли параллельно с сокращением импорта промышленных товаров народного потребления, приносящих наиболее значительные доходы бюджету. Экономия в размере всего несколько сот миллионов инвалютных рублей в 1985—1987 годах по этой группе обернулась снижением поставок продукции в торговлю на 8,2 миллиарда рублей и стала существенным фактором ухудшения финансовой ситуации.

В 1988 году поставки импортных товаров в торговлю уменьшились еще на 400 миллионов рублей. Доля этой группы в импорте на конвертируемую валюту продолжала падать. По сравнению с 1985 годом она снизилась более чем в полтора раза. Вместе с тем закупки производственных ресурсов, используемых с крайне низкой эффективностью, обосновываемые необходимостью выполнения заданий пятилетнего плана, заметно возросли. В сочетании с дальнейшим снижением экспорта это привело к ухудшению торгового баланса. Если в 1987 году сальдо торгового баланса с развитыми капиталистическими странами было положительным, то в 1988-м — отрицательным и составило 2 миллиарда долларов. По данным западной финансовой статистики, чистая задолженность СССР в конвертируемой валюте с 1985 по 1988 год возросла более чем в два раза. Почти 3 миллиарда долларов нам приходится ежегодно тратить только на оплату процентов за взятые кредиты. Растут и наши долги ряду социалистических стран — ЧССР, ГДР, ВНР, СФРЮ. Если подобные тенденции сохранятся и дальше, возможности значительного увеличения доходов бюджета за счет переструктуризации импорта будут утрачены.

Серьезному обсуждению хода и проблем конверсии оборонного сектора мешают сохраняющиеся в данной области информационные ограничения. Журнал уже выступал по этому вопросу (*см.* Коммунист. 1988. № 13). Но пока мы вынуждены пользоваться косвенными оценками, позволяющими определить лишь масштаб цифр. Когда в государственных финансах возникают многомиллиардные неидентифицированные доходы и расходы, обычно самое простое объяснение самое верное. Для специалистов было давно понятно, что нераскрываемые «прочие доходы бюджета» складываются в первую очередь из доходов от внешней торговли и бюджетного дефицита. Точно так же — как ни раскладывай информацию о расходах бюджета на народное хозяйство: по отраслям или по направлениям — после того, как мы выделяем все открытые затраты, все равно остается неясным, на что Верховный Совет отпускает десятки миллиардов рублей.

Новая оборонная доктрина, концепция разумной достаточности, уже принятые решения о сокращении вооружений открывают широкие возможности радикального снижения оборонных расходов, которые сегодня тяжелейшим бременем ложатся на народное хозяйство. Если оборонная нагрузка на экономику, выраженная как доля совокупных оборонных расходов в валовом национальном продукте, многократно превышает соответствующий показатель в Японии, то бессмысленно закладывать в планы повторение японского экономического чуда. Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором эффективной структурной перестройки народного хозяйства. Но чтобы это стало реальностью, радикальность экономических решений должна оказаться на уровне радикальности политических. Речь идет не о сокращении темпов

прироста оборонных расходов, а о серьезном снижении их абсолютной величины. В долгосрочной перспективе безопасность страны определяется динамикой научно-технического прогресса, темпами повышения эффективности производства, а значит, успехом начатых преобразований в экономике.

V

В 1988 году, несмотря на то что ситуация на потребительском рынке продолжала ухудшаться, были проведены крупные централизованные мероприятия по повышению денежных доходов населения, увеличившие их почти на 4 миллиарда рублей. Откладывать рост выплат по многим направлениям было абсолютно невозможно — например, повышение заработной платы работникам здравоохранения.

Принципиально неверно использовать нынешние трудности в качестве аргумента за отсрочку пенсионной реформы. Узкофискальный подход к финансовым проблемам, попытки компенсировать неэффективность структурно-инвестиционной политики за счет свертывания социальных гарантий прямо противоречат целям перестройки. Они имели бы тяжелые социально-политические последствия.

Сейчас все более явной становится необходимость осуществления незамедлительных мер, направленных на повышение уровня пенсий, введение их индексации в соответствии с ростом стоимости жизни. При нынешних темпах повышения цен просто нельзя больше делать вид, что государство не замечает, как снижаются реальные доходы пенсионеров, перекладывать на них ответственность за собственные просчеты. Но надо отдавать себе отчет в том, что подобные меры сами по себе лишь усиливают инфляцию. Вообще снижать налоги, повышать зарплату, увеличивать ассигнования несложно. Но чтобы сохранить здоровье государственных финансов, подобные меры, общественная поддержка которых всегда гарантирована, должны сочетаться с другими — поиском дополнительных источников дохода, сокращением расходов бюджета.

Если проанализировать экономическую политику, осуществляемую в текущей пятилетке, с точки зрения соотношения легких и трудных решений, то бросается в глаза явное нарушение пропорций между ними. Увеличение ассигнований на развитие отраслей, действительно нуждающихся в дополнительных ресурсах, не сочеталось с адекватным сокращением затрат на иные цели. А для того чтобы как-то свести концы с концами, в планы закладывались сверхоптимистичные гипотезы повышения эффективности производства.

Сокращение государственных расходов нигде и никогда не было легким. Известный американский экономист лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглер, анализировавший процесс государственного регулирования экономики США, отмечал, что, если народный представитель откажет 10 крупным отраслям в их специальных субсидиях, они позаботятся о выборе более сговорчивого преемника: слишком значимы ставки.

Серьезным препятствием на пути реализации необходимых, но трудных решений в нашей стране являются сложившиеся отношения государства и общества. По-прежнему господствует стереотип экономического патернализма, только теперь, как правило, с обратным знаком: государство плохо заботится о народе, повышает цены, не обеспечивает удовлетворение потребностей. В дискуссии между предприятием, отраслью и государством общественное мнение почти всегда не на стороне последнего: государство должно брать меньше налогов, но при этом выделять больше

бюджетных ресурсов. Истоки этой позиции очевидны. Однако, не преодолев ее, нельзя рассчитывать на успех в борьбе с инфляцией. Сломить сопротивление частных отраслевых и местнических интересов назревшим мерам по финансовому оздоровлению экономики, глубокой перестройке сложившейся в период индустриализации архаичной структуры народного хозяйства можно, лишь опираясь на их широкую общественную поддержку, осознание чрезвычайного характера создавшейся ситуации.

Опыт минувшего года убедительно показал: чтобы реформа осуществлялась с огромными трудностями, вовсе не обязательно давать ей бой в идеологии, клеймить рынок и доказывать его несовместимость с социализмом. Нет нужды и сковывать инициативу предприятий бюрократическими путами. Сочетание мероприятий по перестройке системы хозяйствования с противоречащей им финансовой политикой может привести к такому положению, от которого значительная часть общества готова устремиться назад, в объятия экономической реальности, получившей название командно-административной системы.

Продолжение финансовой политики, неудача которой явно обозначилась, с неизбежностью ведет к хорошо известным следствиям: росту остатков хозрасчетных фондов, которые невозможно обеспечить материальными ресурсами, их замораживанию, ужесточению контроля за оплатой труда, усилению административной регламентации цен, разрушению так и не успевшей сформироваться системы оптовой торговли, развалу всего механизма экономического регулирования, вводимого реформой. Теперь от способности государства осуществить трудные, но абсолютно необходимые антиинфляционные меры зависит успех всего курса перестройки в экономике. Только на их основе реформа может получить новый импульс.

Заводы — в аренду [1]

(Опыт предприятий Подмосковья — в «Деловом клубе» «Правды»)

Шестьдесят восемь предприятий и организаций Главмособлстройматериалов в прошлом году перешли на коллективный подряд. Темпы экономического роста сразу же резко возросли. Сотни делегаций из разных уголков страны побывали в подрядных коллективах. Госкомтруд СССР и ВЦСПС провели всесоюзный семинар, чтобы изучить опыт их работы. А ныне внимание специалистов, общественности вновь приковано к работе предприятий стройиндустрии Подмосковья. Здесь восемь трудовых коллективов взяли заводы в аренду, стали их подлинными хозяевами. На уровне предприятий началась отработка нового механизма социалистического хозяйствования, о котором много говорилось на XIX Всесоюзной партконференции.

О первых итогах работы заводов стройиндустрии Подмосковья в условиях арендного подряда и шла речь на очередном заседании «Делового клуба» «Правды».

В. Пешков — секретарь Московского обкома КПСС:

— Опыт работы предприятий Главмособлстройматериалов находит все большее распространение

---

[1] Правда. 1988. 18 июля. «Деловой клуб» вели В. Гончаров и В. Парфенов. Печатается с сокращениями.

не только в Подмосковье, но и в стране в целом. Трудовые коллективы делом доказали, что подрядные отношения помогают не на словах, а на деле перейти на полный хозрасчет, самофинансирование. С ними хозрасчет быстрее дойдет до каждого рабочего места.

М. Бочаров — директор Бутовского комбината стройматериалов:

— Длительное время прежде мы буквально не могли вылезти из убытков. Подряд помог. Производительность труда за два года выросла у нас на 37 процентов, почти в два раза увеличили выпуск пенопласта, жидкого стекла. Это действительно был прорыв. Люди поверили в свои силы, стали инициативнее. Хозрасчет стал у нас реальностью.

Б. Креков — начальник Главмособлстройматериалов:

— И на других предприятиях подтверждено: подряд открывает путь к взрывному росту эффективности. На тех же производственных площадях производится намного больше хорошей продукции. Важно и то, что коллективы сами сокращают численность управленческого аппарата. По предварительным данным, мы уже в нынешнем году вышли на уровень производительности труда, запланированный на конец пятилетки. В следующем году выйдем на запланированный пятилеткой объем производства продукции. И в этом заслуга подряда. Он сплотил людей, вывел их на конкретные цели, утвердил в жизни трудовых коллективов подлинные демократические начала.

В. Пешков:

— При таких показателях можно было бы, как говорится, и на лаврах почивать. Но время сегодня иное. Мы часто говорим: перестройка разбудила инициативу. И это действительно так. Рабочие стройиндустрии Подмосковья не остановились на достигнутом. Вначале коллектив Бутовского комбината, а затем и другие по собственной инициативе взяли свои предприятия в аренду. До конца года в системе главка будет работать на арендном подряде 10 промышленных предприятий. Делается еще один прорыв в промышленности на более высокую ступень хозрасчета — уже третью его модель.

Ведущий:

— А теперь настала пора разобраться в сути арендного подряда. Кто скажет об этом?

В. Рутгайзер — доктор экономических наук:

— Аренда — такой вид хозрасчета, когда все оборудование и оборотные средства государственного предприятия передаются во временное (на любой длительный срок) владение коллектива. То есть на деле осуществляется ленинский лозунг «Фабрики — рабочим!». Коллектив в условиях аренды получает полную свободу хозяйственной деятельности на весь срок аренды — на 10—15 лет и т. д. Отчисления в бюджет (налог) коллектив знает точно, они устанавливаются сразу при переходе на аренду. А заработанным сверх этого распоряжается сам. В отличие от второй модели хозрасчета при аренде никто сверху не устанавливает нормативы распределения денег, оставшихся у коллектива. Ему как рачительному хозяину виднее, куда истратить средства, чтобы и в последующий период дела шли не хуже, а лучше. А лучше они пойдут тогда, когда обновляется производство, дружишь с наукой, думаешь об улучшении жизни людей.

Арендный подряд поможет решить быстрее и другую проблему, поставленную перед нами партийной конференцией: избавиться от уравниловки и иждивенчества — главных препятствий интенсивного развития экономики.

М. Бочаров:

— Мы действительно стали хозяевами завода. Все здесь наше. Оттого и отношение к труду теперь более ответственное. Работаем по-

новому практически с начала года. И вот чего уже достигли. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года производительность труда выросла на 35 процентов, на столько же поднялся и выпуск товарной продукции, а прибыль увеличилась более чем в два раза. И это при той же численности работающих и при нынешнем уровне цен. Вновь взрывной эффект! Но если простой подряд все же имел потолок в экономическом росте, то при аренде он вообще не просматривается.

Ведущий:

— Это интересно. За счет чего же?

М. Бочаров:

— Судите сами, подряд привел в действие организационные рычаги, включая самоуправление. Мы стали дорожить каждой минутой, экономить каждый килограмм сырья, киловатт-час электроэнергии. При аренде в круг активных интересов рабочих попали и оборудование, оборотные средства. Мы уже планируем за свои заработанные средства ввести в эксплуатацию новые основные фонды на 6—7 миллионов рублей и благодаря этому за пять лет вдвое увеличить выпуск продукции.

Н. Исаев — слесарь, председатель профкома Бутовского комбината строительных материалов:

— Выгода от аренды и государству, и нам. Я, например, знаю, насколько поднимется у меня заработная плата, если сработаю хорошо. Уже сегодня я, слесарь пятого разряда, зарабатываю 280 рублей — на 50 рублей больше, чем до перехода на аренду. Плюс при уходе в отпуск каждый получает дополнительно 50 процентов тарифной ставки. Если, конечно, не нарушает трудовую дисциплину.

По решению коллектива установлены и льготы для ряда категорий работающих. Так, участники Великой Отечественной войны освобождены от уплаты подоходного налога и квартплаты. Частично освобождены от этих уплат и ветераны труда. И деньги на эти цели берем не из государственного кармана — сами зарабатываем. Потому у людей стало и отношение к труду другое. Каждый осваивает, скажем, все профессии, которые нужны на его участке. Зачем? Мастер на все руки вносит более весомый вклад в общее дело. Он и товарища по работе всегда подменит, и работу себе найдет в свободную минуту.

Н. Федосеев — директор Буньковского экспериментального завода по производству деталей домов для села:

— Я хочу сказать и о другой особенности арендного подряда. До перехода на него мы жили проблемами нынешней пятилетки, не думая и не гадая о том, какие задачи придется нам решать в следующей. Арендный подряд заставил нас заглянуть и в завтрашний день. Ведь при переходе на аренду мы заключили договор до 1995 года. На этот срок просчитали все: и объемы производства, и плату за аренду, и, естественно, свои доходы. Словом, мы уже реально видим свою следующую пятилетку и работаем на нее. Аренда не только раскрыла нам перспективу, но и застраховала договором от разных неожиданностей. И коллектив смело пошел на добровольное увеличение нынешних планов, выдвинул перед собой более сложные задачи. Мы уже в нынешнем году по отдельным показателям выйдем на рубежи, запланированные на 1990 год. Создаем задел для успешной работы, для нового рывка.

В. Афанасьев — начальник цеха Буньковского экспериментального завода по производству деталей домов для села:

— Арендные договоры заключили с администрацией завода и цехи. Сами рабочие настояли на этом. В итоге оживились и межцеховые хозрасчетные отношения. Каждый

теперь считает копейки. А почему? От сверхплановой прибыли коллективы цехов получают свою долю.

Б. Махаринов — директор Хлюпинского завода «Стройполимер»:

— Что нас еще привлекло в арендном подряде? Настоящее, не показушное самоуправление. Мы знаем свои фиксированные платежи главку на весь период действия договора. Не нормативы, а конкретные суммы. Нет у нас нормативов распределения хозрасчетного дохода, и это не сдерживает его рост: весь доход после уплаты аренды, то есть налога, остается в полном распоряжении коллектива. Никто не диктует нам, сколько средств тратить на развитие производства, сколько на соцкультбыт, а сколько на премирование. Все сами решаем. Это большое преимущество аренды.

Н. Исаев:

— Мы поверили в перестройку, радикальную экономическую реформу, в основу которой заложено самоуправление. Долго приглядывались к аренде на селе. А потом и сами сказали: не хотим работать по-старому! Попросили главк отдать нам все основные и оборотные фонды в аренду.

Б. Креков:

— Легко сказать — попросили. Не было в стране ни одного промышленного предприятия, которое работало бы на арендном подряде. Мы начинали первыми. Скажу откровенно: нелегко было продираться сквозь частокол старых инструкций и запретов. Но и то правда: на всех этажах управления мы встречали и единомышленников. Вот здесь выступал доктор экономических наук В. Рутгайзер. Он работал в научно-исследовательском институте при Госплане СССР и помог со своим коллективом разработать четкую и ясную методику перевода предприятий на аренду.

В. Рутгайзер:

— Мы вначале занимались арендным подрядом в общественном питании Москвы. И предложение разработать методику для перевода на аренду промышленного предприятия было для нас неожиданным. Поначалу не решились. Но напор снизу был такой, что рискнули попробовать. Кто-то же должен был браться за эту работу. Сначала создали методику для Бутовского комбината. А потом разработали и более универсальный документ для перевода любых промышленных предприятий и организаций на аренду.

Московский обком партии внес документ на утверждение в Комиссию по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма. В мае его утвердили. Это дало правовую основу для перевода на аренду не только предприятий строительных материалов, но и заводов других отраслей. За аренду ухватились многие. Наметился действительно прорыв. И это не случайно. Аренда, как было правильно здесь сказано,— это уже третья модель хозрасчета, более совершенная и более понятная для рабочих.

Ведущий:

— Но ведь и вторая модель хозрасчета прогрессивная. Однако широкого распространения не получает. Почему?

В. Рутгайзер:

— Многих пугает остаточный метод образования фонда зарплаты. Ведь вышестоящие организации то и дело вмешиваются в работу предприятий, корректируя нормативы отчислений в бюджет и министерству. В таких условиях действительно можно остаться без рубля в кармане. И не по своей вине. При аренде же заключается договор на длительный срок, где указываются не нормативы, а конкретные суммы отчислений от дохода. То есть не на словах, а на деле осуществляется ленинский принцип — заменить разверстку налогом. Все остальное — твое. И никто не имеет права вмешиваться в распределение этого дохода.

Коллектив сам решает, куда ему в первую очередь направить заработанные средства. Кстати, именно это положение методнки вызвало горячие споры в Комиссии по совершенствованию хозмеханизма. Нам говорили: предприятие «проест» основные фонды. Но откуда такое недоверие к рабочему коллективу? Разве он сам не может рационально распределить доход на фонд потребления и фонд накопления? Надо больше доверять людям. Именно самостоятельность при распределении дохода — новая черта хозрасчета в условиях аренды. И она уже дает о себе знать. Арендные коллектнвы ускорили обновление оборудования, видят в этом прямой путь к высокой прибыли. Такой самостоятельности нет в двух нзвестных моделях. Предприятия теперь заннтересованы ускорять технический прогресс, энергичнее решать проблемы социального развития. На этн цели уже привлекаются даже личные сбережения рабочих. Открываются возможности стать акционерами родного предприятия.

Б. Креков:

— Аренда — это действительно третья модель хозрасчета. Более совершенная. Но она и пробивала себе дорогу с великим трудом.

Даже в нашем главке обсуждение тонкостей арендного подряда носило острый характер. Вскоре, однако, специалисты прншли к единому мнению: аренда — реальное дело, выгодное и для страны и для коллективов.

Н. Федосеев:

— Это — пройденные трудности. Сегодня нас больше волнует другое. При аренде очень остро дает о себе знать отсутствие оптовой торговли. Коллектив сам должен заботиться о развитни пронзводства, решении социальных проблем. Но попробуй купи что-то на свои кровные. Не получится. Для покупки всякой чепухи нужны фонды и наряды, без бумаг везде дают от ворот поворот. А Госснаб СССР между тем растянул переход на оптовую торговлю на несколько лет. И очень кстати с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции прозвучало требование — надо ускорить этот процесс и уже к концу нынешней пятилетки полностью перейти на оптовую торговлю.

А. Анпилов — начальник отдела Госплана СССР:

— Со строительными материалами, думаю, скоро будет лучше. Уже в следующем году по многим видам их планнрованне передается республикам. До минимума сводится и номенклатура госзаказов. По ряду материалов — цементу, шиферу и другим — поставлена задача полностью насытнть и рынок. И в целом Госплан уже на следующий год значительно сокращает номенклатуру, которая еще вчера планировалась сверху.

Что же касается опыта работы предпрнятий Главмособлстройматериалов, то мое мненне такое: надо смелее двигать его в жнзнь. Ведь главная цель арендного подряда — насытить рынок продукцией. Настало время всем министерствам и ведомствам более активно заниматься арендным подрядом. Он открывает дорогу к более совершенным формам хозрасчета.

П. Блинов — начальник отдела организации труда и заработной платы Главмособлстройматериалов:

— Работа на конечный результат и прямая завнсимость от него зарплаты каждого сплачивает людей, формирует устойчивый, дисциплннированный коллектив. В арендном коллективе все отношення строятся по прннцнпу «все за одного и один за всех». Это новое и очень отрадное явление.

Б. Креков:

— Буквально на глазах меняются и наши взаимоотношения с банком. До сих пор он был только государственным контролером.

Сегодня же становится партнером по арендному подряду.

И. Антонов — начальник Московского областного управления жилсоцбанка:

— Арендный подряд в промышленности я бы назвал революционным ростком снизу. И важно дать простор ему, не сорвать, не затоптать. А ведь могли же... Новые специализированные банки работают практически все еще по-старому. Сохранилась та же самая пирамида взаимоотношений, когда практически все денежные ресурсы централизованы и спускаются сверху. К тому же банковские работники все еще на бюджете. Поэтому мы пока еще слабые партнеры заводов. Партнером банк может стать лишь тогда, когда сам перейдет на полный хозрасчет.

М. Бочаров:

— Только в условиях подряда подопечных заводов банк становится участником арендных отношений, берет на себя долю ответственности и риска.

И. Антонов:

— Да, с арендными коллективами мы пытаемся по-новому строить свои взаимоотношения. На аренду переводятся в основном низкорентабельные предприятия. Вот мы и пытаемся подставить им свое плечо. Взять, скажем, тот же Бутовский комбинат. Мы взяли на себя проверку кредитоспособности его партнеров, анализируем финансово-экономическое состояние предприятия, даем ему соответствующие рекомендации. За это бутовцы поделятся с нами частью прибыли. Но этот опыт идет вразрез с давно утвердившейся практикой взаимоотношений банка с предприятиями. И тут давно уже назрела перестройка.

В. Могилевцев — председатель Загорского производственного кооператива «Березка»:

— Мы тоже налаживаем новые взаимоотношения с банком. Он становится нашим партнером. Банк не выделяет нам ссуду, он по сути дела вкладывает свои средства в наш кооператив. За определенный процент прибыли. Под семь-восемь процентов годовых недавно заключили с банком договор, согласно которому он взялся контролировать всю нашу финансовую деятельность, следить за работой финансового аппарата, за текущей отчетностью. Более того, управляющий районной конторой банка стал членом правления нашего кооператива. Непривычно? Но ведь и перестройка впервые такая идет. Банк участвует и в строительстве жилья для наших сотрудников.

В городе мы создали кооперативное объединение «Загорчанин». Горисполком выделил землю, и мы приступили к строительству коттеджей для наших работников. А банк финансирует это строительство. И при этом получит для своих работников 10 процентов жилья.

И. Антонов:

— Мы тоже не хотим работать по-старому. Поэтому и ищем точки подключения к хозрасчету. Инициатива при этом идет снизу, а не сверху.

Ведущий:

— Председатель Загорского кооператива «Березка» на нашем заседании вовсе не случайный человек. Создан кооператив на базе расформированного убыточного завода фиброцементных плит. Все основные и оборотные фонды бывшего завода переданы ему в аренду. Расскажите, Вячеслав Васильевич, о первых итогах работы «Березки».

В. Могилевцев:

— Прежде наш завод был убыточным. Но это было не по нашей вине. Низкие оптовые цены на выпускаемую продукцию не покрывали ее себестоимость. Каждый квадратный метр паркета вместо прибыли давал нам по рублю 16 копеек убытка, каждый кубометр фиброцементных плит увеличивал убытки еще на 56 копеек. И полу-

чался заколдованный круг. Чем больше выпускали мы продукции, тем больше было убытков. Между тем план выполняли.

Реплика:

— И даже сокращение численности управленческого аппарата ничего не дало бы?

В. Могилевцев:

— Оно привело бы к росту нагрузки на управленца, подняло бы несколько его зарплату. Но завод все равно остался бы убыточным. Мы пошли другим путем. На базе расформированного завода создали кооператив, который и взял в аренду все оборудование. При этом надо подчеркнуть условия аренды. Мы выполняем на все 100 процентов бывший план завода, выполняем заключенные им договоры, реализуем продукцию по тем же самым прейскурантным оптовым ценам. А вот сверхплановую продукцию мы продаем по кооперативным ценам. Отсюда и простая арифметика: чем больше мы выпустим продукции сверх госзаказа, тем быстрее покроем плановые убытки и получим доход.

Ф. Листочкина — прессовщица производственного кооператива «Березка»:

— Каждому из нас установлен трудодень, рассчитанный на то, чтобы не только выполнить госзаказ, но и дать сверхплановую продукцию. Мы его должны обязательно выполнить. Не хватит восьми часов, работай по 9—12 часов. Мы сами установили себе режим труда. Зато и дело сдвинулось с мертвой точки. Кооператив стал прибыльным. И зарабатывать все стали больше.

В. Могилевцев:

— За полгода мы получили 156 тысяч рублей прибыли. Хотя бывшему заводу планировали на этот период 20 тысяч рублей убытков. И производительность труда за полгода у нас выросла на 73,4 процента. Это много больше, чем планировали на пятилетку бывшему заводу. Почти в четыре раза увеличили объем услуг населению. А численность работающих уменьшилась на 57 человек.

Ф. Листочкиня:

— Мы теперь с оптимизмом смотрим в завтрашний день. Кооператив платит за каждый трудодень по 10 рублей. Да еще в конце года получим из прибыли по стольку же. Мы реально видим, как улучшается и наше житье-бытье. Открыли хорошую столовую. Строятся коттеджи для рабочих. Словом, мы знаем, за что трудимся в поте лица своего...

После проведения заседания «Делового клуба» мы обратились к секретарю Московского обкома КПСС В. Новикову, который курирует экономические вопросы в области, с вопросом: каковы дальнейшие шаги в развитии арендного подряда в Подмосковье?

— Эта работа,— сказал он,— проводится сейчас в хорошем темпе. По состоянию на 1 июля более 150 коллективов области на добровольной основе уже заключили договоры аренды. Среди арендаторов трудовые коллективы двенадцати различных отраслей, не считая предприятий стройиндустрии, о которых вы уже знаете, на арендный подряд перешли три комбината общественного питания, включающих 38 предприятий; более 50 предприятий торговли и потребкооперации, 4 предприятия бытового обслуживания, 20 организаций городского хозяйства, 10 учреждений здравоохранения, 5 культурно-спортивных.

После перехода на аренду в первые же месяцы дела начинают очень быстро улучшаться. Скажем, в поселке Спас-Заулок расположено кафе Клинского райпотребсоюза. Арендный подряд там действует с 1 апреля нынешнего года. Месячный товарооборот возрос по сравнению с уровнем прошлого

года иа 38 проциеитов, производительиость труда увеличилась иа 54 процеита, а доходы — иа 61 процеит. И так всюду.

Одиим словом, первый опыт убеждает: надо как можио шире и энергичнее применять аренду — одиу из прогрессивиых форм социалистического хозяйствования, одобреииую XIX Всесоюзиой партконференцией. Оиа особеиио эффективиа в тех отраслях, где миого убыточных предприятий. Арендный подряд поможет покоиичть с уравииловкой, выводиловкой, иждивеичеством, раскроет в людях иовые пласты ииициатнвы, творчества и предприимчивости, которые десятилетиями лежали иетроиутыми.

В. Кабаидзе

**Генеральный директор
Ивановского станкостроительного
производственного объединения имени 50-летия СССР,
Герой Социалистического Труда**

Острые углы хозрасчета [1]

— Поговорим о хозрасчете и самофииаисировании. Ваше объедииеиие отработало по иовой схеме целый год. Как вы считаете, эксперимеит удался?

— Пока что нет.

Чтобы поиять, почему я не спешу дать экспернмеиту восторжеииую оцеику, мие хотелось бы вериуться к самому его иачалу.

А история его виедреиия на иашем объедниеиии такова. Где-то в сеитябре 1986 года к нам из Министерства станкостроительиой и ииструмеитальиой промышлеииости пришел приказ: подготовиться с якваря 1987 года работать иа осиове самофииаиснрования. Психологически мы к этому были готовы давно. Зачем, спрашивается, всю прибыль предпрнятия сначала надо перекачивать в Москву, а потом иаш брат директор должеи ехать туда н выцарапывать какую-то ее часть в меру своих сил н пробивных способиостей. Последиее обстоятельство приводило к тому, что иарушался принцип справедлнвости. Часто в выигрыше оказывался тот, у кого локти покрепче. Правильнее было бы, чтобы деиьги оседали там, где оии зарабатывались. Поиятио, что часть прибыли должна идти в цеитр на какие-то дела, что стоят выше иитересов коикретного коллектива,— допустим, иашему Миистаикопрому или на общегосударствеииые цели. Но вполие логичио, что какая-то вполие определеииая часть должна оставаться тем, кто эту прибыль заработал: пусть оии сами себя кормят.

Короче, то, что иам предложили, было вполие симпатичио — лучше ие иадо.

Тогда же, в сеитябре 1986 года, мы сталн нзучать все, что было опубликоваио в печати на эту тему. Больше всего писали о сумском варианте, который, судя по всему, проходил довольио успешно. Правда, смущало в иеи одно обстоятельство: это был едииичный академическнй опыт, а как он покажет себя в массовой практике — еще вопрос. Проиграли мы его иа бумаге с иачальииком плаиово-экоиомн-

[1] Огоиек. 1988. № 7. Беседу с В. П. Кабаидзе вел Л. Плешаков. Печатается с сокращениями.

ческого отдела Владимиром Валентиновичем Павлычевым в нашем ивановском преломленин, н все отлично получилось. Топор, как говорится, под лавкой лежал, а мы его так долго искали. Стали теребить министерство: дайте скорее подтверждение, что имеем право, как Сумы, работать. Но в Москве что-то тянут, ничего толком не говорят. Наконец в январе 1987 года получаем ответ. Читаем, разбираемся, видим: петля.

Все коэффициенты, которые мы нарисовали согласно сумскому опыту, проигнорированы, расчеты перечеркнуты. А без них новинка оставалась старой песней.

— Чтобы стало понятно, я должен сделать небольшое отступление в историю нашего предприятия. На нашей территории возводится новый корпус, этакий «сарай» тысяч на сто квадратных метров, фактически новый завод. Там должно быть примерно столько же производственных площадей, сколько мы имеем на старом заводе. По поводу нашего расширення в свое время было принято много постановлений. Однако к строительству долгое время не приступали, а когда его началн, то дело шло, как говорится, ни шатко ни валко. И вот пока тянулась эта волынка, мы в Иванове пришли к выводу, что нам этот «сарай» совсем не нужен. Да н вообще в России, на наш взгляд, для машиностроения ничего нового строить не надо.

— Почему?

— Вы, наверное, знаете, что наше объединение много работает «по горнзонтали», то есть, минуя все иерархни управлення, налаживает связн с крупными заказчиками напрямую, разрабатывает для них и новые машины, и технологии, а также дает советы, как надо перестраивать производство на базе новой техники. Так вот, чтобы все это делать квалифицированно, нам приходится изучать работу многих предприятий, часто весьма привилегированных, хорошо оснащенных, не обойденных повышенным вниманием. И вот представьте: приезжаешь на какой-нибудь из этих прославленных гигантов, а там недавно поставленный новый корпус тысяч на сто — двести квадратных метров, набитый универсальными станками, стоит почти пустой — нет людей. Спрашивается: зачем стронли?

Когда я поезднл по стране, насмотрелся всюду одного и того же, задумался н о своем предприятии. Его начали стронть в 1956 году практически без жилья. Когда закончили в 1969 году, оказалось, что на промплощадке освоено 95 процентов выделенных капвложений. Не успели сдать всего один объект — инженерно-лабораторный корпус. Но вот жилье, соцкультбыт, даже предусмотренные проектом, практически не строили вовсе.

Я помню время, когда машиностроенне в стране работало в три смены...

Потом мы стали наращивать парк станков. Догнали их производство сначала до 125 тысяч штук в год, потом до 200, 240 тысяч... Самая главная цель была: количество. А что такое 125 тысяч металлорежущих станков в год? Это значнт — через короткое время третья смена пропала. А 200 тысяч? Стала пропадать и вторая. Вскоре оказалось, что н первая уже не может быть полностью обеспечена рабочнми-станочннкамн. Но отрасль все гнала н гнала новые уннверсальные станкн, все наращивала их парк. Сейчас сложилась дикая ситуация: рабочих-станочников у нас в стране много меньше, чем станков, а мы все орем: даешь новые станки! Еще, еще, больше! Где-то в году в 1968-м — я работал тогда в Рязани — этот перекос стал бросаться в глаза. Но вместо того чтобы проанализировать положенне н принять грамотное решение,

стали придумывать новые показатели, новые лозунги: «Увеличим коэффициент сменности!» Как, с какими кадрами — не ясно...

Вот почему — возвращаюсь к началу темы,— проанализировав ситуацию, мы пытались исходить из логики: зачем строить новый корпус, если, напихав в него сотни универсальных станков, мы не будем иметь рабочих?

— Неужели вы не могли воспротивиться этому строительству раньше?

— Пытались. Я выступил против него еще в 1981 году. Мы даже тут, в Иванове, разработали свои встречные предложения, которые и доложили министерству. Постройте, мол, нам инженерно-лабораторный корпус, который станет мозговым центром не только для Иванова, но и для целого ряда заводов-смежников, которые будут работать по нашим чертежам и вместе с нами образуют одно объединение. Мы просили деньги только на жилье и оборудование. Это позволило бы перевести людей на непрерывный режим работы. Посчитали: экономия государству сто миллионов рублей.

Но тогда были еще не те времена, чтобы выступать с подобными инициативами. Да и у нас, честно говоря, еще не было достаточного авторитета. В общем, наши предложения не приняли. А, наоборот, решили расширять производство прежними экстенсивными методами: увеличивая производственные площади. Короче, заложили фундамент нового корпуса.

И вот в конце марта 1985 года неожиданно меня пригласили на беседу в ЦК КПСС и предложили говорить не так, как надо (как это делалось раньше), а по существу. Там я и сказал: в стране ничего нового строить в машиностроении не следует, увеличивать производство нужно только за счет перевооружения. А еще, сказал, надо резко сократить выпуск того, что не нужно народному хозяйству, в частности универсальных станков. Ну а мощности нашего общего несчастья, строительства, обратить только на решение социальных вопросов. Я повторил это же и на совещании по научно-техническому прогрессу, которое прошло в том же году.

Но, увы, даже в 1987 году, когда мы начали работать в условиях самофинансирования и хозрасчета, у нас ничего не изменилось.

— Однако согласно положению о самофинансировании, насколько я знаю, предприятия в рамках определенного коэффициента получают право решать, в каких пропорциях тратить заработанную ими прибыль.

— Именно так первоначально предполагали и мы. Но пришло время распоряжаться заработанным, и все вернулось на круги своя. За 1987 год на развитие производства — считайте на строительство нового корпуса — из наших прибылей было направлено 19 миллионов рублей, что составило 251 процент по отношению к предыдущему году. Зато по фондам соцкультбыта мы недобрали за тот же срок 11 процентов...

Еще более характерная картина «самофинансирования» складывается на 1990 год, когда наше строительство будет уже закончено. Если сравнить год 1986-й (перед самофинансированием) с годом 1990-м, то увидим, что средства, оставшиеся у предприятий, падают с 43,8 процента от общей прибыли до 31,5 процента. В переводе на русский язык эта абракадабра означает еще большую централизацию, чем прежде. И это называется самофинансированием? Не берусь утверждать, что подобная картина у всех предприятий, так как даже в период гласности невозможно узнать, что дали другим заводам. Возможно, это происходит из-за боязни критики, а может быть, «наверху» и сами не разобрались,

что творят. Кто бы объяснил мне: зачем такая жесткая регламентация в распределении той доли прибыли, что осталась на заводе? Какие мы тогда хозяева, если за нас «наверху» решают, сколько процентов мы можем отдать на соцкультбыт, сколько в фонд материального поощрения, сколько на техническое перевооружение?

— Кто так решил?

— Наше министерство. Как и прежде, с нас сначала списали все, а потом выделили столько, сколько сочли нужным, и на те цели, которые посчитали главными. Поверьте, я не о своей обиде говорю. Мне ведь все равно ничего теперь не остается делать, как заканчивать этот «сарай». Я возмущаюсь неодолимостью нашей психологии: надо строить, и как можно больше. И любые попытки отойти от стереотипов вязнут в неодолимом сопротивлении.

Мы считаем обновление продукции важнейшим показателем в станкостроении. У нас оно по годам пятилетки нарастает так: в 1986 году —8,2 процента, в 1987-м — 25 процентов, в 1988 году — 81 процент, к 1989 году достигнет 92 процентов. Такого обновления продукции не знает ни один станкостроительный завод страны.

— То, что вы делаете сейчас, пользуется колоссальным спросом. Меняете машины на более совершенные, потому что боитесь отстать от конкурентов?

— Если не будем постоянно их менять, даже не дожидаясь падения спроса, обязательно отстанем. А мы не хотим этого. Беда только, что экономически нас к этой гонке не приглашают. А в моральном плане даже понуждают к обратному.

И министерство, но не только оно — вся система...

...К сожалению, мы очень долгое время уделяли свое внимание увеличению производства и повышению производительности труда. Механизм же обновления продукции у нас не отработан. Боюсь, что хозрасчет и самофинансирование не смогут в этом деле гарантировать нам успех.

— Почему вы пришли к такому выводу?

— Во-первых, самофинансирование даст отдачу не сразу. А у нас привычка: поднимать шумную кампанию по поводу любой спасительной новинки, а когда она не дает быстрых ожидаемых результатов, мы ее либо забываем, либо охаиваем и увлекаемся следующей.

Во-вторых, мне кажется, что многие, кому дадут хорошие коэффициенты при распределении прибылей, какие-то другие льготы, способны провалиться, даже не поняв, почему это произошло.

— Почему?

— У них не развито стремление к риску. Это качество у нас не особенно поощряется. Если ты рискнул и у тебя получилось, тебя могут похвалить. Но если твой рисковый эксперимент окончился неудачей или не дал результата, скорее всего накажут, а то и освободят от работы. Хотя сказано: за одного битого двух небитых дают. Так что «поощренный» наказанием вряд ли захочет рисковать еще раз. А на его опыте учатся не рисковать и другие. Так вот, мы очень много теряем из-за того, что многие утратили ген риска.

Мы уже много лет работаем на свой страх и риск. Мы привыкли к этому состоянию. Наш инженерный (особенно конструкторский) состав приучен давно, что ему не надо ни с кем ничего согласовывать. Генеральный директор объединения — последняя инстанция.

...Я вовсе не хочу сказать, что склонность к риску — монополия только нашего коллектива. Есть и другие. Только хочется подчеркнуть: успех при работе в новых условиях будет определяться во многом и этим качеством. Его следует не подавлять, а всемерно поощрять.

— Условия самофинансирования и хозрасчета, по-видимому, будут способствовать этому?

— Не уверен. Во всяком случае, пока что создаются предпосылки к обратному. Как вы, наверное, знаете, все потери, которые несет предприятие в виде различных экономических санкций, отражаются на оставшейся в его распоряжении части прибыли. Из этих средств мы расплачиваемся за недопоставку продукции по договорам, за отступление от стандартов, за сверхнормативные запасы, за несвоевременный ввод основных фондов и многое-многое другое. Ясно, что любой поиск нового ведет к каким-то сбоям. Выходит, риск материально наказуем. И когда наш маневр ограничен всего 31,5 процента прибыли, становится понятно, что гораздо спокойнее и выгоднее не рисковать.

— Скажите, Владимир Павлович, в январе 1987 года вы все-таки рассчитывали на большее, чем вам дал эксперимент на самом деле?

— Год назад мы считали, что сможем «сыграть» по-сумски, тогда бы танцевали лезгинку. У нас все оказалось хуже и сложнее. Мне кажется, что у сумчан все получилось потому, что они начали эксперимент первыми, а в таких случаях всегда создаются условия наибольшего благоприятствования: им оставили 71 процент прибыли, нам же, как я уже говорил, всего 31,5. То есть не только вдвое меньше, чем сумчанам, а даже в полтора раза меньше, чем мы имели до перехода на новые условия работы. Повторилась старая история: когда эксперимент закончен, изучен, обобщен и запускается в широкое применение, то к этому этапу условия меняются, обычно в худшую сторону. А ссылки идут как бы на накопленный Сумами опыт.

Но принципиально вопрос сейчас, по-моему, даже не в этом. Сейчас, когда дело выходит на широкий простор, обретает масштабность, на эту тему по радио и телевидению выступает много директоров предприятий, которые, исходя из личного опыта, вносят всякие предложения. Какое-то время все это мне казалось крайне симпатичным. Но потом задумался: а судьи-то кто? Кто даст оценку всей этой местной специфике? Кто та светлая голова, которая учтет особые условия?

Я пришел к такому выводу: надо установить единый для всех коэффициент — больше ничего. Если начнем учитывать специфику каждого, тогда «хромые и нищие» кинутся выбивать для себя особые права. Это пойдет в ущерб тем, кто рвет упряжку, такое особенно опасно теперь, когда каждый директор несет «наверх» свои просьбы, подкрепленные поддержкой своего трудового коллектива, партийных органов и так далее.

Дело, между прочим, усложняется еще и тем, что мы многие предшествующие годы любили выводить «красивые» показатели. Райком требует: дай сверх плана! Обком тоже: дай сверх плана! Родимое министерство: дай сверх плана! Но заметьте (это симптоматично) *никогда* я не слышал, чтобы от меня требовали, просили обновления продукции. Требование всюду одно, и схема всюду одна. Допустим, в районе пять предприятий. Два план выполняют. Два — постоянно и безнадежно валят. Одно — ходит в передовиках и всегда перевыполняет. Если общими силами они сработают план на сто процентов (не надо даже ста пяти), секретарь райкома в порядке. Если будет 99,9 процента плана, ему говорят: не обеспечил. Хотя его влияние на работу предприятий весьма и весьма условно. Ну кто, кроме меня, разберется в моем кипящем котле?

Так вот, все сейчас великолепно овладели этим завидным искусством усреднять показатели. С тех, кто валит план постоянно, с этих

спрос малеиькнй. А вот с того, кто ходит в перевыполияющих, не грех спросить дополнительиые проценты, пусть покрывает иедобор отстающих.

Положеиие обкома, начальннка главка, миинстра аиалогнчио райкомовскому. И все требуют прнбавнть, покрыть чужую иедоработку.

Я знаю заводы, которые миогне годы проваливают заданяя. Что делают местиые власти? Жалуются в Москву: помогите своему предпрнятию. А в чем видят помощь коикретио? Сбавь плаи, прнбавь ресурсы. Зиачит, кому-то плаи иабавь, у кого-то ресурсы забери. Очень уж любнм мы «хромых н инщих». И если сиова будем входить в их положеиие, опять в иевыгодных условиях окажутся те, кто идет впереди. Из нх средств иачиут оказывать вспомоществование.

— Но, кроме хозрасчета, сейчас вступает в силу еще и Закон о государствеином предприятии (объедииеиии). Ои гараитирует вам большие права. Теперь вы можете предъявить счет даже своему миинстерству, если оио прииякло в отиошении вас иеправильиое решеиие, из-за которого ваше предприятие, допустим, поиесло убытки...

— Кому счет предъявить? Своему мниистерству? Закои-то принят, только вот адмиинстративный восторг ие прошел. Даже еслн по отиошеиию к нам учният что-то иезакоииое, я ведь все равно иичего иикому доказать не смогу. Прнмер? Пожалуйста. Сейчас прннята еще одиа иовиика — госзаказ. Умиое дело. Надо бы его приветствовать, а мы с иим воюем, пнше
м во все инстаиции.

По смыслу госзаказ для любого предприятия — самое важное задание государства. Умри геиеральный директор вместе со своим коллективом, но его обязательио выполии. В ГДР такая форма давио существует.

Я изучил иемецкий опыт и решил, что получить госзаказ всего в 15—20 процентов для нас иереальио, а вот процентов пятьдесят будет как раз то, что устроит всех. Обратился со своим предложеинем в миинстерство, потом выше. Там его рассмотрели, сочлн, что 50 процентов свободы для нас слишком жирно, и урезали ее до 15. Только эту часть своей продукции мы можем определять сами, остальиые 85 процеитов — госзаказ. Жаль, думаю, что иас так обкориали, ио все равно хорошо: есть хотя бы прецедент. Опираясь иа 15 процентов, можио будет завоевывать постепеино новые террнтории.

Однако даже этот урезаииый до крайностн вариаит был отменен явочным порядком.

Месяца три назад нам прислалн дополиительиые даииые по госзаказу на 1988 год. Мало того что ои почтн на семь миллиоиов рублей превышал коитрольные цифры по выпуску товариой продукцин, он вдобавок еще содержал 35 позицнй номенклатуры, из которых 21 позиция вообще ие предусматривалась прежним плаиом.

Наше дело — выпускать станки. Вроде бы ясиее ясного. А в этот дополннтельиый госзаказ иапихали всего, чего только захотели. Сбор лома и отходов чериых и цветных металлов, выпуск шнрпотреба, а также специальиого техиологического оборудования для себя и для отраслн, пиломатерналов...

— А это зачем?

— Вндите ли, мы отправляем наши станки упакованными в деревяиные ящнкн. Доски делаем самн, распуская круглый лес. Этн пиломатерналы иам иужиы только для внутреииего потреблеиия, н столько, сколько выпустнм стаиков, ии больше, ии меиьше. Поэтому мы сами без Москвы знаем, сколько н какого леса надо напнлнть. Нет же, столица нам определяет и эту цифру, да еще записывает в госзаказ...

Зачем иам указывают объем техиологического оборудоваиня

для собственных нужд? Мы его сделаем сколько надо. Лишнее делать не станем — невыгодно. И меньше тоже — затормозится основное производство. Мы сами это определим лучше, чем кто-либо другой. Но ведь нашелся все-таки чинуша — вписал.

Я, естественно, обратился к министру: «Что же вы делаете, зачем подрываете авторитет госзаказа?» Отвечает: «Так распорядился Госплан». Пишу туда на имя первого заместителя председателя Госплана. Ответа до сих пор нет.

— Извините, Владимир Павлович, но мне все-таки не совсем понятен вот какой момент. Вы все время говорите: будем бороться. Но в условиях самофинансирования главным «борцом» за справедливость должен быть рубль, экономические рычаги, которые бы и определяли логику хозяйственной деятельности предприятия...

— Если бы так все было! Осенью 1987 года областное КРУ решило списать с нашего счета полмиллиона рублей.

— За что?

— За добрые дела, разумеется. Вы, наверное, слышали, что наш завод работает на западной электронике: она понадежнее нашей. Но все-таки и она имеет право выходить из строя. Министры-потребители обратились к нам как-то с такой просьбой: возьмите на себя хлопоты по закупке за границей страхового запаса электроники, храните ее у себя и в случае выхода из строя какого-то блока или платы пришлете их нам.

В общем, я отправлял заказчикам запчасти за свой счет, а они мне после возвращали эти деньги. Набежало за все время полмиллиона, их-то и хотели списать в доход государства. Пошел я к начальнице Ивановского КРУ, объясняю: вы отлично знаете, какое наше предприятие и какая у него продукция. Если мы срочно не вышлем необходимый электронный блок вместо испорченного, будет стоять машина, что принесет государству большие убытки.

А она мне в ответ:

«Не положено. Для этого есть снабженческие организации. Полмиллиона вами получено незаконно».

Ладно, пишу бумагу в Министерство финансов. Отвечают: «Не положено». Обратился уже к самому министру финансов. Тот отвечает: «Ввиду важности дела, в порядке исключения эти деньги можно заводу вернуть».

Вроде бы справедливость восторжествовала, но я-то знаю, сыграла свою роль слава нашего предприятия, в определенной степени моя известность, а было бы это письмо от директора рядового завода, оно не дошло не то что до министра, а даже до начальника главка. Но и это еще не все. Когда я оптом закупаю электронику для всех своих клиентов, то трачу валюты примерно на двадцать процентов меньше, чем если бы они купили такое же количество в розницу. Государству прямая выгода, а меня обвиняют: нарушил инструкцию. А ведь эта инструкция старых времен.

Сейчас, согласно Закону о государственном предприятии (объединении), нам даны большие права для решения своих вопросов. Для этих целей предусмотрено создание советов трудовых коллективов. Однако все эти новшества останутся игрой в демократию, если по-прежнему «наверху» будут решать вопросы, вроде бы находящиеся в нашей компетенции. Ведь советы трудовых коллективов созданы не для того, чтобы держать в узде сатрапа-директора, а для решения конкретных дел на своем предприятии. Но к нам по-прежнему лезут с указаниями: сами, мол, вы не разберетесь. По-прежнему, как я уже говорил, все жестко регламентировано.

— Почему это пронсходнт?

— Все хотят управлять, ннкто не хочет расстаться с властью, с прнвнлегней решать за нас то, что мы н самн можем сделать без чьей бы то нн было помощн. Чиновннк любит «функцнонnровать», наша самостоятельность лншает его этого привычного занятия, ставит под сомненне необходнмость н смысл его должностн.

Чнновннчнй раж не знает границ, но мы прорвемся. Нас подпирает наша продукция, прндает нам силы. А вот как быть заводу в Краснореченске нлн Ивановке? Вы об нх директорах побеспокойтесь. Ведь еслн онн не прорвутся, тогда н нам будет плохо: нас оберут во нмя помощн нм, ведь расточнтельная благотворнтельность, как я понял, не отменена с переходом на хозрасчет.

— Ваше пронзводство требует, еслн можно так выразнться, большой творческой обеспеченностн...

— Безусловно. У нас работает шестьсот конструкторов, трнста ннженеров-электронщнков. Если счнтать колнчество н качество подготовкн последннх, то это прнмерно половнна того, что нмеет вся наша отрасль.

— Наверное, поэтому н получается, что онн легко могут на много лет вперед просчнтывать перспективу вашего объедннення и развнтня станкостроения в целом?

— Да, мы нм многнм обязаны. Но я помню, когда мы заводнлн школу электронщнков, многне сомневалнсь в ее целесообразностн: накладные расходы большне, отдачу же надо ждать лет десять — двадцать. Но мы все наращнвалн н наращнвалн свою электронную кадровую мощь, хотя этнх спецналнстов не так просто получнть. Но вот сейчас я твердо знаю: не нмей мы такой крепкой «электронной» команды, ннчего бы у нас не получнлось. Вы даже представить не можете, как онн легко разбираются во всех самых сложных снстемах. Благодаря нм у нас в этом деле нет проблем.

Теперь вот заводим школу математнков. Она тоже потребует расходов. Но сознательно берем эти затраты на свон плечн, так как знаем: в ннх будущее нашего предпрнятня. Лет через пять, а может быть, н раньше онн выплеснут ндеи, расчеты, которые станут пнтать наше пронзводство. И тот, кто сейчас экономнт на математнческом заделе, начнет прнвычно голосить в наш адрес: все подгреблн под себя, сндят как собака на сене. Ннчего, пережнвем н это.

— Договарнваясь с вамн о встрече, я, Владимнр Павловнч, думал, что год жнзнн на эксперименте даст вам значнтельно больше, чем это оказалось на самом деле...

— Все мы ждали большего. Но если откровенно, это наша давняя беда. Как я уже говорнл, мы возлагаем на всякое очередное новшество всегда много-много надежд, и, если оно сразу нх не оправдывает, мы его быстро спнсываем со счета, начннаем охаивать, затеваем следующую кампанию. Все время мы ищем «палочку-выручалочку». А надо бы по-нному, надо бы, как военные делают, когда пронгрывают свон операцнн на ящнках с песком. Так попробуют, потом нначе. Выберут одно направление, потом другое. Разыгрывать разлнчные варнанты наступления на ящике с песком тоже имеет смысл, потому что в боевой обстановке, когда все горит, все рвется, учнться будет поздно.

— Но ведь вас не сразу бросnлн в боевую обстановку. Вам далн какое-то время на подготовку, да и весь год вы работали как бы в эксперименте. Пусть это не совсем ящик с песком, но все-такн еще и не сражение...

— В какой-то степени я с вамн согласен. Но мне не нравится тенденция относнться к нынешней реформе, как к законченному вариан-

ту. В нашем хозяйстве навязано слишком много узелков, чтобы можно было их одним махом все развязать, распутать. Если бы так просто все было!

Вот я жалуюсь, что нам мало оставили прибыли, которую мы могли бы пустить на соцкультбыт и жилищное строительство. Но если бы оставили больше, нам что, стало бы легче? Вот сейчас у нас на эти цели имеется примерно 1 миллион 300 тысяч рублей. Я не люблю, когда у меня деньги лежат без дела. Говорю строителям: «Берите миллион, стройте мне то-то и то-то». А они в ответ посылают меня куда подальше: не нужны им наши рубли. Конечно, какую-то часть денег мы еще можем пристроить: на пионерский лагерь, на путевки, но очень много останется. От того, что окажется 5 миллионов или 10, мы что, жить будем лучше?

К проблеме самофинансирования, проблеме, как заработать деньги, примыкает не менее сложная проблема — как истратить их, как отоварить. Лично я с нею сталкиваюсь дома ежемесячно. Зарплата у меня, грех жаловаться, хорошая. Приношу домой пачку денег, толще лошадиного дышла, а жена говорит: «Зачем мне твои деньги, лучше бы колбасы принес или икры». С предприятиями то же самое происходит. Подобных крамольных вопросов возникает немало.

— Но ведь другие как-то устраиваются...

— И мне предлагали не раз «устраиваться». Строй, говорят, клуб хозспособом. Я категорнческн протнв. Кнрпнча нет, перекрытий нет, панелей нет. Все надо «достать налево», учинить какую-нибудь махинацию. Стронтелей тоже нет. Значит, с ними тоже надо «договориться», простимулировать полузаконным способом...

Лично для меня приемлем только один путь: мы делаем машнны и получаем за это деньги, а нам за наши деньги делают все, что нам необходимо. Остальное — не по мне. Нельзя на таких методах строить политнку. Можно раз-другой «похулнганить», что-то построить на грани фола (в принципе такой грех есть на совести каждого директора), но превращать полузаконность в постоянное занятие — извините, плохо кончится...

— Другими словами, все должно быть логично, последовательно...

— И идти от жизни, а не от лозунгов и благнх пожеланий. Тем более что положительный опыт подобного подхода к делу у нас есть.

Помните, мы долгое время митинговали вокруг выпуска экспортной продукции? Шума было много: задания, планы, словеса о престижности, чести заводской марки и так далее и так далее. Но дальше слов и планов дело не особенно шло, так как заниматься экспортом было невыгодно. Но наше объединение шло на международный рынок, и только в развитые капстраны, так как считало, что продажа в условиях жесткой конкуренции лучше всего характернзует качество и технический уровень нашей продукции. Хотя материальные стимулы былн просто смехотворны. И только с мая 1987 года наконец установлен новый порядок, при котором экспорт (и особенно на свободно конвертируемую валюту) стал исключительно выгоден предпрнятию. Это и есть отличный пример настоящего стимулирования. Теперь не требуется никаких призывов.

Дело нами задумано большое, и очень бы хотелось, чтобы оно получилось. Самофинансирование, на которое с нового года переходят уже все предприятия, не должно остаться застывшей системой раз и навсегда. Она должна развиваться, должны обновляться и сопутствующие ей области нашего хозяйственного механизма. Новое содержание нельзя облечь в старую форму...

Н. Травкин

Герой Социалистического Труда

Давайте хозяйствовать без команд [1]

За три года перестройки образовался значительный разрыв между гласностью, демократизацией и продвижением в экономической реформе. Если этот разрыв не начнет заметно сокращаться, если демократические процессы не будут в буквальном смысле слова подпираться полным и повсеместным хозрасчетом, то мы дадим серьезный шанс укреплению неверия и нигилизма в трудовых коллективах. И сегодня довольно слышимы голоса, что, мол, все одна говорильня, что реально в жизни ничего не меняется. И это относится не только к прилавку, да и чаще всего не к прилавку, а к возможности самостоятельно работать. Без дерганий, без нескончаемых команд. Почувствовать, что ты действительно хозяин, личность, а не пешка в чьей-то игре.

Одна, политическая, идеологическая, реформа в значительной степени оторвалась от другой, экономической. Но ведь в начале перестройки пути экономической реформы виделись более ясными, чем политической. Еще в апреле 1985 года М. С. Горбачев говорил, что никто резервов экономики не знает лучше самих трудовых коллективов, поэтому основное в концепции перестройки — смелее двигаться вперед по пути расширения прав предприятий, их самостоятельности, смелее внедрять хозрасчет. В демократизации мы тогда делали лишь первые шаги. Границы гласности были не ясны.

Так где же произошел перекос, позволивший «политике слова» так оторваться от «политики дела». Судьба перестройки решается на рабочем месте — это однозначно. Мы это всегда говорили. Чтобы перестройка не осталась лозунгом, надо действительно создать на каждом рабочем месте условия для высокопроизводительной работы. Создание таких условий и есть, на мой взгляд, главное в реформе управления экономикой.

Что же вызвало торможение экономической реформы? Ведь обе стратегии разрабатывались и реализовывались одним штабом — ЦК КПСС. Одним. Но стратегия открытости, гласности, демократизации оказалась под непосредственным и практическим воздействием ЦК. Это, кстати, еще раз свидетельствует, что политические, идеологические функции внутренне присущи партии. А в экономической реформе между ЦК и трудовыми коллективами предприятий оказались министерства, ведомства и аппараты прочих хозяйственных и административных органов. И пробить эту толщу не удалось, так как партийные органы, через которые Центральный Комитет проводит политику, сами оказались опутанными хозяйственными заботами, они как бы срослись в задачах с хозяйственными органами. Поэтому и не смогли в большинстве случаев отказаться от испытанных командных методов. Словами призывали к хозрасчету, к самостоятельности, а на деле вбивали в планы явно нереальные задачи.

[1] Правда. 1988. 22 июля. Печатается с сокращениями.

Объясняли это заботой об интересах области, района, отрасли. Мы, хозяйственники, до этих интересов еще, мол, не доросли. Недозрели политически.

Партийные органы стали непроизвольными участниками командного диктата в экономике — вот первая дань, которую платит партия за свое увлечение узкохозяйственными делами. Поэтому и структурные преобразования в управлении экономикой идут туго. Не радикальное сокращение излишних звеньев, а их перетасовка, переименование. Уберем промежуточные звенья, а через кого же будем командовать, с кого чинить спрос?

Как пример нового лишнего бюрократического звена могу привести Государственное производственное объединение (ГПО) № 2 Главмособлстроя, которое возглавляю как заместитель начальника этого главка. Даже партийное собрание первичной организации вынуждено было признать ненужность нашего существования. На конференции М. Ульянов говорил, что бюрократ — своего рода снежный человек, что следов много, все кругом затоптано, а живьем никто не видел. Вот, Михаил Александрович, такая возможность вам предоставляется. Смотрите. Можете даже пощупать меня руками. И я не единственный и далеко не последний экземпляр. Такими «снежными человеками» мы можем обеспечить все зоопарки мира. За валюту. Но и главк, и областной комитет партии завораживают возросшие темпы развития отрасли с появлением промежуточного звена, возможность плотнее и строже опекать тресты. То есть и сейчас еще срабатывает эффект подталкивания в спину. Эффект кратковременный, ненадежный. Почему же партийный орган не решается поломать эту структуру? Да потому, что за показатели в строительстве он же и отвечает в первую очередь. Нежелание, вернее, боязнь лишиться подвластных звеньев управления — вот *вторая* дань, которую платит партия за привычку понукать.

Но там, где элементы экономического механизма задействованы, административные нажимы уже не срабатывают, терпят поражение. В конце прошлого года в Подольске решалась судьба престижного для области объекта — роддома. Кто и как только не нагнетал обстановку на этом объекте. Не сдали!! А почему? Ведь раньше такие «целевые задачи» решались очень просто. Выполнялись команды по снятию людей и ресурсов с других объектов, а потом тот, кто команду давал, закрывал глаза на перерасход зарплаты. Не своя же! При коллективном подряде зарплата формируется экономическим путем. И естественно, что каждый раз после отъезда областных начальников управляющий трестом вынужден был выбирать: команду-то я выполню, сгоню людей на объект, а где взять зарплату на весь трест? Он ведь и отвечает-то уже на самом деле перед коллективом треста, а не перед «верхами». Так что экономикой нельзя командовать по принципу градоначальника из города Глупова, который управлял словами: «разорю» и «не потерплю». Тем более что слово «разорю» в условиях хозрасчета оказывается без кавычек.

Все это подтверждает вывод — зацентрализованная административная система не срабатывает. Через нее уже невозможно управлять экономическими процессами. Значит, надо ускоренно помогать становлению экономических, особенно горизонтальных, связей. Вот главная, наверное, точка приложения сил парторганов в руководстве экономикой. Но нередко кампания по перестройке структур подменялась мнимым сокращением штатов. Ну что, мужики, тяжело нас кор-

мить? Ладио, дадим послабление. Сократимся процеитов на 30, а где-то поболе. Но до таких пределов. чтобы управлеиие вами из рук не выпустить.

А ведь вроде все было для того, чтобы сделать это революциоино, снизу. Не вы нам уступку делаете, сокращаясь на 30 процентов, а мы, рабочие предпрнятий, скажем вам, сколько вас нужно содержать для пользы дела. Была директива ЦК, была (да и есть) решимость иизов. Но ие везде сработали штабы организации этого дела, которыми должны были стать партийные органы. Почему? Почему партийные органы не ломают смело эту зацентрализованиую систему руководства экономикой? Да потому, что они стали частью ее, иеотъемлемой и решающей. Вот *третья* дань перегруза парторгаиов хозяйствениой работой.

Сейчас, по-моему, мы все убедились, что бюрократию можио победить только сиизу — перекрыв ей источник питания. Сверху оиа себе этот источник перекрывать не будет. Изнутри тоже ие удастся — кастовые, эгоистические интересы оказываются сильиее иародных, государствеиных. Не потому ли затягивается во времени переходиый период?

Мы как о естествеином процессе говорим о грядущем баикротстве иеспособиых предприятий. Без работы, мол, иикто ие остается. А как только началось сокращение аппаратчиков, поднялась волна: «Да куда же им, бедным, деться, если они иичего полезного делать ие приучены? Да разве нх в этом вина?» Нет. Рассматривать вопрос управленческих структур давайте тоже с точки зреиия баикротства. Что цеииого коикретио вы можете предложить производству, кроме распоряжеиий? Ничего? Тогда расформирование, а не сокращение. Именно эту точку зрения н высказал на XIX партконференции В. Кабаидзе в несколько гротескной форме, что тут же миогих смутило.

Так почему же партийные органы ие «ощетииятся» на хозяйственную и административную бюрократию? Да потому что они в работе плечом к плечу сродиились с ией. Имеиио это дало возможность появлеиию коррупции, иечистоплотиости и в иных партийиых рядах. Вот *четвертая* дань за смешение партийной и хозяйственной работы.

Все это способствует затягиванию переходиого периода в экономике. И самой главиой издержкой, пожалуй, может быть потеря лучших кадров. Кто высовывается, спорит, доказывает? Те иеравнодушиые и доверчивые, которые поверили в Закои о госпредприятии, в самостоятельиость, поверили в перестройку. А их «ставят» иа место, подравииват под общий ранжир, иногда укорачивая иа голову. А те, кто вчера брал по каждому поводу под козырек, и сегодия живут спокойно — не возникают. Но ие на иих же делает ставку в перестройке партия.

И это, иавериое, самая большая, *пятая* дань. Оиа не дает расти тому, что призвана партия растить,— кадрам.

Дискуссия перед коифереицией, казалось бы, убедила: партийиые комитеты должны уйти от прямого комаидования экономикой. Мы и в Тезисах провозгласили: должны! Но когда? Сейчас в ходу такое рассуждение. В смутиое переходиое время, дескать, парткомы ие могут выпустить из своих рук хозяйствеиные рычаги, ииаче крах. Ведь оии там, виизу, иачиут «заблуждаться» — кто их перемирит и расставит по местам. Только парторгаиы. Вот малеиько иаведем порядок, тогда отдадим власть Советам, а сами будем вас направлять политически и идеологически. Убежден: если этот шаг можно сделать с завтрашнего утра, то завтра его иадо и делать. Хозяйствеиники готовы к

самостоятельности. Такая готовность нужна и со стороны партийных органов. А то многие хозяйственники задаются вопросом, выходя с заседания партийного комитета или с разноса в его отраслевых отделах: «Может, я действительно что-то недопонимаю в местных особенностях? Может, действительно судьбу животноводства района решат как раз те 30 рабочих, которых нужно бесплатно выделить для окашивания жухлой травы на обочине дороги? А не лучше ли эту судьбу отдать в руки самих животноводов? Но ведь тогда надо идти к ним, убеждать их, зажигать. А идти-то зачастую уже и некому. Во-первых, все сидят на вытягивании плана. Хозрасчет же, различные виды подрядов стали для парторгаиов занятием факультативным. А во-вторых, не умеем, потому что мы в партийные комитеты набрали не комиссаров, не политработников, а... лучших хозяйственников. Нет, на комитете отстегать легче. Все под руками. В общем, хозяйственник сегодня в раздумье. Но если и его завтра посадить в кресло властного секретаря, то действовать он будет так же. Ведь в конечном счете за молоко в ЦК спросят с первого секретаря обкома, райкома.

Мне представляется, что если мы хотим коренных улучшений в экономике, то уход партии от повседневных команд, оперативных забот о производстве — условие необходимое. Понятие хозрасчета больше распространяется на предприятия, нежели на территории, административные районы. Но согласимся: мало будет толку, если крестьянин в поле, рабочий у станка станут считать копейку, а чиновник в исполкоме — надеяться на госбюджет, на то, что ему дадут. Да и демократизация Советов не произойдет без их хозрасчетной основы. Интересы отрасли и территории при их пересечении должны давать не искры, а обоюдный выигрыш.

Предприятия самофинансируются, развиваются и одновременно частью доходов финансируют, развивают местную инфраструктуру. В этих деньгах, отданных по нормативу, и будет заложен интерес Совета. Этими деньгами он постарается распорядиться по-разумному. Они заставят депутатов внимательнее взглянуть и на обширную районную бюрократию. Все ли райпо, райтопы, другие канцелярии и конторы нужно содержать? Или что-то можно заменить самоуправлением. В этом случае четко определяется в политической системе и место советов трудовых коллективов — главной опоры и основы Советов народных депутатов.

Но вся эта система останется мертвой, если в ней не будет организующей и направляющей работы партии. Посмотрите жалобы трудящихся. Абсолютное их большинство может решаться на местах, в трудовых коллективах, в районе, области. Но не решаются зачастую. Некому организовать постоянную работу Советов. Нет у них достаточного авторитета. Вера в партийные органы по-прежнему выше.

Но и этого мало. Нельзя не заметить, что уже сегодня у советов трудовых коллективов проявляются тенденции групповых, узковедомственных интересов, идущих вразрез с интересами территории. Поэтому здесь тоже требуется выработка нового мышления и у рабочих, и у руководителей, и у Советов. Кто будет вырабатывать это новое мышление? Президиумы Советов через советы трудовых коллективов? Партия через свои первичные организации, через коммунистов в Советах и в самих коллективах? Конференция решила, что именно партия должна стать объединяющим началом этих усилий.

Нигде, на мой взгляд, не распространено так сильно иждивенчество, как в территориальном, региональном развитии. В кровь у нас

вошло попрошайничество. Для этого мы используем любую трибуну, начиная от слета пионеров, кончая депутатскими и партийными форумами. А что подогревает это попрошайничество? Поездка члена правительства в регион и следом если не постановление, то обязательно решение о дополнительной помощи.

Но откуда в нашей пятилетке, которая, по заверениям Госплана, сверстана сверхжестко, сверхнапряженно, появляются дополнительные куски? Может быть, мы штопаем Тришкин кафтан? И не отсюда ли начинается цепочка разбалансировки? Поездка первого секретаря обкома в район — облагодетельствовал коровником или детсадом, секретаря райкома в деревню — внеочередная автолавка придет. Умей только слезу выжимать. Но это не дополнительное, не из запасников. Все это за счет другой деревни, другого района.

А есть ли возможность уйти от цепочки благодетельств и разбалансировки? Есть. Если тот, кто обещает, будет отвечать и за исполнение обещания. К секретарскому праву надо прибавить бремя ответственности главы Совета. Что и предусматривает решение партийной конференции.

Р. Белоусов

Профессор, доктор экономических наук

Время удобных и тихих прошло [1]

(Перестройка и министерство)

Министерства сыграли в нашей истории большую положительную роль. Она особенно проявилась во время индустриализации, в годы Великой Отечественной войны, в период восстановления. Вот почему ликвидация министерств в 1957 году была, по-моему, поспешным шагом. Думаю, что и сейчас они очень нужны как государственные органы управления. Но не в том качестве, в каком есть. Нам нужны министерства, которые могли бы обеспечить слаженную работу отраслей, причем такую работу, которая стимулировала бы рывок в качестве, в технологии, в специализации, чтобы можно было широко выйти с нашей продукцией на мировой рынок. Думается, с нынешними министерствами эту задачу не решить. Ведомственность — это, пожалуй, наиболее верный синоним понятия сегодняшнего министерства... Разломать жесткий каркас ведомственности — вот задача.

Очень часто министерства называют себя «средним звеном» между центральными органами — Госпланом, Госснабом — и предприятиями. На первый взгляд так вроде бы и есть. Во всяком случае, когда кто-то начинает жаловаться, то в министерствах говорят: что же мы можем сделать, если такое задание спустил нам Госплан, средства распределил Госснаб? А на самом деле министерство не такое уж «среднее» звено. Его роль, как правило, оказывается ключевой во всей управленческой системе.

[1] Правда. 1988. 11 февр. Беседу вели К. Пырцак и А. Черненко. Печатается с сокращениями.

Прежде всего такая деталь: в аппарате Госплана, в других центральных органах подчас «сидят» представители, выдвиженцы министерств. Причем эти люди остаются соединенными не только профессионально-«корпоративными» связями. Они вместе учились, хорошо знают друг друга, нередко поддерживают и неформальные, семейные связи. Нельзя не заметить и то, что министерства продолжают оказывать массу услуг работникам, скажем, того же Госплана. Почти все министерства имеют под Москвой разные заводы («своя материальная база»), чего нет у того же Госплана. Они могут починить машину, изготовить какие-то мелочи для дачи. Да мало ли что...

— Неужели, на ваш взгляд, чисто человеческие связи столь серьезно определяют и связи управленческие?

— Я бы сказал так: определяли. Сегодня ситуация меняется. Сама экономическая перестройка раскалывает эту связку. И все же будем предельно, по-партийному честны: если министерство чего-то не хочет, то его редко может заставить Госплан или кто-то другой. И наоборот: когда оно хочет что-то пробить, то рано или поздно своего добьется. Так что министерство не «среднее» звено. Это шея, которая иногда «вертит головой», как считает нужным.

...Я бы разделил кадры министерств на четыре группы... Первая — основная группа — это опытные, квалифицированные работники, проделавшие долгий путь от рабочего, мастера, начальника цеха, директора до кресла в министерстве. Такие люди, как правило, и определяют лицо министерства. Для них характерно то, что они знают каждый завод, иногда каждый цех, каждую домну.

Это те люди, на которых как раз сегодня все министерство и держится. Они могут быстро и правильно определить причину сбоя, причину невыполнения плана, дать характеристику руководящему работнику, специалисту, которых они знают иногда лучше, чем своих родственников. Эта часть кадров действительно сделала и делает очень много. С другой стороны, как правило, эти люди не «политики» и не «стратеги». Они — специалисты вчерашнего и в лучшем случае сегодняшнего дня. И, как правило, специалисты по одной определенной технологии. И в силу этого они часто консервативны. Не по злому умыслу. Но, скажем, именно такие работники сыграли главную роль в том, что производство стали на мартеновских печах у нас остается основным, хотя мы первыми в мире разработали новые, более совершенные технологии.

И тем не менее сегодня эта категория кадров решающая. Как говорят, руководитель заказывает «меню», а котлеты, гарнир и соус делает именно эта группа аппарата.

Вторая группа кадров тоже многочисленна. Это рядовые служащие. Они хорошо усвоили свое место у «конвейера» входящих и исходящих бумаг. Хотя им не чужды интересы дела, нередко они более активно живут своими интересами — как правило, интересами домашними, личными. Возникает вопрос: чем привлекает их министерство? Отвечаю: «чистой» работой. Для многих не важна, во всяком случае не на первом месте, зарплата. Среди этой категории много женщин.

Кроме двух этих многочисленных категорий, я бы выделил и третью. Руководящие кадры министерств. При них, как правило, формируется небольшая «команда» энергичных людей, вместе с которой и образуется та двигающая сила, которая направляет, координирует и толкает тот бумажный кругооборот приказов, планов и инструкций, которые составляли основную «вало-

вую» работу министерств и ведомств и в ходе которой не только двигается вперед, но и губится иной раз живое дело.

Наконец, четвертая категория. Я ее назвал бы «группа дон-кихотов». В министерствах их особенно не любят, потому что эти люди всегда что-то ищут, что-то предлагают перестроить по-новому, критикуют без учета рангов. Среди них немало талантов, а талант, как известно, всегда неудобен. Особенно для бюрократических сил. Но, несмотря ни на что, эти люди вносят свой привкус в работу министерств. О них всегда вспоминают, когда министерству нужны идеи, предложения. Поэтому, несмотря на определенные неудобства, эту категорию лиц все-таки в министерствах терпят, иногда поощряют, но стараются держать «на своем месте».

Если подойти по-государственному, по-хозяйски, то как раз сейчас и нужно, чтобы эта группа заняла ведущее место у руля министерств.

— Но каковы тут критерии? И как отделить одних от других чисто формально?

— Критерий один: дело, приносящее реальный, полезный результат. Давайте уточним принципиальный момент. В новых условиях хозяйствования требования к министерствам меняются. Их главная функция (которую, к сожалению, министерства не выполняли, хотя она и была и раньше) — это обеспечение технического прогресса в отрасли. Тот факт, что наша машиностроительная продукция не находит широкого сбыта на мировом рынке (причем сбыт этот сократился, хотя Знаков качества на продукции прибавилось),— подтверждение того, что наши министерства не смогли ответить делом на тот взрыв научно-технической революции и качества, который произошел в мире в 70—80-е годы. Как сократить этот разрыв между отечественной и мировой технологией? Как создать новую «машину»?

— Ну, наверное, это вопросы специализированных институтов...

— В прикладном плане — конечно. Но именно министерства должны обеспечивать специализацию и кооперацию производства. По существу, одна из главных причин, почему у нас каждое предприятие стремится к самообеспечению (а это значит — невольно к отставанию от мирового уровня), состоит в том, что у нас на обе ноги хромают комплектация, поставки по кооперации. И хотя выполнение договоров поднялось до уровня достаточно высоких статистических показателей — 98—99 процентов,— к сожалению, положение со снабжением и поставками между смежниками ухудшается. Цифры не должны никого гипнотизировать.

— Так, может быть, перевод на новые условия хозяйствования поможет министерству решить эти проблемы?

— И это одна из его центральных ролей. Что показывает первый, весьма еще противоречивый, опыт работы министерств по перестройке экономического механизма? Самая острая проблема: перевод на хозрасчет малорентабельных предприятий. (А это у нас почти каждое 8—10-е предприятие.) Сейчас министерства поступают очень просто. Они через систему индивидуальных нормативов используют старые приемы: берут у хорошо работающего предприятия и отдают работающему плохо. Этим самым консервируются отсталый технический уровень, бесхозяйственность и пробелы в организации производства. Думаю, что тенденция должна быть к выравниванию нормативов образования хозрасчетных фондов на предприятиях. А министерства за счет своего резерва должны не перекачивать

средства, а реально помогать предприятию.

— А какова судьба «сокращенных управленцев»?

— Речь о том, чтобы оторвать этих людей от бумажной деятельности и приобщить к реальному труду. И более высокооплачиваемому, и более творческому. Я вообще в перспективе, с учетом темпов развития оргтехники, вижу управление безбумажным. Пока мы говорим только о безлюдной технологии в промышленности, но пора говорить и о безбумажной технологии управления! Конечно, процесс сокращения болезнен. Но, согласитесь, он и неизбежен. Гуманность тут должна заключаться в том, чтобы высвободившихся людей переучить и вернуть на производство.

Сейчас аппараты министерств уже чуть-чуть поредели... Сокращаться же по идее в аппарате должен каждый второй или каждый третий. Кого оставят. Время удобных и тихих прошло. Экономическая ситуация заставляет руководителей опираться на людей ищущих, стремящихся к новому. Конечно, надо сохранить и опытные кадры, знающие отрасль.

— Рэм Александрович, и все же многие относятся к сокращению аппарата управления с определенным недоверием, как к кампании. По опыту «сокращений» прошлых лет многие сравнивают этот процесс с вспугиванием птиц с дерева.

— Есть в этом большая доля правды. Конечно, в «гнездышко» персонально возвращаются другие птицы. Но порода «птиц» не меняется. Скажем, сейчас многие директора жалуются, что в министерстве часто отказываются решать конкретные вопросы. Особенно не хотят решать то, что связано с малейшим риском, когда требуется отстаивать, пробивать. Вообще у многих бюрократов из министерств есть негласная заповедь: «Если можно — не решать; если не решать нельзя — не подписывать». О таком стиле говорят очень многие директора предприятий.

— Сейчас распространено мнение, что многие «болезни застоя» будет «лечить» перевод самих министерств на хозрасчет.

— Лично я против перевода министерств на хозрасчет. Министерство — это не большая дирекция отрасли, не представитель отрасли в государстве. Оно должно стать представителем государства в отрасли. Именно так мы ограничим ведомственный интерес. Но хозрасчет в узком его смысле эту проблему не решит. Нужна более демократичная форма контроля над деятельностью министерств. Это — другое дело. Но что-то я не помню случая, чтобы депутат выступил с инициативой, предложением заменить министра или хотя бы его заместителя...

Но это процесс обоюдный. Нельзя требовать демократии тем, кто хочет ее иждивенчески использовать. Например, мы часто говорили, что директора предприятий у нас имели мало прав и самостоятельности в работе. Однако исследования показали, что сегодня в девяти случаях из десяти директор предприятия, столкнувшись с крупной проблемой, которая впрямую относится к его компетенции и которую он может решать самостоятельно, уходит от решения. Идет в министерство «посоветоваться...». Но смысл тут один: тянуть министерство за руку, получить от него еще какие-то ресурсы и заодно переложить ответственность. Разве это демократия? Это нахлебничество. И будет большой ошибкой, если министерство пойдет тут на поводу. А такая опасность есть.

В. Тихонов

Академик ВАСХНИЛ

Чтобы народ прокормил себя...[1]

Какой аграрный строй мы создали!

Создавая экономическую аграрную теорию, Маркс ориентировался на юридически свободного крестьянина, который, преследуя свои индивидуальные экономические цели и реализуя свои личные интересы, выращивает продукцию для того, чтобы выгодно ее продать. Тем самым он, не обременяя себя словами заботы о народе, кормит народ. И богатство любого общества всегда возникало как следствие богатства людей, прежде всего крестьянина, а не наоборот.

Мы в революцию вступили с наивно-утопическим представлением о социализме как обществе всеобщего и уравнительного распределения в системе «производительно-потребительских коммун». А поскольку крестьянин такого распределения не признавал и не признал, он был обложен продразверсткой и подавлен законами против спекуляции, то есть свободной торговли вообще, и в частности хлебом. На том, как известно, мы и пришли к первому крупномасштабному всероссийскому голоду.

Ленин первым среди большевиков отказался от пагубной политики разверстки и уравнительства. После кронштадтского восстания в 1921 году он заявил, что лозунг свободной торговли — главное требование крестьянина.

Новая экономическая политика дала крестьянину семилетнюю передышку. В 1921 году страна смертельно страдала от голода. А уже в 1923 году российская степная пшеница вновь появилась на внешнем рынке, причем закуплена она была у крестьянина без угроз, без винтовок, без кованого сапога «продотрядников».

В 1927 году городской житель потреблял на душу населения от 67 до 73 килограммов мяса и мясных продуктов в год. И этот счет без сала, а тем более субпродуктов. Потребление мяса в деревне на душу населения составляло в тот год от 48 до 56 килограммов.

Но это был уникальный период. Ни ранее, ни позднее, даже в годы, когда раскатами гремели восклицания о «расцвете» колхозного строя, подобного снабжения жители страны не знали.

В чем тут причина? Да только в одном: крестьянин получил землю не в «пользование», а в безраздельное владение. И ни одна душа не имела возможности вмешиваться в его хозяйство. Полноправный владелец земли вправе был распоряжаться и продуктом, выращенным на ней. Естественно, он продавал эту продукцию. Кому? Любому, кто хотел купить ее по ценам, устраивавшим крестьянина. Взимая твердый налог, который именно твердостью своей импонировал крестьянину, государство постепенно заменяло натуру деньгами. На налоговые денежные платежи государство свободно покупало у мужика ту пшеницу, которую ранее отбирало у него с применением винтовок. Так продолжалось до 1928 года.

И вдруг неожиданно возникли трудности с закупками зерна и

[1] Лит. газ. 1988. 3 авг. Печатается с сокращениями.

срочно сформировался «хлебный фронт». Вот тебе на! Войны нет, а фронт появился. Почему же возникли трудности с хлебозаготовками? Ведь урожай был обычным, средним. Крестьянские закрома не пустовали. Причина ясная, да только политиками, а в последующие годы историками старательно скрываемая. Стремясь форсировать рост накоплений для индустриализации, Сталин (лично!) с наиболее приближенными соратниками добился снижения закупочных цен на хлеб и одновременно значительного повышения цен на промышленные товары, поставляемые в деревню.

Были резко увеличены налоги на индивидуальных промышленников, ремесленников, торговцев и, естественно, на крестьян. Масса промышленных товаров сократилась, цены возросли и продолжали галопом скакать вверх. Что оставалось делать крестьянину, живущему только доходами от своего хозяйства? Бунты, естественно, подавлялись, но не кулаков та драконовская мера давила, а тружеников, которые в сложное время накормили-таки народ российский.

Сопротивление крестьян было сломлено старыми, проверенными методами — насильственным изъятием хлеба, в том числе и с помощью военной силы; применением Уголовного кодекса к тем, кто пытался избежать поборов; введением ужесточающих налогов и так называемого «самообложения», проведение которого доверили разным прихлебателям, выбивающимся в советские «унтеры» типа можаевских Возвышаева и Сенечки.

Эта кампания позволила подготовить и «теоретическое обоснование». Создавали его и в те времена не ученые, а политики, возглавившие поход против крестьянства. Суть «теории» состояла в том, что стране необходим хлеб. Брать его за бесценок в индивидуальных хозяйствах, оказывается, излишне накладно. Значит, надо объединить крестьян в колхозы, а хлеб ссыпать в общие амбары. Оттуда его взять легче.

С такой «теорией» уже нетрудно было составить схему коллективизации на «базе ликвидации кулачества как класса».

Так и вступила страна в «год великого перелома». Не только кулачество было уничтожено, но и крестьянство понесло огромные потери как социальная группа, как класс, отличающийся особым местом в общественном производстве, особым способом получения необходимого продукта, особым укладом общественной жизни, привычками, традициями, бытом, наконец, особыми нормами социальной психологии. Ликвидировано было в ходе коллективизации с 1929 по 1933 год включительно около трех миллионов крестьянских хозяйств. Это значит, не менее 15 миллионов душ осталось без крова. Около двух миллионов «пристроилось» на индустриальных стройках. Остальные — в лучшем случае в переселение на сибирский лесоповал, а около миллиона взрослых, трудоспособных отправилось торить дорогу в лагеря. Нельзя к тому же забывать и о тех миллионах, которые коллективизации не сопротивлялись и тихо погибли от возникшего голода в украинских селах, донских станицах, деревнях других областей.

Чем же и кем стал после такого кровавого урока крестьянин? Отчужденный от своей земли, от распределения произведенного, превратился он из хозяина в исполнителя работ и команд.

Колхоз никогда не получал в полной мере статута кооператива. Но в ходе его укрупнений, «совхозизации», межхозяйственных «коопераций и агропромышленных интеграций» утратил и те минимально кооперативные черты, которые сохранял в виде трудодня и иных

аиалогнчиых форм распределения продукцнн.

До снх пор скован колхоз по рукам, по иогам заданнями «на сдачу» (!) продукцнн, придавлеи цеиамн, устанавлнваемыми где-то вверху, закабален постоянно растущнмн ценамн на технику, удобрення, корма (!), строительные матерналы, топлнво. Из года в год повышаются цены иа сельскохозяйствеииую продукцню. Килограмм мяса, закупаемого у колхоза, прнближается к шестн рублям, и все равно половина хозяйств иизкорентабельна и не может за счет своих средств вестн дело. Из иих трн с половинной тысячн хозяйств хроннчески убыточны. Долги сельхозпродукцнн банку перевалилн уже за 144 мнллнарда. Да еще государство безвозмездио нз бюджета ежегодно выдает ие меиее 23—25 мнллнардов рублей колхозам и около 50— совхозам.

Вот и судите самн, чнтатель, соответствует лн теоретическнм моделям Маркса н Леннна тот аграрный строй, который мы воздвнглн.

Маркс и Леннн орнеитнровались на создаине условнй, прн которых крестьяинн, владея землей как объектом хозяйствовання, самостоятельио планнрует свое производство, без стороннего вмешательства распределяет пронзведениое и свободио продает его, получает доход в завнснмости от своих результатов.

Мы же создалн систему, когда крестьяиии лншен владеиия землей и может лншь пользоваться ею в той мере, в какой собственник ее, то есть государство, позволяет. Поэтому именно государство через свой аппарат сохраннло за собой право распоряжаться этой землей и днктует крестьяннну, что и где сеять, когда коснть, куда увезтн, кому отдать н сколько денег получить за сданное.

Государственный же аппарат днктует крестьяннну, сколько ои может получнть в обмен на свой труд.

Маркс и Ленни предполагали: уровень жнзнн н доходы крестьяннна целнком н полностью определяются результатамн пронзводства н реализации созданной продукцнн, уровием нздержек земледелня.

Общество тебе может помочь в порядке социальиой компенсацнн в случае непредвиденного стихийного бедствия, но не вздумай ему жаловаться ежегодно на «чрезвычайно неблагоприятные погодиые условня».

А что у иас? «Слег» колхоз от бесхозяйственности н пьянства председателя — поднимаем его всею силою государственной властн, подвязываем веревками, как корову, оголодавшую в 50-х годах, к государственной финансовой балке, кредитами безвозмезднымн, иадбавками к ценам, непонятно для чего гарантнрованной оплатой за счет опять-таки невозвращаемого кредита. Даем ему тракторы, комбайны, удобрения — н все даром.

Маркс н Ленин полагалн, что еслн лучшие н средние по плодородню н местоположеиню земли не могут прокормнть общество, то оио вынуждено поощрять земледелие н на худших землях. Но поощренне земледелия не означает поощрення нждивеичества. Общество через рынок устанавлнвает цеиы такнм образом, что онн покрывают издержки земледелня на худшнх землях и дают крестьяиину некий чнстый доход, который ои может употребить иа повышенне плодородня почвы. Именно эти цены становятся обычнымн, едннымн для всей товарной продукцнн.

А как же с теми, кто хозяйствует на лучшнх землях? Мудрость, нсторнческн накопленная народом, в том н состоит, что людн создали практнку экономнческого регулировання пронзводства, выравнивания условий хозяйствовання прн разлнчни объективиой биоклнматнче-

ской ситуации. Земледелец, работающий в лучшей ситуации, выплачивает арендную плату за владение землей. Величина этой платы тяготеет именно к тому избытку цены продукта над издержками крестьянина и необходимой ему средней прибыли, который получен им при цене, установленной по худшим условиям. Как видно, в арендной плате отражается и качество земли, и экономический механизм выравнивания доходов земледельцев, обладающих разными землями. И никакого иждивенчества. Хочешь увеличить доход при данной арендной плате — улучшай качество земли, ее обработку. Если же земледелец является собственником земли, его доходы частично регулируются подоходным налогом.

Что же делаем мы? Цены устанавливаем централизованно и потому произвольно. Но экономика — это не бухгалтерский учет и не арифметическая эквилибристика. В ней действуют люди, а у людей имеется некое нравственное начало. Постоянные дотации, когда они становятся привычными, неизбежно заставляют человека приспосабливаться, как бы их побольше получить.

Тогда наши «теоретики» пошли дальше: решили ввести системы дифференцированных цен. И теперь томский колхоз, где пшеница практически никогда не дозревает, получает вместе со всеми надбавками за каждую ее тонну 160—170 рублей. А ставропольский хлебороб за свою прекрасную пшеницу —100—107 рублей. Дело доходит до курьезов: в Норильске научились выращивать тепличный виноград. Можете представить себе, какова его «плановая» цена? В то же время в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, вместо того чтобы больше давать винограда и других плодов, растят вечно больной картофель, быстро портящийся, с урожаем не более 100 центнеров с гектара, и продают государству по «плановой» цене до 43 копеек за килограмм. Невежество в теории, а отсюда беспомощность в хозяйственной политике — это, по-моему, самый тягостный порок, от которого страна никак не может избавиться.

Иждивенчество в ранге государственной политики

Представьте себе мясокомбинат. Средний, типичный. Ему государственным планом начертано, кто, сколько, когда поставит бычков, как он их должен оценить и сколько денег уплатить за каждый килограмм живого веса. А параллельно колхозу, совхозу дан жесткий план: сдать предприятию столько-то мяса в живом весе, и чтобы было столько-то голов в этом стаде, и получить за это можно такую-то сумму денег.

И вот начинаются мытарства колхоза. Везет он своих бычков за тридевять земель, теряя в дороге до 20—25 процентов их живого веса. Привез. А приемщица на мясокомбинате имеет свое плановое задание, начинает куражиться. И вес не тот, и бычки хилые, и выход «убойного веса» из живого будет низкий. А потом уже все, кому до этого есть дело, вволю над сдающим скот поизгаляются. И тянется это и двое, и трое суток. Очередь же! Пока наконец не махнет рукой крестьянин. Приняли! Но с такими просчетами и подсчетами, что даже если четверть «убойного веса» мяса уйдет на сторону, план у мясокомбината все равно будет выполнен.

Директор комбината, не заботящийся о добыче сырых материалов для работы своего предприятия,— это же сказочная фантазия для пищевика. Я уверен, ни одного директора мясокомбината, молокозавода, овощной базы нет среди тех, кто эмигрировал в дальние края. Зачем? Ведь нигде в мире не найти таких райских условий для

хозяйственника, перерабатывающего сельскохозяйственную продукцию!

Комбикормовый завод. Директору его дают план по приемке (не закупка, нет, приемка!) такого-то количества зерна для переработки в комбикорм. Ему же дают и плановые цены в зависимости от сорности зерна.

Колхозу, совхозу — тоже план, но уже на сдачу зерна. И условие — сдавать прямо из-под комбайна, с сором, остатками соломы, «хвостьем». Для чего? Вы пока еще не догадываетесь, читатель, а председатель колхоза уже давно все это раскусил.

Идет приемка зерна. И снова определение качества, споры. Но и здесь очередь, и спешка, и ругань, и простои машин... Наконец приняли, вычли процент засоренности. Начали сортировать. Все примеси, из-за которых цена снижена, пошли в комбикорм. А потом этот же корм по разнарядке распределяется между теми хозяйствами, которые сдали зерно. Нередко добавок к нему не хватает, и зерно вместе с примесями, в лучшем случае — перемолотое возвращается в то хозяйство, откуда было вывезено. Неловко вроде, зря же катается зерно. По стране в целом каждая тонна товарного зерна проделывает путь, уже приближающийся к 1200 километрам. А руководит всем этим делом Министерство хлебопродуктов.

Ясно, что лучше было бы передать переработку зерна в корма самим хозяйствам. Но это легкомысленное желание, читатель. Смысл в том и состоит: колхоз продает заводу зерно по цене, скажем, 120 рублей за тонну, а покупает назад уже по оптовой цене промышленности — по 290 рублей. Найдете ли вы министерство, которое добровольно рассталось бы с такими золотыми россыпями?

Директор комбикормового завода живет вольготно. Колхоз держит его на иждивении, а государство строго следит, чтобы, не приведи господь, иждивенец не остался без дармового сырья.

Апогея своего это социальное иждивенчество достигло в системе Минводхоза СССР.

Около полутора миллионов человек, оснащенная многомиллиардными производственными фондами мощнейшая землеройная, бетоноукладочная, дорожная, строительная техника. Пережигают миллионы тонн горючего, переворачивают миллиарды кубометров земли, прокапывают многотысячекилометровые каналы...

Семьдесят девять с лишком миллиардов рублей закопали в поля и канавы мелиораторы за три пятилетки с 1971 по 1985 год. С гордостью доказывают, что благодаря орошению страна получает треть всей валовой продукции растениеводства. Впечатляющие заявления!

Но каким образом это доказывается? Имелось, допустим, три миллиона гектаров богарной земли. Получали с нее земледельческую продукцию в сумме примерно на 3 миллиарда рублей. Пришли мелиораторы, устроили орошение, вложив в него 12 миллиардов рублей, и с той же земли стали получать продукцию на общую сумму 3,3 миллиарда рублей. Добросовестный человек в этом случае скажет: мой вклад в этот результат ничтожный —10 процентов. А мелиоратор с гордостью утверждает другое.

Так вот, за указанные пятнадцать лет мы получили реальный прирост продукции за счет орошения по зерну —3,9 процента, по овощам —8, по кормам —9,5, по растениеводству в целом (кроме хлопка) — 6,5 процента, то есть по сумме лет 43,5 миллиарда рублей.

Посчитав вложения и прирост продукции за 1981—1985 годы, Минводхоз с укоризной в адрес природы говорит: из-за нее (природы российской) миллиарды оку-

пятся в течение... 25,6 года. Что ж, может быть, наши дети дотянут. Однако и тут лукавит Минводхоз.

Фактический прирост валовой продукции за указанные пять лет (заметьте, мы пользуемся цифрами самого Минводхоза, не подвергая их пока сомнению) составил 2,1 миллиарда рублей. Чистый доход (или прибыль) в этой продукции по фактическому уровню рентабельности совхозов и колхозов — примерно 400 миллионов рублей. А вложения мелиораторов в осушение и орошение земель, на которых был получен этот прирост, за пять лет исчисляются 43,9 миллиарда рублей. Так вот посчитайте, сколько лет потребуется, чтобы окупить, возместить эти миллиарды. Уже посчитали? Это же просто — поделите 43,9 миллиарда на 400 миллионов и получите ни много ни мало 109,7 года! Какие уж там дети... Правнуки бы дождались!

А почему так получается? Опять же добрый и богатый государственный дядя дает Минводхозу из госбюджета миллиарды. А под них — материальные ресурсы. Минводхоз сам определяет, какие и где работы выгоднее. Затем сам у себя принимает их, оценивает качество. Сам же эти работы и оплачивает, сам себя премирует, к наградам представляет. Потом с миной благодетеля передает мелиорированные гектары колхозу, совхозу.

А тем что делать? Дареному коню в зубы не смотрят. Принимают, пашут, сеют на них, убирают, а потом оказывается, что земля то засоляется, то подтапливается грунтовыми водами, а то и заболачивается. Около половины мелиорированных земель ныне засолено подтянутыми из глубин грунтовыми водами. До 35 процентов земель в областях, где мелиораторы особо активно поработали, оказались подтопленными.

Потребитель мелиоративных работ — владелец земли, крестьяни — лишен возможностей и прав контроля за их качеством. Всесильный мелиоратор — господин положения, держатель миллиардов и материальных ресурсов. Не то что ссориться — спорить с ним нельзя. Ведь земледельцу приходится идти к нему с протянутой рукой, выпрашивать то известки, то удобрения, то гербицидов, а то и трактор с бульдозером. И мелиоратор это знает, а потому обид не забудет.

Надо менять эту систему организованного государственного иждивенчества. Лозунг «Землю — крестьянам» был ведь выдвинут не для того, чтобы на деньги, собираемые с них же, кормить рать иждивенцев. Не государственные это деньги, хотя и проходят они через государственный бюджет, а народные. Хозяин им не тот, кто временно ими владеет, а тот, кто произвел продукцию и превратил ее в деньги.

Произведенный продукт надо распределять не просто механически — по труду, а по труду, *материализованному* в продукте, то есть в конечных результатах хозяйствования. Не может быть труд производительным, если он приносит ущерб человеку, природе или обоим, вместе взятым.

Какая же хозяйственная система нам нужна?

Государство у нас выступает в качестве собственника всех решающих средств производства, включая природные ресурсы — землю, ее недра, воды, леса. В руках государства концентрируются финансовые ресурсы. Для чего?

Для социальных компенсаций трудящимся в каких-либо заранее предусмотренных или непредвиденных общественных ситуациях; для преодоления угрозы среде обитания и людям, если она появляется; для содействия быстрым и радикальным изменениям общественного производства, когда под воздейст-

внем научно-технического прогресса возникает необходимость и возможность перевода его в качественно новое состояиие; для регулирования структуры иародиого хозяйства, если оиа начинает трансформнроваться в опасных для народа направлеииях. Есть и другне экономические фуикции у государства.

Но главное ответить иа вопрос: реалнзуя собствеиность на средства пронзводства, обязано ли государство использовать их как объект хозяйствования? Должно ли оно брать на себя фуикцни благодетеля, обеспечнвающего иарод всем, что ему необходимо? Нужно ли ему брать иа себя функцин иепосредственного управления пронзводством всех продуктов — от атомных котлов до гвоздей, хомутов и нормалей? Это немыслимые, несбыточные, неосуществимые обязательства. А наше государство их на себя взяло! И для этого создало огромную снстему хозяйственных организаций, иаделив их прерогативами власти.

В старину говорили: кто музыку заказывает, тот и деньги платит. А у нас не платит. Министерство, отобрав право принятия хозяйственных решений у директора завода нли совхоза, само их тоже не прннимает. Для этого есть соответствующий аппарат партийиых органов. Он командует и министерствамн. И те приспособились к этому — не надо брать иа себя ответственность.

Можно и иужио осуждать за это конкретных виновников. Но пользы от этого мало, если сложившаяся снстема хозяйства будет и впредь принуждать нх работать, как ранее. Значит, надо меиять систему. И первое, самое фуидамеитальное, радикальное мероприятие в программе этих изменений — юридически, экономнчески отделить собственность на средства производства от владения ими как объектом хозяйствования.

Что это зиачит? Собствеииком остается государство. Все принадлежащие ему средства производства сдавать в аренду коллективиым, семейным н иидивидуальным товаропроизводителям.

В аграрном секторе экономнкн речь, естествеино, идет прежде всего об аренде земли.

Кое-кто уже возмущается: это покушение на беспримерное социальное завоевание пролетариата и колхозного крестьяиства! Землю, данную бесплатио н в бессрочиое пользование, хотят превратить в объект платиой аренды!

Отвечу. Земля была с победой революции передаиа во всенародное достояние безвозмездно и навечно. Безвозмездно — зиачит без выкупа. Да, так. А далее обратимся к практике.

Все годы своего существования колхозы сдавали продукцию до 1954 года по иомииальным, то есть нищенским, бросовым, цеиам. Не менее трех четвертей продукцни, которую государство заготавливало, обходилось ему бесплатно. Разве это не плата за землю, которую колхозу дали в пользование (а ие во владение)? Далее шли периоды постепеиного повышения цен. Но еще в 70-х годах от покупки сельскохозяйствеииой продукции по ценам ииже ее стоимости государство через так называемый налог с оборота аккумулировало в централнзоваиом чистом доходе и в бюджете от 43 до 54 миллиардов рублей ежегодио. Это та сумма денег, которая недоплачивалась колхозам и совхозам. Кроме того, постоянное повышеиие цен иа промышленные средства производства, покупаемые колхозами и совхозами при стабильной цене иа сельскохозяйственную продукцию, дополннтельно изымало у них от 8 до 12 мнллиардов рублей.

Если это не плата за землю, отданную в пользоваиие совхозамн н колхозами, тогда за что же онн выплачивают эти деиьги? Налоги?

Но налоги, так же как страховые платежн и отчислеиня в соцстрах (иа пеисни), н амортизацнонные отчнсления (непонятно, на каком основаиии), и свободную прибыль,— все у них берут, кроме вышеуказанных сумм.

Значит, в практической жизнн колхозы за землю платят и будут платнть. Только теперь эту плату берут завуалнрованно, и потому иикто ие знает, справедлнва она или нет. Мы же предлагаем узакоиить ее, безошибочно рассчитать иормативы и выплачивать. Тогда инкто ие посягиет на доходы, остающнеся после ее выплаты.

Теперь о «вечностн» передачи земли. Политики в эпоху иидустриалнзацин и коллектнвнзацни зиали, что делать. К 1936 году термии «иавечио» был замеиеи термииом «бессрочио». Это отиюдь ие лексическая замеиа. По леииискому Декрету о земле речь шла о передаче земли крестьянину во владеиие с правом распоряжаться ею, в том числе сдавать в ареиду, лншь бы ие продавать. И навечно, то есть по крайией мере до конца жнзин крестьяиииа. В 1936 году появнлся термни «в пользование» — значнт, без права распоряжаться. К тому же был принят закои об уголовной ответствениостн за сдачу землн в аренду. Государство становилось ие только собственннком земли, ио и владельцем ее, хозяниом, который предоставил право пользоваться ею колхозу, ио не крестьяннну. И колхоз стал послушным оруднем у хозяина. А последннй в лнце аппарата государственной властн получил право неограничеииого владення колхозной землей как объектом хозяйствоваиня. Вот здесь и пронзошло слняине собственностн н владення землей в одном лице — в лнце государственных органов, обладающнх н экономическнм, н юрндическнм правом хозяйствовать иа земле, днктовать колхозу структуру, технологию, масштабы пронзводства.

С превращеиием крестьяиниа нз владельца землн в ее пользователя по-новому заиграл термнн «бессрочно». Ои получнл зиаченне слов «без устаиовлеиия срока». А это значнт — владелец в любое время может лишнть пользователя права иа землю. Без этого было бы трудно в 60-х годах беззаботио превращать колхозы в совхозы, в 70-х — загоиять их в объединения н межхозяйствеииые предприятия, отбнрать у иих строения, технику н т. д.

Имеино для того, чтобы предотвратнть впредь возможность такого пронзвола по отиошению к крестьяиину, иезавнсимо от того, выступает ли ои как коллективнзнрованный или индивидуальный производнтель, мы н предлагаем экономически отделить владение землей от собствениостн на нее.

Юридической формой такого разделеиня должна стать система ареиды землн иа осиоваиии договора, заключаемого между ее собственником — государством и владельцем — крестьяиином.

Действуя таким образом, мы быстрее перейдем нз хозяйствеииой системы казармеино-коммуиальиого тнпа в систему демократическн-социалистнческого тнпа, где арендный договор — документ, четко определяющнй срок владення землей и плату за нее. Он равно обязателен для колхоза н для государства.

Второе, что сразу же напрашнвается: распространенне на совхозы всех основных норм Закона о кооперацнн в СССР. Об этом, кстати, говорили многне делегаты XIX партконференции и шла речь на последнем Пленуме ЦК КПСС.

Если мы хотим нметь самостоятельного товаропронзводнтеля, то надо запретить все и всяческне попытки регламентировать хозяйственную деятельность предпрнятнй н кооператнвов. В том чнсле и централизованное разверсточиое планнрованне. Государствеиный

заказ несовместим с принуждением. Он принимается только на добровольном желании. И у заготовительных органов есть лишь один путь принудить совхоз принять заказ — сделать его по экономическим параметрам выгодным для товаропроизводителя. Других вариантов нет. Для этого и нужно, чтобы совхоз был не пользователем, а безраздельным владельцем земли. Государство же остается ее собственником, утрачивая права бесхозяйственного владения.

В последнее время все чаще стали ругать и РАПО, и Госагропром. Вероятно, поделом, потому что с их появлением существенных изменений в продовольственных делах не произошло. Разве только еще и сахар стали выдавать по талонам. «Раз уж мы признали, что нынешняя система управления АПК особого эффекта не дала и изживает себя, то и не стоит за нее держаться»,— сказал на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Совершенно согласен с таким выводом. И мне думается, что виноваты здесь в большей степени те управленческие функции, которые возложило на агропром государство, выступающее как безраздельный владелец земли, несущий ответственность за результаты хозяйствования на ней. Но ведь государство — это же абстракция. А проявляется она в своих структурных учреждениях. Таковым является и Госагропром, как ранее были соответствующие министерства. Вывески сменились, а сущность осталась.

Отделив государственную собственность на землю от владения ею и предоставив ее в полное хозяйственное распоряжение совхозу, колхозу, мы сможем четко и разумно разделить функции управления между государственными и хозяйственными органами. За государственными сохраняются функции общего стратегического руководства экономической и социальной политикой, разработка перспективных прогнозных планов, техническая политика. И, наконец, регулирование народнохозяйственных пропорций, структуры и масштабов производства, дабы их приблизить к реальным общественным потребностям в продуктах.

Вот это последнее звучит наиболее остро. Ведь мы привыкли, что такое регулирование осуществлялось всю нашу жизнь путем приказа и разверстки обязательных плановых заданий. Теперь же предполагается, что эту функцию будут выполнять с помощью воздействия не на волю хозяйственника, а на его экономические интересы. И регулировать придется не само производство, а рыночные условия реализации его продуктов.

Встает вопрос о ценах на те продукты, которые государство заказывает предприятиям. Думаю: государственные органы должны отказаться от разработки цен как таковых. Никогда еще никто искусственно сформированной ценой не обеспечивал эквивалентного обмена товаров.

Разрабатываться должны предельные уровни цен по наиболее стратегически важным продуктам. И надо дать возможность продавцу и покупателю, даже если это государственная заготовительная контора, в ходе товарной сделки договариваться о конкретной цене. На тракторы, комбайны, другие виды техники должен устанавливаться только верхний предел цены, чтобы ограничить монополизм промышленных предприятий, лишить их возможности диктовать свою волю потребителям этих машин.

Так цены теряют директивный характер, становятся некими ограничителями, инструментами регулирования хозяйственных отношений. Их высшие пределы отражают худшие условия возделывания каждого товарного продукта в специализированных зонах крупно-

масштабного товарного земледелия.

Разработка и применение системы предельных ценовых уровней, ставок арендной платы, налогов, регулирование банковского процента, государственный заказ, дотации и государственные инвестиции — вот, по существу, и весь набор регулирующих инструментов. Используя их, государственные органы управляют хозяйственной деятельностью, не вмешиваясь в нее.

Вторая сторона этой системы — контроль. Осуществляется он прежде всего ради охраны прав и интересов людей как жителей среды обитания и потребителей сельскохозяйственной продукции. Контроль за безопасностью производства для природы, санитарный и ветеринарный, наблюдения за сортосеменным и племенным делом, за безопасностью технологии — все это неотъемлемые функции государства.

Органы хозяйственного управления в районах и областях формируются только для исполнения одной задачи — создания возможно более благоприятных условий для хозяйственной деятельности колхозов, совхозов, различных кооперативов, индивидуальных товаропроизводителей. Они сами создают такие органы демократическим путем, возлагая на них дела, необходимые для подготовки и обслуживания производства и реализации продукта.

И, наконец, вопрос о дальнейшей политике в области государственных инвестиций. Я уже показывал, как съедает она бесцельно и бесплодно многие сотни миллиардов народных денег. Разделение функций власти по принципу «каждому — свое» сможет поставить непреодолимый заслон такой политике. Основным источником инвестиций становятся собственные накопления товаропроизводителей и банковский кредит. Там же, где государство за счет бюджета финансирует крупные, широкомасштабные мероприятия типа, скажем, мелиорации земель, коренным образом меняется порядок выделения и освоения этих вложений.

Товаропроизводители, арендующие землю, может быть, совместно с местным агропромбанком разрабатывают программу мелиоративных работ, защищают ее в Госагропроме. И при одобрении банк выделяет инвестиции.

Получив деньги, корпорация подбирает и нанимает подрядчиков — мелиоративную организацию. Заключается прямой договор на исполнение работ. Заказчик контролирует качество, принимает эти земли и только после этого оплачивает работу. И никаких Минводхозов не надо. И проектные учреждения вынуждены будут работать по прямому хозрасчетному заказу. Знать будут, что заказчик денег на ветер не выбросит. И сами поумерят свои монополистические аппетиты. И проекты будут разрабатывать, стремясь к их удешевлению.

Вот и скажите, товарищи хозяйственники, какая система вам больше нравится? Та, которая вынуждает вас, покривив совестью, кланяться ведомствам, или та, которую мы предлагаем, высоко поддерживающая ваш статут независимого ни от кого самостоятельного работника, кормильца страны?

С удовлетворением могу отметить: многое из того, что давно волнует меня, нашло отражение на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. Нам надо всем напряженно работать, чтобы правильные слова обернулись наконец добрыми делами.

Г. Лисичкин

Против течения [1]

Поиять, что происходит в нашем сельском хозяйстве, совсем иепросто. Судите сами: тракторов, комбайиов, всякой другой техникн село получает с каждым годом все больше и больше. Насыщениость ею иа иекоторых участках можио сравнить со стальиым кулаком, создаиным иакаиуие битвы на Курской дуге... Растут поставкн селу и минеральиых удобрений, гербицидов, вообще химикатов. Мелиораторы, казалось бы, тоже делают все от иих зависящее, чтобы помочь крестьяиам увеличивать пронзводство сельскохозяйствеиных продуктов,— достаточно посмотреть иа динамику роста осушеиных, обводиеиных, улучшенных земель. Да и оплата сельского труда иа первый взгляд ие ниже оплаты во многих отраслях иародиого хозяйства, то есть с этой точки зрения тоже вроде бы нет осиоваиий работать хуже другнх.

Тогда почему так скромиы пока, чтобы ие сказать скудны, прилавки продовольствеиных магазинов? К тому же зиачительиая часть, например, молочиых и мясных продуктов создается не трудом наших крестьяи, а за счет импортироваиного зериа. Все это должио тревожить, иастораживать всех нас. Тем более что от состояиия сельского хозяйства зависит ие только наш обедеииый стол, ио, как считают некоторые экоиомисты, примерио 60 процентов успехов всего народиого хозяйства. А мы знаем, какие напряжеииые темпы роста экоиомики иамечеиы XXVII съездом Коммуиистической партии Советского Союза.

Особеиио тугим узлом сельские проблемы завязаиы в Нечериоземье, все препятствия развитию сельского хозяйства как отраслн здесь особеиио явиы, поэтому отправляюсь в одиу нз наиболее благополучиых областей региоиа — Владнмнрскую, чтобы иайтн ответ иа тревожащее «почему?».

Опасная должность

Еду по древней суздальской земле и ие иалюбуюсь ее красотой, воспетой поэтами и прозаиками. Смотрю иа жнрный чериозем свежевспахаииых полей, на почвозащитиые леса, на речки, озерца, обещающне влагу и в самую засушливую пору. В иекоторых иаучных нздаииях утверждается, что географические условня России для заиятня сельским хозяйством гораздо хуже, чем во многих экономически развнтых странах. Когда едешь по полям и пастбищам владимнрского Ополья, когда видишь в Мелеиковском районе заливиые приокскне луга, то понимаешь, иасколько иеобоснованны эти утверждеиия, если, конечио, выращивать здесь не баианы и финики, а, скажем, тот же леи, который, кстати, мало где еще иа земиом шаре растет. Поиимаю, что такой «туристский» взгляд ие может служить аргументом в иаучиом споре. Но вот вижу там и тут белокамеииые церкви, дворцового типа усадьбы, возведеииые иашими предками, и еще больше утверждаюсь в своем миеиии об огромиых возможиостях, богатстве здеших земель.

Председатель колхоза имеин XXII съезда КПСС Виктор Павлович Паитыкни с гордостью пока-

[1] Знамя. 1987. № 7. Печатается с сокращениями.

зывает центральную усадьбу. Улицы заасфальтированы, обстроены двухэтажными, со всеми городскими удобствами коттеджами. В палисадничках перед ними множество цветов. Прекрасный Дворец культуры. Добротный магазин не уступит хорошему городскому универмагу. Есть и многое другое, чтобы тут было удобно жить, а это, естественно, привлекает людей, закрепляет их в колхозе.

В данном случае важны не постройки сами по себе, а источник их финансирования. Доводилось не раз любоваться модерновыми сельскими поселками, но слишком часто они возникали из стремления крупного начальства увековечить свое имя за счет щедрот централизованных, чужих фондов. И среди беспорядка и разрухи на близлежащих фермах и в мастерских выглядели эти новехонькие поселки одиноко и печально...

Иначе в колхозе имени XXII съезда КПСС. Источники финансирования строительства здесь на тех пяти тысячах гектаров земли, которые закреплены за хозяйством, из них около трех тысяч — пашня. Собирая каждый год примерно по 35 центнеров зерна с гектара и по 170 центнеров картофеля, надаивая по 3500 литров молока на корову, колхоз получает более 3700 тысяч рублей валового дохода. В прибыли — после оплаты труда колхозников (среднемесячная — 218 рублей) — остается 1650 тысяч рублей. Вот они-то и служат основой, на которой разворачиваются стратегия и тактика капитального строительства. Разумно и самостоятельно распределяя деньги на развитие полеводства и животноводства, на социальные и производственные нужды, правление добилось того, что капитальное строительство не разоряет, а из года в год увеличивает богатство колхоза. Я побывал на фермах, в кормоцехах, в мастерских и увидел, что это и есть тот добротный фундамент, на котором могут развиваться здоровые социальные процессы.

Давно отмечено, что все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Эти слова можно, мне кажется, отнести и к нашим колхозам. Несколько часов езды на автомашине — и я в другом конце области, в колхозе «Большевик». Владимир Михайлович Ульянов, председатель, знакомит меня со своим хозяйством, и, если отбросить производственную специфику, можно проследить ту же логику развития, что и в колхозе имени XXII съезда КПСС. Урожайность основной для здешних мест культуры, картофеля, в одиннадцатой пятилетке была около 190 центнеров с гектара, зерна —18 центнеров, поскольку условия несопоставимы с суздальскими. Молока надаивали здесь по 3320 литров. Прибыль — более 1200 тысяч рублей в год, так что и этот колхоз самостоятельно, а не по предписанию «сверху» определял очередность затрат с расчетом на постоянный рост доходности, на ускорение темпов расширенного воспроизводства. А это — первый признак, верный залог здоровья любого хозяйственного предприятия.

Можно было бы много писать о том хорошем, что бросается в глаза каждому, кто побывает в этих двух колхозах. Но поскольку замечено, что одна (две) ласточка весны еще не делает, то интересуюсь, много ли таких хозяйств в области. Председатель меленковского РАПО Виктор Иванович Гаврилов отвечает, что в районе таких нет, а в области не больше десятка.

В областном агропроме его слова подтвердили. Действительно, урожай зерновых в области долгое время топчется на очень низком уровне — около 15 центнеров с гектара. Картофеля собирали в десятой пятилетке по 82, а в одиннадцатой — по 94 центнера с гектара.

Следовательно, при посеве 40—45 центнеров клубней на гектар надо умудриться из каждой лунки взять для себя одну картофелину и еще одну мужественно отложить на семена. Надой на корову в 1985 году — 2524 литра. Все это определило и соответствующие финансовые результаты. До 1983 года рентабельность сельского хозяйства области — минус 6 процентов. Из 220 хозяйств 140 были убыточными. Сейчас, когда установлен удивительный порядок, согласно которому низкорентабельные (до 10 процентов) и убыточные хозяйства получают от государства премию в виде надбавок к закупочным ценам за свою продукцию, дело несколько «поправилось». В 1985 году убыточных хозяйств стало уже не 140, а 21, и те 76 миллионов рублей, которые область получает теперь в виде «премиальных» за свои производственные неудачи, сделали неожиданно отрасль в целом «рентабельной» (около 20 процентов). Так что порой эффективность производства можно легко и быстро повысить перераспределительной политикой, чтобы не ломать голову над перестройкой самого этого производства.

В чем же дело, почему естественное развитие хозяйства, как в тех колхозах, где довелось мне побывать, оказывается явлением исключительным, а стабильное прозябание в большинстве остальных — нормой? Неужели все дело в неповторимости человеческих качеств председателей? На этот вопрос нужно отвечать осторожно. Да, говорят ученые, занимающиеся управленческой наукой, способность быть настоящим хозяйственным руководителем так же редка, как талант выдающегося музыканта, поэта, конструктора, не более пяти процентов тех, кто заняты в производстве, могут руководить трудовым коллективом.

Примем этот процент на веру. Пусть управленцы спорят между собой о степени его точности. Мне сейчас важно подкрепить их авторитетом простенькую мысль о том, что талант хозяйственного руководителя — большая редкость и нужно уметь обнаружить его, а потом взлелеять и всеми силами, способами сохранить для пользы общего дела. Однако объяснить ненормальное положение только тем, что у нас в стране, видите ли, талантливых хозяйственников не хватает, никак невозможно. Слишком примитивный довод, не требующий даже серьезного опровержения.

Тогда что же? Почему у двух, у нескольких хозяйственных руководителей дело идет, а у большинства — нет? Почему журналисты, писатели, всевозможные делегации так охотно бывают в передовых хозяйствах, пишут о них, однако не задумываются над тем печальным фактом, что опыт этих малочисленных хозяйств распространяется медленно и что сами-то эти передовые хозяйства зачастую скатываются вниз, как только лишаются самобытного руководителя? *Почему так примитивен, ненадежен механизм тиражирования передового опыта,* думал я во время командировки на Владимирщину, перебирая впечатления от многочисленных прежних поездок по стране.

Итак, ссылку на нехватку талантливых руководителей, способных перенять опыт передовых хозяйств, мы отбрасываем за полной несостоятельностью. Начнем искать ответ в других направлениях.

Беседую с Виктором Павловичем Пантыкиным. Председателем колхоза имени XXII съезда КПСС он уже 9 лет, а перед этим здесь же был главным агрономом. До него хозяйством 11 лет руководил Александр Захарович Мальцис — это он заложил тот фундамент, на котором достраивал задуманное колхозниками Виктор Павлович. А перед Александром Захаровичем

свою душу, силы, здоровье вкладывал в развитие колхоза Василий Иванович Карпов, председательствовавший более 14 лет. Преемственная политика трех председателей и позволила создать за 35 лет на суздальской земле хозяйство, которым гордится область.

То же примерно и в «Большевике». Владимир Михайлович Ульянов руководит им более шести лет. До этого работал здесь же механиком, инженером. А унаследовал председательский пост от знаменитого на Владимирщине Максима Александровича Морозова, который 30 лет руководил колхозом, по крупице создавая, стягивая силы, способные ускорять развитие производства.

Чем же отличаются крепкие хозяйства на Владимирщине от слабых? На мой взгляд, как и везде, не размером фондов, не числом рабочих рук, не структурой производства, но прежде всего стабильностью руководства. А ее отсутствие — первопричина недостаточности фондов, чрезмерной миграции, перекореженной структуры производства. Вот справка, которую мне дали в областном агропроме. Стаж работы руководителей совхозов и колхозов: до одного года —13 процентов; от 1 до 3 лет —36; от 3 до 5 лет —12; от 5 до 7 лет —10; от 7 до 10 лет —10; от 10 до 15 лет —11; более 15 лет —8 процентов. Иными словами, почти половина всех руководителей работает в хозяйствах менее трех лет! О чем тут говорить, с кого и что спрашивать? Много ли можно сделать менее чем за три года на 4—6 сотках садово-огородного участка? А что говорить о нескольких тысячах гектаров земли, тысячах голов скота, массе техники! Как показывает практика передовых колхозов и совхозов, чтобы все это довести до ума, даже человеческой жизни мало.

Уже первое знакомство с продолжительностью работы руководящих кадров в колхозах и совхозах наталкивает на вывод о том, что механизма тиражирования передового опыта в сельском хозяйстве, по крайней мере на Владимирщине, вообще не существует. Ведь нельзя всерьез говорить об освоении передового отечественного (уж не говорю — зарубежного) опыта, если председатель или директор руководит хозяйством меньше трех лет! Потому и эффективность капитальных вложений падает, потому и фондоотдача снижается. Что же делать, чтобы закрепить председателей колхозов, директоров совхозов в коллективах, которыми они руководят?

Целесообразно, видимо, вспомнить о том, что директорами и председателями люди сами себя не назначают. Их рекомендуют или утверждают, причем определяющее влияние на кадровую политику оказывают партийные органы — райкомы, обкомы. Как же относиться к рекомендациям «специалистов» по кадрам, когда чуть ли не каждая вторая из них ошибочна? Врач выписал больному лекарство, а оно этому больному противопоказано, вызвало отравление. С кого спрос? С врача, и строгий. Диспетчер на железной дороге или в Аэрофлоте малость ошибся. С кого спрос за аварию? Тоже ясно. Неквалифицированная кадровая политика в хозяйственном строительстве ведет к авариям и ущербу ничуть не меньшему, чем на земных и воздушных трассах. Я бы сказал, гораздо большему. Но за это сейчас никто не несет ответственности. С какой легкостью порой назначают и снимают хозяйственных руководителей, сводя счеты с неугодными, строптивыми, хотя (а может быть, и потому) деловыми! Ошибочные кадровые рекомендации необходимо рассматривать и оценивать так же, как любые неквалифицированные действия. Уже одно это поубавило бы зуд ретивых администраторов искать решения сложных хозяйственных

проблем легким способом — перестановкой кадров тогда, когда надо менять условия их деятельности.

И все-таки, мне кажется, ие это главное. Если машииа выдвижеиия хозяйствеиных руководителей на селе «гонит» почти всю «заготовку» в брак, значит, виной тут не только и даже не столько тот, кто стоит у машины, а несовершенство ее самой. Так что ие следует возлагать ответствеииость за брак лишь на иедобросовестиость, злую волю тех, кто работает на этом иелегком участке.

Давайте внимательно посмотрим, что же здесь происходит, что мешает выявлять людей, способных к руководству, воспитывать их и сохраиять.

Известио, что достойиых людей, желающих или хотя бы согласных занять ответствениую должность председателя или директора, сейчас крайие мало. В одном из хозяйств на Владимирщине мие довелось присутствовать при удивительиом разговоре. Главный специалист оказался каким-то образом причастен к серьезиой аварии на производстве. Степень его личной вины была, видимо, очень иеопределенна, и представлялась возможность истолковать ее или по максимуму, или по миниимуму. Райониое руководство, воспользовавшись этим, поставило перед человеком ультиматум: либо берись директорствовать в соседнем совхозе, куда никак не могут подобрать руководителя, либо истолкуем твою вииу по максимуму, и тогда тебе худо придется. И, представьте себе, человек этот все еще ие дал согласия, долгое время сомиевается, ие может решить, в каком случае ему будет «хуже».

Разве ие тревожио, что квалифицированные люди как черт ладана чураются руководящих постов? И отпугивают их вовсе ие трудности, с которыми связана вообще любая созидательная деятельиость,— в преодолеиии смысл и счастье существоваиия. Тогда что же? Может быть, оплата руководящей работы слишком мала? Но нет, меньше 300 рублей в месяц никто из руководителей иа той же Владимирщиие, как мие объясиили, не получает. Есть даже такие, труд которых по всем законным меркам оплачивается в 700 рублей. Для этого, правда, иадо уметь работать, а ие только выходить иа работу. В чем же причина того, что обладающие способностями хозяйственного руководителя специалисты, которых объективио хватает у нас с избытком, не хотят реализовать эти способиости? Обратимся к совсем иедалекому прошлому — «делу Снимщикова»[1].

...Зачем, скажет читатель, ворошить дела десятилетней давности, ведь и теперь допускается много ошибок, которые иадо по возможности исправлять? Но в деле Снимщикова просматривается как раз не судебная ошибка, а постояиное и сознательное стремлеиие развивать — вопреки логике жизни — те нормы хозяйствеиной практики, которые себя ие оправдывают. И иаоборот, запрещать те, что противоречат устаревшим догматическим представлениям теоретиков, хотя и приносят хорошие производственные результаты. Это уже привело к тому, что в Казахстаие вскоре после суда иад Снимщиковым в тюрьме скончался директор совхоза Худенко, о смелом эксперименте которого в свое время много писали центральные газеты. Вся его вина была в том, что ои резко увеличил производство в своем хозяйстве и повысил его эффективиость не по действующим инструкциям, а вопреки им, иарушив, в

[1] Двлее подробио излагается это «дело». И. А. Сиимщиков — известиый в 70-е годы председатель подмосковиого балашихииского колхоза им. С. М. Кирова, отличавшегося высокой реитабельиостью, был иесправедливо осуждеи и полиостью реабилитироваи в 1987 г.— *Ред.*

частности, предписание о структуре штатов и должностных окладов.

На Украине Герой Социалистического Труда председатель колхоза Виктор Прокопьевич Белоконь отстранен от должности и отдан под суд по тем же причинам, что Снимщиков. Он купил кровельный материал для хозяйства и примерно тем же способом, как и Снимщиков, сантехоборудование. Можно было бы назвать и других хозяйственников, страстно желавших добиться экономического расцвета руководимых ими предприятий и ставших, как ни странно, жертвой своей благородной страсти, хотя к рукам их не пристало ни копейки общественных средств.

Обо всем этом забывать никак нельзя, поскольку разговор идет о серьезной застарелой болезни, которая до сих пор подтачивает сельское хозяйство.

Взять хотя бы ту же Владимирщину, где я побывал осенью прошлого года. Есть там в Гусь-Хрустальном районе колхоз имени 16-й годовщины Октября, которым вот уже 30 лет руководит Степан Петрович Гинин. Он сумел сплотить коллектив и создать среди мещерских болот крепкое хозяйство, заслужившее высокую оценку не только в своем районе и области, но и во всесоюзном масштабе. Колхоз имени 16-й годовщины Октября — постоянный участник ВДНХ; неоднократно получал переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ; заносился на Всесоюзную Доску почета ВДНХ; награждался Почетной грамотой ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Все 30 лет этот колхоз живет и строится на свои собственные деньги. Он не берет, как большинство других, у государства, а, наоборот, сполна дает государству те продукты, которые от него ждут, и платит к тому же немалые налоги в казну. Казалось бы, живи и работай в свое удовольствие, коль скоро и работа ладится и общественное признание есть. Но не тут-то было.

Как ни странно, все 30 лет и Гинин, и весь коллектив колхоза ощущают на себе, как ощущал и Снимщиков, подозрительные, недоверчивые взгляды. Тучи над их головой редко когда рассеиваются — чаще обещают грозу. Я застал Степана Петровича в такой момент, когда грозовые тучи только что развеяло добрым ветром, подувшим из Москвы.

На примере Снимщикова и Гинина видно, как этатическое [1] мышление сталкивается с практикой и логикой хозяйствования, основанного на самофинансировании и самоуправлении. Главное для этатического мышления не конечный результат, не продукт, созданный трудом того или иного коллектива, а соблюдение строгой мелочной регламентации хозяйственной деятельности. Поэтому в поле зрения дотошных контролеров не попало и не могло попасть ни одно из тех 140 убыточных хозяйств на Владимирщине, которые тяжелым камнем висят на шее у государства. Ведь убыточными они стали прежде всего потому, что не делают ничего, чтобы изменить свое положение. Здесь все для контролеров в полном порядке, и ездят они сюда только для того, чтобы определить, какую еще подачку подкинуть тому или иному хозяйству с государственного стола,— тогда можно будет спокойно наблюдать за дисциплинированной бездеятельностью колхозников. Разве не парадоксально, что подвергаются критике и даже попадают под суд руководители как раз тех немногих хозяйств, которые получают миллионные прибыли и живут, развива-

[1] Этатизм — направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития.

ются за свой счет, за счет своего, а не чужого труда. Кстати, показательно: колхозам Владимирской области подсобные производства приносят ежегодно 80 миллионов рублей, из них около 45 миллионов — чистая прибыль. Совхозы же этим хлопотным делом вообще не занимаются, соблюдая чистоту хозяйственного замысла, в котором нет места для мелочных, меркантильных расчетов на увеличение собственной прибыли; отсутствие же ее вызывает волчий аппетит на государственные дотации.

Пусть не покажется странным, что снова и снова разговор идет о подсобных промыслах, значение которых второстепенно, если не третьестепенно в судьбе сельскохозяйственного предприятия и его коллектива. Подсобный промысел — это не только вид трудовой деятельности, но прежде всего специфические нормы хозяйственной деятельности вообще: относительно большая свобода в выборе партнера для сотрудничества, установлении цен реализации готовой продукции, регулировании оплаты труда, штатном расписании и т. п. Если сегодня признать правомерность такого подхода в одной сфере деятельности колхоза или совхоза, то, вполне логично рассуждает блюститель инструкций, обрекающих руководителя хозяйства на роль марионетки, завтра, глядишь, потребуют такой же свободы и в решении более крупных проблем — захотят сами планировать посевные площади, структуру стада, устанавливать взаимовыгодные отношения с заготовителями, распоряжаться сверхплановой продукцией и т. д. Пока что С. П. Гинин, как и все его коллеги, по рукам и ногам связан в решении этих проблем всевозможными планами и «рекомендациями», имеющими почему-то силу закона. Надо ли говорить, что это отнюдь не способствует росту эффективности сельскохозяйственного производства. Напомню, что показатели даже передовых колхозов Владимирщины очень далеки от мировых стандартов, на достижение которых все более настойчиво ориентирует нас партия.

Осуждение Синимщикова и других хозяйственников такого же типа — прежде всего осуждение определенных методов хозяйствования, наиболее ярко выразившихся в деятельности этих конкретных людей. Они стремились широко использовать социалистические товарно-денежные отношения, механизм социалистического рынка, а все эти категории, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, были до последнего времени на подозрении; сторонников стоимостного мышления и действия причисляли к разряду людей «не наших», пытались так или иначе их изолировать, чтобы сохранить «чистоту», «здоровье» остальных хозяйственников. По сути, под огнем критики на скамье подсудимых оказались сами принципы колхозного, кооперативного строительства. Вспомним, как было покончено в свое время с промкооперацией. Я, как сейчас, вижу кирпичные заводики, цехи по изготовлению самана, камышитовых плит, многие другие предприятия такого же рода, работавшие на местном сырье и на местного потребителя по прямым договорам, на условиях обоюдной выгоды. Они были примитивны, но их запросто можно было бы модернизировать. Однако такой патриархальный порядок, естественно, не по вкусу любому министерству, работающему на анонимного потребителя, и опять же по логике производителя, а не потребителя данного товара. И этого оказалось достаточно, чтобы монопольная государственная организация административно прихлопнула своего — нет, не конкурента, а просто антипода.

Этатический взгляд на экономику привел и к выхолащиванию

сущности потребкооперации — она стала чем-то вроде второсортного министерства для торговли на селе, утратив при этом свою гибкость и мобильность. С тех же позиций проводилось превращение колхозов в совхозы. Прямое и косвенное. Прямое — это когда на той же Владимирщине в 1965 году иа основе колхозов создали почти 70 совхозов. Под косвенной совхозизацией я имею в виду распространение на колхозы правил и порядков деятельности государственных предприятий. Процесс этот не всегда и не везде проходит гладко. Иногда хозяйственники типа Снимщикова, Гинина пытаются действовать по-своему, но за это им приходится платить дорогой ценой.

Вот об этой-то цене порой начинают задумываться руководители хозяйств и возможные кандидаты в руководители. Давайте задумаемся и мы. Гинин прекрасно знал о печальной судьбе Снимщикова. Поэтому, не чувствуя за собой вины (что еще более должно было угнетать его), напряженно ждал — что же будет. В отчаянии и с последней надеждой он пишет в облисполком: «Четыре года хозяйство перетрясают различными проверками и ревизиями, причем делается это с изъятием и сплошной проверкой всех бухгалтерских документов, инвентаризацией, опечатыванием складов. Параллельно проверяются все организации и предприятия, сотрудничающие и находящиеся в кооперации с колхозом. Проверяются железнодорожные и транспортные перевозки. В периоды проверок и ревизий только в колхозе принимало участие до 25 человек ревизоров из различных ведомств и сотрудников органов внутренних дел. Кроме ревизоров и сотрудников органов внутренних дел, занимавшихся проверкой, в ней принимало участие более 60 человек колхозников и пять автомашин, причем это происходило в самый напряженый период сельскохозяйственных работ. Колхоз недополучил за этот период продукции на сумму около миллиона рублей, не считая затрат на проведение этих проверок».

Моральный ущерб, нанесенный усердием контролеров, ничуть не меньше материального.

...Вернемся теперь к разговору о стаже работы руководителей хозяйств на Владимирщине: почти половина, как читателю известно, председательствует менее трех лет. А как заманить на это место достойного человека после того, что произошло только вчера с Гининым, да и не с ним одним? Поэтому можно было бы посочувствовать тем, кто занимается на Владимирщине подбором руководящих кадров, если бы они больше заботились о создании благоприятной обстановки для работы на селе, если бы в конфликтных ситуациях не придерживались в лучшем случае политики «вооруженного нейтралитета» по отношению к предприимчивым хозяйственникам...

Но вот все ревизии, проверки закончились (на сегодня), с обычными подозрениями контролеры решили подождать до другого раза. Разберемся, что же произошло в колхозе.

«Обвинение», как выяснилось, мягко говоря, было напраслиной. Если же говорить более официально, то нужно признать, что контролеры, долгое время терзавшие трудовой коллектив и нанесшие огромный материальный и моральный ущерб не только колхозу, но и, естественно, государству, оказались просто неквалифицированными и элементарно безответственными. После Чернобыля, после трагедии с теплоходом «Адмирал Нахимов» мы постепенно начинаем понимать, что необходимы (нет, не наказания за профессиональную безграмотность, безответственость и элементарную распущенность на производстве — еще один Чернобыль,

и наказывать, смотришь, некого будет) меры, которые вообще исключат возможность аварий. Согласитесь, ведь деятельность контролеров в колхозе имени 16-й годовщииы Октября и ее результаты тоже иадо отнести к разряду аварнй. Так что же сделать, чтобы обезопасить экономику колхозов и людей, в них работающих, от разрушительного усердия многочисленных контролеров, занятых ие созданием продукта, а проверкой и перепроверкой тех, кто его производит?

Пусть мое мненне покажется максималистским, уверен: контролеры тоже должны отвечать за свою работу. Я бы удивился, узнав, что хоть один контролер, годами мотавший нервы у Гииипа и его помощников, после того как все обвинения былн сняты, попросил бы у него, у всех колхозников прощения и подал в отставку. Но если у человека слабо развита профессиональная этика, то нельзя дело пускать на самотек. Видимо, в таких случаях руководство контрольного органа должно предложнть своему работнику, чтобы ои срочно сменил работу по причине профессиональной непригодности. Это поубавило бы ретивости у тех, кому из ведомственных соображений хотелось бы быстрее и торжественнее отчитаться «о проделаниой работе».

Кроме того, было бы неплохо, как мне кажется, обязать контрольные органы выплачивать пострадавшим — тому же колхозу нмени 16-й годовщины Октября — те миллионы рублей, которые колхозники теряют, пока контролеры радеют о сохранности (нх) общественной собственности. Это тоже помогло бы блокировать проверочный зуд, повыснть степень обоснованности различного рода ревнзий и проверок.

И, наконец, надо подумать и о самой свободе выбора кавалерийских наскоков на общественные хозяйства. Почему ордер на обыск частной квартиры прокурор выдает, лишь ознакомившись с материалами, обосиовывающими подозрения следствия, а общественная квартира трудового коллектива, каковой является предпрнятие, открыта для любого стороннего вмешательства? Может, иадо определить, кто должеи разрешать или отклоиять предложения контролеров о ревизиях и проверках? Ведь честному хозяйственнику из-за частых проверок работать стало просто невмоготу, а на разоблачение жуликов у контролеров уже просто времени не хватает.

Но тревожит не только это, ие только частота и необосиованность проверок колхозов и совхозов. Дело в том, что размах контрольиой деятельности пришел в противоречие с призывом партии развернуть социалистнческую предприимчивость, предпринимательство. А что такое предприимчивость вообще? Это ведь умеиие поступать так, как ннкто до тебя не поступал, найти нестандартиое решение, обеспечивающее рост производствеиного эффекта. Но разве ие ясио, что такое умение как раз и не укладывается и не должно укладываться в рамки существующих инструкций. Поэтому сам призыв к предприимчивости предполагает право хозяйственника иа разумный риск, на квалифицированиую ннициативу, далеко выходящую за рамки обычных решений, за рамки инструкций.

Попытаюсь объяснить, почему предложеиие о высокой степени неприкосновенности общественной «квартиры», то есть колхоза н совхоза, и предоставление права их руководителям брать на себя рнск, поступать вопреки иинструкцням, еслн это обещает выгоды, пока отвергается. Я сравнил обособленность своей квартиры с обособленностью социалистического предприятия. А она-то, обособлениость предприятия, как раз многими тео-

ретиками и практиками не признается. Вот поэтому и возникают конфликты вроде тех, о которых я рассказал.

И. А. Снимщиков, С. П. Гинин, коллективы, которыми они руководят, считают себя хозяевами в своем доме, поэтому и зачинают выгодное производство, платят людям так, чтобы и хозяйству, и работнику выгодно было дело делать. А вышестоящая организация понимает вещи иначе. Мол, вся наша экономика, все наше народное хозяйство — это огромная единая фабрика, и поэтому тот же Гинин никакой не хозяин, а в лучшем случае послушный и исполнительный управляющий одним из ее участков. Отсюда и получается, что соответствующие решения, указания, предписания «сверху» приходят в столкновение с намерениями коллектива первичного звена. Сами по себе такие столкновения, противоречия неизбежны, но вот способ выхода из них отработан теорией и предыдущей практикой так, что интересы низшего звена приносятся в жертву интересу звена высшего. Такой порядок вещей устраивает тех, кто усвоил модель хозяйствования, сложившуюся у нас в прошлые времена. Предложение же о сочетании интересов всех звеньев производства выглядит с этих позиций капитулянтством, ревизионизмом. А с позиций XXVII съезда КПСС — оно является насущным требованием времени.

В письме председателя колхоза имени 16-й годовщины Октября в облисполком есть такие слова: «Деятельность безосновательных проверок создала в коллективе мнение о том, что преследуются основные принципы, по которым строится экономика и развитие коллектива». Есть существенная разница между двумя подходами к делу развития производства. Один из них, повторю, исходит из этатической, бюрократическо-распределительной концепции. Он основан на таких догматических представлениях об устройстве хозяйственной жизни, при которых сама эта жизнь становится невозможной. Этот подход реализуется через сложившийся аппарат управления производством. Другой стихийно, с трудом, посредством практической деятельности таких, как И. А. Снимщиков, С. П. Гинин и им подобные, пробивается сквозь толщу инструкций, созданных в давние времена. Различие этих подходов прежде всего в оценке необходимости:

а) детальной, мелочной регламентации ведения производственного процесса в хозяйстве;

б) использования социалистических товарно-денежных отношений и социалистического рынка;

в) расширения социально-экономической самостоятельности предприятий в рамках совершенствования централизованного планирования;

г) гармоничного сочетания «низших» интересов с «высшими».

В рамки первого подхода не укладываются ни сохранившиеся принципы колхозного строительства, ни тем более их развитие, перенесение на другие виды деятельности. Отсюда и возникают все те недоразумения, расхлебывать которые выпало на долю И. А. Снимщикова и С. П. Гинина.

Пока руководитель хозяйства, который несет на своих плечах огромную ответственность за судьбы людей, работающих вместе с ним, за разумное использование колоссальных фондов, доверенных ему государством, не будет чувствовать себя надежно защищенным от произвола бюрократического аппарата, властного их каприза снять его с работы и даже «подвести под монастырь», говорить о механизме тиражирования передового опыта не приходится. Примечательно: почти никто из руководителей хозяйств во Владимирской области

сейчас не строит себе дом там, где работает. В этом, на мой взгляд, проявляется неуверенность, порожденная несовершенством нынешнего положения председателя колхоза, директора совхоза, вообще статуса социалистического предприятия. А ведь если руководитель не уверен в своем завтрашнем дне, а следовательно, и в завтрашнем дне своего хозяйства, то как сможет он поднимать коллектив на решение тех проблем, которые продолжают тормозить развитие того же Нечерноземья? О каком закреплении кадров на селе может идти речь, если большинство живет на чемоданах? Причем не одни лишь председатели колхозов и директора совхозов, но и специалисты. И, что уж совсем худо, не только они.

Дом

Механизм тиражирования передового опыта не действует и на уровне непосредственного производителя. Достаточно посмотреть на дома в сельской местности, чтобы убедиться в этом.

В колхозе имени XXII съезда КПСС, центральная усадьба которого почти сплошь из двухэтажных домов *городского* типа и коттеджей, я поинтересовался, строят ли для себя дома сами колхозники?

Ответ последовал сразу:

— Нет. Хотя, впрочем, один механизатор вместе с женой поставил себе дом...

И это в хозяйстве, где 850 трудоспособных! Как единодушны сельские жители в столь жизненно важном вопросе — не хотят строить себе дома. И это не где-нибудь, а в передовом колхозе, расположенном почти на окраине такого прекрасного города, как Владимир. Где, если не тут, в историческом и живописном центре России, углублять фамильные корни?

В колхозе имени 16-й годовщины Октября та же картина. Хозяйство покупает у населения избы, перестраивает их на современный лад и заселяет своими работниками. Более того, колхоз за свой счет ремонтирует личные дома колхозников, чтобы хоть как-то сохранять жилой фонд, унаследованный от давних-давних времен.

В колхозе «Большевик» Меленковского района такое же положение. Но здесь я увидел то, что, как мне кажется, еще ярче проявляет настроения, характерные для огромного региона России. Мы шли с председателем колхоза Владимиром Михайловичем Ульяновым по центральной усадьбе. Мое внимание привлек новехонький кирпичный дом, красивый и просторный, уютно расположившийся между холмами. Из многочисленных окон его открывался вид на пойменные заливные луга, на застывшее серебро Оки. Спросил:

— А здесь что?

— Механик построился,— без энтузиазма ответил председатель.

— Это прекрасно,— говорю,— человек с такими глубокими корнями — самый надежный работник: не сбежит по первому капризу с поля, бросив технику, не подумав о своих обязательствах перед соседями, коллективом...

— Какое там! Три года по всяким инстанциям человека таскают — проверяют анонимки, посыпавшиеся в разные адреса от односельчан, не стерпевших такой вызывающей нескромности.

— Может, что-то прихватил этот механик? — выгораживаю бдительных анонимщиков.

— Не в том ранге, чтобы за счет кого-то иметь что-то,— замечает по-житейски мудро Ульянов.— С женой, с мобилизованными на этот случай родственниками вкалывали на стройке до потери сознания.

Значит, думаю, кто-то не только не хочет строиться на селе, но само

желание иметь вот такой добротный дом, крепкое личное подсобное хозяйство считает порочным, подозрительным, враждебным духу современной деревни. Кто-то, видимо, опасается: уж не заведется ли в таком доме смрадный дух если не кулака, то подкулачника, который отравит коллективистскую атмосферу, сплачивающую крестьян и тогда, когда они своим нелегким трудом выращивают урожай, едва-едва возвращающий семена.

Читатель может спросить: с чего это автор занялся проблемой сельского дома? Разве не ясно, что богатый колхоз может для всех своих работников хорошие дома построить? А раз так, то заниматься надо совсем другим — гербицидами, пестицидами, севооборотами... Делами производственными, короче. Однако верить, что колхоз, совхоз в состоянии построить за свой счет дома и квартиры для всех, кто в них нуждается, может только человек, сохранивший в наше бурное время маниловский взгляд на жизнь. Мы с вами знаем, сколько убыточных хозяйств на Владимирщине. Большинству из них не до строительства жилья — без помощи государства они даже свести концы с концами, чтобы хоть как-то существовать, не в силах. Надо помнить и о том, что в структуру закупочных цен на сельхозпродукты затраты на строительство жилых домов никогда не включались и не включаются.

Есть в проблеме сельского дома и еще одна сторона, на которую хотелось бы обратить особое внимание.

...Крестьянский дом на Владимирщине, и не только там, оказался в запустении. Он разрушается. Вместе с ним разрушается и работник в этом своем качестве. Если человек не может, да и не хочет отремонтировать свой собственный дом, поправить крышу, укрепить фундамент, привести в порядок забор, если он в своем собственном доме не проходит школу, создающую из него хозяина, то откуда возьмется у него чувство хозяина по отношению к общественному добру? И вот он разбрасывает запчасти по мастерской, сваливает с самосвала кирпич, добиваясь максимального боя, разгружает в грязь драгоценные доски, порой, как чеховский злоумышленник, даже не думая, что средь бела дня у всех на виду занимается вредительством. И если вы скажете ему, что он поступает не по-хозяйски, не так, как если бы он работал на себя, то можете оказаться в ложном положении. Такой работник возьмет вас за руку, отведет к себе домой и продемонстрирует свою полную безрукость, безалаберность, неряшливость, безвкусицу, доказывая по-простецки, что он не вредитель, что он и на себя также работает вполсилы, шаляй-валяй. Адресованные такому работнику призывы относиться к общественному добру, как к своему собственному, не доходят до его сознания хотя бы потому, что у него нет ничего своего, кроме рубашки, костюма, телевизора, которые, кстати, прямого отношения к производственному воспитанию не имеют. Перед нами не работник, ощущающий глубокие корни в земле, которую он обрабатывает, а временщик, перекати-поле, готовый до поры до времени безропотно выполнять кое-как любую команду переменчивого в своих взглядах на технический прогресс начальства,— а это начальству очень на руку. Вот такой работник при первой возможности и бросает — нет, не свой дом, который можно так называть тогда, когда он выполняет функцию крепости для своего хозяина,— бросает временное жилье и бежит в город или на очередную великую стройку, обрекая на запустение цветущий край.

Председатель суздальского колхоза имени XXII съезда КПСС

Виктор Павлович Пантыкин, вернувшись разгоряченным с партийного собрания, долго не мог начать разговор со мной. Оказывается, на собрании речь шла о сохранности колхозного жилого фонда. Вот в тех самых домах городского типа, в коттеджах, которыми я любовался, многие *квартиранты* (выделено мною.— *Г. Л.)* за все время, пока живут здесь, не только не вбили гвоздя, чтобы поправить, отремонтировать свое же жилье, но ломают его и рушат. Председателя, правленцев это не может не угнетать: строительство каждого дома стоило не только больших денег, но и невероятных усилий, ибо достать стройматериалы сейчас трудней, чем заработать средства на их покупку.

Вот теперь и спрашивается, с чего же надо начинать заботу об ускорении темпов роста производства: с самого производства или с формирования работника? До вчерашнего дня считалось — с производства, с увеличения числа тракторов, комбайнов, автомашин... А работник... Что ж, работника можно подготовить на курсах, в техникуме, в институте. Выяснилось, однако, что одних курсов да техникумов мало. Надо, чтобы воспитывала вся жизнь. И в первую очередь семья, дом. А вот это важное звено — дом — исчезло из системы воспитания.

Если закончить эти рассуждения призывом к крестьянину строить собственный добротный и красивый дом, то меня можно было бы с полным правом обвинить если не в цинизме, то уж, наверно, в барской оторванности от реальной жизни. Построить крестьянину дом на селе, чтобы быть серьезным, потомственным, а потому квалифицированным работником, очень трудно. Прежде всего по чисто экономическим причинам: средний заработок в колхозах, например, на Владимирщине, примерно 200 рублей в месяц. На такой заработок жить можно, однако о строительстве собственного дома говорить не приходится. Но ведь сама нынешняя политика в области оплаты труда, как известно, из того и исходит, чтобы освободить рабочего человека от тяжелых дум и повседневных забот о жилье. Государство взяло на себя обязательство обеспечить всех нуждающихся жилплощадью по тем или иным нормам. За счет каких средств? Естественно, за счет средств, создаваемых всеми нами. При этом государство выплачивает лишь часть того, что заработал тот или иной человек, а остальные деньги идут в общую кассу, чтобы в организованном порядке удовлетворить нужды в жилье — нужды всех.

Замысел, конечно, хороший, но возникает вопрос: кто и сколько в эту общую кассу передает своих денег и сколько из нее получает в виде предоставленного государством жилья? Посмотрим теперь, как этот замысел реализуется на практике. Журнал «Вопросы философии» (1986. № 9. С. 10) сообщает: сейчас примерно половина населения страны пользуется государственным жильем, а половина — жильем кооперативным или индивидуальным. При этом те семьи, которые получают государственные квартиры, не только ничего не вносят в строительство жилья, но и пользуются щедрой государственной дотацией на его содержание и текущий ремонт, оплачивая в виде квартирной платы лишь треть этих расходов. По расчетам экономистов, семьи, проживающие в индивидуальных домах и кооперативных квартирах, тратят на удовлетворение потребности в жилище в 8—10 раз больше, чем проживающие в домах государственного жилищного фонда.

Именно сельский житель вынужден нести основную тяжесть затрат на строительство жилья, а на свои отчисления от зарплаты в общую

кассу он получает жнлье в последнюю очередь, н самое скверное. Вот поэтому так неказисты многне наши деревнн. Вниоваты в этом не нх жнтелн, а наша поспешность облагодетельствовать сразу в с е х тогда, когда для этого нет нн условнй, нн средств. Нельзя не вндеть, что прннцнп распределення жнлья по потребностям нн к чему хорошему вестн пока не может, так как нельзя жнть прн соцналнзме, а поступать, распределять, как прн коммуннзме. Вот н получается, что знатный механнзатор жнвет в деревне хуже, чем его бывшая соседка, вовремя перебравшаяся в город на скромную должность уборщнцы н получнвшая от государства квартнру со всемн удобствамн. Еслн бы не уравннловка, еслн бы расходы на жнлье закладывалнсь в структуру зарплаты каждого, то перспектнвы сельского дома былн бы гораздо лучше.

Но дело не только в фннансовых возможностях крестьяннна, не позволяющих ему постронть собственный дом. Деньгн крестьяннн может еще собрать, особенно в тех районах страны, где в лнчных подсобных хозяйствах развнты садоводство, вннорадарство, раннее овощеводство. Но как получнть стройматериалы? Ведь нзвестно, что многне дефнцитные матерналы селу отпускаются в последнюю очередь. Чем кончаются попыткн преодолеть сложнвшнйся порядок, мы знаем на прнмере Снимщнкова. Препятствует обновленню деревнн еще и то, что сельскнй заказчик — самый невыгодный для всех тех многочнсленных подрядных государственных строительных органнзацнй, успехн которых до снх пор нзмеряются показателем «вала». А уж какой там «вал» можно накрутнть на деревенской нзбе! Еще куда нн шло построить жнвотноводческую ферму нлн, лучше, комплекс ценой в несколько мнллнонов рублей. А «ломаться» нз-за нескольких тысяч рублей на стронтельстве дома для крестьяннна ни одна уважающая себя государственная органнзацня пока не будет. Вот н по этой прнчине жилищное строительство на селе настолько отстало от городского, что грознт обесценить даже целесообразные капитальные вложення непосредственно в сельское пронзводство.

Сельская спецнфика оказалась в непрнмнрнмом протнворечнн с логнкой хозяйственного механнзма, который отторгает от себя деревню как чуждое, ннородное тело нлн прннуждает ее застранваться многоэтажнымн домамн городского тнпа, которые уродуют не только пейзаж, но н сам строй сельской жнзнн...

...И все-такн, мне кажется, не экономнческне прнчнны тормозят главным образом строительство жнлья на селе, его модерннзацню.

Пенснонерка, врач, учнтель, механнзатор однннаково *физически беспомощны* перед кучей бытовых забот, окружающнх сельского жнтеля.

Лошадь, на которой прежде держалось все хозяйство крестьяннна, нсчезла, и на ее месте нет пока ннчего равноценного. В колхозе же адмнннстрацня по ушн погрязла в бесконечной борьбе за очередной план, н поэтому даже самый гуманный председатель не может войтн в нужды каждой семьн. В этнх условиях крестьяннн превращается в постоянного *просителя* всякого рода услуг. Положение уннзнтельное. И вот крестьянин начннает и по этому параметру сравнивать свою жнзнь с городской. Сравненне тоже не в пользу деревнн. Горожаннн, незавнснмо от своих моральных качеств н производственных успехов, в любую минуту может если не на таксн, то на почтн бесплатном (опять дотацня горожаннну) городском транспорте н в больннцу, н в магазнн, и в гостн съезднть, а крестьяннн все пороги

всяких сельских контор обобьет, пока выпросит место в машине, идущей в соседнее село, в город. И так во всем. Стоит ли пускать глубокие корни там, где столь ненадежно и унизительно положение рядового человека, задумывается крестьянин. И все чаще приходит к выводу: не стоит. Тем более что к такому мнению подталкивают его и законы о продаже и наследовании недвижимости. Ведь дом, построенный с таким трудом на селе, продать, если жизнь не сложится, любому покупателю (горожанину, например) нельзя, да и передать в наследство родственникам очень затруднительно. Действительно, откуда у сына, дочери, начинающих жить самостоятельно, найдется несколько тысяч рублей, чтобы по нынешним законам вступить в право пользования отчим домом?

Не в состоянии решать свои жизненные проблемы часто не только отдельно взятый крестьянин, но и весь сельский трудовой коллектив. Мы сидели в конторе колхоза имени XXII съезда КПСС, и его председатель Виктор Павлович Пантыкин вместе с секретарем парткома пытался, используя, видимо, психологический эффект присутствия корреспондента, «давить» на областное начальство, с которым я приехал в колхоз: выторговывал, выпрашивал право построить на собственные же деньги школу. В нынешних условиях, оказывается, мало обладать средствами. Надо еще уметь убедить *городское* начальство в целесообразности *сельскому* жителю жить так, как он считает для себя удобным. Разве не странный порядок?

Складывается достаточно эффективный механизм, препятствующий обновлению жилого и социального фонда на селе. И страдают от этого не только сельские, но и городские жители. Если сопоставить число квадратных метров пустующего сейчас в деревне жилья с числом очередников на получение квартир в городе, увеличивающимся прежде всего за счет деревни, то станет очевидно, как трудно решить жилищную проблему в городе, не нормализовав положение со строительством на селе.

У кочевников потому и не развивалось земледелие, что они вели кочевой образ жизни. В каком-то смысле мы нашего земледельца превращаем в кочевника. Председатель колхоза, специалисты не рискуют связать свою жизнь с тем селом, с той деревней, где сейчас работают. Они пребывают в постоянной, как говорится, боевой готовности, чтобы немедленно и с минимальным для себя ущербом сняться с места. Крестьянин внимательно, настороженно следит за развертывающейся ситуацией. Он тоже не хочет рисковать, вкладывая деньги в развитие своей деревни, опасается, как бы построенный с большим трудом дом не оказался в «неперспективной» деревне, подлежащей сносу, или же обреченной на вымирание из-за какого-то решения о специализации и концентрации общественного производства, из-за неожиданных ограничений, касающихся личного подсобного хозяйства. Вот в таком выжидательном состоянии, в состоянии внутренней решимости не сегодня завтра подняться и начать куда-то двигаться застал я многие владимирские деревни и села.

Не обновляющая себя деревня — картина печальная не только в эстетическом смысле, но и в социальном. Когда деревня не строится, то отмирают, засыхают межчеловеческие отношения, связи и начинается разрушительный процесс разъединения. Людей трудно поднять на доброе дело — сообща вырыть колодец, поправить дорогу, озеленить ули-

цу... Не только сам нынешний быт, но и «пооперационный» принцип оплаты труда в общественном производстве разъединяют людей. Каждый живет и работает сам по себе. Связь с конечным продуктом ничтожна. Сказали сегодня яму выкопать — выкопаю, скажут завтра ее же засыпать — засыплю, но деньги за работу (пусть и напрасную) получу. Таков порядок, который не связывает одного работника с другим так, как связывает любой нормальный трудовой коллектив, живущий не на жалованье, а на созданный им же продукт. Вот и получается, что и в передовых, и в отстающих хозяйствах оплата труда часто одинакова.

О том, какое производственное и бытовое сознание складывается в таких условиях, прекрасно рассказал Валентин Распутин в повести «Пожар».

Можно ли эффективно работать в атмосфере углубляющегося разъединения, отчуждения людей друг от друга? Вряд ли. Это подтверждает и статистика, в частности, по Владимирской области.

Капитальные вложения здесь, как и в других районах страны, за последние пятилетки были очень крупные, миллиардные. Урожайность же основных культур в течение долгих лет просто застыла на крайне низком уровне: зерновых, повторю, собирают здесь около 15 центнеров с гектара, картофеля — менее 100 центнеров, надаивают на корову 2524 литра молока. В целом производство валовой сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах в девятой пятилетке (1971—1975 гг.) — 317,6 миллиона рублей в среднем за год и в одиннадцатой — 389,9, то есть выросло незначительно, особенно в сопоставлении с темпами роста вложений в производство. Отсюда неизбежное снижение фондоотдачи (выход «вала» на рубль основных фондов): в 1975 году — 0,67 рубля, а в 1984 году — 0,34, то есть вдвое меньше. Общественные деньги пошли прахом.

Печалит и другое. По основным показателям развития сельского производства область выглядит неважно даже в сравнении с 1916 или 1913 годом. Коров в те давние времена было 132 тысячи, сейчас их около 195 тысяч. Я не уверен, что крестьянин держал тогда корову, дающую менее 3000 литров, то есть не уверен, что молока Владимирщина производила меньше, чем сейчас. Правда, в целом крупного рогатого скота стало теперь больше — 497 тысяч голов против 198, но количество лошадей сократилось на 92 тысячи (коэффициент перевода 1,1), поголовье овец уменьшилось на 90 тысяч (коэффициент 0,35), то есть количество скота не сказать, чтобы заметно изменилось. А уж насколько нынешняя структура животноводства в области рациональна вообще, пускай судят специалисты. На здешних землях традиционно возделывали уникальный русский лен (24,4 тысячи га). Сейчас эта культура с полей области выведена: слишком она трудоемкая. Создается впечатление, что по «валу» область если и перешагнула уровень 1913 года, то не очень далеко ушла от него. А по размерам прибавочного продукта, то есть по валовому доходу, полученному с гектара, по уровню производительности труда, исчисленной с учетом экономии не только живого, но и овеществленного труда, картина, мне кажется, может сложиться еще более печальная. Впрочем, как я убедился, областное руководство и не утруждает себя попытками такого рода сопоставлений, считая, видимо, что с приходом новых людей к руководству история Владимирщины начинается каждый раз заново.

Привожу цифры с одной только целью — показать громадную зна-

чимость для развития сельского пронзводства человеческого фактора, фактора заннтересованности непосредственного производителя в результатах хозяйствования, степенн его влияния на формирование процесса расширенного воспроизводства. На Владнмирщине, и к сожалению не только здесь, состояние этой сложной сферы оставляет желать лучшего. К счастью, такое положение не везде.

Звезда Доменикана

Читаю в газетах: первый секретарь Барановичского райкома партии Николай Владимирович Доменикан награжден Звездой Героя Социалистического Труда за успехи в развитии сельского хозяйства. Проходит короткое время, и такой же высокой награды удостоен и первый секретарь Брестского обкома партии Ефрем Евсеевич Соколов.

Когда доярка или шахтер, председатель колхоза илн днректор завода получают высшую награду страны — званне Героя Социалистического Труда, тут все понятно. Работу каждого человека, непосредственно связанного с производством, сравнительно легко измерить, оценнть.

А вот несколько иной случай — высшей наградой страны отмечен партнйный работник. Наверно, не один я задумывался: а за что, собственно, звание Героя Социалнстического Труда присваивается, в частности секретарям райкомов партии? Мы немало наслышаны о таких случаях, когда изобретателю навязываются в соавторы люди, не имеющие порой даже косвенного отношения к его изобретению. Если секретарь райкома получает Золотую Звезду за успехи дояркн, за высокую урожайность, достигнутую на полях колхоза, которым руководит известный председатель, если... и так далее, то, может, и здесь нечто подобное?

Хочу сразу отвести подозрення подобного рода. И сделать это мне тем более легко, что не отдельные хозяйства, а весь район, которым вот уже почти пятнадцать лет руководит Николай Владнмнрович Доменикан, добился хороших результатов в развитин сельскохозяйственного производства. Валовая продукция (в сопоставимых ценах) возросла здесь по сравненню с 1970 годом в 2,4 раза, причем производство мяса увеличилось в 5 раз, яиц — в 16 раз, овощей — в 3 раза, льноволокна — в 2 раза. Прнбыли местные колхозы н совхозы стали получать в 8 раз больше, а рентабельность пронзводства удвонлась: была 20 процентов — стала 40. Такой быстрый рост стал возможным лншь потому, что избранные в районе стратегия и тактика развнтия ориентнровалнсь на фронтальное общее движение вперед, а не на одно-два хозяйства-«маяки». Следовательно, на этом уровне, на уровне района, сумели прнвести в действие механизм тиражирования передового опыта, отсутствне которого столь сказывается на результатах работы владимирских хозяйств. Как же это удалось?

Прежде всего благодаря тому, что был выбран эффективный варнант развития экономнкн. Выбор этот сделать было тогда очень и очень непросто.

Первым секретарем Ннколай Владнмирович стал в январе 1973 года. Напомню, в начале 70-х годов шнрокое распространенне получнла ндея перехода от многоотраслевой структуры пронзводства в колхозах и совхозах к углубленной межхозяйственной спецналнзацни и агропромышленной ннтеграции. Был принят ряд ответственных постановлений, рекомендовавших именно этот вариант развития сельского хозяйства.

Сразу же появились статьи в центральной и местной печати, брошюры, монографии, которые всячески расписывали многочисленные преимущества курса на углубленную специализацию. В некоторых районах страны стали ускоренно строить животноводческие комплексы на небывалое количество скота, птицы. И вот как гром среди ясного неба две большие статьи в «Правде», где подводился первый итог курса на углубленную специализацию и кооперацию производства в хозяйствах Тамбовской области. За короткое время здесь было построено 75 животноводческих комплексов. Они стали давать больше половины областного производства свинины и пятую часть говядины. Вроде бы концентрация и специализация производства проведены весьма успешно. Но все оказалось не так. Надой молока от коровы снизился, не выросли и привесы скота. В иных гигантских помещениях, рассчитанных на тысячи голов, содержали их лишь около сотни, себестоимость продукции, естественно, высоко подскочила. Огромные капитальные вложения пошли прахом.

Пока судили да рядили о том, что же произошло на Тамбовщине, почему заведомо здоровая идея не сработала, подоспела и Молдавия со своим опытом «второй коллективизации», то есть с попыткой в рамках целой республики осуществить межхозяйственную специализацию и концентрацию. Не будем здесь говорить о том, что получилось и что не получилось в Молдавии и почему. Важно другое — то, что в конце 70-х годов все разговоры о комплексах, о межхозяйственной специализации и концентрации разом прекратились.

...Об этом следует напомнить, чтобы стало понятно, в каких условиях Николай Владимирович должен был выбрать аграрную политику для своего района: развивать традиционную многоотраслевую структуру, которая не сулит особых взлетов, но и не грозит провалом традиционных же производственных планов («от достигнутого» чуть-чуть прирост есть, значит, оценка «сверху» положительная: дела идут терпимо), или же развивать глубокую межхозяйственную специализацию и концентрацию — путь, к тому времени достаточно опороченный. Секретарь райкома пошел на риск — выбрал именно этот путь, на котором кое-кто уже сломал себе шею. В тот период на него, начинающего первого секретаря, многие смотрели с удивлением: или по неопытности своей не понимает, на что идет, или затевает авантюру, каких и до того было уже немало в сельском хозяйстве. Ответ должно было дать время. А пока он решил строить на территории своего района те самые животноводческие комплексы, от которых многие тогда с испугом шарахались.

Естественно, в районе было немало людей, враждебно или равнодушно воспринявших инициативу нового «первого». Ему пришлось пойти *против течения*, убеждая в своей правоте тех, кого можно было убедить, и освобождаясь от тех, кто настойчиво игнорировал практические доказательства того, что стратегия развития избрана правильно.

Вместе с Николаем Владимировичем еду в совхоз-комбинат «Мир», где построен откормочный комплекс на 15 тысяч голов скота. Чтобы читатель мог представить себе здешний производственный порядок, достаточно сказать, что «Мир» с 1977 года неизменно выходит победителем во всесоюзном соревновании однотипных предприятий. Ну а на всякий случай, для специалистов еще скажу, что средний вес откормочного бычка здесь 510 килограммов, что в год

комбинат сдает примерно 6 500 тонн говядины — несколько больше, чем сдавал весь район еще десять лет тому назад. Но эти замечательные данные сами по себе ни в коем случае не должны нас зачаровывать прежде всего потому, что в наш век не требуется особого ума, чтобы нарастить мясо на теленке, если скот породистый и есть корма. У совхоза «Мир» как раз и то и другое есть. Это спасало и спасает его от драматической судьбы, постигшей множество других хозяйств.

О том, как добывали корма и скот, Николай Владимирович рассказывает словно о чем-то обычном, само собой разумеющемся. Хотя, увидев в одно прекрасное утро примерно десять тысяч голов скота, собранных на маленькой площадке и настойчиво требующих корма, можно было растеряться. В «Мире» никогда и для сотни-то голов кормов не хватало. А тут сразу десять тысяч! Что делать? Немедленно бежать по всем инстанциям с протянутой рукой, слезно умоляя дать хоть какой-то корм, чтобы спасти скот от массового падежа или... Или найти этот корм на месте. Секретарь не поддался панике. Решил опираться в основном на собственные силы. Далось такое решение нелегко. Надо было взорвать стереотип мышления, а это труднее, чем даже целину вспахать.

Есть в сельском хозяйстве такая святыня, такая икона — погектарный принцип: «всем сестрам по серьгам». Это значит, что когда район получает план по зерну, то его разверстывают между хозяйствами более или менее равномерно, с поправкой на пресловутый «достигнутый уровень». Так же и по всем остальным культурам. Этот принцип очень живуч, поскольку весьма разумен: разные культуры требуют разного ухода и определенный их набор обеспечивает баланс труда в хозяйстве. Кроме того, у каждой культуры своя рентабельность, а производство некоторых просто убыточно. Разбрасывая по хозяйствам план производства сельскохозяйственных продуктов, можно, как в театральной кассе, уравновесить билетами в цирк билеты на неходовой спектакль. Николай Владимирович пошел опять *против течения* — выбросил на свалку икону, которой поклонялись хозяйственники. Конкретнее: совхоз-комбинат «Мир» был освобожден от необходимости выполнять план-заказ государства по зерну, картофелю, льну... Все земли отдавались в полное распоряжение администрации, перед которой была поставлена единственная задача — произвести максимум корма для скота, оказавшегося в хозяйстве. Это событие потянуло за собой и другие.

Легко освободить одно хозяйство от погектарного плана-заказа на зерно, картофель, лен, шерсть и т. д. Но ведь с района план-заказ не снимается. Значит, его надо разбросать между остальными колхозами и совхозами. Первый вопрос, который возникал в этой связи: а с какой стати? Почему для одного хозяйства вдруг создают какие-то особые условия? Второй вопрос попроще, хотя и потрудней: а как вообще можно разбросать план-заказ даже одного хозяйства по другим, когда все они уже загружены под завязку и едва-едва справляются со своим заданием? Иными словами, частичная перекройка районного плана-заказа оказалась невозможной. Нужно было менять саму систему планирования, и более или менее сразу. Вот и решили: всех овец (более 7 тысяч голов), и соответственно план по шерсти, передать одному колхозу — «40 лет Октября»; овощи выращивать в трех совхозах; свинину — на двух комплексах, лен — в двух колхозах и т. д. Так была

осуществлена межхозяйственная специализация и концентрация производства в Барановичском районе. И если бы только на этом не остановились, то Николай Владимирович не только не удостоился бы Звезды Героя, но уже давно постарался уехать подальше от своего родного района, сгорая от стыда за содеянное, как это и было не раз с теми, кто активно проводил курс на специализацию. Что же избавило его от этого?

На мой взгляд, прежде всего образование и жизненный опыт. Николай Владимирович (год рождения 1932-й) успешно окончил ветеринарный институт в Ленинграде и был рекомендован в аспирантуру. Но, прежде чем заняться наукой, ему хотелось пройти закалку практикой. Он работает в МТС, потом председателем колхоза, директором совхоза, заместителем начальника областного управления сельского хозяйства, председателем райисполкома.

Привожу послужной список секретаря райкома только для того, чтобы подтвердить свою мысль. Убежден, фундаментальное высшее образование и большой практический опыт работы по специальности помогли Николаю Владимировичу избежать ошибок некоторых сторонников курса на специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства. Они толковали этот курс как «вторую коллективизацию», то есть механическое сложение, скопление в одном месте скота, техники, рабочей силы из отдельных хозяйств. Отсюда и соответствующая политика капитальных вложений: .до 80 процентов всех средств вкладывали в строительство свинарников, телятников, коровников, куда затем на полуголодный паек загоняли всевозможную пересортицу скота, заранее обреченную на низкую продуктивность.

Дипломированный специалист, умудренный практическим опытом, Николай Владимирович, став секретарем, вовремя понял не только ошибочность, но и просто элементарную безграмотность такого подхода к специализации и концентрации производства. Он вновь пошел *против течения.* Перестройку хозяйств в районе начали с отработки *и внедрения новой технологии.* А это куда труднее, чем собрать и свалить в одну кучу добро отдельных хозяйств, что, как показала жизнь, ни к чему хорошему не приводит.

В совхозе «Мир» впечатляют не только хозяйственные постройки и средства механизации, но прежде всего логическая связь всех звеньев производственного процесса. Высокопородный скот, сбалансированное кормление, обеспеченное соответствующим отношением к полеводству, а следовательно, хорошая урожайность кормовых культур. Обслуживает комплекс дружный коллектив высококвалифицированных работников всех уровней. Только по всему этому, а не потому, что 10 тысяч голов скота согнали в одно место, специализация и концентрация производства демонстрируют свое неоспоримое преимущество: производительность труда здесь почти в десять раз выше, чем на традиционной ферме.

А вот колхоз «Победа» выполняет теперь план по льну чуть ли не за весь район. И тоже не потому, что тут стали больше сеять льна, освободив от этой обязанности другие хозяйства. Три года назад удалось раздобыть на Могилевской опытной станции мешок элитных семян высокоурожайного сорта «Могилевский». К тому же он менее склонен к полеганию, а это для льна практически все равно что крупная прибавка к урожаю.

— Но семена — это хотя и очень важное, но все-таки лишь

одно из звеньев,— говорит председатель колхоза Георгий Владимирович Козляк.— Нужно много всего прочего, чтобы сполна использовать резервы добротных семян, выйти на конечный продукт.

Много хозяйств проехали мы с секретарем Барановичского райкома партии. Каждое из них обязательно занимается земледелием и молоком, а все остальное — в том или ином спецхозе. Но все спецхозы района похожи на «Мир» и «Победу» в том смысле, что в основе их производства *та или иная технология,* иначе говоря, проблема увеличения конечного продукта решается комплексно. Естественно, что при таком понимании сущности специализации и концентрации сложилась и своя практика капитальных вложений. Тут уж не хоронят все деньги в железобетонных стенах птичников и свинарников, а рационально раскладывают по хозяйствам в соответствии с их нуждами.

Так в Барановичском районе шли к углубленной межхозяйственной специализации: практически доказали ее высокую *производственную* эффективность на основе (что самое главное) преимущественно местных ресурсов. Оставалось ответить на крайне сложный вопрос: а с какой это стати все хозяйства района будут сдавать на комплекс того же совхоза «Мир» своих бычков? Да и вообще откажутся во имя соседа от производства привычных и порой весьма выгодных культур?

При попытках решить вопрос о межхозяйственных взаимоотношениях сломал голову не один сторонник интенсификации сельскохозяйственного производства. Ошибка была в том, что нужды и интересы комплексов и спецхозов затмили в их глазах нужды и интересы других хозяйств — остальных колхозов и совхозов. На эти традиционные хозяйства стали смотреть как на подспорье для развития комплексов и спецхозов. Пусть-де они дают деньги и многое другое на строительство и содержание тех же комплексов, а потом прекратят свое существование, слившись с тем или иным из них. Такой вариант межхозяйственной специализации казался весьма логичным. Об этом свидетельствовало сравнение экономических показателей специализированных хозяйств и обычных ферм, производственных участков.

Однако при сравнении, как правило, допускали грубые ошибки. Так, по нереальным, заниженным ценам учитывались корма, молодняк, передаваемые из колхозов и совхозов на откормочные комплексы. За килограмм живого веса маленького бычка, переданного в спецхоз, платили столько же, сколько и за килограмм живого веса взрослого быка, отправленного из спецхоза на бойню. Значит, прибыль, созданная на обычной ферме, незаметно перемещалась в спецхоз, что и обнаруживалось в момент реализации откормленного скота. Проще говоря, обвешивали и обмеривали хозяйства, и поэтому они не получали доходов.

Сравнение было неправомерно еще и потому, что сопоставляли как бы скорость автомобиля и лошади... Конечно, бычка легче и быстрее откормить государственными концентратами, чем пасти по неудобьям и подкармливать отходами, которые есть в любом хозяйстве. Но ведь нестравленная на неудобьях трава и выброшенные на свалку отходы — явная бесхозяйственность. Однако с высоты свинооткормочного комплекса этак на 108 тысяч голов пара свиней в личном хозяйстве или 200 голов на колхозной ферме кажутся уже такой мелочью, какой и заниматься-то не стоит. В иных районах, взявшихся за межхозяйственную специализацию, так, к сожалению, и поступили.

Николай Владимирович и тут пошел *против течения*.

У совхоза «Мир» первоначально прибыль была 18 миллионов рублей, сейчас — на 12 миллионов меньше. В чем дело? Хуже стали работать? Ничего подобного! И по сдаточному весу скота, и по расходу кормов на центнер привеса показатели сейчас гораздо лучше тех, что были в первое время. А все дело в том, что изменились отношения между комплексом и теми хозяйствами, которые поставляют ему откормочный молодняк. Прекратились обвес и обмер, с которыми свыклись в других местах. Колхозы вернули свои 12 миллионов рублей, так как была установлена реальная расчетная цена за передаваемый на откорм скот. За бычка весом 50 килограммов «Мир» сейчас платит 650 рублей. Да узнав о такой цене, каждый председатель колхоза воскликнет: «Я обеими руками за межхозяйственную специализацию! Нет расчета самим заниматься откормом. Лучше приспособиться к комплексу».

Такие примерно слова я слышал повсюду, когда речь заходила о межхозяйственных отношениях. Специализация в Барановичском районе, как показывает, в частности, пример совхоза «Мир», развивается на здоровой экономической основе, обеспечивающей партнерам примерно равную прибыль пропорционально вложенным средствам и труду.

Разумно подошли в районе и к такой проблеме, как разнообразие способов производства одной и той же продукции, иначе говоря, к сочетанию и использованию того, что мы назвали чуть раньше «лошадью» и «автомобилем». «Мир» — хозяйство высокой технологии. Оно принимает от хозяйств-поставщиков бычков только высшего класса и откармливает их с 50 килограммов по самым интенсивным рецептам. Ну а что же делать с бычками меньшего веса? Продолжать маяться с ними каждому хозяйству в одиночку? В районе решили иначе. Таких бычков и бычков по 150—180 килограммов, то есть непригодных под технологию, применяемую в «Мире», хозяйства сдают на комплекс, созданный в совхозе «Вольно-Чернихово». Рацион кормления здесь иной — барда, солома, сенаж,— требующий бóльших затрат. Централизованные концентраты сюда не поступают вообще, поэтому баланс кормов гораздо хуже, чем в «Мире», но во много раз лучше, чем в обычных хозяйствах. Естественно, что производственные показатели совхоза «Мир» значительно превосходят показатели совхоза «Вольно-Чернихово», хотя он тоже высокорентабелен. Но эти два хозяйства в районе никто даже и не сравнивает, поскольку все понимают, что они выступают как бы в разных весовых категориях. Такая же тактика и в отношении свинооткорма.

По мере внедрения новых технологий производства обнаружилось, что это высокоэффективное, многообещающее дело слабым хозяйствам не по карману, а их слабость — одна из основных причин медленного роста производства сельскохозяйственных продуктов по всему району в целом. Что же делать? Партийное руководство района снова решило пойти *против течения* — заняться пресловутыми промыслами.

Угодья Барановичского района по стобалльной системе оцениваются невысоко — 41 балл. Угодья здешнего колхоза «Заря» и того хуже — 26 баллов, сплошной песок. А живут на его территории 2 тысячи человек, 612 трудоспособных. Как же сделать так, чтобы люди сами себя кормили, чтобы обустраивали свой быт по-современному, чтобы своим трудом приносили еще и пользу обществу? В специфических условиях этого

расположенного в лесном краю колхоза было найдено и специфическое решение. Лес, песок могут быть не наказанием господним, а, наоборот, благом, если только думать не традиционно, если приспосабливаться к природе, а не насиловать ее.

Здешние леса славятся грибами. Это и навело на мысль дополнить традиционное сельскохозяйственное производство их переработкой, причем не на патриархальной, а на современной основе. В 1976 году в колхозе появился консервный завод, хотя легко догадаться, что прежде и грибов здесь хватало, и нужда в деньгах была не меньше. Но так уж случилось, что, когда первым секретарем райкома стал Николай Владимирович Доменикан, произошло раскрепощение хозяйственного мышления и идея сбора и переработки грибов не показалась подрывной.

Можно бы рассказать и о конеферме в совхозе-комбинате «Мир»— при ней кумысный цех и цех утилизации конского волоса. Можно привести и другие примеры, но мне хотелось бы отойти от конкретики, без которой, правда, нет явления, и привлечь внимание к его сущности. Часто ли встретишь в наше время руководящего работника, который бы не ратовал за безотходную технологию производства на всех участках нашего хозяйственного строительства, в том числе и на селе? Найдется ли хозяйственник, который бы не плакался на демографическое эхо войны и не ратовал за рациональное использование рабочих рук? Кто не понимает, насколько пагубна сезонность в использовании труда колхозников? Нет таких! Теперь позвольте еще один вопрос: а много ли у нас на селе подсобных производств? У Николая Владимировича Доменикана, первого секретаря Барановичского райкома партии, власть такая же, как и у всех его коллег. Но иные пользуются ею так, что все уходит в дым, пар, оглушительный свист. У него же — в дело.

Концепция межхозяйственной специализации и концентрации производства в Барановичском районе сформировалась довольно стройная, экономически грамотная. Однако одной концепции, как бы добротна она ни была, как полно ни учитывала бы ошибки, допущенные в других местах, еще мало. Сколько прекрасных машин, разработанных талантливыми конструкторами и созданных высококвалифицированными инженерами и рабочими, ломается и бездействует только потому, что не в те руки попадают! Николаю Владимировичу Доменикану предстояло решить еще одну сложнейшую проблему — так укрепить трудовой коллектив района, чтобы он был способен справиться с новыми задачами.

Поскольку, повторяю, в районе была отработана жизненно верная концепция дальнейшего развития производства, то не пришлось многое ломать в уже сложившейся структуре руководящих кадров. Николай Владимирович работает первым секретарем 15 лет. За это время в районе сменилось 14 из 40 руководителей хозяйств, иначе говоря, особенно если учесть, что настает срок и люди уходят на пенсию, корпус хозяйственников весьма стабилен. Надо отметить, что трезвая экономическая политика приводит на руководящие должности людей дельных, основательных. Вот с ними-то, с директорами совхозов, с председателями колхозов, предстояла тончайшая работа — переквалификация, воспитание способности к новому, необычному. Секретарь райкома, сам в прошлом хозяйственник, легко нашел общий язык с руководителями хозяйств для определения методов работы с людьми. Пришли к единодушному решению: лекции, наглядная агита-

ция — все это хорошо, но, чтобы все формы воспитания были действенными, надо прежде всего создать на селе современные бытовые условия. Тут тоже нужно было проявить мужество и снова пойти *против течения,* так как некоторые люди, занимавшие высокие посты, считали, будто социальное строительство замедляет темпы роста производства и его следует пока вести ограниченно. Тут, конечно, есть свой резон. Достаточно посмотреть на некоторые экспериментальные деревни, символизирующие будущее, а потом заглянуть на фермы и поля этих деревень, чтобы понять опасность стремления жить уже в XXI веке, а работать на уровне XVIII.

Любая идея должна быть конкретной. Ведь то, что подходит для одних условий, оказывается совершенно непригодным для других. Барановичский район благодаря межхозяйственной специализации резко выделился по всем производственным показателям не только на фоне Брестской области, но и всей Белоруссии. И если бы руководители района не занялись социальным строительством на селе, то солидное здание сконцентрированного производства могло осесть на слабеньком фундаменте — недостаток жилья, клубов, магазинов, дорог... К счастью, беда, грозившая осуществлению политики межхозяйственной специализации, была отведена вовремя.

Во многих колхозах и совхозах я видел красивые жилые дома, коттеджи, чуть ли не виллы, прекрасные школы, детские сады, дома культуры. Жилищные и бытовые условия настолько хороши, что во много раз превосходят городские, как, например, в поселке «Жемчужное», и потому ценные, нужные хозяйствам специалисты покидают город и охотно переселяются в деревню.

Вернемся к вопросу, поставленному в начале этой главы: за что же все-таки Николай Владимирович Доменикан, первый секретарь райкома партии, удостоен высшей награды страны — звания Героя Социалистического Труда? На первый взгляд ответ элементарно прост: за несопоставимые со многими и многими другими районами страны темпы роста сельскохозяйственного производства. Но ведь не секретарь райкома пас скот, доил коров, пахал землю... Так-то оно так, но ни одна доярка, ни один механизатор, ни один председатель колхоза, директор совхоза не могли решать проблем, выходивших за рамки своего хозяйства. Кто-то должен был объединить разрозненные колхозы и совхозы в единый оркестр, где каждый инструмент остается самим собой, но под управлением дирижера исполняет общую для всех партитуру. Николай Владимирович Доменикан взял на себя роль организатора такого своеобразного оркестра и одновременно его главного дирижера.

А можно сформулировать ответ иначе. В то время, когда многие высокие руководители хлопотливо, порой не щадя себя, ездили, ходили, бегали по полям и фермам, наблюдая, контролируя, дублируя, вмешиваясь в управление *техническим* процессом производства, создавая тем самым нервозность в трудовых коллективах колхозов и совхозов, неразбериху и атмосферу безответственности за выполнение неизвестно кем принятых решений, Николай Владимирович занялся деятельностью, которая в большинстве случаев остается бесхозной.

Поскольку Николай Владимирович шел не от стройности теоретических постулатов, а от жизни, в гуще которой варился, то начал с совершенствования *производственных отношений на селе,* которые безобразно отстали от развития производительных сил. Объектом его внимания стали такие

необыкновенные для секретаря вещи, как методология планирования, ценообразование, социальная политика и т. п.

Это если говорить экономическим языком. А проще: он стал так строить здание из отдельных «кирпичиков» — тракторов, комбайнов, скота, кормов,— чтобы оно было прочным, экономичным и красивым. И постепенно шел от «этажа» к «этажу» в своей аграрной политике, тогда как другие руководители вынуждены были снова и снова возвращаться к развалившейся, хотя только что сложенной «стенке», к осевшему «фундаменту».

Новый подход к делу повлек за собой и новое содержание понятия «руководить людьми». Секретарь райкома партии доказал, что высокую эффективность, успех приносят не здоровые сами по себе хозяйственные идеи, а кропотливая экономическая работа, которая делает выгодной реализацию этих идей для каждого колхоза, совхоза и в то же время для каждого труженика. Золотой Звезды Героя Николай Владимирович Доменикан удостоен за разработку и осуществление аграрной политики применительно *к местным условиям.* Он не только опирался на актив района, но искал и перенимал ценный опыт, накопленный в других районах страны и за ее рубежами, находил для проведения своей линии умных, деловых союзников, работающих на уровнях области, республики и всей страны.

Золотая Звезда Доменикана, вернее, труд, ею отмеченный, разительно отличается от наград, полученных некоторыми руководителями прежде. В этом проявилась растущая зрелость общественных критериев оценки, в частности методов партийного руководства людьми. Вспомним хотя бы рязанский способ перевыполнения планов по мясу и кубанский вариант форсирования производства риса, вспомним времена, когда та или иная «политическая» культура настолько вырывалась вперед, что возникала диспропорция, которая вскоре приводила к нарушению элементарной структуры производства, к подрыву экономики. Отсюда спад общего выхода продукции там, где шли на такого рода «великие скачки», рассчитывая получить Золотую Звезду. Само собой разумеется, что столь неестественный подход к развитию сельского производства требовал жестких административных мер, внеэкономического принуждения.

Николай Владимирович, строя стратегию и тактику, не уделял внимание какой-либо одной культуре, не стремился любыми способами приукрасить какой-то один, особо контролируемый в «верхах» показатель. Он просто делал все для того, чтобы сельскохозяйственное производство в районе развивалось пропорционально, чтобы процесс расширенного воспроизводства шел с постоянно увеличивающимся ускорением. А для этого нужен быстрый рост доходов, которому голое администрирование противопоказано. Так что разные цели порождают и разные способы их достижения.

В Барановичском районе возник механизм, позволивший сделать опыт передовых хозяйств всеобщим достоянием. Механизм этот создавался в сложных условиях. Большой труд пришлось вложить, чтобы преодолеть множество препятствий, прежде всего традиционный метод работы на селе. Понадобилось также обойти всяческие высокие инструкции и добиться разработки новых.

Может возникнуть вопрос, насколько правомерен и оправдан тот стиль работы, который сложился в Барановичском районе. Разве не стремимся мы к тому, чтобы партийный работник не

подменял хозяйственника? Читатель знает, какое участие принимал Николай Владимирович Доменикан в выборе технологии, разработке расчетных цен, в налаживании промыслов и во многом, многом другом, касающемся практики хозяйственного строительства в районе. Все дело в том, *как* всем этим заниматься. Я старался показать, что ко всем практическим делам Николай Владимирович подходит с политической, партийной позиции целостного развития социалистических производственных отношений на селе. Ни один ведомственный руководитель, пока он ведомственный, не может действовать с такой позиции, поскольку круг задач и полномочия у него другие. Доменикан не унижает специалистов и руководителей хозяйств вмешательством в технологию, не подменяет их. Он ведет свою линию в деле технического переустройства села — деле, в котором прекрасно разбирается.

Да не подумает читатель, что ему предлагается очередная сказка о кавалере Золотой Звезды — этаком обладающем железной волей и другими незаурядными качествами «сверххозяйственнике», который в одиночку резко ускоряет развитие теперь уже не какого-либо хозяйства, а целого района. Это не так. Доменикан делает все, чтобы выйти из изоляции, на которую обрекает себя новатор, не считающийся с экономическими интересами тех, кому предлагает свои новаторские идеи. Секретарь райкома стремится побудить каждого во всех коллективах работать так, как работают передовики. И добивается успеха, потому что новая технология, за которую он борется, не только более эффективна в производственном отношении, но и гораздо человечнее прежней, поскольку условия труда на колхозной традиционной ферме и на животноводческом комплексе даже сравнивать нельзя. А чтобы преимущества технологии не противоречили материальным интересам участников производства, Доменикан с помощью специалистов меняет систему планирования, систему цен, социальную политику, превращая таким образом противников нового подхода к делу, работающих непосредственно на земле и на фермах, в его горячих сторонников. Тем самым Доменикан обеспечивает себе союзников не только в аппарате райкома, райисполкома, в других районных организациях, а прежде всего на самом производстве — в колхозах и совхозах. Надо ли говорить, что это во много раз важнее, эффективнее и надежнее.

Механизм тиражирования передового опыта руководители Барановичского района сумели наладить не потому, что ломали хребты всем «догматикам», «ретроградам» и «консерваторам», а потому, что нашли способ так увязывать экономические интересы разных и многочисленных участников производства, что им стало невыгодно, просто невозможно топтаться на месте, не стремиться быстрее идти вперед. Доменикан не брал на себя роль героя-одиночки, вдохновителя и организатора всех трудовых побед на территории своего района, традиционную и замаячивую для карьериста. Просто он создал в районе такую нравственную атмосферу, такие условия хозяйствования, что каждый на своем месте стал работать лучше, чем прежде, а следовательно, и жить лучше, чем прежде. Однако, что ни говори, даже в таком «раскладе» есть некая идеализация партийного работника, в конечном счете унижающая его. Ведь выходит, вроде все замыкается на личности, а тиражирование передового опыта по-прежнему остается тайной, чем-то неповторимым.

Доменикан несколько раз пошел *против течения,* иными словами — против конкретных людей и инструкций, и вышел победителем. Каким же образом удается ему то, что не получается у других даже тогда, когда они горят желанием жить и работать по-новому?

Первый секретарь Брестского обкома партии Ефрем Евсеевич Соколов, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР (ныне первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии), о барановичском опыте развития села говорил мне с гордостью, поскольку считает, что будущее именно за такими вариантами аграрной политики. Я спросил: многие ли из шестнадцати районов области могут похвалиться такими же успехами? Оказывается, нет, немногие. Так что же, опять «маяки», хотя и большего масштаба, чем отдельное хозяйство?.

— А как механизм тиражирования передового опыта? — спрашиваю Ефрема Евсеевича.

— Налаживаем. Но тут нужны осторожность, постепенность.— И разъяснил, что подразумевается под этим.

Когда во второй половине 70-х годов область решилась на индустриализацию сельского хозяйства, немного нашлось охотников взяться за это новое, рискованное дело. Одни открыто заявляли, что не верят в него, другие заняли еще более опасную позицию. Мол, чего изволите: скажете сделать — сделаем, а там уж что получится. Расхлебывать сами будете. Во что бы то ни стало добиться успеха в этом деле пожелали сначала два района — Барановичский и Пинский. Потом, по мере освоения новой технологии, к ним стали подключаться и другие районы: в 1978 году — Брестский, в 1979-м — Кобринский, в 1980-м — Ивановский и Березовский, в 1981-м — Каменецкий. К началу 80-х годов лишь семь районов области из шестнадцати пошли по новому пути в развитии сельского хозяйства.

Теперь вернемся в Барановичи. Мы знаем, что, решившись на крупномасштабную концентрацию и специализацию производства в своем районе, Доменикан был обречен двигаться *против течения.* Однако он был не одинок. Более того, избранные им стратегия и тактика экономического маневра органически включились в стратегию и тактику аграрной политики всей области. Областные организации стали его надежными союзниками. И это сразу же сказалось и в моральном, и в организационном, и в материальном отношении, то есть при распределении различных фондов.

Областной курс на индустриализацию сельского производства предусматривал глубокое эшелонирование, то есть был рассчитан не на всех сразу, а сначала на тех, кто созрел для этого, так сказать, в идейном и кадровом смысле. Мудрая сдержанность помогла области избежать распыления средств, они не были брошены туда, где это оказалось бы преждевременным и напрасным. Именно поэтому Доменикан смог так вести политику капитальных вложений, что производственное строительство в районе гармонично сочеталось с культурно-бытовым. Там, где остро не хватает материальных и финансовых средств, нарушается обычно пропорциональность, комплексность развития и, следовательно, серьезно замедляются темпы роста. Этой опасности в Барановичском районе избежали благодаря особенностям аграрной политики, выработанной на более высоком, чем район, уровне. Значит, и здесь движение Доменикана *против течения* было надежно обеспечено областными организациями.

Успех продвижения вперед зависит не только от руководителей того или иного участка, но и от

слаженности их действий. Брестский обком партии неплохо овладел мастерством продвижения вперед все большим числом экономических групп. Об этом свидетельствуют прежде всего результаты, которых достигла область. Урожайность зерновых в годы одиннадцатой пятилетки составила 23,2 центнера с гектара, картофеля — 165. Производство сельскохозяйственной продукции в одиннадцатой пятилетке по сравнению с девятой увеличилось на 38 процентов.

Николай Владимирович Доменикан был отмечен Золотой Звездой за редкостное умение формировать и проводить политику производственных отношений на районном уровне. Ефрем Евсеевич Соколов удостоен Золотой Звезды за умение формировать и проводить такую политику на уровне области. Остается добавить, что и тут успех пришел не к герою-одиночке, изолированно боровшемуся со вся и всеми, а к человеку, умеющему находить союзников среди людей, непосредственно участвующих в проведении созидательной политики на разных уровнях, в том числе и республиканском. Благодаря таким, как Доменикан и Соколов, благодаря распространению опыта их работы в республиканском масштабе колхозы и совхозы набирают ускоренные темпы развития.

И еще одно важное обстоятельство. В Барановичи я приехал рано утром в субботу. Николай Владимирович Доменикан был уже в райкоме. Не умолкал телефон — звонили по самым различным, чаще всего аварийным поводам. Думаю, если бы не застали его в райкоме, разыскали бы и дома. Работа по выходным дням для него нечто само собой разумеющееся. Разрешив спокойно все вопросы, Николай Владимирович сказал секретарше, куда собирается ехать, чтобы в случае необходимости его могли вызвать по рации. Мы сели в машину и два солнечных весенних дня — субботу и воскресенье — колесили по полям и фермам. Уже возвращаясь, остановились на лесной поляне, чтобы перекусить, а потом, продолжая деловой разговор, углубились в рощицу. Николай Владимирович наклонился и стал собирать фиалки. Увидев мое недоумение, сказал: «Сегодня у внучки день рождения, хоть фиалки ей привезу».

И я подумал: что же это за жизнь такая! Человек не принадлежит себе ни в выходные, ни в праздничные дни, ни до, ни после рабочего времени. Какое нужно подвижничество, самопожертвование, чтобы жить так, как живет Доменикан. Нельзя не любоваться, нельзя не гордиться такими, как он. Но нельзя и не тревожиться: мирное дело в мирных условиях требует от человека и жертв, и неимоверного напряжения. Надолго ли хватит здоровья? И хватит ли вообще людей, готовых закрывать собой амбразуры в хозяйственном комплексе? Почему возникает чрезвычайная ситуация, требующая от человека каждодневного героизма? Мне кажется, потому, что Доменикан, стремясь добиться хозяйственного успеха, пока слишком часто *вынужден идти против течения*. Разве это нормально? Конечно нет! Поэтому сейчас и прилагаются большие усилия, чтобы направить хозяйственные процессы не против таких работников, как наш герой, а в русло его движения. Это и должно привести к ускорению нашего экономического роста.

М. Вагин

Председатель колхоза имени В. И. Ленина Горьковской области, Герой Социалистического Труда

...И не сметь командовать! [1]

Последний день работы очередной сессии Верховного Совета РСФСР. Председательствующий сообщил, что все, кто хотел выступить, выступили, и предложил прекратить прения. И вдруг в зале поднялся человек: «Прошу слова!» Депутат решительно пошел к трибуне. В зале понятное оживление: такого еще не бывало. Председательствующий Н. М. Грибачев пытался остановить шествие незапланированного оратора: «Мы подвели черту, товарищ...» Но человек уже с трибуны обратился к залу: «Даете ли вы мне слово?» Зал слово дал. Человек заговорил о наболевшем, о наказе своих избирателей, о том, что нельзя так заорганизовывать работу сессии и нельзя принимать решение в таком виде, как это изложено в проекте. Свои поправки двадцать шестой внеплановый оратор сформулировал ясно и непреклонно. Говорил он недолго, без бумажки, а стало быть, и без предварительного одобрения, но регламента практически не нарушил. И все-таки за эти считанные минуты депутата трижды прерывал председательствующий:

— Товарищ Вагин!..

— Товарищ Вагин, обсуждение закончено!..

— Товарищ Вагин!..

— Я просил слова — ие дали... А от зала, когда сам взял слово, от моих коллег-депутатов была бурная поддержка, шквал аплодисмеитов. Возмущеииый звоиок председателя трезвоиил так, что в ушах больио! Только мой характер, фроитовая выдержка помогли говорить по существу проблем. Мие было ие до окриков. Да и время иа дворе другое, а Грибачев, по всему видать, ие сориеитировался. Привычка — вторая иатура.

— Урок демократии...

— Демократию я поиимаю как широкую возможиость проявить себя с четких граждаиских позиций. А тех, кто вольио или иевольио притормаживает перестройку, отступлеиие от старого стереотипа мышлеиия, от устоявшейся регламеитации мыслей и чувств пугает. Как бы обезоруживает, лишает былой власти. Не хватает культуры миогим руководителям. Да вот в четвертом иомере «Нового мира» академик Моисеев отличио иаписал: «Одиа из иаших больших бед — иизкая общая культура руководящего звеиа. Чего греха таить, миогим иедостает и профессиоиализма, коикретиых зиаиий и иавыков, присущих мастеру своего дела... Нам иужиы люди, способиые видеть себя со стороиы, свое место в иашем быстро меияющемся мире... И далеко ие все представители управлеической элиты этим обладают». Отличио сказаио, подпишусь под каждым словом! Некомпетеитиость, спесь и социальиая слепота — беда прямо. А ты их слушайся...

— «Кто-то, сильный и властный, опасается нашей самостоятельности, поскольку тогда мы сами становимся сильными и властными

[1] Огонек. 1988. № 24. Беседу вел Н. Быков. Печатается с сокращениями.

в пределах своей хозяйственной территории. Необходимо ли это обществу, государству? Да, позарез необходимо. Следовательно, не общество и не государство ведут с нами борьбу за власть. Тогда кто же? Посмотрите, где вязнут, обесцениваются решения, принятые на съезде партии и последующих пленумах ЦК, там и обнаружится ответ — кто же?»

Это ваши слова, из апрельского номера «Нового мира», из статьи Николая Шмелева.

— Не отрекаюсь, как говорится, ни от единой буквы. Действительно, испытывал недоумение накануне нашего съезда колхозников. Казалось, все так ждут перемен, перестройки... Но чувствую, что не все ждут. А время уходит, сами считайте: весна восемьдесят пятого, еще весна, еще, и вот уже на дворе четвертая весна, а нас, селян, пока кормят обещаниями: мол, будет вам и белка, будет и свисток... Реальность такова, что антиперестройщикам трудно выбраться из тупика старого мышления, а районщики, наследующие модель управления сельским хозяйством, отлаженную в давно прошедшем времени, не сдают своих позиций. И я их понимаю: если они выпустят бразды мелочной, а иногда и принципиальной опеки над колхозами и совхозами, то окажутся не у дел, точнее, не у стола с обедом и телефоном. Наша самостоятельность обезоружит любителей водить рукой: туда, мол, гони трактор, сюда загоняй комбайн, там возводи, сям урежь заработанное пахарем... Ситуация известная, много раз описанная.

— Михаил Григорьевич, долг платежом красен! Укажите, какое место в статье Николая Шмелева вы бы сами при случае процитировали?

— Есть такое место, и не одно... Тревожная статья, хотя тревоги, конечно, не новые. Да вот, пожалуй, главное в этих тревогах. Цитирую: «Райкомы, райисполкомы, РАПО заняты сегодня преимущественно не своим делом. На практике все это инструменты принудительного труда, средство, позволяющее административным путем хоть как-то компенсировать отсутствие в деревне нормальных, здоровых экономических отношений, не подавляющих, а стимулирующих человеческий фактор, человеческую активность. По логике вещей, по логике «хозрасчетного социализма» райкомы должны быть лишены хозяйственных функций (и как можно скорее), райисполкомы возвращены к тем функциям, которые присущи всяким нормальным органам местного самоуправления, а РАПО должны быть превращены в разнообразные и полностью хозрасчетные производственные, закупочные и снабженческие объединения...»

Как-то я выступил на эту тему со страниц «Правды». Наболело. Как говорится, не мог молчать... Интересно, как эта моя статья появилась. В ЦК КПСС состоялось совещание, среди приглашенных был и я, более того, я подготовился выступить. Но время шло. Говорили в охотку, и по всему было видно, что мне не повезло — совещание затянулось. Однако слово дали. Но человек из аппарата попросил сказать по-быстрому и закругляться, он даже часть моего текста перекрестил карандашом, ну и главное-то пошло на выброс. Подошел я к трибуне и предупредил, что задержу внимание присутствующих, но выскажусь до конца. Михаил Сергеевич Горбачев не возразил, и я все, что наметил, сказал. Главный мой тезис как раз и был ленинский: не командовать! Не мешайте, попросил, коли колхозники сами доверили нам! И еще замолвил слово за тех, кого замучили подозрениями, ревизиями, кого следственные органы, как того «тринадцатого председателя» в Театре имени

Вахтангова, обвиняют и посегодня в иарушении — вольном или невольиом — сотен, а то и тысяч инструкций. Так н сказал: прекратите преследованне честных председателей колхозов! Выпустите тех, кто за решеткой не потому, что воровал, а только потому, что ие ждал и не ждет разрешения иа любое проявление инициативы и социалистической предприимчивости! Все поддержали. И Михаил Сергеевич. Мое выступление, хоть и не полностью, появилось в «Правде». А недавно, в деиь моего 65-летия, я получил около шестисот поздравлений, так вот среди них очень много — от людей мне незнакомых, от коллег, отпущенных на свободу! И от лиц, чьи уголовные дела следственные органы закрыли, ибо очевидио же бескорыстие тех, кто строит, покупает, продает вопреки устаревшим инструкциям. И вопреки иадзору со стороны органов Минфина, которым совершенно плевать иа процесс перестройки в хозяйственной деятельности колхозов.

— По существу, безраздельиа власть районщиков и их областиых повелителей, которую оии с первых дией сплошиой коллективизации обрели иад жизиью деревии во всех ее проявлениях. Как им противостоять? Что противопоставить?

— Противопоставить одно — закон о колхозах. Пусть это будет Закон о кооперации в СССР (беседа состоялась до принятия этого закона.—*Н. Б.)*. Колхозник должен стать крестьянином. А противостоять укоренившемуся насилию со стороны районщнков могут только раскрепощеииые селяне, кто ие потерял совесть, кто опирается на людей, едииомышленников, то есть на стойко демократические отношения — и производственные, н личные. Кооперацня не наше открытне. Только что Василий Белов напомннл, что до 1917 года в России было ие менее 64 тысяч кооперативов, а в них 24 миллиоиа пайщиков! Народ имел в кооперативах свой интерес. После нэпа тем более — кооперация расцветала...

Я лично в своей деятельностн всегда придерживался золотого правила: взялся за гуж, ие говори, что ие дюж. Служеиие народу требует осозиання и личного мужества. Инфаркты мои грянули раиьше, чем такая правительственная награда, как званне Героя Социалистического Труда. Так вот, необходимо стоять крепко за интересы народа, односельчаи. Нужио нередко идти на самопожертвование.

Тем, кто отважился иа велнкое противостоянне командно-административной системе, надо знать н не забывать, что главная идей июньского (1987 г.) Плеиума ЦК КПСС — считать утратившими силу все ведомственные инструкции, противоречащие Закону о государствеином предприятии.

Противостояние, самостоятельность — все это конечно же нелегко. Нелегко, потому что чииовный мир слушает да ест и продолжает диктовать. Плаи теперь преподиосится как госзаказ — столь же обязательный, как и раиьше. Не исключено, что осеиью, как черт из табакеркн, возникнет допзадание и т. д. и т. п. Да, жизнь нашей деревни до сих пор парализуют и спущенные сверху, из агропрома, указки, и ведомственные инструкции, и твердолобость райбаика, считающего иаши деньги иеприкосновеиными... Не можем вырваться мы из капкаиа фондируемого снабжения, лимитов...

О сопротивлении тенденциям хозяйственного оживлеиия свидетельствует и тот факт, что колхозникам и съезду колхозников был предложен, по существу, иегодный устав колхоза. Он получился безразмерным, многостатейным и ориентированным на колхоз как на госпредприятие. Он и написан-то

неважно, таким языком, что жителю села трудно его признать своим, уставом своей жизни.

Съезд проекта в такой редакции не принял. Об этом прямо не говорилось, но атмосфера съезда была настолько демократичной, откровенной, что стало ясно — устав передать на доработку. Думаю, что не следовало устав утверждать до принятия Закона о кооперации в СССР. И еще. Есть Закон о кооперации в СССР с признанием юридических прав колхоза как кооперации, поэтому устав достаточно обнародовать в таком общем виде, с таким минимумом приемлемых положений, чтобы он мог послужить основой для устава каждого конкретного колхоза. Не следует и пытаться все оговорить! Тем более все регламентировать, заорганизовать. Сейчас это свод все тех же догм, которые спеленали живого крестьянина. А бюрократу малина — в уставе все оговорено, на все есть рамки!.. Устав у каждого колхоза может конечно же быть свой, персональный. Основу же должен изложить мастер своего дела, уважаемый публицист. У нас такие есть, имена их общеизвестны. Весомое слово тут особенно важно — устав, его статьи должны звучать как заповеди. А то ведь мы обсуждали инструкцию, свод мертворожденных параграфов, к тому же юридически не гарантированных...

Не скажу, что съезд меня лично разочаровал, но до сих пор какой-то осадок мешает, вроде испытываю чувство неудовлетворения. Всего два месяца были даны для обсуждения проекта Примерного устава — мало. А как составлялся этот закон, кто его авторы?

— Да вы же, Михаил Григорьевич, и автор!

— Да, я был руководителем секции устава колхоза и колхозной демократии в нашем Союзном совете колхозов, но это ничего еще не значит. Вы и сами знаете, что совет наш не имеет юридических прав. Были с нашей стороны предложения, но авторы устава колхозной жизни — юристы агропрома, финансисты и плановики, то есть те люди, которые блюдут якобы честь государственного мундира.

Обо всем этом говорил почти каждый, кто поднимался на трибуну съезда колхозников. Однако воз и ныне там.

Сама жизнь отторгает пересадки со стороны — все, что привнесено в колхоз из иной формы собственности.

У нас что главное? Самоуправление и самофинансирование. Эти принципы провозглашены без малого лет 70 назад... То, что для государственных предприятий ново, для нас само собою разумеется. Основа основ. Так что идея хороша, да не дали ее, эту идею, воплотить в жизнь.

— Но колхоз имени Ленина преуспевает?

— Не благодаря, а вопреки!.. Мы жили и пока еще живем в условиях, когда колхоз — этот кооператив на земле — не является хозяином ни земли, ни своих же планов, а значит, и не хозяин полученной продукции, тем более своей судьбы. Когда районному руководителю в ответ на его приказание делать то-то и то-то говоришь, что мне, мол, нужно посоветоваться с колхозниками или хотя бы с членами правления, он привычно обрубает: «Ты председатель или кто? Тебя для чего там поставили?» Была она и раньше, так называемая колхозная демократия, да только на бумаге, в том числе в старых уставах. Государство должно немедленно оградить колхозы и все кооперативные по духу и букве новообразования на селе от любителей командовать.

Село ожидает права на жизнь. Нашу лошадку надо избавить от

узды, вынуть удила. Кстати, и лошадь надо деревне отдать. Даже в личное хозяйство — только она одолеет бездорожье, поуменьшит расходы на горючее, накормит людей, поможет болящим добраться до районной больницы, обеспечит каждый двор весенней вспашкой огорода и дровами на зиму. Лошадь не частность. Одно из решений проблем повседневной жизни села. И еще. Без лошади в семье, колхозе народившееся поколение как бы потеряло чувство родства с миром животных, утратило чувство сострадания к живому, многие прямо озверели, обретя способность загнать до смерти украденное животное.

— Если речь зашла о своей лошади, то недалеко до мысли о своей земле?

— Земля принадлежит государству, это общеизвестно; и это единственно возможный выход в наших стараниях построить социализм, социально справедливое общество трудящихся. Ленинская идея кооперации дала простор для подлинно хозяйского освоения гигантских земельных угодий нашей страны. Земле противопоказана обезличка. Земле мы ищем и сегодня хозяина. Колхоз не хозяин, совхоз тем более. Кооператив земледельцев? Да, но при условии договорных отношений. У нас в колхозе цеховая организация труда, в цехе растениеводства работают коллективы на общем подряде. Такую хозяйственную самостоятельность мы поощряем не первый год. И дело сдвинулось — зерна, кормов поля стали давать больше, значительно больше, чем тогда, когда беспрекословно слушались уполномоченных со стороны. Бригадный подряд, семейный подряд — шаг за шагом селяне делают в направлении, самом для себя желательном. И подальше от тех, кто забыл ленинское «и не сметь командовать».

Аренда — ах какая емкая, многообещающая форма организации труда, вернее, отношений на селе! Договорные отношения, аренда на пользование землей, или фермой, или пастбищем! Простор, широкий простор для людей работящих, смекалистых, оборотистых.

Иногда приходится слышать, что деревня убыточна, нежизнеспособна, бесперспективна. Разные деревни... Историю не перепишешь. И теперь только работа ради жизни на земле, в деревне может вернуть миллионам селян способность накормить себя, своих родных, всех горожан. Сытая, самостоятельная деревня вновь обретет способность творить. И жизнь в семье, становление и упрочение семьи — обязательно творчество.

Сильная, как бы растительная способность деревенского общества к саморазвитию — залог возрождения нашего сельского хозяйства. Вот вам четвертая «с»! А есть еще «с» — самобытность. Наши деревни в колхозе ярко самобытны. И мы самобытность оберегаем как закваску жизни. Дайте срок — и деревня, село заживут прекрасной жизнью. Такой оборот истории совпадает с волей партии, принявшей курс апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда КПСС.

— Сберегла ли деревня людей, способных жить и трудиться в охотку?

— В этом вопросе есть определенная тревога за качество нынешних селян. Все лучшее годами откочевывало в город... Конечно, много хотя и живых, но по сути мертвых душ и у нас там, где будто Мамай прошел. Особенно в деревнях, записанных в неперспективные. Есть еще много убыточных хозяйств, которые проедают себя. Велик и общий наш селянский долг государству. Есть колхозы и совхозы, утратившие жизнеспособность, ибо давно обезлю-

дели, закредитовались. Какой же, спрашиваете, выход? Есть ли еще люди, на которых можно опереться, которым можно доверить великий процесс возрождения жизни на земле?

Безусловно, такие люди есть в каждом хозяйстве. Не оскудело людьми и русское Нечерноземье. Думаю, велик потенциал и узбекского, и молдавского села. Живой думает о живом!

Важно, что мы заставили себя уважать. Без жизнеспособного крестьянства государство не может надеяться ни на какое чудо. Никакие закупки на стороне не смогут уберечь такое государство от политического банкротства, от потери позиции на мировой арене. Поэтому главное в политике — внимание к судьбам крестьянства, его благосостоянию.

А люди есть. Опора — живые души!

Расскажу о наших мужиках и бабах — именно так назвал свою дерзкую книгу Борис Можаев. У нас причудливо сочетаются интересы тех, кто обиходит землю, скот и продолжает великое национальное дело хохломской росписи. Этим-то наше коллективное хозяйство уникально. Триединое творчество: художники в поле, на племенных фермах и в цехах подсобного хозяйства. Сохранить для себя каждого способного человека — чего это стоило, страшно вспомнить... Но я в юности прошел войну от и до, гвардеец-кантемировец, а это немало; так что, соглашаясь на должность председателя колхоза, знал, на что иду...

— Что значит быть в наше время председателем колхоза? Что это — должность, призвание, судьба?

— Вопрос не по адресу. Об этом лучше всех расскажут жены председателей. Спросите мою Евфалию Петровну... Было всякое, было и страшное. Нередко грозили исключением из партии. Попадал как в мертвую зону: ни привета, ни звонка, ни вашего брата интервьюера. С год только как отступился областной ОБХСС... Метод нервотрепки, дамоклов меч... Жену спросите, во что обходится такое внимание к нарушителям спокойствия. Но под лежачий камень вода не течет! Жизнь — река. А потери человеческие, конечно, велики; до сих пор сердце кровью обливается, как вспомню дело и судьбу Худенко, он предтеча перестройки.

У нас 20 деревень. В одних жизнь бурлит, в некоторых едва теплится. Но те и другие — живые! Нельзя им умирать. Принять процесс отмирания обезлюдевших деревень нет сил, но ситуацию понять можно. Неизбывна привязанность человека к родительской деревне, к с детства родным полям и тропинкам, к старым могилам... А какие у нас заповедные места! Воздушные — так пел Высоцкий. Не знаю, есть ли еще где такое приволье. Наш край и называл привольным писатель и земляк П. И. Мельников-Печерский. А местный народ он называл «досужим, бойким, смышленым и ловким». Но не земля в те давние годы кормила мужика-заволжанина. Кормил лес, кормил промысел. Крестьяне делали сами телеги, всякую деревянную утварь, занимались бортничеством. А теперь наши заузольские поля — керженские — дают стабильно более 30 центнеров зерна с гектара. Неродимая земля родит! И родит неплохо. Второй кит нашей экономики — промыслы, а третий — животноводство на современном уровне, то есть на базе серьезной селекционной работы...

Великое дело — родство с землей прародителей, в нем сила корней, уходящих в глубины прошлого, напоминание отеческих могил. Без чувства связи времен нельзя: мы не какие-нибудь Иваны, не помнящие родства, как говорится,

ничто из ничего не бывает. Есть в начале нашего сельскохозяйственного года весенники, день поминовения — красная горка, когда люди обращаются всей своей памятью в прошлое, самое трогательное, душевное с детства. Хорошо, если эта память благодарная! Хорошо, если человек с чистой совестью готов к самоотчету перед минувшими поколениями, хотя бы перед родителями, у кого их уже нет... Главное, чтобы стыдно не было ни перед нашим многострадальным крестьянством, ни перед отцом Григорием Васильевичем, ни перед памятью того же Худенко... Красная горка — день отсчета новой животворной весны, день нравственного очищения и как бы безмолвного обещания и впредь оставаться жизнестойким, трудолюбивым человеком с чистыми помыслами. Далеко назад и вперед видно от красной горки... Наследник — это ко многому обязывает. Нашей истории не четыре года и не 30 лет, и не 70 даже. Мы наследуем огромную культуру. Я бы сказал определеннее — деревенскую культуру! В этом важно самоутвердиться нынешним молодым!

И здесь нужны традиции, как почва для развития демократических отношений между поколениями, между социальными группами, например, в селе. Без того, чтобы не посоветоваться с людьми, у нас не бывает. Так поступал когда-то, в очень нелегкие времена, первый председатель Трофим Васильевич Красиков, так поступаю я. И наше правление. Партийная организация, женсовет, товарищеский суд, комсомольцы, учителя — все охвачены одной заботой: как улучшить жизнь в деревнях колхоза.

И тут яркая личность выдвигается из массы, проявляет себя. Обязательно! А цель наша в том, чтобы дать каждому человеку проявить себя с лучшей стороны, дабы не упустил своего шанса. Аренда, семейный подряд, кооперативные начала в жизни — все это способствует выявлению и закреплению талантов.

А талант под спудом — это катастрофа. Талант питает неудовлетворенность, чувство нового, живого — соль любого народа. За это, как напомнил тот же академик Моисеев, интеллигенцию всегда не жаловали власть имущие. Талант независим, дерзок, он враг шаблона. Такими держится авторитет и академии, и каждой деревни. А рамки, жесткие каноны, работа ради рапорта безнравственны, замуровывают таланты, способности, инициативу. И это мысль академика, но и моя! Велик нравственный и жизненный потенциал народа, его-то и хочет высвободить из бюрократической ловушки Михаил Сергеевич, все, кто воспринял перестройку как революционный процесс.

— Чувствуется, немало дают колхозу люди. И прежде всего прибыль. А колхоз им что дает?

— Колхоз имени Ленина — их дом родной. Он в лице членов правления и в моем, конечно, лице дает все виды забот и услуг. Я уже говорил, что мы строим, не жалея денег. У нас свои добрые дороги ко всем еще живым деревням, фермам, токам, складам. Построили два моста через Узолу — сами! Есть дома многоэтажные и особняки крестьянского типа. Теперь будем налегать исключительно на строительство индивидуального жилья. Главное — обеспечить настоящую красоту деревни, сохранить неповторимый облик каждой. Вот куда идут деньги — по два и более миллионов рублей ежегодно! Кроме того, у нас достаточно большие приусадебные участки — до сорока соток; личному скоту выделяем более 250 гектаров сенокосов и более 380 гектаров выпасов. Ежегодно распродаем колхозникам более 3 ты-

сяч поросят. Обязательно помогаем обзавестись коровой, теленком; единовременная ссуда не менее тысячи рублей. Корма для личного скота обычно — камень преткновения. Мы этот камень давно с дороги отбросили. Семьям, имеющим свою скотину, колхоз продает ежегодно и концентраты.

— **Никаких проблем?**

— Чем дальше уходим от былого небытия, тем больше проблем. Но они качественно иные. Например, у нас нужда в деятелях хоровой и театральной культуры, физической культуры и спорта, искусства. Среди тысячи просьб принять в колхоз нет пока ни одного заявления от хормейстера, хореографа, дирижера или от тренеров по любому виду спорта... Ждем!

И еще. Прижилось иждивенчество. Молодежь повторяет: «Дай, дай». Но дать — значит, он, молодой человек, никогда данного ему не оценит. Надо заработать! Иному 22 года, а он неумейка. Ни жениться, ни построиться, ни себя найти не умеет. Упущенное поколение — вот проблема.

— **Ваше кредо?**

— Не упустить Жар-птицу! Нельзя упустить данную нам возможность жить инициативно, творчески.

Партия и государство наконец-то повернулись лицом к деревне. Теперь мы чего ждем? ДОВЕРИЯ. И материально-технического снабжения на современном уровне. Моя мечта — работать спокойно. Вы понимаете? Без оглядки на тех, кто мешает жить, трезвонит над ухом, лишает дара речи и творчества. ...Пусть царит в колхозах труд по любви, труд как потребность творчески одаренного человека! Пусть каждый проявит себя — без нервов, накачек, подхлестывания. Жизнь на равных с личностью! Уважать «я» каждого. И тогда наше общее дело пойдет как бы само собой, естественно. Ибо оно будет отвечать интересам народа, запросам людей.

В. Стародубцев

Председатель Новомосковского агропромышленного объединения, член-корреспондент ВАСХНИЛ

Накормит ли деревня страну?[1]

— Новые формы организации, оплаты многое меняют. Наше Российское Нечерноземье возьмем. Немало знаю районов, где развалилась деревня, а сейчас оживает, приводит в порядок землю. И все же полностью пробудить у всех интерес к работе пока не удалось.

Слишком долго и основательно его рушили. Если колхозное, совхозное поле не кормило, не одевало, какой был интерес на нем работать? Общественное хозяйство — и земля, и техника, и продукт — становилось чуждым. Можете возразить: далекое прошлое, мол, сколько воды утекло. Но там, в этом прошлом, корни отчуждения человека от средств производства, о котором говорилось на недавнем пленуме ЦК. Там терялись у крестьянина остатки веры, надламывался он, впадал в апа-

[1] Правда. 1988. 6 авг. Беседу вел О. Степаненко. Печатается с сокращениями.

тию, еще хуже — в пьянку. Либо замыкался на личном подворье. Нет, прошлое без следа не ушло. Проросло оно и в наш день.

Иждивенчество, например. О явлении этом опять-таки было сказано на пленуме. Разве редкость хозяйства, а то и целые районы, где больше проедают, чем производят? На какой почве оно, иждивенчество, зарождалось и крепло? Я-то уж насмотрелся. Бывало, приезжаешь в развaленный колхоз, совхоз — и диву даешься. Люди зажиточнее, чем во многих передовых. Почему? Кредиты, надбавки, дотации — все, что получили от государства, щедро отваливают на оплату. Неважно, есть продукция, нет ее. За выходо-дни. За присутствие. На работе появлялись для того, чтобы отдохнуть и что-нибудь утащить. Поскольку основу семейного дохода там составляло не общественное, а непомерно раздутое личное хозяйство. Содержалось же оно на общественном коште. В чем заинтересованы были те работники? В развале колхоза, совхоза. Тогда больше перепадало им. И через дотации, что получали хозяйства. И через свое подворье: урожай, мясо, молоко могли дороже продать.

— Выходит, вы против помощи деревне?

— Наоборот. Слишком уж сельское хозяйство подорвано. И прежней открытой обираловкой. И новыми, воскресшими ее формами. Более хитрыми. Когда одной рукой, чтоб поддержать деревню, повышали закупочные цены на ее продукты, а другой еще больше — на технику, материалы, горючее, услуги. Такими ножницами десятки лет «резали» село, загоняли в долги. Помощь нужна бесспорно. И цены чтоб справедливее, и задолженность, где в интересах дела это, списать, и дотацией подсобить. Только не тому, кто свернул на путь иждивенчества, проедания. Это — опасная болезнь. Чем раньше избавимся от нее, тем скорее станут полными прилавки и холодильники.

— Какие же методы «лечения», считаете вы, следует применять?

— Тут хороши все лекарства. Экономика, не надо тешить себя иллюзиями, в основе своей жестока. И должна быть такой по отношению к тем, кто стал у общества захребетником. Нужно, как и отмечалось на пленуме, смелее идти на ликвидацию неэффективных хозяйств, передавать их землю, другие средства производства тем, кто способен обеспечить высокую отдачу. Крепким колхозам, совхозам, к примеру, промышленным предприятиям. Не обойтись, конечно, без хорошо продуманной системы экономических мер. И бесспорно, во многих хозяйствах без нэпа — наведения элементарного порядка. Надо жестко провести принцип «кто хорошо работает, тот хорошо живет». Как ни горько признать, такие экономические меры и сейчас на местах толком не применяют. Те же надбавки, дотации, присмотришься, раздают порой по старому принципу: успешнее завалил дело — больше начислим. У нас в районе что получилось? Несколько хозяйств, развращенные, иного слова и не найду, такой щедростью, совсем поползли вниз. Заработная плата больше, чем валовой доход! Разобрались мы — и поставили иждивенчеству заслон.

— Какой?

— Чисто экономический. В тех самых неблагополучных хозяйствах долю заработной платы ограничили 70 процентами валового дохода. Хочешь хорошо получить — увеличивай производство продукции, снижай затраты. Нашли, между прочим, управу и на партнеров.

Колхозы и совхозы создали вместо РАПО агропромышленное объединение на демократической кооперативной основе. А партне-

ров... ликвидировали. Лишили хозяйственной самостоятельности, отдали под начало деревни. О кооперативах, которые созданы колхозами и совхозами, «Правда» уже писала. Один шаг — а все сразу стало с головы на ноги.

Раньше как было? Вокруг каждой тонны молока, мяса — споры, обиды. Кто обхитрит, хозяйство ли, комбинат, тот и урвет больше прибыли. Теперь иначе. И животноводы и переработчики в одном мясо-молочном кооперативе. Карман один, интерес один, обсчитывать — себе в убыток. На фермах знают: высокое качество гарантировано большей прибылью. И за сданное молоко, и за дополнительный доход в сфере его переработки. Такая вот тесная взаимная зависимость. И — совпадение интересов. Уже сейчас «приварок», полученный хозяйствами после переработки мяса и молока, не мал: за прошлый год 1,3 миллиона рублей.

— Словом, во всем надо идти от интереса?

— Да. От интереса. От экономики. Мы свои подразделения перевели на полный хозрасчет, тесно увязали его с конечным результатом — производством, качеством, себестоимостью продукции. У нас полная самоокупаемость, самофинансирование. Применяем бригадный подряд, другие оправдавшие в наших условиях формы организации, оплаты. Жизнь научила меня взвешенно подходить к любому явлению, особенно в экономике, и не выносить приговор, не изучив до винтика. В «трудных», развалленых хозяйствах, где нехватка людей, порушена дисциплина, нет крупного производства, особенно на хуторской основе, хорошим лекарством, как доказано практикой, стала аренда. Но как ввести ее у нас на животноводческом комплексе, к примеру? Оператор — на двести коров. Сколько арендаторов делать? Ведь всех коров в хозяйстве кормит специальная хозрасчетная бригада. Обслуживает техническое звено. Высокая производительность, устоявшиеся прочные связи, производственные, технологические. Неужто их рвать? Что лучше, выбирать должны сами хозяйства, коллективы.

— А управленческий аппарат?

— В первую голову, конечно. Какой вариант выбрать, чтобы было больше продукции,— его главная задача. Тут, скажу вам, дел непочатый край... Столько резервов, возможностей! И проблем, в которых надо определиться, занять более четкую, последовательную позицию.

— Например?

— Специализацию и концентрацию производства возьмем, важнейший для сельского хозяйства вопрос. Сколько поломано перьев! То лишь крупные комплексы, фермы, то лишь карликовые. Правильно считают многие практики, ученые: примитивные, кампанейские подходы мешают отобрать лучшее, сбивают с толку.

Не стану скрывать: мне не по душе волна, что подняли против комплексов и больших ферм. Свой же собственный забываем опыт. Того же птицепрома. Да и в свиноводстве — сдвинули же его, только повернув на промышленную основу. А в молочном животноводстве, присмотритесь, где самые высокие результаты? На современных, хорошо механизированных фермах и комплексах. Если они не по принципу «тяп-ляп», а грамотно созданы, увязаны с кормовой базой, обеспечены поголовьем... У нас на комплексе по 5742 килограмма молока надоили в прошлом году от коровы. На производство центнера его тратим один человеко-час, во много раз меньше, чем на мелких фермах.

Нужны, конечно, и мелкие. Но я убежден — лишь как подспорье.

Или размеры хозяйств. Опять, похоже, забыто, что именно крупные колхозы и совхозы явили миру образцы того, как вести дело. В совхозе «Назаровский» Красноярского края, хозяйство большое даже по сибирским меркам, производительность труда куда выше, чем у американских фермеров. Есть же понятие «оптимальный размер». Для каждой зоны он, естественно, свой. Мы, к слову, в объединении начали с оптимизации размера хозяйств. Чтобы двигаться вперед, надо освободиться от пут и гирь, которые держат за ноги. А такими гирями для колхоза «3-я пятилетка», допустим, был карликовый размер — 900 гектаров. По нашим подсчетам, нормально развиваться может хозяйство с четырьмя-пятью тысячами гектаров пашни. Мы объединили попарно несколько колхозов и совхозов. А госплемзавод «Большевик», где было 11 тысяч гектаров, разделили надвое.

Да разве только в производстве выбирать надо лучшие варианты? Сколько споров вокруг крестьянского жилья? То — многоэтажки, то — индивидуальные избы. Не стану затрагивать социальных аспектов, о них я уже не раз говорил в печати. На «голой» остановлюсь экономике. Трехкомнатная квартира с лоджией, паркетом, ванной — десять тысяч рублей, а отдельный домик такой же площади — впятеро дороже. И получается что? Деньги на домики истратил, а жилья впятеро меньше, чем мог бы за эти же средства построить. А ведь нехватка его лихорадит деревню. Так что же, спрашиваю, выгоднее — иметь благоустроенную квартиру через два-три года или приусадебный домик через пятнадцать лет? Да от многих деревень тогда и дыма не останется. Не говорю уж о том, сколько земли под избы теряем, как растягиваем коммуникации, энергии на содержание тратим втрое-вчетверо больше...

— Каким же видится управленческий аппарат? На уровне хозяйства, района возьмем. Тут ведь основание управленческой пирамиды.

— Говорят, каждый цыган свою лошадь хвалит. Вот и я — свой вариант. Новомосковского агропромышленного объединения. От агропромышленных комбинатов, агрофирм и особенно от РАПО отличается в принципе. В чем вижу его достоинства? В полной демократичности, самоуправлении. У нас выборность снизу доверху: правления АПО, кооперативов избираются на три года. В полной зависимости от итогов хозяйственной работы. В отсутствии лишних управленческих единиц и звеньев. К середине этого года мы сократили в аппарате 520, как я говорю, присутственных мест. Это — и на уровне района, и в хозяйствах.

— Вот выдержка из одного письма: «Зачем нам расплачиваться из своего кармана, кстати не очень богатого, за содержание лишних, никому не нужных «ртов»? Хотелось бы знать, идет ли Стародубцев дальше?

— Содержание «лишних ртов» — полбеды. Беда, что они запутывают, тормозят дела. Три управленца — десять, к примеру, взаимосвязей; девять управленцев — уже сотни... Так что главный выигрыш — не в экономии на «лишних ртах» (хоть и она приближается у нас в АПО к миллиону рублей), а на оздоровлении производства. У нас количество полученной продукции в расчете на управленца, в связи с тем что аппарат ужали по 4 на 40, а валовое производство подняли на 10 процентов, увеличилось в полтора раза.

Аппарат продолжаем сокращать. Ищем, что выгоднее для производства, совершенствуем модель своего объединения.

Агропромышленное объединение решили рассматривать как ассоци-

ацию колхозов и совхозов, коллективных производителей сырья по заготовке, хранению и переработке, розничной торговле и производственной инфраструктуре.

Не вдаваясь в подробности, отмечу, что в восьми хозяйствах начат новый эксперимент. Управленческий штат в каждом уменьшается с 65—70 до 25 человек. В других районах приходится на колхоз или совхоз 90—120 управленцев.

Как видите, ломка крутая. Но это — верный путь к удешевлению аппарата, мобильности управления. Значит, и к эффективному производству, к изобилию продукции.

— Сейчас нередко ругают агропром, его звенья. Дескать, ненужная структура. Зачем было создавать?

— В нынешнем виде агропромышленные органы неэффективны. Поэтому мы и отказались от РАПО. Но понять тех, кто говорит, напрасно упразднили министерства, организовали Госагропром СССР, не могу. Создание Госагропрома — объективная необходимость. Так же, как и РАПО. Другое дело, в какой конкретно форме. Тут еще искать да искать. Что, кстати, мы и делаем.

Тем же, кто выступает против самой идеи единого аппарата агропрома, скажу: не будь его, не будь тех самых РАПО, которые костерим на чем свет стоит, мы не могли бы создать и свое агропромышленное объединение. Не позволили бы ведомства. Тут за примерами далеко ходить не надо. Министерство мелиорации с его Главнечерноземводстроем против нашего объединения, за свое ПМК, дрались до последнего. Не хотели передавать. И только сейчас, когда Главнечерноземводстрой вошел в агропромышленный комитет по Нечерноземью, нам отдали ресурсы этого ПМК. Единый хозяин продовольственного дела на любом уровне — от колхоза до Союза — необходим.

— И все же судьбу планов в конце концов решает не управленческий аппарат, а рядовые труженики.

— Да и чтобы справиться с тем, что наметили, мы должны полнее учитывать человеческий фактор. Не только хлеб насущный волнует сельского жителя. Выросли потребительские запросы. В материальной сфере особенно: машины, гарнитуры, телевизоры... Да и в духовной. Образование выше, жизнь улучшилась. Другое уже содержание, наполненность, если можно так выразиться, самого понятия «человеческий фактор». А мы этого, по-моему, полностью не учитываем. Вот мы всю жизнь говорим: доярка на ферме — свободный человек. А какой свободный, если ферма связала ее по рукам и ногам? Если приходится работать от темна до темна, пусть даже с перерывами. Да еще вручную на самых рутинных операциях. Или возьмем такой типичный, к сожалению, случай: не по душе человеку его работа, и сам страдает, и дело. Заменить, выбрать другую во многих, особенно малых, хозяйствах не может — специальностей там раз-два и обчелся.

У человека естественное желание — проявить свои способности. И если в труде ему предоставлена такая возможность, он, что называется, цветет. Если же нет — наступают апатия, безразличие. Мы же сконцентрировались на материальной, финансовой стороне, в лучшем случае еще и культурно-бытовую учитываем. А вот эта, глубинная, суть души, человеческого фактора, насколько знаю, упускается многими хозяйственниками, экономистами.

— А у вас, в колхозе имени Ленина?

— Тоже не полностью, но все-таки учитывается. О том, что в основном механизировано земледелие, животноводство, уже не говорю. У нас широкий выбор разнопла-

новых специальностей. Есть даже швейно-полеводческий цех, в нем четыреста женщин. Любую возьмем — и в сельском хозяйстве на все руки мастер, и в цехе — по нескольку смежных операций, разную выпускает продукцию: куртки, шубки, трикотажные изделия. Для самого человека — отдушина, уход от однообразия труда.

Хозяйств, где стараются обеспечить простор для проявления способностей человека, у нас тысячи. Могло быть во много раз больше. Если бы те, кто формировал хозяйственную политику, не превращал село в аграрный придаток города. Не скрою, меня тревожит, что опыт лучших кое-кто пытается отмести и даже опорочить. Мол, «кулачье» они, заграбастали ресурсы. Какое «кулачье»? По фондооснащенности мы уступаем аграрному сектору США, а если учесть хранение и переработку, которые там приближены к земле, то во много раз.

Истина всегда одна. Выпадом против передовиков наносится удар по всему нашему сельскому хозяйству. Скрываются коренные причины и виновники, его разваливавшие. Скрывается то, что порочной была сама социально-экономическая политика, ведущая к обкрадыванию деревни. И что нынешние передовики — это те, кто шел против нее не на словах, а на деле, зарабатывая инфаркты, старался укрепить деревню, ее экономику, показывал, что для этого надо делать. Даже когда экономика задыхалась в путах «диктата», они сумели показать возможности социалистических форм хозяйствования.

Пора наконец разобраться в собственном опыте. Не по себе становится, когда кое-кто начинает прославлять патриархальные формы труда. Нам нужен крестьянин, высокопроизводительно работающий не за счет продолжительности дня, перенапряжения, а за счет высокоиндустриальных методов производства. Иначе останутся ли там его дети? И не спохватимся ли мы через какое-то время, когда некому будет тянуть этот воз?

— Что вы считаете главным тормозом производства в аграрном секторе?

— Бюрократизм. Он ведь и самый крупный иждивенец. Ни одно государство, уверен, не выдержало бы такой рати «едоков», которые ничего не производят, кроме бумаг. В большинстве своем, как жизнь показала, ненужных, а то и вредных. Нельзя забывать, что у бюрократа сегодня — шлейф «поездной обслуги»: водители, машинистки, копировальщики... И главное — своя, особая психология. Бюрократу хочется, чтоб все «под гребенку», «чтоб все параллельно и все перпендикулярно». От него — шаблон и шараханье. Собственно, это одного поля ягода. А вот поле, на котором растет такая ядовитая ягода — бюрократизм. Доходило до того, что кукурузу двигали чуть ли не за Полярный круг. А когда стали выправлять перегиб, кое-где тот же бюрократический аппарат окрестил ее «политической проституткой» и потребовал сокращения даже в тех хозяйствах и зонах, где без нее не обойтись. От бюрократа и сегодня трещит крестьянский пуп. Никак не хочет, а скорее всего, не может учесть аппарат сложность и многообразие жизни. Особо опасными кажутся мне сейчас шаблон и шараханье в формах организации и оплаты труда. Тут ничего не надо навязывать, декретировать. А ведь уже началось, знаю, в некоторых районах и областях требуют — переходите на кооперативы, на аренду. Не вникая в суть, не учитывая конкретных условий...

Бюрократизм душит и науку. В годы застоя она обслуживала только «аппарат», совсем потеряла интерес к производству. Естественно, и у производственников интерес к ней упал до нуля. Взаимная, так

сказать, апатия. Итог? В чем только могли, отстали — в технологии, механизации, организации производства, экономических разработках.

Мы заменяем бюрократический аппарат самоуправлением трудовых коллективов. Сотни людей в правлениях АПО, кооперативов — на общественных началах. Вот он, путь, чтобы поднять труженика, сделать его настоящим хозяином.

— Кстати, читатели часто спрашивают: когда же все-таки деревня накормит страну?

— А город что — в стороне? От него решение продовольственной проблемы зависит не меньше, чем от деревни. Допустим, машиностроение. Сколько можно поставлять селу рухлядь? Нет приличных машин для сева, уборки. О заготовке кормов уже не говорю. Любая захудалая фирма за рубежом дает технику — не сравнишь с той, что выпускают наши могучие министерства. Особо к Минсельхозмашу претензии. Руководители его, по нашим, селянским, долголетним наблюдениям, лишь пускают пыль в глаза. Без добротной техники какое может быть производство?

Но дело не только в этом. Вопрос куда шире. Согласен с М. Вагиным, председателем горьковского колхоза имени Ленина: пока не будем рассматривать город и деревню как единое целое, ничего путного не получится. В «Правде» (4 июля) он высказал эту мысль. Все больше прихожу к выводу, что именно тут главный узел всех наших проблем. И основная наша недоработка. А точнее, ошибка. Иные ученые, экономисты, хозяйственные руководители отдельно рассматривают проблемы деревни, отдельно — города. Отсюда и результат. Больше 70 лет уж Советской власти, а присмотритесь: город и деревня не сблизились. К сожалению, различия между ними стали еще заметнее. И единства интересов нет. Видно это и по неэквивалентным, как модно говорить, экономическим отношениям. И по той же технике. И по многому другому... Более полувека село, выбиваясь из сил, строило город, поднимало промышленность, а само приходило в запустение. Убежден: хотя бы на пять—десять лет приостановить надо всякое строительство в городах, обратиться к народу, народ поймет, что в его интересах все силы, все средства бросить на возрождение деревни. И сообща, всем миром — и практикам и ученым — нужно искать формы кооперации города и деревни. Без помощи города, без единства с ним не выбраться селу из трясины своих проблем. Так же, как и городу без села — из своих.

И еще. Смелее надо устранять опухоли, деформации, что уродуют социализм. Я говорил об этом с трибуны партийной конференции. В производстве, экономике, нравственной сфере. Словом, во всей нашей жизни. Что тут важнее всего? Убежден — железный заслон нетрудовым доходам. За годы застоя изворотливые дельцы, коррумпированные чиновники награбили у государства, народа круглые суммы. И сегодня, считаю, не обойтись без денежной реформы, не навести порядка без деклараций. Честному человеку чего бояться? Заполнил: что за год заработал, что израсходовал, что имеет. Это надежное средство против людей бессовестных. А развелось их, к сожалению, немало. Тут что пугает. Если совесть потерял пахарь, беда, но трижды беда, если ее потеряли люди, которые руководят пахарем. Они хорошо усвоили Маркса, который говорил: совесть, честь не являются товарами, но могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Усвоили по-своему и продают их направо и налево.

Мы говорим: революция. Но в искоренении зла революция не может обойтись полумерами. Многие из тех, кто нанес урон народному хозяйству, стране, сейчас пристроились к перестройке, а кое-кто чуть ли не в авангарде ее идет. И ни один не подал в отставку.

Нельзя тешить себя иллюзией стабильности общества. Непоследовательность, несправедливость могут привести к социальным потрясениям. Без наведения полного порядка в нашем доме трудно будет решать любую проблему. В том числе и продовольственную.

Ал. Авдеенко

Новая сказка про белого бычка [1]

Что человек может? Если он не чурается любой, даже самой черной работы, если любит и знает дело, не забывает о выгоде общества и свою держит в уме? Об этом рассказал документальный фильм сценариста А. Стреляного и режиссера-оператора М. Голдовской «Архангельский мужик», выпущенный творческим объединением «Экран» в конце прошлого года.

Герой фильма Николай Сивков, работая на семейном подряде по договору с совхозом, выкормил 60 бычков, что выразилось более чем в 20 тоннах чистого привеса, а это по существующим нормам потребления обеспечит мясной стол более 350 человек.

Для сравнения приведу цифру, почерпнутую мною из только что открытого телевидением «Университета сельскохозяйственных знаний»: на сегодняшний день один работник агропромышленного комплекса кормит 9—10 человек.

Так кто же он, в таком сопоставлении, архангельский мужик? Судя по фильму, отнюдь не ангел, но вовсе не черт. Самостоятельный, резкий, за словом в карман не полезет и, наверное, с хитрецой. Заработанные деньги — и немалые — кладет на сберкнижку, близких дорогими подарками не балует, но вот вдруг целые тысячи собственных кровных рублей тратит на то, чтобы соорудить хранилище для совхозных кормов, на прочие хозяйственные нужды, не надеясь получить никакой компенсации от совхоза. Зачем же он тратит эти тысячи?

Ведь кто-кто, а сметливый мужик денег на ветер не пустит. Мы вглядываемся в него, в его быт, его тяжелый труд и вместе с ним понимаем с полнейшей отчетливостью, что ему выгодно потратить эти деньги, потому что он больше потеряет, если будет ждать помощи от тех, у кого фонды, лимиты и прочие застылые параграфы неспособного на подвижку заведенного порядка вещей. Да к тому же директор совхоза с экрана уныло подтверждает: да, действительно, где я возьму эти фонды?

У Николая Сивкова главное не параграфы, а результат. Конечный, как любим мы говорить в последнее время. То есть бычки, а точнее, килограммы их привеса. Надо полагать, он сосчитал, прежде чем тратить тысячи, что благодаря этим килограммам они вернутся к нему обратно. Так сказать, старая сказка про белого бычка на новый лад.

Недели за две-три до того, как фильм уже должен был появиться

[1] Правда. 1987. 15 февр.

иа экраие, сначала руководству творческого объедииеиия «Экраи», а затем и авторам фильма позвонил заведующий отделом пропаганды и агитации Архаигельского обкома КПСС Борис Николаевич Зорихин. Суть его телефониого звоика: иеплохо бы было перед тем, как обиародовать фильм, показать его в Архаигельске, потому что есть миеиие, что не все в герое так, как кажется авторам. Поскольку то, что казалось авторам, они уже запечатлели иа плеику, они сказали, что вряд ли можио перииачить изображеиие и то, что говорит о себе, своей работе и миогих-миогих нерешенных проблемах выбраииый ими герой.

Этот звонок, как выяснилось, был контрольиым. Следующий последовал после того, как телевидение аионсировало премьеру «Архаигельского мужика». В. Зорихии повторил высказаииое раиее и спросил: от кого зависит, чтобы фильм не увидел экраиа? Поскольку авторы фильма в подобиых обстоятельствах люди заиитересоваииые, их понять вполие можно: искомого списка потеициальных «запретителей» оии архаигельскому абоиеиту ие предложили.

А предложили великодушиый компромисс: премьера фильма откладывается, группа приезжает в Архаигельск, показывает сделаииое и сиимает иа плеику в кабииете Бориса Николаевича нечто вроде второй серии — что не устраивает в методе архангельского мужика Николая Сивкова его руководящих земляков.

Заведующий отделом этот вариаит продолжения фильма отверг и сказал, что сниматься ие будет. Вторая серия на всесоюзный экраи ие вышла, зато первая и единствеииая получила большой общественный резонаис: появились рецензии в газетах, о фильме говорили в автобусах и троллейбусах, в магазииах, на рабочих местах — призиаемся, остается у иас еще время поговорить иа вcеслужебные темы. Хотя эта тема — личиого участия в делах общества — самая что ии иа есть злободиевио служебиая.

Другие архаигельские мужики, что живут иеподалеку от Николая Сивкова, смотрят, как у него получится, что будет дальше. Оии больше зиают, оии, местиые, соображают, что такое север, видят, как пустеют селеиия, как подаются люди за заработком в другие места, как заколачивают когда-то благополучиые дома.

Получится ли у Сивкова?

Зависит от всех иас.

Все-таки фильм имел продолжение. Вслед за премьерой последовало иеудовольствие по поводу его появлеиия, на этот раз со стороиы одиого из секретарей Архангельского обкома КПСС, И. Д. Долгих. Суть проста, если отвлечься от застарелого реестра системы доказательств: Сивков «ие тот» человек!

По «техиическим причииам» объявлеииый повтор фильма ие состоялся. Нет оснований сомиеваться, что у телевидения могут быть «техиические причииы»; мы порой предъявляем иепомерные претензии к измеиеиию программ, а попробовал ли кто-иибудь расписать свою будущую личиую неделю с точиостью до мииуты от раииего утра до позднего вечера?!

И пока этот повтор ие состоялся, хочется сказать, что Сивков — тот человек. Тот, кто живет иа земле, кто трудится ради ее будущего и себя считает иа ией ие последиим человеком, кто, может, в чем-то и излишие горяч, и излишне категоричеи, и иепочтителеи к начальству, с которым, впрочем, в чем-то и ие согласеи, кто способеи иа иепредсказуемые поступки и почти что мальчишеские дерзости, кто крут порой даже с людьми, желающими ему добра, кто... Кто — человек!

Ои, может быть, ие укладывается в схему, расчерчеииую для иекоего абстрактиого и идеального семейиого подряда, выведеиную в иеких архаигельских руководящих каби-

нетах. Может быть, он вообще не хочет укладываться в схему? Или вообще не нужен такой человек архангельской земле, который не желает оставить свой дом, который может то, чего не могут другие? Или не нужно мясо, которое он производит? Или и мясо тоже не такое?..

Отчего и сегодня порой так трудно живется человеку неординарному, готовому горы свернуть, если ему дать простор? Потому что сопротивление перестройке — это не просто слова. Это сопротивление. Вольное или невольное, но противодействие всему тому, что непривычно: что не так, как вчера, что своей неординарностью высвечивает ординарность, а вернее сказать, бесполезность привычного и примелькавшегося.

Да, конечно, когда видишь результаты труда Сивкова, невольно думаешь: что же мешает всему совхозу так работать? Сопоставляешь и понимаешь: инерция, заведенный уклад, неверие в то, что получится. Откуда берется это неверие? В том числе и от ретивого администрирования, от желания поставить все под жесткий контроль, регламентировать. Тем самым готовы подрубить на корню дело, которое только пробивает, нащупывает себе верный, пусть и трудный путь. Люди, увидевшие фильм о Сивкове, заинтересовались его организацией труда, его результатами, а земляки закопошились в бумажках, чтобы подвергнуть сомнению: на того ли надо равняться?

Конкретного человека, который ищет, работает, пусть в чем-то и ошибается. Но бычки-то растут! «Идет бычок, качается...»

Только бы не дать покачнуться человеку.

В. Рутгайзер

Доктор экономических наук

Чего боится бюрократ?[1]

(О сдвигах в развитии индивидуальной и кооперативной форм трудовой деятельности)

— По вашим прогнозам, к сегодняшнему дню по меньшей мере 2,5 миллиона человек должны были попробовать себя в индивидуально-трудовой деятельности и кооперации. Однако число неофитов оказалось, увы, не столь значительным. Как вы считаете, что тому причиной?

— Оживление в этой сфере, безусловно, есть. Но всплеска, на который я рассчитывал, действительно не произошло. Общество оказалось недостаточно подготовленным к тому, чтобы интегрировать индивидуально-трудовую деятельность и кооперацию. К кооператорам и индивидуалам относятся как к людям второго сорта — с подозрением и недоверием.

Создалась нелепая ситуация с тех пор, как первого апреля появилось новое распоряжение Министерства финансов о налогообложении. Испугались больших доходов кооператоров. Но на первых порах они естественны! В этой сфере ра-

[1] Сов. культура. 1988. 9 июля. Беседу вел И. Медовой. Печатается с сокращениями.

ботает мало людей, велик риск, отсутствует иеобходимая социальная защищеииость. Болезиь роста надо пережить, а не задавливать росткн иового драконовскимн налогами.

Если год назад для кооператоров предусмотрели определенные налоговые льготы, то как можио всего через 11 месяцев эти условия менять? У людей уверенность должиа быть, что завтра не появится еще какой-нибудь мудрец и не скажет, что сегодняшние их доходы слишком велики и надо ввести контроль за ценами. Словом, нужна долговременная честность в отношениях с кооператорами.

Мне кажется, что Миифину нужио подойти к этому вопросу совсем с другого конца: представить на осиове модели кооперативной деятельиости реакцню кооператоров иа те или иные ставки иалогов. Если финаисисты действительио заинтересоваиы в максимально возможиом привлечении части доходов кооператоров в бюджет, они должны всеми силами способствовать увеличению этих доходов с помощью ставок иалогообложеиия.

Должен сказать, что многие одержимы идеей не допустить развития иидивидуальио-трудовой деятельности и кооперации. Когда на совете под председательством А. Аганбегяна я предложил отдать большую часть сферы обслуживания кооперации, на меня и моих сторонников обрушились представители Министерства бытового обслужнвания РСФСР. Один из заместителей миинстра кокетливо сообщил с трибуны, что у него заработок меиьше, чем у кооператоров. Его спросили: почему же, мол, тогда не идете в кооперацию?

— Мы дорожим своей честью! — ответил он.

В этом и выражен подход министерства к кооператорам и иидивидуалам.

Что касается государственных предпрнятий, то они связаиы по рукам и ногам огромным числом всевозможных инструкций, ограничений, указаиий. Но если их перевести на кооперативиые начала или на аренду, трудовые коллективы смогут платить государству больше, чем прежде. Разумеется, и продукции будут производить больше.

— Право же трудио повернть, что управленцы, люди иеглупые, не поинмают столь очевидиых вещей. И все-таки сопротивляются новому. Почему?

— Потому, что в новых условиях становится очевидной иенужность «верхнего» звена — огромного, раздутого донельзя. Еслн следовать логике времеии, то в нынешием его виде оио должно быть ликвидировано.

— Яркий пример раздутого аппарата управлеиия — служба быта Москвы. А вот в Эстоиии, я слышал, одиим махом упраздиили миинстерства бытового обслуживаиия и коммуиальиого хозяйства...

— Для этого самим управленцам иеобходимо проявить гражданское мужество и откровенно признать бессмысленность своей деятельности. В Эстонии это произошло. В Москве же упорно пытаются оправдать собствеиное существоваиие, вместо того чтобы искать новые формы взаимоотношений с предприятиями на принципах хозяйственного расчета. Полагаю, такая позиция безнравственна. У нас иикогда не будет сколько-ннбудь развитой сферы услуг, пока есть аппарат, заннтересованный лишь в собственном существовании.

К примеру, работннки московской швейной фирмы «Элегант», приносящей прибыль, высказались за полную самостоятельность и переход на вторую договорную форму. Суть ее в том, что, отдавая государству заранее определенные платежи, предприятие остальной доход использует на свое развитие и оплату труда коллектива. Сам коллектнв решает, за что н сколько ему платить. Так вот, вместо этого фнр-

му насильно присоединяют к убыточным предприятиям, лишая хозяйственной самостоятельности. Для чего? Чтобы заработанную коллективом прибыль разделить с теми, кто к ней отношения не имеет. Полная бессмыслица!

Зато в условиях возросшей централизации производства усиливается потребность в управленцах. Именно так они сохраняют свою жизненную среду. Другое излюбленное их средство — ограничение развития хозрасчета. Для них как раз выгоден неполный хозрасчет. Ведь в этом случае часть хозяйственных решений не в состоянии принять предприятие, и они неизбежно должны складываться наверху.

Недавно был в одной московской парикмахерской. Работают там 30 человек, хотят перейти на вторую договорную форму. Но трест, которому они подчинены, решительно выступил против! Разумеется, в случае, если такое произойдет, он теряет рычаги воздействия на свои низовые звенья. И зачем, спрашивается, он тогда нужен? Вот и внушают парикмахерам, что они к работе по-новому не подготовлены. Не смогут распорядиться заработанными деньгами — справедливо воздать каждому за его труд, позаботиться о будущем предприятия.

Мне кажется, что генеральным направлением развития всей государственной экономики станет аренда предприятий. Опыт Эстонии показал, что, дав возможность людям стать арендаторами, можно увеличить выработку сразу в полтора раза.

Заместитель председателя исполкома Моссовета В. Жаров предложил мне приспособить вторую договорную форму к системе общественного питания. Разработанную отделом Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР, где я тогда работал, форму мы назвали арендным подрядом. С июля прошлого года на арендный подряд перешли несколько московских предприятий общественного питания. Ничего не меняя, а только развив инициативу людей, которые поняли, что их заработок находится в их собственных руках, удалось достичь небывалых результатов. Одно из таких предприятий — кафе «Север» на улице Горького. Так вот, когда первый раз надо было распределять зарплату, директор кафе Валентин Васильевич Коробов даже растерялся. Вознаграждение за труд оказалось очень высоким...

— А в чем выиграли клиенты?

— Уже хотя бы в том, что цены остались прежними, а скорость и качество обслуживания заметно возросли. Работники кафе к тому же научились делать то, чего раньше не делали. Например, торты из мороженого — на них большой спрос. Стали торговать на улице. Сдают стойку в аренду кооператорам для торговли цветами. Главное — изменилось само отношение к работе, появился интерес к собственному делу. И в который раз высветилась та же проблема: огромное количество управленцев (в каждом из 33 московских районов есть трест столовых и ресторанов) при такой организации труда просто не нужно. Они лишь забирают часть дохода, который работники общепита в поте лица зарабатывают сами.

Об этой системе написали «Известия». И вот неожиданно мне позвонил директор Бутовского комбината стройматериалов М. Бочаров и спросил, нельзя ли приспособить нашу систему к их отрасли. По его просьбе наши сотрудники разработали новую модель хозяйствования этого комбината. Речь идет уже не об арендном подряде, а об аренде целого предприятия.

— Ну и как, внедрили?

— Для этого пришлось преодолеть колоссальное сопротивление главка. В договор об аренде пробовали вписать хитроумные пункты,

вплоть до того, что сумма отчислений в вышестоящую организацию должна меняться в зависимости от суммы прибыли (а вдруг у комбината окажутся чересчур высокие результаты!). Словом, пытались подорвать саму идею аренды, которая заключается в том, что абсолютные размеры платежей устанавливаются на каждый год. Несмотря на наше сопротивление, установили ограничения по соотношению прироста производительности труда и заработной платы. Зачем, спрашивается, они нужны? А вдруг экспериментаторы проедят всю свою выручку! Но этого быть не может. Предприятие сдается в аренду на 8—12 лет, и арендатором движут долговременные интересы обновления производства. Коллектив сам заинтересован в том, чтобы эффективно использовать ресурсы. И подпорка в виде спущенного сверху показателя нелепа.

Битву мы выиграли. Очень помог в этом секретарь Московского обкома партии В. Новиков. С 1 января текущего года комбинат работает в новых условиях. И когда трудовой коллектив понял, что за минусом того, что он отдаст государству в виде арендных платежей, все заработанное в его собственных руках, результаты оказались поразительными. Прирост производительности труда за полугодие — около 40 процентов. Прибыль возросла почти в пять раз!

Московский обком партии принял решение о переводе на арендный подряд более 2 тысяч подмосковных предприятий промышленности, транспорта, связи, бытового обслуживания, общественного питания, торговли, жилищно-коммунального хозяйства. Уже сейчас по-новому работают около 150 предприятий и хозрасчетных организаций. Это колоссальный резерв получения реальных результатов перестройки уже сегодня. Нельзя ждать. Все уже устали ждать!

— В числе упомянутых вами предприятий, которым предстоит перейти на арендный подряд, нет учреждений культуры. Значит ли это, что использовать новую форму им не имеет смысла?

— Смысл есть, и огромный! В аренде, арендном подряде, кооперативных формах выход из кризиса, в котором оказались многие учреждения культуры.

Эксперимент в театрах показал свою ограниченность. Это — «кабинетный хозрасчет». Он, я думаю, принес немалый вред: посеял беспочвенные иллюзии, что путем изменения соотношения дотации и оплачиваемой части, расширением каких-то прав, изменением цен на спектакли, услуги учреждений культуры можно достичь большого результата. Иллюзии не оправдались, поскольку изначально модель оставалась прежней — основанной на вмешательстве сверху в деятельность учреждений культуры.

Мне кажется, их надо полностью освободить от экономической зависимости, дать возможность самим зарабатывать деньги. А если общество видит, что развитие того или иного направления культуры нуждается в государственной поддержке, поддержка должна быть целенаправленной. К примеру, музеи нельзя перевести на хозяйственный расчет — это бессмысленно. Но необходимо точно знать, сколько стоит та или иная услуга, в какой именно дотации нуждается музей. Общество должно иметь точное представление о том, сколько тратить на содержание музеев не только за счет государственных средств, но и за счет благотворительных фондов, фондов предприятий, самообложения.

В целом же учреждениям культуры необходимы кооперативные формы организации, паевая система оплаты труда — хозяйственный расчет и возмещение за счет результатов собственной деятельности собственных затрат. И, конечно,

ареида. Кстатн говоря, в числе первых подобиых предприятий есть учреждеиия культуры. Это, иапример, подмосковные парки культуры и отдыха. Ареидаторы парков утверждают, что работать стало иамиого лучше. Вообще же иа ареиду могут быть переведеиы самые разные учреждеиня культуры — от журиалов и кинжиых издательств до кииотеатров.

— Не сведут ли ревиители старого иа иет права ареидаторов?

— Способов провалнть иовую модель иемало. И самый главиый — кампанейщииа. К прнмеру, в подмосковных торговых предприятнях после их перевода иа аренду иовых отиошеиий так н ие удалось добиться. Оии лишь имнтнруются с помощью чековых киижек. Все остальное идет по-старому: Миитopг по-прежнему ориеитирует свои низовые звеиья иа примеиеиие лишь первой модели хозрасчета, которая ограиичивает самостоятельиость предприятий. Если решеиие об аренде предприятня трудовому коллективу навязать сверху, а ои окажется к этому ие подготовлеи, пользы не будет. Нужно объясиить выгоды такого перехода, продемонстрнровать, что арендиый подряд преодолевает «иичейность» осиовных фоидов, которые находилнсь в государствеииой, общеиародной собствеииости. Если собствеиность ие является источинком сегодияшиих доходов и будущего повышеиия уровня жизии работиика, оиа, по существу, и становнтся иичейиой.

В сельском хозяйстве предпрниимаются сейчас иитересиые шагн. Создаются кооперативы в колхозах н совхозах. Это реальный путь к подъему сельского хозяйства н преодоленню его отставаиия.

Я восхищаюсь оргаиизатором первого в страие кооператива в совхозе Тимуром Кабнровнчем Кадыровым. В Загорском райоие под Москвой, в совхозе «Веригиискиӣ», деревне Снятинка — в заброшеииой дереввие, в которой только старушкн на зниму оставались, создаио крупное хозяйство. Более эффективиое, чем хозяйство самого совхоза «Веригинский», где иа семь работающих — по одиому управлеицу. А кооперативу управленцы ие иужиы. Вот почему развитие кооперативов — в зиачительиой степеии проблема управлеицев. В новых условиях они должиы найтн себе другую работу.

— Как вы смотрите иа проблему коикуренции? Нет ли опасиости, что адмииистративио-командиые методы помешают честиой борьбе?

— Без конкуренции потребительский сектор экоиомики развнваться ие может. А у коикуренцни, как известио, два результата. Экспаисия иаиболее эффективных, наиболее выгодиых потребителям производств. И угасаиие предприятнй, которые ие в состоянии работать на потребителя. По отиошеиию к иим, я думаю, общество должио прнменять саикциоиные меры.

— Какие, иапример? Закрывать?

— А что же, в коице концов и закрывать. Есть и другой способ. Вместе с Михаилом Александровнчем Бочаровым, директором Бутовского комбнната, и управляющим Московской областиой конторой Жилсоцбанка В. Аитоновым мы разработали проект посредннчества банка в приобретеиии комбиматом убыточиого кирпнчиого завода.

Завод будет присоедииеи к комбинату. Государствеииая собственность прн этом сохраияется. Но не впрямую, как было раиьше, а опосредовано, через права Бутовского комбиината. Покупка выгодиа! На убыточном заводе, подойдя к делу умеючи, можио получнть дополиительную прибыль. Возрастет прибыль самого комбииата н особеино прибыль тех людей, которые работают иа беспросветно убыточиом кирпичиом заводике.

— Многообразие форм собственности. Обострившаяся конкуренция. Большое число нововведений, ломающих привычные стереотипы. Как в этих условиях управлять отраслью услуг?

— Думаю, что управлять ею, как прежде, бессмысленно. Все, что раньше под этим подразумевалось, сводилось к спуску сверху плановых заданий и контролю за их выполнением, к установлению темпов роста, реализации госзаказа и т. п. Прав В. Кабаидзе: ну зачем самостоятельному предприятию министерство? «Мы вполне без него можем обойтись,— говорил В. Кабаидзе на партконференции.— Корм мы теперь добываем сами, валюту добываем сами. Что нам может дать министр? Да ничего!»

Управление отраслью должно происходить на основе доброй воли самих предприятий и складываться как результат развития свободных ассоциаций. Во всяком случае, Министерство бытового обслуживания в том виде, в каком оно существует, мне кажется анахронизмом.

«Для того чтобы почистить или постирать рубашку, имеется министр. Кому это нужно?» — резонно задал вопрос на партийном форуме Святослав Николаевич Федоров.

— Вы подчеркнули необходимость долговременной честности в отношениях с кооператорами как необходимого условия пробуждения трудовой активности людей. Но честность — понятие субъективное. У должностного лица она может быть, а может и не быть. Получается, все зависит от личных качеств того или иного администратора. Не слишком ли зыбки гарантии перестройки отрасли?

— В своей повести «Пашков дом» мой друг Николай Шмелев убедительно показал, что нравственность и экономика слиты воедино. Обществу экономически выгодно то, что нравственно. А гарантии может дать только общественное мнение. Оно у нас находилось в спячке, по крайней мере последние полвека. Сейчас пробуждается и, надеюсь, будет защищать то, в чем люди нуждаются. Никаких других гарантий, кроме тех, которые есть в самом обществе, в нас самих, я не вижу...

С. Федоров

Член-корреспондент АМН СССР,
генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза»

Когда медицина рентабельна [1]

Огромное желание вылечить больше больных

Три пункта, которые были записаны в решении о создании нашего комплекса, как три магических кристалла, полностью изменили экономическую сторону жизни нашего коллектива.

Что же это за «магические кристаллы»?

Во-первых, мы ушли от того неразумного порядка, когда государство из бюджета выделяло средства на содержание НИИ микрохирургии глаза и клиники при нем в твердой сумме независимо от качества

[1] Экон. газ. 1987. № 20. Запись Н. Яковчук.

нашей работы и количества вылеченных больных.

Мы перестали, грубо говоря, «сидеть на шее у бюджета», а начали впрямую зарабатывать средства на свое содержание, покупку оборудования, на социальное развитие коллектива и поощрение работников. Разумеется, для советских граждан лечение остается полностью бесплатным, но финансирование нашего МНТК осуществляется за каждого вылеченного больного по среднеотраслевому нормативу, величина которого установлена государством.

Деньги, полученные по нормативу, распределяются по всей цепочке. Ведь лечение человека — это и содержание помещения, и подготовка операционного блока, и диагностика, и инженерные службы, которые следят за оборудованием. Наконец, это сама операция, долечивание, транспортные расходы и т. д. Теперь каждая служба знает предел своих расходов и стремится быть рачительнее.

Второй момент — значительно расширились права коллектива. Штатное расписание, количество санитарок, врачей, инженеров, ученых теперь устанавливаем мы сами.

Третье важное новшество — бригадный подряд, то есть прямая сдельщина в оплате труда в пределах общего фонда заработной платы.

Принятая у нас система очень перспективна. В стране еще много людей, страдающих болезнями органов зрения. Наши врачи владеют разработанными в институте и клинике методами лечения, которые получили признание во всем мире. Желание вылечить как можно больше людей, которое всегда было присуще нашему коллективу, получило теперь материальную поддержку на государственном уровне. Когда в Минздраве РСФСР подсчитали, оказалось, что нагрузка на наших хирургов была в два с половиной раза выше, чем в аналогичных лечебных учреждениях. Так что теперь, когда врачи, по существу, переведены на коллективную сдельную оплату труда, заработок у них вырос, и таким образом по отношению к ним была восстановлена справедливость.

Как выглядят наши результаты за неполный год работы в условиях перестройки? Нам удалось полностью выполнить и даже несколько перевыполнить свои планы. Только за первый квартал 1987 года проведено свыше 11 тысяч операций, в том числе 270 иностранным гражданам.

Честно говоря, наши врачи хотели бы выполнить дополнительно еще несколько тысяч операций в нынешнем году, но в Министерстве финансов сдерживают их стремление, опасаясь, что придется заплатить коллективу «слишком много».

За плохую работу не платят вообще

Все бригады у нас перешли на подряд и активно ищут новые методы, ищут, как сделать технологию вылечивания лучше, с тем чтобы при наличии внутренней «госприемки», которая действует у нас уже 6 лет, с наивысшим качеством труда иметь возможность провести наибольшее количество операций.

Каждая бригада делает примерно 2500 операций в год. За самую сложную операцию бригада из 5—7 врачей и 15—20 человек обслуживающего персонала получает 50 рублей, за среднюю по сложности — 25, за простую — 11 рублей.

Сейчас у нас такая ситуация: четыре бригады не выполняют план; они думают, что можно сделать, какие операции освоить, как построить режим труда, может быть, в субботу оперировать, чтобы получить свой плановый фонд заработной платы.

По нашим расчетам, дальнейшее совершенствование технологнн операций при высочайшей квали-

фнкацнн персонала и безусловно высоком качестве лечения в перспективе даст возможность врачу зарабатывать 400—500 рублей, санитарке —180 рублей в месяц.

Но само собой разумеется, что большой фонд зарплаты можно иметь только за счет высокого качества леченя. Если нужный эффект не достнгнут н операцию прнходится проводнть повторно, хнрурги за нее не получают ни копейки. Так решил трудовой коллектив.

Каким образом при столь ннтенсивной работе достигается высокое качество лечения?

Мы перешлн на конвейерный метод. Этот термнн, я знаю, иной раз шокирует. Мне приходилось слышать, что, мол, тонкое нскусство врачевання, человек на операционном столе н понятне «конвейер» несовместнмы.

Но это не так. При конвейерном методе качество операций повышается примерно в десять раз. За счет чего? Каждый врач здесь является как бы контролером качества выполнення предыдущей стадии. На конвейере имеется для этого и спецнальная контрольно-измерительная аппаратура. То есть уже во время операцни можно определить, достигнута ли цель. И если не достигнута, сразу поправить дело.

Обычно больной после операции выписывается с 40-процентным зрением. Позднее оно восстанавливается до ста процентов. Но если больной прямо из клнники выходит со 100-процентным зрением, трудовой коллектнв решнл доплачивать врачу за отличное качество лечения. В этом случае за сложную операцию врач дополннтельно получит 6 рублей, за менее сложную — 4 рубля. То есть при наивысшем качестве врач за месяц может дополнительно получить еще 40—60 рублей.

Вместе с системой санкций, о которой я уже говорил,— работа без результата не оплачивается, принятая у нас снстема стимулов к производительному высококачественному труду сыграла свою роль. Количество операций, которые требуют впоследствнн какой-либо коррекции, не превышает трех-четырех процентов. Это высокий показатель.

Из хозрасчетного дохода

Большая народнохозяйственная задача — пошнре тиражировать прогрессивную и хорошо отработанную технологию лечения глазных болезней. Поэтому сейчас мы стронм 4 филиала — в Ленинграде, Чебоксарах, Москве и Краснодаре. Они будут закончены уже в этом году. А всего намечено построить 12 филиалов. Это будут, как и наша клиника, индустрнально-поточные учреждення нового типа.

С вводом первых филиалов «тираж» современной технологии микрохирургии глаза утронтся: вместо 35 тысяч сможем делать уже 105 тысяч, а затем, после завершения стронтельства, н 250—300 тысяч операцнй в год. Этого вполне достаточно для нужд Российской Федерации.

Соответственно будет расти и доход МНТК. А это нам очень и очень нужно, потому что *из своего хозрасчетного дохода мы финансируем теперь и науку.* Каждый филиал будет отдавать определенную «дань» на науку МНТК.

Надо сказать, что по-настоящему современная наука стоит дорого. Нормальный фонд института микрохирургии глаза должен составлять, по нашим расчетам, порядком 10—15 миллионов рублей. А до недавних пор, пока науку финансировали нз бюджета, институт имел всего-то 1,3 миллнона рублей в год, из них только 0,9 миллиона рублей можно было нстратить на оборудование.

Новый порядок, жестко связавший результатнвность научных исследований н качество лечения

больных, поможет наглядно продемонстрировать, чего стонт то или иное научное учреждеине. С другой стороны, плодотворная реализация результатов научных исследований в клиинческой практике обеспечит необходимую матернальную базу для дальнейшего развития науки.

Конечно, наш хозрасчетный доход образуется не только от лечения больных.

У иас есть экспериментальный завод. Ои тоже перешел на хозрасчет. Есть завод очковых оправ, который в новых условиях наряду с очками эиергично осваивает выпуск более сложной и пользующейся большим спросом продукции. Это алмазные ножи, электронное оборудование для лечения дальнозоркости и т. д.

Значительно расширились иаши права во внешних связях. Нам дали право торговать и своими разработками, и обучать нашим методам иностраииых врачей. Наши разработки охотно покупают в США и многих других страиах. За год мы зарабатываем 2 миллиона долларов. Значительная часть инвалютной выручки (95 процентов от лечения иностранных больных и 50 процеитов от продажи продукции) поступает в распоряжение МНТК. На этой основе комплекс получил возможность самостоятельно закупать при необходимости иовейшую аппаратуру. Я сам подписываю договоры. Если раньше оформление покупок длилось по полтора года, то теперь закупка идет за 3 месяца. Продавали мы за 3—4 месяца, теперь — за иеделю.

Поработал лучше — лучше будешь жить

Из этого же источиика — хозрасчетного дохода МНТК — будем развивать и социальиую сферу.

Люди уже почувствовали прямую зависимость: поработал лучше — лучше будешь жить. За первые полгода работы иа иормативном методе мы из заработанных средств — 1700 тысяч рублей — только на соцкультбыт смогли потратить 700 тысяч рублей. Уже начали строить базы отдыха под Москвой и иа юге. Завели яхты, на которых сотрудники планируют совершать ннтересиые путешествия.

Создали хорошие возможности людям заниматься спортом, мечтаем построить классный бассейи.

С первого февраля трудовой коллектив решил за счет своего дохода в полтора раза против установлеииой иормы увеличить расходы на питание больиых. Теперь сможем давать больиым даже фрукты и избавить родственников от необходимости бегать в клинику с вареными курицами в авоськах. Ввели бесплатные обеды для медперсонала, а со временем вообще всем сотрудникам предложим бесплатиое горячее питание.

Я бы сказал, что коллектив живет сейчас, после перестройки, прекрасиой полиокровной жизнью. Люди почувствовали себя, если можно так выразиться, не «иаемниками», а иастоящими хозяевами. Это заметио буквально во всем: люди идут иа работу с радостью, им хочется украсить жизнь — и свою, и больиых, которых мы лечим, хочется украсить здания, в которых они работают. Сейчас, например, мы сооружаем отличные витражи в детском отделеиии с движущимися игрушками из сказок для маленьких пациеитов.

Для персоиала решили заказать красивые халаты из немнущейся ткани, оригинальной «космической» формы. Всем ииститутом ездили на фирму Вячеслава Зайцева смотреть и выбирать модели.

Что нам мешает

Мы считаем, что подобиая система хозяйствеииого расчета должиа широко распространиться в медициие. Не иадо бояться и коикурен-

ции — пусть каждое медико-техническое направление, каждое лечебное учреждение стремится выйти на высший уровень.

На примере нашего комплекса мы хотим показать, что медицина может обладать высочайшей эффективностью. Пока еще успехи здравоохранения принято оценивать по увеличению количества коек в стационарах, то есть по количеству затраченных кирпичей и цемента.

Дело же совсем не в этом. К примеру, в клиниках РСФСР в настоящее время годовой «оборот» больных в расчете на одно коечное место составляет 14, у нас — 50. Собираемся довести эту цифру до 65. Много операций будем выполнять амбулаторно, это можно с успехом делать за счет применения новейшей технологии.

Но объяснить это планирующим инстанциям подчас очень трудно. Например, шесть месяцев ушло на препирательства с Минфином СССР, пока нам разрешили тратить 32 копейки на то, чтобы накормить после операции амбулаторного больного. На пилюли — можно, а на бутерброд и кофе — нельзя, хотя хорошо известно, что накормленный человек сразу чувствует себя лучше, успокаивается после операции и выздоровление его идет быстрее.

Слишком много ощущаем мелочной опеки. Я уже говорил, что наш завод очковой оптики осваивает наряду с очками более сложную дефицитную продукцию. Госплан РСФСР навязывает нам свое решение: делать только очки на 13 миллионов рублей — и точка. Зачем? На склад? Кому он нужен, этот «повышенный план» по очкам, не имеющим сбыта?

Перемены, происходящие у нас, круто меняют психологию людей, приводят в действие невидимые прежде резервы человеческого фактора. Очень хочется, чтобы внешние воздействия не мешали, а помогали этому благотворному процессу.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ РАЗДЕЛА

Г. Попов

Побеседуем в духе гласности [1]

Экономика и политика

Конференция была посвящена двум взаимосвязанным реформам — экономики и политики. Причем главное место заняло обсуждение реформы политической системы. Реформа же экономики обсуждалась меньше, чаще — в критическом плане: анализировались бюрократические извращения в реализации решений 1987 года, недостатки самих этих решений. А позитивных предложений было негусто.

Такое соотношение в постановке проблем политики и экономики обеспокоило Л. И. Абалкина. Возражавший ему Г. А. Арбатов отметил, что соотношение правильное. Кто из них прав?

[1] Огонек. 1988. № 33.

Мы выросли и живем в системе, где политика всегда была первой и главной силой. В стране, где политическая надстройка была создана до экономического базиса. Где политическая система стала главным инструментом создания экономического базиса. Где политическая система командовала базисом и стала Административной Системой. Где отрыв власти от базиса постепенно рождал бюрократизм и волюнтаризм, тенденции к культам личности...

Опять политику на первое место? Не получится ли, что мы снова отделим надстройку, увлекшись ее обновлением, пусть и в демократическом духе? Разве не ясно, что опирающаяся на старый административно организованный экономический базис политическая реформа не выйдет за пределы деклараций? Вновь ставим телегу впереди лошади? Неужели ничему не научились?

Политики решения искали в изменении технической базы — то курсом на химизацию, то курсом на мелиорацию, то курсом на научно-техническое перевооружение. Из этих курсов, самих по себе верных, ничего не выходило, поскольку ресурсы вкладывались и использовались в неэффективной системе. Колхоз, например, сконструированный как односторонний насос для выкачивания средств из села, не мог стать инструментом подъема села, и попытки организовать обратное движение ресурсов через этот насос приводили только к их разбрызгиванию.

Мы, экономисты, вначале кивали на политиков как на виновников наших хозяйственных бед. А сам по себе наш экономический строй считали единственно возможным видом социалистической экономики. Но смена целого ряда политических администраций, крах серии научно-технических программ выхода из трудностей привели нас, экономистов, к идее, что причины проблем лежат где-то глубже и — не исключено — именно в экономическом базисе.

Эта идея, укрепляясь, и привела в конце концов к предложениям о радикальной экономической реформе. Мы сказали: дело не в руководителях, не в учреждениях, не в структурах органов, не в типе администрирования. Дело в типе экономики, которая построена так, что ее двигателем, сердцевиной является неэкономический административный мотор. Поэтому выход — в реформе базиса. Не изменим этот базис — любые перемены в политике окажутся мишурой. Мы буквально выстрадали идею перестройки экономической системы как главного условия всех прочих перемен.

И вот теперь нам надо как будто от этой идеи отойти. Едва сделав первые шаги, а точнее, только заявив о предстоящей радикальной экономической реформе, мы вдруг опять возвращаемся к сфере политики. Не является ли это бегством от трудностей главной, базисной перестройки? Не является ли это рецидивом прошлого, когда то ликвидацией министерств и созданием совнархозов, то ликвидацией совнархозов и созданием министерств и другими аналогичными переменами подменяли радикальную экономическую реформу?

Логичнее ведь как? Сначала провести изменения в экономическом базисе. Сломать экономические структуры типа общественных фондов потребления (бесплатных и обильных прежде всего для высших звеньев аппарата), типа агропрома, типа директивного планирования, являющихся экономической основой бюрократизма и механизма торможения. Развить новую экономику. Накормить народ. Одеть. Приучить к самостоятельности в экономике. И уже затем — обязательно, но затем — осуществить демократические изменения в надстройке, политической системе.

В этом случае эти изменения будут прочными и логичными, не выродятся в шумиху и формальности. Накормленному и одетому человеку можно дать все демократические права — он и при десяти кандидатах на одно место будет голосовать за социализм.

Кстати, так развивался и капитализм. В ходе победы в буржуазных революциях буржуазия провозглашала все свободы, а на деле закручивала гайки — и в политике, и в идеологии. И только с развитием реального капиталистического экономического базиса развертывались механизмы широкой буржуазной демократии.

А как идти на политические реформы в условиях дефицита? Как народ, часами стоящий в очередях, использует свои расширяющиеся политические права? Как идти по пути политических реформ, если бюрократия держит в руках все экономические рычаги и в состоянии задавить любой подряд, любой кооператив?

Что может дать широкая демократия в такой ситуации? Взрыв анархии и поход «низов» на аппарат? Или, напротив, аппарат «выхолостит» эту демократию и останется «на коне», овладев и при новых механизмах искусством манипулирования всей политической и внутрипартийной жизнью.

Ведь у нас был опыт колхозной демократии. Колхоз был, говоря современным языком, на остаточном хозрасчете. И колхозники едва ли не дрались на выборах за «своего» председателя, протестуя против привезенного из района. А затем интерес к выборам правления и председателя пропал. Почему? А потому, что ввели гарантированную сверху оплату труда — упразднили остаточный хозрасчет. Раз вы сверху сами основную часть моей зарплаты гарантировали независимо от итогов работы колхоза, то в вопросе о том, кто будет руководить колхозом, теперь последнее слово ваше же. Из газет и из жизни исчезли истории борьбы колхозников с уполномоченными в ходе выборов. Как видим, формы демократии могут «жить» только при определенных экономических основах, без таких основ они остаются только формами.

Теперь мы ввели выборы директоров. Как это происходит? Там, где есть более или менее реальный хозрасчет и тем более подряд, будь то бригада, цех, завод или кооператив, выбирают заинтересованно и активно. А там, где хозрасчет формальный, выборы или проходят при полной пассивности голосующих, или вырождаются в сведение личных счетов. И здесь опыт говорит о том же: формы демократии нельзя оторвать от экономических механизмов.

Словом, опасения за экономическую реформу, опасения, что увлечемся лишь политической перестройкой, были вполне обоснованны. В этом убедили меня речи делегатов, прежде всего местных руководителей. Для них вообще никаких сомнений и проблем в части соотношений экономики и политики, как выяснилось, не существует. Позавчера они браво говорили о политическом и партийном руководстве как главных и решающих рычагах, достаточных для решения всех бед экономики. Вчера так же бодро стали говорить о радикальной экономической реформе как единственном выходе из кризисной ситуации. А сегодня «от имени и по поручению всех коммунистов республики» (края, области) хорошо поставленными голосами утверждают, что только в политической реформе выход.

А между тем сегодня нам действительно надо на первое место выдвинуть политическую реформу. Несмотря на все опасности, о которых шла речь выше.

Политическая реформа вышла на авансцену не случайно. Ведь особых успехов в хозяйстве на базе

нормативного варианта кардинальной реформы экономического механизма, который внедряется, мы пока не имеем. А первые попытки осуществить вторую, остаточную модель хозяйственного расчета сразу же сталкиваются с таким сопротивлением аппарата, которое не преодолеть без обращения в суд, без опоры на партийно-политический механизм. Новый вариант партийно-государственной системы, которая стала бы поддерживать радикальный вариант преобразований в экономике, нельзя сформировать без реформы этой системы в духе ее демократизации. Только при наличии демократии позиция органов партийно-политической системы и ее руководителей, ее депутатов будет отражением мнения народа, трудовых коллективов, вступивших на путь радикальных экономических преобразований.

Мы знаем, что политика — ведущее звено. Что экономические реформы без политических к победе не приводят. Однако никак не хотим отнести эту аксиому к нашим дням. Между тем в тысячах частных случаев экономики мы повседневно натыкаемся именно на партийно-государственный механизм.

Как быть, например, подрядной бригаде, сократившей всех лишних работников, когда от нее требуют, скажем, двух человек на уборку снега?

И когда райком партии перестанет нарушать Закон о предприятии, обременять заводы работами на овощных базах, на уборке улиц и т. п.? Тогда, когда система выборов в партийных организациях позволит реально выдвигать в лидеры тех, кто не о чистке снега будет думать, а о чистке административного аппарата, за десятилетия не научившегося нормально организовывать уборку снега.

Словом, полный, настоящий хозрасчет и вообще сколько-нибудь результативные экономические реформы возможны в условиях развитой демократии — и в партии и в государстве.

Наша перестройка вступила в критическую фазу. Мы не можем выйти на самый эффективный вариант в экономике, не проведя перестройку в политике.

Почему Ленин звал рабочих на политическую борьбу, боролся с «экономистами»? Потому, что было невозможно добиться экономического освобождения без победы в политической борьбе.

Человек неделим. Так не бывает, чтобы директор сидел два часа в райкоме и послушно выслушивал наставления, а потом, вернувшись в кабинет, проявлял чудеса активности и самостоятельности. Чтобы рабочий, аплодирующий по любому поводу, опускающий, не читая, пачку избирательных бюллетеней, самозабвенно работал в подрядной бригаде. Человек един, и если мы хотим видеть его активным, творческим на заводе, в НИИ, на колхозном поле, надо быть готовым встретить его такого же и на выборах в Совет, и при обсуждении проблем АЭС в Крыму, и в дискуссиях по национальному вопросу. А встретить его таким можно только после радикальной реформы партийно-государственного механизма.

Любопытная историческая параллель. Я изучал опыт реформы 1861 года — отмены крепостного права в России. Не всегда помнят, что даже эта неполная, частичная, растянувшаяся на два десятилетия, проводимая силами чиновническо-бюрократического аппарата самодержавия реформа потребовала изменений не только в экономической, но и в политической сфере. Например, создания земств как органов самоуправления, суда присяжных и т. п. Почему? Да потому, что самый первый вопрос: куда жаловаться освобожденному крестьянину на помещика, нарушающего установленные реформой 1861 года правила? — тре-

бовал упразднения старого вотчинного суда, суда того же помещика, и создания принципиально нового судопроизводства.

Другая историческая параллель связана с анализом опыта экономических реформ в социалистических странах. Возьмем Венгрию. Сейчас кое-кто из противников перестройки не прочь высокомерно воскликнуть: вот чем кончились ваши реформы! Да, сейчас там есть трудности. Но не надо забывать, что почти 20 лет — жизнь целого поколения — Венгрия, в отличие от нас, прожила нормально — без очередей, имея и продукты, и добротную одежду. И если сейчас там трудности, то они не оттого, что страна шла путем реформ, а оттого, что в чем-то стала задерживаться, колебаться, пробуксовывать.

Почему даже капитализм тяготеет к демократии? Да потому, что базисное его условие — свободно торгующий своей рабочей силой работник, свободный не только как труженик, но и как покупатель. Без этого условия нет подлинной конкуренции.

Заслуга XIX партконференции в том, что она смело и решительно выдвинула на первый план политическую перестройку.

Демократия — благо не только для экономики. Это самостоятельная социальная ценность.

Мои же опасения насчет «охлаждения» к экономической реформе питаются прежде всего самим подходом к ней, который преобладал на конференции. В этом подходе сочетались решительная, открытая критика с непониманием, что этап политической реформы требует новой модели реформы экономической. Между тем если верно, что экономическую реформу невозможно осуществлять без политической, то верно и обратное: всякая медлительность в экономической реформе погубит политическую, оставив ее без базиса.

Модель хозяина

В дискуссии на конференции был обойден главный вопрос: можно ли развиваться дальше на основе решений 1987 года, или необходима новая модель кардинальной экономической реформы?

В решениях 1987 года, как известно, были заложены две возможные модели хозяйственного расчета: нормативная и остаточная. Обе были представлены в документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и Законе о государственном предприятии. Правда, уже в этих материалах нормативная модель была изложена детально, а остаточная — как-то фрагментарно. А в пакете решений, принятых после Пленума в отношении центральных экономических ведомств, остаточная модель уже не фигурировала.

Но характер критики и характер выдвигавшихся на конференции идей был таков, что с неизбежностью напрашивался вывод: нужна новая концепция радикальной экономической реформы, опирающаяся на исходные идеи XXVII съезда и июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и решительно обобщающая накопленный опыт.

Понятно, скажем, требование упорядочить госзаказ. Правильно, что его надо освободить от фикций типа объемов производства товаров народного потребления. Всем ясно, что сумму затрат такой госзаказ покрывает только в отчете. На деле многое из произведенного не куплено, а выплаченные деньги не отоварены. Но чиновника интересует не реальность, а отчет: за него ему платят.

И все же главное в другом. Официально твердо ограниченный госзаказ — это уже свободный рынок для остальной, превышающей его продукции. И следствия тут будут гигантские. Но опять, кроме жалоб на госзаказ, ни малейшей попытки посмотреть, какой же должна быть

экономика, свободная от госзаказа, удушающего самостоятельность предприятий.

Об остаточном варианте говорилось, но опять-таки не все. Ведь наши колхозы были на остаточном хозрасчете десятки лет после коллективизации. Чем обернулась тогда эта остаточность? Только одним — колхозники лично расплачивались уменьшением выдачи на свой трудодень за ошибки начальников. Мне ясно, что с каждым годом, запутываясь в нерешенных проблемах, наш хозяйственный аппарат в конце концов пожертвует хранителем нормативной зарплаты — Госкомтрудом, примет курс на остаточный хозрасчет, чтобы переложить на трудовые коллективы плату за все трудности перестройки. А когда остаточный хозрасчет на деле может стать инструментом перелома? При каком обязательном условии? Об этом речь не шла.

Шла, например, речь о том, что в создаваемые ними заводами ведомственные детские учреждения не принимают детей тех, кто на этом заводе не работает. Но весь айсберг проблемы не был очерчен. Ведь то же касается и жилья. Вот завод построил жилье и решил проблему жилья для своих рабочих. Но выяснилось, что в предстоящие пять лет завод этот, чтобы не отстать от НТР, должен внедрить роботы и уволить несколько тысяч рабочих. Новые рабочие места для них есть, но, скажем, в другом городе. Но куда деваться человеку, привязанному к этому городу бесплатной квартирой прочнее, чем крепостным правом или невыдававшимся паспортом?

Сейчас люди, особенно прямо ответственные за торможение перестройки, взяли моду упрекать экономистов в недостатке «конструктивности» и в увлечении критикой. Поэтому беру «Правду» от 13 июня 1987 года. Совещание в ЦК КПСС перед принятием решения о реформе. Вот изложение моего выступления «Правдой»: «...принять лимитную величину государственного заказа. Предел, до которого он может доходить на предприятии. Он может быть 50—60 процентов, может достигать двух третей, но предприятие должно твердо знать, что одна треть будет его». Об этом же авторы упреков в «неконструктивизме» могут прочесть и в журнале «Наука и жизнь», 1987 год, № 11, благо тираж журнала несколько миллионов. Поэтому когда сегодня я слышу: не предугадали опасности вздувания госзаказа до 100 процентов, то хочу спросить: кто именно не предугадал? Не мог или не хотел? Упреки в «неконструктивности» идут от тех, кто ничего существенного в нынешнем механизме менять не хочет...

Я мог бы привести еще много примеров некомплексности обеих моделей экономической реформы.

В то же время на конференции был выдвинут и обоснован ряд исключительно важных идей — об арендном подряде, о правах хозрасчетного звена, о его взаимоотношениях с министерством и местными Советами... По существу, эти идеи не вмещаются в схему «дополнений» ни к первой, ни ко второй модели. Напрашивался заключительный шаг — сложить из них взаимосвязанную новую систему.

Самое главное, базисное изменение должно состоять в том, чтобы на деле превратить трудовые коллективы в подлинных хозяев предприятий. Чтобы не было принципиальных различий в этом отношении у кооператива или машиностроительного завода, совхоза или семейной фермы.

Мы ведем реформу уже три года. Но очереди в магазинах прежние. В кассах вокзалов — тоже. Дефицит не сократился. Качество изменилось мало. Если в стране есть природные ресурсы, есть руки и есть мозги, но нет нужных результатов, то причину надо искать в той системе, которая все связывает.

Реализуемым вариантам экономической реформы явно чего-то решающего недостает. Чего?

Вот в городе Загорске под Москвой много лет был убыточный завод. Сдали его в аренду его же коллективу. Коллектив уволил каждого третьего рабочего и каждого второго управленца. Начали обновлять технику производства, стали использовать отходы. Выполнили госзаказ. Получили доходы. Средний заработок к концу года выйдет по 500 рублей в месяц. Люди перестали быть наемной рабочей силой. Стали хозяевами. И сразу же навели порядок.

Если мы найдем хозяев для общественной собственности, то создадим новую, третью модель кардинальной экономической перестройки — модель хозяина. Что будет характерно для этой модели?

Наряду с Законом о государственном предприятии, Законом о кооперации, Уставом колхоза надо иметь главный закон — закон о социалистическом предприятии. В нем на деле надо воплотить идею о том, что и госпредприятия, и кооперативы, и колхозы являются социалистическими по природе и потому равноправными по отношению к государству. Поэтому все налоги (отчисления) должны быть одинаковыми. Желательно вообще все отчисления объединить в один налог, определяемый с учетом суммы взятых из общественных ресурсов размеров валового или чистого дохода, количества занятых и т. д. Точно так же все граждане, где бы они ни работали, должны со своих доходов платить единый прогрессивный налог. И с учетом этого базисного закона следует, мне кажется, пересмотреть все частные законы.

В новую, третью модель логически вписывается только остаточный подход к определению дохода. Здесь логична идея ограничения госзаказа твердой долей — пусть 70 процентов, но для всех без исключения. Оставшиеся 30 процентов позволят создать цельный свободный рынок, на котором будет все, разумеется, по договорным ценам.

Далее. Все предприятия делятся на три категории: областного, республиканского и союзного подчинения. Местные создаются и подчиняются местным (областным) Советам, республиканские — органам республики, союзные — органам Союза.

Единый налог у всех категорий предприятий везде делится на три части: отчисления в госбюджет Союза, республики и местного Совета. Но пропорции деления будут разными: одни — у предприятия местного подчинения, другие — у союзного, третьи — у республиканского.

В новой модели министерства из органов, управляющих всем, станут тем, что им под силу,— органами научно-технического прогресса. Они должны работать на основе добровольных отчислений предприятий или за счет средств госбюджета, а также кредита. Прямые поборы с предприятий полностью упраздняются.

Вместе с министерствами полностью реорганизуются и экономические ведомства. За итоги отвечают сами хозрасчетные звенья. Поэтому за суммарные итоги экономики центральные органы могут отвечать только по-новому. Если выяснилось, что в стране недостает сахара, то ты должен действовать, но прав прямо кого-то заставить производить сахар у тебя нет. Это будет принципиально иной, более высокий класс ответственности. Нечто вроде положения тренера во время игры футболистов — руководи по правилам, выбегать на поле нельзя...

Эффект третьей модели перестройки помимо чисто экономического будет иметь и другие последствия.

Во-первых, она окончательно разрешит спор между аппаратным

и демократическим вариантами перестройки. Не останется самой возможности сохранить руководство за аппаратом. Получив реальную экономическую самостоятельность, трудящиеся станут главной силой перестройки.

Во-вторых, именно такая модель способна создать экономический механизм регионального управления.

В-третьих, такая экономическая модель наиболее соответствует демократической модели политической и партийной жизни. И, наоборот, подлинная демократизация партийно-государственной сферы возможна только при такой экономической модели.

Кому выгодно повышение цен

Если есть такой участок, на примере вариантов перестройки которого становится наглядным безусловная необходимость перехода к новой модели экономического механизма, то этот участок — проблема розничных цен.

Для всякого мало-мальски экономически грамотного человека ясно, что цены, сформировавшиеся в период господства административных методов, к общественно необходимым затратам имеют отношение довольно условное. Поэтому с экономической точки зрения, чем быстрее мы перейдем к ценам, соответствующим стоимости, тем быстрее будет идти вся экономическая реформа. Именно поэтому известные ученые-экономисты такое внимание уделяют проблеме пересмотра цен.

Но даже самые прогрессивные руководители хозяйства склоняются явно или неявно к повышению цен. По существу, беспокойство в отношении роста цен на конференции выразил лишь тов. Шалаев, как и положено лидеру массовой организации трудящихся. И не только о ценах на сельхозпродукцию он говорил — о всех розничных ценах.

Не секрет, что во многих социалистических странах новый экономический механизм обернулся ростом розничных цен. Этот феномен мы по-настоящему не изучили. А он является одним из тех опасных подводных камней, на который обязательно натолкнется корабль и нашей перестройки.

Прежде чем перейти к волнующей меня (и всех, я думаю) проблеме розничных цен, хочу сделать три замечания о проблеме реформы цен вообще.

Все, что мы слышали об официальной реформе — все ее варианты,— не означает появления цен, соответствующих общественно необходимым затратам, отражающих структуру экономики, спрос и предложение. Речь идет о разовом пересмотре цен сверху по сверху же установленной методике. Это вариант нормативного подхода. Нет сомнения, что при таком аппаратном пересмотре грамотные руководители постараются по максимуму учесть экономические факторы. Аппаратное установление цен и методик их исчисления может преодолеть очевидные безобразия, устранить накопившиеся несоответствия, но ничего не гарантирует на будущее, так как не выведет нас в сферу объективного механизма определения цен. Почему-то это обстоятельство не смущает даже активных сторонников перестройки.

Второе. Если исходить из идеи сокращения госзаказа, выхода производителя на рынок и свободного установления там цен по соглашению продавца с потребителем, то реформа цен теряет свое значение ровно в той мере, в какой сокращается госзаказ.

Поэтому те, кто поднимает на щит реформу цен, или явно исходят из идеи сохранения госзаказа как главного по удельному весу, или хотят заставить свободно общающиеся хозрасчетные звенья пользоваться государственно установленными ценами, или «повязать» их утвер-

жденной методикой установления цен. В итоге смысл самостоятельности и рынка во многом пропадает, их возможности не будут использованы. Этого тоже не хотят видеть многие сторонники перестройки.

И третье. Нельзя смешивать оптовые цены, дотацию государства и розничные цены. Многие государства дают фермерам, регионам, областям дотации и вообще никак не трогают розничные цены. И ничего, получается даже неплохо.

С учетом этих соображений посмотрим на проблему розничных цен. Все справедливо говорят об их росте.

Чем вызван рост розничных цен? Есть ряд объективных факторов, о них обычно только и говорят. Дело, конечно, и в гигантских массах накопленных населением денег, выплаченных в прошлом, но ничем не обеспеченных. Дело порой и в том, что цены у нас кое-где настолько высоки или низки, что вообще ни под какие стандарты экономики не подходят. Есть проблема дефицита, чисто абсолютной нехватки тех или иных продуктов, изделий, услуг.

Один из факторов роста цен — значительные расходы государства в областях, не создающих продукции и услуг. В самом деле, если денег на рынке много и цены растут, то кто-то эти деньги передает в руки покупателей. Этот «кто-то»— наше государство. Пока оно за все отвечало, оно пыталось увязывать цены, выплаты денег, товарооборот. Теперь ситуация меняется. Деньги оно будет тратить, уже прямо не отвечая за сбалансированность. Иного не может быть при реальной самостоятельности хозрасчетных ячеек. Поэтому надо взять под всенародный контроль и кардинально пересмотреть все каналы расходов и выплат денег государством.

Рост цен на кооперативные пироги неизбежен, если на одного кооператора будут приходиться десятки государственных служащих, получающих зарплату в министерствах, в исполкомах за что угодно, кроме как за создание изделий.

Программа экономии госрасходов, пресечения попыток печатать деньги для покрытия прорех вместо упразднения склонных к прорехам участков — первая область борьбы с ростом цен.

Создание кооперативов сегодня означает обычно рост цен. Но цены растут и на государственные изделия даже при нынешнем хозрасчете. А если будет введен остаточный и тем более арендный? Если госзаказ уменьшится до 70, до 50 процентов и остальное будет реализовываться по ценам договоренности, по свободным ценам? Что удержит самостоятельные организации от повышения цен?

Получается своеобразная картина. В истории человечества рынок, товарное производство побеждали натуральное хозяйство низкими ценами. А у нас выходит, что, чем больше рынок, тем выше цена. Проблема тут не в рынке как таковом. Дело в ненормальной структуре экономики, создающей в одном месте дефициты, а в другом — избытки.

А главное — в монополизме наших производителей. Дело не в хозрасчете или рынке, дело в монопольном положении наших предприятий на этом рынке. Они не имеют конкурентов. Монополистом при капитализме становится тот, кто побеждает благодаря эффективности. Но наш монополист — итог административных усилий. Наш монополист — не победитель соревнования. Нередко это предприятие, представляющее собой вчерашний день мирового производства. И оно диктует цены.

Возьмем наш Интурист. Не секрет: повышает цены для иностранцев. Не секрет: вздувает цены на загранпутевки и для нас. А что существенно улучшилось в работе? А вот если вместо Интуриста иметь

10—15 самостоятельных республиканских объединений, имеющих право организовывать туры по всей стране? Возникнет соревнование за клиента. И почему не провести сходную демонополнзацию в системе Аэрофлота или, скажем, в программах телевидения? Разве станет хуже?

Чтобы предотвратить рост цен, помимо беспощадной экономии госрасходов надо разработать и реализовать в стране программу демонополизации. Демонополизация — обязательное условне третьей модели — модели реального рынка. В ней следует предусмотреть разукрупнение объединений. Создание в ближайшие же годы предприятнй-конкурентов. Привлечение конкурентов — кооперативов. Создание совместных предприятий. И, наконец, просто форсирование импорта. И не сокращать госзаказ, ие переводить на остаточный или арендный хозрасчет предприятия, пока они остаются монополистами. Если этого не сделать, реформа вместо роста эффективности приведет к росту цен.

Особенно острой среди всех проблем розничных цен считается проблема розничных государственных цен на мясо и молоко. Здесь якобы нужны чуть ли не срочные меры, иначе нет стимулов производить мясо и молоко.

Ну, вопрос о стимулах связан не с розничной ценой, а с дотацией от государства. И мне непонятно, почему наступит рай для производителей, если в магазине покупатель начнет платить больше на такую-то сумму и получать эту же сумму от государства в виде компенсации? Эффект от сокращения операций по перекладыванию денег, конечно, будет. Но этот эффект сопряжен с рядом более серьезных проблем.

Говорят, что у нас велики нздержки при производстве мяса и молока и они несопоставимы с розничными ценами. И эти розничные цены у нас ниже мировых. Но откуда у нас высокие издержки, если заработок жителя иашего села несопоставим с доходом фермера? Конечно, и производительность труда ниже, но главное все же в другом. Главное — не в самих высоких издержках, а в их типе, их природе.

Смотрите, цены в вагоне СВ повысили, а что изменилось? Плату в гостиницах повыснли — что изменилось? Аэрофлот лншил студентов льготных тарифов: вот вам, знайте, что такое хозрасчет. Может, очередь за авиабилетами уменьшилась? Почему же нам можно предполагать, что наш агропром стаиет исключением и рост цен иа мясо не будет квитаицией доплаты на плохое ведение дел в прошлом и векселем доплаты на плохое ведение дел в будущем?

Разве непосильными были нынешние цены для казахстанца Худенко? Разве пугают нынешние цены архангельского мужика, арендаторов Подмосковья? Нет, не пугают.

Для кого же звучат похороиным звоном нынешние цены? Для большинства созданных Сталнным, сохраненных Хрущевым, подкармливаемых все годы торможения бесперспектнвных колхозов и совхозов, а также всей партийно-государственной надстройки над ними. Для тех, кто не умеет вести перестройку. Кто тормозит семейный подряд, справедливо слыша в нем весть о том, что пора ликвидировать агропром и сотни тысяч кресел в других ведомствах.

У этой проблемы есть еще один аспект. Почему надо в дискуссию о ценах на мясо обязательно втягивать правительство, ЦК? Почему они должны прикрывать собой бюрократов-неумех?

А как же иначе? — могут сказать. Ведь все мясо-то идет государству! Но не проще ли снизить величину госзаказа наполовину? Тогда наполовину снизится и госдотация? Тогда каждый арендатор

охотно сделает больше, чем предписано госзаказом, так как все это он повезет и продаст сам илн через другого кооператора.

Цены в этом варианте вырастут, но не по усмотренню начальства, а как итог прямого взаимодействия на рынке. Одни цены будут в Эстонии, другие — в области, где мало что делается для семейного подряда. Одни — весной, другие — зимой. Но это ведь цены рынка, за них ЦК н правительство не должны и не могут отвечать.

А те цены, которые являются государственными, могут остаться на прежнем уровне, пока на рынке не возннкнет избыток и цены там не начнут снпжаться.

Очень важно не трогать государственные розничные цены. Ведь это яркнй показатель того, чем для народа обернется перестройка. Конечно, нзобилие при высокнх ценах предпочтительнее пустых прилавков. И все же лучше, чтобы этот процесс шел на рынке, без «вклада» государства. Если растет цена на рынке, деньгн достаются пронзводителю. Еслн растет государственная розннчная цена, деньгн достаются бюрократу.

Я уже не говорю о том, что никто и никогда не повернт, что реформа с перекладыванием денег из кармана в карман, проводимая темн, кто довел сельское хозяйство до ручки, проводимая чиновниками, неминуемо обернется залезанием в карман народа.

Уместно напомнить, что уступка Н. С. Хрущева давлению аппарата в вопросе о росте цен на мясо дорого нам обошлась. Экономику новые цены тогда не подняли, мяса не прибавили, а вот веру народа в реформы Н. С. Хрущева и в него самого подорвали. Неумение своего аппарата эффективно руководить Никнта Сергеевич оплатил. Но в нтоге он потерял поддержку масс, остался однн на один с бюрократами, и вопрос о его устранении через два года стал делом не политики, а закулисной техники.

Чтобы защитить народ от роста цен, надо, как минимум, исчислять в конце года коэффициент изменения цен, утверждать его на сессии Верховного Совета, автоматически изменять пенснн, стипендии, все твердые оклады. Цены должны стать оруднем чистки экономикн от ненужных органов и от неэффективных предпрнятий.

3.

Из истоков...

В. Новожилов

В. Немчинов

Е. Либерман

А. Бирман

А. Радов

В. Кокашинский

Н. Алексеев

В. Белкин

В. Переведенцев

Г. Попов

С позиции ученого

В. Новожилов

Профессор, доктор экономических наук

Вопросы развития демократического централизма в управлении социалистическим хозяйством [1]

Основная линия развития демократического централизма

Успешность организации управления социалистическим хозяйством зависит от полноты сочетания демократии с плановым централизованным руководством.

Творческая активность народных масс — важнейший фактор исторического развития. Чем шире творческое участие масс в развитии хозяйства и культуры, тем быстрее темпы роста производства и культуры. Это один из важнейших исторических законов.

Социалистическая революция освободила, так сказать, «атомную» энергию общества — творческую активность многомиллионных масс. Эта энергия проявилась в творческом созидательном труде народа. Тысячелетия угнетения и нищеты трудящихся масс прошли не бесследно. Они отразились на моральном и культурном уровне, и значит, на их творческих возможностях. При всем том эта энергия уже намного ускорила темпы хозяйственного и культурного развития.

Однако темпы прогресса зависят не только от активности масс, но также от ее направления, от ее организации. Роль этого фактора тем больше, чем выше уровень концентрации и специализации производства, чем сложнее хозяйственные связи. Поэтому с ростом крупного производства, с его специализацией, с усложнением хозяйственных связей возрастает роль *централизованного* руководства. Рост роли централизованного руководства хозяйством — экономическая необходимость, вытекающая из важнейших тенденций развития социалистического хозяйства.

Чем правильнее пропорции между отраслями производства, чем точнее учет хозяйственных взаимосвязей, тем плодотворнее активность масс, а потому тем выше темпы роста производства.

Отсюда следует, что закону непрерывного роста производительности труда в наибольшей мере соответствует двустороннее развитие демократического централизма — как в сторону дальнейшей демократизации управления, так и в сторону централизации. Односторонняя демократизация управления хозяйством не считается с законом планомерного, пропорционального развития социалистического хозяйства. Она таит опасность возникновения элементов стихии. Односторонняя централизация противоречит закону роста роли народных масс в истории.

Максимально возможные темпы развития обеспечиваются такой организацией управления народным хозяйством, при которой наиболее полно — в данных условиях — используются как творческая активность трудящихся, так и преимущества планирования.

Осуществленная в 1957 году коренная перестройка руководства

[1] ЛИЭИ. Труды кафедр общественных наук. Выпуск 24. Изд-во Ленинградского университета, 1958.

промышленностью и строительством направлена на эту двоякую цель. Она предусматривает как дальнейшую демократизацию планирования и управления хозяйством, расширяющую использование местного опыта и народной инициативы, так и укрепление централизованного планового руководства. Она отражает обе стороны демократического централизма в их развитии.

Задача состоит в том, чтобы при дальнейшем совершенствовании управления хозяйством так сочетать демократизацию управления с укреплением планового начала, чтобы активность масс развивалась в соответствии с планом народного хозяйства не только в основном, но и в *деталях,* не только в решениях больших вопросов, но и в повседневной практике.

Ведущая роль планового начала в развитии демократического централизма

Как же найти наиболее полное *сочетание* демократизации с централизованным руководством — такое, которое обеспечивало бы *наивысшие темпы* развития?

Конечно, ответ на этот вопрос зависит от конкретных условий. Но при любых условиях нужно знать, какая из сторон демократического централизма имеет определяющее, ведущее значение — демократизация или плановое начало.

Нетрудно понять, что демократизация сама по себе не определяет ни границ, ни форм планового руководства. Ведь она не только не включает планирования народного хозяйства, но — за известными пределами — *исключает* его.

Наоборот, плановое руководство обязательно *включает* известную демократизацию: нельзя же в одном центре сосредоточить решение всех вопросов хозяйственного строительства. Многие частные вопросы хозяйственного строительства могут быть правильно решены лишь на основе детального знания местных условий. В свою очередь разгрузка планового центра от решения множества частных вопросов позволяет ему научно решать общие вопросы развития народного хозяйства. Таким образом, демократизация не только совместима с научным планированием социалистического хозяйства, но необходима для этого. Совершенствование планового руководства является в то же время определением новых границ и форм демократизации управления.

Таким образом, границы демократизации содержатся не в ней самой (нет ничего легче, как расширить права мест), а в плановом начале.

Как совместить демократизацию с централизацией

Как же осуществляется двустороннее развитие демократического централизма — централизация при демократизации?

На первый взгляд соединение этих тенденций кажется несовместимым. Централизация состоит в росте числа наиболее значимых вопросов, решаемых в центре, а демократизация — в росте числа вопросов, разрешаемых на местах. Казалось бы, эти процессы не только несовместимы друг с другом, но находятся в обратной связи: чем больше компетенция центра, тем меньше компетенция местных организаций.

Однако в социалистической действительности демократизация и централизация совместимы. Они совмещаются путем роста числа и значения вопросов, которые решаются и центром и местами *совместно.*

Более того: демократизация и централизация не только совместимы, но и *связаны* друг с другом. Не может быть эффективной централизации без демократизации, а

эффективной демократизации управления — без централизации его. В развитии совместной организационной работы, кооперации центра и мест, вся суть прогресса в организации социалистической экономики. Чем больше хозяйственных вопросов решается совместными усилиями центра и мест, тем конкретнее и точнее отражаются в планах как общие, народнохозяйственные, так и местные условия, тем выше уровень планового руководства, тем эффективнее местная инициатива.

Как предел совершенства организации управления социалистическим хозяйством мы можем представить такое положение дел, когда *все* без исключения вопросы — от самых крупных до самых мелких — решаются совместно в центре и на местах. Ибо при современном разделении труда, при современных средствах сообщения экономические связи между частями народного хозяйства весьма тесны, сложны и разнообразны. Поэтому в социалистическом хозяйстве *все* вопросы должны решаться с учетом условий и интересов народного хозяйства в целом.

Например, вопрос о том, из какого металла делать деталь машины (дефицитного или недефицитного),— вопрос не государственного масштаба. Однако его нужно решать с учетом народнохозяйственного баланса этого металла. Местные организации не могут в каждом случае, когда возникает вопрос об использовании дефицитного металла, учитывать весь баланс его. Следовательно, плановый центр должен хотя бы косвенно руководить решениями подобных (мелких) вопросов.

Централизация руководства народным хозяйством может осуществляться в двух основных формах: непосредственной и косвенной. Например, потребление дефицитного металла может регулироваться как лимитами его расхода, так и установлением повышенной цены.

Косвенная централизация состоит в установлении таких нормативов для расчетов затрат и результатов, при помощи которых «места» сами могли бы найти наилучшие варианты использования своих сил и средств — наилучшие с точки зрения народного хозяйства в целом. При социализме косвенная централизация состоит в плановом использовании закона стоимости, его экономических «рычагов».

На практике нужны обе формы централизации. Косвенная централизация нужна потому, что не все вопросы можно решать в центре. Непосредственная централизация является основой для косвенной: научно обоснованная система нормативов для расчета затрат и результатов может быть разработана только в связи с составлением народнохозяйственного плана.

Лишь при сочетании этих двух форм централизации могут быть достигнуты как наибольшее развитие планового начала, так и наиболее широкая демократия в хозяйственном строительстве. Например, при непосредственном лимитировании потребления дефицитного металла централизация ограничивается распределением металла по потребителям, а не по отдельным назначениям его. При использовании же лимитов потребители тем менее чувствуют руководящую роль центра, чем меньшее значение имеет цена металла для ограничения его потребления. Потребители в этом случае обычно преувеличивают свои заявки, что затрудняет народнохозяйственное планирование. Косвенное лимитирование посредством цен воздействует на все решения, касающиеся потребления металла, лишь бы эти решения были продиктованы хозяйственным расчетом. В то же время потребители металла при этом более эффективно участвуют

в составлении плана распределения металла, чем при непосредственном лимитировании потребления, так как они не заинтересованы в преувеличении своих заявок.

Использование закона стоимости как орудия плана имеет то замечательное свойство, что оно подчиняет плану *все* местные хозяйственные решения, вплоть до самых мелких вопросов. Неподчинение плановым директивам, выраженным языком и средствами закона стоимости, равносильно действию во вред и коллективным и личным материальным интересам: оно связано с понижением доходности предприятия, с убытками, с понижением заработков (премий и т. п.). Поэтому закон стоимости может служить чрезвычайно эффективным орудием планового руководства хозяйством. И чем лучше используется закон стоимости планированием, тем шире может быть демократизация без риска возникновения элементов анархии производства.

Таким образом, мы снова убеждаемся, что границы демократизации содержатся не в ней самой, а в плановом начале, в частности, в возможностях дополнения непосредственного регулирования косвенным — через использование закона стоимости.

Укрепление хозяйственного расчета — важнейшая задача совершенствования управления промышленностью и строительством

Отсюда ясно, что демократизация управления промышленностью и строительством органически связана с укреплением хозяйственного расчета. Укрепление хозяйственного расчета состоит не только в расширении самостоятельности предприятий (повторяем: это легче всего сделать!), но прежде всего в совершенствовании его как орудия планирования народного хозяйства.

Ведущим началом в укреплении хозяйственного расчета должно быть совершенствование его как орудия централизованного руководства.

В этом отношении возможности велики.

Хозяйственный расчет может гораздо лучше служить планированию, чем он служит в настоящее время.

Известно, что задания плана далеко не всегда поддерживаются хозрасчетной выгодностью их выполнения. Бывают «выгодные» и «невыгодные» для предприятий задания. Хозрасчетная выгода часто расходится с народнохозяйственным интересом, с планом.

Недостатки показателей валовой продукции общеизвестны. Известно, что предприятиям зачастую невыгодно экономить материальные затраты, так как это отрицательно отражается на валовой продукции, а вместе с тем на показателях производительности труда. Известно, что по этой же причине предприятиям зачастую невыгодно выполнять план *по ассортименту*. То же надо сказать о рентабельности и показателях использования производственных фондов. Рентабельность предприятий нередко расходится с высшей (народнохозяйственной) рентабельностью, а применяемые показатели использования фондов не отражают народнохозяйственной *эффективности* этого использования.

Расхождения между хозрасчетными и народнохозяйственными показателями настолько обычное явление, что их считают чем-то неизбежным. Более того, расхождение между высшей рентабельностью и рентабельностью предприятий (то есть убыточность эффективных для народного хозяйства производств) некоторые экономисты почитали за преимущество социализма.

Но так ли это?

Если при капитализме частная выгода расходится с общественной выгодой, то это естественно.

Если в начале социалистического строительства многие важнейшие отрасли промышленности были еще убыточны, то это понятно. Несомненно, что в прошлом, на заре социалистической индустриализации, плановое руководство гораздо слабее могло использовать закон стоимости, чем ныне. Важнейшие отрасли промышленности были еще убыточны. Поэтому хорошо, что план индустриализации мог осуществляться и без поддержки его законом стоимости, даже вопреки этому закону.

Теперь же силы социализма настолько возросли, что можно ставить задачу более совершенного использования закона стоимости как орудия планирования.

Расхождения между народнохозяйственными и хозрасчетными показателями затрудняют экономические расчеты и основанное на них планирование, затрудняют определение результатов работы и распределение по труду. Наконец, эти расхождения ограничивают возможности демократизации хозяйственного руководства, расширения прав руководителей предприятий и хозяйственных организаций. Там, где контроль рублем недостаточно эффективен, нужен контроль лимитом. Например, если цена дефицитного сырья недостаточно ограничивает его потребление, то необходимо строго централизованное распределение между важнейшими потребителями. В противном случае это сырье может быть израсходовано на второстепенные нужды в ущерб первостепенным.

Поэтому объективной основой для существенного расширения прав предприятий является ликвидация расхождений хозрасчетных показателей с народнохозяйственными.

Узловая проблема хозяйственного расчета

Такие расхождения большей частью возникают в силу ненадежности, недостоверности хозрасчетных показателей. Основными же источниками недостоверности их являются неправильные методы их построения.

Трудно представить себе более грубую ошибку в экономических расчетах, чем утрата различия между приходом и расходом, результатом и затратами. А между тем элементы этой ошибки, хотя и в прикрытом виде, содержатся в измерении результатов работы предприятия валовой продукцией по заводскому методу.

В самом деле валовая продукция отражает результат работы не только данного предприятия, но также и ряда других предприятий, доставивших средства производства, израсходованные на выпущенную предприятием валовую продукцию. Поэтому валовая продукция предприятия может увеличиваться за счет роста расхода полученных «со стороны» средств производства. Понятно, что, включая материальные *затраты* в показатель *результатов*, мы поощряем не экономию материалов, а перерасход их. Этот недостаток показателя валовой продукции настолько хорошо освещен в нашей печати, что излишне приводить здесь иллюстрирующие его факты.

Принципом построения всех хозрасчетных показателей должна быть достоверность отражения в них соответствующих народнохозяйственных явлений. При этом главная трудность здесь состоит в том, чтобы достичь отражения в *движении* показателей: чтобы каждому приращению хозрасчетных показателей соответствовало такое же приращение народнохозяйственных показателей. Достоверность — закон советской статисти-

кн. Он распространяется и иа хозрасчетные показатели.

От достоверности хозрасчетных показателей многое зависит.

От достоверности нзмерений затрат н продукта зависит правильность составляемых на местах плановых предположений, то есть правильность всей основной работы по составлению плана.

От достоверности хозрасчетных показателей зависнт оплата по труду. Ведь главная трудность оплаты труда состоит не в определеиии *нормы оплаты* еднннцы результата, а в *измерении результатов* труда. Чем достовернее измерение результатов, тем теснее может быть связь между результатом труда и его оплатой, тем полнее может быть материальная заинтересованность в результатах производства.

Достоверность показателей является вместе с тем необходнмым условием расширения оперативных функций. В противном случае расширение прав предпрнятнй расширит вместе с тем возможность использования хозрасчетной выгоды в тех случаях, когда эта выгода не совпадает с народнохозяйственной.

Наконец, вопрос об упрощении и уточнении отчетиостн тоже связан с достоверностью показателей. Чем менее достоверны показатели, тем больше их нужно — для дополнения и контроля одннх показателей другими — и тем менее достоверна отчетность.

Таким образом, повышение достоверности хозрасчетных показателей — основа для улучшения планирования, учета, распределения по труду и роста материальной заинтересованностн трудящихся в результатах труда. Это одно из важнейших условий совершенствования организации социалистического хозяйства.

Можио ли так стронть цены и хозрасчетные показатели, чтобы хозяйствеиный расчет был безотказиым орудием плана? В этом вряд лн можно сомневаться.

Современный уровень наших знаний позволяет представить основные черты такого планирования цен и такой организации хозяйственного расчета, при которых выполненне плана по ассортименту будет выгоднее для предпрнятня, чем нарушение ассортимента, прн которых экономия на хозрасчетной себестонмости будет отраженнем экономнн народнохозяйственных затрат, прн которых предприятие будет заинтересоваио в прогрессе технню, в наилучшем использовании производственных фоидов и т. д.

Добиться такого положения, конечно, нелегко. По сути дела, задача состоит в том, чтобы, считаясь с законом стоимости, овладеть механизмом его действия н *использовать его в социалистическом планировании, подчинив его действия задачам народнохозяйственного плана.*

Это возможно на основе изучения не только общего характера действия закона стоимости, но и *количественных* закономерностей его действия. Без этого нельзя научно рассчитать такие цены, которые отражали бы действие закона стоимости, направленное на выполнение плана. Без этого нельзя иаучно рассчитать хозрасчетные нормативы (рентабельности и др.).

Закон стоимости в условиях социализма еще недостаточно изучен. Однако над этой проблемой мало работали. Если бы на нее было затрачено столько же труда, сколько затрачивается на решение крупнейших проблем естествознания илн техники, то положение было бы нное.

А между тем по своему значению эта проблема не уступает крупнейшнм проблемам любой отрасли наукн. Правда, она недооценивается, но, как это ни странно на первый взгляд, недооценивается вследствие исключительиой широты ее значення.

В силу сложности хозяйственных взаимосвязей потери, причиняемые недостатками расчетов затрат и результатов, распространяются на множество звеньев. Поэтому их нелегко заметить и определить. Если рабочий испортит изделие, потеря очевидна и легко калькулируется. Гораздо труднее учесть потери от плохой организации цеха или завода, хотя эти потери могут быть гораздо больше потерь от брака. Еще труднее заметить и измерить потери от неправильных методов расчетов затрат и результатов, хотя они могут выражаться во многих миллиардах рублей.

Недостатки основных хозрасчетных показателей затрудняют действие экономических законов социализма — закона планомерного (пропорционального) развития, закона распределения по труду, закона непрерывного роста производительности труда. Они затрудняют двустороннее развитие демократического централизма.

Их устранение — научная задача первостепенного значения. Ведь речь идет о лучшем использовании важнейших преимуществ социализма, об использовании колоссальных резервов творческой энергии многомиллионных масс трудящихся. Значение этой задачи можно сравнить лишь со значением проблемы использования внутриатомной энергии. Правда, между этими проблемами есть существенные различия. В частности, резервы творческой энергии «атомов общества» доступны не каждому общественному строю. Однако именно поэтому задача использования этих резервов заслуживает особого внимания нашей науки.

В. Немчинов

Академик

Социалистическое хозяйствование и планирование производства [1]

В ходе нашего социалистического строительства накоплен колоссальный опыт планирования народного хозяйства и руководства процессами экономического развития. Перед советскими экономистами сейчас остро стоит задача теоретически обобщить этот почти полувековой опыт.

Особого внимания заслуживает прежде всего всестороннее изучение характера отношений между непосредственно хозяйствующими ячейками и народнохозяйственным целым, возникающих в процессе планирования и управления сферой материального общественного производства. С течением времени эта проблема приобретает все более актуальный характер, так как наши планы становятся все более всеобъемлющими и всеохватывающими. Плановое начало ныне проникает во все поры народного хозяйства. Расширение и углубление роли сознательного планового начала в социалистической экономике требует поэтому более полного соответствия техники и методов планирования принципам и нуждам живого, непосредственного, непрерывного хозяйственного процесса.

[1] Коммунист. 1964. № 5.

1

Прн составленнн и реалнзацин плана решающее значение нмеет правнльное распределенне функцнй, а также прав н обязанностей между планнрующнмн органамн н нсполннтельнымн хозяйственными звеньямн. Ннкакой вышестоящий орган не может знать столь же хорошо внутренние производствеиные ресурсы н условия производства, как само предпрнятне. Прн централнзованном планнрованин особенио важно поэтому соблюдать иеобходнмую меру централнзации, с тем чтобы всегда обеспечнвать достаточиый простор для инзового плаинроваиня н для ннннцнатнвы мест. И ннкакое увелнченне чнсла плановых показателей не обеспечит рацноиальных экономнческнх взаимоотношеннй между центром н местамн, между центральнымн плановымн оргаиамн н предпрнятнямн.

Известио, что народиохозяйствеиное планнрованне — лншь часть управления общественным пронзводством. В частностн, можно нметь хорошо составленный план, но плохо подготовнть его реализацию. Очевидно, что превращеиие промежуточных расчетных показателей в директнвные плановые показатели, прнзваиные отражать только конечный результат социалнстнческого хозяйствовання, — путь неправнльиый. Такое расширенне плановых показателей прнводнт лншь к тому, что экономнческая система иачииает терять нужную гнбкость и оперативность. Прн такой снтуацнн для местного почнна н творческой ннннцнатнвы первнчиых пронзводственных ячеек общества н отдельных хозяйственных работннков остается слншком мало простора. При таком неправнльном расширеннн плаиового иачала воцаряется снстема адмнннстрнроваиня, основанная на ложном представлении о том, что якобы плановые работиики и адмннстраторы могут одни руководить общественным производством, не мобнлнзуя творческую хозяйствениую самодеятельность, не нспользуя прннцнп личной материальной занитересоваииости трудящнхся в результатах коллективиого труда.

Известно, кроме того, что некоторые плаиовые показатели (иапрнмер, валовая продукцня), успешио выполияющие свою функцню иа уровне народнохозяйствениого планнровання, в то же время явно нскажают результаты хозяйственной деятельностн отдельных предпрнятнй. На базе этого противоречня, иапрнмер, возникла проблема совершеиствовання некоторых плановых показателей. В частностн, вноснтся предложение о внедреннн в практику специального плаиового показателя «иормативиая стонмость обработкн». Опыт показывает, что во многнх отраслях показатель нормативной стонмости обработки достаточно хорошо отражает объем работы, выполнениой коллективом предпрнятия. Очень часто возникает такое положенне, когда совокупный результат общнх согласованных усилнй совершенно не соответствует сумме отдельных результатов. Можио, иапрнмер, по каждому в отдельностн совхозу нлн колхозу нметь в текущем году прирост урожайности с гектара, а в целом по экономическому району, наоборот,— сннжеине средней урожайностн, еслн прнрост посевиых площадей в отдельных частях этого районa, нмеющнх более низкий уровень урожайностн, окажется соответственно большнм, чем прирост посевных площадей в другнх частях районa, с более высокнм уровием урожайности.

Неправнльно считать, что главиая трудиость иа пути дальнейшего углубления н расширеиия планового иачала в нашей экономике н превращения его во всеобъемлющее н всеохватывающее начало состоит в подборе определеиной снстемы сводных (еднных от инза

до верха) и дифференцированных плановых показателей. Здесь возникает более сложная проблема. Это сразу же выяснилось, когда наши плановые органы приступили к реализации директивы о том, чтобы народнохозяйственный план базировался на планах, непосредственно составляемых предприятиями. Стало очевидным, что эту правильную директиву нельзя понимать примитивно, как требование, чтобы народнохозяйственный план был простой суммой низовых планов. Народное хозяйство есть сложная экономическая система, и она не тождественна простой сумме своих элементов и первичных ячеек. Она состоит из ряда менее крупных хозяйственных систем (например, отраслей производства, экономических районов, хозяйственных объединений). Эти малые экономические системы, в свою очередь, распадаются на первичные производственные (предприятия) и потребительские (семьи) хозяйственные ячейки. Между ними всегда возникают не только прямые, но и обратные связи. В такой сложной системе отношений весьма существенное значение имеют различные стимулы поведения, в частности стимулы материального и морального поощрения. Простым сложением плановых и отчетных показателей нельзя измерить всю совокупность таких отношений. Даже простая информация, заключенная в низовых планах, не может быть просто суммирована. Она должна быть предварительно качественно и количественно преобразована еще до того, как будет использована при составлении плана в вышестоящем звене.

Хорошо известно, что укрупненные плановые технологические нормативы, средние для всего объединения в целом, существенно зависят от планового ассортимента продукции, выпускаемой по всему объединению, от размещения производственной программы между отдельными заводами, от технологических способов производства и от сырья, которое используется. Следовательно, укрупненная система нормативов, например, материального снабжения для всего объединения может быть получена лишь в виде нормативов, соответствующим образом преобразованных, то есть взвешенных по факторам, от которых зависит уровень первичных технологически обоснованных нормативов. Так же обстоит дело с нормативами машинного времени при планировании использования станочного парка и производственного оборудования и в ряде других подобных случаев.

В связи с этим укрупненные нормативы никогда не могут быть чем-то постоянным и неизменным. Только при более совершенной системе обработки их на электронных вычислительных машинах можно обеспечить необходимую гибкость и изменчивость сводных укрупненных нормативов, с тем чтобы они отражали в нужной мере состав первичных технологических нормативов, их образующих.

При объединении малых систем в крупные экономические системы решающее значение всегда имеет структура более крупной системы. А это совершенно не учитывается, когда более крупная экономическая система рассматривается примитивно, как простая сумма первичных малых экономических систем.

Примитивное понимание взаимоотношений между большими и малыми экономическими системами может создать лишь такую окостенелую механическую систему, в которой все параметры управления заданы заранее, а вся система залимитирована сверху донизу на каждый данный момент и в каждом данном пункте. Жизнь неизбежно будет вносить весьма существенные коррективы в такую систему, вследствие чего плановые показатели не будут иметь необходимой строгой определенности, а станут «рези-

новым». Такая залимитированная сверху донизу экономическая система будет тормозить социальный и технический прогресс и под напором реального процесса хозяйственной жизни рано или поздно будет сломана.

Для того чтобы экономические системы разной степени сложности существовали и действовали согласованно, нет никакой необходимости добиваться их механического и арифметического тождества, а вполне достаточно обеспечить необходимый приоритет за крупной экономической системой и такое преобразование потока экономической информации, которое обеспечивало бы бесперебойное действие механизма обратных хозяйственных связей (реакций, корректирующих отклонения от программы).

Эти обратные связи в экономике могут реализоваться лишь через систему хозяйственного расчета и через систему различных общественных фондов, в частности фондов предприятий (например, фонда материального стимулирования, фонда развития предприятия, фонда новой техники и т. д.). Порядок пополнения и расходования этих фондов должен регулироваться нормативами длительного действия, установленными в порядке экономического законодательства. *Основное и главное состоит в том, чтобы механизм планирования сомкнуть с системой хозяйственного расчета и с системой общественных фондов предприятия.* Важно как можно скорее найти пути и методы создания такого общественного механизма. В этом корень решения проблемы рационального планирования и управления материальным производством. И только так будет приведен в действие механизм обратных связей.

Механизм обратных связей следует заранее отрегулировать так, чтобы и система хозрасчета, и система фондов стимулировала полное выполнение хозяйственными объединениями и предприятиями заказов-заданий народнохозяйственного плана. Нормативы длительного действия, регулирующие систему общественных фондов предприятия и систему хозрасчетных отношений, надо подобрать и скорректировать таким образом, чтобы все время обеспечивать и поддерживать те народнохозяйственные пропорции, которые соответствуют основным директивам народнохозяйственного плана. В этом же направлении будет использоваться и вся система экономических рычагов (плановые цены, кредит, субсидии и дотации, финансовые санкции).

2

Опираясь на хозрасчетные отношения, необходимо хозяйственные возможности предприятий привести в соответствие с требованиями народнохозяйственного целого. Последнее возможно при условии радикального изменения взаимоотношений между плановыми органами и низовыми предприятиями. В частности, для этого требуется, чтобы плановые органы экономически эффективно и рационально размещали между предприятиями и стройками через сеть хозяйственных органов достаточно рентабельные заказы на поставку продукции, вытекающие из народнохозяйственного плана. Каждое предприятие должно предварительно представлять плановым органам свои предложения об условиях, на которых оно готово выполнить тот или другой плановый заказ на поставку продукции (с указанием ассортимента, качества, сроков, цены). Хозяйственные же и плановые органы должны размещать свои заказы лишь между теми предприятиями, которые предложат условия выполнения плановых заказов, наиболее выгодные для народного хозяйства в целом.

Согласие предприятия принять соответствующее плановое зада-

ние, будучи подкреплено письменным документом, превращает плановое задание в плановый заказ. Такой порядок более сложен для плановых органов, но он необходим как фильтр против проявлений голого волюнтаризма и вполне реален. Такая система может быть названа *хозрасчетной системой планирования,* так как в ней органически сочетаются плановые и хозрасчетные начала — те начала, которые должны регулировать любую хозяйственную деятельность в условиях социализма. Из каких элементов состоит эта система и каковы условия, обеспечивающие ее бесперебойное действие? Хозрасчетная система планирования будет действовать безотказно только в том случае, если она будет построена на следующем принципе: все то, что полезно и выгодно для народнохозяйственного целого, должно быть выгодным и для предприятия, реализующего соответствующую часть плана в качестве исполнительного звена. Этот принцип может быть обеспечен, если плановое задание превратится в плановый заказ и если будут устанавливаться основные условия выполнения заказа, в частности если цена будет приемлема как для планового органа, так и для предприятия.

Договорные отношения, возникающие при такой системе между предприятиями, хозяйственными объединениями и плановыми органами, не могут ограничиваться рамками годового срока действия, а должны иметь более длительный характер. При жестком годовом календарном планировании непрерывность хозяйственного процесса неизбежно вступает в резкое противоречие с прерывным, дискретным характером самого планирования. Если замкнуть весь процесс социалистического хозяйствования в узкие календарные рамки, то хозяйство каждый год как бы планируется заново. Живая ткань хозяйственного процесса неизбежно разрывается, и, как следствие, нарушается внутренняя непрерывность и последовательность самого процесса хозяйствования.

Между тем каждый календарный отрезок производственного процесса неразрывно и тесно связан с предыдущими периодами в единый, многостадийный процесс хозяйственного развития. Возникающие при этом новые потребности должны оформляться дополнительными договорными отношениями. Дело, таким образом, может свестись лишь к размещению новых заказов, а в необходимых случаях — к уточнению старых. Ведь изменение портфеля заказов происходит в любой календарный отрезок времени, что находится в полном соответствии с подлинной непрерывностью хозяйственного процесса!

Хозяйственные договоры, однако, должны предусматривать определенные обязательства не только для низовых предприятий, но и для вышестоящих хозяйственных и плановых органов. Для плановых органов эти обязательства выражаются в цене, установленной договором, и в обязательстве реализовать (купить) весь заказанный ассортимент продукции через точно определенные хозяйственные органы.

Ненормальность существующего порядка планирования состоит в одностороннем характере обязательств. Наши низовые предприятия все время получают сверху определенные плановые процентные задания (по росту объема производства, по повышению производительности труда, по снижению себестоимости и т. д.), а вышестоящие органы, как правило, не несут перед низовыми предприятиями никакой ответственности за диспропорции в планах. Планы производства, планы по труду, планы финансирования, кредитования, материально-технического снабжения часто не согласованы друг с

другом. Причина в том, что раздельно планируются отдельные элементы хозяйства. Механизм современного планирования построен так, что каждая строка и колонка плана имеют своего хозяина, а комплексность плана организационно не обеспечена. Изменения одних показателей плана далеко не всегда сопровождаются соответствующими изменениями, других его показателей. Взаимные же обязательства не всегда оформляются договорами с заказчиками и поставщиками. Договорная дисциплина крайне слаба.

Только превращение планового задания в плановый заказ и соответствующее хозрасчетное оформление планового заказа через конкретные хозяйственные объединения и предприятия позволят комплексно увязать друг с другом отдельные строки и колонки народнохозяйственного плана.

При хозрасчетной системе ликвидируется и другой существенный дефект современной процедуры планирования, когда планирование цен оторвано от планирования объемных количественных показателей. Между тем народнохозяйственный план может в полной мере отвечать закону пропорционального развития, если цены, предусмотренные планом, находятся в полном соответствии с уровнем трудовых, материальных и денежных затрат и если они обеспечивают всякому нормально работающему предприятию минимальный уровень рентабельности.

3

Народнохозяйственный план может быть взаимно согласован во всех своих частях и оптимален не при всякой, а только при вполне определенной системе цен, в частности, полностью отвечающей объемным показателям плана в смысле сбалансированности производства и потребления и экономически эффективного использования трудовых, производственных и природных ресурсов.

Мощное, крупное, многоотраслевое социалистическое хозяйство ни в коем случае нельзя рассматривать как натуральное, основанное на прямом натуральном продуктообмене. И при переходе к коммунизму общество не может не сопоставлять результаты и затраты труда своих членов, не может обойтись без оценки результатов хозяйственной деятельности своих первичных производственно-потребительских ячеек, не может не учитывать экономическую эффективность использования производственных мощностей и планомерно развиваться без оценки рациональности использования хозяйственных и природных ресурсов.

При социализме деньги и товар перестали быть свидетельством на присвоение прибавочного продукта и на получение дани с трудящихся, как это имеет место при капитализме. Однако товар и деньги и в социалистическом обществе продолжают выполнять очень важные функции. При углублении общественного (отраслевого и территориального) разделения труда решающее значение приобретает производство товаров, предназначенных не для собственного потребления, а для потребления другими ячейками общества.

Постоянная дефицитность тех или иных ресурсов материально-технического снабжения в основном определяется тем, что мы продолжаем рассматривать предметы снабжения не как товары (со своим законами эквивалентного обмена), а как объекты прямого продуктообмена. Для того чтобы процесс эквивалентного обмена шел непрерывно, предметы производства государственных предприятий должны поступать в обмен в основном через систему оптовой государственной торговли. У нас же в области материально-технического

снабжения, в сущности, продолжает действовать как бы своеобразная «карточная система». Отпуск предметов материального снабжения оформляется выдачей нарядов из предварительно выделенных для каждого предприятия детализированных по всем наименованиям натуральных фондов. Все ресурсы материально-технического снабжения распыляются между бесчисленным количеством отдельных фондодержателей (организаций и предприятий) и отдельных детальных товарных позиций. Громоздкая система предварительных заявок на фонды, затем последующий многократный пересмотр фондов и далее обязательное оформление через систему нарядов отпуска потребителям предметов материального снабжения неизбежно приводят к болезням обмена веществ в нашем хозяйственном организме. Наряды, как и всякие карточки, всегда отовариваются не на то количество товаров, которое действительно нужно в данное время и в данном месте, а на все количество, предусмотренное в фондах и нарядах. В результате в одних звеньях народнохозяйственного организма накапливаются ненужные в данный момент материальные ценности, а в других ощущается их острый недостаток.

Дефицитность материальных ресурсов в подавляющем большинстве случаев есть порождение такой нерациональной системы их распределения. В конце концов все будут обеспечены материалами, но из-за несовершенной системы происходит, с одной стороны, замораживание оборотных средств, а с другой — ощущается постоянный недостаток предметов материально-технического снабжения.

Следует также подчеркнуть, что процесс производства и обращения может протекать беспрепятственно лишь в том случае, если в основу народнохозяйственного плана положена совместная система уравнений, в которых экономические оценки и плановые цены взаимно согласованы и соответствуют физической (объемной) структуре производства и потребления. В условиях рыночной, капиталистической экономики этот процесс протекает стихийно, за спиной производителя, а у нас он должен регулироваться планомерно и сознательно в процессе налаженного обмена товарами.

В социалистическом обществе острая потребность в сбалансированной и взаимно согласованной системе плановых цен и объемных показателей плана имеет также силу непреложного закона, хотя сам процесс взаимного согласования и балансирования должен осуществляться сознательно путем прослеживания на электронных вычислительных машинах поведения данной системы, например системы материального снабжения.

Регулирующая сила цен настолько велика, что буржуазные экономисты, как правило, противопоставляют цены плану и часто провозглашают лозунг: «Цена вместо плана». Мы же, советские экономисты, уверенные в регулирующей силе плана, иногда скатываемся к противоположному утверждению: «план вместо цены». Между тем, на наш взгляд, единственно *правильное решение этого вопроса* состоит *в целенаправленном совмещении плана и цен.* Здесь приоритет плана реализуется в том, что сами цены также подлежат планированию; плановые цены должны в полной мере отвечать объективному процессу формирования цен и соответствовать процессам создания и перераспределения стоимости.

Плановый контроль за соответствием цен их стоимостному уровню может быть оформлен в виде определенных строгих экономических и плановых расчетов. В этих расчетах найдет отражение не только учетная, но и стимулирующая и

перераспределительиая роль цеи. На этой основе будет возможен постоянный и систематический контроль за ценовыми пропорциями и их соответствием стоимостному уровню.

Однако сама процедура текущего планироваиия цен может быть организована без современной громоздкой системы планирования, включающего цeитрализованное составление детальных прейскураитов цен. Прежде всего твердые, редко меняющиеся цены следовало бы устанавливать только на ограниченное число товаров, имеющих особо важное значение. Таковы важнейшие товары, определяющие материально-культурный уровень жизни населения, и товары, определяющие уровень производственных издержек. Твердые цены необходимы лишь на базисные массовые номенклатурные их позиции, а для остальных товаров этой группы можно устанавливать предельные лимитные (от—до) соотношения к исходным базисным товарам. Для приведения таких цен в соответствие с теми, которые вытекают из баланса производства и потребления и баланса спроса и предложения, целесообразно использовать особый общегосударственный фоид регулирования цеи. Большииство же остальных товаров может входить в группу, по которой утверждаются лишь так называемые «контролируемые цены». Эти цены разрабатываются хозяйственными объединениями и ведомствами и утверждаются Высшим советом народиого хозяйства СССР или союзными республиканскими правительствами. На все же товары несерийного производства цены могут устанавливаться самими предприятиями при условии строгого соблюдения утвержденной методики калькуляции таких цен.

Более гибкая и совершенная процедура плаиирования цен позволит полностью исключить противопоставление плана цене и цены плану. Только в этом случае цеиы смогут выполиять свою основную роль экономического регулятора обмена результатами труда отдельных хозяйствеиных ячеек общества. И только тогда плаиовые цеиы будут регулятором обмена одиих составных элементов общественного продукта на другие. Такая система вполне достаточна для поддержаиия нужной пропорциональности и планомерности экономического развития всей экоиомической национальной системы в целом.

Систематическое использование цен в процессе народиохозяйствеиного планирования в полной мере соответствует и принципам демократического централизма. В виде стабильных и одновременно гибких цеи все хозяйственные ячейки общества получат в свое распоряжение надежный критерий для выбора оптимального режима хозяйствеииой деятельности, при котором локальиый (частиый) оптимум в полной мере будет совмещаться с общим (народнохозяйствеиным) оптимумом.

4

При хозрасчетной системе планироваиия приицип рентабельности хозяйственной деятельиости предприятия через плаиовые цены и систему общественных фоидов (пополнеиие и расходование которых регулируется законодательно установлеииыми нормативами длительного действия) увязывается с общим плановым принципом пропорциональиого (планомерного) экономического развития всего хозяйствеиного целого. При этой системе плаиирования обществу в целом будет поступать осиовная доля прибылей, полученных в производствеином процессе, и в то же время сами хозяйственные ячейки приобретут необходимую материальную заинтересованность в повышеиии реитабельиости своей хозяйственной деятельности. Ведь

материальная заинтересованность данного производственного коллектива в результатах своей хозяйственной деятельности в основном определяется лишь той частью прибыли, которая отчисляется в различные общественные фонды предприятия (фонд коллективной дополнительной оплаты труда, фонд развития предприятия и т. д.).

Для придания полной определенности отношениям между финансовыми органами и предприятиями необходимо законодательно установить нормативы длительного действия, заранее регулирующие ту достаточно большую часть фактической прибыли, которая поступает в распоряжение предприятия. При этом, если предприятие выпускает товары, не покрывающие по ряду причин спрос на них, отчисления в фонд предприятия могут быть максимальными и, наоборот, по товарам, не пользующимся спросом, эти отчисления могут быть минимальными или даже равными нулю.

Так как в плановом хозяйстве в конце концов существует только один — государственный — карман, у нас одно время господствовало мнение, что якобы нет смысла законодательно регламентировать процессы распределения прибылей между государством и предприятием. Однако опыт учит, что и в одном кармане крайне важно различать отдельные кошельки. Только тогда можно обеспечить дифференцированный подход при регулировании режима социалистического хозяйствования и хода самих экономических процессов.

Общество имеет явно выраженную ячейковую структуру (семейное домашнее хозяйство, предприятие, объединение, государство). Поэтому далеко не безразлично, каким образом регламентируются и регулируются отношения между отдельными ячейками общества, а также между каждой ячейкой и народнохозяйственным целым.

В теории управления экономикой приходится различать управляющие и исполнительные звенья, а среди характеристик той или другой экономической системы особо выделять параметры управления. Для капиталистической экономики роль параметров управления играют налоговые ставки, ссудный процент, субсидии, дотации. В социалистической плановой экономике среди параметров управления на первое место выступают контрольные цифры, определяющие плановое задание для исполнительных звеньев системы. Однако и при социализме финансовые и кредитные рычаги также имеют известное значение. В этих условиях крайне важно уточнить методику и технику планирования, имея в виду использование экономических рычагов, стимулирующих хозяйственную деятельность предприятий в направлении, определенном народнохозяйственным планом.

Существующая ныне практика определения плановых заданий в процентах к достигнутому уровню приводит к тому, что наши передовые ячейки оказываются в невыгодном положении. При такой системе более высокие задания все время получают именно передовые хозяйства и, наоборот, более низкие и льготные задания — отстающие звенья системы.

Даже при одинаковом проценте повышения нового планового задания передовое предприятие оказывается в менее выгодных условиях, ибо абсолютный размер одного процента повышения плана у передового предприятия намного выше, чем у отстающего. При действующей системе процентного планирования, исходя из достигнутого уровня производства, нередко усилия коллектива стираются последующим планом, ибо он сразу же поглощает весь результат предыдущих усилий коллектива. Поэтому руководители предприятий часто вынуждены скрывать свои

ресурсы и резервы от плановых органов и работать не в полную силу, чтобы в следующий плановый период не поставить свой коллектив в трудные условия невыполнения нового, повышенного плана.

При планировании от достигнутого уровня между управляющими (в частности, плановыми) и исполнительными звеньями складываются совершенно ненормальные взаимоотношения, когда исполнительные звенья всеми способами добиваются минимального планового задания по выпуску продукции и максимального задания по капитальным вложениям, а управляющие звенья стремятся к обратному. Не случайно наши плановые и статистические органы лишь весьма поверхностно знают производственные мощности предприятий и отраслей производства. Между тем в основе народнохозяйственного планирования должно лежать именно планомерное наращивание производственных возможностей, осуществляемое не только на базе капитальных вложений в новое строительство, но и путем всемерного повышения коэффициента съема продукции с единицы наличной производственной мощности.

5

При составлении техпромфинплана главная задача состоит в том, чтобы правильно определить производственные мощности хозяйства. Производственные мощности зависят от ассортимента плановой продукции, от качества сырья и топлива, от возможности ликвидировать «узкие места», лимитирующие производство. Поэтому *целесообразно, чтобы низовые техпромфинпланы всегда содержали несколько вариантов повышения производственной мощности* как результата соответствующего изменения планового ассортимента, изменения качества сырья и топлива, утверждения ассигнований на капитальные вложения, необходимые для ликвидации «узких мест», и т. д. Все варианты должны сопровождаться расчетами заводской себестоимости, производительности труда и удельных капитальных вложений.

В таких условиях задача плановых органов и хозяйственных объединений будет состоять в том, чтобы правильно разместить плановое задание-заказ, максимально используя производственные мощности предприятия. Сейчас главная задача заключается в том, чтобы выполнение народнохозяйственного плана в полной мере сочетать с экономически эффективным использованием таких ресурсов, как производственные мощности и земля. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1964 года о практике планирования колхозного и совхозного производства указывает правильный путь решения этой проблемы. Суть дела заключается именно в том, чтобы обеспечить сочетание государственного руководства со всемерным развитием творческой инициативы и активности на местах. Это в равной мере относится ко всем отраслям хозяйства. Хозрасчетное планирование позволит правильно использовать производственные мощности промышленных и строительных предприятий.

Каждому производственному коллективу общество предоставляет определенные производственные мощности. В силу этого каждый производственный коллектив обязан обеспечить определенную рентабельность их использования. Поэтому полная заводская стоимость продукции должна складываться не только из заводской себестоимости, но и из обязательных нормативных начислений на основные и оборотные фонды, которые переданы обществом в распоряжение предприятия. Такие начисления будут обязывать предприятия обеспечи-

вать минимальную экономическую эффективность (рентабельность) функционирующих в их производстве фондов.

В последнее время ведется интенсивная научная работа по выработке объективных методов определения нормативов рентабельности основных производственных фондов и по определению экономической эффективности капитальных вложений. Результаты исследований дают основание полагать, что в недалеком будущем может быть предложена методика определения норм обязательных начислений на основные фонды, которые учитывали бы вещественный состав фондов и экономическую эффективность их использования в разных отраслях производства.

Непреложный закон хозяйственного строительства, сформулированный в Программе КПСС, предусматривает получение максимального хозяйственного результата при минимальных трудовых, материальных и денежных затратах.

Нормативные начисления на основные и оборотные фонды есть одна из форм выражения минимальных требований общества в отношении ожидаемых хозяйственных результатов от использования производственных ресурсов. Это один из экономических критериев оптимизации техпромфинпланов предприятий. *Начисления на основные фонды* следует рассматривать как *объективный метод планирования рентабельности предприятия.* Такой метод значительно более совершенен, чем иные существующий метод планирования рентабельности в процентах к заводской себестоимости. Последний не логичен, ибо с повышением себестоимости рентабельность должна падать, а не расти. Кроме того, введение дифференцированных обязательных начислений на основные фонды позволяет правильно учитывать экономические условия работы отдельных предприятий, имеющих разную фондовооруженность труда и, следовательно, разную производительность труда.

Введение обязательных норм начисления на основные фонды позволяет *ликвидировать «бесплатность» основных фондов,* одновременно наладить более экономное использование производственных фондов, уменьшить фондоемкость единицы валового выпуска продукции, а также сократить капиталоемкость единицы прироста продукции.

Планирование производственных мощностей, так же как и планирование рентабельности в виде начислений на основные фонды,— непременные элементы хозрасчетной системы планирования.

Переход от «планов-заданий» к «планам-заказам», так же как и ориентировка на планирование производственных мощностей, позволит в очень большой мере ликвидировать администрирование и всевозможные проявления волюнтаризма в области народнохозяйственного планирования и управления.

Хозрасчетная система планирования создает надежный *фильтр* против пережитков стихии волюнтаризма в звеньях социалистического хозяйствования. Можно утверждать, что стихия волюнтаризма и в наших условиях, если позволить ей разрастись, приведет к вредным последствиям, в отдельных случаях не меньшим, чем результаты стихийной конкуренции при капитализме. В условиях административного волюнтаризма творческая свобода хозяйственников в выборе способов и методов выполнения плана крайне ограничена. Положение здесь аналогично тому, какое было на заре промышленной революции с паровыми машинами. Например, во времена Ньюкомена, когда еще не был изобретен регулятор Уатта, движение пара в паровой машине регулировалось тем, что специальный человек в

нужный момент дергал ручку золотника.

Как и в механике при управлении машинами, так и в управлении экономикой такое положение не может быть терпимо. В условиях современной передовой поточной, автоматизированной техники мы не можем мириться с подобным, отжившим свой век методом управления производством.

6

При переходе на хозрасчетную систему планирования возникает острая необходимость внедрять в народное хозяйство автоматизированные системы управления. Под этим прежде всего понимается автоматизированная система сбора, обработки и преобразования экономической информации (отчетной и плановой), а также автоматизированная система экономических и плановых расчетов как основа для плановых решений, принимаемых в центре и на местах.

В настоящее время по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР начата большая работа по проектированию автоматизированной единой системы сбора, передачи и обработки экономической информации, по созданию сети диспетчерских пунктов и вычислительных центров, а также по выработке соответствующих экономико-математических и математико-статистических моделей экономических процессов и народнохозяйственного планирования. Начата и подготовка кадров специалистов такого профиля.

Автоматизированное формирование потоков экономической информации, идущей снизу вверх, обеспечит текущее наблюдение за ходом выполнения народнохозяйственного плана и может, кроме того, в случае необходимости обеспечить своевременную перегруппировку элементов народнохозяйственного плана в целях поддержания пропорциональности и планомерности всего экономического развития. Также автоматизированные электронные системы управления используют познанную необходимость, и их нельзя отождествлять с механизмом стихийно действующих процессов. Изгонять из общественной жизни автоматизм стихийных процессов мы можем только при широком использовании автоматизированной системы планирования и управления в народном хозяйстве, построенной на основах современной электронной техники.

Автоматизированные электронные системы управления призваны обеспечивать приоритет директивам и контрольным цифрам народнохозяйственного плана и одновременно содействовать широкому использованию хозрасчета и экономических рычагов в виде системы общественных фондов, цен, прибыли, кредита. Наличие автоматизированной системы сбора и обработки экономической (отчетной и плановой) информации позволит широко использовать и систему общественных фондов.

При этом широко могут быть использованы и нормативы длительного действия, устанавливаемые в порядке экономического законодательства. Эти нормативы могут, например, регулировать размеры отчислений от прибылей предприятий в государственный бюджет, а также в фонд материального стимулирования и в фонд развития предприятия и т. д. Квоты отчислений, в частности, могут зависеть от соотношения между фактической и нормативно начисленной прибылью (исчисленной в процентах к стоимости наличных основных и оборотных фондов предприятия). При этом отпускные цены целесообразно строить так, чтобы поступление начисленных прибылей в государственный бюджет было обеспечено по крайней мере в среднем по отрасли.

При хозрасчетной системе планироваиия в экономическом законодательстве следует предусмотреть дифференцированные квоты распределения прибылей между государством и предприятнем, особо предусмотрев те случаи, когда фактические прибыли не превышают нормативно начисленных. Если фактические прибыли меньше нормативно начисленных, то в фонды предприятий может поступать известная доля экономии от снижения себестоимости, а также экономии по фонду оплаты труда и экономии от повышения производительности труда. Эту долю также можно фиксировать путем законодательства в виде нормативов длительного действия.

7

Вся система экономических рычагов должна быть отрегулирована через нормативы длительного действия и цены таким образом, чтобы предприятиям было выгодно выполнять директивы и контрольные цифры народнохозяйственного плана. И это вполне реальная задача. В дальнейшем совершенно недопустимо такое положение вещей, когда особо дефицитные или стратегически важные товары оказывались бы убыточными для предприятий, а не пользующиеся спросом, неходовые товары — высокорентабельными.

В социалистической экономике, развивающейся под мощным воздействием закона планомерного (пропорционального) развития, существенное значение имеет и закон стоимости. Хозрасчетная система планирования позволяет органически увязать действие обоих законов и на этой основе постоянно совмещать народнохозяйственный оптимум (складывающийся под влиянием закона плаиомерного пропорционального развития) с локальными оптимумами (возникающими под влиянием закона стоимости). При помощи стабильной, но гибкой системы цен, рациональной системы общественных фондов и полнокровной снстемы хозрасчета вполне возможно обеспечить совместное действие этих двух законов, ибо тогда действие закона стоимости будет подчинено действию закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства.

При этой системе планирования соответствие общего и локального (местного) оптимумов будет основываться на такой системе цен, которая, как экономические множители, не только балансировала бы всю систему народнохозяйственного плана, но одновременно стимулировала бы хозяйственную деятельность всех предприятий в направлении выполнения всех заданий плана.

При правильно функционирующей системе цен и системе нормативов длнтельного действия, закрепленных законодательно, можно обеспечить такое положение, при котором предприятие будет стремиться получить заказ от плановых органов и от хозяйственных объединений как раз на те виды товаров и на тот их ассортимент, которые запроектированы в общем народнохозяйственном плане.

Такое *совмещение* разных *оптимумов (общего и частного)* обеспечивает низовым предприятиям и объединениям необходимую хозяйственную инициативу и простор для выбора способов и путей выполнения планового заказа. А для всего народного хозяйства в целом оказывается возможным выполнить при реализации плана также и требования, вытекающие из народнохозяйственного плана. Непрерывность хозяйствеиного процесса при этом обеспечивается тем, что годовые текущие планы строятся как определенные календарные отрезки перспективного плана, а годовые и текущие календарные планы предприятий определяются

портфелями их заказов и сроками выполнения этих заказов, предусмотренными хозяйственными договорами.

Только сроки выполнения плана поставок, определенные хозяйственными договорами и портфелем заказов, в состоянии отразить в полной мере потребность в товарах по более дробным, чем год, календарным отрезкам времени.

Если текущий годовой народнохозяйственный план составлен хорошо, то отпадает необходимость добиваться механического и арифметического тождества между годовыми показателями общего народнохозяйственного плана и годовым разрезом обязательств, вытекающих из хозяйственных договоров. Тогда народнохозяйственный план сможет выполнять свойственную ему роль общего ориентира хозяйственной деятельности отдельных предприятий и их объединений.

Единая система экономической информации и ее преобразование на электронных вычислительных машинах вместе с тем обеспечивает текущее наблюдение за степенью соответствия между показателями текущих народнохозяйственных планов и календарных планов предприятий, основанных на выполнении портфеля заказов. Расхождение в этих показателях, выявленное при экономическом анализе, будет служить основанием для соответствующих команд со стороны управляющих звеньев экономической системы, направленных в адрес как исполнительных звеньев (предприятий), так и плановых органов. Во всяком случае, наличие существенных расхождений в показателях плана и портфеля заказов может потребовать не только уточнения хозяйственных договоров, но и уточнения самого народнохозяйственного плана. Последнее особенно важно при составлении плана последующих календарных периодов.

Подведем итоги. Хозрасчетная система планирования, призванная сомкнуть процедуру народнохозяйственного планирования с договорной системой хозяйственного расчета и с системой материального стимулирования, состоит из следующих звеньев и строится таким образом:

1) предприятия представляют в плановые органы хозяйственных объединений и совнархозов варианты плана расширения своих производственных мощностей с указанием эксплуатационных и капитальных затрат. Исходя из народнохозяйственного плана и этих вариантных планов-программ, плановые органы размещают между хозорганами и предприятиями план-заказ, оформленный в виде договора с указанием цены и других условий поставки;

2) предприятия калькулируют не только заводскую себестоимость продукции, но и определяют полную заводскую стоимость, равную современной заводской себестоимости плюс обязательные начисления на основные и оборотные фонды, определяемые по нормативам длительного действия, установленным экономическим законодательством. Результаты хозяйственной деятельности определяются как разность между плановой ценой и полной заводской стоимостью. Положительная разность характеризует добавочную прибыль, а отрицательная — недополученную прибыль. Фактическая прибыль определяется как сумма обязательных начислений на основные и оборотные фонды плюс добавочная прибыль или минус недореализованная прибыль. От фактической прибыли по нормативам длительного действия производятся обязательные отчисления в фонды предприятий (отдельно — в фонд материального стимулирования, отдельно — в фонд развития предприятия и в фонд новой техники). При некоторых условиях предусматривают-

ся отчисления предприятиям и от экономии себестоимости и экономии фонда заработной платы (по сравнению с предыдущим периодом по расчету на единицу изделия);

3) плановые оптовые цены устанавливаются на уровне *среднеотраслевой* стоимости. При неувязке между системами оптовых и розничных цен вводится фонд регулирования цен, пополняемый из общегосударственных доходов и расходуемый на субсидии оптовой (сбытовой и заготовительной) торговой сети. По заготовительным ценам, например, на продовольственное и фуражное зерно (стоимость которых планируется на уровне многолетней средней урожайности) вводится особый страховой фонд. Из этого фонда сельскохозяйственным предприятиям выдаются страховые премии в целях гарантирования уровня доходности, предусмотренной при планировании зональных цен в тех случаях, когда фактическая урожайность ниже принятой в калькуляции плановой цены вследствие неблагоприятных метеорологических условий, не зависящих от предприятия. Для контроля за соответствием цен уровню общественно необходимых затрат труда действует особая система плановых расчетов. Современная централизованная процедура составления прейскурантов цен существенно упрощается и децентрализуется;

4) вместо системы *натуральных* фондов, регулирующих использование материальных ресурсов, вводится разветвленная система *стоимостных целевых общественных фондов*, регулирующая весь процесс расширенного воспроизводства как на народнохозяйственном уровне, так и на уровне предприятий. Система стоимостных целевых фондов включает в себя не только специальные стоимостные фонды материальных ресурсов (топливно-энергетический, сырьевой, а также фонд комплектующих изделий и амортизационный фонд), но и фонд оплаты труда, премиальный фонд и фонд материального стимулирования, общественный фонд потребления и т. д. Пополнение и расходование всей этой системы целевых общественных фондов регулируется законодательно на основе нормативов длительного действия;

5) в целях коренного улучшения процедуры и техники планирования и управления общественным производством создается автоматизированная электронная система сбора и преобразования экономической информации, а также автоматизированная система производства массовых экономических, плановых и инженерно-технических оптимальных расчетов, необходимых для принятия в центре и на местах обоснованных хозяйственных и плановых решений.

Хозрасчетная система планирования, основанная на оформлении требований народнохозяйственного плана через систему хозяйственных договоров, безусловно, имеет огромные преимущества перед существующей ныне системой процентной разверстки показателей народнохозяйственного плана по хозяйственным органам и предприятиям.

Хозрасчетный метод планирования в полной мере соответствует и началам демократического централизма. Он поможет изжить методы администрирования в планировании и бюрократические приемы управления экономикой.

В настоящее время *нет более важной задачи, чем обеспечить простор для живого непрерывного процесса хозяйственной деятельности* путем приведения в необходимое соответствие методов и техники планирования и управления производством с непрерывностью и гибкостью живого процесса непосредственного социалистического хозяйствования.

Е. Либерман

Доктор экономических наук

Еще раз о плане, прибыли и премии [1]

В статье «За эффективное экономическое управление предприятиями» (Правда. 17 августа с. г.) академик В. Трапезников поднял вопрос о существенном повышении эффективности нашего производства на основе правильного использования прибыли. Это направление многие будут приветствовать. Проведенные на основе решений ноябрьского (1962 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС изменения в управлении народным хозяйством создали, на наш взгляд, особенно благоприятные условия к тому, чтобы усилить роль экономических методов воздействия на производство.

Для этого можно с успехом использовать прибыль как обобщающий (хотя отнюдь не единственный) показатель экономической эффективности производства. Следовало бы, с моей точки зрения, внести некоторые уточнения в предложения академика Трапезникова. Речь должна, по моему мнению, идти не о прибыли в абсолютной сумме, так как, чем крупнее предприятие, тем больше при прочих равных условиях будет и прибыль. Значит, для оценки эффективности надо прибыль отнести к какой-либо базе, характеризующей мощность предприятия. Целесообразнее всего в качестве такой базы принять стоимость производственных фондов предприятия. Тогда оценка будет производиться по рентабельности производства, под которой понимается отношение прибыли к стоимости производственных фондов. По-видимому, нужны для однородных предприятий по отраслям производства долговременные нормативы, которые должны определять меру поощрения в зависимости от достигнутого уровня рентабельности.

Дискуссия 1962 года показала, что величину поощрения надо соразмерять не только с величиной фондов, но и с массой сбереженного живого труда на каждом предприятии. Это вполне разрешимая задача. Норма поощрения будет зависеть от уровня рентабельности, но сама эта норма может быть выражена как доля фонда зарплаты или же как ставка на одного трудящегося. Например, при рентабельности в 10 процентов в поощрительный фонд отчисляется из прибыли 7 процентов к фонду зарплаты, а при рентабельности, скажем, в 20 процентов в фонд поощрения отчисляется 12 процентов к фонду зарплаты и т. п. Такие нормативы должны быть тщательно разработаны. Работники предприятия не будут заинтересованы в искусственном увеличении фонда зарплаты, так как оно повлечет за собой повышение себестоимости продукции, а значит, и уменьшение рентабельности.

Главным и наиболее серьезным возражением против рентабельности как показателя эффективности производства было то, что рентабельность весьма часто не совпадает с действительной эффективностью производства. Приводились многочисленные статистические данные в доказательство

[1] Правда. 1964. 20 сент. Печатается с сокращениями.

того наперед известного обстоятельства, что себестоимость продукции, например, растет, а прибыль и рентабельность в противоречие с этим фактом не падают, а увеличиваются и т. д. Но это отнюдь ие свидетельствует о том, что прибыль как измеритель эффективности работы ие годится. Это — следствие дефектов ценообразования.

Цены у нас слишком часто отрываются от своей естественой базы — общественно необходимых издержек производства, какие ближе всего измеряются среднеотраслевыми затратами на те или иные продукты труда. Принцип государственных плановых цен почему-то понимался как принцип застывших цен, причем для всех изделий на один и тот же длительный срок. Это и создавало пестроту рентабельиости изделий.

Но теперь все больше и больше распространяется убеждение, что цены должны сочетать стабильность с гибкостью. Цены должиы пересматриваться иа отдельные группы изделий по мере измеиения соотношений между издержками производства в среднеотраслевом масштабе и действующими цеиами, с учетом новизны, качества, эффективности новых изделий в эксплуатации или в потреблении.

Конечно, сочетание гибкости и стабильности цен — не простая и ие легкая задача. Но если подойти к ней с позиций разумной и необходимой децентрализации, то такая задача разрешима. При этом можно широко использовать применявшийся в довоенной практике и оправдавший себя во многих отраслях принцип расчетных внутриотраслевых цен. Тогда для всех потребителей цена остается стабильной, но для производителей, смотря по уровню их оснащенности или по естественно-геологическим условиям, цены будут различными, с тем чтобы создать для них равные условия рентабельной работы. Можно, конечно, использовать и принцип рентных платежей за недра или за фонды. Все это — вопросы, настоятельно требующие разрешения.

Только путем гибкой политики цен и серьезного поощреиия за рентабельность можно побудить предприятия наиболее эффективно использовать основные и оборотные фонды, непрерывно совершенствовать методы производства, обновлять типаж изделий и повышать качество продукции. Способы же, основанные на множественности оценочных показателей, диктуемых сверху в порядке заявочно-разверсточного планирования, вряд ли дадут нужные результаты.

Рентабельность в наших условиях вовсе не является единственным показателем эффективности. Прежде всего надо оценивать работу предприятия в зависимости от того, как оно выполняет поставки по количеству, номенклатуре, качеству изделий и срокам. Договорные поставки на основе прямых связей поставщиков и потребителей — основа стабильных плаиов. И эту оценку аккуратности поставщиков надо подкрепить рентабельностью. За нарушение условий поставок следует взимать чувствительные штрафы. И, наоборот, солидно поощрять добросовестных и инициативных поставщиков.

Такие показатели, как рост объема производства, повышение выработки, увеличение съема продукции с одного рубля основных фондов, снижение себестоимости и другие,— все они вместе и каждый в отдельности имеют самостоятельное значение в процессе планирования и учета. Но все они собираются, скрещиваются в рентабельности, которую потому и надлежит применять в качестве ключевого показателя для оценки эффективности работы предприятий.

Это вовсе не означает, что все разнообразие отраслей и предприя-

тий будет игнорироваться. Общий поощрительный фонд образуется на основе едниого принцнпа. Но виутри предприятий в разных отраслях н даже на различных заводах можно поощрять из этого фонда за те показатели, какие являются решающимн для данных условнй. Например, в добывающих и сырьевых отраслях или даже в заготовительных цехах больше всего поощрять за рост объема производства. В прнборостроении — за повышение иадежности продукции и т. д. Прн этом надо держаться правила: премирование строить не на инструкциях, регламентирующих до деталей процесс оценки и поощреиия, а на расширеннн прав предприятий, в рамках едниого фонда и общих закоиодательных норм. При чрезмерной регламентации премирование нередко превращается в надбавку, в гарантированные довески к зарплате, и его стимулирующая роль теряется. Надо побольше поощрять за индивидуальные достижения, причем быстро н оперативно.

В сущности, все эти принципы уже реализуются в опыте работы двух объедннений швейиой промышлеииости — «Большевнчка» Московского городского совнархоза и «Маяк» Волго-Вятского совнархоза. Ныне подготавливаются такие же опытные мероприятия и иа Украине. План для этих предприятий есть не что иное, как проекция заказов магазинов на данный отрезок времени. Предприятне составляет на основе заказов собственный план. Оценка идет по рентабельности, поощрение — только из прибылей, причем никакой регламентации того, за что и кого именно поощрять, не вводится, это — дело дирекции и общественных органнзаций предприятия. Все это сделано в целях улучшеиия качества продукции и ускорения ее реализации.

Полезно заметить, что речь идет не о реформе показателей, а о реформе взаимоотношеннй предприятий с народным хозяйством. Поэтому странно, когда спорят: что лучше — норматнвная стонмость обработки, напрнмер, или прибыль? Прибыль должна выступать как общая, конечная мера эффективностн. Но самое главное состоит здесь в том, что прибыль не надо предпнсывать в планах сверху каждому предприятию, равно как не надо лнмнтировать н другие качественные показатели. Все эти показатели обязательно будут планнроваться в масштабе республик и экономических районов, а также отраслей производства. Предпрнятия же со своей стороны на основе договоров поставок и норматива поощрения нз прибылей могут вполне самостоятельно разрабатывать свои планы. При этом предприятиям будет выгодно как в плане, так и фактнчески добнваться максимальной рентабельности.

А так как рентабельность есть фокус нли оптимальная точка пересечення всех других качественных показателей, то предприятия и должны стремиться к росту пронзводства, обновлению продукции (выгодные цены!), к новой технологии (снижение себестоимостн!), максимальному использованию оборудования по времени и мощности, минимуму оборотных запасов (высокая рентабельность!), повышению качества продукции (гарантия сбыта и реализация прибылей). Словом, онн будут обеспечивать реальную эффективность производства, а не формальное выполнение показателей.

Использование прибыли, следовательно, не просто замена других показателей показателем прибыли или рентабельности. Если прнбыль диктовать в планах, доводимых до предприятий, то нет гарaнтии против того, что предприятия нередко, как и теперь, будут стремиться к занижению планов и

тем тормозить прогресс в производстве. Вот почему предприятия должны иметь длительно действующий норматив поощрения, который бы не пересматривался каждый раз, когда предприятия его превзойдут. Предприятия всегда должны быть уверены в том, что доля успеха достанется заслужившему этот успех коллективу.

То, что выгодно обществу в лице государства, должно быть выгодно каждому коллективу предприятия и каждому его члену! Надо сделать так, чтобы каждый шаг вперед приносил огромную пользу обществу, но вместе с тем доля этой пользы никогда не шла бы мимо данного коллектива.

...Наша прибыль, если исходить из того, что цены правильно отражают среднеотраслевые издержки производства, есть не что иное, как инкассированный в денежной форме эффект роста производительности общественного труда. Вот почему мы можем, основываясь на рентабельности, поощрять за действительную эффективность производства. Но при этом поощрение не есть обогащение!

...Речь идет не о капиталистическом «предпринимательстве», а о том, чтобы усилить инициативу наших рабочих, инженеров и хозяйственных руководителей и поощрять за такую инициативу на основе социалистического закона «За высокие достижения — высокая оплата труда».

Многочисленные и подчас сложные задачи, возникающие на пути совершенствования методов экономического воздействия на производство, требуют, на наш взгляд, более серьезных мер, чем создание временной комиссии из инициативных экономистов, как это предлагает академик В. А. Трапезников.

По-видимому, нужен не междуведомственный, а надведомственный и постоянно действующий орган на самом высшем уровне, который руководил бы всеми проверочными мероприятиями и расчетами и подготовлял бы в поэтапном порядке систему законодательных актов в определенном, твердо принятом направлении.

В. Новожилов

Профессор, доктор экономических наук

Закономерности развития системы управления социалистическим хозяйством[1]

Важнейшая закономерность развития системы управления социалистическим хозяйством

На первый взгляд система управления социалистическим хозяйством является продуктом произвольного творчества законодателей и администраторов. Поэтому замена одного порядка экономического управления другим часто кажется исправлением допущенных ранее ошибок или недостаточно удачных решений. Однако это лишь формальная сторона дела. По существу же организация экономического управления подчинена действующим при социализме объективным экономическим законам. Всякое не-

[1] Экономика и математические методы. 1965. Т. 1. Вып. 5.

соответствие системы экономического управления этим законам вызывает последствия, побуждающие рано или поздно к изменению этой системы в направлении к лучшему соответствию. Поэтому развитие системы экономического управления — закономерный процесс.

На первых этапах социалистического строительства формы управления хозяйством подбирались чисто эмпирически, путем повторных исправлений вновь возникавших на практике несоответствий организации управления экономикой ее законам. Отсюда частота перестроек организации планирования и управления.

Однако по мере накопления опыта возникает возможность изучения закономерностей развития системы управления социалистическим хозяйством. Знание же этих закономерностей открывает путь к планомерному совершенствованию системы управления.

...Принцип демократического централизма в управлении экономикой — общий закон организации как социалистической, так и коммунистической экономики. Сформулированный В. И. Лениным еще в 1918 году, он проводился в той или иной форме на всех этапах социалистического строительства.

...Демократический централизм — оптимальный принцип управления социалистической и коммунистической экономикой. Кибернетика подтверждает и объясняет эту догадку. Народное хозяйство очень сложная стохастическая система, не поддающаяся описанию во всех своих деталях. Как отмечал Ст. Бир, чтобы получить возможность управлять такими системами, мы должны предусмотреть управляющий механизм, способный выполнять функции, которые нам не ясны, хотя мы сами строим этот механизм. Именно эти функции и может выполнять регулятор с обратной связью. В социалистической экономике таким регулирующим механизмом являются товарно-денежные отношения. Товарное производство способно поддерживать известную пропорциональность (соответствие) между своими элементами только на основе обратной связи. При капитализме соответствие производства спросу выражается равенством рыночной цены цене производства. Избыток (или недостаток) производства по сравнению со спросом вызывают такие отклонения рыночных цен от цен производства, которые побуждают предпринимателей к сокращению (соответственно — расширению) производства. Регулирующей переменной является общая норма прибыли: стихийный механизм обратной связи направлен на поддержание ее на определенном уровне. Однако, как известно, этот регулятор работает очень медленно, а потому допускает такие диспропорции, которые, по сути дела, представляют настоящие кризисы. Между решением того или иного предпринимателя и реакцией рынка на это решение (обратная связь!) проходит часто большой промежуток времени, в течение которого могут быть предприняты подобные же решения другими предпринимателями. Этот промежуток времени особенно велик в случаях, когда расширение производства происходит при внедрении новой техники: путем строительства новых предприятий, переоборудования существующих заводов. А чем позже обнаруживаются рыночные последствия предпринимательских решений, тем больше вероятность возникновения диспропорций. Поэтому периоды подъема капиталистической промышленности, связанные с внедрением новых технических средств производства, завершаются кризисами общего перепроизводства.

Большая длительность обратной связи в системе товарного производства — его существенный

недостаток. Поэтому организация управления социалистической экономикой в форме товарного производства самостоятельных государственных и кооперативных предприятий явно нецелесообразна. Ведь в этом случае совершенно не использовалась бы возможность централизованного планирования и регулирования. А эти возможности велики. Как ни сложно социалистическое хозяйство, оно может быть изучено в своих существенных элементах и взаимосвязях между ними. Может быть учтен также их стохастический характер — методами статистики. Знание же существенных элементов экономики и взаимосвязей между ними открывает путь для построения конкретной числовой модели ее оптимального развития, то есть составления народнохозяйственного плана. В этой модели должны быть обязательно определены те элементы и соотношения (пропорции), по которым товарно-денежная обратная связь действует наиболее медленно: план технического развития, капиталовложения. В качестве авторегулятора для детализации, незначительной корректировки плана (с учетом непредвиденных изменений обстановки) могут и должны быть использованы товарно-денежные отношения.

Таким образом, демократический централизм в управлении социалистической экономикой предполагает использование *двойного регулятора общественного производства:* централизованного руководства и авторегулирующих средств товарно-денежных отношений. Очевидно, что при оптимальной организации управления план и закон стоимости должны действовать согласованно. Это возможно только тогда, когда план создает такие условия, при которых экономические законы (в том числе закон стоимости) направляются на осуществление поставленных в плане задач. Зная количественные зависимости цен от тех условий, которые доступны воздействию планового руководства, можно так изменить эти условия, чтобы закон стоимости содействовал, а не противодействовал реализации плановых пропорций. В этом случае пропорции, диктуемые законом стоимости, совпадут с плановыми. Однако было бы неправильно считать, что в этом случае производство регулируется законом стоимости, ибо закон стоимости в данном случае играет роль подчиненного, вспомогательного регулятора. Основным же регулятором производственных пропорций при таких условиях служит план.

Если же плановые цены строятся вопреки закону стоимости, то закон стоимости противодействует выполнению плана, порождая либо диспропорции, либо излишнюю борьбу с возникающими диспропорциями.

Итак, при оптимальной системе управления социалистической экономикой главным регулятором является план, вспомогательным (подчиненным) регулятором — закон стоимости.

Исторические корни современной системы управления народным хозяйством СССР

Оптимальная система управления осуществима лишь при достаточно высоком уровне развития производительных сил, в особенности вычислительной техники, математики и экономической науки. Действующая у нас система экономического управления далека от оптимальной. Однако было бы неправильно думать, что она является результатом ошибочных решений. В своих основных чертах она сложилась еще в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства. И несмотря на частные реорганизации, эти черты сохранились и до сих пор. Вместе

с тем при этой системе управления были решены великие исторические задачи. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что в свое время действующая система управления соответствовала условиям развития производительных сил и политической обстановке.

В то время — в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства — задачи экономического управления были гораздо проще, чем ныне. Менее сложна была структура народного хозяйства (число различных отраслей, предприятий). Велики были источники *экстенсивного* роста производства — за счет увеличения числа работающих, ликвидации аграрного перенаселения. Вместе с тем переход от ручного труда к передовой технике обеспечивал большой прирост производительности труда даже при неоптимальных плановых решениях. Наконец, материальный уровень жизни трудящихся был еще невысок, а состав их потребления несложен.

Все эти условия облегчали централизацию управления экономикой. Централизация была в то же время исторически необходима. Только она могла обеспечить максимально возможные темпы социалистической реконструкции, необходимые в обстановке капиталистического окружения и назревавшей войны. Централизация управления хозяйством позволила сосредоточить силы и средства на решающих задачах — создании тяжелой промышленности, квалифицированных кадров, способных освоить новую технику, и др.

В послевоенное время условия развития производительных сил существенно изменились. Сложнее стала структура народного хозяйства: возросло число отраслей, предприятий, строек, товаров. Сократились источники экстенсивного роста производства. Возросло значение *интенсификации* производства — повышения эффективности использования всех ресурсов: труда, материалов, производственных фондов, капиталовложений, природных богатств. Темпы технического прогресса возросли, усложнились задачи выбора экономически наилучших вариантов. С ростом благосостояния трудящихся стал разнообразнее, изменчивее и требовательнее их спрос. Задачи экономического управления чрезвычайно усложнились и вышли за пределы возможностей строго централизованной системы управления. Назрела необходимость, с одной стороны, широкой демократизации экономического управления, привлечения творческой активности трудящихся к поискам и использованию новых резервов роста производства, а с другой стороны, перестройки централизованного руководства народным хозяйством на основе новых математических средств и электронной вычислительной техники.

Однако попытки провести дальнейшую демократизацию экономического управления до сих пор не дали существенных результатов. Проведенная в 1957 году перестройка управления промышленностью и строительством ограничилась лишь территориальной децентрализацией. Хозяйственная компетенция предприятий осталась без существенных изменений, несмотря на настойчивые пожелания практики об ее расширении. Не осуществились также намечавшиеся при организации совнархозов задачи укрепления хозяйственного расчета, повышения роли прибыли и усиления материальной заинтересованности предприятий в результатах их производства. Осуществление этих целей затруднялось той системой ценообразования, которая сложилась в условиях строгой централизации управления народным хозяйством. В то время перед политикой цен не ставилась задача согласования рентабельности с планом, хозрасчетной вы-

годы — с народнохозяйственной эффективностью. Цены ориентировались главным образом на затраты производства товаров и не отражали ограничений по ресурсам и по потребностям. Цены не содержали ни нормативной прибыли от производственных фондов, ни дифференциальной ренты и недостаточно сообразовывались с качеством продукции и спросом на нее. Такое ценообразование соответствует полной централизации распределения всех ресурсов по назначениям при регулировании индивидуального потребления, но несовместимо с демократизацией экономического управления. При отсутствии стоимостного учета ограничений по ресурсам (то есть при бесплатности пользования производственными фондами и естественными богатствами) необходимы лимиты, жестко ограничивающие количество предоставляемых предприятию ресурсов, независимо от возможной эффективности их использования. Стоимостный учет ограничений определяет нижнюю границу эффективности применения данного ресурса и тем самым заставляет использовать каждый вид ресурсов по достаточно эффективным назначениям. Лимиты определяют жесткое распределение ресурсов по хозрасчетным единицам, не ставя границ для эффективности применения. Бесплатность же пользования материальными ресурсами (бесплатность капиталовложений, пользования производственными фондами и природными богатствами) противоречит современной тенденции развития производительных сил — интенсификации использования всех ресурсов.

Как мы уже упоминали, действующая система цен недостаточно учитывает качественное и количественное соответствие продукта спросу. Односторонняя ориентировка цен на затраты (так, будто каждая затрата создает стоимость) происходит от подмены результатов затратами. Эта ошибка характерна не только для ценообразования. Тем же пороком страдают плановые показатели результатов работы предприятия — валовая и товарная продукция — и основанные на них показатели производительности труда. Ведь как валовая, так и товарная продукция представляют сумму результатов работы предприятия — чистой продукции — с материальными затратами. То же надо сказать и об измерении результатов работы предприятия по весу его продукции. Вес продукта, выпускаемого предприятием, зависит не только от эффективности труда работников предприятия, но также от расхода покупных материалов. Столь существенная погрешность в основном показателе успешности работы предприятия направляла деятельность трудящихся на повышение количества продукции в ущерб ее качеству, на лишние материальные затраты в ущерб чистому продукту: ведь количество продукта обычно легче увеличить, чем качество, а затраты легче увеличить, чем результаты.

Но односторонняя тенденция к количественному росту производства в ущерб качественным показателям, в ущерб экономии затрат порождает силы массового действия, тормозящие этот рост. Если отдельное предприятие может перевыполнить план по валовой или товарной продукции за счет перерасхода материалов и за счет качества продукции, то в народном хозяйстве продукция тесно связана с показателями использования ресурсов: заводы, выполняющие свои производственные программы без выполнения планов по качественным показателям, затрудняют или даже срывают выполнение производственных программ другими предприятиями и, значит, затрудняют или срывают выполнение производственной программы народного хозяйства в целом. Ведь

лишний расход труда и средств производства каким-либо предприятием лишает другие предприятия части рабочей силы и средств производства, необходимых для выполнения их планов по продукции. Следовательно, другие предприятия должны либо настолько перевыполнить планы по качественным показателям, чтобы компенсировать невыполнение отстающими предприятиями плана по качественным показателям, либо они не смогут выполнить свои производственные программы. Поэтому общее стремление выполнить план по валовой, товарной или по весу продукции за счет лишнего расхода материалов в конечном счете ведет к недовыполнению плана по количеству продукции по народному хозяйству в целом.

Вместе с тем одностороння ориентация плановых цен на затраты, отсутствие стоимостного учета ограничений по ресурсам и даже по потребностям, смешение в хозрасчетных показателях результатов работы предприятия с его затратами — все это крайне затрудняет демократизацию экономического управления. При таких условиях показатели эффективности предприятий не согласованы ни с народнохозяйственной эффективностью работы предприятий, ни с народнохозяйственным планом. Выгода предприятий может быть потерей для народного хозяйства, а одинаково необходимые задания плана могут быть разно выгодны для предприятия. При такой системе цен и хозяйственного расчета даже ограниченная демократизация экономического управления освобождает силы массового действия, направленные на образование диспропорций между спросом и производством, на излишний расход материалов, на производство изделий низкого качества и т. д. Таким образом, несогласованность авторегулятора (товарно-денежных отношений) с плановым регулятором социалистической экономики ставит очень узкие границы для развития демократических основ управления, вынуждает сохранять чрезмерную централизацию управления тогда, когда она уже не отвечает состоянию и развитию производительных сил, принуждает централизовать решение таких вопросов, по которым плановый центр, при существующей технике учета и расчетов, не может иметь достаточной и своевременной информации.

Основная линия дальнейшего развития организации управления народным хозяйством СССР

Отсюда следует, что основная задача совершенствования экономического управления состоит в согласовании авторегулирующих функций товарно-денежных отношений с плановым регулятором социалистической экономики.

Возможность согласования хозрасчета с планом, местной выгоды с общей доказана математической теорией оптимального планирования. Оптимальное планирование наиболее точно сообразуется с действующими при социализме экономическими законами. Математические схемы оптимального производства и ценообразования показывают свойства оптимального плана и оптимальных цен. Цены и хозрасчет в оптимальной системе планирования существенно отличаются от действующих. Во-первых, в хозрасчетные затраты кроме себестоимости включается плата за производственные фонды, капиталовложения и естественные ресурсы. Размер этой платы должен выражать наименьший эффект, который эти ресурсы дают в оптимальном плане. В некоторых случаях он может быть равен нулю. Во-вторых, оптимальные цены балансируют спрос и предложение. Следовательно, они сообразуются и

с качеством продукции, и с условиями взаимной замены продуктов сходного назначения, и с другими потребительскими свойствами продуктов: ведь все такие свойства учитываются спросом. В-третьих, при оптимальной системе цен и хозрасчета все задания плана, как правило, равнорентабельны, невыполнение плана убыточно, а решения лучшие, чем предусмотрено в оптимальном плане (новейшая техника), тем прибыльнее, чем выше их народнохозяйственная эффективность. Таким образом, оптимальные цены согласуют хозрасчет с планом, рентабельность с народнохозяйственной эффективностью. На такой основе уже сравнительно нетрудно построить систему стимулирования, при которой интересы каждого предприятия и каждого работника совпадали бы с интересами общества. Ведь первым — и самым сложным — условием усиления материальной и моральной заинтересованности в результатах производства является согласование хозрасчетной выгоды с народнохозяйственной. Материальную заинтересованность целесообразно усилить только по тем показателям, по которым местная выгода отражает общую. В противном случае усиление материальной заинтересованности исполнителей плана усилит их стремление использовать местную выгоду в ущерб общей. Моральная заинтересованность в высоких показателях тоже благотворна только при условии, если эти показатели отражают народнохозяйственную эффективность работы предприятия.

Как видим, согласование хозрасчета с планом придает плану новое качество, новую силу: план-директива становится вместе с тем экономическим законом для всех его исполнителей. Тогда можно будет провести самую широкую демократизацию экономического управления и даже превратить органы планирования и учета в органы общественного самоуправления.

От плана-директивы к плану — экономическому закону — вот основная линия дальнейшего развития системы руководства хозяйством.

Эта общая закономерность дальнейшего развития системы управления социалистическим хозяйством образуется из нескольких тенденций развития: 1) оптимизации планирования; 2) оптимизации ценообразования; 3) оптимизации хозяйственного расчета; 4) оптимизации распределения по труду; 5) демократизации экономического управления. Все эти тенденции — необходимые элементы основной закономерности. Торможение любой из них тормозит согласование авторегулятора с плановым регулятором социалистической экономики. Так, задержка оптимизации планирования затрудняет оптимизацию цен, хозяйственного расчета и распределения по труду (ведь только при оптимальном плане могут существовать оптимальные цены). Неправильная система хозяйственного расчета, путающая результаты с затратами, затрудняет выполнение оптимального плана. То же надо сказать о ценообразовании: неоптимальные цены исключают не только выполнение, но и составление оптимального плана. При наилучшей системе планирования, ценообразования и плановых показателей хозяйственного расчета получаются неудовлетворительные результаты, если распределение стимулирует не только производство чистой продукции, но также рост материальных затрат. Наконец план не сможет действовать как экономический закон, если права местных организаций будут так же ограничены, как ныне.

В силу тесной связи между всеми этими тенденциями задача совершенствования системы экономического управления становится исключительно сложной.

Оптимизация планирования производства и цен

Попытаемся наметить пути оптимизации управления и представить основные черты его оптимальной организации.

Несогласованность товарно-денежных отношений (авторегулятора) с планом — источник ряда недостатков действующей системы управления. Поэтому надо прежде всего достичь успеха в согласовании ценообразования и хозяйственного расчета с планированием производства. Ведущим началом в этом деле является оптимизация планирования. Это следует из теории двойственности. Оптимальные цены можно найти *после* составления оптимального плана производства *совместно* с нахождением этого плана, но *нельзя* найти *независимо* от оптимизации производства, ибо оптимальность цен состоит именно в соответствии их оптимальному производству. Цены должны стимулировать осуществление оптимальных производственных пропорций и затрат при хозрасчетной организации выполнения плана. Следовательно, планирование цен должно быть тесно связано с планированием производства на всех его уровнях.

На уровне народнохозяйственного планирования, естественно, оптимальные цены будут относиться к очень укрупненным группам товаров и ресурсов. Один из наиболее общих нормативов для расчета затрат и ценообразования — норматив эффективности капиталовложений — определяется на этом уровне планирования. Переход от укрупненных цен (сумм по группе товаров или индексов цен) к оптимальным прейскурантам и нормативам рентабельности конкретных видов ресурсов представляет еще нерешенную проблему.

В основе практически испытанных методов дезагрегирования цен укрупненных групп товаров лежит классификация товаров каждой группы по их однородности, взаимозаменяемости.

Цена группы товаров (то есть сумма цен той или иной отрасли) подразделяется по конкретным видам товаров пропорционально отношению потребительной стоимости данного товара к общей сумме потребительных стоимостей всех товаров данной группы. Подобный метод связан с большими условностями. Не только разнородные потребительные стоимости, но потребительные стоимости одного и того же вида в натуральных единицах несоизмеримы, если отличаются по качеству. Поэтому на практике (при пересмотре цен на машины) соизмерение потребительных стоимостей заменялось соизмерением экономического эффекта от их производства и применения. Нам кажется, что такая замена целесообразна. Она стимулирует технический прогресс и выбор наиболее эффективных его путей.

Однако планирование цен было бы еще теснее связано с планированием производства, если детализация плановых цен проводилась бы вместе с детализацией планов производства: укрупненные цены и нормативы эффективности ресурсов народнохозяйственного плана разбивались бы по более узким группам товаров при отраслевом планировании и, наконец, на цены отдельных товаров (прейскуранты) — при планировании производства объединений и предприятий.

Связь плана цен с планом производства можно установить путем *планового воспроизведения механизма закона стоимости,* уравнивающего цены спроса с издержками производства. При этом стихийный порядок (по принципу «сначала отрежь, а потом примерь») был бы заменен плановым (по принципу «семь раз примерь, а потом отрежь»).

Как указывает Энгельс, в коммунистическом обществе план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда.

Энгельс при этом предполагал, что закон стоимости утратит силу. В условиях действия закона стоимости сопоставление полезных эффектов продуктов с затратами труда на их производство осуществляется путем сравнения цен спроса с издержками производства товара. Цены спроса выражают общественную оценку полезных эффектов продукта в труде, который общество считает нужным затратить на производство единицы продукта при данных размерах его предложения. Нужно использовать это свойство цен спроса при установлении плановых цен. Потребители, как правило, могут лучше судить о полезных эффектах товаров, чем плановые органы. Потребительская же оценка полезного эффекта лучше всего выражается в тех затратах, которые потребитель готов сделать для приобретения данного товара. Это положение справедливо не только для конечного потребителя, но также для хозрасчетных предприятий — потребителей средств производства. Предприятия, как правило, могут лучше рассчитать эффективность применения в их производстве различных видов средств производства, чем плановые органы. Цена, которую предприятие может заплатить за каждое из взаимозаменяемых средств производства, не может быть больше, чем полезный эффект от использования соответствующих средств на этом предприятии. Поскольку расчет эффективности применения взаимозаменяемых средств производства обязателен для всякого нормально работающего предприятия, постольку предприятия должны располагать информацией, необходимой для потребительских оценок средств производства.

Такие оценки должны стать необходимым элементом *потребительских заказов*. Ведь каждая потребительская оценка должна быть непременно связана с указанием того *количества* товара, которое может быть потреблено по данной цене. В противном случае потребительская оценка не может быть использована в планировании производства. Размеры потребности зависят от цены, а издержки производства (и цена) — от размеров производства. Поэтому, не зная зависимости спроса от цены, нельзя определить размеры соответствующего ему производства. Отсюда следует, что дезагрегирование отраслевых показателей цен по товарам целесообразно проводить на основе *условных заказов потребителей,* в которых по каждому товару были бы предусмотрены различные варианты цены с соответствующими им вариантами количества товара и времени доставки.

Варианты цен должны быть разработаны на основе вариантов планов производства (по предприятиям и объединениям). Каждое предприятие может разработать такие варианты своей производственной программы, при которых ресурсы предприятия будут использованы возможно более полно и эффективно. В свою очередь проектные организации разрабатывают варианты новых заводов и реконструкции существующих. По всем проектным вариантам калькулируются издержки производства с учетом нормативного эффекта капиталовложений. По действующим предприятиям никаких начислений на производственные фонды в калькуляции по вариантам программы не следует вводить. Нормативы рентабельности производственных фондов определяются после нахождения цен продуктов отрасли. Та-

кой порядок отразит *определяющую роль издержек воспроизводства:* зависимость рентабельности существующих фондов (их моральный износ) от издержек производства на новейших заводах. Свод вариантов планов производства по отрасли (по действующим предприятиям и проектам новых предприятий) сопоставляется со сводом условных заказов на продукцию той же отрасли. На этой основе строится такой отраслевой план, при котором достигается наибольшее удовлетворение заказов при условии, что все заказы по каждому продукту (данного качества, в данное время и данном месте) выполняются по одной и той же цене и что эта цена по крайней мере безубыточна для всех предприятий.

Однако составленный таким образом план будет только первым приближением к оптимальному отраслевому плану, так как исходные цены, использованные для калькуляций и расчетов потребности, могут не совпадать с ценами на средства производства, полученными при составлении планов других отраслей. Следовательно, во всех отраслях потребуется составление новых вариантов производственных программ, новых условных заказов отраслевых планов.

Расчеты второго приближения производятся, исходя из цен на средства производства, полученных в отраслевых планах первого приближения.

Расхождение между ценами второго и первого приближений дает основание для расчетов отраслевых планов третьего приближения. Эти итерации сходны с порядком действия закона стоимости. Расхождения между ценами двух смежных этапов расчета отображают обратную связь — проверку рынком правильности хозяйственных решений. Однако, в отличие от стихийного действия закона стоимости, эти решения проверяются не путем их осуществления в производстве, а путем плановых расчетов. Сходимость этого процесса многократно подтверждена практикой товарного производства. И если даже при бесплановом осуществлении закон стоимости все-таки обеспечивает тенденцию к пропорциональности производства, то плановое воспроизведение его механизма будет гораздо эффективнее за счет ускорения обратной связи и устранения потерь от их медленного действия, за счет приближения к оптимуму.

Однако повторные расчеты вариантов отраслевых планов настолько трудоемки, что задача сокращения числа шагов (приближений) имеет очень большое значение. Особенно важно удачно определить *исходные* цены, используемые в расчетах планов первого приближения. Нам кажется, что в этом отношении лучшие результаты дадут исходные цены, построенные в соответствии с законом стоимости на основе средних *издержек воспроизводства* на новых существующих и проектируемых заводах. Эти издержки исчисляются по формуле так называемых «приведенных затрат», то есть с учетом нормативного эффекта от капиталовложений. В связи с этим при пересоставлении отраслевых планов корректируется также норматив эффективности капиталовложений и общая сумма капиталовложений народного хозяйства. Если плановое число рабочих мест превышает число рабочих, то норматив эффективности капиталовложений понижается, а общая сумма вложений увеличивается. Тогда возрастает средняя фондовооруженность труда, уменьшается число рабочих мест. Если же число рабочих мест меньше числа рабочих, то норматив эффективности капиталовложений повышается, общая сумма вложений уменьшается, а фонд потребления возрастает.

Составленные таким способом отраслевые планы должны охватывать ряд лет, включая год полного освоения проектируемых мощностей, новой техники и издержек воспроизводства, принятых как исходные для расчетов первого приближения. Поэтому составление отраслевых планов должно отправляться от плана последнего года периода, доходя последовательно до первого года. Тем самым за исходный пункт плановых расчетов будет принято наиболее пропорциональное строение производства, а потому и наибольшее соответствие цен закону стоимости, возможное в течение текущего периода. Планы и цены промежуточных лет будут переходными от существующего положения с его диспропорциями в производстве и отклонениями цен от общественно необходимых затрат к пропорциональному строению производства и соответствию цен общественно необходимым затратам труда.

Таким образом, образующиеся при составлении отраслевых планов цены будут постепенно приближаться к общественно необходимым затратам труда (эти затраты мы понимаем в том смысле, какой Маркс вкладывал в это понятие в III томе «Капитала»). Распространенное среди советских экономистов определение общественно необходимых затрат труда опирается на круг идей первого тома «Капитала». Тем самым упускается развитие общественно необходимых затрат в условиях образования цены производства и других модификаций стоимости. Между тем в III томе «Капитала» Маркс заложил основы более общей теории общественно необходимого труда, охватывающей не только те экономические условия, при которых цены пропорциональны стоимостям, но также условия, при которых цены пропорциональны модификациям стоимости.

При наличии существенных различий в эффективности используемых средств производства цены определяются не средними, а предельными издержками из всех тех издержек, какие необходимы для покрытия спроса на данный товар. Именно поэтому цены оптимального плана ориентируются на предельные издержки. Это не значит, что эти цены поощряют сохранение устарелой техники. Ведь уровень предельных издержек на старых орудиях зависит от издержек производства на новых, лучших заводах.

Определение цен предельными общественно необходимыми затратами труда соответствует тому указанию Программы КПСС, что цены должны обеспечивать возмещение издержек производства и известную прибыль каждому нормально работающему предприятию. Ориентация цен на средние общественно необходимые затраты связана с плановой убыточностью многих из этих предприятий, которые работают в худших технических или природных условиях, чем средние предприятия, но тем не менее общественно необходимы для покрытия потребностей.

Оптимизация хозяйственного расчета

Оптимальные цены — основа для оптимизации хозяйственного расчета. Исходя из них определяются нормативы рентабельности основных производственных фондов. Для оборотных фондов этот норматив должен быть близок к нормативу эффективности капиталовложений. Для основных фондов нормативы эффективности должны быть различны как по предприятиям, так — при дальнейшей детализации — по видам основных фондов. Нормативная рентабельность различных видов основных фондов должна быть положена в основу их будущей переоценки.

Различия в оценках одинаковых орудий труда в различных отраслях и предприятиях будут указывать пути повышения эффективности их использования за счет перераспределения их между отраслями и предприятиями. Для стимулирования наиболее эффективного использования орудий труда целесообразна унификация этих оценок по принципу: одна и та же оценка орудия данного вида и качества в данное время и в данном месте.

Наряду с рентабельностью производственных фондов должна быть нормирована дифференциальная рента с природных богатств. Ставки дифференциальной ренты должны отражать не фактическую эффективность использования природных богатств, а нормативную эффективность их в оптимальном плане. Тогда взимание дифференциальной ренты и нормативной прибыли (в виде платы за пользование производственными фондами) сообщит оптимальному плану производства силу экономического закона, нарушение которого убыточно, а перевыполнение которого выгодно для всех исполнителей плана. Поскольку перевыполнение оптимального плана возможно лишь за счет творческой инициативы исполнителей плана — внедрения таких способов техники и организации производства, которые не были известны при составлении оптимального плана,— постольку бóльшую часть сверхнормативной прибыли целесообразно оставить в распоряжении коллектива исполнителей плана. Эти отчисления коллектив предприятия должен получать до тех пор, пока понижение общественно необходимых затрат труда и цен на продукцию этого предприятия не сократит сверхнормативную прибыль до нуля. Срок реализации сверхнормативной прибыли будет тем дольше, чем труднее освоение тех приемов техники и организации, которые послужили основой для реализации этой прибыли, и чем медленнее понижаются общественно необходимые затраты труда. Значительный размер отчислений от прибыли и зависимость их от объективных условий — понижения общественно необходимых затрат труда — будет сильным стимулом для соревнования предприятий в темпах прогресса.

Оплата пользования материальными ресурсами согласует интересы хозрасчетных организаций с общими интересами. Естественно, что эта оплата должна быть установлена по определенному закону. Она должна выражать минимальный эффект, с которым используется единица данного ресурса в оптимальном плане. На этой основе сокращается до минимума число плановых показателей эффективности работы отдельных звеньев производства. Множественность показателей их работы при отсутствии объективных правил их соизмерения лишает хозяйственный расчет возможности *расчета* эффективности хозяйственных решений, эффективности работы. При таких условиях оценка эффективности неизбежно ставится в зависимость от субъективного усмотрения оценивающих инстанций.

Вопрос о важнейшем показателе эффективности хозрасчетного звена производства у нас до сих пор еще составляет предмет острых разногласий. А между тем с признанием действия закона стоимости в социалистической экономике этот вопрос решается, можно сказать, сам собой. По закону стоимости результаты работы каждого звена производства отражаются в общественно необходимых затратах труда, а затраты — в индивидуальных затратах труда. Норма прибыли (капиталистическая рентабельность) является лишь одной из форм сопоставления общественно необходимых затрат с индивидуальными затратами труда (выраженными в денежной единице). Эта форма служит не только для направления производства (то есть

для решения вопросов, что, сколько, как производить), но также для распределения прибавочной стоимости по капиталу.

В оптимальной системе хозяйственного расчета рентабельность тоже играет роль основного показателя эффективности работы предприятий и их объединений. Но по своему содержанию это иной показатель, чем нынешняя рентабельность в нашей практике и чем норма прибыли. Во-первых, она будет исчисляться на основе *сверхнормативной* прибыли, то есть дополнительной прибыли, полученной за вычетом прибыли, исчисленной по нормативам, установленным по видам ресурсов, с учетом их эффективности в оптимальном плане. Во-вторых, эту прибыль будет логично сопоставлять не с производственными фондами, а с трудовыми затратами предприятия: ведь нормативная эффективность фондов уже будет отражена в хозрасчетных затратах в виде платы за используемые материальные ресурсы. Таким образом, при оптимальной организации хозрасчета рентабельность приобретает естественный для социалистического предприятия смысл: это рентабельность труда, приведенная — платой за ресурсы — к равным экономическим условиям его приложения.

Оптимизация распределения по труду

Необходимой частью оптимальной организации социалистической экономики является оптимальное распределение по труду. Формула такого распределения: «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему».

Оплата труда еще далека от этой формулы. Тому препятствует прежде всего неправильное измерение результатов производства. При этом особенно далека от формулы оптимального распределения оплата организационных функций. Это отчасти объясняется особыми трудностями измерения эффекта организационной работы.

Подлинная мера результатов живого труда — чистая продукция. Однако чистая продукция *зависит от условий приложения труда:* его технической вооруженности, качества используемых природных ресурсов, местоположения и других условий. При этом условия приложения труда в производстве одной и той же продукции на различных предприятиях обычно не одинаковы. Поэтому оплата труда по чистой продукции нарушала бы принцип распределения по количеству и качеству труда. Работники предприятий, лучше оборудованных, использующих лучшие природные богатства, получали бы за тот же труд гораздо большую плату, чем работники предприятий, находящиеся в менее благоприятных условиях. Значит, *распределение по труду предполагает приведение чистой продукции каждого производителя к одинаковым условиям приложения труда так, чтобы одинаковый по качеству и количеству труд в любых необходимых в оптимальном плане условиях производства давал бы одинаковую приведенную чистую продукцию.* Лишь тогда можно будет исчислить, сколько каждый производитель сам дает обществу, как это требует приведенная выше формула распределения по труду. Приведение чистой продукции к равным условиям приложения труда предполагает нормирование рентабельности в соответствии с эффективностью используемых средств производства.

Вычитая из чистой продукции нормативную прибыль, связанную с использованием относительно лучших условий приложения труда, получим показатель, зависящий только от качества и количества индивидуального труда. Таким об-

разом, оптимальная система цен и хозяйственного расчета создает основу для оптимизации распределения по труду.

Конечно, полный расчет приведенной чистой продукции экономически обоснован лишь по отношению к достаточно крупным коллективам работников, где от работников зависят многие элементы материальных затрат. Результаты труда малых коллективов (участков, бригад) и отдельных работников должны охватывать лишь те элементы приведенной чистой продукции, которые зависят от данных работников.

Приведение к равным условиям приложения труда имеет особенное значение в добывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Приведение к равным природным условиям приложения труда мыслимо на разных уровнях: к средним условиям, к наименее благоприятным из необходимых в оптимальном плане, к любому промежуточному уровню. Приведение к средним условиям предполагает равенство цен средним затратам, изъятие дифференциальной ренты и покрытие ею убытков колхозов (или предприятий), находящихся в условиях ниже средних. При такой системе цен продуктов, производимых при использовании природных ресурсов, не указывают допустимой верхней границы издержек. Вообще, более целесообразна система приведения к наименее благоприятным, но необходимым в оптимальном плане условиям приложения труда. Однако эта система предполагает достаточно высокий уровень производительности труда и доходности наименее доходных колхозов. Поэтому, пока низший уровень производительности колхозов не соответствует требованиям оптимального плана, базой для приведения к равным условиям приложения труда в сельском хозяйстве должен быть некоторый промежуточный уровень между наименее и наиболее благоприятными условиями. Подобным образом в добывающей промышленности сохранились малоэффективные предприятия, не соответствующие оптимальному построению плана. Если такие предприятия не могут быть по тем или иным основаниям ликвидированы немедленно и замещены более эффективными, то временно допустима отрицательная дифференциальная рента.

Оптимизация распределения по труду предполагает не только уточнение измерения его народнохозяйственных результатов, приведенных к равным экономическим условиям, но также нахождение наилучших соотношений между приведенным результатом и оплатой труда. Это отношение должно быть наиболее благоприятным для роста результатов. Иными словами: нужно определить дифференциацию *доли вычетов* для общества. Естественно, эта доля должна быть больше при оплате результатов коллективного труда и больше всего — при оплате научных и технических достижений (всеобщего труда), поскольку в них велика (и все время растет) роль предшествующего труда. Соответственно должна быть дифференцирована и доля участия в *отрицательных* результатах (потерях).

Наибольшая демократизация при наибольшей планомерности развития народного хозяйства

Чем совершеннее распределение по труду, чем точнее осуществляется оно в соответствии с приведенной формулой Маркса, тем шире может и должна быть демократизация экономического управления. Таким образом, демократизация управления хозяйством — завершающее звено в рассматриваемой цепи тенденций развития организации социалистической экономики. Демократизация управления

необходима не только потому, что народное хозяйство — слишком сложная система, управление которой не может быть полностью централизовано. Демократизация управления нужна для развития творческой активности народных масс. Чем шире творческое участие масс в развитии хозяйства, тем быстрее темпы роста производства. Это один из важнейших исторических законов. Ближайшее по времени подтверждение этого закона — ускорение темпов хозяйственного и культурного развития стран после социалистической революции. Социалистическая революция освободила творческую энергию народных масс. И хотя тысячелетия угнетения и нищеты трудящихся масс прошли не бесследно — отразились на их моральном и культурном уровне,— тем не менее эта энергия уже намного ускорила темпы хозяйственного и культурного развития.

Однако экономический прогресс зависит не только от активности масс, но также от ее организации. Роль этого фактора тем больше, чем выше достигнутый уровень общественного хозяйства. Поэтому с ростом крупного производства, с его специализацией, с усложнением хозяйственных (межотраслевых, межрайонных и др.) связей *возрастает роль централизованного руководства.* Совершенствование централизованного руководства хозяйством — экономическая необходимость, вытекающая из важнейших закономерностей развития социалистической экономики. Чем правильнее пропорции между отраслями производства, чем точнее учет хозяйственных взаимосвязей, тем плодотворнее активность масс, а потому и выше темпы роста производства.

Таким образом, закону экономии труда в наибольшей мере соответствует двустороннее развитие демократического централизма: как в сторону демократизации, так и в сторону централизации управления экономикой. Оптимальная организация общественного хозяйства достижима при наиболее полном развитии и сочетании обоих этих начал.

Соединение этих двух начал происходит путем роста числа таких хозяйственных вопросов, которые решаются *совместно* — центром и местами. Чем больше хозяйственных вопросов решается совместными усилиями центра и мест, тем конкретнее и точнее отражаются в планах как общие, государственные, так и местные интересы, тем выше уровень планового руководства, тем эффективнее местная инициатива. Поэтому оптимум в организации хозяйства мы можем представить в виде такого положения дел, когда *все* экономические вопросы — вплоть до самых мелких — решаются кооперацией центра и мест. Это возможно на основе соединения двух форм централизации — непосредственной централизации с косвенной. Непосредственная (или прямая) централизация решения того или иного класса экономических вопросов состоит в *конкретном решении в плановом центре вопросов этого класса. Косвенная централизация решения какого-либо класса экономических вопросов состоит в установлении таких нормативов для расчета затрат и результатов,* при помощи которых «места», руководствуясь максимумом результатов, минимумом затрат, сами могли бы найти варианты, наиболее соответствующие народнохозяйственному плану. Эти нормативы могут быть выражены как в денежной, так и в трудовой единице. Косвенная централизация необходима как в социалистической, так и в коммунистической экономике. Косвенная централизация имеет то замечательное свойство, что она подчиняет плану *все* без исключения местные решения, вплоть до самых мелких вопросов. Ибо все хозяйственные вопросы решаются

на основе сопоставления затрат н результатов. В частности, неподчинение плановым днрективам, выраженным средствами закона стоимостн, равносильно действию во вред и коллективным, н личным интересам исполнителей плана: оно связано с понижением доходности предприятия, с убытками, с понижением заработков (премий н т. п.). И чем лучше используется закон стоимости при планировании, тем шире может быть демократизация и в то же время выше общий уровень централизации — непосредственной и косвенной вместе.

Отсюда видно, что высшая степень планомерности развития народного хозяйства достигается при наиболее полном сочетании непосредственной централизации с косвенной. В этом случае план регулирует все хозяйственные решения. При этом важнейшие решения регулируются вдвойне — непосредственно и косвенно, все остальные — только косвенно, через плановые нормативы для исчисления затрат и результатов.

Вместо заключения

Выдвинутые в экономической печати предложения, в общем, правильно намечают направление перестройки системы управления: замена излишнего администрирования экономическими методами воздействия, усиление материальной заинтересованности, расширение оперативной самостоятельности предприятий и т. д. Намечаются и основные пути согласования хозрасчета с планом, местной и общей выгоды: введение платы за капиталовложения н производственные фонды, соответствующее изменение ценообразования и хозяйственного расчёта. Все это соответствует закономерности развития плановой системы — постепенному превращению плана-директивы в план — экономический закон. Правда, в выдвинутых предложениях обычно недооценивается другая сторона этого процесса — оптимизация самого плана. Однако отмеченная односторонность предложений — выдвижение на первый план экономических рычагов управления — имеет рациональную основу.

В настоящее время экономические рычаги — самое узкое место системы руководства социалистическим хозяйством. Поэтому даже грубое приближение цен и хозяйственного расчета к оптимальным схемам будет благотворным.

А. Бирман

Профессор, доктор экономических наук

Мысли после Пленума [1]

Если не считать революционных преобразований, в результате которых были обобществлены средства производства, то хозяйственную реформу, провозглашенную сентябрьским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС и шестой сессией Верховного Совета СССР, на мой взгляд, можно считать третьей по своему значению за все сорок восемь лет существования Советского государства. Первой реформой был переход к новой экономической

[1] Новый мир. 1965. № 12. Печатается с сокращениями.

политике в 1921 году. Второй — изменение условий хозяйственной деятельности в результате ряда важных правительственных актов на протяжении 1929—1932 годов: предприятие (а не трест, как было до этого) стало основным хозяйственным звеном; коммерческий кредит с использованием векселей был заменен прямым банковским кредитованием; восемьдесят шесть видов платежей предприятий сведены в основном к налогу с оборота и отчислениям от прибылей; безвозвратное финансирование капитальных вложений стало преобладающим и др.

Правомерно ли ставить в один ряд эти три реформы?

Каждая из них формулировала и определяла условия хозяйственной деятельности предприятий и содержание экономической политики Советского государства на длительный период времени. Каждая была комплексной, охватывавшей не только чисто хозяйственные вопросы, а всю совокупность производственных отношений и, более того, общественных отношений. В настоящее время закладывается основа для хозяйственного развития опять-таки на длительный период — по меньшей мере до конца текущего двадцатилетия...

...Многообразие экономических и политических актов, образующих в совокупности реформу, требует известного времени для их разработки и практического внедрения. Новая экономическая политика внедрялась на протяжении примерно двух лет после ее провозглашения на X съезде Коммунистической партии. Вторая реформа — и это видно из дат, которыми она характеризуется,— также заняла более двух лет, наполненных сложными процессами в экономической и политической жизни страны. Правомерно и естественно, что и для нынешней реформы устанавливается примерно двухлетний срок.

* * *

Самое основное, на мой взгляд, что характеризует решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС,— это то, что современное понимание сущности и закономерностей социалистического производства превращено в систему хозяйственного управления и руководства. В результате длительной и напряженной дискуссии, в которой участвовало много хозяйственников и научных работников самых различных отраслей познания — от инженеров и агрономов до экономистов и философов,— нам стали гораздо понятнее особенности первой фазы коммунистического способа производства, а именно социалистической фазы.

Творческая атмосфера, сложившаяся в стране после критики культа личности, позволила в сравнительно короткий срок исследовать огромное количество проблем и по многим из них прийти к выводам, которые можно считать общепризнанными или же, во всяком случае, одобренными широким кругом хозяйственных, партийных работников и ученых. Тот факт, что экономическая дискуссия и соответствующие ей народнохозяйственные преобразования происходили не только в нашей стране, но и в других социалистических странах, с одной стороны, подтвердил общность и однородность общественных отношений во всех странах социализма при наличии некоторых особенностей и разновидностей в каждой из этих стран, с другой стороны, это позволило обмениваться опытом экономических экспериментов.

Все, вместе взятое, ускорило принятие необходимых практических решений.

Поэтому, мне кажется, анализ решений Пленума следует начать именно с характеристики нашего понимания сущности и закономерностей социализма.

Каково же это понимание?

Подавляющее большинство советских экономистов, да и экономистов других социалистических стран стоит на том, что социалистическому способу производства органически присущи товарно-денежные отношения, ибо они являются формой связи между различными сферами разделения труда. Оказалось, что товарно-денежные отношения — нечто более общее, чем просто условие существования простого товарного производства или капиталистического способа производства. Видимо, товарно-денежные отношения могут быть не только при этих формациях человеческого общества. Но конкретное содержание этих отношений, вполне естественно, меняется: при капитализме они не те, что в простом товарном хозяйстве, а при социализме далеко не те, что в капиталистическом способе производства.

Оказалось, что закон стоимости точно так же может действовать в различных общественных формациях и что он вовсе не всегда и отнюдь не обязательно имеет стихийный характер. Опыт развития советской экономики, да и экономики других социалистических стран показывает, что закон стоимости не только не противоречит другим экономическим законам, например основному экономическому закону и закону планомерного развития, но, напротив, его использование — очень важный рычаг усиления действия других экономических законов точно так же, как правильное использование закона планомерного развития усиливает воздействие закона стоимости на социалистическое производство.

Оказалось, что государственные социалистические предприятия (а тем более кооперативные) отнюдь не простые исполнители заданий государства. Они не кирпичики в здании и не винтики в машине. Предприятие в системе народного хозяйства при социализме — это живая клетка живого организма. Это целый мир со своими особенностями, интересами, законами. Имеются убедительнейшие доказательства того, что недоучет этих особенностей, интересов и законов наносит ущерб не только самой клеточке, но всему организму в целом. Иначе говоря, *государственные социалистические предприятия (и кооперативные тем более) на стадии социализма выступают в качестве товаропроизводителей*. Конечно, это не кимрские сапожники, вывозящие свой товар на ярмарку. Это товаропроизводители, действующие в условиях общественной собственности на средства производства, в условиях планомерного развития экономики, когда цель хозяйствования — максимально возможное удовлетворение потребностей народа путем непрерывного развития производительных сил и производственных отношений.

И тем не менее это товаропроизводители. Это значит, что отношения между ними — между двумя государственными предприятиями — есть отношения товарного обмена, где с неодолимой непреклонностью господствуют требования эквивалентности в отношениях. К сожалению, имеется слишком много примеров и доказательств того, что любое нарушение эквивалентности в обмене, в частности в результате действия экономически не обоснованных цен, приносит прямой ущерб развитию производства. Наличие дотаций, планово и фактически убыточных предприятий и многие другие общеизвестные факты доказывают, как жизненно необходимо соблюдение требования эквивалентности в отношениях между предприятиями.

В чем причина того, что в период социализма государственные предприятия выступают как товаропроизводители? *Почему с каждым десятилетием развития социалистического способа производства товарно-денежные отношения в нашей*

стране не только не ослабевают, а усиливаются, а сфера их использования не только не сужается, а непрерывно расширяется? Не означает ли это задержкн в развитии социалистическкх производственных отношений, замедления перехода, перерастания социализма в коммунизм? Положительный ответ на последний вопрос естествен, если товарно-денежные отношення рассматривать, как раньше, в виде наследства, перешедшего к нам от капитализма, в вnде инородных тел, не присущих нашему общественному строю. Но совершенно другой ответ получается в том случае, когда мы считаем их органически присущимн социалистическому способу производства.

Одно из принципиальных отличий первой фазы коммунизма — социалистической — от второй его фазы состоит как раз, по моему мнению, в том, что социалистическая экономнка есть экономика, развивающаяся в условиях товарно-денежных отношений, в отличие от коммуинстической фазы, когда таковых отношений не будет.

...Общий вывод, к которому мы приходим на основе анализа десятнлетий практики социалистнческого хозяйствования в СССР, может быть сформулирован так: *при данном уровне обобществления труда и возможной в период социализма степени его общественного характера необходимо стоимостное измерение затрат живого и овеществленного труда и необходима проверка действительной потребности каждого изделия путем его реализации, то есть превращения товара в деньги.*

При таком понимании сущностн производственных отношений при социализме мы приходим к выводу, что основное в организации управления — это создание оптнмальных условий для работы предприятия, потому что именно оно — клеточка социалистического экономнческого организма. Суть решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС н шестой сессии Верховного Совета СССР, как иам представляется, в том и состоит, что в центре планирования н управлення поставлено предприятие. Все остальные органы, все формы и методы плаинрования н управления построены таким образом, чтобы дать предприятию возможность хозяйствовать оптимальным образом. Именно эти проблемы были в центре трехлетней экономнческой дискуссии, происходившей в нашей стране. И решення Пленума, как об этом говорится в докладе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, подвели нтог этой дискуссии, превратнв в законодательные положения те из возможных решений стоящих перед нами проблем, в отношении которых подавляющее большинство хозяйственников и ученых пришло к общему убежденню.

В чем был основной порок снстемы планировання, управления н стимулирования, действовавшей до последнего времени? В том, что попытки утверждать нз центра каждому предприятию все детальные условия его деятельности неизбежно, *объективно* приводили к механическому, уравнительному подходу. Поскольку невозможно точно знать обстановку на каждом предприятии, то исходили из какнх-то средних, в действительности не существующнх на каждом данном предпрнятнн условий и прибавляли к ним примерно одинаковый темп прироста — легкий для одних и непосильный для других. Это принуждало предприятия скрывать имеющиеся у них внутренние резервы, чтобы избежать «наступання на пятки», чрезмерных *и непосильных плановых заданий.*

В. И. Ленин уделял огромное вннмание проблеме стимулов непрерывного роста социалистического производства. Отвечая тем, кто предрекал неизбежность краха

советской власти на том основании, что при ней отсутствует частнопредпринимательский стимул к непрерывному расширению производства, Ленин указывал, что на смену этому частнопредпринимательскому стимулу приходит новый, неизмеримо более мощный и эффективный стимул — стремление миллионов людей сделать как можно больше, быстрее и лучше. В самом деле, социалистический способ производства несовместим с частнопредпринимательским стимулом, который — этого никак нельзя отрицать — служит весьма действенной пружиной экономического развития капиталистических стран. Однако нам нечего бояться этой утраты. Ведь обобществление средств производства, превращение трудящихся в хозяев фабрик, заводов, земли, транспорта и других средств производства вызывает у них такой прилив творческой инициативы и создает такие возможности его практической реализации, по сравнению с которыми эффективность частнопредпринимательского стимула ничтожна. Беда последних десятилетий, однако, состояла в том, что система планирования, стимулирования и управления принуждала предприятия скрывать свои резервы, сдерживать инициативу, чтобы иметь возможность выполнять план и получать соответствующее материальное вознаграждение.

В самом деле, ведь известно, что сплошь и рядом план каждого последующего года содержал для предприятий примерно равную надбавку, допустим, в шесть — восемь и более процентов к «базе», то есть к уровню истекшего года. При таком положении предприятие, которое в истекшем году полностью мобилизовало все свои резервы, окажется в наступающем году в невероятно тяжелом положении, тогда как коллектив, сумевший в истекшем году работать вполсилы, получит соответственно меньшее задание и будет ходить в победителях.

Потери, которые несло народное хозяйство от необходимости предприятий в какой-то мере противопоставлять свои интересы интересам общества в целом, буквально не поддаются исчислению. И это общепризнано.

...Недавно вышла книга известного авиаконструктора Олега Константиновича Антонова «Для всех и для себя». Автор выступает в ней не как создатель самолетов, а как экономист. Книга его интересна во многих отношениях и заслуживает специального разбора. В данной же статье мы хотим сказать лишь то, что в ней приводятся десятки разнообразнейших примеров и фактов, показывающих, на какие ухищрения приходилось идти коллективам предприятий, чтобы ликвидировать или хотя бы уменьшить отрицательные для общества потери, возникшие в результате неправильного планирования, непродуманных форм стимулирования и учета работы предприятий. Но совершенно очевидно, что методы планирования и руководства, которые наносят ущерб основному и решающему преимуществу социализма перед капитализмом — возможности неограниченного проявления хозяйственной инициативы миллионами трудящихся,— дольше терпеть было невозможно. Они должны были быть заменены. И они действительно заменены решениями сентябрьского Пленума ЦК и шестой сессии Верховного Совета СССР.

Что главное в этих решениях?

Выдвижение на первый план экономических методов управления. Но это вовсе не значит, что государство отказывается от использования административных форм воздействия. Известно, что иные васьки способны в течение длительного времени слушать и есть, то есть признавать на словах необходимость изменения и продолжать прежнюю, привычную, окостенев-

шую «линию». К такого рода деятелям государство применяло и впредь будет применять жесткие административные методы воздействия. Административные методы управления нужны и в десятках других случаев. Однако экономические методы планирования, руководства и стимулирования выдвигаются теперь на первый план.

Что это означает практически? А то, что *воздействие на коллективы предприятий и на каждого отдельного трудящегося государство будет* оказывать посредством воздействия на их *интересы.*

Имеются ли какие-то особые интересы у каждого отдельного трудящегося? Конечно, имеются. Они состоят в том, чтобы иметь возможность работать по способности, то есть выполнять ту работу, к которой действительно имеет необходимые навыки и знания каждый трудящийся; чтобы иметь возможность производительно трудиться в течение всего рабочего дня; чтобы получать за свою работу эффективное материальное поощрение; чтобы активно участвовать в управлении производством, быть не только исполнителем, но и участником составления планов, мероприятий по их выполнению, иначе говоря — чтобы работа доставляла непрерывное и высокое моральное удовлетворение, которое является органическим элементом процесса труда в социалистическом обществе.

Имеются ли свои особые интересы у предприятия как у коллектива трудящихся?

Разумеется, имеются. Они состоят в том, чтобы выполнить план, а по возможности и перевыполнить его и чувствовать себя по праву активным участником коммунистического труда; чтобы марка предприятия пользовалась заслуженной славой; чтобы продукцию предприятия искали; чтобы технический уровень производства непрерывно совершенствовался, оборудование, производственные площади отвечали требованиям сегодняшнего дня; чтобы успехи в работе эффективно материально поощрялись.

Совершенно очевидно, что *интересы предприятий и трудящихся при социализме не только не противоречат хотя бы в малейшей мере потребностям общества, но, напротив, служат побудительной силой и источником высоких темпов развития социалистического производства.* Здесь как бы замкнутый круг: чем лучше удовлетворяются интересы каждого работника, каждого предприятия, тем больше материальных благ получает общество и тем больше у него возможностей дополнительно удовлетворять потребности каждого трудящегося, каждого предприятия. Напротив, при недостатках в планировании, стимулировании, управлении чем более «зажато» предприятие, тем энергичнее оно скрывает свои внутренние резервы, тем ниже качество продукции, тем труднее внедрить там технические новшества, тем меньше отдача, получаемая обществом в целом.

Нет ли противоречия между стремлением воздействовать посредством интересов предприятий и трудящихся и централизованной системой планового руководства?

Если понимать план по-ленински — как программу борьбы народа за построение коммунизма, то никакого противоречия нет. Потому что при таком понимании план воплощает в себе творческую инициативу народа, но придает ей при этом необходимую целеустремленность и последовательность.

Осуществление хозяйственной реформы, несомненно, принесет социалистической промышленности и всем другим отраслям народного хозяйства большие плоды. Мы сейчас просто не в состоянии пред-

ставить себе их подлинный масштаб именно потому, что нынешняя хозяйственная реформа (может быть, впервые за все годы существования Советского государства) дает возможность полностью, на глубоко научной основе привести в соответствие и сомкнуть интересы десятков миллионов трудящихся и сотен тысяч предприятий с потребностями общества в целом, которое (общество), собственно говоря, и состоит из этих десятков миллионов трудящихся, работающих на самих себя, на свои семьи, на народ в целом.

Нет необходимости излагать решения Пленума ЦК КПСС и Верховного Совета СССР — они читаются и изучаются всеми. Следует лишь обратить внимание на некоторые главные, как нам кажется, направления в экономической политике, намеченные в них.

Уже говорилось о том, что в центре всей системы планирования, управления и стимулирования становится предприятие. Чтобы расширить возможности его маневрирования, сокращено количество показателей, утверждаемых для предприятия «сверху». Теперь их установлено всего лишь пять: реализация продукции, ассортимент основных изделий, фонд заработной платы, прибыль и рентабельность, взаимоотношения с государственным бюджетом. Дело, однако, не только в том, что показателей стало меньше. Главное в другом — в *характере* оставленных показателей.

Основной показатель — это реализация продукции. Но что такое реализация? Это не упаковка, и не отгрузка, и не перевозка изделий. *Реализация — процесс экономический, а именно превращение товара в деньги.* Лишь после того, как потребитель оплатил поставленную ему продукцию, и состоялась реализация. Это не значит, что процесс производства отходит на второй план. *Производство всегда было и всегда будет основным видом хозяйственной деятельности.* Именно в процессе производства создаются материальные ценности, общественный продукт и национальный доход. Однако производство существует не для производства, а для потребления. Показатель реализации продукции свидетельствует о том, что, пройдя через многочисленную разветвленную систему хозяйственных взаимоотношений, продукт принят тем, кому он предназначался, то есть подтверждена на самой конечной и решающей стадии его необходимость и целесообразность затрат труда на его изготовление. В то же время, получив деньги от покупателя, поставщик в состоянии начать новый цикл производства. Пока товар не превращен в деньги, нет средств для нового хозяйственного цикла. Разумеется, практически нет нужды приостанавливать производство после отгрузки каждой отдельной партии продукции. Имеется в виду не такое примитивное понимание связи реализации с производством. Речь идет о том, что если продукция не оплачивается, то через какой-то небольшой промежуток времени производство приостанавливается.

Введение в качестве основного показателя реализации придает огромную действенность борьбе за качество продукции. Сейчас для каждого становится ясным, что изготавливать нужно то, что будет принято и оплачено. Из сферы убеждения и агитации качество продукции перешло в сферу практической дееспособности: непринятая продукция не зачисляется в исполнение плана со всеми вытекающими отсюда последствиями для каждого работника предприятия-поставщика. Но дело не только в этом. Бывает так, что сама по себе продукция хорошего качества не находит спроса либо потому, что она попросту не нужна, либо потому, что те, кому она требуется,

не располагают средствами для ее приобретения. Наконец, в сфере торговли встречаются хорошие изделия, вышедшие из моды. Выдвижение на первый план показателя реализации продукции поднимает на должный уровень коммерческую сторону хозяйственной деятельности, которая была загублена в течение предыдущих десятилетий. На абсолютно подавляющем большинстве наших предприятий нет также самостоятельных и работоспособных финансовых служб, то есть тех органов, тех частиц хозяйственного механизма, прямой служебной обязанностью которых является обслуживание денежного оборота. То, что называется финансовой работой на подавляющем большинстве предприятий, есть в самом деле элементарное финансовое делопроизводство — составление документов для сдачи в банк, получение и распределение денег. Теперь, когда благополучие каждого предприятия зависит от его потребителей, постановка коммерческой и финансовой работы приобретает для предприятия жизненно важное значение. Один неплательщик, задерживающий реализацию у десятка поставщиков, тем самым превращает их в фабрики и заводы, не выполнившие план со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В докладе товарища Косыгина А. Н. указано, что, разумеется, механизм кредита будет использован для того, чтобы прийти на помощь «без вины виноватым». Однако такая помощь, и это всем ясно, не может быть непрерывной и беспредельной. Каждое хозрасчетное предприятие должно само заботиться о том, чтобы строго соблюдать платежную дисциплину. А это совсем не так просто, если иметь в виду, что ежегодно в нашей стране составляются и исполняются триллионы платежных документов и за каждым из них скрывается какая-то хозяйственная операция. На среднем машиностроительном заводе ежедневно оплачивается триста — четыреста счетов поставщиков и поступает сто пятьдесят — двести платежей от покупателей...

Не требует особых пояснений необходимость оставления среди показателей основного ассортимента продукции. Требование соблюдения пропорций в развитии народного хозяйства обязывает планирующий орган знать, сколько, когда и где изготовляется таких изделий, каждое из которых занимает особое место в развитии народного хозяйства. Тем не менее очевидно, что по мере совершенствования планирования и ликвидации искусственно созданных диспропорций круг таких прямо планируемых изделий будет энергично сокращаться. И сегодня уже существуют миллионы видов средств производства, которых вполне достаточно в стране; по ним безо всякого риска можно переходить к обычной оптовой торговле, отказаться от фондов и разнарядок. С каждым месяцем и с каждым годом этот круг будет все более расширяться, но какое-то количество изделий, разумеется, всегда будет поименно указываться в плане. Никогда оптовые базы не будут торговать блюмингами, турбинами, генераторами и ледоколами...

Особенно важное значение имеет выдвижение на первый план показателя прибыли и рентабельности.

До чего живучи предрассудки! Опросите любых пять человек, и трое из них, безусловно, скажут вам, что прибыль — понятие, чуждое социализму, взятое нами «напрокат» до поры до времени. Между тем ни классики марксизма-ленинизма, ни полувековая практика социалистического хозяйствования ни разу не выдвигали сомнений в полезности прибыли и полном ее соответствии социалистическим принципам хозяйствования. Однако предрассудки, о которых идет

речь, распространены не только среди неспециалистов (что было бы полбеды). В любом учебнике политэкономии можно встретить фразу о том, что цель производства при социализме — не получение прибыли, а удовлетворение потребностей народа. Значит, прибыль — это что-то противоположное интересам народа. Между тем достаточно очень немного подумать, чтобы убедиться в полной бессмысленности этой фразы.

В самом деле, что такое прибыль? Вот две текстильные фабрики. Допустим, что они совершенно во всем одинаковы и различаются только тем, что первая закончила 1964 год с прибылью, а вторая — с убытком. В чем выразилось это различие? В том — и только в том,— что первая фабрика дала больше тканей или (что то же самое) на равное количество тканей затратила меньше хлопка, топлива, заработной платы и других издержек. Из сэкономленного хлопка и других издержек будет произведено дополнительно ткани то ли на этой фабрике, то ли на другой. Точно так же прибыль машиностроителей выражена в станках, кондитерской фабрики — в конфетах и т. д. Иначе и быть не может. Ведь прибыль — и этого никто не отрицает — есть денежное выражение стоимости прибавочного продукта, созданного прибавочным трудом, то есть трудом, отданным на пользу обществу. Сперва этот прибавочный продукт, как и любая другая часть общественного продукта, производится в натуральной форме и лишь затем, после реализации, оседает в виде дополнительной суммы денег на счете производителя. Но ведь в деньги превращается не только прибавочный, а весь продукт. Следовательно, фраза: «Цель производства — не прибыль»— может означать только одно: нам нужно не больше, а меньше хороших изделий...

Откуда же взялась эта сакраментальная фраза? Видимо, она возникла довольно простым способом. Классики марксизма-ленинизма неоднократно и справедливо говорили о том, что цель производства при капитализме — не удовлетворение потребности народа, а получение прибыли. Это действительно так!

Так вот из этого правильного марксистского положения по нехитрому принципу «у нас все наоборот», видимо, родилось противопоставление прибыли другим частям общественного продукта!

...Только поверхностное представление о сущности социалистического способа производства могло породить и действительно породило предрассудок о несоответствии прибыли социалистическому способу производства. Между тем нетрудно понять, что в действительности нашему обществу прибыль нужна *в гораздо большей степени и в гораздо больших размерах,* чем капитализму. Там речь идет о том, чтобы удовлетворить потребности господствующего класса и обслуживающих его кругов, которые в конце концов вряд ли составляют более 10—15 процентов всего населения. Мы же ставим и решаем задачу полного удовлетворения потребностей всего народа. Значит, и прибыли нам надо гораздо больше.

Выдвижение прибыли в качестве одного из важнейших показателей работы предприятия важно по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, в показателе прибыли отражается не только производственная деятельность, но все стороны хозяйствования: коммерческая сторона, подсобные предприятия, использование жилого фонда и т. д. Любое достижение увеличивает прибыль, любой промах уменьшает ее.

Во-вторых, прибыль *не только показатель,* она в то же время *источник* материального стимулирования предприятия в целом и каждого

работника в частности. Здесь имеются в виду не только премии, но и создание возможности расширения предприятия.

Как известно, решениями Пленума предусмотрено образование на каждом предприятии фонда его технического развития и совершенствования, причем основную часть этого фонда образуют отчисления от прибыли. Точно так же отчисления от прибыли становятся основным источником фонда материального поощрения и фонда социально-культурных мероприятий, также создаваемых на предприятиях. Когда основными показателями была валовая продукция или выполнение заданий по себестоимости, то из них непосредственно не вытекало никаких плюсов или минусов для предприятий. Нужно было административным путем прикрепить к этим показателям фонд заработной платы, премии и другие рычаги воздействия на производство. Иное дело — прибыль. Она содержит в себе и *показатель* и *средства*, тем самым органически сплотив в одно целое программу работы предприятия и источники стимулирования выполнения и перевыполнения этой программы.

Это не значит, что показатель прибыли не может быть использован в ущерб интересам общества. Можно, например, в погоне за прибылью выпускать лишь дорогие изделия и пойти на извращения ассортимента и показателей плана. Но возможность отрицательного использования показателя вряд ли может считаться его недостатком. Необходимо лишь обеспечить должный контроль и общественное воздействие на производство. К тому же предприятие, чрезмерно нарушавшее ассортимент, несомненно, столкнется с трудностью реализации продукции, и тем самым закон товарного обращения будет вынуждать его работать так, как этого требуют действительные потребности общества.

Фонд заработной платы, установленный как один из показателей для предприятий, определяет те пределы, в которых предприятие вправе использовать свои ресурсы для оплаты труда. Много было споров относительно того, нужно или не следует утверждать сверху для предприятий фонд заработной платы. Имеются доводы и *за* и *против*. Пленум решил временно, до тех пор пока не будут созданы необходимые резервы предметов потребления, установить предприятиям фонд заработной платы сверху. Можно не сомневаться в том, что успешное проведение хозяйственной реформы сделает в течение короткого времени ненужным утверждать и этот показатель, так же как задания по численности трудящихся и росту производительности труда. Ведь никому же не придет в голову считать, что показатели численности и производительности стали менее важными оттого, что их не утверждают сверху. Правила уличного движения необходимы не потому, что существуют милиционеры, а потому, что без них невозможно жить в городе...

Наконец обязательному утверждению подлежат взаимоотношения предприятия с государственным бюджетом. Тут имеется в виду установление предприятиям длительных нормативов для взносов, отчисляемых ими в бюджет. Не будет преувеличением сказать, что введение таких нормативов равносильно замене «продразверстки» продовольственным налогом в области финансов. Тогда предприятия будут знать на пять лет вперед, сколько они должны внести в государственный бюджет; это будет иметь огромное значение для стабилизации всех экономических отношений на предприятиях. Одновременно принято решение существенно сузить сферу безвозвратного фи-

нансирования из бюджета, особенно на действующих предприятиях. Такие предприятия, если им не хватает собственной прибыли и амортизационных отчислений, будут обращаться за долгосрочными ссудами в Государственный банк и Стройбанк, будут платить за них проценты и погашать из полученной прибыли. «Даровым» деньгам приходит конец. За все надо платить. Это и есть выкорчевывание формального хозрасчета и замена его хозрасчетом настоящим, подлинным, ленинским!

Следует отметить, что длительные нормативы утверждаются не только для взаимоотношения с бюджетом. Имеется в виду решительно повысить роль перспективных планов, которые станут основными; в их пределах будут разрабатываться и утверждаться годовые планы.

Чтобы усилить экономическое стимулирование предприятий, кроме создания фондов, о которых уже говорилось, и расширения сферы кредита установлена плата за фонды, предоставленные предприятиям. Эти фонды не с неба свалились. Они — продукт народного труда, и за их пользование, как уже говорилось, надо платить. Плата за фонды будет решительным стимулом к тому, чтобы высвобождать ненужные предприятиям машины и материалы, экономить на лимитах капиталовложений, эффективнее использовать действующие здания, сооружения, оборудование и другие материальные ценности. Предусмотрено возмещение всей суммы убытка, возникшего у потребителя по вине поставщика, что превращает хозяйственный договор в документ первейшего значения.

Вопрос об усилении материальной заинтересованности работников предприятий и предприятий в целом в непрерывном совершенствовании хозяйственной деятельности был одним из центральных на Пленуме и сессии Верховного Совета СССР. Там указывалось, что материальное поощрение используется совершенно недостаточно, что возможности предприятий в этой области крайне ограниченны. В самом деле, за последние несколько лет непрерывно и значительно сокращается доля премий, получаемых инженерно-техническими работниками и рабочими. Половина промышленных предприятий систематически по тем или иным причинам не образует фонды предприятия.

В чем тут дело?

Видимо, в совершенно неправильном понимании сущности материального поощрения при социализме. Министерство финансов СССР и Комитет по труду и заработной плате Совета Министров СССР все еще продолжают рассматривать премии как расход и при каждой необходимости балансировать бюджет обращаются к премиям в целях их сокращения. Между тем из всей сущности экономических отношений социалистического способа производства с непреложной очевидностью следует, что премии совершенно не являются расходом, а, напротив, образуют собой источник повышения доходов общества и тем самым государственного бюджета. Премии по их роли правильно уподобить семенам в земледелии или кормам в животноводстве. Конечно, и семена можно считать расходом, но только крайне неразумный хозяин будет сокращать нормы высева и ждать после этого обильных урожаев. Вся практика хозяйствования убедительно свидетельствует о том, что каждый рубль, использованный на материальное поощрение, возвращается народному хозяйству в пяти-, а то и в десятикратном размере, если, конечно, одновременно с этим обеспечить необходимые условия для нормальной деятельности предприятия.

* * *

В области управлеиия хозяйствеииая реформа выражается в том, что иа смеиу советам иародиого хозяйства экоиомических районов, республик и СССР приходят отраслевые миииистерства. ...Одиако следует обратить виимаиие иа то, что в такой гигаитской страие, как иаша, ие может быть примеиеи только отраслевой прииципуправлеиия, как ие мог быть использоваи только приициптерриториальиый. Необходимо глубоко продумаииое и тщательиое сочетаиие и совмещеиие отраслевого и территориальиых прииципов при ведущей роли отраслевого прииципа, когда речь идет о промышлеииости, так как в этой отрасли, где очеиь стремителеи техиический прогресс, иепрерывио происходит отпочковаиие иовых видов производства и требуется исключительио глубокое специализироваииое и квалифицироваииое техиическое и экоиомическое руководство.

Крупиый иедостаток прежиих миииистерств состоял в том, что оии разгородили страиу иа узкие, ведомствеииые «коридоры». Каждое из предприятий пыталось иметь свои ремоитиые и ииструмеитальиые цехи, автобазы, строительиые оргаиизации и карьеры, школы по подготовке кадров, клубы и поликлииики, жилой фоид и стадиоиы и т. д. и т. п. Таким образом, промышлеииые цеитры были искусствеиио разгорожеиы. Нередко были случаи, когда одии и тот же материал одио миииистерство завозило по воде из Москвы в Горький, а другое тем же пароходом посылало из Горького в Москву...

За годы существоваиия совиархозов в этой области было сделаио иемало полезиого — были ликвидироваиы миогие мелкие предприятия и создаиы межотраслевые ремоитиые, ииструмеитальиые, тариые, траиспортиые, строительиые и другие предприятия. Были создаиы предприятия, сиабжающие в пределах даииого города или области всех потребителей литьем, поковками, метизами и т. д. Было бы иепоправимой ошибкой разрушить все эти связи, ликвидировать эти межотраслевые тылы и вериуться виовь к отраслевой раздроблеииости прежиих лет. В выступлеииях иа Плеиуме ЦК КПСС и иа сессии Верховиого Совета СССР, иа собраииях партийиого актива различиых городов миого говорилось о том, что иужио сохраиить эти межотраслевые тылы, развивать и укреплять их. *Это задача большой важиости, ее решеиие потребует постояииого виимаиия со стороиы Госплаиа СССР и других руководящих хозяйствеииых оргаиизаций.*

* * *

У миогих возиикает вопрос: ие ослабевает ли роль цеитрализоваииого государствеииого плаиа в связи с усилеиием самостоятельиости предприятий и выдвижеиием иа первый плаи экоиомических методов руководства и стимулироваиия?

С полиой убеждеииостью можио ответить, что это ие только ие приведет к ослаблеиию плаиового иачала, ио, иапротив, подиимет цеитрализоваииое плаиовое руководство иа высшую ступеиь, соответствующую иыиешиему масштабу хозяйствоваиия и совремеииой квалификации кадров. Что касается уровия цеитрализоваииого плаиового руководства, существовавшего до последиего времеии, то ои отвечал в осиовиом масштабам хозяйства иачала 30-х годов, когда ои, этот уровеиь, сложился. Не может быть и речи о том, что Советский Союз, вступая во второе 50-летие своего существоваиия, иамереи в какой бы то ии было степеии сузить сферу или умеиьшить эффективиость цеитрализоваииого государствеииого плаиово-

го руководства экономикой. Речь идет совсем о другом: *как понимать самый процесс дальнейшего совершенствования и углубления планового начала?*

До недавнего времени Госплан СССР распределял в централизованном порядке 18 тысяч видов средств производства. Кроме того, в централизованном порядке главснабсбытами и другими органами распределялись еще десятки тысяч различных видов материалов, инструментов, приборов и т. д. Из центра сверху вниз «спускались» утвержденные показатели численности работников предприятий и (в ряде случаев) размер средней заработной платы, полностью весь ассортимент продукции, по элементам нормативы оборотных средств и десятки других показателей. Но было ли это действительно экономически обоснованное научное планирование? Или же это были совокупные, наслаивавшиеся в течение нескольких десятилетий попытки с помощью мелких административных рычагов наблюдать за работой каждого предприятия и регулировать его деятельность? Вот на этот вопрос и нужно дать ответ. Мы все согласны с тем, что необходимо усиление централизованного планирования, но как понимать, как представлять себе результаты этого процесса? Означает ли это — процесс непрерывного совершенствования планирования,— что, скажем, в 2000 году в централизованном порядке будут распределяться не 18 тысяч наименований средств производства, а, скажем, 40 тысяч или 400 тысяч? Или, может быть, напротив, успех научного централизованного планирования будет состоять в том, что, допустим, в 2000 году ни один вид средств производства не будет непосредственно распределяться центральными плановыми органами? Вот в чем суть вопроса. Повторяем, все согласны с тем, что мы идем к усилению централизованного планирования, но многие по-разному представляют себе содержание и результаты этого процесса.

Десятилетия преобладания административных методов руководства с согласованием и увязыванием в десятках инстанций любого шага предприятия убедили многих плановиков в том, что именно в этом «конкретном» руководстве и состоит суть централизованного планирования. Однако убеждение этих товарищей, как бы оно ни было глубоко искренним, не имеет ничего общего с объективной действительностью. Подобно тому как ракетой в космосе нельзя управлять с земли при помощи рычагов, а нужно использовать автоматически действующие дистанционные системы, подобно этому народным хозяйством СССР нынешнего масштаба и современных темпов развития попросту невозможно управлять из центра и планировать его сотнями и тысячами мелких и мельчайших административных и организационных предписаний и заданий. Но точно так же, как летящая в космос ракета не менее управляема, чем моторная лодка или грузовой автомобиль, точно так же народное хозяйство, руководимое и направляемое экономическими методами планирования и управления, будет развиваться целенаправленно и эффективно в неизмеримо большей степени, чем это делалось при господстве административных методов руководства.

* * *

В докладе А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС говорилось, что «наши ученые-экономисты мало занимаются анализом эффективности общественного производства и разработкой предложений по ее повышению».

Приходится признать справедливость и обоснованность этого упрека.

Однако представляет интерес разобраться в некоторых причинах отставания экономической науки, тем более что упрек в ее адрес делается не впервые, что справедливость этих упреков многократно признавалась, между тем как положение дел изменяется в лучшую сторону не так быстро, как хотелось бы. В чем тут дело? Неужели экономические науки собрали вокруг себя одних только тупиц или бездельников, мечтающих лишь о том, чтобы получить побольше денег, пить коньяк и играть в преферанс? Может, существуют какие-то причины, которые сдерживают развитие экономической науки и не позволяют ей дать нашему народному хозяйству все то, на что она способна,— ведь она располагает в наше время высококвалифицированными кадрами научных и практических экономических работников и у нее накоплен гигантский опыт социалистического хозяйствования? Безусловно. И причин этих немало. Вот некоторые из них.

На первое место следует поставить *отсутствие статистических данных*. Конечно, за последние годы увеличился выход статистических справочников и публикация материалов. Однако справочники эти пригодны для общего ознакомления, для занятий в вузах, но совершенно недостаточны и непригодны для работы с ними экономистов. А ведь статистика для экономической науки — то же самое, что инструменты и приборы для других отраслей знания. И можно сказать совершенно определенно, что пока в распоряжении ученых-экономистов не будет десятков общих и специализированных статистических справочников, содержащих необходимые абсолютные и относительные данные, до тех пор экономическая наука будет давать практике лишь малую толику того, на что она потенциально способна. За последние десятилетия статистическая служба нашей страны потеряла вкус к публикациям. Возможно, что нет необходимых штатов, бумаги и других условий. Такие условия должны быть созданы, иначе не преодолеть затянувшегося отставания экономической науки.

Недостаток экономических кадров, о котором так много и остро говорится в последнее время, также приводил и приводит к слабому участию экономической науки в практике социалистического хозяйствования. Какого обобщения практики можно ожидать, если один экономист с высшим образованием приходится в среднем на шесть-семь промышленных предприятий? Если в Москве нет и десяти начальников финансовых отделов предприятий с высшим специальным образованием? За последние 10 лет сокращалась сеть экономических вузов и факультетов, уменьшались контингенты приема на дневные отделения и в аспирантуру. И еще одно. В связи с энергичным и плодотворным проникновением математики в экономику студенты в последние годы получают дополнительно к прежним учебным планам сотни часов математики и техники электронно-вычислительных работ. Это дополнительная огромная нагрузка к их прежнему учебному плану. Реагировало ли Министерство высшего образования на это изменение объема нагрузки студентов экономических вузов? Да, реагировало, и совершенно недвусмысленным образом: продолжительность учебы в экономических вузах была сокращена с пяти лет до четырех...

Ученым-экономистам не так просто *обсуждать волнующие их проблемы*. В силу самого своего характера экономическая наука требует широких обсуждений различных мнений, проектов, так как здесь невозможны лабораторные иссле-

дования, а применяемые эксперименты опять-таки в силу особенностей экономической науки, при всем их значении, не могут играть той роли, как в технических науках. Между тем подавляющее большинство экономических журналов является органами соответствующих ведомств, и на их страницах не так-то просто выступать с критикой деятельности этих ведомств. Перелистайте комплекты журналов «Финансы СССР», или «Деньги и кредит», или «Плановое хозяйство», «Вестник статистики», «Социалистический труд» за последние 10 лет и попробуйте отыскать там хоть один абзац, содержащий критику в адрес соответствующих ведомств!..

И все же, несмотря на отставание, экономическая наука разработала десятки ценнейших предложений, большинство из которых на практике не применяется или внедряется с недопустимой медлительностью. Приведу хотя бы один факт. С 1949 года большая группа научных работников исследует проблему совершенствования организации оборотных средств в СССР. При правильной их организации оборотные средства служат весьма эффективным экономическим рычагом совершенствования материально-технического снабжения, сбыта и производства.

В результате длительных исследований и практических проектировок была разработана и в 1958 году на конференции в Ленинграде одобрена методика нормирования оборотных средств. Конференция обратилась к Госплану СССР и Министерству финансов СССР с просьбой рассмотреть ее рекомендации и приступить к научно обоснованному нормированию оборотных средств. Ответом было ледяное молчание Госплана СССР и поток критики (чаще необоснованной) и насмешек со стороны Министерства финансов СССР. Тем не менее 30 января 1962 года Совет Министров СССР постановлением № 85 утвердил «Основные положения о нормировании оборотных средств» и «Типовую инструкцию по нормированию оборотных средств в промышленности». Госплан СССР и Министерство финансов СССР, Госбанк и Госстрой этим постановлением были обязаны в короткий срок разработать отраслевые инструкции и внедрить их, с тем чтобы с 1962 года перейти в народном хозяйстве СССР на научную методику определения потребности в оборотных средствах. С тех пор прошло около четырех лет, но решение это не выполнено, хотя были все необходимые условия для его выполнения. Причина? Упорное нежелание Министерства финансов СССР расстаться с «волевыми» методами финансового планирования и руководства и заменить их методами объективными, научно обоснованными хотя бы в одной части финансов предприятий — их оборотных средств. Что могли сделать в подобных условиях ученые-экономисты? Сигнализировать? Не исключено, что эти сигналы попадали в Министерство финансов СССР, где их читали и посмеивались над наивностью профессоров...

Приходится с огорчением отметить, что до самого последнего времени у экономической науки не было такого «хозяина», какой есть у физики, геологии, медицины и многих других отраслей познания. А им должен был бы быть прежде всего Госплан СССР. Резкая критика, которой в течение многих лет подвергается работа Госплана СССР, далеко не в последнюю очередь объясняется тем, что этот важный орган потерял контакт с экономической наукой и не пользуется ее помощью. Мы полны уверенности в том, что нынешняя перестройка Госплана СССР прежде всего и больше всего будет со-

стоять как раз в глубоком проникновении экономической науки в содержание, формы и методы работы этого важного государственного органа.

На протяжении ближайших двух лет нам предстоит разработать и внедрить экономически обоснованную систему цен, премий, показателей планирования и десятки других нормативов, положений и экономических документов. Необходимо, чтобы эти документы и нормативы создавались в тесном контакте работников экономических органов, практиков-хозяйственников и ученых-экономистов, чтобы эта работа проходила под глубоким и непрерывным партийным контролем. Только при этом условии возможно полное и квалифицированное решение большого числа чисто практических задач, которые и составляют содержание нынешней хозяйственной реформы. На собраниях нам часто доводилось слышать о том, что, к сожалению, нередко бывало и так, когда инструкции, издававшиеся Министерством финансов СССР, Комитетом по труду и заработной плате, Госпланом и Госбанком, а также некоторыми другими органами в целях развития тех или иных постановлений партии и правительства, сужали эти постановления, а иной раз и извращали их. Так, например, в известной инструкции о поощрении за снижение себестоимости продукции дело было сформулировано таким образом, что премия выдавалась лишь при наличии экономии фонда заработной платы. Между тем в некоторых отраслях группы «Б» доля заработной платы в издержках производства не превышает 10 процентов. Стоило только не иметь экономии по заработной плате, как работники предприятий лишались премии, хотя бы они сэкономили сотни тонн хлопка или других материальных ценностей. Так инструкция извратила и выхолостила важное постановление о борьбе за снижение себестоимости продукции.

Обоснованность требования практических работников привлекать их к разработке инструкций и других нормативных документов очевидна еще и потому, что во время экономической дискуссии, предшествовавшей Пленуму, получилось как-то так, что многие работники плановых, финансовых и других экономических органов высказывались против введения платности фондов, расширения сферы кредитования и сужения безвозвратного бюджетного финансирования, ограничения круга показателей, утверждаемых в централизованном порядке, и ряда других важнейших основ хозяйственной реформы. Мы не хотим упрекать этих товарищей: дискуссия для того и дискуссия, чтобы все могли свободно высказываться и сталкивать между собой различные точки зрения. Но теперь партия и правительство приняли определенного содержания и направления программу хозяйственного развития. Разработка вытекающих из нее нормативных документов передается в руки работников различных государственных органов, и дело теперь за тем, чтобы *каждый* из этих работников сумел полностью преодолеть точки зрения, отклоненные проводимой ныне реформой, и сумел способствовать наиболее быстрому и полному претворению ее в жизнь. Сказанное отнюдь не означает недоверия к тем или иным работникам экономических органов. Речь идет о правильном, соответствующем духу социалистической демократии сочетании различной категории работников при подготовке важнейших экономических документов...

Практические эксперименты

А. Радов

Щекинский парадокс [1]

Вера Ивановна Слепых не так давно ходила по редакциям газет и журналов — искала защиты. Не для себя, а для своего детища — знаменитого щекинского метода. Почувствовав к собеседнику доверие, она выплескивала наболевшее:

— Я кажусь себе виноватой, что поверила обещаниям и потому подвела коллектив.

Перед нами подлинная производственная драма. Если ее перенести на театральную сцену, она будет держать зрителей в напряжении до самой последней реплики. А впрочем, эта реплика еще и в жизни не произнесена, поскольку исход щекинского эксперимента до сих пор неясен.

Производственная драма? Не слишком ли? Это нам еще предстоит проверить. А пока внесу определенность: пятнадцать лет подряд щекинский метод настойчиво борется с бесхозяйственностью и расточительством.

Лекарство от дефицита!

От Москвы до Щекино — всего ничего: три часа до Тулы, а там еще двадцать минут. В трех верстах — толстовская Ясная Поляна. И, видимо, не случайно вспомнились слова Льва Николаевича: «Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться надо тогда и всякой почке и травке, и весны не будет».

Потом только сообразил, что эта мысль Толстого пришла мне на память как невольный ответ Борису Михайловичу Сухаревскому, курирующему по роду своей службы в Госкомтруде вопросы заработной платы. Я позвонил ему перед самым отъездом в Щекино.

— Щекинский метод возник преждевременно,— сказал он,— а потому нам пришлось его поправлять.

Преждевременно? А помните, какой бум вызвал в конце 60-х годов экономический эксперимент на Щекинском химическом комбинате, который правильнее именовать сегодня объединением «Азот»? Только за три года эксперимента здесь высвободилась тысяча работников, то есть каждый седьмой, а продукции стали давать в два раза больше. Фантастический взлет! Мои коллеги писали о «щекинском чуде» взахлеб, прикидывали, что будет, если достижения комбината распространить на весь Союз. Громадные получались цифры. И напрочь должно было исчезнуть упоминание о дефиците кадров.

Поясню: щекинский эксперимент, ставший потом методом, пригодным для всех, возник прежде всего как средство борьбы с дефицитом кадров. Он позволял перемещать работников тех предприятий, профессий, где их избыток, туда, где их явно недостает. Но, чтобы избытком покрыть дефицит, надо заинтересовать предприятия

[1] Октябрь. 1982. № 4. Печатается с сокращениями.

и учреждения обходиться иаименьшим числом людей. Это не так уж и баиально звучит, поскольку определеиные условия хозяйствоваиия ориеитируют на другое — всеми способами запасаться излишками, накапливать «запасы» и материалов, и оборудования, и рабочих рук...

И что же? Справился ли метод со своей задачей? Прошло 15 лет, а дефицит кадров в страие ие только ие идет иа убыль, ио с каждым годом растет. И тяиется от иего целый шлейф экоиомических и социальных проблем; из-за нехватки людей простаивают цехи, растут очереди в сфере обслуживаиия, падает дисциплииа труда. Так как же в таком случае обстоит дело с внедреиием щекинского метода? Если следовать статистике, полиостью метод применяется на полутора тысячах предприятий страны и частичио — на восьми. С его помощью высвобождено около 200 тысяч работииков, благодаря которым только в химической промышленности укомплектовано кадрами 350 новых цехов и производств. Согласитесь, совсем иеплохо «поработал» метод. Но ведь ждали от иего значительио большего. Даже в Тульской области, где благодаря заботам партийиых оргаиов метод распростраиился шире, чем в других областях, хроиически не хватает рабочих рук. Но и в самом Щекиио, для которого одии только химкомбинат высвободил 1800 человек, у строителей, иапример, ие укомплектовано 30 процеитов рабочих должностей!

Так в чем же дело? Сам метод несовершеиеи или применяли его неверно?

Хорошо забытое старое

В чем суть щекииского эксперимеита? Коллективу комбината предложили: обойдетесь при выпуске той же продукции меиьшим числом рабочих — весь фонд зарплаты ваш, разделите его на оставшихся. Не правда ли, соблазнительно? Долго искал автора этой замечательной идеи. Потом уже, в Щекино, людская молва подсказала мне такую версию: из Канады идею эксперимента привез Петр Михайлович Шаров, тогдашний директор химкомбината.

— Действительио из Канады? — спросил я Петра Михайловича.

Ои рассмеялся, а потом произнес:

— Да я в Канаде никогда ие был!

Оказалось, идея эта не новая. Она родилась и удачио воплотилась еще в 1921 году. В подписанном В. И. Лениным постановлении Совета Труда и Обороны говорилось: «Размер заработной платы предприятия не уменьшается, хотя бы количество работников уменьшилось вследствие лучшей постановки дела, и плата выдается предприятию в соответствии с результатами его работы, а не с числа внесеиных в его список лиц».

На всех эксперимеитировавших тогда предприятиях (а были среди иих знаменитые «Серп и молот», «Красиое Сормово», «Трехгорная маиуфактура») всего за иесколько месяцев удалось резко нарастить объемы производства, а значит, и производительность труда, сократить число прогулов. Этот стимул роста производительиости труда оказался мощным. И применяли его, заметьте, в самый разгар безработицы. А сколько существовало в тот момент причин, чтобы держать на заводах и фабриках заведомо лишних людей?! Но подход в те годы был прииципиальный. «Наличие на фабриках и заводах при даииой организации труда неиужиых для производства лишних рабочих является преступлеиием перед рабочим классом» — так говорил Феликс Дзержинский, а ои, как мы хорошо знаем, умел отделять подлинный пролетарский гу-

манизм от филантропии. Ведь самым гуманным в тех условиях был именно курс на быстрый подъем производительности общественного труда.

И вот спустя почти полвека эта идея возродилась в Щекино. Почему там? Чтобы ответить, вспомним, что в восьмой пятилетке страна почти заново создавала индустрию минеральных удобрений. Повсюду, особенно в Нечерноземье, возникали тогда новые химические производства, а опытных рабочих рук для них не было. Оставалось рассчитывать, что с заводами-новостройками поделятся кадрами действующие предприятия. Без ущерба, естественно, для дела. Но нужны были соответствующие экономические условия. И Министерство химической промышленности, более всего в том заинтересованное, разработало условия эксперимента. Его предложили одному, другому, третьему, наконец, шестнадцатому предприятию отрасли. Но все наотрез отказались. И тогда заместитель министра химической промышленности Константин Константинович Чередиченко самолично отправился в Щекино.

В этом самом месте мне следовало бы рассказать, что все шестнадцать осторожных предприятий сегодня в проигрыше, что новаторство вознаграждено, оно взяло верх над консерватизмом. Но что я сейчас узнаю в Щекино? Химкомбинат находится в прорыве: сорвал пятилетний план, имеет высокую текучесть кадров, причем теряет поистине незаменимых работников, ведь каждый из них владеет тремя-четырьмя специальностями. Текучесть же оттого, что пять лет подряд комбинат не получает от строителей ни одной квартиры.

Разве не парадокс? Ведь и в восьмой и в девятой пятилетках химкомбинат работал просто образцово. Вот как полтора года назад писал в «Правде» первый секретарь Щекинского горкома партии Григорий Иванович Гроцескул: «Щекинский комбинат — флагман отрасли — потерпел очередное, наверное самое крупное, «кораблекрушение». Имея великолепные производственные показатели, он сидел тем не менее на такой финансовой мели, что возникли трудности даже в выплате людям заработка. И, не мешает напомнить, отнюдь не по вине коллектива».

Сегодня химкомбинат в одной компании с запущенным «обозным» заводом стыдят и поругивают со всех городских трибун. Повод? Срыв пятилетнего плана. Но у комбината есть причина, и самая уважительная — подвели строители: вовремя не сдали новые корпуса, а план был утвержден химкомбинату с учетом этих корпусов. Но в таких случаях план корректируют! Знаю, что родственные предприятия, даже не имея извинительных обстоятельств, часто используют такую возможность поправить свои дела. Но почему же не отважился на это щекинский «Азот»?

— Мы не можем этим воспользоваться! — категорически ответил мне Николай Романович Мелентьев, нынешний директор комбината.— За нами Метод и авторитет этого Метода! Мы не имеем морального права работать плохо или пользоваться поблажками. Ведь к нам едут учиться, все смотрят, как мы работаем!

Такой же нравственный максимализм и у большинства кадровых работников комбината. Я долго не мог понять: откуда он взялся? Задавал этот вопрос многим. И Льву Николаевичу Арапову, главному конструктору комбината, и двум его коллегам — Радзину и Лебедеву. Перебивая друг друга, они увлеченно рассказывали, с каким энтузиазмом начинали в свое время эксперимент:

— Слово «надо» шло вперед слова «можно». Тогда у нас была очень высокая требовательность и к себе и к другим.

— Ваш великий земляк,— напоминаю им я,— говорил: «Люди живут либо свыше совести, либо ниже совести». В тот момент вы жили «свыше совести»?

— В какой-то степени да,— соглашается Радзин.

— А мы и сейчас так живем! — твердо произносит Арапов.

— Откуда это пошло?

— Родилось в ходе эксперимента,— подсказывает Радзин, а Арапов уточняет:

— Как ни странно, но некоторая инертность присуща и человеку и коллективу. У нас на комбинате были и инертность и косность, которые надо было преодолеть. В этом помог нам эксперимент.

Несколько недель спустя ту же мысль я услышу от министра по производству минеральных удобрений СССР Алексея Георгиевича Петрищева: «Щекинский метод и был направлен на преодоление отрицательных привычек, инерции».

Но вот опять парадокс: метод был рожден как средство против инерции в хозяйствовании, а точнее, против бесхозяйственности, но сам увяз в ней, как в зыбучем песке.

Понимаю, что одним парадоксом другой не объяснишь, а объяснить их самое время. И начнем с весны 1967 года, когда всем на комбинате идея эксперимента показалась фантастической.

Каждый стал задумываться: а нельзя ли...

Первая реакция была вроде той, которая бывает при неожиданных открытиях: «Этого не может быть!»

Так, по рассказам, восприняли щекинцы самое первое предложение об эксперименте. Мне понравилось, что все мои собеседники честно признавали: да, боялись. Соглашались на эксперимент, но с большой робостью. Всего опасались: и конфуза — вдруг не получится, и аварий — производство-то взрыво- и пожароопасное, и человеческих конфликтов — ведь кому-то из «лишних» не захочется покидать коллектив, и перебоев с планом — резервных рабочих рук теперь не будет, с кем выходить на штурмы и авралы?

Почему же в таком случае согласились? Какой стимул оказался сильнее страха?

— Понимаете ли, интересно экспериментировать. Когда выполняешь план на сто и одну десятую процента, скучно становится работать, потому что чувствуешь — можешь гораздо больше.

Согласитесь, нетрадиционное для директора предприятия заявление. А Петр Михайлович Шаров и был необычным директором. Если бы не это, не состоялся бы щекинский эксперимент или он назывался бы иначе. А ведь ему, директору, решиться было труднее, чем кому-либо. В случае чего отвечать первому. Сейчас он тоже признается, что боялся, но тогда никто в нем сомнений не видел. Зато всех возбуждала или, напротив, успокаивала его решимость, уверенность в успехе.

А рабочие?

— Многие, конечно, не соглашались сначала,— рассказывает старший аппаратчик Владимир Александрович Попов. Он из тех редкостных людей, которых социологи называют «неформальными лидерами коллектива».— Чего боялись-то? Работать трудно, фронт обслуживания ведь увеличивался. Почему согласились? Заинтересовали материально, это в первую очередь. А не потому, что мы такие сразу сознательные стали. Нам обещали, что будут хорошо платить. Когда все в конце концов

утряслось, доплата старшему аппаратчику к основной тарифной ставке стала тридцать пять рублей. А на них еще премия идет. Будем говорить: сорок пять — пятьдесят рублей в кармане. Выигрыш есть?

Сразу хочу отметить один принципиально важный момент, который отличает подлинный щекинский метод от мнимого. Обязательства обойтись меньшим числом людей приняла на себя не администрация, а весь коллектив. А уж руководители — административные и общественные — постарались, чтобы состоялось подлинное волеизъявление коллектива. Сломать психологические барьеры на пути к эксперименту — а их было довольно много — позволила умело организованная пропаганда метода. Как часто во «внедренческой» спешке забывают или комкают этот важнейший этап внедрения! А в Щекино обо всем честно рассказали, возможные опасения постарались отвести, всему предпочли гласность, самые важные вопросы постарались решать коллегиально. Очень демократично начался эксперимент на химкомбинате и потому вызвал приливную волну массовой активности. Вот только одна цифра, которая многое объясняет,— в ходе эксперимента на каждых 100 работников комбината было подано 160 рационализаторских предложений.

А вот еще показатель: во время эксперимента не было ни одной анонимки, ни одной жалобы. И это потому, что не решали эти вопросы келейно. Все понимали, что и зачем нужно!

В упомянутой мною книге Виталия Моева я прочитал, что щекинцы оседлали в то время... текучесть кадров. Люди уходили с комбината из-за каких-то не связанных с экспериментом личных обстоятельств, а должности их ликвидировали. Это, как писал Моев, избавляло «от нужды резать по живому».

Но кто-то, я думаю, ушел с комбината и недобровольно.

— Вопрос такой решался очень просто,— продолжает свой рассказ Попов.— Тот, кто хуже знал дело, сам понимал, что не выдержит, не сможет остаться, когда от него потребуется больший фронт обслуживания.

— Кто боялся работы, тоже сам уходил,— добавляет аппаратчик Захар Каримович Галиаскаров.

Вот тут ошибка. Она даст себя знать через несколько лет, но поправлять ее будет поздно. Докопался до нее, сопоставив две цифры: в начале эксперимента средний возраст на комбинате был двадцать семь лет, а через четырнадцать лет, то есть в прошлом году,— сорок один год. Получается, что все эти годы комбинат только старел.

— Конечно,— комментирует Попов,— уходили-то в основном те, кто имел меньшую квалификацию, прежде всего молодые.

— А дальновидно ли это было с вашей стороны?

— Ни в коем случае.

И вот теперь слышу от рабочих цеха метанола:

— Мы же не вечные, уйдем на пенсию, а где молодежь?

Вот так нечаянно-негаданно совершили одну кадровую ошибку, которая уже сейчас оборачивается потерями. А другую помогло совершить министерство, которое подошло к комбинату формально и перестало распределять ему выпускников вузов. Логика тут простая: зачем распределять, когда комбинат инженеров сокращает?

— Вы сами понимаете,— наступательно внушает мне Светлана Николаевна Афанасьева, заместитель секретаря парткома комбината,— что означает для любого предприятия отсутствие притока новой инженерной мысли...

Понимать-то понимаю, да выразить не могу, чем обернулось для комбината то обстоятельство, что все руководители цехов без высшего образования, и к тому же их не подпирают молодые и более образованные замы.

Однако как корить щекинцев за ошибки, ведь шли они дорогой непроторенной?! Лишь бы только научились на их ошибках те, кому идти дальше. Но вот с этим плохо. Бесценный опыт щекинских первопроходцев до сих пор не собран, не описан, не изучен, не обобщен, не распространен. Даже экономисты химической промышленности — знаю это наверняка — представляют себе щекинский метод лишь в самых общих чертах, а часто превратно. Есть тут немалая доля вины наших научных работников, порой инертно работающих на перспективу. С самого начала и до сих пор щекинский эксперимент не был обставлен как научный. Даже отраслевой экономический институт не внес сюда свою лепту. А родившаяся в отрасли книга К. Чередниченко и Л. Гольдина «Щекинский метод» принадлежит перу авторов, которые этим занялись в свое свободное время. И поэтому нет до сих пор научных заключений о том, хорош или плох, специализирован или универсален, актуален или преждевременен щекинский метод.

Не помогла наука щекинцам, а потому они доходили до всего сами. Додумались, например, создать двенадцать общественных комиссий по внедрению метода. Они стали мощной подмогой администрации. Одна из них была по кадровым вопросам. Эта комиссия отыскивала и создавала возможности трудоустройства высвобождаемых с комбината людей. Для этого списывалась с родственными предприятиями в других городах, изучала все вакансии в своем городе.

— Девиз у нас был такой,— вспоминает Петр Михайлович Шаров,— «чем меньше у нас остается работников, тем легче они должны работать».

Организаторам эксперимента хватило мудрости, чтобы ликвидировать в первую очередь самые тяжелые, самые примитивные или самые вредные для здоровья функции трудового процесса, передавая их автоматике. И поэтому эксперимент дал толчок для технического перевооружения комбината, более того — для технической революции на комбинате. А в основе была не только забота о комфортных условиях работы людей, но и опасение, что резервов, которые лежат на поверхности, хватит комбинату ненадолго. Надо копать глубже. Кому? Прежде всего инженерам. Теперь-то я знаю, что за щекинским экспериментом, особенно на втором и третьем этапах его внедрения, стоит колоссальное инженерное обеспечение. Вот еще один пример, услышанный от Шарова:

— Вы знаете, что химическое производство держится на контроле очень многих параметров. Чтобы высвободить около ста лаборантов, нам пришлось сократить миллион анализов в год. А что это значит? Каждый анализ был строго запроектирован в технологическом процессе. Чтобы от него освободиться, пришлось иметь дело со многими проектными институтами, их убеждать и подталкивать, потом самим решать вопросы автоматизации контроля.

Знаю, как много ценных новаторских починов обрывается на полпути, потому что инженеры оказываются как будто бы ни при чем. Рублем их заинтересовать трудно: мешают ошибочные принципы оплаты ИТР. И очень слабо действуют социальные стимулы труда, которые рождает понятие «мы». А тут, в Щекино, особенно проявились именно эти побужде-

ния к напряженному и честному труду.

...На чаепитии у Попова слушаю его и Захара Галиаскарова рассказы о том, как четверть века назад приехали они сюда из Башкирии, как весело жили тогда в общежитии, гораздо веселее, чем живут сегодня в больших, прекрасно обставленных квартирах. А меня все время сбивает на разговоры о методе.

— С экспериментом,— спрашиваю,— порядка больше стало на комбинате?

— Да, конечно,— говорит, не задумываясь, Попов.

— Самое главное — дисциплина и порядок,— немного назидательно произносит Галиаскаров,— нельзя нам без дисциплины!

— А на чем она держится?

— На самосознании,— отвечает Попов.

— Так уж все стали сознательными? — восклицаю я недоверчиво.

— Не сразу,— басит Попов.— Ведь начиналось с таких людей, как Захар,— кивает он на своего друга.— Тот показал марку, за ним пошел другой, третий, они четвертого обработали, а пятому деваться некуда, он должен идти за ними. Тут уж не профилонишь...

Прерву в этом месте моих собеседников и приведу слова Антона Семеновича Макаренко, имеющие к нашему разговору самое прямое отношение: «В коммуне (имени Дзержинского.— *А. Р.*) я добился того, что коллектив сам стал замечательной творящей, строгой, точной и знающей силой. Этого нельзя сделать приказом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создается за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко».

Вот такой капитал — самотворящий и самоорганизующийся коллектив — зародился в Щекино и стал точкой опоры для всех технических и социальных преобразований, стал рычагом эксперимента. О том, как Макаренко выпестовал один, а потом другой коллектив коммуны, можно подробно прочитать в его статьях и книгах. Но о том, как рождается трудовой коллектив в высшем значении слова «коллектив», об этом нигде не прочтешь. Да и в нашей социологии это до сих пор целина. Вот почему в полной растерянности бывают те конкретные руководители, перед кем во весь рост встает задача создать сплоченный на нравственной основе коллектив, который займется социально-экономическими преобразованиями...

— Значит,— уточняю я у своих собеседников,— появилось на комбинате чувство хозяина?

— Наверное, да,— нерешительно говорит Галиаскаров.

— Не наверное, а на самом деле так! — подводит итог Попов.

«Каждый стал задумываться: а нельзя ли...» — такой рефрен звучал почти в каждом высказывании моих собеседников. На комбинате очень много оказалось примет, по которым я мог судить: тут существует нечто, что можно назвать чувством коллективного хозяина. Как оно возникло? Сказать «в ходе эксперимента» — значит сказать очень мало. Но определить точнее трудно. Ведь многие писавшие о «щекинском чуде» обошли этот момент стороной, а ведь в нем — вся суть.

...Как-то на небольшой фабрике, которая могла выбраться из отсталости, лишь понадеявшись на собственные силы, я исследовал все, что мешает коллективу осознать себя подлинным хозяином производства. Мешает, оказалось, прежде всего «разобщающая экономика», существующая тут в форме индивидуальной сдельщины, при

которой каждый сам по себе. Препятствует привычка людей к отжившему, но такому привычному порядку вещей. Противодействует бюрократический стиль руководства, при котором администратор не нуждается ни в коллективной воле, ни в коллективном разуме, а значит, и в коллективном хозяине. Связывает по рукам и ногам собственная организационная беспомощность коллектива, его неумение почувствовать и осуществить свой общий интерес.

Могу себе представить, что подобные барьеры существовали и в Щекино, но они были преодолены. И помогла прежде всего новая экономическая ситуация, которая пришла с экспериментом. Как писала «Правда», «эксперимент основывался на трех китах: стабильный на пятилетку план производства с распределением заданий по годам, неизменный фонд зарплаты и право платить надбавки за интенсификацию труда». Если смотреть на эти условия сегодняшними глазами, то не так уж и много получил комбинат. Но для него это тем не менее означало право хозяйствовать самостоятельно. За несколько лет на комбинате повернли: что заработаешь, то и получишь; все, что придумаешь, сработает на тебя и на твой коллектив. Не зря секретарь Тульского обкома партии Василий Михайлович Сусляк как-то сказал: «Щекинская система означает конец безынициативного хозяйствования».

Мандаты доверия

Кто станет спорить: не было бы эксперимента, если б его не принял, а потом не поддержал коллектив. Не станем скрывать: эксперимент многим сулил трудности. Нет, конечно же все понимали: без работы в нашем государстве они не останутся. Но каждому грозило потерять привычный уклад жизни, коллектив, к которому привязался, конкретную работу, освоенную до необременительного автоматизма. Сложится ли все так же на новом месте, если вдруг придется уйти? А если останусь, впишусь ли в новые условия? Не будут ли больше нагрузки для меня чрезмерны или слишком непривычны? Смогу ли освоить другой агрегат или профессию? Такие вопросы возникали у каждого.

Но ведь были на комбинате и другие люди, которые ощущали, что хорошо тут устроились, что могут получать больше, чем вкладывают, занимают должность, которая выше их уровня квалификации и компетентности. Уж они точно знали, что пострадают, потеряв незаслуженные ими привилегии. Им эксперимент был заведомо враждебен, и они платили ему тем же, пытаясь вызывать у коллег негативные реакции.

А ведь у многих на комбинате были сомнения, о которых нельзя умолчать. Гадали: не обманут ли, полностью ли сдержат обещания? Как ведь иной раз бывает: перед каким-то большим делом посулы сыплются, словно из рога изобилия, а потом выясняется, что «нет возможностей».

Директор комбината Шаров и его помощники понимали: тут, как никогда, требуются *мандаты доверия снизу*. Можно было бы понадеяться на одни только доплаты, на то, что они сразу всех расположат к эксперименту. Но еще до того, как дойдет дело до доплат, надо было провести гигантскую подготовительную работу. Откликнутся ли люди?

Теперь-то мы знаем: откликнулись. Сотни людей занялись тогда тем, что социологи назвали бы «нормотворчеством», созданием новых «правил игры» — стандартов деятельности и поведения. И использовали для этого гибкие организационные формы, комиссии и творческие бригады, в которых и

материализовалось общественное участие в управлении. Так получилось, что сотни людей стали добровольными пропагандистами метода, его адептами и ревностными защнтниками. Если б не это, не был бы метод столь тщательно продуман, так хорошо обеспечен и инженерно, и организационно, и социально.

Сейчас важно учесть все уроки Щекино, и прежде всего то, что многотысячный коллектив социальный стимул дружно предпочел материальному.

Вовсе не хочу, чтобы кто-то понял меня слнШком буквально и сразу же принялся сворачивать материальные стимулы, возможности которых для роста производительности труда мы использовали далеко не полностью. Да и сам принцнп «по труду» еще в полной мере не восторжествовал: его теснят со всех сторон традиции уравниловки.

Но одних только материальных стимулов, сколь бы значительными они ни были, нашим работникам уже недостаточно. За те же деньгн они хотят иметь и интересную по содержанию работу, и комфортные условия труда, и добрые отношения с коллегами и руководителями, н возможности для профессионального и должностного роста. Причем неудовлетворенность возникает зачастую тогда, когда «для полного счастья» не хватает лишь *одного* нз перечисленных факторов.

И этот «максимализм» сегодняшних рабочих ясно проявился почти на всех предприятиях, где внедряли щекинский метод. Прнчем его внедрение шло тем успешнее, чем больше внимания уделяли социальным стимулам. Сами щекинцы считают, что один из серьезнейшнх барьеров на пути щекннского почнна — утилитарный подход хозяйственников, делавших главный упор на материальное стимулирование и упустивших из виду задачи морального обогащения и облагоражнвання труда.

В казанском объединении «Оргсинтез» социологические исследования, выясняющие отношения работннков к методу, удалось провести в короткнй пернод между началом перехода на условия метода и выплатой первых вознаграждений за него. Оказалось, что хотя материальных преимуществ еще никто не успел почувствовать, однако отношение к методу успело сформироваться. Все еднндушно его приняли, оценив, что он приносит с собой более содержательный, творческнй труд, требует роста квалнфнкацнн работннков, повышает сплоченность коллектнва.

А поскольку сами щекнацы в связн с экспериментом проводили у себя «техническую революцню», то перемены в труде были для всех очевндны. Вот общий вывод, который делают в своей книге К. Череднnченко н Л. Гольдин: «Там, где широко использовались возможностн щекннского метода, среднн́й разряд рабочих повысился на 0,4—0,6; темпы снижения доли тяжелого, вредного и малоквалифицированного труда возросли вдвое; текучесть, нарушения трудовой дисциплины, правонарушения снизились в два-три раза».

Но это общие тенденции, проявившиеся на всех предприятиях, работающнх по-щекннски. А на самом щекннском «Азоте» они показали себя еще ярче. Вот такие цифры я записал под днктовку прежнего директора комбнната Петра Михайловича Шарова: «Если в 1966 году, до экспернмента, количество прогулов составляло 556 случаев, то в 1975 году их было всего 26». То есть в двадцать раз меньше!

Кто не догадается, что в первую очередь освободнлнсь на комбинате от прогульщнков н прочнх нарушителей днсциплнны! И многие из ннх, наверное, взялнсь после этого за голову, ибо больше всего развращает нарушителей обстановка

безиаказанности, ореол незамеинмости. Исчезла здесь атмосфера безразличия друг к другу, а возиикла зависимость каждого от коллектнва и коллектива от каждого. Быстрее стали растн, подиимать свой разряд молодые рабочне. Если прежде, до экспернмеита, оии проходили путь от инзшего к высшему разряду за пять — восемь лет, то в условнях метода — за два-три года. Ведь раиьше такой рост был лнчным делом каждого, а теперь стал делом всей бригады или участка.

Результаты соцнологнческого исследовання, проведеииого на шестнадцатн предприятнях хнмической промышлеииости в 1969—1971 годах н 1975—1976 годах, выясиили такне соцнальиые эффекты от внедреиня метода:

хорошо зиаю условня щекинского метода — 68 процеитов всех ответов;

получаю доплату за метод — 69 процеитов;

считаю, что ои выгодеи предприятню и работинкам — 72 процента;

благодаря методу повыснлась эффектнвиость и качество моей работы — 71 процеит;

благодаря методу укрепнлись демократические осиовы руководства, расширилось участие трудящихся в управленин — 59 процеитов.

Эти данные говорят самн за себя: рабочие проголосовали за метод. Но тут перед нами самые простые соцнологнческне завнснмостн, ибо все нсследоваиия подобиого рода выполиялись самодеятельиыми, а ие профессиоиальиыми социологами. Да и в практической работе по доведению метода «до ума» социологн не участвовалн, а потому соцнальные возможности метода осознаны и использованы лишь иезначительно. А ведь щекиискнй метод не только способ повышеиия пронзводнтельностн труда, что иемаловажио, ио иструмеит социальиого развнтия, прнчем очень эффективный.

При его виедреиин возннкло очеиь много деликатиых вопросов пснхологического плаиа. И нх пришлось также решать доморощенио, вовсе не с иаучиых позиций. Напрнмер, на полоцком «Полимнре» в связи с виедреиием метода брнгады решнлн формировать исходя из интересов в сфере досуга. Так возниклн бригады «грибников», «рыболовов», «спортсменов», «хористов»... Здесь была явная профаиация соцнальиого подхода в управлении, одиако «реформистов» вовремя не поправилн.

И еще один соцнальный эффект щекнйского метода ие иадо упускать из виду: позволяя предпрнятию обходиться меиьшим числом людей, он дает возможность экономнть иа «соцнальиой нифраструктуре», поскольку отпадает иеобходимость дополнительно создавать весь комплекс жилищно-бытовых н культурных услуг. На комбиате предполагали, что уже существующие социальные блага, разделеиные иа меньшее число работников, повысят эффективность их труда. Но так не случилось, поскольку громадные фоиды соцкультбыта, заработаниые комбинатом, ие удалось материализовать в дополиительных метрах жнлья илн в иовых учреждеииях культуры.

Вспомииаю свой разговор с Рэмом Алексаидровнчем Белоусовым, заведующим кафедрой управления соцнальио-экоиомическими процессами Академии общественных наук при ЦК КПСС. Отталкиваясь от уроков щекиского метода, ои говорил:

— Сегодия перестройка хозяйствеииого мышлеиия должиа тесио увязываться с социальиыми вопросами. До снх пор мы иазываем иаших хозяйствеиииков командирами пронзводства. В наше время просто комаидовать людьмн — слншком мало. Все хо-

зяйственные руководители обязаны овладевать наукой и искусством человеческих отношений. Мы явно недостаточно используем пока социальные факторы производства, а случается, просто игнорируем их. Именно об этом говорит, например, текучесть в 20—30 процентов, которая часто встречается. Обычно редко привлекаются к разработке планов, к решению насущных проблем своего предприятия рядовые работники. И когда я частенько слышу призывы расширить самостоятельность хозяйственных руководителей, то думаю о том, что в еще большей степени нуждаются в расширении прав трудовые коллективы.

Да, осуществлять социальный подход в производстве и управлении сегодня немыслимо без профессионалов-социологов. Но их у нас до сих пор мало, потому что вот уже 10 лет Министерство высшего и среднего специального образования СССР игнорирует требования производства и общественности, сопротивляется введению у нас профессионального социологического образования. Вот почему не было социологов при щекинском движении, так же как их не было при широком внедрении бригадного подряда или при распространении вазовского опыта. И обходится это всем нам дорого.

О губительной силе инструкций

Много раз я сталкивался с хозяйственниками, которые откровенно не верили в щекинский метод. Или верили в его возможности, но внедрять метод категорически отказывались. Вот и Григорий Иванович Гроцескул, первый секретарь Щекинского горкома партии, сказал мне с некоторым удивлением:

— Складывается впечатление, и есть тому примеры, что внедрение щекинского метода больше интересует партийные, чем хозяйственные органы.

Сам видел, как на существующей много лет общественной комиссии при горкоме партии не мытьем, так катаньем подталкивают директоров предприятий браться за метод, они упрямятся, с цифрами в руках доказывают, что еще не созрели. Так почему же, думал я, чуть ли не силой приходится заставлять хозяйственников становиться новаторами, браться за хорошее дело?

Василий Владимирович Семенов, заведующий отделом химической промышленности Тульского обкома партии, предложил мне свое объяснение:

— Если бы вы попытались посмотреть на Тулу ранним утром с вертолета, то заметили бы, как мчатся в разные стороны от центра громадные «Икарусы» красного цвета. Они забирают людей из окрестных деревень и поселков и везут их на работу в город. Вот таким образом многие наши заводы решают проблему рабочей силы. Этот способ решения кадровой проблемы кажется нашим хозяйственникам более выгодным, чем щекинский метод...

И все-таки мне хочется понять логику поведения хозяйственных руководителей. Со многими из них я по многу лет дружу, и трудно поверить, что для них главное — облегчить жизнь себе. А если даже и так, то почему они предпочитают облегчать ее, не беря в союзники замечательный метод?

Убежден, что щекинский метод не просто лекарство от дефицита кадров, а *способ экономно вести любое дело,* совершенствуя его сразу во многих направлениях. *Щекинский стимул заставляет предприятие непрерывно двигаться вперед,* постоянно совершенствовать производство. Метод действительно облегчает жизнь руководителя, потому что помогает навести четкий порядок в управле-

нии и поддерживать его социальным контролем снизу. Он позволяет трудные проблемы руководства возложить на плечи добровольных помощников, рождает инициативу и творческую самодеятельность снизу, делая их необходимостью в работе каждого члена коллектива. В условиях метода за несколько лет формируются высокие нравственные и деловые качества, для которых в обычных условиях требуются десятилетия.

Так почему же многие от щекинского метода все-таки шарахаются? Этот вопрос и задал я рабочим одного цеха. Вот что они ответили:

— Побаиваются руководители. Когда есть лишние люди, все же спокойнее работать...

— У нас, если один человек не придет, а другой — в отпуске, то все, отсутствующих уже не заменишь...

Вот пример, который мне рассказал Константин Константинович Чередниченко, заместитель министра химической промышленности. В объединении «Куйбышевазот» построили и пустили в эксплуатацию новый завод. Он работает, исправно выполняет план, но численность его персонала на полторы тысячи человек превышает предусмотренную проектом норму. Почему? А потому, что не подумали заранее о подготовке кадров, да и после пуска не создали условия, которые бы заинтересовали работников в повышении квалификации. И еще одна деталь. Щекинский метод применять тут не спешат, хотя выгода его более чем очевидна: избыток людей требует на 15 миллионов рублей увеличить затраты только на жилищное строительство.

Но чтобы стало понятно, почему отпугивает многих хозяйственников этот метод, придется рассказать несколько грустных историй из биографии Щекинского химкомбината.

Куда ни пойдешь в поселке химиков, непременно попадается на глаза странный остов недостроенного сооружения. «Это наш Дворец культуры,— поясняют с усмешкой старожилы,— тринадцать лет, как брошен строителями. Почему? Уж такое к нам отношение...»

А на краю поселка я увидел пустые глазницы недостроенных жилых домов. Мне пояснили, что стоят они уже не первый год. А ценнейшие для производства работники, не получив жилье, уходят с комбината.

Так случилось, что честно заработанные комбинатом фонды много лет лежат мертвым грузом. «У строителей не хватает людей» — вот аргумент, который слышишь почти всюду.

Но для других предприятий города строители делали многое, а химкомбинату не спешили, потому что комбинат не мог посылать строителям для отделочных работ сотни дармовых помощников: ведь у него действительно нет ни одного лишнего человека. Вот почему и производственные корпуса комбинат получил с громадным опозданием, не выполнив из-за этого пятилетний план.

Это все? Да нет. При мне приехал на комбинат председатель подшефного колхоза. Он чувствовал себя здесь хозяином, в каждой его фразе сквозила уверенность: ему обязаны. А приехал напомнить, что ждет от комбината по сто работников ежедневно, да еще и общежитие для них надо строить. Шефы не против: помогать деревне надо. Но вся загвоздка в том, где брать людей. А подшефный совхоз у комбината не один. Да еще требуют направлять людей на кирпичный завод, на строительство дорог, на переборку овощей.

К тому же исполкомы, разверстывая предприятиям и учреждениям цифры требуемых от них людей, ни знать не хотят, ни учитывать не собираются, сколько же каждое из них сократило работников благодаря щекинскому ме-

тоду. Что говорить, если и родные министерства, доводя до каждого предприятия задания по сокращению административно-управленческого персонала, тоже решительно не хотят учитывать, освобождались они от излишка рабочей силы или нет? Вот так и получается, что предприятия, честно применяющие метод, в большом проигрыше по сравнению с теми, кто поостерегся.

По самому смыслу эксперимента предприятия должны были делить на оставшихся людей не только фонд зарплаты, но и все имевшиеся социальные блага. Это значит, что новаторы, помимо более высоких заработков, получают больше возможностей при распределении жилья и других социальных благ. Но так не случилось. Во многом потому, что щекинцев подвели деловые партнеры, и главным образом, как уже говорилось, строители. Да и свое министерство очень скоро стало недодавать комбинату честно заработанные им фонды, перебрасывало их отстающим предприятиям. Комбинат же не смог из-за этого в полной мере компенсировать своим рабочим большую интенсификацию труда, более высокие нервно-психологические нагрузки. Как тут не вспомнить слова Ленина: «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты».

Всякий экономический эксперимент — это ведь еще и договор двух сторон. Свое слово комбинат сдержал, но другая договаривающаяся сторона его нарушила. Кто именно? Это-то и предстоит нам выяснить.

— Щекинский метод существовал в своем наиболее эффективном варианте лишь в восьмой пятилетке, и то только на Щекинском химкомбинате.

Так говорила мне Вера Ивановна Слепых. Много лет она была главным экономистом, потом заместителем директора химкомбината. Это по должности, а по душе — подвижницей, горячей сторонницей метода. За его внедрение она получила вместе с группой своих единомышленников Государственную премию СССР, защитила на эту тему кандидатскую диссертацию. Когда же на пути метода возникли барьеры, она стала бить в набат, обращаться во все инстанции, выходить на бой с явными и невольными его противниками. Но все-таки до конца не выдержала и уволилась с комбината. Теперь она в Москве, заведует кафедрой в отраслевом институте, который обучает руководителей производства. По роду службы она пропагандирует свой метод с институтской кафедры. Но каждый раз горячится, обнаружив, что ее слушатели искаженно, даже превратно представляют себе и сам метод, и его возможности.

— Мы получили столь яркие результаты, использовав возможности метода от силы на 20 процентов,— таково ее мнение, может быть, слишком категоричное, однако подкрепленное опытом использования щекинского метода в некоторых странах СЭВ.

Пытаюсь разобраться, где граница между действительным щекинским методом и его подделками. Честно говоря, разобраться трудно. Инструкция по применению очень простого по своей идее метода имеет бесчисленное множество пунктов и подпунктов.

— Порой инструкции ставят нас в тупик, особенно те, что противоречат и духу и букве эксперимента. А инструкции по щекинскому методу таковы, что в них трудно вписаться,— так прокомментировал ситуацию со щекинским методом известный наш экономист академик Абел Гезевич Аганбегян.— Не знаю, откуда это идет, но у нас

ие доверяют в достаточной мере хозяйственнкам. Я мог бы понять, если бы это было во времена первых пятилеток, когда к руководству предприятиями пришло много людей без высшего образования. И то им в то время доверялн. А ведь сейчас руководители совсем другого уровия. Я, иапрнмер, зиаю миого предприятий по Сибири. Вот, скажем, руководители Норильского горио-металлургического комбината. Это ж государственные люди! А им порой не доверяют решеиие самых мелких вопросов. Сколько, напрнмер, лить литья для вспомогательных иужд. Что оин лншиее литье будут лить?

Так случилось, что после разговора с Агаибегяном я позвонил ответственному работинку Госкомтруда Борнсу Михайловичу Сухаревскому. Ои и сказал мие тогда фразу: «Щекнискнй метод возник преждевремеино, а потому пришлось его поправлять». Из его объяснений выходило, что десять лет назад наши хозяйственники были иесозиательиыми, использовали, дескать, предоставлеииые им права в ущерб народному хозяйству, а потому прншлось мудрыми иинструкциями прикрывать всякие лазейки для злоупотреблений. А вот когда сознаиие хозяйствеииков возросло, тогда огранчеиия к широкому использованню метода сняли.

Одиако миогне партийные документы давно признали хозяйственинков в полиой мере сознательными для того, чтобы вести дело самостоятельно. Что же касается якобы имевших место злоупотреблеиий, то я хочу предложить на этот счет другие мнения.

Станислав Николаевич Голубев — иачальинк подотдела планнрования труда и промышлеииостн в Госплане СССР. Все, что связано со щекинскнм методом, знает в самых мелких подробностях. В разговоре со миой он признал, что руководителн предпрнятий, перешедших иа щекинскнй метод, в общей своей массе расходовали очень рачительно оставленную предприятию сумму экономии зарплаты. А весь сыр-бор вокруг метода как раз н разгорелся из-за этой экономин. Вот что писалн по этому поводу в «Правде» В. Парфеиов и В. Швецов: «Когда иачался массовый переход предпрнятнй иа работу по-щекински, Госкомтруд СССР вместе с другими ведомствами предложнл новые условия эксперимента, существенно отлнчающиеся от первоначальных. Прежде всего был вычеркнут пункт, который давал право переводить в фоид материального поощрения и оставлять в коллектнвиой копилке предприятия основную часть экоиомин зарплаты. На втором этапе эксперимеита у щекинцев, иапример, изъяли почти четыре мнллиоиа рублей».

И получалось так: погиались за мнллиоиами, а потеряли миллиарды, потому что щекинское движение пошло с этого момента на убыль.

— Вы моглн бы иазвать мне хотя бы одни документ, в котором было бы какое-то ущемлеиие щекииского метода?

Не знаю, иа что рассчитывал Станислав Николаевич Голубев, задавая мие этот вопрос.

— Зачем же тогда,— в свою очередь спросил я,— иадо было в апреле семьдесят восьмого года специальио принимать постановление четырех ведомств о возвращеинн к первоначальным условиям щекииского экспернмеита?

Такое решение действительно состоялось, и в нем нсправлеиы многие ошибки. Но полностью восстановить доверне к щекннскому методу ие удалось. Хозяйствеинцкн все еще отказываются от него, потому что сохраняются экономнческие условия, нз-за которых честио вскрывающее свон резервы предприятие оказывается в проигрыше. Эти условия задаются уста-

ревшим хозяйственным механизмом, сохраняющейся еще инерцией хозяйственного мышления.

— Условием применения щекинского метода,— продолжал академик Аганбегян,— является отказ министерства, главка от того, чтобы вмешиваться в деятельность предприятий, менять показатели. Вот вы, к примеру,— говорит он мне,— начальник главка. У вас десять заводов. Пять из них вы перевели на щекинский метод, а пять нет. У вас какой-то завод не выполняет план. Что вы делаете в данном случае? Перебрасываете. А в условиях щекинского метода вы не можете это делать...

Чтобы было еще понятнее, академик приводит такой конкретный пример:

— Мне хорошо знаком опыт Омского нефтехимического комбината. Это немолодое предприятие увеличивало производительность труда на 2 процента в год. Потом, в начале девятой пятилетки, его перевели на щекинский метод, и оно за пять лет увеличило производительность сразу на 48 процентов. Но Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности все эти годы без энтузиазма относилось к щекинскому методу на этом предприятии. И равнодушие в конце концов победило: в начале десятой пятилетки метод на заводе ликвидировали, и он опять сейчас дает прирост на 2 процента в год. Но министерство довольно. Почему? Потому что каждый год может менять показатели.

Уникальный ли это случай? Читаю письмо начальника ОТК из Серпухова Е. Чапы: «Хочу поделиться своими мыслями о щекинском методе. Все понимают, сколь он полезен и эффективен. Однако ему мало где находят применение. Этим летом я был поражен, когда узнал, что наше вышестоящее начальство запрещает его использовать на предприятиях нашей отрасли. Почему? Сказали просто: нельзя. Я думаю, что здесь дело в боязни руководителей просчитаться».

Лететь или не лететь первой ласточке!

— Не приставайте ко мне с вашим методом! — вот первое, что сказал главному экономисту комбината новый директор Мелентьев, сменивший тяжело заболевшего Шарова. А по городу пошли разговоры: директор «Азота» против метода, который на нем родился...

Но на поверку оказалось, что все не так. Николай Романович Мелентьев еще на новомосковском «Азоте», откуда прибыл, сам был зачинщиком работы по-щекински. И здесь, на комбинате, готов был сохранить все щекинские традиции. Но обнаружил, что химкомбинат в глубоком прорыве: на 19 миллионов рублей не вытянул годовой план, хотя, как мы знаем, работал на пределе возможностей! Так ли уж не прав был Мелентьев, посчитав, что все беды комбината оттого, что щекинский метод пока не вписывается в существующую экономическую ситуацию? Работал гораздо интенсивнее других, а вознаграждался хуже, чем отстающие предприятия. Вот пример. В прошлом году среди 25 предприятий «Союзазота» химкомбинат был на одном из последних мест по уровню зарплаты. И по сравнению с соседями явно проигрывал.

— У соседей,— рассказывает Мелентьев,— аппаратчик получает 160 рублей и обслуживает один агрегат. А у нас за те же 160 рублей аппаратчик обслуживает три агрегата. Почему? Когда в семьдесят пятом году была проведена тарификация, то по какой-то причине забыли, что щекинское объединение работает по методу, при котором людям полагаются доплаты. В результате очень многие рабочие их лишились.

Налицо уравниловка, которая поощряет иждивенчество и обесценивает стимулы напряженного труда. Зачем, рассуждают директора, рваться ввысь, если все равно подрежут, приведут к общему знаменателю? А уравниловка возникает порой из самых благородных побуждений — помочь разнесчастному, попавшему в прорыв предприятию! Однако получилось так, что с некоторых пор иные министерства стали особенно щедры к тем, кто жалобно стонет, кто умеет создать у себя видимость безвыходного положения, заставляя расплачиваться за него передовиков. «Получишь помощь, если сможешь остановить главный конвейер!»— такую «хитрость» я услышал на одном известном заводе. Вот и соревнуются порой предприятия по части умения создать угрозу для министерского плана.

Сначала выйдем в люди, а потом возобновим метод — так намеревался сделать Мелентьев. Но оказалось, что метод от комбината уже неотделим. Он вошел и в систему работы комбината, и в психологию, и в мышление его людей. И тогда Мелентьев задачу сформулировал иначе: «Возвратить авторитет метода!» Этим он и занялся, доказывая на всех уровнях, что не лишнее просит, а нормальное, по праву принадлежащее комбинату, честно им заработанное. Оказалось, что все упирается не в ошибочную позицию какого-то отдельного руководителя в министерстве, а в известную практику «планирования от достигнутого», которая принципиально противоречит щекинскому методу.

— В самом начале эксперимента,— рассказывал мне Василий Михайлович Сусляк, второй секретарь Тульского обкома партии,— мы чувствовали, что все же остались у людей сомнения: а не получится так — пройдет, дескать, время, и снова нам будут планировать «от достигнутого». Мы их убеждали: такого не будет! Но, увы, все опять повторилось. С планами манипулируют кто как желает! — в сердцах произнес Василий Михайлович.— Многим нашим предприятиям по шесть-семь раз в году меняют план в сторону увеличения. Разве можно в таких условиях работать по-щекински?

— Почему так часто меняются планы? — спросил я во время все той же встречи в Госплане Станислава Николаевича Голубева.

Он посетовал на переменчивую ситуацию в экономике, на то, что заранее все не предусмотришь, но назвал и главную причину — кадры. В промышленных объединениях и министерствах, по его словам, много неквалифицированных работников. Они, дескать, и прибегают частенько к манипуляциям с планами. Интересно, что и Василий Михайлович Сусляк в качестве серьезнейшего препятствия на пути щекинского метода назвал руководителей, которые очень уж беспокоятся о легкой жизни, ну а щекинский метод легкой жизни не сулит. На мой вопрос: «Так почему же не меняют подобных руководителей?» — Василий Михайлович вздохнул и ответил с грустью:

— Кадрами заниматься не хватает времени. Вы бы пришли и посмотрели, чем с самого утра занимается секретарь обкома. Распределяет между предприятиями различной ведомственной подчиненности железнодорожные вагоны, электроэнергию, газ, улаживает между ними споры и распри...

Знаю, и об этом уже писалось, что партийные руководители поневоле превратились у нас в суперхозяйственников.

— К кому я могу сейчас обратиться, если нужно в масштабе региона решить какой-то хозяйственный вопрос? — продолжал Сусляк.— Должен сам решать, потому что нет такой хозяйственной горизонтали.

Мы прикииули с Василием Михайловичем, как много высвободилось бы рабочих рук, если бы существовала территориальная кооперация предприятий. Хотя бы по линии вспомогательного производства.

— Может быть, следует,— размышлял Василий Мнхайловнч,— создавать иа паях предпрнятий межотраслевые производства? Оии могли бы нзготовлять ннструмеит, ремоитнровать стаики, пронзводить иестаидартное оборудованне... А еще иужиы специальиые виедренческие организации, центры, которые могли бы давать рекомеидацин по иаучиой организации труда и управлеиия.

Да, этот вопрос давио иазрел. А поскольку ои ие решен, то с каждым годом иа предприятнях сильиее проявляется теидеицня к созданию своего «натуральиого хозяйства», чтобы ни от кого ие зависеть. А раз так, то этнм предприятиям нужиы дополнительиые рабочие рукн, а ие щекиңский метод.

— Тут, конечио, и наша виия есть,— прнзиался Сусляк.— Когда посылаем людей в село, а мы одних только механизаторов 8 тысяч иаправляем, то ие учитываем кадровую спецнфику предприятий, работающих по щекннскому методу.

Препятствий иа пути метода набирается иемало. А помочь предприятию, которое отважнлось работать экономио, порой некому. Как тут быть?

— Есть у меия одиа мысль,— произиес как-то Николай Ромаиович Мелентьев,— правда, она уже ие иовая. На том уровне, на котором эксперимеит одобряется, иа том же уровие и должеи осуществляться контроль за его успешным проведеинем. А получнлось как? На одиом уровие иаш эксперимеит поддержалн, а вот иа уровне всесоюзиого объедииеиия, которому подчинены, мы этой поддержки ие получнлн. Зиачит, надо было планнровать для нашего экспериментирующего предприятня особо, отдельной строкой.

На эту же тему мы долго разговаривали с Верой Ивановной Слепых и ее бывшнмн коллегами по комбииату Мокниым, Егоровым, Лупаиовым. Все онн теперь живут и работают в Москве, ио часто собираются вместе. Оин честно прнзнаются, что время щекииского эксперимента — лучшая пора нх жнзии. Онн мне рассказывали о тех годах очеиь взволиованно, и я опять вспомиил Льва Толстого: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, бнться, ошибаться, иачниать н бросать, и опять иачинать, н опять бросать, и вечио бороться н лншаться. А спокойствие — душевиая подлость».

Поразительно, есть так миого людей — и иазванных миой, н безымяииых,— кто поверил в метод, в его велнкие возможности преобразовання и отдал ему свои силы, знания н душевиые порывы. Что нмн двнгало? Социальные и нравственные корни иоваторства — тема особая.

Однако есть еще одии самостоятельный пласт щекииского опыта. Как удалось новаторам так умело, гибко, с высокой оргаиизацноииой зрелостью осуществить сложиейшее дело создаиня н виедрения метода? Какую иауку виедреиия оин для себя разработали? Ведь сама снстема внедреиия метода — это цениейшее достояние, подлинный капитал, которого частеиько недостает нашим миогочислеииым энтузиастам и иоваторам.

И все же у наших иоваторов наступила пора неудовлетворениостн. Им бы хотелось, чтобы метод *работал* повсюду, прнчем не только в промышлеииости, ио и в сельском хозяйстве, и в сфере обслужнвания, н в области управлеиия.

— И вообще,— говорит Вера Ивановиа,— если подходить к этому мероприятию по-государственному, то правильно было бы дать возможность коллективу вскрывать н вскрывать иовые резервы, чтобы с меньшим числом людей выполнять более ответствеиные задачи. Ведь еще Ленин говорнл, что нужно создавать образцовые предпрнятня. Вот н превратили бы Щекинский хнмкомбинат в такое предпрнятне, чтобы, посмотрев иа него, все захотели бы повторить его опыт.

Соцнальное копироваиие — это лучшнй способ распространеиия передового опыта, а используем мы его крайне редко. Хотя у нас есть довольно миого предпрнятий, претендующих на статус образцовых,— ВАЗ, ЗИЛ, «Красиый пролетарий», Минскнй тракторный, Калужскнй турбнинный, Териопольская швейиая фабрика, шахта «Зыряиовская». Нужны ли для инх особые условия? Нет, ие иужиы. Им достаточио тех иормальных, прн которых оии гаратнрованно получают все, что честио заработалн.

Вот здесь мы добрались еще до одной трудной темы. Дело в том, что Щекинский химкомбинат самым драматнчным образом связал свою судьбу с толстовской Ясной Поляной, расположениой по соседству. Когда-то, еще до начала знамеинтого эксперимеита, атмосферные выбросы с комбината ианеслн ущерб усадьбе Толстого. Чтобы подобиое не повторнлось, комбннат обязалн осиастить производство мощиымн очистиыми сооружениямн и запретили расширять свои мощиости. Уже это поставнло комбнат в сложное положенне, поскольку экономнческое благополучне любого предпрнятня сегодня прямо зависит от наращивания объемов выпуска продукции. Даже в том случае, когда это не очень целесообразно. Да н логнка щекинского экспернмента тоже требовала увелнчеиия объемов. Все это пронсходнло иа старом оборудованин, потому что иовое, крупиотоннажиое комбиату ставить не разрешали. И хотя ои тратит сегодня многие миллиоиы для защиты воздушиого н водиого бассейиов, заиимается профилактикой и держит в деревне Ясиая Поляна свою лабораторию, опасность случайных выбросов по мере изиоса оборудоваиия не нсключена. Тут нужиы прииципиальиые решення.

Наметки были: переместить комбиат нлн, по сути, построить его заиово на другой площадке, а зиачнт, и город при ием; или же иа существующей территории поставить сверхсовремеииое оборудование, полностью гаратирующее безопасность окружающей среды. Сам коллектнв ратует за второй вариант. И комбиат сделал вместе с проектиым ниститутом свои обоснования, разослал их в разные иистанцин, но решеиия все еще нет. Будущая судьба комбииата нз-за этого под вопросом, отсюда и неуверенность, н попытки миогих иайти свою личную перспектнву в другнх местах. А разве ие страдает от этого авторитет самого метода? Ведь он в тесной завнснмости от авторитета н благополучия комбната!

Но, может быть, время метода прошло, а воспомииаиия о нем имеют чисто позиавательный интерес, ие более?

— Тот дефнцит кадров, который мы сегодня нмеем,— это пока цветочкн. Вот потому без щекииского метода ннкак ие обойтись! — таково миеине Стаиислава Николаевича Голубева.

Время метода не прошло, время метода только иачинается — это общая позиция, и она прозвучала в высказываииях миогочисленных монх собеседников. А раз так, значнт, оружие к бою! Надо очистить метод от всего ложного, случайно к нему прнлнпшего и обогатить его тем цениым, что открыли

первопроходцы. И надо обеспечить методу постине государственную поддержку. Чтобы его судьбу определяли не узковедомственные интересы, сколь бы важными они ни были, а общенародные. На всю мощность должен быть включен новый механизм хозяйствования, без которого невозможно сейчас преодолеть устаревшие стереотипы хозяйственного мышления. Однако ведомства с этим пока не спешат. Значит, нужно эту деятельность взять под широкий общественный контроль.

После опубликования в газете моих материалов о щекинском движении из города Энгельса Саратовской области пришло письмо кандидата технических наук, заслуженного изобретателя РСФСР Н. Чубкова. Есть в нем такие строки:

«История щекинского метода весьма поучительна. Пожалуй, многие могут привести примеры, когда хорошее решение, полезная инициатива тонут в безразличии должностных лиц, не желающих обременять себя дополнительными хлопотами и заботами. Мы вводим строгую административную и юридическую ответственность за рациональное использование трудовых, материально-технических и сырьевых ресурсов. Эффективность и бережливость — вот главная стратегия хозяйствования.

Но разве творческий потенциал, новаторская активность менее важный государственный ресурс, чем просто рабочая сила, техническая оснащенность, сырьевая база? Казалось бы, ответ однозначен. За неумелое распоряжение людьми, механизмами, ресурсами можно привлечь вплоть до уголовной ответственности. Вредность пассивной позиции таких людей измеряется не только экономическими издержками в каждом конкретном случае. Особенно велик ущерб нравственный: косность разрушает стремление к творческому труду на благо всего общества».

А вслед за этим страстным письмом пришел ответ заместителя министра по производству минеральных удобрений В. К. Бородина, где охотно признаются все недостатки в применении щекинского метода, а положение, в которое попал химкомбинат, представлено таким образом:

«Однако само щекинское ПО «Азот», флагман передового начинания, добившийся за годы работы по новому методу увеличения выпуска продукции в 3,1 раза и повысивший производительность труда в 4,1 раза, оказался в начале 11-й пятилетки в затруднительном положении. В самом деле, физически и морально устаревшее оборудование и технология не позволяют обеспечить дальнейший рост основных технико-экономических показателей, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на показателях экономического и социального развития коллектива».

Все верно, но только меня не оставляет в покое вопрос: кто виноват? Об этом в письме ни слова. И не смогли до сих пор министерство и Госкомтруд СССР подняться над частными фактами, чтобы заметить главное — пробуксовку щекинского стимула...

— Так лететь или не лететь первой ласточке? — спросил я Николая Романовича Мелентьева, напомнив ему слова Толстого.

— Конечно, лететь! — уверенно ответил Николай Романович.— Ведь каждая ласточка приближает весну. Сегодня уже нет сомнений, что щекинский метод — это верное направление. И даже те беды, которые пережил комбинат,— это тоже опыт, тоже урок! Если бы не полетела наша первая ласточка, то сегодня нам бы пришлось начинать с шестьдесят седьмого года. А сегодня какой? То-то же!..

В. Кокашинский

Спец. корр. «Литературной газеты»

Эксперимент в Акчи[1]

В конверте лежал отчет о результатах хозяйственно-финансовой деятельности совхоза с длинным и неблагозвучным названием «Опытное хозяйство по производству травяной муки». В сопроводительной записке сообщалось, что в этом хозяйстве труд организован на принципах безнарядно-звеньевой системы. Колонки цифр, присланные из Казахстана, поражали воображение...

Они, эти цифры, говорят, например, что в совхозах республики, где применяется обычная система оплаты труда, себестоимость центнера зерна была в прошлом году 6 рублей 38 копеек, годовая прибыль на одного работника — 206 рублей, месячный заработок составил 88 рублей. А в опытном хозяйстве, о котором идет речь, производство центнера зерна стоило 1 рубль 66 копеек, прибыль на одного работника — 1577 рублей, а средний месячный заработок земледельца — 360 рублей!

Настораживаюсь и перелистываю страницу... Должен же быть у совхоза плановый фонд заработной платы. Смотрю соответствующую таблицу. По плану следовало израсходовать на заработную плату 196 тысяч рублей, фактически же израсходована 81 тысяча. Люди заработали по 360 рублей в месяц, а больше половины денег, отпущенных на оплату их труда, осталось при этом в кармане государства! Согласитесь, что это чудеса, а чудеса настораживают...

Иван Никифорович — мечтатель и реалист

...Впервые я его увидел в редакции одной из московских газет, которая затеяла у себя «круглый стол» как раз о звеньевой организации труда. Собрались ученые и практики. Было много споров и главное — сомнений. А у Ивана Никифоровича Худенко на все имелись окончательные, абсолютные, бесспорные ответы.

Вспомнив это, я порылся в своих бумагах и нашел стенограмму его тогдашнего выступления. Он приводил расчеты по одному хозяйству, из которых видно, что по действующей системе там требуется 863 работника с фондом заработной платы 911 тысяч рублей, а по новой, безнарядно-звеньевой — всего 85 человек с фондом зарплаты 256 тысяч рублей. Он говорил о росте производительности труда чуть ли не в 20 раз, о том, что в сельском хозяйстве даже при четырехкратном увеличении объема производства достаточно иметь всего 5 миллионов человек.

Он был горячим сторонником звеньевой системы. Но, как многим казалось, слишком горячим. Максималистом. Его соображения выглядели, разумеется, привлекательно, но, как думалось, они утопичны, далеки от реальной практики! И вот теперь отчет об экономической деятельности опытного хозяйства и под ним его, Худенко, подпись. Документ завизирован Министерством сельского хозяйства Казахской ССР.

...В тесноватом саманном домике, служащем полевым станом, со-

[1] Лит. газ. 1969. 21 мая. Печатается с сокращениями.

брались почти все рабочие совхоза, которые вместе со своими семьями живут по соседним деревиям и аулам. Совхоз тот новый, строящийся, переживает еще «палаточный» период. В страдную пору пользуются этим домиком и еще тремя такими же, закупленными у местных жителей, как общежитием. Иван Никифорович остался в Алма-Ате, со мною ехать в совхоз отказался, дабы я мог увидеть все своими, а не его глазами. Приходится, преодолевая обычную в таких случаях неловкость, самому начинать выпытывать незнакомых людей. Разговор идет сначала общий: кто, откуда да зачем бросил обжитые места и подался сюда, в степь. Григорий Андреевич Ильян, который в разговоре бойчее других моих собеседников, говорит:

— Мы все тут ради одной цели. Чтобы довести до конца эксперимент Ивана Никифоровича Худенко.

И пошли они, все наперебой, рассказывать мне, какую хорошую систему организации труда разработал Иван Никифорович и как они глубоко верят в ее успех.

Когда говорят о звеньевой организации труда — а говорят о ней сейчас много,— дело обычно представляется таким образом: звено выращивает определенную продукцию и часть дохода от ее реализации получает в виде оплаты своего труда. Никаких норм выработки нет, учет труда по видам работ (пахота, сев, уборка) фактически не ведется. Такое положение вызывает бурные возражения противников звеньев, и они не совсем безосновательны. В таком виде звеньевая система целиком рассчитана на крестьянскую инициативу и крестьянский риск, но она оставляет в стороне современные возможности экономического прогноза, научно обоснованного расчета.

Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и последующие решения партии по вопросам сельского хозяйства принесли в стихийно возникшую звеньевую систему новые идеи и принципы. Отказ от мелочной опеки и волюнтаризма в руководстве колхозами и совхозами способствовал не только созданию большего простора для инициативы хозяйств, их самостоятельности, но и укреплению плана как твердого и объективного регулирующего фактора.

И. Н. Худенко, многоопытный финансист и экономист, приняв идею оплаты от конечного продукта, лишает эту идею «куриной слепоты». Он заключает инициативу, и риск при соблюдении заранее известных точных условий становится предвидимым, рассчитанным.

Размышления у технологической карты

Григорий Андреевич Ильян показал мне технологическую карту своего звена. В ней на производство центнера зерна запланировано 30 минут. Такая же норма затрат труда и во всех остальных звеньях. Фактически же затраты оказались еще ниже — в среднем по хозяйству немногим более 20 минут. В других же совхозах Казахстана на производство центнера зерна затрачивается от двух до пяти часов. Отсюда, от этой разницы, и все остальные показатели, все те фантастические цифры, которые поразили меня в отчете. Совхоз собрал по 12 центнеров зерна с гектара (не слишком высокий урожай), но зато благодаря очень высокой производительности труда и низким затратам хлеб вышел таким дешевым. Возникает, естественно, вопрос: каким образом могла быть поднята производительность труда в пять-шесть раз в сравнении с достигнутой в соседних хозяйствах? По устоявшимся представлениям ответ может быть двояким: либо обеспечением значи-

тельно более высокого уровня механизации и автоматизации работ, либо резкой интенсификацией самого труда, увеличением рабочего времени. В данном случае и то и другое неверно, а проводимый эксперимент показывает, какие огромные резервы повышения производительности труда кроются в организации.

В опытном хозяйстве работают те же машины (тракторы, комбайны и т. д.), что и в других совхозах. В пересчете на количество обрабатываемых земель их не больше, а Худенко даже считает, что нужно — вернее, достаточно — и меньше того. Значит, сами люди работают на износ? Я пытался хоть у кого-нибудь из молодых, малоопытных, что ли, рабочих выудить признание. Не было такого признания, а человек пять или шесть мне «под секретом» сказали примерно одинаковые слова:

— Хотите знать нашу тайну? Работы нам в прошлом году не хватало. Еще не освоили собственное производство до конца. Поэтому приходилось наниматься своими звеньями на стороне.

Мне становилось все более ясным, что есть тут нечто такое, что побуждает людей бережно, экономно относиться к своему труду, что высокая производительность его является только лишь результатом сознательного снижения непроизводительных затрат. Ведь можно работать — и работать. Можно отдать делу семь часов в день (такова среднегодовая нагрузка в этом хозяйстве), и все семь часов — на пользу урожаю. А можно, как говорят, «крутить колеса» и все 16 часов, из них только четыре окупятся выходом продукции.

Вот тут-то я останавливаюсь перед некоторым парадоксом. Технологическая карта звена — это план. В нем научно (идеально) рассчитано, сколько и на каких видах работ нужно вложить труда и средств (семена, горючее, амортизация техники и т. д.), чтобы получить определенное количество продукции. Но идеальное часто расходится с действительным, а по системе Худенко такие расхождения между планом и результатом оказываются маловероятными. Потому что учитывается (а стало быть, и оплачивается) только действительно необходимый, действительно производительный труд. И за него положена высокая плата — полтора рубля за нормо-час.

Сверхплановый урожай дает, разумеется, дополнительную оплату, и любые дополнительные работы, ведущие к повышению урожайности, таким образом стимулируются. Вся система гибко связывает в сознании каждого работника труд и урожай в нераздельное целое. Нужно стремиться в равной степени и к повышению урожайности, и к экономии труда. В иной момент может оказаться выгоднее одно, в другой — иное. Тут уж думай сам, рассчитывай, принимай решение. Короче — хозяйствуй сам.

Иван Никифорович протянул далее цепочку хозрасчета от полевого звена ко всем остальным службам.

В опытном хозяйстве — шесть полеводческих звеньев. Остальные звенья такие: материально-технического обеспечения (МТО), строительное, коммерческое (его функции — заготовка семян, удобрений, доведение до кондиций и реализация государству выращенного звеньями урожая), общепита и управленческо-координационное. Все они тоже работают «от конечного продукта». Звено материально-технического обеспечения, например, снабжает полеводов горюче-смазочными материалами и запасными частями. По ценам на несколько процентов более высоким, чем покупает у государства. Разница между этими ценами и составляет доход звена, фонд его оплаты. Эта разница рассчитана так, чтобы при нормативных расходах запчастей и ма-

териалов обеспечить каждому члену звена МТО те же 250 рублей в месяц, ибо вся система построена так, чтобы меньше этой суммы ни один постоянный рабочий, каким бы делом он ни занимался, не зарабатывал. Никто в совхозе, включая директора, не получает оклада, заработок всех является, если можно так выразиться, коммерческим заработком. Это обеспечивает материальную заинтересованность работников всех звеньев и служб сверху донизу.

Директор по очереди! Но...

По данным сводных годовых отчетов совхозов Казахской ССР видно: структура их такова, что управленческий и обслуживающий персонал превышает 40 процентов всех занятых в них людей. В крупных хозяйствах число людей, освобожденных от непосредственного участия в производстве, достигает 150 и более человек. Это прямые руководители хозяйств и отраслей (администраторы), агрономы и зоотехники, экономисты, учетчики, бухгалтеры, счетоводы, кассиры, секретари-делопроизводители и т. д. Нетрудно себе представить, как велики при этом накладные расходы на каждый центнер продукции.

Но беда не только в этом. Беда еще и в том, что многоступенчатость и громоздкость структуры управления приводит нередко к несогласованности управления. Бывает так: один рабочий получает на день от разных лиц несколько исключающих друг друга указаний и в конце концов не выполняет ни одного из них. Громоздкий управленческий аппарат ограничивает самостоятельность и ответственность непосредственных производителей, рождает у них иждивенческие настроения, формулируемые обычно так: «Начальству виднее».

В опытном хозяйстве, о котором я рассказываю, управленческий персонал сведен до минимума. Есть, правда, так называемое координационное звено, состоящее всего из двух человек — директора Михаила Васильевича Ли и бухгалтера-экономиста И. Н. Худенко. Но это скорее некое «дипломатическое ведомство», осуществляющее внешние сношения с районными организациями, с Министерством сельского хозяйства республики, со снабженческими органами. Внутри хозяйства распорядительно-управленческая деятельность уже сегодня оказывается ненужной. Здесь руководят не люди, руководит сама система.

— Мои функции внутри хозяйства скорее чисто педагогические,— говорил мне Михаил Васильевич Ли.— Я работаю не в конторе, а в классе, где мы с Иваном Никифоровичем обучаем людей новой методике организации труда. Впрочем, и это было нужно только на первых порах. Сейчас каждый рабочий умеет пользоваться технологической картой. Каждый сам знает, что и когда ему делать. Координируют действия рабочих звеньевые, но они ведь и сами не освобожденные, наравне с другими трудятся в поле.

Я сказал Михаилу Васильевичу, что за все время пребывания в совхозе ни разу не слышал ни от кого распоряжения: сделай то-то. Или вопроса, что мне делать? Михаил Васильевич сказал на это, что за полтора года существования хозяйства им не издано ни одного приказа, ни одного письменного распоряжения.

Тут, конечно, у любого возникает куча вопросов. Возникли они и у меня.

— Ну а как же всякие бумаги? Кто их ведет?

— Вот вся наша бухгалтерия,— отвечал Иван Никифорович, показывая на свой портфель.— При нашей системе большего не нужно. На составление даже годового отчета мне одному достаточно четырех-пяти дней. Нам ведь разрешили иметь в банке всего один счет

вместо семнадцати, как это предусмотрено для обычиых совхозов.

— Но бумагн отпечатаиы иа машинке?

— Да, квалифицированной машинисткой за аккордиую оплату. Незачем держать полуграмотиую секретаршу н платить ей ежемесячно зарплату.

— Ну а разные справкн? Оии ведь бывают иужны чуть ли не каждый день?

— Справку каждый в состояиии отпечатать сам. Когда у иас будет коитора, сейчас ее попросту иет, там будут стоять пншущне машинкн и арифмометры. Штатные людн за инмн сндеть ие будут.

Тогда я перехожу к более серьезиому вопросу: как в совремеииом хозяйстве можио работать без квалифицированиых специалнстов?

Иваи Нникифорович и Мнхаил Васильевнч отвечают иа это так. В обычиых хозяйствах у специалистов иыие две фуикции. Первая — разрабатывать н виедрять передовую технологню пронзводства н вторая — контролнровать ее нсполиеине. Так вот, львнная доля времени у специалистов уходнт иа коитроль: следнть за тем, кто где работает, то лн делает, с какнм качеством. У иас эта нх фуикцня ие иужна, даже была бы вредиа. Зачем же зря держать людей, платнть им деньги! Что же касается собствеиио иаучиой деятельиостн специалнстов, то оиа своднтся лишь к привязке общнх положеиий, разработаииых сельскохозяйствеииой иаукой, и известиых их киижек и журналов к специфическим условиям даиного хозяйства. Мы нмеем колоссальную экономию средств за счет того, что ие держим постояииых специалистов и можем себе позволить приглашать за аккордиую оплату для консультации академиков. Что, между прочим, и делаем. Рекомендации, надо полагать, получаем более квалифицнрованные.

Еще, по-видимому, раио говорнть, оправдается лн до коица на практнке избраииый опытным хозяйством путь содружества с наукой. Ясио пока одио: здесь ее не только ие отвергают, ио стремятся пользоваться наукой нанболее эффектнвио. Сегодня опытное хозяйство тесиейшнм образом повседиевио связано со миогнми научно-исследовательскнми нниститутами. Да и весь совхоз целнком иаходится в веденни ие какого-нибудь другого, а управления науки Мниистерства сельского хозяйства республики. Это тоже ие случайно...

Надо просто признать возможиость двух прннцнпиально разлнчиых форм связи сельскохозяйствеиного производства с наукой. Первая — через штат собственных постояииых специалистов. Вторая — хозрасчетная связь с большой иаукой, выполняющей аккордиый заказ производства. Во всяком случае, с точкн зреиия мнровой практики такой путь ие нов.

— Важно в нашей методнке, чтобы управлялн все по очередн,— в который уж раз повторяет мне Худенко.

...Люди в звеиьях опытиого хозяйства специальио (нбо это эксперимеит) подобраиы так, что иикто ие уступает друг другу. Это поистние механизаторы «шнрокого профиля». Умеют работать на всех сельскохозяйствеииых машннах. Миогие былн прежде брнгадирамн, механиками, то есть уже заннмалнсь в прошлом органнзационно-управлеической деятельиостью.

Это позволяет И. Н. Худенко уже сегодня практнческн опробовать известиое ленниское положенне, сформулированиое в работе «Государство и революция», где Владнмир Ильич утверждал, что соцналиая революция приведет в коице концов к созданию такого порядка, «когда все более упрощающнеся функцнн иадсмотра н отчетности будут выполияться всемн по очереди, будут затем стаиовиться привычкой и, иаконец, отпадут, как

особые функции особого слоя людей».

Если мы не достигли, скажем, канадского уровня производительности труда в сельском хозяйстве, то ие потому, считает Иваи Никифорович, что у нас ниже уровень механизации. При коллективном социалистическом хозяйстве, полагает он, нужно меньше машии, чем при частном фермерском хозяйстве, где каждый держит «свой» трактор иа «своей» усадьбе. У нас и трактор общий, и усадьба общая. Легче высокопроизводительио использовать технику. Но нужио еще иемало сделать, чтобы преимущества нашего строя проявлялись как бы автоматически в каждой отдельиой производственной ячейке. Одного повышения материальной заинтересованности рабочих иедостаточио. Нужно построить первичную ячейку коллективистского труда, где, среди прочего, фуикции производства и управления ие разделялись бы. Так полагает Иваи Никифорович.

— Наше звено и является такой первичной ячейкой,— говорит он.

Мне показывают график очередности управления, утвержденный советом хозяйства, состоящим из членов координационного звена, руководителей общественных организаций и всех звеньевых. Согласно этому графику, сегодняшний звеньевой шестого полеводческого звена А. Е. Дубровкин станет заместителем директора (неосвобожденным, выполняющим обязанности директора в его отсутствие), затем должен выполнять и обязанности директора. Звеньевыми же станут соответственно А. Зеленский и М. Рожков.

Поживем — увидим. Мне кажется, что ежегодная смена директора едва ли оправдана даже в этих идеальных условиях...

...«Управление по очереди» означает, очевидно, не просто поочередное занятие руководящих должностей, а занятие таких должностей, исполнение таких управленческих функций, к которым есть призвание, способности. Иначе демократия может обернуться «принуждением к демократии» — будь директором и все тут: очередь пришла.

Мораль по поводу морали

В звеньях среди «рядовых рабочих» (этот термин можно здесь употреблять совершенно условно, ибо нерядовых, по существу, не имеется) есть люди даже с высшим образованием, инженеры. Они не за длинным рублем погнались, не ради более высокого заработка променяли свою инженерно-административную деятельность на «рядовую работу». А потому, что ничья работа здесь не сводится только к исполнительству, только к «двиганию рычагами». Чем больше у человека знаний, опыта, тем выше его неформальный (и неоплачиваемый, заметим!) престиж в коллективе.

Бывший шофер сельпо Геннадий Черепанов сказал:

— Интересно работать. Смысл видишь того, что делаешь. Сам работаешь, сам отвечаешь. Не заработок высокий даже привлек, а смысл.

Ну хорошо, однако — пусть все опытные, профессионально подготовленные — все же у людей разные характеры, разная степень сознательности, а внутри звеньев, как я понял, индивидуальный учет труда не ведется. В целом по звену объем работ и сроки их выполнения контролируются по технологической карте, но кто сколько сделал в отдельности, не учитывается... Всем равная оплата.

На это Григорий Андреевич Ильин так своеобразно рассудил:

— Мы же рассчитываем на совесть, на коммунистическую сознательность. А как, скажите, совесть может сработать при материальных санкциях? Никак она не сработает. Если человек хуже потрудился и

меньше получил, то и говорит он: отстаньте и совесть мою не трогайте, мы квиты. А если знает, что хуже работал, а получил столько же, то тут совесть сама заговорит, ее и трогать не надо никакими приказами и собраниями. У нас директор дисциплинарными вопросами не занимается, ему на это доверенность не дана. Это функция совета хозяйства, но и совет этим не занимался. Не было случая. Все решается в звене. ...Эксперимент, проводимый в опытном хозяйстве Казахстана, направлен к тому, чтобы, говоря в самой общей форме, добиться наиболее полного совпадения личного и общественного интереса (притом не только материального, а широко понятного человеческого интереса).

Возможен нетерпеливый вопрос: если так все хорошо, почему же опыт совхоза не распространяется немедленно и повсеместно? Не будем торопиться. Пока опыта еще нет. Есть эксперимент, если хотите, испытание на экспериментальной модели некоторых весьма важных положений и идей.

...Будем ждать дальнейших результатов эксперимента с пониманием тех трудностей, которые на его пути еще могут случиться.

Н. Алексеев

Кандидат философских наук

В. Кокашинский

Спец. корр. «Литературной газеты»

Земледельцы сами о себе[1]

(Социологическое исследование в связи с экспериментом в Акчи)

...Эксперимент продолжается. И сегодня о нем уже можно рассказать не в жанре корреспондентского репортажа, неизбежно во многом основанного на личных впечатлениях автора, а в форме отчета о конкретном социологическом исследовании, которое редакция «Литературной газеты» провела совместно с лабораторией социологии труда Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

71 процент опрошенных в контрольных хозяйствах находит серьезные недостатки в организации труда, а в Опытном хозяйстве отрицательной оценки не дал ни один человек.

В контрольных совхозах треть опрошенных считает, что при более разумной организации дела производительность труда может быть повышена вдвое.

Естественно, возникает вопрос: ну а что надо сделать, чтобы люди лучше работали, что могло бы способствовать повышению производительности труда?

[1] Лит. газ. 1970. 4 марта. Печатается с сокращениями.

В контрольных совхозах рабочие единодушно ответили: улучшение системы оплаты труда. И главное — не в случайных неувязках нормирования труда и расценок, а в том, что в действующей системе нет прямой связи между конечным продуктом, производимым коллективом, и вознаграждением.

Как же правильнее всего следовало бы оплачивать труд, по мнению опрошенных? Не за отдельные операции и виды работ (пахота, сев, уборка и т. д.), которые сами по себе еще не создают продукта, а за урожай. В контрольных совхозах такой точки зрения придерживается свыше половины опрошенных. То есть работники этих совхозов фактически поддерживают ту систему оплаты труда, которая уже применяется в Опытном хозяйстве.

В Опытном хозяйстве основной производственной единицей является специализированное хозрасчетное звено. Оно выполняет на закрепленном на ряд лет участке весь технологический цикл по производству продукции. Отдельные виды работ и операции не получают экономической оценки, фонд оплаты труда образуется и распределяется только от произведенного конечного продукта. Каждый рабочий получает ежемесячный аванс в сумме 250 рублей с последующим окончательным расчетом от урожая.

Согласно методике эксперимента, нормы затрат на производство продукции являются одновременно и расценкой для оплаты труда. Что это значит?

Научно-исследовательские институты сельского хозяйства определили, что, применяя весь комплекс необходимых машин, при соблюдении всех обязательных агротехнических и технологических правил один центнер зерна, например, можно производить за 0,5 человеко-часа, а стоимость его при этом будет составлять 2 рубля, один центнер молока — за 2 человеко-часа при стоимости 5 рублей и т. д. Все эти нормы и расчеты опубликованы институтами в технологических картах производства сельскохозяйственной продукции. Вот эти-то научно обоснованные нормы и расценки берутся за основу для расчета со звеньями в Опытном хозяйстве.

Разность между расчетной ценой продукта, полученного звеном, и материальными затратами на его производство составляет доход звена, который и является вознаграждением за его труд. Например, расчетное соотношение по зерну таково: в стоимости центнера зерна 1 рубль 25 копеек составляют производственные затраты и 75 копеек — оплата труда, но если звено сумеет произвести центнер зерна менее чем за полчаса или с меньшими производственными затратами, то соотношение это изменится в сторону увеличения дохода звена. Материальная заинтересованность в конечном продукте получается самая непосредственная и полная.

Поэтому в Опытном хозяйстве, естественно, никто из опрошенных не указал на необходимость улучшения системы оплаты труда. Здесь рабочие считают, что их труд оплачивается хорошо, справедливо: «дашь много продукции — хорошо заработаешь» (59 человек), что система оплаты способствует самому активному проявлению их инициативы, энергии, желанию больше сделать (57 человек), что дальнейший рост производительности их труда зависит только от улучшения состояния техники, от обеспечения всем необходимым для выполнения заданий (36 человек).

Однако, как видно из результатов опроса, несовершенство системы оплаты труда — не единственная причина слабой его эффективности, невысокой производительности в контрольных хозяйствах. Немало претензий здесь высказывают к управлению коллективным трудом.

Это подтверждается ответами на вопрос об участии работников в решении важнейших производственных и социальных задач коллектива.

В Опытном хозяйстве в коллективном решении вопросов, связанных с выполнением порученной работы, с приемом и увольнением, поощрением и наказанием товарищей, постоянно принимают участие 86 процентов опрошенных. Из ответов вырисовывается наглядная и полная картина высокой заинтересованности и ответственности производственного коллектива.

Здесь нет неоправданного разделения распорядительных и исполнительских функций, при котором у иных работников утрачивается чувство хозяина, чувство ответственности за коллективное производство, и тогда эти работники считают, что болеть за улучшение методов и способов труда, отвечать за экономное, бережливое использование техники, материалов, всех средств производства с наибольшей эффективностью — удел только организаторов производства.

В Опытном хозяйстве освобожденный от непосредственного участия в производстве аппарат сведен к одному координационному звену, состоящему из двух человек — директора хозяйства и бухгалтера-экономиста. Директор осуществляет свою деятельность на основании выданной ему доверенности. Для координации деятельности коллектива создан совет. В него входят директор, экономист-бухгалтер, секретари партийной и комсомольской организаций, председатель рабочкома и все звеньевые.

Совет рассматривает и решает вопросы управления производством, хозяйственной и финансовой деятельности, приема, увольнения, поощрения и наказания работников. Согласно методике эксперимента, члены совета периодически сменяются, благодаря чему обеспечивается участие каждого работника в управлении всеми делами хозяйства.

Когда ты полностью заинтересован в результатах своего труда и несешь вместе с другими полную ответственность за них, когда сам определяешь, что, как и в какой последовательности надо делать, тогда каждый момент, этап твоего труда приобретает важный смысл, принципиальное значение и приносит удовлетворение. Так и воспринимают свою работу земледельцы Опытного хозяйства. О том, что их работа очень интересна, требует знаний, заставляет думать, принимать самостоятельные решения, полезна людям, заявили 57 человек этого совхоза. И только 3 человека указали, что работа их не хуже и не лучше другой, они не находят в ней ни особого интереса, ни особых тягот, обычная, словом, работа.

В этих условиях отношения между участниками общего дела обретают такой же живой, деятельный, заинтересованный характер. 59 человек Опытного хозяйства указывают, что у них дружный, сплоченный коллектив, конфликты между людьми очень редки. Работой в такой обстановке люди, как правило, дорожат, и это подтверждается еще и тем, что 56 человек в Опытном хозяйстве довольны своей работой и не думают о другой, не собираются уходить из совхоза ни в город, ни в другое хозяйство. Лишь четверо указали, что хотели бы в пределах совхоза перейти на более интересную работу.

Иное положение в контрольных совхозах. Здесь нередки конфликты, споры, недоразумения между людьми. Все это, вместе взятое, выливается в желание переменить работу. Этого хотели бы 84 человека в контрольных хозяйствах.

Сопоставление ответов, полученных на указанные вопросы, позво-

ляет сделать важный вывод об укреплении духа коллективизма в Опытном хозяйстве. Интересно также, что одна и та же работа (опрошены ведь в основном механизаторы и строители) оценивается поразному, в Опытном хозяйстве она приносит людям больше удовлетворения.

С учетом предыдущих ответов естественным выглядит и ответ на вопрос анкеты: «Чувствуете ли вы себя хозяином в своем совхозе?», то есть насколько человек чувствует себя ответственным за все дела в хозяйстве. Положительный ответ дали 55 рабочих Опытного хозяйства из 60. В контрольных хозяйствах 79 опрошенных из 120 (66 процентов) дали отрицательный ответ.

Ну хорошо, скажет читатель, рабочие Опытного хозяйства удовлетворены новой системой организации и оплаты труда, а рабочие контрольных совхозов хотели бы, чтобы она была улучшена. Но каковы же объективные результаты тех существенных различий в социальной атмосфере, которые установлены нашим исследованием в трех казахстанских совхозах?

Другими словами, если положительные субъективные оценки тех или иных перемен соответствуют и лучшим экономическим показателям, только в таком случае можно делать выводы об успехе всего эксперимента в целом.

По данным годовых отчетов, в Опытном хозяйстве производство товарной подукции на одного человека составляет 7200 рублей (в Каскеленском — 2814 рублей). Прибыль на одного рабочего соответственно 1140 рублей и 294 рубля. Среднемесячная оплата труда одного рабочего 364 и 113 рублей. Накладные расходы на 1 рубль продукции соответственно 0,03 и 0,15 рубля.

Таковы определяющие показатели хозяйственно-экономической деятельности Опытного хозяйства в сравнении с Каскеленским совхозом, работающим по старой системе. В убыточном хозяйстве имени Токаша Бокина результаты экономической деятельности, понятно, еще ниже.

Приведем только одно сравнение. В Опытном хозяйстве за один человеко-час произведено продукции на 4 рубля 80 копеек, а в соседнем совхозе имени Токаша Бокина — всего на 97 копеек.

Высокая эффективность труда в опытном хозяйстве достигнута за счет более рациональной его организации, снижения численности работников и непроизводительных затрат рабочего времени.

Таковы в самом общем виде экономические результаты, таков экономический фон, на котором проводилось социологическое исследование.

Возможно, что в эксперименте есть немало спорного, что в его практическом осуществлении есть объективные и субъективные недостатки. Однако уже первые его итоги, возможно еще не до конца закрепленные, показывают, что начинают достигаться две важнейшие его цели:

1. Серьезное повышение эффективности общественного производства, использование больших скрытых резервов, экономное и бережливое с наибольшей отдачей расходование материальных ресурсов и средств.

2. На основе простой, понятной каждому системы материального стимулирования усиливается действие и важнейших моральных стимулов социалистического производства: укрепление чувства хозяина, принципа коллективизма, ответственности и заинтересованности каждого в конечных успехах общественного производства.

В. Белкин

Доктор экономических наук

В. Переведенцев

Кандидат экономических наук

Драма Акчи [1]

Недавно редакция «Литературной газеты» пригласила нас на просмотр документального фильма. В зале было лишь несколько ученых и литераторов, да и фильм не новый, с названием вполне ординарным: «Человек на земле». Это дипломная работа украинского режиссера Р. Демина, по сценарию Э. Дубровского, снятая еще в 1969 году. С тех пор, целых 18 лет, фильм пролежал в архиве, о нем забыли все, кроме авторов. И сотрудники «ЛГ» не очень надеялись на успех, когда попросили своего украинского собкора К. Григорьева заняться поисками пленки. Вдруг где-нибудь сохранилась хотя бы одна копия?! Оказалось, что именно одна и сохранилась, лента вообще никогда не тиражировалась, хотя, как режиссер нам рассказал, ее привозили по завершении съемок в Москву, показывали и в Госкино, и в самых высоких инстанциях. Даже руководители государства ее тогда посмотрели. «Дело преждевременное» — это был приговор, конечно, не фильму, а эксперименту, которому картина посвящалась.

Мы увидели на экране два хозяйства, два полярно противоположных подхода к крестьянскому труду. Одно расположилось на земле Украины. И людей здесь много, и техники в достатке, и вполне налажен быт. Но отчего такие равнодушные лица, вялые взгляды? Чуть ли не к каждому трактористу приставлен контролер, дотошно проверяют учетчики глубину вспашки, количество обработанных гектаров. Механизатор смотрит на кропотливую их работу отстраненно, безучастно. Не хозяин он, а поденщик. Но вот на экране возникли сцены жизни другого совхоза — в Акчи. Голая, в те годы еще плохо обжитая казахстанская степь. Но какие живые лица у механизаторов! Они с удовольствием и работают, и спорят, обсуждая дела на завтра. У них подряд, самоуправление. В конце шестидесятых! Тучный человек в клетчатой рубахе — Иван Никифорович Худенко — что-то рассказывает, энергично жестикулируя, улыбается... Мог ли тогда Иван Никифорович предположить, что его родное детище, эксперимент в Акчи, грубо растопчут, а сам он умрет, отбывая наказание, определенное ему судом?

Не с безвестным человеком, затерявшимся в жизни, случилось такое, а с автором популярной идеи, за развитием которой с интересом следили ученые и публицисты. О И. Н. Худенко и эксперименте в казахстанском совхозе в Акчи не раз писали в те годы и в «Литературной газете». Этот опыт стал публицистическим открытием Владимира Кокашинского (Эксперимент в Акчи//Лит. газ. 1969. 21 мая). Он

[1] Лит. газ. 1987. 1 апр.

вместе с социологом Н. Алексеевым проводил впоследствии изучение общественного мнения по проблемам самоуправления и хозрасчета (Земледельцы сами о себе//Лит. газ. 1970. 4 марта). А затем сюда же «Литературная газета», уже по печальному поводу, посылала для спасения дела экономистов, финансистов, юристов. Увы, борьба закончилась поражением общественности, трагедией Худенко.

В те застойные семидесятые глушились многие славные начинания. Искалеченная судьба Ивана Никифоровича и погубленное дело его жизни были не единственным примером. Творческим, активным людям не хватало воздуха. Бюрократы отказывались их понимать. После долгих гонений и притеснений экспериментальный совхоз ликвидировали, а спустя два года Худенко и его сподвижники пошли под суд.

...Из выручки от продажи продукции государству экспериментаторы возмещали затраты на горючее, удобрения, запчасти и другие расходы, связанные с эксплуатацией всех видов техники. Оставшийся доход поступал в полное распоряжение хозяйства. Из него оплачивали труд, на него строились, обзаводились имуществом. Высшим органом управления был совет звеньевых, которому и дирекция («управленческое звено» из двух человек: директора М. Ли и экономиста-бухгалтера И. Худенко) полностью подчинялась. Совет — совхозный законодатель, а дирекция — исполнительная власть. Так было заведено. Производительность труда в опытном хозяйстве в Акчи была в шесть раз, а заработки втрое выше, чем в обычных совхозах.

Почему мы возвращаемся сейчас, в период всенародной перестройки, к «Акчи»? Эксперимент этот, по нашему глубокому убеждению, не прошлое, а будущее советского сельского хозяйства. И в экономическом, и в социальном смысле. Не только для торжества справедливости должно быть восстановлено сделанное в Акчи, но и для оплодотворения его опытом современных усилий нашего агропрома. В ходе нынешней перестройки не должна повториться нигде трагедия Акчи — эта миссия общественного предостережения тоже вынуждает нас, отложив другие дела, взяться за перо. Ведь и мы, авторы этих заметок, были участниками событий, развернувшихся далеко от Москвы.

В мае 1971 года «Литературная газета» направила в Казахстан общественную комиссию, поручив ей разобраться в сложившейся ситуации и по возможности ее исправить. Мы были в ее составе вместе с известным финансистом В. В. Ивантером и драматургом А. Ашимовым (Акимом Тарази). Изучали обширную документацию, беседовали со сторонниками и противниками эксперимента, руководителями всех уровней, так или иначе к нему причастными. К счастью, вели дневниковые записи, которые сейчас пригодились.

Схватка

Чтобы не поддаться обаянию И. Н. Худенко, не быть пристрастными, свое расследование мы начали, помнится, с противников.

Возглавлявший в то время Министерство сельского хозяйства Казахской ССР М. Г. Рогинец адресовал нас к начальнику управления труда и зарплаты В. И. Меркулову. Тот не скрывал досады:

— Опять эти легенды об Акчи! Вам следовало бы ознакомиться с документами, а не слушать дифирамбы от третьих лиц и самого Худенко.

Нам вручили две пухлые папки. До Акчи подобный эксперимент уже проводили в трех совхозах. Последний их них — «Илийский». Как закоренелые статистики, сразу

взялись мы выписывать цифры. Оказалось, что в первом же году работы по безнарядной системе сбор зерна в «Илийском» увеличился в 2,3 раза, а численность работников в полеводстве снизилась с 863 до 85 человек. Вот тебе и «легенды»!

Дальше — больше. Листаем документацию об Акчи. Здесь эксперимент, что называется, был уже в чистом виде: заработки прямо и непосредственно связаны с личным трудовым вкладом. На этот раз Худенко буквально на «голом месте» создал небольшой по числу работников новый совхоз. Официально назвали его «Опытным хозяйством по производству травяной муки». Эсперимент и его условия согласовали с союзными ведомствами: Комитетом по труду, Центральным статистическим управлением, Министерством финансов, Госбанком СССР. Научным руководителем назначили заместителя министра сельского хозяйства республики, члена-корреспондента АН Казахской ССР А. Е. Елеманова, до конца жизни оставшегося неутомимым сторонником и защитником дела «Акчи». Сохранилось письмо А. Е. Елеманова, написанное незадолго до его смерти, 24 марта 1970 года, первому заместителю Председателя Совмина КазССР И. Г. Слажневу: «...некоторые руководители Минсельхоза заставляют подчиненных людей, вопреки здравому смыслу, нормальные цифры превратить в порочащие эксперимент материалы». Тревога эта, как оказалось, была не напрасной.

...Хозяйству установили государственные задания по производству зерна, травяной муки и т. д., рассчитанные по научно обоснованным нормативам. В основу положили затраты времени на единицу продукции. Подобные «счетчики» созданы для всех природно-климатических зон, но колхозы и совхозы в эти нормы обычно не укладываются. К примеру, затраты труда на центнер зерна в Акчи были приняты в полчаса, а плановая себестоимость одного центнера зерна — два рубля. Сравните: в обычных хозяйствах центнер «делают» за два часа, и обходится он в 5,5 рубля.

Время пересчитывали в деньги. Если, скажем, на тонну какой-либо продукции полагается затратить пять человеко-часов, то только эти пять и будут оплачены, независимо от того, сколько времени потратят фактически. За один нормо-час работник должен был получать полтора рубля. В году около двух тысяч рабочих часов. Значит, годовая зарплата — три тысячи рублей. Ежемесячно давали аванс, а в конце должны были доплачивать за реально полученную продукцию — по итогам работы каждого звена отдельно. Источник оплаты был единственным — выручка за сданную государству продукцию. Она поступала на единый банковский счет хозяйства (в обычных совхозах было 17 счетов).

Учет и отчетность решительно упрощались, не нужны стали ни нормировщики, ни учетчики. Администрация, как уже говорилось, состояла всего из двух человек. Звеньевые работали наравне со всеми.

И хозяйству в целом, и каждому звену в отдельности была предоставлена возможность все дела решать по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий и складывающейся обстановки.

Организовали новое хозяйство осенью 1967-го, и уже через год оно дало хорошие результаты, несмотря на недостаток поливной воды, отсутствие необходимых построек и т. д. В следующем сезоне дела пошли еще лучше, но в середине третьего года, когда все затраты под урожай были сделаны, а результаты еще не получены, хозяйство... ликвидировали. Почему?

По официальной версии Минсельхоза — за убыточность. А фактически?

Листаем стенограмму состоявшегося накануне заседания коллегии Минсельхоза республики. Поразительно по своему цинизму выступление начальника планово-экономического отдела Минсельхоза, кандидата экономических наук Е. Закшевского: «Эксперимент в Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, а в августе — сентябре Худенко реализует продукцию, хозяйство получит прибыль, и тогда с ним не совладать». Министр М. Г. Рогинец: «Надо немедленно арестовать счет хозяйства в банке». Как видите, была учинена форменная расправа. Не стенограмма, а дуэт могильщиков эксперимента!

Почему Минсельхоз, да и руководство республики были против эксперимента? Видимо, очень уж не хотелось показывать истинное положение в сельском хозяйстве республики. Итоги эксперимента «кололи глаза».

Спустя девять месяцев Е. Закшевский напечатает в «Экономической газете» (1971. № 11) статью «Успехи не случайны». О полном якобы хозрасчете в 40 процентах совхозов Казахстана. Карикатуру на хозрасчет выдаст за новое слово аграрно-экономической науки.

Следующий наш визит — к начальнику главка Минсельхоза В. Косенко, которому подчинялось опытное хозяйство в Акчи. Просим оценить некоторые факты. Например, высокую урожайность, производительность труда.

— Если дать такую зарплату, то хорошую производительность можно иметь и в других местах.

— А почему бы и не дать, если производительность растет в шесть раз, а зарплата — всего в три?

— Вы что же считаете, что тракторист должен получать больше, чем начальник отдела в нашем министерстве?!

И это говорил отнюдь не противник эксперимента...

Поразительные документы, обескураживающие речи. Но чтобы понять и прочувствовать, надо еще и увидеть.

Ранним утром следующего дня на рафике киностудии «Казахфильм» (Минсельхоз даже в транспорте нам отказал) отправились в Акчи, чтобы своими глазами взглянуть на поле боя и бренные останки эксперимента. И что за картина открылась нашему взору!

Ржавеют два импортных агрегата, благодаря которым в 1969 году была получена треть всей травяной муки Казахстана (!), по качеству, содержанию каротина превосходящей мировой уровень... Запустение в поселке, где коттеджи рабочих были построены экспериментаторами не хуже, чем в прославленных хозяйствах Прибалтики, с полным набором инженерного оборудования: водопровод, ванная, электроотопление. В Акчи было свое строительное звено, которое сооружало дома для рабочих, монтировало оборудование завода по производству травяной муки, возводило другие хозяйственные постройки. Увидели следы прошлогодних цветников...

Очевидцы, рабочие бывшего хозяйства, с горечью описывали нам процедуру закрытия эксперимента: «Приехало начальство, человек двадцать, из Москвы, Алма-Аты и района. С поля собрали нас всех. Заместитель министра зачитал приказ. Спрашиваем: на каком основании? Трудится-то каждый за шестерых и делает нужное стране дело. В ответ невразумительное «нарушаете порядок», «много получаете», «самовольничаете» и т. п. Наконец мы поняли: одна у них цель — разгром, уничтожение сложившейся у нас организации труда и оплаты. Видать, опасна она

для бюрократа, может распространиться...»

Трудно не согласиться: для бюрократа и впрямь система Худенко губительна. Она давала полную самостоятельность хозяйству, которая была выгодна всем. Только не чиновникам тех лет. Полмиллиона рублей прямых убытков — таков результат решения Минсельхоза Казахстана о ликвидации хозяйства в Акчн. Решения, прннятого после того самого злосчастного заседания коллегнн, стенограмму которого мы цнтнровали. А общий ущерб, нанесенный нашей экономике, государству, всем нам, просто неисчислнм.

Если бы модель Худенко была своевременно воспринята нашим сельским хозяйством, Советский Союз, быть может, уже не импортнровал, а, наоборот, экспортировал сельскохозяйственную продукцию.

Недолгое торжество правды

Чтобы завершить расследование, поставить все точки над «и», в Доме Союза писателей Казахстана мы собрали тогда «круглый стол», наивно надеясь, что в спорах нстина не только рождается, но и может утверждаться.

Прнгласилн заместителя начальника управления финансирования сельского хозяйства Минфнна Казахстана И. Васютина. Согласен, отвечает, но только с разрешения начальства — заместнтеля мнннстра. Тот в свою очередь: «На это и мне нужно разрешение зав. сельхозотделом ЦК КПК Ю. М. Бурлакова». Звоним Бурлакову: «Дело с «Акчн» ясное. Зря прнехалн. Проводнть здесь «круглый стол» вы неправомочны. Я позвоню в Москву, чтобы вас отозвали. Экспериментом Худенко занимались компетентные люди. Все окончательно выяснено — сплошное безобразие...»

Нас не отозвалн, н «круглый стол» мы с большим трудом, но все-таки провели. Прншли Закшевскнй и Меркулов из Минсельхоза, не явились многие приглашенные нами ответственные работники. Куратор эксперимента, референт Совмина КазССР В. Н. Васильев, смущенно ответил: «Сегодня с утра вызвал меня Бурлаков и категорически запретнл ндти. Сказал, иначе уволят с работы. Жаль, но ннчего не поделаешь».

И тем не менее «круглый стол» оказался многолюдным и жарким. Разве что не было рукопашной!

И. Н. Худенко, его сподвижникн В. В. Филатов, В. Хван, Г. А. Ильян и другие подробно н убеднтельно рассказывали об эксперименте, отстаивая социальную справедливость и социалистическую сущность коллективного подряда. (Кто теперь-то в этом сомневается!) Минсельхоз обвнннли в сокрытин истинного положення дел с экспериментом, в дезинформации общественности. И, как мы тут же убедились, не зря. Минсельхознлки яростно атаковали представителей «Лнтературной газеты», утверждая, что гласность в таких делах вредна!.. Заместитель начальника ЦСУ КазССР Е. И Сложеникина: «Ну, согласитесь, Иван Никифорович, что в вашем хозяйстве настоящего учета не было! А вы же знаете, что «соцнализм — это учет»! И знаете, кто это сказал?» Худенко: «Думаю, что Владимир Ильич говорил не про такой учет. Ваш учет построен как? Вспахали — учет, посеяли — учет, выросло — учет, скосилн — учет, сгноили — акт!.. Какой же от нас вам еще нужен учет? Мы сдаем продукцию — государство ее оплачивает. Никаких других средств хозяйство не получало, убытков не было».

А у других были! Полную ясность в это внес начальник управления кредитовання сельского хозяйства Госбанка КазССР А. П. Вдовиченко: «В нашей республнке совхозы сплошь убыточны. Мы им выплачи-

ваем сотни миллионов рублей дотации. А хозяйство в Акчи высокорентабельно. План по прибыли оно перевыполняло».

Воинственно настроенные поначалу противники эксперимента постепенно поутихли, а потом и вовсе слиняли. Правда об эксперименте временно восторжествовала.

Драматург А. Ашимов (Аким Тарази) довольно потирал руки: в результате «круглого стола», говорил он, получил отличный сюжет для пьесы! Сатирическая пьеса «Везучий Букен» действительно была им написана, опубликована в журнале «Театр» (1972. № 8), получила вторую премию на конкурсе в связи с 50-летием образования СССР и сыграла впоследствии свою роковую роль в судьбе ее главного персонажа.

Большие хлопоты и горький финал

Воодушевленные результатами «стола», мы стали добиваться встречи с Д. А. Кунаевым. В сложившихся условиях только он мог решить вопрос о восстановлении доброго имени новаторов и о возобновлении эксперимента. Союз писателей республики взялся помочь с аудиенцией...

Ранним солнечным утром пришли мы в ЦК КП Казахстана. Готовясь к этой решающей схватке, отпечатали небольшую памятную записку с нашими расчетами и выводами, которую и вручили Д. А. Кунаеву. Основное обвинение в убыточности «Акчи» в записке начисто опровергалось. При организации совхоз получил от государства материальные ценности и денежные средства на общую сумму 1,6 миллиона рублей. При закрытии их имелось уже 2,1 миллиона рублей.

Несмотря на понятную читателям разницу нашего социального статуса, Кунаев почувствовал, что без серьезного разговора не обойтись, и вызвал «подмогу». Очень скоро в кабинет вошел небольшого роста человек, грудь которого была увешана вперемежку орденами и орденскими планками.

— Наш президент,— представил его Кунаев.— Вот расскажи московским товарищам, что ты знаешь про эксперимент Худенко.

— Худенко экспериментировал у нас в двух хозяйствах, когда я был секретарем Целиноградского обкома. Устроил такую безработицу!.. Еле от него избавились,— сказал Председатель Президиума Верховного Совета республики С. Б. Ниязбеков.

— Вот видите,— оживился Кунаев,— так же. было в совхозе «Илийском». Ко мне даже делегация рабочих приходила, чтобы его убрали.

— Но ведь люди,— сказали мы в ответ,— остались не у дел из-за повышения производительности труда, а в республике острая нехватка трудовых ресурсов. Устроить высвобождаемых работников можно было бы на плодоовощном комбинате, создать который предлагал Худенко. Он хотел круглосуточно снабжать столицу республики свежими и консервированными овощами, фруктами.

Это было бы весьма кстати — в магазинах в ту пору торговали болгарскими фруктами, а цены на городском рынке были прямо-таки «заполярными». И это в Алма-Ате — «отце яблок»!

Звонок секретарю — и на пороге возникает небезызвестный уже читателю Ю. Бурлаков, заведующий сельхозотделом ЦК партии республики.

Д. А. Кунаев:

— Вот познакомьтесь, товарищи из Москвы, из «Литературной газеты», занимаются делом Худенко.

Направленный в нашу сторону «взрыв» Бурлакова:

— Это дело у всех навязло в зубах! Эксперимент был по улучшению учета и отчетности. А Худенко

их так упростил, что и вовсе ликвидировал. Худеико развалил хозяйство. Он и его люди — жулики и алкаши.

В Акчи уже тогда царил «сухой закон» — иначе ведь много не наработаешь. Но спорить было бессмысленно. Нам ничего не оставалось, как заявить, что за содержание памятной записки мы ручаемся головой.

— У нас были другие сведения. Но коль так, мы еще раз все тщательно проверим,— сказал Д. А. Кунаев.— Кому, по вашему мнению, иадо поручить проверку? Никого, кроме Миисельхоза, у нас для этого нет. Вы же не будете настаивать, чтобы проверкой занималась прокуратура?

Мы попросили, чтобы этим заиялась именно прокуратура. Минсельхоз необъективно относится к делу. Притом Худенко обвиняют в убытках и даже в хищениях.

В заключение беседы мы вновь пытались привлечь внимание руководителя республики к исключительной важиости эксперимента в Акчи, заявили, что, по иашему мнению, И. Н. Худенко — это гордость Казахстана. Кунаев ие сдержался:

— Не иужна нам такая гордость, а эксперимент продолжим н без него. Если бы Худенко кто-нибудь забрал, мы охотно сняли бы его с партучета. А, кстати, состоит ли он в партии?

Наш собеседник лукавил. О том, что Худеико уже исключен из партии, он, конечно, прекрасно знал. Потому тот и уехать ие мог — добивался восстановления. А приглашали его многие. В иашем досье лежит копия письма А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской, ныне академиков, Д. А. Кунаеву с просьбой направить Худенко в Сибирь, для которой его эксперимент представлял особый интерес из-за трудностей с рабочей силой. Возобновить эксперимент под научным руководством Центрального экономико-математического института АН СССР просили директор этого института академик Н. П. Федоренко и его заместитель Н. Я. Петраков. Звали к себе новатора и эстоицы... А его преследовали ревизиями, завели уголовное дело.

После нашего отъезда работники прокуратуры Алма-Атинской области и Казахской ССР провели повторное расследование. Компрометирующих фактов при всем желании установить они не смогли, но и вынести официальное решение, оправдывающее экспериментаторов, опасались. Тогда по ходатайству И. Худенко и директора совхоза в Акчи М. Ли, поддержанному «Литературной газетой», уголовное дело было затребовано Прокуратурой СССР, рассмотрено и прекращено — письмо № 3/779-72 от 7 мая 1972 года — за отсутствием события преступления.

После этого И. Н. Худенко обратился в Комиссию партийного контроля с просьбой восстаиовить его в КПСС. В КПК его, участника Великой Отечественной войны, поддержали. Одиако Д. А. Кунаев был неумолим, и в партии Худенко так и не восстаиовили.

Желая получить компенсацию за те два года, что были по вине Минсельхоза лишены работы, И. Н. Худенко и его сподвижники обратились с исковым заявлением в народный суд. Но одно беззаконие повлекло за собой другое. Ликвидировав без всяких на то оснований хозяйство, Минсельхоз ие имел юридического права изъять его гербовую печать. И оиа осталась у руководителей уже ие существующего совхоза. Конечно, им ие следовало бы скреплять этой печатью свой иск о выплате компенсации. Но они это сделали. Положительного решения народного суда по этому иску ответчики, как оказалось, ждали с большим нетерпением, чем истцы... Ответчики ие в одном лишь юридическом смысле слова. Ответчики перед обществом н народом

за судьбу поруганного ими эксперимента.

Да, они ждали. Это был рассчитанный удар. И как только постановление суда, вынесенное в пользу истцов, было предъявлено в банк, И. Худенко, М. Ли, В. Филатова обвинили в попытке хищения государственных средств. А деньги, подчеркнем, они так и не получили...

Но давление, и весьма настойчивое, было оказано на судей. Тогдашних руководителей республики особенно разгневала сценическая вариация эксперимента Худенко — огласка нелицеприятных подробностей их бытия в сатирической пьесе «Везучий Букен»: ханжества, лицемерия, угодничества, двоеженства. Пьеса Акима Тарази, увы, лишь единожды увидела свет рампы в Казахском академическом театре драмы Алма-Аты. Кое-кто из высокопоставленных зрителей узнал себя в действующих лицах. Не дождавшись окончания спектакля, «госпожи министерши» вцепились друг другу в волосы, их высокопоставленные мужья покинули зал. Симптоматично, что Худенко был арестован на следующий день после спектакля... Уничтожен эксперимент... запрещен спектакль... положен на полку фильм...

Времена изменились. О внедрении коллективного подряда, хозрасчета в сельском хозяйстве нынче говорят много. Немало и делается. Но это не означает, что история Худенко потеряла актуальность. Коллективный подряд в иных местах внедряется в жалком, урезанном, а иной раз просто карикатурном виде (пооперационный учет затрат рабочего времени, низкие авансы, громоздкая и ненужная для дела отчетность, невыполнение договорных условий в оплате труда, материальном снабжении и т. д.). Между тем в Акчи успешно внедрялась целостная и проверенная система хозяйствования. Ее надо сейчас изучать, пропагандировать, распространять. Может быть, это и есть модель всего нашего сельского хозяйства в недалеком будущем.

Из трагической истории И. Н. Худенко и его эксперимента следует извлечь также другой урок, поучительный для перестройки, на которую ориентирует нас партия. Урок мужества и сплочения общественных сил во имя правды. Следует задуматься: почему эксперимент в Акчи, о котором помимо «Литературной газеты» писали «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», республиканская печать, за который вступились писатели и кинематографисты, который поддерживала академическая наука, оказался все же разгромленным?

Наш ответ таков: губителей эксперимента нельзя было критиковать впрямую, поименно. Должности позволяли им существовать вне гласности. Писали в газетах, что опыт Худенко хорош, но нельзя было писать, что отношение руководства республики к Худенко и его коллегам антиобщественно, некомпетентно. А у гласности не может быть низким потолок.

Демократизация общества исключает волюнтаризм, от кого бы он ни исходил, личные симпатии и антипатии не должны оказывать влияние на государственные дела, а тем более на судьбу и жизнь людей.

Таковы экономические, социальные, нравственные уроки эксперимента в Акчи.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ РАЗДЕЛА

Г. Попов

С точки зрения экономиста [1]

(О романе Александра Бека «Новое назначение»)

1. Административная система

Литературный герой романа — Александр Леонтьевич Оннснмов — лицо вымышленное. Он работает председателем созданного воображением пнсателя Государственного Комитета по делам металлургии и топлива в Совете Миннстров СССР, ведающего группой мнннстерств тяжелой промышленностн. Но рядом с Онисимовым живут н действуют в основном не вымышленные лнца, а руководнтели тех лет — Орджоникидзе, Тевосян, Сталин, Берия. Событня романа, по признанию самого писателя, в своей основе документальны, основаны на записях их современннков. Но как н всякое подлннное произведенне искусства, роман перерастает в типический анализ тнпических явлений. Поэтому он стал событием н нашей управленческой наукн.

Со странпц романа в живой, наглядной, осязаемой форме перед намн встает механнзм управления, основанный преимущественно на административных методах,— Адмннистратнвная Снстема. Попытаюсь, оставаясь полностью в пределах материала романа, показать, чем она характерна.

В основе этой системы — централизацня решений н пунктуальное, неукосннтельное, беззаветное нсполнение директив Верха и особенно лично Сталина — Хозяина. Не щадя себя, интенсифицируя прежде всего свою лнчную работу, Онисимов «держит аппарат в напряжении». День н ночь для значительной части высших служащнх ничем не отличаются. Совещания в 12, час, а то и в два часа ночи — обычное явление.

Добиваясь выполнения директивных заданий, Онисимов говорнт резкости, отчитывает, бьет наотмашь, подхлестывает — и наедине, н публнчно. Но те, на кого он обрушивается, воспрннимают все это как должное. Это — правило, обычный порядок.

Онисимова самого тоже проверяют, подхлестывают, контролируют. Тевосян — давний друг Оннсимова. Но это не означает, что Онисимов может рассчитывать на малейшую поблажку. Зная Оннснмова, Тевосян тем не менее ежемесячно устраивает ему форменные допросы-проверкн. Как всегда, тот безупречен, но в следующем месяце все повторнтся.

Официальность — основа административного процесса. Официальность отстраняет любые не относящиеся к делу разговоры и взаимоотношення. Жестко накрахмаленный, всегда белый воротничок Онисимова ежесекундно напоминает, что перед вами человек дела, звено механизма, а не Александр Леонтьевич.

Вот как руководит Онисимов-наркомом подчиненными. Регулярный отчет начальника главка. Сначала о состоянии дел в целом по главку. Порядок. Теперь — по цехам, по печам. Затем — по станам. Почему отстают отдельные цехи и печи? Начальник главка не готов к дета-

[1] Наука и жизнь. 1987. № 4. Печатается с сокращениями.

лизации ответов: «Я не знаю, у меня нет сведений». Онисимов: «Что же вы тут делаете? Для чего вы тут сидите? За что вам выдают зарплату?» Отчет продолжается. Как идет реконструкция трубного завода? Укладываетесь в график? Есть сбои? Какие? Покажите график! И так деталь за деталью.

А вот отчет самого Онисимова — тогда начальника танкового главка — перед Сталиным, перед Политбюро. Ему не надо прибегать к записной книжке. Он характеризует положение дел на том или ином заводе, даже в цехе. Приводит результаты испытаний в лабораториях и на полигонах. На память называет цифры. Анализирует трудности. Онисимов докладывает прямо, не выгораживая себя. Сталин тоже не нуждается в записной книжке. Он не интересуется успехами. Об уже завоеванном, сделанном — ни слова, ни минуты на это. Трудовые заслуги остались даже неупомянутыми. Сталин сверлит только больные места танкостроения: крепление гусеничного башмака, масляный дифференциал, коробка скоростей, серый чугун. Сталин обнажает слабость за слабостью.

Такие же жесткие отношения не только по вертикали, но и по горизонтали. Вот нарком танков Онисимов говорит с исполняющим обязанности наркома металла, своим давним другом и соседом по дому. Приводит данные анализов, результатов испытаний, снимки шлифов, акты, протоколы. Доказывает: танковый наркомат не получает сталь нужного качества. И здесь беспощадность, ничего личного, никаких уступок. Мы делаем государственное дело и обязаны его сделать. Страна, Сталин требуют сотен и сотен танков, лучших, чем немецкие. А для этого, считает Онисимов, надо выработать лучшую — по мировым стандартам — технологию. Разработать детальные инструкции, дать конкретные задания. А затем заставить всех подчиненных беспрекословно, точно, строго соблюдать все детали директив, все буквы инструкций. Надо постоянно, неукоснительно всех контролировать, ловить малейшие промахи, чтобы они не переросли в провалы, подавлять отклонение в зародыше. Вот почему так кричит нарком на мастера в цехе по поводу корочки при разливе стали: эта корочка вписана в инструкцию, без нее качество металла ухудшится.

Культура в работе, технологическая грамотность, четкость в каждой мелочи — вот стиль руководства отраслью. За эту тщательность Орджоникидзе называл Онисимова «немцем». И сам Онисимов воспитывал подчиненных в духе строжайшего контроля технологии и качества.

Особое напряжение возникает в Административной Системе, если задание идет от самого Хозяина. Когда Онисимов получал задание Сталина, он неизменно обретал «белое каление». Стягивал силы аппарата, проектных центров, науки. Он «готовил вопрос». Он лично все просчитывал и выверял, доводил предложения до блеска деловитости.

Правдивость — обязательное звено Административной Системы. Когда в годы войны возникла опасность срыва в выпуске металла, Онисимов лично — никому не поручая и ни за кого не прячась — докладывает об этом в Госкомитет обороны. Он знает, чего может стоить ему этот доклад. Но подвести страну нельзя. И ему помогли, буквально сняли с фронта солдат. Ему верили: если говорит «не могу» — значит, все человеческие силы действительно исчерпаны. Но в романе Бек упоминает только один этот доклад о невозможности выполнить задание.

Онисимов абсолютно подчинен Верху, но и аппарат полностью подчинен Онисимову — это тоже черта Системы. Поэтому он с полным правом мог писать в ЦК: «Беру на себя

полную ответственность за всю служебную деятельность моих подчиненных».

Это система конкретного, натурального, детального руководства. Это система постоянного оперативного руководства ходом производства из центра. Это именно Административная Система.

2. Административный стиль

Ровно в 9 часов утра Онисимов, уже Председатель Госкомитета, входит в свой кабинет.

Вначале он изучает сводки о работе заводов за прошедшие сутки. Он не ограничивается изучением бумаг, то и дело обращается к правительственному телефону-вертушке. Соединяется с министрами, с начальниками главков, с директорами, даже начальниками цехов и смен. Почему не выполнен заказ такой-то? Почему ухудшилось качество стали новой марки?

После оперативных дел Онисимов переходит к вопросам технического прогресса. Как идет внедрение автоматики в металлургию? Как идут поставки оборудования, выполняется ли график, как осваивается на заводах уже полученная техника? И здесь опять под прицелом каждая деталь. Опять звонки, звонки. Нажимает на Госплан, на заводы, вызывает помощников, дает задания подчиненным. Допытывается, выясняет, подгоняет. Распорядительствует. Умело, четко, жестко.

Онисимов источает энергию, волю.

После вопросов текущих, после проблемы научно-технического прогресса Онисимов переходит к главному — разработке плана на 7 лет (хотя ясно, что он не будет выполнять задание семилетки: уже ходят слухи о его освобождении).

После изучения бумаг и литературы Онисимов беседует со специалистами, резко, твердо выясняет вопросы. Не стесняется расспрашивать, не боится обнаружить пробелы, умеет слушать. В свое время, возглавив главк, он уже через два месяца говорил со специалистами по танкостроению как с равными.

Когда обнаружилось, что завод «Электрометалл» не справляется с заданием правительства по выпуску особой жаропрочной стали для реактивных двигателей, Онисимов, отбросив все дела, прерывает лечение больных ног, сам едет на завод. Там, не разрешая себе даже думать о боли в ногах, он часами простаивает на рабочей площадке, лично следит от начала до конца за ходом каждой плавки. Каждый вечер проводит оперативки, устраивает перекрестные допросы, докапывается до сути, до некоего ускользающего «икса». И спустя три недели возвращается в Москву с рапортом: задание исполнено, получена новая сталь. Спустя годы, глядя на сопла двигателей «ТУ-104», он вспомнит, как неделями стоял на потерявших чувствительность больных ногах, получая и сталь, и очередную неизлечимую болезнь.

Обнаружив незнание, обман, он становился беспощаден. Появлялся грозный «онисимовский» оскал, и он бил резкими словами.

На заводы он входил через черный ход. Обнаруживал то, что старались скрыть, и тыкал в грязь и хаос, бепощадно вскрывал истину, как бы тяжела она ни была.

Так он работал, будучи начальником главка, наркомом, министром, председателем Госкомитета. Был убежден в своей способности обнаружить любое вранье. Гордился своими качествами следователя, умением застать врасплох, поймать. Подозрительность усилилась в нем с годами. И в угольной, и в стальной епархиях не было того, кто его сумел бы «обдурить». Он тончайшим, «верхним» чутьем распознавал всякие попытки втереть

ему очкн, прнукрасить положенне, Ненавнсть к лакнровке, к прнукрашнванню, к элементам самообмана былн чертамн стиля Оинснмова.

Вот он с черного хода, с задворок, входнт в заводскую столовую. Женщнны чнстят картофель.

«Почему так толсто срезаѐте?» Одна нз женщнн ответнла: «Гннлая же картошка». Онненмов взял одну, другую картошнну, возразнл: «Нет, не гннлая». И едко сказал днректору: «Толстоваты очнстки. Тащат нх домой — поросят своих кормить». В этой сцене весь Онннснмов.

На завод Оинснмов приезжал обычно после того, как там поработала комнссия министерства н подготовнла обширную ниформацню. В командировке работал по 16 часов в суткн несколько дией подряд. Потом нздавался прнказ. В прнказе все, что нужно сделать. А затем контроль и контроль. Группе специалнстов, приезжавшнх с наркомом, не разрешалось даже пнть заводской чай. Так прнучнл нарком. Еслн прнехал проверять — проверяй. Пользоваться чем-то заводскнм строжайше запрещено. Нарушителей Онннснмов вытаскивал на заседанне коллегнн, хлестал иещадно.

Оннсимов прндержнвался правила постоянных перепроверок. Любнл повторять: «Доверился — погнб».

3. Администратор

Оннснмову 53 года. Под глазамн темные полукружья — след миоголетнего недосыпання.

Девнз его жнзнн — безупречность. Всегда он стремился поступать так, чтобы самого себя иельзя было нн в чем упрекнуть. Это руководитель с огромной требовательностью к самому себе. Первый, кому он не давал нн малейшей поблажки, нн малейшего спуска, был он сам.

А замечания сверху, даже самые мягкие, мелкие, прнчиняли ему жестокую боль, н он ие мог успокоиться, пока ие устранял всего того, что вызвало иедовольство Верха.

Осиова деятельности Оннснмова: я выполняю указания сверху; вы выполняете мон. «Не рассуждать» — вот любимый лозуиг Оинсимова. Ои работает, как точиейшая машина, прекрасио владеет административной техникой, зиает все лабнрниты управленческого механизма, все тоикостн межведомственных отиошениӣ. Ои зиал, какие иадо предпрнннмать действия, чтобы «пробнть» иужное постановление.

Конечно, Оннснмов умел н «ускользать». Но эта его способность бесследио испарялась, когда речь шла о порученнях Сталнна. Сугубая точность, пунктуальность становились не только делом честн, святым долгом, но н щнтом для Оннснмова.

Было бы иеверно сказать: у Оннснмова ннтересы дела на первом месте. Точиее сказать, что у Онисимова вообще ие было каких-либо ннтересов, помимо интересов дела. Но нитересы дела ои понимал как нсполнительиость. С тех пор, как в 16 лет в подполье ои стал членом партнн, ои инкогда не пытался уклоияться, ускользнуть от выполнения партийных и государственных решений.

Напрнмер, когда после смертн Сталина запретнлн оставаться иа работе сверх 8 часов рабочего дня, Онисимов, как всегда, подчнннлся дисциплнне, но ои уходнл нз комнтета буквально последннм. Вечерние часы дома ему былн невмоготу, н теперь он захватывал с работы объемистую папку, чтобы заияться ею дома н спастнсь от «досуга».

Алексаидр Леонтьевич почти не переиоснт алкоголя. Он скромный труженнк. Даже за границей, в посольстве, угощая дорогих ему людей, он подал ужнн без водкн, без виus, даже без пива.

Единственная слабость Онисимова — непрерывное курение. Закурил он в 1938 году, когда решалась его участь и он чудом уцелел.

Когда в годы войны в буфет министерства попадали яблоки или икра, он неумолимо приказывал снабженцам отправлять их в детский сад.

Спецбуфет министерства обслуживал членов коллегии без оплаты, но Онисимов никогда этим не злоупотреблял. Он брал себе обычно стакан крепкого чая, бутерброд с сыром, сигареты. И сослуживцы следовали его примеру.

Онисимов годами носил залоснившиеся сзади до блеска темные в полоску брюки и столь же вытертый пиджак.

Еще будучи начальником главка, затем и министром, он ненавидел всякие надбавки к зарплате, не допускал ни для себя, ни для своего аппарата никаких добавочных вознаграждений. Перейдя в МИД, он отказался от доплаты за знание иностранного языка. Он считал, что назначенная ему зарплата и без того достаточно высока.

Когда удалось получить жаропрочную сталь для реактивных двигателей, Онисимов вычеркнул свою фамилию из списка тех, кто был представлен к премии. Он нетерпимо пресекал попытки подчиненных ему начальников — от министров до директоров — пристроиться, примазаться к открытиям, изобретениям, усовершенствованиям.

Он славился среди коллег своей неутомимостью, железным организмом. Из операционной он отправился прямо на работу. Только врачи знали, что у этого пятидесятилетнего человека сердце семидесятилетнего старика. Но отвлекаться на лечение он себе не позволял. Даже врач с трудом вытягивал у него какие-либо жалобы. Лекарства, давно выписанные врачом, лежали нетронутые.

Перед нами встает удивительный по цельности образ Руководителя Административной Системы. Он сам называл себя солдатом, «солдатом партии, солдатом Сталина». Он с гордостью и, несомненно, по праву считал себя таким солдатом. Онисимов говорит: «Уж если ты служака, то будь служакой с большой буквы». И он сам, несомненно, стремился быть им.

Таков Онисимов. Таковы его коллеги, которых писатель называет «воротилами и тружениками индустриальных штабов, однополчанами индустрии». Бек пишет, что это был слой работяг, которым история дала миссию приструнивать, подхлестывать; они скупы на похвалы, питают отвращение к самолюбованию и любованию успехами других.

Александр Бек не скрывает, что Онисимова даже окружающие его руководители считали образцом, что он «лучший среди них». Но именно эта исключительность подчеркивает типичность образа.

Действительно, перед нами идеал Административной Системы. Она требует таких руководителей, без них ее нет.

Казалось бы, перед нами нечто необычайно цельное: Система, Стиль и Руководитель. Казалось бы, при такой идеальной согласованности результатом могут быть только успехи. И они есть: лучшие танки второй мировой войны, первая в мире космическая ракета, реактивные лайнеры, поднявшиеся в Сибири ГЭС...

Но роман Бека замечателен правдой. А правда — это не только успехи. Бек сумел показать нам нечто не менее важное: неизбежность, необходимость отказа от Административной Системы и начало первой попытки ее реформы в середине 50-х годов. В этом, казалось бы, несокрушимом в своей логичности и цельности механизме абсолютно закономерно возникают внутренние коллизии, сбои, или, говоря словами писателя, «сшибки».

4. Сбои в управлении

Административная Система нуждается в работниках, изгнавших все личное, олицетворяющих собой только конкретный пост и соответствующую функцию. Это не личности, вернее, это личности, у которых должно остаться только то личное, что обеспечивает успешную работу Системы.

Но люди остаются людьми. И даже «железный» Онисимов оказывается подвержен глубоким родственным чувствам. Он скрыто, про себя, но очень остро горюет по несчастному, погибшему в лагерях брату, которого он сам в молодости вовлек в партию и подполье. Эта душевная ссадина не зарубцевалась. То был, пожалуй, единственный случай, когда он не выполнил указания Сталина, посоветовавшего ему в записке: забудьте о брате, бог с ним.

Но еще более опасным для Административной Системы являются «сшибки». Проблема «сшибки» — это проблема противоречия между тем, в чем лично внутренне убеждены руководители Системы, и тем, что они делают официально. «Сшибки» — это разлад мысли и дела, чувств и их проявлений. «Сшибка» — это болезнь Административной Системы.

«Сшибка», по И. П. Павлову, это столкновение двух противоположных импульсов, каждый из которых идет из коры головного мозга. Внутреннее побуждение приказывает поступить так, а человек заставляет себя делать нечто противоположное, ибо этого требует логика управления и привычка безусловно выполнять любой приказ сверху. А. Бек показывает, что «сшибки» в Системе не случайность, а неизбежное явление. Такой сшибкой была для Онисимова история с инженером Лесных, в результате которой он приобрел неизлечимую хроническую болезнь — «танец пальцев».

«Сшибки» не были уделом одного Онисимова. Его коллега заработал аритмию и систематически оказывается в больнице. Писатель Пыжов тоже постоянно страдает от сшибок, подстраивая литературу под вкусы Сталина и в итоге кутит и пьет. «Сшибкой» для директора металлургического завода Головин был приказ Онисимова прекратить начатые опыты. Собственно, назначение послом было последней «сшибкой» Онисимова с Системой.

Обстановка вырабатывала в характере скрытность, заставляла прятать переживания и еще больше страдать, не делясь ни с кем. Характер у Онисимова замкнутый, не открытый. Он умеет таить свои переживания. Не случайно сын называет отца «великим молчальником». Он не может, не умеет быть откровенным. Разучился этому давным-давно.

Опасаясь «сшибок», руководители стремятся ни на шаг не выходить за пределы своих прямых обязанностей. Мы ни разу не услышим и, главное, не почувствуем, что Онисимов думает о людях. Он выполняет директивы и указания Верха и Хозяина — с неосознанным стремлением «не рассуждать», чтобы не оказаться в ситуации очередной «сшибки».

В романе Бека постепенно вырисовывается еще один дефект Административной Системы — перегрузка Верха и бремя ответственности. Чем выше работник, тем тяжелее его ноша, тем труднее ему нести «шапку Мономаха».

Никому не доверяя, все перепроверяя, Онисимов неизбежно ограничивает круг вопросов, которыми он сам успевает заниматься. Вот комбинат на Шексне. Он сам выверил все цифры, сам изучил сметы, калькуляции и т. д. Вот поездка к Сталину с докладом. И опять Онисимов сам на счетах проверяет все цифры.

Ясно, что при таком методе на многое руководителя не хватит и

многое будет не решено просто в силу пределов физических возможностей человека, даже с такой фантастической работоспособностью, как у Онисимова.

Чтобы повысить отдачу и сберечь силы руководителя, Система стремится оградить его от любых личных забот. Система материально обеспечивает по максимуму — квартира, дача, спецбуфет, и вовсе не из стремления сделать его барином. Просто у Системы нет иного выхода. Чем полнее освобожден руководитель от забот о себе и семье, тем больше он принадлежит Системе.

Онисимов не только не знает проблем одежды, еды, отдыха. Он не знает даже, сколько стоит билет в Московском метро. Он вообще не имеет в карманах ни рубля. Многого, очень многого не знает этот глубоко эрудированный человек. Система сделала его узким профессионалом, чтобы он мог ей лучше служить.

И опять налицо внутреннее противоречие Системы: огражденный ею же работник все хуже способен служить ей же. Он ведь все больше отрывается от реальной жизни, все более узким становится его взгляд на нее. И хотя Онисимов любит ладонями изображать правильный, без «шор» взгляд на проблемы, у него самого становится все у́же прорезь, через которую он смотрит на мир. В силу многих факторов бремя ответственности оказывается для него все более тяжелым, порой чрезмерным.

В результате меняется и сам носитель власти. Сталин уже не проводит заседаний в зале, даже не собирает все Политбюро. На заседание, кроме двух-трех приближенных, никого не приглашает, разве что тех, кто нужен для обсуждения. Оценки проблем смещаются, и предложение воспринимается как приемлемое только потому, что оно отвечает желанию Сталина.

И сам Онисимов становится более нетерпимым. С годами он все больше не переносит, когда подчиненные ему перечат. В молодости он еще умел слушать возражения, но затем перестал выносить людей, которые с ним не согласны. «Делай мое плохое, а не свое хорошее»,— нередко повторяет он. Это итог многолетней работы в Системе.

Но, пожалуй, самая сложная проблема Административной Системы — поиск кандидатов на вакансии, проблема выдвижения кадров. Ведь и Орджоникидзе, и Тевосян, и сам Онисимов не продукты этой Системы. Они пришли в нее со стороны — из подполья, из гражданской войны. Они принесли в Систему свою веру в партию, свою дисциплинированность и беззаветную преданность делу. И пока в Системе сохранялись эти кадры (с их нормами нравственности), она функционировала.

Но вот надо назначить нового министра металла на место Онисимова, которого повысили в должности. Надо выбирать среди кадров самой Системы. А они — в соответствии с ее логикой — годами приучали себя не лезть в дела Верха, делать, что приказано. Чем идеальнее они были на своих местах, тем менее пригодны они для более высокого поста.

Преемником Онисимова на посту министра металла стал Цихоня. Имелись и не менее достойные кандидаты. Но Онисимов выбрал Цихоню: он был способным. Но не только. Он был самым покладистым, самым послушным среди способных. Поэтому первый же цикл кадровых перемен в Системе учитывает не только дело, но и личную исполнительность, преданность, покладистость.

Впрочем, ведь и самого Онисимова Сталин спас от репрессий и назначил наркомом именно с учетом личной преданности. Будучи невольным свидетелем спора Сталина и Серго Орджоникидзе — ничего

не поняв из происходившего на грузинском языке разговора,— Онисимов безоговорочно взял сторону Сталина. Сталин, впрочем, именно этого и хотел: он стремился получить ответ Онисимова об отношении к себе независимо от сути дела. И получил ответ, означавший заверение в личной преданности.

Логичен и своего рода ответный шаг Сталина. Спустя ряд месяцев в записке Онисимову он пишет: «Числил Вас и числю среди своих друзей. Верил Вам и верю...»

Личная исполнительность в Административной Системе сращивается с личной преданностью неразрывно. А это неизбежно вносит в нее элемент субъективизма, ее логичность подрывают ею же порожденные личные связи.

Вот случай с Серебренниковым — помощником Онисимова. Дело было во время войны. Онисимов поймал его на попытке взять в бесплатном буфете масло. Оказалось, масло предназначалось для маленького сына Онисимова. В подобных случаях Онисимов карал беспощадно любого. А здесь? Масло было возвращено в буфет, но Серебренников вскоре стал... начальником секретариата Онисимова.

В Административной Системе фактор личной преданности, как и фактор личной ненависти, действует в полной мере. Если все зависит от Верха, то нельзя упускать нн малейшей возможности укрепить свое положение. Наверху также надо полностью контролировать подчиненную себе часть Системы.

В итоге эта Система не может воспроизводить нужных себе руководителей. Она обречена на то, чтобы каждое новое назначение было хоть на вершок, но хуже предыдущего решения. В этой Системе найти нужные для нее кадры все труднее и труднее.

Есть в книге А. Бека еще один «слой». Она показывает, как личность калечится Системой, где роль людей, даже стоящих на весьма высоких ступеньках «лестницы управления», сведена к винтикам огромного государственного механизма. Дело даже не в противоестественном образе жизни, в том числе и лично Онисимова. Вопрос гораздо серьезнее: под воздействием Административной Системы он из активного борца за социализм, коммуниста-подпольщика превращается объективно в тормоз научно-технического прогресса, поступательного движения экономики. Мы уже не говорим о том, как противоречат жизнь и деятельность Онисимова самой социалистической идее, в центре которой — человек, его духовный мир и нравственный облик. В романе показано только, как глубока пропасть между Онисимовым и его сыном. Мы можем себе представить, сколько судеб он сломал, скольким талантливым людям перекрыл дорогу, в скольких душах посеял неверие в торжество конечного нашего дела своей гипертрофированной исполнительностью, приверженностью инструкциям, неприятием нового. И не Онисимову ли, вернее, его последователям мы обязаны многими бедами сегодняшнего дня — замедлением темпов экономического развития нашего общества и научно-технического прогресса, многочисленными нравственными потерями, нигилизмом среди молодежн?.. Впрочем, не станем преувеличивать вину Онисимова и не будем забывать, что он — писатель А. Бек показал это весьма четко, проведя подлинную исследовательскую работу,— детище Административной Системы, ее продукт и жертва одновременно.

И так — шаг за шагом — Бек на массе деталей показывает внутреннюю противоречивость, непрочность системы административного управления...

5. Сбои в научно-техническом прогрессе

Как бы ни были велики трудности самого управления в варианте Административной Системы, вопрос о ее целесообразности мог и не возникнуть, если бы она не начала давать сбои в ключевом звене объекта управления — в научно-техническом прогрессе.

В романе Александр Бек подробно исследует два, казалось бы, очень разных случая, связанных с научно-техническим прогрессом и деятельностью Онисимова, или, говоря шире, связанных с отношением Административной Системы и научно-технического прогресса.

Однажды, в 1952 году, в кабинете Онисимова зазвонил телефон. Звонил Сталин, просил находящегося там академика Челышева. Вот часть этого разговора:

«— Вам известно предложение инженера Лесных о бездоменном получении стали?

— Да.

— Что вы об этом скажете?

— Поскольку я с его замыслом знакомился, могу вам...

— Сами знакомились!

— Да.

— Так. Слушаю.

— На мой взгляд, Иосиф Виссарионович, предложение практической ценности не имеет...

— То есть дело, не имеющее перспективы? Я правильно вас понял?

— В далекой перспективе... Пока же...

— И изобретателю, следовательно, не помогли?.. Так что же, не помогли?..

— Не знаю.

— А я знаю. Вы с товарищем Онисимовым не помогли. Вместо вас это сделали другие. И хотя вы придерживаетесь взгляда, что изобретение практической ценности не имеет... Тем не менее у меня на столе лежит металл, лежат образцы стали, выплавленные этим способом...

— Выплавить-то можно... Но сколько это стоило?.. К тому же и печь пришла в негодность, кладка сгорела...

— Зачем, товарищ Челышев, подменять мелочами главное? Разве что-либо значительное рождается без мук?.. Главное в том, что новым способом выплавлена сталь. А остальное приложится, если мы, товарищ Челышев, будем в этом настойчивы... Таким образом, вы совершили ошибку... Но поправимую. Давайте будем ее поправлять. Этот металл нам нужен...»

Дело в том, что Сталин уже давно думал о том, как использовать дешевую электрическую энергию проектируемых в Сибири гигантских ГЭС. Идея Лесных отвечала на стоящий перед ним вопрос. И Сталин ухватился за нее. Как потом занес в записную книжку знаменитый писатель: «Небывалый революционный способ получения стали. Академик Ч., ученик знаменитого Курако, герой первых пятилеток, не понял. Министр О., член ЦК, инженер-металлург, не разобрался, не понял! Дошло до Ст. Он понял. И открыл дорогу этой революции в технике».

На деле все было гораздо сложнее. Инженер Лесных, преподаватель одного из сибирских вузов, давно с маниакальной настойчивостью добивался начала экспериментов по бездоменной электроплавке стали. Пробился к Челышеву. Челышев написал, что способ технически осуществим, но экономически нецелесообразен, так как чрезвычайно дорог. Это дело не нынешнего десятилетия. Изобретателю некоторую помощь в разумных пределах надо оказать, пусть возится. Работа выяснит некоторые теоретические вопросы, но рассчитывать на практическое применение способа Лесных в промышленности в обозримой перспективе нельзя.

Настырный изобретатель написал жалобу в ЦК. Оттуда ее переслали

министру Онисимову. Александр Леонтьевич со свойственной ему тщательностью изучил и чертежи, и вычисления, и все отзывы. Выводы Онисимова были более резкими, он даже упрекнул Челышева за мягкость: раз практически дело нереально, наше министерство за это не берется, есть Минвуз, где Лесных работает, пусть там ему и помогают.

И вот через два года дело дошло до Сталина. Оказалось, что ведомство лагерей, подчиненное Берии, занятое проектированием ГЭС в Сибири, подкинуло кое-какие средства Лесных на его опыты. Был получен металл, и Берия сразу же передал образцы Хозяину, чтобы подставить Онисимова под немилосердный удар Сталина.

И Онисимов и Челышев понимали, что от лабораторного результата до промышленного производства проходят годы. Но возражать Сталину Онисимов не решился — это означало бы, что он по-прежнему против новшества, упорствует в ошибке. Он также догадался, что в кабинете Сталина сидит Берия и страшная опасность нависла над ним.

Но главным был не недостаток мужества. В романе правильно отмечено: здесь действовала уже автоматическая, чуть ли не с силой инстинкта дисциплина, верность Сталину, каждому его слову, каждому указанию. Сама идея возражать Сталину была органически чужда Онисимову, как и любому руководителю в Административной Системе. И Онисимов ответил, как всегда: «Будет исполнено. Да, под мою личную ответственность».

Сталин приказал возвести за 18 месяцев новый завод в Сибири по способу Лесных, поручив дело той самой комиссии, которая в свое время единодушно отвергла этот способ, включив в нее представителя «Енисейэнерго», назначенного Берией.

Онисимов уцелел, план Берии не сработал. Постановлением Совета Министров, подписанным лично Сталиным, Онисимову был объявлен выговор «за зажим ценнейшего новаторского предложения». Сталин не сомневался, что Онисимов — пусть он в свое время отрицал изобретение, когда оно шло снизу,— теперь лучше, энергичнее кого-либо сделает все возможное и сверхвозможное, чтобы внедрить способ Лесных. И не тронул, не отбросил Онисимова.

Но для Онисимова «сшибка» собственных убеждений с верностью законам Системы оказалась трагической. Раньше он был убежден в целесообразности заданий. Теперь он впервые не верил, но приступал к исполнению. У Онисимова появилась тяжелая нервная болезнь.

А для страны все обернулось огромными затратами. Сверхсекретный «почтовый ящик № 332» стоимостью в 150 миллионов рублей рождался в непрестанных авариях, «закозлениях», прогарах, переделках, реконструкциях уже сделанного... Смерть Сталина позволила провести реальную оценку сделанного.

Завод посетила комиссия министерства, затем другая — Совета Министров. Выводы были уничтожающие. Завод и его печи были разрезаны.

Другой случай в области НТП, рассказанный в романе, связан с изобретением директора Головни. Долгие годы добивается Головня разрешения на практическое опробование нового способа плавки. Но Онисимов, получив отрицательное заключение специалистов наркомата, категорически запрещает продолжать опыты. А после войны выяснилось, что в США вся металлургия уже переходит на метод, похожий на тот, который предлагал Головня... И случай с Головней не единственный. В романе упомянуто, что такое же отрицательное отношение встретил офлюсованный

агломерат. И опять-таки только потому, что наверху ие иашлось у иего стороиииков и ои ие стал директивой. А техиический прогресс, ие ставший приказом, других путей в жизиь ие имел.

6. Кризис административной системы

Наличие «сбоев» и «сшибок» в Адмииистративиой Системе логичио ставит вопрос: идет ли речь о ее иедомогаииях и вызваииых виешиими причииами воспалеииях или о чем-то иеустраиимом, виутреиие ей присущем? Писатель не мог, естествеиио, охватить все стороиы этой проблемы, иад которой билась обществеииая мысль нашей страиы последиие 30 лет, которой посвящеиы докумеиты XXVII съезда партии и последиего, январского (1987 г.) Плеиума ЦК КПСС. Но материал ромаиа дает очень миого для поиимаиия поставлеииого вопроса. Собствеиио, и сам вопрос иапрашивается имеиио при чтении ромаиа.

Возьмем «сбои» в случаях с изобретеииями Лесиых и Головии. За личиыми взаимоотиошеииями между этими изобретателями и Оиисимовым иетрудио увидеть нечто большее. Причииа потерь, которые иесет страиа, в этих различиых по содержаиию случаях при глубоком размышлеиии вырисовывается только одиа: сосредоточение прав иа любое решение в области иаучио-техиического прогресса иа самых верхиих этажах управлеиия и волевые методы этих решеиий. Верх определяет, что считать НТП, а что им ие является. И как бы Верх ии был озабочеи иитересами страиы, сколь бы идеальиыми ии были его руководители, сами эти решения приимаются им волевые, субъективные. И при самых лучших иамереииях ошибка потеициальио заложена в этом механизме — ведь волевое и волюитаристское ие имеют объективиой граиицы между собой. Здесь одинаково вероятиы и смелые цеитрализоваииые вмешательства, ускоряющие НТП (вспомиим поездку Оиисимова и выпуск иебывалой жаропрочой стали для реактивиых двигателей), и торможеиие НТП (как было с Головией), и коицентрация ресурсов иа малоперспективиых пока что иаправлеииях НТП (как было с Лесиых).

Иижеиера Лесиых Бек изображает как маииакальио одержимого изобретателя. Можио поиять симпатии академика Челышева к этой маииакальиости: ведь без таких людей никакой НТП невозможеи. После иеудачи со строительством завода Лесиых заработал одии за другим два иифаркта, ио виовь иеукротимо пытается иачать опыты. Но теперь к иему то же самое отиошеиие, которое встретил в свое время Головия: иет указаиий, вами заииматься ие будем... Все печи, включая экспериментальную, разрезаиы автогеиом. Точио выразился Челышев: «Черт, азиатчииа. Формеииая азиатчииа. Шарахаемся как... Зря оторвали человеку руки-иоги. Одиу печку следовало бы ему оставить, пусть бы возился. Кому от этого было бы плохо?» Ясио кому — Системе. Оиа не шарахается, оиа просто ие может теперь иикак поддерживать Лесиых — с той же логичиостью, с какой оиа в свое время его подиимала, когда были «указаиия».

Для Адмииистративиой Системы изобретеиие стаиовится изобретеиием, а НТП — НТП только в том случае, если иа иих этот штамп поставит Верх: в виде плаиа, директивиого задаиия, стаидарта и т. д. Изобретеиие Головии — иоль, пока ие оформлеио приказом. А изобретеиие Лесиых перестает быть таковым в ту же секуиду, как только его исключат из плаиа. И глубоко логичеи вопрос Головии Оиисимову: «Если бы сверху вам сказали: окажи содействие, то я бы получил от вас все иеобходимое, иезависимо от того, хорошее или плохое предложеиие?»

Столкновение Головии и Лесиых с Оинснмовым — это столкновение Админнстративной Системы и иаучио-техиического прогресса, научно-технической революции. Эта система ие прнспособлеиа к ииым по уровию решеиия, чем цеитрализоваииые, к ииым по типу решеиия, чем волевые. Оиа способиа иа поиск, но только в совершеииб коикретном, ограничеином варианте: еслн ои идет сверху. Но состав руководителей в Системе, как мы видели, иеизбежио ухудшается. Перерождаются пришедшие в иее кадры — из-за перегрузок, бремеии ответствеииости, бескоитрольиости в отиошеиии подчииеиных. Назиачаются иа руководящие посты воспитаииые этой Системой все более исполиительные распорядители.

Весьма характерен в иаркомате Онисимова профессор Земцов, очень крупиый специалист. Попутно Земцов — автор шахматиых этюдов, кииг по шахматам. Одиако в поездках, играя с Оиисимовым, частеиько проигрывает своему иачальнику. И тут иельзя удовлетвориться объясиеиием Земцова: одио дело — шахматиая теория, другое — практика. Скорее тут другое: и в области виеслужебиых функций Земцов ие может ие уступить шефу. Писатель неумолим: имеиио этот уступчивый Земцов дает главное отрицательиое заключеиие по прогрессивиому предложеиию Головнн. И хотя трудио сказать, как конкретно влияет уступчивость Земцова на его отрицательиую оценку иовых идей, ио это влияиие налицо. Возникает все усложияющаяся ситуация: Система предполагает оценку вариантов НТП только наверху, а наверху оказывается все больше людей типа Земцова, людей «зашоренных» н воспитаииых исключительио в духе исполиительиости, безыиициативиости.

Пока страиа осваивала уже имеющийся в мировом арсеиале НТП, отиосительиые преимущества Адмииистративиой Системы перекрывали ее недостаткн. Во виедреиин НТП есть этап, когда заводы уже построеиы н все силы надо сосредоточить на соблюдении правил грамотной работы. И стиль Онисимова иаиболее соответствовал этому этапу индустриализации.

А вот когда надо оцеиивать варианты нового НТП, допустить различиые поиски — и Головии и Лесиых,— тут волевые способы руководства неизбежно обремеиеиы ошибками. Особеино тяжело стаиовится Адмииистративиой Системе в условиях иаучио-техиической революции, когда уже ие отдельиые изобретения, а их поток обрушивается ежедиевно на производство. Не имея объективных экоиомических критериев, приинимающие решеиия иеизбежно оказываются заложииками заграницы: всегда правильио то, что уже там примеияется.

Дело, такнм образом, ие в самой Адмииистративной Системе. Дело в кореииом изменении задач, которые иадо решать экоиомике, созданиой усилиями этой Системы. Дело коикретио в изменеиии масштабов и темпов НТП.

В ключевой для второй половины XX века проблеме — проблеме иаучно-технического прогресса — Административная Система оказывается все более и более несостоятельной. Этот вывод ромаиа А. Бека, им прямо ие сформулироваииый, ио всестороиие обосиоваииый всем ходом ромаиа, имеет фуидаментальное значение для иаших размышлений о судьбе Адмииистративной Системы, о иеизбежиости ее смены, о сути ее перестройки.

Александру Беку удалось наглядио показать еще одиу важиейшую сторону кризиса Административиой Системы — я бы ее иазвал сиидромом Берии.

Не раз появляется на страницах ромаиа эта фамилия. Оиисимов когда-то бросил ему в лицо: «Не могу вам, Берия, доверять!» Этого Берия ие забыл. Онисимов зиал, что

он только ждет случая расправиться. Онисимов и Берия, оба члены ЦК, разговаривали на ты, но рука Берии все годы была занесена над Онисимовым.

Скорее всего, это хорошо знал и Сталин. Но он спокойнее чувствовал себя именно в условиях смертельной вражды между подчиненными и считал такую вражду не только нормальной, но даже полезной для Административной Системы.

По ходу романа постепенно становится все яснее, что личная вражда Берии и Онисимова скрывает нечто более важное — обязательную, характерную черту самого механизма руководства.

Берия страшен не сам по себе, а страшен своей связью со Сталиным. Заслуга Александра Бека, на мой взгляд, в том, что он заставляет нас глубже, я бы сказал, научнее осознать бериевщину. С одной стороны — это беззаконие, эксцессы, болезнь Административной Системы. Ведь кадровые репрессии наносят наибольший урон именно жестким административным системам. Но с другой стороны — и тут в романе сделан шаг вперед в нашем взгляде на ту эпоху,— Берия постепенно воспринимается и как продукт, и как обязательное, необходимое звено Системы. Без Берии Сталин никогда не мог бы стать Хозяином, а без них обоих Административная Система не смогла бы приобрести логичную завершенность, цельность, практическую эффективность.

Если Онисимов как следователь «висит» над всеми своими подчиненными, то должен же кто-то «висеть» над самим Онисимовым? Над всеми Онисимовыми? Должна же быть обстановка, когда Онисимов даже с женой в машине говорит мало, так как «при шофере лучше помолчать». Тут одного Хозяина не хватит. Тут нужен мощный механизм. Тут неизбежен Берия в той или иной форме.

Страх — обязательный элемент более или менее жесткого механизма администрирования. И трудно сказать, какая доля в беспредельной четкости и исполнительности Онисимова связана с этим страхом, а какая сформирована верой в правоту Хозяина. И так ли уж оторваны друг от друга и эта вера, и этот страх?

Да и самому Онисимову нужен Берия. Не имея достаточных рычагов материальной и моральной мотивации, Онисимов эффективно командует своими подчиненными не в последнюю очередь и потому, что над теми тоже занесена «рука Берии» — в лице каких-то из его подчиненных. Онисимов, скорее всего, не хочет об этом думать, но ведь подчиненные это сознают...

Вот и выходит, что сама внутренняя логика Административной Системы требует подсистемы страха, требует права Верха в любой момент сместить любого нижестоящего без объяснения причин этого смещения. И это право может — в силу ряда условий — вырасти в право вообще устранить подчиненного из жизни. Вопрос о конкретных формах этой подсистемы — сам по себе важный — для нашего вывода не столь существен. Важно, что такая подсистема была нужна для обеспечения эффективного администрирования. Поэтому необходимость Берии заложена в сути Административной Системы, а реализоваться эта возможность может и в относительно культурном, и в наиболее варварском виде.

Вот почему подлинное «покаяние», подлинное отречение от Берии может быть только в одном случае: если мы поймем, что должна быть перестройка всей системы административного управления.

И очень характерно, что ненавидящий Берию Онисимов сам воспринимает лагеря, где не столь давно погиб любимый брат, и сосредоточенные за колючей проволокой массы заключенных как своего

рода трудовые соединения, высоко дисциплинированные, дешевые, всегда готовые к перемещению на новые стройки, хорошо себя зарекомендовавшие. Для Онисимова это нечто допустимое, вполне позволительное при создании ударных строек коммунизма.

Берия, пишет А. Бек, постепенно стал охватывать и ряд народнохозяйственных задач, год от года все более крупных. Ни одно большое строительство уже не обходилось без его участия, ни один крупный научно-технический проект. Эту сторону Бек подчеркивает совершенно справедливо.

Я пишу об этом ради того, чтобы полнее понять, что такое Административная Система и сколь сложной задачей является ее подлинная перестройка. И если наш строй и все мы не можем, не хотим смириться с любыми формами бериевщины, то мы обязательно должны понять, что только преодоление самой Административной Системы уничтожит то поле, на котором могут вырастать подсистемы страха.

Итак, кризис Административной Системы в романе «Новое назначение» имеет как бы три плоскости. Социальную — связанную с необходимостью устранить систему Берии. Экономическую — связанную с необходмостью обеспечить мобилизацию всех резервов роста эффективности производства. И научно-техническую — связанную с необходимостью освоить все виды НТП, все достижения научно-технической революции. Вот почему с такой силой и с таким обобщением звучат слова директора Головни: «*промышленность* так жить не может, и *вообще* так жить *нельзя*» (подчеркнуто мною.— *Г. Х.*).

7. В чем ошибся Онисимов?

Хотя роман называется «Новое назначение», в центре событий не переход Онисимова на пост посла в одну из северных стран («Тишландию», как в шутку ее называет Онисимов), а именно его освобождение от должности председателя Госкомитета Совета Министров СССР. И сам Онисимов, и окружающие его лица, и автор романа постоянно обсуждают в основном именно уход.

В жизни Онисимова опасность снятия впервые нависла как серьезная угроза в период репрессий конца 30-х годов. Онисимов уцелел, написав письмо Сталину с просьбой о партийном расследовании своей деятельности как начальника танкового главка. Письмо передал Сталину родственник жены Онисимова, видный деятель партии.

Естественно, что потом Онисимов не раз размышлял над тем, почему он уцелел и стал наркомом. Онисимов считал, что уцелел он не случайно, а закономерно.

Во-первых, сыграла роль его борьба с оппозицией и беспредельная, нерассуждающая преданность руководству партии и лично Сталину. Во-вторых, важное значение имела та главная черта его натуры, которая выработалась еще в годы подполья,— безукоризненная, четкая исполнительность, в которой он находил и удовлетворение, и наслаждение и которой он ни секунды не тяготился.

Но Онисимов считал, что помогло и другое. Он успел получить техническое образование. Он, не жалея сил, учился. Он освоил технику и технологию лучших заводов мира, освоил до деталей, стал знатоком металла. А металл был сердцем индустриализации — главного дела Сталина.

Топор репрессий, по мнению Онисимова, в 30-е годы очистил промышленность от тех руководителей, которые, кроме политики, никакой специальностью не обладали и стали опасными для хозяйства.

При этом он как-то не замечал, что репрессии нередко захватывают и тех, кто, казалось бы, по всем статьям достоин новых постов.

Да и работа самого Онисимова под занесенной рукой Берии явно не укладывалась в его же схему. Но об этом он не хотел думать.

И вот теперь Онисимов смещен. И он никак не может понять, за что же.

Конечно, давно шли толки об изменении прежних, строго централизованных методов управления, о необходимости инициативы на местах, о расширении прав низа. К этим толкам он относился настороженно, так как в его отраслях все держалось на четко выработанных в центре инструкциях и контроле за их соблюдением. Поэтому при обсуждении вопроса об упразднении министерств и создании совнархозов Онисимов высказал свое мнение, советуя быть осторожными, не допускать поспешности в реорганизации управления, не прибегать к крутой ломке. Он защищал целесообразность существования своего комитета и подведомственных ему министерств. Привел ряд доводов на заседании Комиссии ЦК по этому вопросу. Его выступление, сугубо деловое, было встречено молчанием. С ним спорить не стали.

Но ведь там происходило лишь самое предварительное обсуждение вопроса. Ведь любое решение — кто в этом может усомниться? — он принял бы как дисциплинированный, верный член партии. Почему же, почему его убрали из промышленности, отстранили от дела, которое составляло его жизнь?

Академик Челышев, сам Александр Бек и Григорий Бакланов, автор предисловия к роману, склоняются к следующей версии.

Онисимов чересчур сросся с одной из форм управления. Он не в силах перерасти смену порядков. Поэтому его и сместили. «Вылезайте душой из тех времен! Чего они к вам цепляются?» — говорит Челышев Онисимову.

Определенная правда в этой трактовке есть. И если бы эта версия была верна, то роман А. Бека был бы для нас полезным и поучительным уроком того, что есть кадры, которые неспособны вылезти из тех форм управления, что их взрастили, с которыми они сами срослись, носителями которых они стали. Поэтому быстрейшая смена, замена таких руководителей неизбежны. Нельзя тратить время и силы на переделку этих столпов старого. Чем скорее их убрать, тем лучше для перемен, какими бы крупными прежние заслуги этих работников ни были.

Как будто в пользу этой версии, поучительной и для нашей сегодняшней перестройки, в романе есть немало доводов. Онисимов действительно боится, что при ликвидации министерств и замене их десятками совнархозов ослабнет централизованная работа над созданием научно обоснованных нормативов, ослабеет единый контроль и итогом будет расшатывание технологической дисциплины и снижение качества продукции. Онисимов боится, что после упразднения министерств и без того немногочисленные высококвалифицированные кадры штаба отрасли распылятся, а и без того недостаточно дисциплинированные работники заводов получат право на нарушения.

Но замечательная сила правды жизни — а именно ей следовал Александр Бек в своем романе — позволяет мне выдвинуть иную версию смещения Онисимова. В романе много фактов, объяснить которые может только новая трактовка смещения.

Начнем с тезиса о том, что Онисимов не может приспособиться к переменам. Такого типа работников при перестройках выявляется немало. Но принадлежит ли сам Онисимов к таким руководителям? Вот тот же академик Челышев уверен, что Онисимов может приспособиться и работать в новых условиях. Не случайна же его реплика: «Перед вами еще будущее!» Значит, объективно Онисимов может жить и ра-

ботать в будущем. Сходную позицию занимает и Серебренников, многоопытный начальник секретариата Онисимова. Он считает, что Оиисимов смещен под горячую руку и еще может вернуться к работе в индустрии.

А если Онисимов сам считает, что «может работать», если окружающие тоже считают, что «может работать», то версия о его абсолютной несовместимости с новыми временами как причине смещения повисает в воздухе. Конечно, Онисимову было бы нелегко. Надо было бы научиться передавать права подчииенным, допускать их поиск. Надо было бы — тут тоже от правды нельзя уйти — как-то терпеть и вранье подчиненных, и их попытки за счет государства удовлетворять свои прихоти — то ли в технологии плавки, то ли в оформлении заводского двора. Словом, надо было бы иаучиться многому, с чем не мирилась душа Онисимова. Вот почему я тоже думаю, что Онисимов мог бы работать и в условиях совнархозов — как работали десятки других хозяйственных руководителей бывших министерств.

За что же тогда сместили Онисимова?

Обратимся к фактам романа. Факт первый. Серебренников не стремится уехать с Онисимовым в «Тишлаидию». Почему? Ведь он всю жизиь на первое место ставил себя и свои интересы. И если бы перестройка была действительно кардинальной, серьезной, ставящей на карту судьбу аппарата (и Серебренникова), то он бы уехал с шефом. Но само решение Серебренникова остаться можно истолковать только так: перемены, считает он, не будут столь радикальными, как кажется. И место для таких, как он, всегда найдется и в новой системе. Соответственно новизна ее не столь значительна.

Факт второй. Сослуживцы Онисимова, его подчиненные и коллеги, провожая его на аэродром, тоже не считают, что Административная Система меняется кардинально. Они как-то нутром чувствуют, что «все утрясется», что «поухает, поурчит гром и угомонится». Больше того, онн уверены, что Онисимова «вновь призовут в индустрию».

Факт третий. Академик Челышев, по существу, оценивая уже новые времена, говорит: «У нас любят, чтобы под рукой был человек, с которого за все можно спросить. А то и спустить с него трн шкуры. Тогда и найдут вас: как раз место для вас». Следовательно, н он не видит кардинальных перемен.

Факт четвертый. И в условиях перестройкн все так же отчаянно борется за свое изобретеиие Головня, направляя новое письмо в ЦК. Министр Цихоня говорит ему: «Что же ты, Петр Артемьевич, сразу адресуешься в ЦК? Не мог, что ли, прийти ко мне? Или написать нам в министерство?» Петр отвечает: «Как член партии, используя свои права...» — «Господи, мы сами бы тебе все организовали».— «Знаком, товарищ министр, с вашей организацией».

Так, деталь за деталью, мелочь за мелочью (вплоть до описания порядков в правительственной больнице, которые «устояли» при всех перестройках), Александр Бек — не знаю, сознательно ли, но явно в соответствии с правдой жизни — подводит нас к иному объяснению отставки Онисимова.

Вдумаемся еще раз в события перед отставкой. Что сделал Онисимов? Он высказал в ходе предварительного обсуждения возражение против решения, к которому — судя по всему, судя по Комиссии ЦК — уже склонялся Верх. Онисимова сместили не за то, что он сопротивлялся — нет, до этого не дошло,— а за то, что он позволил создать впечатление о своей неготовностн выполнить директиву Верха.

Другими словами, его сместили за главное и недопустимое преступление в Административной Систе-

ме — за иеготовность немедленно, беспрекословио выполиить приказ. За то, что ои плохой солдат и исполиитель. Его сместили за иехватку нменно того, что он счнтал — н верио считал — своей сутью, своей главиой добродетелью. Оиисимов нарушил законы Адмиинистративной Снстемы. Собствеиио, даже ие нарушил. Создалось впечатление, что он может стать иарушнтелем. Услышав о совнархозах, Оиисимов ие сделал того, что делал всегда, всю свою жнзнь,— не сказал, став возле телефоииого аппарата по стойке «смирио»: «Слушаюсь. Вы правы. Будет сделаио. С полиым иапряжением сил. Под мою ответствеииость».

Но если в этом причииа отставки Онисимова, то логнчеи второй вопрос: в чем же ошибся Онисимов? Почему он, всю жизнь выступая ндеальным исполнителем, вдруг отступил от этой роли?

Зададим другой, вспомогательный вопрос. Позволил бы Оиисимов высказать малейшее сомиеиие в отиошеинн совиархозов, если бы это было предложеиие Сталиииа? Если бы еще был на месте Берия? Я думаю, что ответ очевидеи. Оиисимов сказал бы: «Есть!»

Зиачнт, уход Сталииа, разоблачеиие Берин, XX съезд партин, делегатом которого был Оиисимов, со слезами на глазах слушавшнй доклад Н. С. Хрущева о культе лнчиости,— только это и могло быть причииой нзмеиеиия поведеиня Оиисимова.

Мы подходим к главиому выводу. Онисимов позволил себе отойтн от стереотипиой роли бойца за выполнеиие директив, потому что он всерьез решил, что Административиая Система измеиилась. Он знал Снстему, ее законы. И не посмел бы их нарушить, если бы не считал, что теперь времена уже новые. Не коифликт с новым, а именно вера в то, что это иовое *уже наступило,* привело к появлеиию у Онисимова зачатков самостоятельиости, и он позволил себе самые робкие возражения и сомиеиия по поводу директивы Верха.

Главная ошибка Оиисимова в том, что Адмииистративиую Систему он отождествлял с одиой ее коикретной формой — со Сталииым, с Берией. И устраиеиие этой *формы* Адмииистративиой Системы ои воспрниял как иачало отхода от ее *сути.*

А между тем его вывод об отказе от Адмииистративной Снстемы был явио преждевремениым. Речи и намереиия ои прииял за дела и реальные изменения, желание отойти от прошлого — за фактические перемеиы. Ои не поиял того, что видел даже его сын: «у иовых времеи зубки еще ие прорезались». Для руководителя такого масштаба, «следователя», умеющего «вытянуть правду», такого рода заблуждеиие совершенио иепростительио. За это ои и был сразу же иаказаи, иаказаи отставкой...

И эта ошнбка Онисимова, несомиеино, иаиболее поучительиый урок для всех иас из посмертиого ромаиа Александра Бека. Ведь ие только Оиисимов, ио и Н. С. Хрущев, н все мы думали, что, устраинв из Административиой Снстемы культ личности, мы уже решим все проблемы нашего будущего. Теперь, с позиций исторического опыта, мы видим, что это ие так. Снстема иам отомстнла...

Не оправдались н иадежды, связаииые с реформой 1965 года, когда мы полагали, что стонт ограничить в Адмииистративиой Снстеме масштабы адмииистрнрования, укрупнив его, сосредоточив иа главном, дополиив экоиомнческими рычагами, то удастся опять-таки решить проблемы иашего общества. Система устояла, оиа оказала стойкое сопротивлеине реформам. Оиа, будем нметь мужество призиать это, победила н даже в чем-то укрепилась.

Вот почему к статье политического обозревателя А. Бовниа в № 5

(1987 г.) журнала «Новое время» об уроках прошлого, о крахе надежд 1956 и 1965 годов надо обязательно добавить, что дело не только в ушедших в песок планах, но прежде всего в том, что сами наши планы и в 1956 и в 1965 годах исходили из возможности сохранения в реформированном виде Административной Системы и потому не были реальными, не касались сути Административной Системы.

И проблема — и это ясно указал XXVII съезд и еще раз подчеркнул январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС — состоит в том, чтобы отказаться от нее, заменить ее на новую систему, соответствующую современному этапу развития социализма, опирающуюся не на администрирование, а на экономические и демократические методы и формы.

Ведь Административная Система — вовсе не синоним Социалистической Системы, она никогда не охватывала весь наш строй, это один из преходящих этапов.

Это невероятно сложная задача, причем не только в силу своей принципиальной новизны, но и потому, что ревнителей, сторонников старой Системы не так мало, как может показаться на первый взгляд. Об этом я думаю, когда читаю в газетах и узнаю из передач радио и телевидения о многочисленых продолжающихся негативных явлениях и главном из них: попытках исказить смысл партийных и государственных решений (ввести, например, выборы директора, но при одном кандидате и открытые).

Многие, возможно пока даже еще очень многие, тоскуют по временам, как им кажется, образцового порядка. Многим кажется, что стоит вернуться к методам руководства сталинского типа, и разом удастся покончить и с недисциплинированностью на производстве, и со срывами планов, и с погоней за легкой наживой, с корыстолюбием, с наркоманией, и со многим другим, с чем мы сейчас ведем жестокую, бескомпромиссную, открытую, гласную борьбу. Но немногие задумываются, что истинные корни всех этих явлений лежали именно в Административной Системе, они росли и пускали все новые побеги именно в те годы, когда Система процветала и укреплялась. Именно тогда, в те годы, возник никак не свойственный идеалам социализма разлад между словом и делом — благодатная почва для очковтирательства, приписок, обмана государства, незаконного присвоения незаработанных денег и благ. Эти явления вызвали, напомним, протесты изначально чистого и честного Александра Леонтьевича Онисимова. Но сколько рядом с онисимовыми жило и работало приспособленцев-конформистов, умело извлекавших личную корысть из недостатков Административной Системы. Сейчас об этом можно уже с полной ответственностью сказать: мы продвигались бы вперед гораздо быстрее и прошли бы в поступательном движении гораздо больший путь, если бы нашли в себе силы и мужество отказаться от нее раньше.

Вот почему и сегодня, через 30 лет, через год после XXVII съезда, волнует нас судьба Онисимова. Ведь и сегодня есть реальная опасность утопить дело перестройки, принять, как это сделал Онисимов, намерения за дела, слова — за реальные изменения, изменения форм — за перестройку сущности. Не случайно М. С. Горбачев на январском Пленуме ЦК партии отметил, что «дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше». В предостережении всех нас от опасности серьезнейшей ошибки я вижу главную заслугу Александра Бека, и это заставило меня, далекого от литературы человека, написать этот отклик на его роман.

Содержание

В заключение раздела

3.
Из истоков...

С позиции ученого

Практические эксперименты

В заключение раздела

ОБРАТНОГО ХОДА НЕТ

Перестройка в народном хозяйстве:
общие проблемы, практика, истоки

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Е. М. Аветисян*
Младшие редакторы *И. В. Коноплянникова, О. В. Попова*
Художник *И. К. Маслова*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7842

Сдано в набор 24.02.89. Подписано в печать 23.06.89. А 00051. Формат 60×90[1]/[16]. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34. Усл. кр.-отт. 34,75. Уч.-изд. л. 44,86. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4865. Цена 2 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

В. Селюнин

Е. Ясин

Д. Валовой

С. Ситарян

Е. Гайдар

В. Кабаидзе

Н. Травкин

Р. Белоусов

В. Тихонов

Г. Лисичкин

М. Вагин

В. Стародубцев

Ал. Авдеенко

В. Рутгайзер

С. Федоров

В. Новожилов

В. Немчинов

В. Немчинов

Е. Либерман

А. Бирман

А. Радов

В. Кокашинский

Н. Алексеев

В. Белкин

В. Переведенцев